63.3(2)
5833

Б833

М. Бородкинъ.

ВОЙНА 1854—1855 гг. НА ФИНСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Съ 127-ю иллюстраціями.

БИБЛИОТЕКА Клуба им. Карла Маркса Смольный

БИБЛИОТ... Государственного ... ситета ... АС Р ... № 85

38 к 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
1904.

М. Бородкинъ.

Шифр.

Инв. № 4222

ВОЙНА

1854—1855 гг.

НА

ФИНСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Съ 127-ю иллюстраціями.

БИБЛИОТЕКА
Ленингр. отделения
Комунист. Академии
при ЦИК СССР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

ПРЕДИСЛОВІЕ 1

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ:

Взаимныя отношенія Россіи 5
„ „ Франціи 17
„ „ Англіи 20
„ „ Пруссіи 23
„ „ Австріи 26

II. НАЧАЛО КАМПАНІИ 1854 Г.:

Флотъ союзниковъ въ Балтикѣ 33
Наша морская оборона 47
Финляндская флотилія 53
Проектъ (Гартмана) о вольной флотиліи 56
Мнѣнія адмираловъ 58
Мины 62
Сигнальный телеграфъ 66
Сухопутная оборона 64
Крѣпости 64
Поселенныя войска 73
Свѣдѣнія о движеніи непріятеля 85

III. КАМПАНІЯ 1854 ГОДА:

Дѣло при Экенесѣ 87
„ „ Гангеуддѣ 92
Поджоги въ Брагестадѣ и Улеоборгѣ 99
Дѣло при Гамле-Карлебю 108
„ „ Або 112
Бомарзундъ (на Аландѣ) 118

IV. ВЪ ПЛѢНУ:

Во Франціи 179
Въ Англіи 186

V. ШВЕЦІЯ 189

СТР.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ 1855 ГОДА:

Составъ и численность войскъ въ Финляндіи 224
Мнѣніе ген.-м. Д. А. Милютина 229
Комитетъ по оборонѣ Балтійскаго побережья 233
Первая Государственная дружина 237
Электрическій телеграфъ 238
Подводная лодка 239
Минныя загражденія 241
Записка патріота 242
Общее настроеніе 243
Каррикатуры 245
Генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Бергъ 247
Кончина Государя Императора Николая I 248

VII. КАМПАНІЯ 1855 ГОДА:

Нападеніе на Гангэ 253
„ „ Нюстадъ 258
„ „ Раумо 260
Пожаръ г. Ловизы 262
Выборгъ 265
Нападеніе на Фридрихсгамъ, Гамле-Карлебю и другіе города. Истребленіе Котки 273
Свеаборгъ 280

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ:

Царь въ Финляндіи 326
Пожертвованія 329
„Военный факультетъ“ 330
Отношеніе населенія къ войскамъ 331
Поведеніе аландцевъ 338
Фронда („безкровные“) 348
Лоцманы 351
Мечты о Скандинавскомъ союзѣ 352
Духовенство 359
Рескриптъ 22-го марта 1856 г. 364
Рѣчь ген.-адъют. Ѳ. Ѳ. Берга 364

IX. ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ И УБЫТКИ 366

ПРИМѢЧАНІЯ 375

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

СТР.

1. Императоръ Николай I 1
2. Отъѣздъ Непира изъ Англіи. Каррикатура В. Невскаго. Изъ «Зеркала для англичанъ». Спб. 1855 г. 33
3. Появленіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ 35
4. Портреты Барагэ д'Илье, Парсеваль-Дешена, Плюмриджа и Непира 37
5. Баре-зундъ. Съ рисунка профес. А. Боголюбова. Альбомъ морскихъ видовъ сѣверн. берега Финскаго залива. 1866 г. Изд. Гидрографич. Департ. Морск. Мин. 39
6. Видъ Барезунда. Изъ собранія Севастопольскаго музея 41
7. Непиръ на мачтѣ у Кронштадта. Каррикатура Н. Степанова . . . 45
8. Непиръ ловитъ рыбу. Каррикат. В. Невскаго. Изъ «Зеркала для англичанъ» 46
9. Вице-адмиралъ И. П. Епанчинъ 2-й 49
10. Контръ-адмиралъ Б. А. фонъ-Глазенапъ 51
11. Карта Финляндіи 53
12. Сигнальный телеграфъ 55
13. Генералъ-лейтенантъ А. И. Гильденштуббе 57
14. Генералъ-маіоръ И. А. Базинъ 59
15. Генералъ-лейтенантъ Л. И. Драке 61
16. Видъ форта Славы. Изъ «Finland framställdt i teckningar» 63
17. Генералъ-лейтенантъ баронъ П. И. Рокасовскій 65
18. Генералъ-маіоръ І. М. Норденстамъ 67
19. Генералъ-лейтенантъ Э. А. Рамзай 71
20. Генералъ-маіоръ О. Г. фонъ-Бломъ 73
21. Генералъ-маіоръ фонъ-Вендтъ. Рисов. В. Сверчковъ 75
22. Генералъ-маіоръ А. А. Баранцовъ 81
23. Видъ гор. Экенеса. Изъ «Путешествія по Финляндіи». З. Топеліуса 87
24. Планъ берега у Витсанда и Экенеса 89
25. «Аррагантъ» и «Гекла» у Экенеса 91
26. Могила подполк. Дергачева 92
27. Карта Гангеудда 93
28. Фортъ Густавсвернъ. «Эскизы войны въ Финляндіи 1854 г.». В. Сверчковъ 95
29. Генералъ-маіоръ Е. И. фонъ-Моллеръ. Тамъ же 96
30. Атака укрѣпленій Гангэ 97

СТР.
31. Заливъ у Брагестада 100
32. Планъ Брагестада 101
33. Верфь г. Брагестада 102
34. Видъ г. Улеоборга 103
35. Планъ г. Улеоборга (1900 г.) 104
36. Часть набережной гор. Улеоборга 107
37. Планъ мѣста сраженія у Гамле-Карлебю 109
38. Начало сраженія у Гамле-Карлебю. «Эскизы войны въ Финляндіи 1854 г.». В. Сверчкова 110
39. Сдача англійскаго баркаса у Гамле-Карлебю. «Эскизы войны въ Финляндіи 1854 г.». В. Сверчковъ 110
40. Сраженіе у Гамле-Карлебю. Народное изданіе 111
41. Чтеніе рапорта Плюмриджа. Каррикатура Н. Степанова 112
42. Планъ г. Або и его окрестностей 113
43. Сраженіе при Або 10 авг. 1854 г. Изъ «Морск. Сборн.» 115
44. Флотъ союзниковъ на пути къ Аланду. Изъ собранія Севаст. музея . 119
45. Бомарзундская оборонительная казарма. Изъ «Finland framställdt i teckningar» 120
46. Планъ остр. Аланда. Изъ «Инжен. журн.» 123
47. Видъ Бомарзунда. Изъ собр. А. М. Заіончковскаго 124
48. Генералъ-маіоръ Я. А. Бодиско 127
49. Штабсъ-капитанъ В. Викбергъ 129
50. Береговая батарея около Бомарзунда. Изъ изданія Севаст. музея 131
51. Подполковникъ А. Э. Краузольдъ 133
52. Видъ Бомарзунда и атакующей эскадры 134
53. Видъ французской батареи. Изъ книги Léon Guérin. «Histoire de la dernière guerre de Russie» (1853—1856)» 134
54. Видъ франц. батареи № 4. Изъ собранія П. Я. Дашкова 136
55. Карта Бомарзунда и его окрестностей (франц.) 138
56. Пароходъ «Бульдогъ» у форта Бомарзундъ. Изъ «Русскаго Худож. Листка» В. Тимма 141
57. Планъ башни С.—Чертилъ кап. Теше 142
58. Штабсъ-капитанъ Теше 143
59. Поручикъ Я. Я. Звѣревъ 144
60. Нотвикская башня U. Изъ собр. Севаст. музея 145
61. Видъ Бомарзунда и атакующей эскадры. Изд. въ Carlsruhe . . . 146
62. Поручикъ Шателенъ 149
63. Башня Z на Престъ-э. Изъ собранія Севастоп. музея 150
64. Англичане и французы совокупными силами берутъ «очагъ Бомарзундъ». Изъ «Зеркала для англичанъ» 151
65. Англо-французская батарея (со стороны Нотвика) 154
66. Внутренній видъ форта Бомарзундъ. Изъ собранія Севаст. музея . 157
67. Адмир. Парсеваль у форта Бомарзундъ. Изъ собр. Севаст. музея . . 159
68. Развалины Бомарзунда 161
69. Военный госпиталь на Престъ-э. Изъ «Finland framst. i teckningar» . 165
70. Панорама разрушенныхъ Бомарзундскихъ укрѣпленій. Рисовалъ съ натуры I. F. Meyer. (Стокгольмъ) 167

стр.
71. «Бомарзундская сиротка». Изъ собр. Севаст. музея 170
72. Возвращеніе Чарли. Каррикат. В. Невскаго 173
73. Бомарзундъ. Съ картины А. К. Беггрова 176
74. Транспортированіе плѣнныхъ изъ Бомарзунда. Изъ собранія Севастопольскаго музея 181
75. Прибытіе ген.-м. Бодиско въ Гавръ. Изъ собр. Севастоп. музея . 183
76. Типы бомарзундскихъ солдатъ. Изъ собр. Севастоп. музея 185
77. Корабль-казарма «Девонширъ». Изъ «Ill. Zeitung» 187
78. Т. сов. Як. Андр. Дашковъ 193
79. Канроберъ на улицахъ Стокгольма 201
80. Ген.-маіоръ С. О. Жигмонтъ 231
81. Вице-адмиралъ Я. А. Шихмановъ 236
82. Французская канонерка. Изъ собр. Севастоп. музея 237
83. Англійская канонерка. Изъ собр. Севастоп. музея 239
84. Проектъ подводной бомбардирской лодки. Изъ бумагъ адмирала Б. А. Глазенапа 240
85. Фокусникъ Непиръ. Каррикат. Н. Степанова 243
86. Побѣда надъ казаками. Каррикат. Н. Степанова 244
87. Послѣобѣденная логика. Каррикат. Н. Степанова 246
88. Ген.-адъют. Ѳ. Ѳ. Бергъ. Изъ «Рус. Худож. Листка» В. Тимма . . . 248
89. Схватка при Гангэ 24 мая 1855 г. 255
90. Прапорщикъ И. Д. Сверчковъ 257
91. Гор. Нюстадъ. Изъ «Finland framst. i bilder». H-fors. 1896 259
92. Англичане у г. Нюстада. Изъ собранія Севастоп. музея 260
93. Гавань г. Раумо. Изъ «Finl. framst. i bilder». 1896 261
94. Чертежъ рейда г. Раумо 262
95. Видъ г. Ловизы. Рис. художн. Кюгельхенъ 263
96. Генералъ-маіоръ Теслевъ 266
97. Планъ сраженія при Транзундѣ 268
98. Англійскія суда въ Транзундѣ. Изъ собр. Севастоп. музея 271
99. Планъ мѣста сраженія у г. Фридрихсгама 273
100. Видъ Фридрихсгама съ берега 274
101. Планъ Роченсальма (Котки) и форта Славы 276
102. Доннеръ. «Эскизы войны въ Финляндіи 1854 г.». В. Сверчкова . . . 277
103. Крестьянинъ Канконенъ. «Эскизы войны въ Финляндіи 1854 г.». В. Сверчкова 279
104. Свеаборгъ. Рисов. съ натуры художн. В. Садовниковъ 281
105. Полковникъ М. Пасыпкинъ 283
106. Входъ въ Свеаборгъ съ южной стороны. Рисов. проф. Боголюбовъ. Изъ «Альбома морскихъ видовъ сѣвера Финскаго залива» . 285
107. Свеаборгъ по рисунку Эрика Свейнсона 288
108. Планъ Гельсингфорса и Свеаборга 290
109. Генералъ-лейтенантъ А. Ѳ. Сорокинъ 1-й 292
110. Генералъ-маіоръ А. П. Алексѣевъ 293
111. Видъ Свеаборга. Рис. съ натуры художн. В. Садовниковъ 294
112. Планъ Свеаборга и расположеніе флота 297
113. Французская батарея на Абрагамсгольмѣ 299

стр.
114. Поручикъ В. Гадолинъ 301
115. Поручикъ Любовицкій 302
116. Матросъ Фейхо 303
117. Подпоручикъ Ф. С. Поповъ 4-й 305
118. Корабль «Россія» и его поврежденія. Изъ «Морск. Сборн.» 307
119. Видъ бомбардированія Свеаборга 28 іюля 1855 г. Рисов. Свенторжецкій. Изъ «Морск. Сборн.» 308
120. Гельсингфорсъ. Изъ «Рус. Худож. Листка». В. Тимма 311
121. Брунспаркъ » » » » 315
122. Памятникъ убитымъ на Сандгамѣ. По подлинному проекту профес. бар. Клодта 315
123. Бомбардированіе Свеаборга. Народное изданіе 317
124. Крѣпость Свеаборгъ ночью 28 іюля 1855 г. Рис. C. v. Rennenkampff F. Liwendal въ Гельсингфорсѣ 318
125. Общій видъ бомбардированія Свеаборга съ обсерваторіи г. Гельсингфорса. Рис. Liwendal 321
126. Подвиги англичанъ въ Финскомъ заливѣ. (1855 г.) Народн. изданіе 323
127. Лоцманъ Сёдерлингъ. Изъ «Морск. Сборн.» 351

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Предисловіе.

Великая драма 1854—1855 г.г. была разыграна въ главныхъ своихъ частяхъ на Крымскомъ полуостровѣ, почему исторія Восточной войны естественно превратилась почти исключительно въ исторію осады и обороны Севастополя. Желая разъединить наши силы, непріятель произвелъ весьма серьезную диверсію въ Балтійское море, отправивъ туда невиданный до того времени по своимъ размѣрамъ флотъ. Союзнымъ державамъ желательно было поднять тамъ противъ насъ Швецію, взять Кронштадтъ, подвергнуть осадѣ Петербургъ. Какъ ни велика была сама по себѣ эта диверсія, тѣмъ не менѣе, она, по сравненію съ исторіей многострадальнаго Севастополя, явилась только второстепеннымъ эпизодомъ и потому историки Восточной войны не могли удѣлить ей сколько-нибудь значительнаго мѣста въ своихъ описаніяхъ. Въ четырехтомномъ изслѣдованіи генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича „Восточная война 1853—1856 г.г.“ (Изд. 2-е, Спб., 1877 года), дѣйствіямъ въ Балтійскомъ морѣ отведено только двѣ небольшія главы, а Н. Ѳ. Дубровинъ въ своихъ книгахъ—„Восточная война 1853—1856 г.г.“ (Изд. 1878 г.) и „Исторія Крымской войны и оборона Севастополя“ (Изд. 1900 г.)—совершенно не коснулся событій въ Балтикѣ. Не удивительно поэтому, что Балтійская часть кампаніи 1853—1856 г.г. до сего времени мало изслѣдована. И если она еще нѣсколько разсмотрѣна съ военной точки зрѣнія, то историко-политическая ея сторона остается совершенно нетронутой.

Въ нашей книгѣ мы пытаемся представить преимущественно эту послѣднюю сторону Балтійской экспедиціи и то лишь настолько, насколько она коснулась финляндскихъ береговъ. Для этого мы ознакомились съ дипломатическими переговорами, предшествовавшими войнѣ, изучили прежнія описанія сѣверной кампаніи, просмотрѣли воспоминанія современниковъ, а также финляндскую и шведскую литературу вопроса, которая обыкновенно оста-

влялась нетронутой русскими изслѣдователями. Но главнымъ матеріаломъ для насъ послужили архивные первоисточники. Работая въ архивахъ Петербурга, Москвы и Гельсингфорса, намъ удалось найти значительное количество совершенно необнародованныхъ данныхъ, изъ коихъ впервые старались извлечь все, заслуживающее вниманія.

Не смотря на малый объемъ предмета нашего изслѣдованія, онъ потребовалъ много времени и труда для своего освященія, въ виду отрывочности тѣхъ свѣдѣній, которыя здѣсь и тамъ сохранились о немъ. Военныя дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ велись вяло; событій захватывающаго интереса тамъ не было, почему мы лишены возможности развернуть передъ читателемъ яркую и увлекательную картину. Величественная панорама Севастополя на сѣверѣ не повторилась. Но тѣмъ не менѣе, если событія 1854—1855 г.г. во всей своей совокупности имѣютъ всемірно-историческое значеніе, то полагаемъ, что отдѣльные эпизоды ихъ, происшедшіе въ раіонѣ Балтійскаго моря, не лишены извѣстнаго интереса и значенія.

Послѣ Крыма, едва-ли не большія испытанія, во время Восточной войны, выпали на долю Финляндіи: она потеряла значительные запасы своей вывозной торговли и почти половину своего коммерческаго флота; нѣкоторые ея города пострадали отъ поджоговъ англичанъ; мы не говоримъ уже объ общихъ стѣсненіяхъ, причиненныхъ населенію строгой двухлѣтней блокадой.

Балтійское море, несомнѣнно, арена будущихъ столкновеній съ нашими врагами; здѣсь они приложатъ старанія повредить Россіи, нападая на ея флотъ и города, блокируя берега, пытаясь произвести высадку. Изъ областей, прилегающихъ къ Балтикѣ, Финляндія, благодаря своей близости къ столицѣ, всегда станетъ привлекать вниманіе непріятелей. Для военныхъ операцій въ Финляндіи они постоянно будутъ имѣть очень серьезную цѣль. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Вел. „ногою твердой сталъ при морѣ“, Финляндія сдѣлалась необходимой для Россіи; и если Императоръ Александръ I потратилъ много времени и средствъ, чтобы закончить ея присоединеніе, то сдѣлалъ это, какъ сказано въ его манифестѣ, для „сохраненія безопасности государства“.

Финляндія доступна, какъ для сухопутнаго вторженія, такъ и для десанта непріятеля. Ея физическія условія однако таковы, что даютъ значительный перевѣсъ оборонѣ. Размѣщенію войскъ она не благопріятствуетъ. Пропитанія большимъ арміямъ она не

въ состояніи дать. Ея шхеры удобны для минныхъ заграждeній; въ лабиринтѣ ея безчисленныхъ острововъ и заливовъ минныя суда найдутъ для себя укрытіе. При условіи нашего полнаго господства въ краѣ, ея пересѣченная мѣстность и особенно внутренняя котловина, могутъ представить почти неодолимыя преграды для непріятеля.

Война 1854—1855 г.г. еще разъ наглядно указала на ту роль, которую Финляндія можетъ играть въ періоды политическихъ осложненій. „Эту страну могутъ посѣтить могущественные враги и оттуда наносить Россіи сильные удары“,—спѣшила заявить, вслѣдъ за Балтійской кампаніей, шведская газета „Svenska Tidningen“ (1856, №№ 98, 99 и 101). Въ 1863 году, прошелъ слухъ о томъ, что западно-европейскія державы, собираясь напасть на Россію, избрали Финляндію мѣстомъ высадки и первыхъ своихъ операцій. Говорили также, что въ архивѣ французскаго штаба сохраняется планъ предполагавшейся войны [1]). Подумайте,—восклицала недавно „Indépendance Belge“ (1903, 24 февр.), вспоминая событія 1854—1855 г.г.,—подумайте, какою силою явились бы скандинавскіе воины, наводняющіе Финляндію и наступающіе къ Петербургу, при поддержкѣ флота трехъ державъ“.

Приведенныя соображенія показываютъ, что финляндская окраина должна быть тщательно изучаема у насъ. Для того-же, чтобы уроки исторіи оказывались поучительными и цѣнными, они должны быть правдиво изложены. Въ виду этого, мы рѣшились взглянуть прямо въ лицо изслѣдуемымъ событіямъ и фактамъ, отстраняя отъ себя и роль прокурора-обвинителя, и роль адвоката-защитника.

Въ первоначальномъ видѣ очеркъ появился въ „Военномъ Сборникѣ“ (за 1902 и 1903 г.г.); теперь онъ представляется читателю очень существенно переработаннымъ и значительно дополненнымъ.

Приносимъ искреннюю признательность А. М. Заіончковскому, который, собравъ обширный матеріалъ для новаго труда по исторіи Восточной войны, радушно предоставилъ намъ возможность воспользоваться нѣкоторыми документами и иллюстраціями.

С.-Петербургъ, 15 апр. 1904 г.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

(Взаимныя отношенія Россіи, Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи).

РОССІЯ.

„Въ морскихъ романахъ и въ описаніяхъ путешествій главную роль играетъ маленькое черное облачко, въ которомъ опытные капитаны кораблей видятъ предвѣстіе бури, между тѣмъ, какъ пассажиры, не предчувствуя ничего дурного, услаждаются видомъ яснаго неба и спокойнаго моря“ [1])... На этотъ разъ роль чернаго облачка сыграла незначительная ссора греческаго духовенства съ латинскимъ въ Іерусалимѣ. Поднявшаяся затѣмъ буря охватила почти весь континентъ Европы и рѣдкое изъ государствъ не потерпѣло весьма существенныхъ аварій.

Главную причину общихъ крушеній каждый объяснялъ по своему. Нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, утверждалъ, что она заключалась въ томъ недовѣріи, которое англичане выказали къ политикѣ Императора Николая Павловича. Графъ Орловъ, бывшій уполномоченный Россіи на парижскомъ конгрессѣ, усматривалъ причину войны 1854—1855 г. въ нетерпѣливости Императора, въ ошибкахъ дипломатовъ, а также въ раздражительности и ссорѣ надменнаго и самоувѣреннаго князя Меншикова съ турецкими властями [2]). Маршалъ Вальянъ говорилъ графу П. Д. Киселеву, что не будь письма Императора Николая I, въ которомъ Онъ съ суровой сдержанностью ставилъ на видъ Наполеону III двусмысленность его политики и лицемѣріе его миролюбія, то не было бы и войны [3]). Императрица Евгенія держалась того воззрѣнія, что „война произошла благодаря женскому посольству“. Подъ этимъ посольствомъ она разумѣла княжну Ливенъ и госпожу Нарышкину—двухъ національныхъ посланниковъ въ юбкѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отмѣчено въ журналѣ французскаго маршала Кастелана [4]).

Прелюдіею къ столкновенію, какъ извѣстно, явился вопросъ о Св. мѣстахъ. Этотъ споръ былъ оффиціальнымъ юридическимъ поводомъ, но не причиной войны. Для Европы исходная точка столкновенія скоро отошла совершенно на задній планъ и она смотрѣла на него съ казеннымъ равнодушіемъ. Только въ Россіи вопросъ о богослуженіи въ Іерусалимѣ принятъ былъ къ сердцу. Въ тѣ времена Гробъ Господень посѣщало ежегодно до 12,000 богомольцевъ и почти всѣ они состояли исключительно изъ нашихъ православныхъ паломниковъ [5]).

Въ Европѣ лишь немногіе оцѣнили значеніе палестинскаго вопроса для Россіи. Въ числѣ ихъ укажемъ на директора политической канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Франціи—Тувенеля, и французскаго представителя при Петербургскомъ дворѣ—генерала Кастельбажака. Еще въ 1852 г. генералъ писалъ Тувенелю: „Существуетъ два пункта, относительно которыхъ Императоръ Николай не пойдетъ ни на какія уступки: это польскіе повстанцы и дѣла греческой вѣры. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ онъ, со свойственною ему справедливостію и возвышеннымъ умомъ, склоненъ уступать требованіямъ политической необходимости и доводамъ разума. Надобно сказать, что, при всей его деспотической и непреклонной волѣ, онъ относится осторожно ко всему, касающемуся религіознаго и народнаго духа своихъ подданныхъ, прекрасно понимая, что въ этомъ источникъ его силы, и что это національное и религіозное чувство даетъ ему вліяніе на народъ и на войско“ [6])... Тувенель, съ своей стороны, находилъ, что вопросъ о Св. мѣстахъ—это для Россіи „вопросъ жизни и смерти“, а Кастельбажакъ призналъ, что споръ этотъ былъ возбужденъ Наполеономъ III „быть можетъ нѣсколько легкомысленно“ [7]).

И дѣйствительно, принцъ-президентъ республики, по свидѣтельству того же Тувенеля, совершенно не отдавалъ себѣ отчета о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могли произойти отъ возбужденнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ онъ войны тогда не желалъ и не предвидѣлъ той серьезной развязки, которая произошла. Наполеонъ признался однажды, что онъ вовсе не былъ ознакомленъ даже съ подробностями дѣла [8]). И если тѣмъ не менѣе, онъ, ухватившись за забытый трактатъ 1740 г. и приказалъ своему уполномоченному въ Константинополѣ начать дѣло, то единственно изъ желанія расположить въ свою пользу папу и сильную во Франціи партію клерикаловъ. Религіозное чувство отнюдь не руководило авантюристомъ и „Іерусалимъ не входилъ въ линію его операцій“.

Западъ того времени не понималъ уже возможности войны изъ-за вѣры, „а потому“,—писалъ Кинглэкъ,—„Европа взирала съ улыбкой на католическую маску“, которая была надѣта Людовикомъ Наполеономъ.

Наша дипломатія въ спорѣ о Св. мѣстахъ также не усматривала повода къ войнѣ, почему графъ Нессельроде весьма мало интересовался вопросомъ [9]). Того же мнѣнія держался и англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. „Раздоры изъ-за однихъ ключей“,—сказалъ онъ,—„никогда не были бы въ состояніи нарушить добрыя отношенія между дружественными державами“ [10]).

Въ виду этого, истинныя причины страшнаго восточнаго пожара надо искать въ чемъ-то иномъ и преимущественно за кулисами событій того времени. Войну въ дѣйствительности вызвали самыя разнообразныя обстоятельства. Ею преслѣдовались самыя противоположныя цѣли. Клубокъ ея истинныхъ причинъ и цѣлей крайне запутанъ. „Ни одна война не возникала отъ причинъ болѣе запутанныхъ и неопредѣленныхъ“. Нѣкоторыя нити ея уходятъ даже довольно далеко въ прошлое. Одна изъ причинъ войны, внѣ всякаго сомнѣнія, кроется въ чрезвычайно усилившемся вліяніи и мощи „сѣвернаго колосса“ [11]). Надъ материкомъ Европы безраздѣльно господствовалъ Государь Россіи, „исполняя роль державы покровительницы монархической легитимности“ [12]). Европа испугалась за свое равновѣсіе, въ виду громадныхъ размѣровъ нашего отечества и боевыхъ качествъ русскаго солдата. Европа, одушевленная злобой, желала поэтому унизить Россію, уменьшить ея значеніе, нанести ударъ ея „морскому могуществу и земельнымъ размѣрамъ“, втолкнуть ее въ Азію, отнять у нея области, пограничныя съ Швеціею, Пруссіею и Австріею. „Если хотите уничтожить преобладающее вліяніе Россіи въ Константинополѣ,—говорилось въ Journal des Débats (1-го апр. 1853 г.), то надобно заботиться не о возстановленіи Оттоманской имперіи, а объ ослабленіи Россіи“. „Какъ ни важенъ восточный вопросъ“, — сказалъ французскій министръ Друэнъ-де-Луисъ,—„но онъ стоитъ тутъ на второмъ планѣ“ [13]). Но кромѣ того, за длинный рядъ годовъ во внѣшней политикѣ нами были допущены существенныя ошибки, при постоянномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Запада. Въ европейскихъ кабинетахъ родилось подозрѣніе въ завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, они опасались покоренія Константинополя, захвата торговли Леванта и подчиненія дунайскихъ княжествъ. Россію обвиняли поэтому въ хищныхъ вожделѣніяхъ. Недовольство было всеобщимъ

и мы оказались обособленными, такъ какъ прежняя дипломатія друзей намъ не подготовила [14]). Корни остальныхъ причинъ войны надо искать во враждебности къ намъ Великобританіи, которая съ недовѣріемъ смотрѣла на громадные наши арсеналы въ Кронштадтѣ и Севастополѣ [15]) и не могла перенести роста нашего флота. Наконецъ, остаются личныя побужденія лорда Пальмерстона и Наполеона, недоброжелательность Австріи, изворотливость и боязнь Пруссіи. Въ направленіи ихъ дѣйствій значительную роль играли зависть, интрига и честолюбіе [16]).

„Время освободило,—писалъ полковникъ сэръ Кларкъ,—удивительную дипломатическую процедуру 1853—1854 годовъ отъ ея искусственныхъ вымысловъ и, обращаясь назадъ со взглядомъ не отуманеннымъ страстями прошедшаго момента, трудно отрѣшиться отъ мысли, что Англія пускалась въ первый разъ въ открытую войну съ Россіей единственно изъ побужденій, относившихся къ соперничеству флотовъ... Еще въ 1828 г. Поццо-ди-Борго выражалъ свое мнѣніе, что если даже и нѣтъ большой вѣроятности, чтобы англійскій флотъ появился когда-нибудь на Черномъ морѣ, то изъ простой мѣры предосторожности необходимо укрѣпить Севастополь съ моря. Англія не пропуститъ случая сдѣлать на него нападенія, если будетъ знать, что этимъ безнаказанно можетъ нанести ударъ русскому флоту! Въ Англіи видѣли для себя угрозу въ существованіи Севастополя и помѣщающагося тамъ флота. Въ соединеніи-же съ традиціей будто бы обладаніе Константинополемъ даетъ господство надъ цѣлымъ міромъ — это все и было главнымъ поводомъ, склонившимъ англичанъ къ Крымской экспедиціи въ 1854 г., а народное сочувствіе въ Англіи къ этой войнѣ возбуждено было нападеніемъ русскаго флота на турецкую эскадру подъ Синопомъ (18-го ноября 1853 г.). „Ни въ какомъ случаѣ“, говорилъ лордъ Линдорстъ въ іюнѣ 1854 г., „безъ крайней необходимости мы не можемъ заключить миръ съ Россіей, если не уничтожимъ ея флотъ на Черномъ морѣ и не разрушимъ укрѣпленій, которыя его защищаютъ“ [17]). Таковъ былъ взглядъ англичанъ на дѣло.

Особое значеніе въ свое время англійская печать придала разговору Государя съ Сеймуромъ. 9-го января 1853 г. на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны Императоръ Николай I, милостиво и дружественно бесѣдуя съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что Турція близка къ полному разложенію и потому Россіи

и Англіи слѣдовало бы совмѣстно подготовиться, дабы кончина „больного человѣка“ не застала ихъ врасплохъ. При раздѣлѣ наслѣдства, Государь предполагалъ предоставить Англіи, за поддержку Россіи, Египетъ и Кандію, а нѣкоторымъ провинціямъ Турецкой имперіи (Сербіи и Болгаріи) даровать автономное управленіе подъ русскимъ главенствомъ. „Пока мы согласны“,—прибавилъ Августѣйшій собесѣдникъ,— „Я не боюсь западной Европы. Что бы остальные ни думали или ни дѣлали, Мнѣ мало нужды“ [18]). Въ другой бесѣдѣ съ тѣмъ же сэромъ Сеймуромъ, Государь прибавилъ: „Скажу вамъ откровенно, что если Англія думаетъ рано или поздно утвердиться сама въ Константинополѣ, то Я этого не потерплю“.

Этотъ разговоръ явился историческимъ, хотя въ сущности въ немъ не было высказано ничего новаго, такъ какъ эти же самыя мысли Государь излагалъ уже въ 1844 г., во время своего пребыванія въ Англіи [19]). Турція,—говорилъ тогда Царь Эбердину,—человѣкъ умирающій... Я не желаю наслѣдства больного, но не допущу также, чтобы другія державы чѣмъ-либо попользовались. Подобный же разговоръ Государь имѣлъ съ французскимъ представителемъ при его дворѣ, ген. Кастельбажакомъ [20]). При враждебности къ намъ Англіи, рѣчь Государя была истолкована въ томъ смыслѣ, что Россія въ дѣйствительности нисколько не желаетъ сохраненія Оттоманской имперіи, а, напротивъ, какъ алчный наслѣдникъ съ нетерпѣніемъ ждетъ кончины „опасно больного наслѣдодателя“ [21]). Заявленіе же Царя, что онъ не имѣетъ намѣренія „прибавить хотя бы единый вершокъ земли къ пространству Россіи, и безъ того уже обширному“, конечно, пропускалось безъ вниманія [22]).

Рѣчь Государя дышала миролюбіемъ и „благородною откровенностью“, которую въ данное время Англія не могла и не желала цѣнить. Она по пальцамъ сосчитала, что ей выгоднѣе было показать міру свое мнимое безкорыстіе и воспользоваться откровенностью русскаго Монарха для своихъ корыстныхъ цѣлей. Рыцарская натура Императора не переносила лжи и не любила обходныхъ путей. Занимавшія Его мысли Императоръ Николай Павловичъ высказалъ изумительно открыто. Его желаніе изгнать турокъ изъ Европы, а также рѣзкій отзывъ о Пруссіи, и особенно игнорированіе другихъ державъ, кромѣ Великобританіи (Альфредъ Рамбо), будучи оглашены въ англійскомъ парламентѣ, произвели громадное впечатлѣніе и нѣтъ сомнѣнія, что сильно содѣйствовали возбужденію общественнаго мнѣнія Европы въ пользу войны [23]).

Императоръ Николай I „не былъ дипломатомъ“, имѣлъ теперь основаніе сказать гр. Нессельроде, такъ какъ въ политикѣ едва ли слѣдуетъ возбуждать вопросы объ отдаленныхъ случайностяхъ, которыя можетъ быть никогда и не осуществятся [24]). „Я бригадный генералъ, мало свѣдущій въ политическихъ дѣлахъ“, любилъ говорить о Себѣ прямодушный Государь. А между тѣмъ Николай Павловичъ иногда обнаруживалъ изумительно вѣрное пониманіе политическаго настроенія того или другого государства; но обстоятельства непосредственно передъ Крымской войной подняли Его на такую высоту среди монарховъ, что Онъ лишенъ былъ возможности пристально всмотрѣться въ тѣ мелкіе ходы, которые дѣлались при разныхъ дворахъ. Не далѣе, какъ въ 1852 г. вліяніе Россіи было еще столь громаднымъ, что Императоръ Николай I являлся вродѣ властителя всей Европы [25]). Онъ одинъ диктовалъ ей законы. Въ Берлинѣ на Него смотрѣли, какъ на высшее существо; Франція старалась поддержать въ Немъ благопріятное настроеніе; въ Англіи сообразовались съ Его желаніями; „Венгрія была у ногъ Его Величества“; въ Вѣнѣ, на парадѣ 1852 г., Францъ-Іосифъ торжественно и почтительно передъ фронтомъ своей арміи салютовалъ Ему, какъ избавителю австрійской державы отъ грозной опасности, а въ Варшавѣ тотъ же молодой Францъ-Іосифъ, при взглядѣ на статую Собіесскаго, воскликнулъ: „Вотъ первый спаситель Австріи! А Вы—второй! сказалъ онъ затѣмъ, обратившись къ Императору Николаю I [26]). Въ предположеніяхъ о дѣлежѣ Турціи, Императоръ Николай I игнорировалъ Пруссію и Австрію. „Пруссія вездѣ встрѣчала Россію на своей дорогѣ. Николай I,—писалъ Ротанъ,—обращался съ нею, какъ съ бѣднымъ родственникомъ, не заботясь о томъ, чтобы щадить ея самолюбіе [27]). „Пруссія у меня въ карманѣ“,—говорилъ русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, очевидно, усвоивъ себѣ нѣсколько высокомѣрный взглядъ на нашу сосѣдку. Францію Императоръ Николай I вообще не признавалъ опасной, а на Австрію и Пруссію смотрѣлъ, какъ на своихъ союзниковъ.

Какъ только Россія очутилась лицомъ къ лицу передъ труднѣйшей политической дилеммой—восточнымъ вопросомъ, то оказалось, что главные представители нашей дипломатіи заблуждались. Баронъ Брунновъ невѣрно понялъ и оцѣнилъ настроеніе англійскаго общества; князь Горчаковъ взялъ излишне угрожающій тонъ при вѣнскомъ дворѣ, а князь Меншиковъ заносчиво велъ себя въ Константинополѣ. Когда однажды Николай I выразилъ Сеймуру

Свою непоколебимую вѣру въ дружбу королевы, то посланникъ, признавъ прочность дружбы, почтительнѣйше и осторожно напомнилъ, что личное вліяніе королевы въ дѣлахъ парламента Великобританіи и общественнаго мнѣнія незначительно [28]). И дѣйствительно, королевская власть въ Англіи давно уже представляла изъ себя „тѣнь безъ тѣла“. Относительно Пруссіи, князя Горчакова опредѣленно предостерегалъ графъ Буоль — министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи. „Что вамъ Пруссія? сказалъ онъ въ декабрѣ 1854 г. Официозно она вамъ благопріятна, а оффиціально она вамъ враждебна“ (hostile) [29]). Но подобныя замѣчанія прошли какъ-то незамѣченными, а „кровосмѣсительнаго“ союза Англіи съ Франціею Николай I тогда совершенно не допускалъ. Онъ не въ состояніи былъ даже предположить, чтобы „палачи Наполеона I могли вступить въ соглашеніе съ побѣжденными при Ватерлоо“ [30]). Но, какъ оказалось, этотъ союзъ былъ въ то время уже рѣшенъ, если не заключенъ [31]).

Всѣ указанныя обстоятельства чрезвычайно важны для оцѣнки роли и дѣйствій лицъ, вѣдавшихъ тогда нашими внѣшними дѣлами. Несомнѣнно, что политику Россіи велъ ея Вѣнчанный Глава. Бывали случаи, когда Николай Павловичъ не посвящалъ въ дѣло даже гр. Нессельроде. Такъ, напримѣръ, инструкціи, данной кн. А. С. Меншикову, вице-канцлеръ Имперіи не зналъ. Въ тѣни грандіозной фигуры Царя укрывалась вся наша дипломатія и Онъ зналъ и чувствовалъ свою отвѣтственность. Это сознаніе, надо полагать, вмѣстѣ съ крымскими неудачами преждевременно надломили богатыря Государя. Но при всемъ томъ было бы несправедливо возложить всю тяжесть отвѣтственности на Него одного. Если бы представители Россіи при иностранныхъ державахъ вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію, то, несомнѣнно, что Николай Павловичъ далъ бы иное направленіе многимъ вопросамъ. Баронъ Эрнестъ-Филиппъ Брунновъ, прожившій 14 лѣтъ въ Англіи, невѣрно— какъ мы сказали—оцѣнилъ ея настроеніе и стремленіе. Гр. Нессельроде уже въ началѣ 1853 года предвидѣлъ войну съ Франціей и Турціей, почему предупреждалъ Бруннова не рисовать англійскихъ дѣлъ въ розовомъ свѣтѣ и не допускать сближенія Великобританіи съ Франціей. Брунновъ-же не сумѣлъ воспрепятсвовать союзу и доносилъ (въ февр. 1853 г.), что въ Англіи произошла перемѣна въ настроеніи умовъ и это настроеніе вполнѣ согласуется съ видами Императора и съ его воззрѣніемъ на Турцію, какъ „на отжившую комбинацію“. Государь вѣрилъ въ англійскій

нейтралитетъ и не зналъ точнаго положенія дѣлъ во Франціи. Если бы Брунновъ не заблуждался и если бы Государю представили точную картину французскихъ дѣлъ и англійскихъ колебаній и домогательствъ, то Николай Павловичъ не отвергъ бы, конечно, соглашенія, предложеннаго Наполеономъ въ январѣ 1853 г. и не разговаривалъ бы столь откровенно съ Сеймуромъ о „больномъ человѣкѣ“. Государь понялъ впослѣдствіи ошибку Бруннова и не могъ простить ему такой оплошности, но роковой шагъ былъ уже сдѣланъ и возврата не было. Въ Англіи родилось недовѣріе къ слову Государя, а въ Константинополѣ началась борьба и интрига. Гр. Нессельроде пытался увѣрить лорда Росселя, что Императоръ вовсе не имѣлъ въ виду раздѣла Турціи, но было уже поздно. Лавина недовѣрія катилась и росла и „нашъ лордъ Эбердинъ“ остался безъ сторонниковъ [32]).

Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что наша дипломатія не находилась въ то время на высотѣ своего призванія. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ „нашъ Меттернихъ“ графъ Нессельроде, который, хотя отличался умомъ и ловкостью, но по душѣ не былъ русскимъ [33]). Баронъ Брунновъ, сыгравшій такую печальную роль наканунѣ Восточной войны, былъ нѣмецъ по роду и воспитанію. Родился въ Дрезденѣ. Чтобы не перебирать другихъ по-именно, достаточно отмѣтить, что въ 1854 г. 81% нашихъ дипломатическихъ должностей былъ довѣренъ иностранцамъ [34]). И этимъ-то лицамъ, нерѣдко не знавшимъ русскаго языка и Россіи и вовсе не понимавшимъ и не любившимъ нашего народа, надлежало отстаивать самые жизненные интересы Имперіи. Ихъ преклоненіе передъ тѣми дворами, при которыхъ они состояли аккредитованными, иногда заходило столь далеко, что возбуждало иронические отзывы самыхъ иностранныхъ монарховъ. „Баронъ Брунновъ“, писалъ, напримѣръ, принцъ Альбертъ (Стокмару), „проливаетъ обильныя слезы, главнымъ образомъ потому, что его не оставили посломъ въ Лондонѣ“. Викторія сообщила королю бельгійскому, „что Брунновъ былъ такъ возбужденъ нервно, такъ „ému“, что съ трудомъ могъ говорить [35]).

Неудачно было такъ же, какъ мы уже упоминали, и избраніе кн. А. С. Меншикова для исполненія дипломатическаго порученія. Онъ своимъ вызывающимъ поведеніемъ въ Константинополѣ „далъ сильный толчекъ лавинѣ, разрушившей въ своемъ стремительномъ паденіи послѣдніе устои международнаго мира“. Онъ оказался и слабымъ, и непослѣдовательнымъ. Ко всему этому приходится

добавить, что въ восточномъ вопросѣ наша политика не обходилась безъ значительныхъ колебаній. Было время, когда мы обнажили оружіе даже въ защиту Турціи (въ 1833 году, въ періодъ возстанія противъ султана, египетскаго паши, Магометъ-Али).

Что касается лично Императора Николая Павловича, то несомнѣнно, что въ его дѣйствіяхъ всегда было много рыцарства, много возвышеннаго и благороднаго чувства; искренность и правдивость дышали въ его словахъ. Въ 1852 г. князь Эмилій Витгенштейнъ писалъ своему отцу: „Это идеалъ монарха, какихъ въ настоящее время болѣе не существуетъ; это типъ всего справедливаго, рыцарскаго, благороднаго и энергичнаго. Видѣть его вблизи— честь и счастье, которое никто не можетъ оцѣнить болѣе меня, такъ какъ я видѣлъ вблизи большую часть монарховъ [36]). „Мнѣ не нужно протоколовъ или договоровъ, общее согласіе достаточно между честными людьми“, сказалъ Императоръ Сеймуру. „Что касается до Моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо“, объявилъ однажды Императоръ французскому посланнику барону Бургоэну [37]). Всѣ знали, что это не пустыя слова. Благородную черту Его характера вынуждены признать всѣ историки, даже тѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ (какъ, напримѣръ, Альфреда Рамбо, шведскихъ писателей и друг.) сквозитъ противъ Него недоволь-ство. Николай I горячо любилъ миръ и думалъ даже о сокращеніи Своей арміи [38]), но въ политикѣ Онъ смотрѣлъ на Европу, какъ на одно политическое зданіе, каждый камень котораго, отторгнутый изъ его стѣны, могъ повлечь за собою ея разрушеніе [39]), да кромѣ того, „политика законности священнаго союза была Его религіей“, какъ выразился Бунзенъ. Начиная съ 1848 года, Императора окружалъ ореолъ рыцарскаго третейскаго судьи Европы. Передъ Восточной-же войной довѣріе къ нему сильно пошатнулось.

Отношенія Императора Николая I къ Австріи особенно поразили кн. Бисмарка и онъ въ своихъ „мемуарахъ“ отводитъ особое мѣсто „австрофильству“ Государя. „Врядъ-ли можно“,—писалъ Бисмаркъ,—„встрѣтить еще одинъ примѣръ монарха великой державы, который оказалъ бы сосѣду такія-же услуги, какъ Императоръ Николай I австрійской имперіи. Онъ выслалъ 150,000 чел. для усмиренія Венгріи, возстановилъ власть, не требуя выгодъ или вознагражденія, не упомянувъ даже о спорныхъ вопросахъ на востокѣ и въ Польшѣ“. Въ выводѣ Бисмаркъ называетъ Императора Николая I „преувеличенно рыцарскимъ самодержцемъ, идеальной натурой“. Причину такого любезнаго отношенія Государя къ

Австріи Бисмаркъ объяснялъ тѣмъ, что Николай Павловичъ смотрѣлъ на Франца-Іосифа, какъ на Своего преемника по охраненію консервативныхъ принциповъ. „Вы должны знать“,—сказалъ Императоръ Николай I сэру Гамильтону Сеймуру,—„что, когда Я говорю о Россіи, Я имѣю всегда въ виду и Австрію“,—до такой степени Монархъ Россіи связывалъ тогда Свои интересы съ австрійскими [40]).

Европа, къ несчастію, заподозрѣла вѣнценоснаго правителя Россіи въ завоевательныхъ стремленіяхъ, несмотря на то, что Онъ неоднократно заявлялъ о полномъ Своемъ нежеланіи слѣдовать въ этомъ направленіи политикѣ Екатерины II и честнымъ словомъ Своимъ завѣрялъ, что не ищетъ завоеваній. „Я не наслѣдовалъ видѣній и фантазій Екатерины, Моя имперія обширна, во всѣхъ отношеніяхъ счастливо расположена и было бы неблагоразумно желать бóльшаго. Опасность для Россіи заключается именно въ ея обширности [41]). Гордость Николая Павловича заключалась въ иномъ.

„Намъ добро, никому зло“, подписалъ Императоръ на всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ гр. Нессельроде, по случаю 25-ти-лѣтія Его царствованія. Этотъ отчетъ подвелъ итоги нашей политикѣ за четверть вѣка, предшествовавшаго Крымской войнѣ, поэтому необходимо извлечь изъ него наиболѣе существенныя указанія.

„Первымъ политическимъ шагомъ Вашего Величества руководили религія и человѣколюбіе... Греціи былъ обезпеченъ независимый образъ правленія... Послѣ переворотовъ 1830 г. Ваше Величество сдѣлались въ глазахъ всего міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія. Но эта благородная роль требовала постоянно напряженныхъ усилій и непрестанной борьбы... Могучая длань Вашего Величества давала себя чувствовать вездѣ, гдѣ колебались престолы и гдѣ общество, потрясенное въ своихъ основахъ, склоняло главу подъ гнетомъ пагубныхъ ученій“. Затѣмъ гр. Нессельроде указывалъ на то, что одной изъ задачъ Государя было ослабить, по мѣрѣ возможности, союзъ, возникшій между іюльскою монархіею во Франціи и либеральною Англіею. Впослѣдствіи Россіи удалось достичь этого и Нессельроде придаетъ сему обстоятельству особое значеніе. Мюнхенгрецкій и Теплицкій договоры служили оплотомъ противъ постоянно возраставшихъ волнъ демократіи и дали возможность подавить польское возстаніе въ Краковѣ, Галиціи и Познани.

Особое же вниманіе было обращено Его Величествомъ на вопросы, касавшіеся Турецкой имперіи. Она была близка къ паденію и нужно было поэтому обезпечить Россіи свободу дѣйствій въ будущемъ. Государь поддерживалъ неприкосновенность Турціи и два раза она была спасена Его вмѣшательствомъ.

Революціонное пламя продолжало тлѣть подъ пепломъ. Въ 1848 г. Государю, какъ блюстителю порядка, успокоителю и умиротворителю, пришлось выступить съ особой силой. Революціонная анархія поражалась вездѣ, гдѣ ей можно было нанести ударъ. Возстаніе въ Валахіи было подавлено. Ограждена была неприкосновенность обѣихъ Сицилій отъ посягательствъ Великобританіи. Въ Ютландіи власть была поддержана отъ посягательствъ на нее нѣмецкой демократіи. Австріи была предоставлена возможность завоевать обратно Ломбардо-Венеціанское королевство. Роль охранителя и умиротворителя „возложена, Государь, на Васъ событіями и Провидѣніемъ“,—писалъ гр. Нессельроде. „Двѣ великія державы Германіи прибѣгали къ третейскому суду Вашего Величества“. „Поэтому, осмѣлюсь повторить, положеніе Россіи и ея Монарха никогда еще, съ самаго 1814 г., не было болѣе славно и могущественно“. Таковъ въ главныхъ своихъ чертахъ всеподданнѣйшій докладъ слуги Его Величества, состарѣвшагося на службѣ своему отечеству и „своимъ Государямъ“, какъ писалъ гр. Нессельроде.

Разсмотрѣнныя нами событія вполнѣ подтверждаютъ основныя положенія доклада.

„Наша умѣренность“,—сказалъ однажды Императоръ [43]),—зажметъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью“. Но и это справедливое ожиданіе не оправдалось. Западъ ненавидѣлъ Россію. Въ либеральной и революціонной Европѣ распространено было воззрѣніе, что Россія является постояннымъ препятствіемъ прогресса. Царь же, пресѣкая революціи, законно желалъ огражденія своихъ польскихъ земель отъ увлеченія общимъ теченіемъ Запада. Если къ этому прибавить, что огромное большинство населенія Запада вовсе не имѣло о ней никакого понятія, то легко объяснить ту озлобленность, которая съ особой силой сказалась къ ней непосредственно передъ Крымской войной [44]). „Не могу пересказать вамъ, какъ грустно русскимъ въ нынѣшнюю минуту заграницей“, — писала 12-го апрѣля 1854 г. А. Смирнова изъ Дрездена Погодину. Въ гостиницахъ, на торжищахъ... лишь слышишь одно ругательство, зависть, ненависть къ Россіи. Не говорю уже о газетахъ... всякій листъ придаетъ пудъ

желчи. Настаетъ трудное время Россіи, какъ кажется, и всему міру. Ликвидація будетъ, кажется, въ огромномъ размѣрѣ...“ [45]). Читавшіе газеты того времени, свидѣтельствуютъ также о полной изолированности Россіи, которую „буквально изгоняли изъ Европы“. Безыменныя *французскія* брошюры дѣлили карту Европы, отнимая у насъ Финляндію, Польшу, Крымъ и Кавказъ. Члены *англійской* палаты лордовъ громко говорили о необходимости прогнать насъ не только за Двину, но и за Уралъ. Въ *нѣмецкой* брошюрѣ „Почему мы должны наблюдать нейтралитетъ“ заявлялось, что Балтійская экспедиція предпринята была съ чисто истребительною цѣлью...[46]).

При указанныхъ условіяхъ Императору Николаю I пришлось рѣшать политическую дилемму. Съ одной стороны, Онъ хотѣлъ сохранить собственную самостоятельность, а съ другой — удовлетворить требованія Запада, т. е. „одною рукою Онъ отстранялъ Европу отъ востока, а другой призывалъ ее на соглашеніе“. Самъ Онъ отказывался отъ наслѣдства „больного человѣка“, но въ то же время рѣшилъ не допустить перехода его въ руки другихъ государствъ. Стратфортъ-Редклифъ сказалъ нашему посланнику въ Константинополѣ (Озерову), что „слишкомъ тѣсная дружба между Россіей и Турціей возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько и разрывъ, который поведетъ за собой войну“ [47]). Кромѣ того, какъ было согласовать постановленія мусульманства съ требованіями христіанъ? Получалось, такимъ образомъ, нѣчто совершенно непримиримое. „Отстаивая сохраненіе Турціи, Европа имѣла въ виду огражденіе ея именно противъ Россіи“ [48]). Покорить же Европу своей волѣ Россіи болѣе нельзя было.

Все, слѣдовательно, роковымъ образомъ вело къ войнѣ. Восточный вопросъ былъ поднятъ. Европейскія государства вмѣшались въ дѣло Россіи съ Турціей и при этомъ каждая изъ западныхъ державъ преслѣдовала исключительно только *свои* собственные интересы, которые являлись совершенно противоположными интересамъ Россіи [49]). Согласовать русскіе и западно-европейскіе интересы и требованія не представлялось никакой возможности. Предоставить Западу рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію также нельзя было. Выходило такъ: какъ бы ни дѣйствовать, противъ ли Турціи или противъ Запада, мы неизбѣжно сталкивались съ Европой въ Константинополѣ [50]). Получилось желѣзное кольцо, изъ котораго не было выхода; все было затянуто мертвой петлей! Веллингтонъ сказалъ когда-то, что легко было бы рѣшить восточный вопросъ, если бы былъ не одинъ, а два Константинополя. Но въ

данномъ случаѣ, восточная дилемма не приводилась къ благополучному концу даже и этимъ остроумнымъ рѣшеніемъ. „Все окончится благополучно, если всѣ будутъ дѣйствовать добросовѣстно“, сказалъ Императоръ Николай Павловичъ Кастельбажаку [51]). Но въ томъ то и дѣло, что о добросовѣстномъ рѣшеніи восточнаго вопроса никто тогда, кромѣ Державнаго правителя Россіи, и не думалъ.

ФРАНЦІЯ.

Наполеонъ III мечталъ о томъ, какъ бы вырвать нравственную гегемонію надъ Европой изъ рукъ Русскаго Царя, какъ бы убавить „чрезмѣрное честолюбіе“ у этого Короля Королей, уничтожить трактатъ 20-го ноября 1815 г., которымъ потомство Наполеона I навѣки устранялось отъ французскаго престола, какъ бы возвратить Франціи ея „естественныя границы“ и какъ бы сдѣлаться властелиномъ судебъ міра. По словамъ французскаго историка [52]), Наполеонъ III тѣмъ не менѣе „думалъ гораздо больше о себѣ, чѣмъ о Франціи; вовлекая страну въ грандіозную войну съ Россіей, онъ руководился больше всего своимъ личнымъ честолюбіемъ“.

На французскій тронъ Наполеонъ взошелъ по трупамъ, которыми были покрыты бульвары Парижа. О началѣ его царствованія Франція была извѣщена „ураганомъ пуль и картечи“. Тѣмъ не менѣе онъ не стѣсняясь возвѣстилъ народу, что „Имперія—это миръ“ [53]). Но такъ какъ корона шаталась на его головѣ, а власть, вчера родившаяся и неимѣвшая корней въ странѣ, конечно, не могла разсчитывать на завтрашній день, то пришлось сейчасъ же подумать о средствахъ укрѣпленія этой власти. Наполеонъ желалъ царствовать, а для этого нужно было прежде всего удовлетворить національное самолюбіе французовъ и доставить великой націи волненіе битвъ, славу оружія, владычество въ Европѣ [54]). „Правительство, запрещающее намъ удовлетворять наши страсти на трибунѣ,—сказалъ Тьеръ (въ разговорѣ съ Сеньоромъ),—должно дать имъ полный просторъ на полѣ сраженія. Затрудненіе будетъ заключаться не въ томъ, чтобы затѣять войну, а въ томъ, чтобы избѣжать ея“ [55]). То же самое блестяще предсказалъ и гр. Нессельроде въ началѣ 1853 года. „Наполеону“, — писалъ онъ барону

38932
БИБЛИОТ
Государственная ... итет
Карел... ой АС Р

Бруннову,—„нужна война во что бы-то ни стало и онъ ее непремѣнно вызоветъ“ [56]). Гр. Нессельроде пошелъ далѣе и показалъ, что наиболѣе выгодно Наполеону вызвать войну съ Россіей, такъ какъ эта война не потребуетъ всѣхъ силъ Франціи и не коснется ея границъ. Русскій флотъ легко уничтожить, города по Черному морю можно сжечь, бунтовщикамъ на Кавказѣ полезно подать подкрѣпленіе. Жертвъ на все это много не потребуется, а шуму и славы будетъ достаточно [57]). Вскорѣ, по его воцареніи, изъ Парижа пошли происки во всѣ стороны. По свѣту пускалась всякая ложь. Казеннымъ барометромъ являлась газета „Монитёръ“. Она, конечно, показывала хорошую погоду, хотя воздухъ давно уже былъ наполненъ электричествомъ [58]) и пахло даже порохомъ; за туманомъ ея лжи, опредѣленно вырисовывалась фигура истиннаго „поджигателя“...

Извѣстно затѣмъ, что Императоръ Николай I не согласился признать наслѣдственности титула „Наполеонъ III“, т. е. династической цифры и, кромѣ того, отказался считать его равнымъ Себѣ и потому называлъ его въ Своихъ письмахъ „Sire et bon ami“, а не „Sire et bon frère“, какъ принято между монархами [59]). Письмо Николая Павловича показалось императрицѣ Евгеніи не только холоднымъ и суровымъ, но личной обидой и это она успѣла внушить своему коронованному супругу. Заслуживаетъ вниманія маленькая подробность. Въ 1830 и 1848 г.г., когда прусскій король думалъ о демонстраціи французской имперіи, то Императоръ Николай I писалъ ему: „Необходимо щадить щекотливость французовъ. Не слѣдуетъ (поэтому) дѣлать военныхъ демонстрацій и затѣвать ссоры изъ-за титула“. А теперь несоблюденіе общепринятой формы письма дало Наполеону поводъ къ войнѣ, которая положила конецъ преобладающей роли Россіи въ Европѣ [60]).

Радуясь тайно возникшему недоразумѣнію, Наполеонъ оффиціально искусно прикрывался миролюбіемъ. Передъ окончательнымъ разрывомъ, онъ обратился къ Государю собственноручнымъ письмомъ, взывая къ примиренію и мудрости. Чтобы всѣ знали о его благихъ стремленіяхъ, письмо было обнародовано въ газетахъ Франціи [61]).

Къ театральнымъ позамъ онъ прибѣгалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Историкъ Грегуаръ говоритъ, что Наполеонъ, не безъ разсчета на эффектъ, рисовался своимъ великодушіемъ во время парижскаго конгресса. „Показавъ свою силу на войнѣ, онъ хотѣлъ

показать свою умѣренность послѣ побѣды". Другой примѣръ. Когда войска возвращались изъ Крыма въ Парижъ, то придумано было образовать авангардъ изъ баталіона раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ, которыхъ сопровождалъ священникъ [62]).

Говоря объ отношеніи Россіи къ Франціи наканунѣ Крымской войны, нельзя не упомянуть о воззрѣніяхъ М. Погодина. Заслуживаетъ вниманія то упорство, съ которымъ Погодинъ, начиная съ 1842 г., пропагандировалъ союзъ съ Франціей [63]). „Франція",—писалъ онъ,—„естественная, вѣрная, полезная союзница Россіи; въ союзѣ съ Франціей, Россія можетъ управлять Европой"... Главное въ политикѣ—польза, а союзъ съ Франціей полезенъ для Россіи. Даже въ эпоху Крымской войны Погодинъ остался убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза. Непрочность французскаго правительства онъ не считалъ препятствіемъ для этого союза, такъ какъ „у французовъ внѣшняя политика не зависитъ никогда отъ образа правленія". Погодинъ находилъ тогда, что изъ всѣхъ нашихъ враговъ, съ Франціей легче всего примириться. При Императорѣ Николаѣ I твердить подобныя мысли было безполезно. Наполеонъ III выражалъ (нашему послу, гр. Киселеву) свое восторженное отношеніе къ личности русскаго монарха, но ничто не помогало. Послѣ кончины Николая Павловича, Погодинъ опять выступилъ со своимъ проектомъ. По мнѣнію нашего историка, Наполеону не надо было ни Севастополя, ни Бессарабіи. Владѣній въ Азіи Франція не имѣетъ, по Дунаю суда французскія не плаваютъ, и до славянъ нѣтъ никакого дѣла французамъ... Пламенная фантазія московскаго патріота рисовала ему въ будущемъ слѣдующую картину: „Русскіе великіе князья на престолахъ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Молдавіи, Валахіи, а Петербургъ—въ Константинополѣ". Были и среди французовъ такіе, которые смотрѣли на дѣло почти также, какъ Погодинъ. Въ журналѣ маршала Кастеллана, отъ 19-го декабря 1855 года, находимъ слѣдующую знаменательную отмѣтку: „Между французами и русскими нѣтъ никакой ненависти; и тѣ и другіе говорятъ, что они другъ друга уважаютъ и дерутся лишь потому, что должны исполнять долгъ. Позднѣе, между Франціею и Россіею будетъ союзъ" [64]).

АНГЛІЯ.

Внѣшней политикой Англіи въ разсматриваемое время завѣдывали Джонъ Россель и лордъ Пальмерстонъ. Послѣдній, замѣтивъ несогласіе, возникшее между Парижемъ и Петербургомъ, поспѣшилъ, во 1-хъ, поздравить Людовика-Наполеона съ восшествіемъ на престолъ, а, во 2-хъ, протянулъ ему руку помощи въ начатой борьбѣ. Пальмерстонъ—давнишній врагъ Россіи. Пары недоволь-ства и злобы онъ сталъ разводить уже въ тридцатыхъ годахъ, но тогда ему не удалось составить противъ насъ сильной коалиціи, а до единоборства Англія, какъ извѣстно, не охотница. Въ Наполеонѣ III лордъ Пальмерстонъ усмотрѣлъ весьма подходящаго союзника и потому съ удвоенной силой принялся за старую интригу, надѣясь въ то же время достичь популярности и прослыть великимъ человѣкомъ. Этотъ лордъ, съ „путанной головой“ и высокомѣрнымъ характеромъ, не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія намѣченной цѣли [65]).

Онъ давно и систематически возбуждалъ противъ Россіи общественное мнѣніе и, наконецъ, достигъ того, что англійскіе государственные люди боялись встать на защиту русскаго дѣла, такъ какъ такое заступничество знаменовало собой въ глазахъ населенія или бездарность, или слабость характера [66]). Пальмерстонъ былъ весьма послѣдователенъ въ достиженіи желаемой цѣли. Замѣтивъ, напримѣръ, что лордъ Дюрэмъ, состоявшій при нашемъ дворѣ, подпалъ подъ обаяніе личности Императора Николая I, онъ отозвалъ этого посланника изъ Петербурга. Нечего и говорить о томъ, что въ борьбѣ сэра Стратфорта Каннинга (какъ англійскій пэръ, онъ имѣлъ званіе лорда Редклифа) съ княземъ А. Меншиковымъ въ Константинополѣ, Пальмерстонъ являлся главнымъ вдохновителемъ перваго. Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что на совѣсти Англіи осталось подстрекательство турокъ къ войнѣ. Не малую роль сыграли тутъ и личныя враждебныя чувства лорда Стратфорта-Редклифа. Онъ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Турціи и въ Германіи его недаромъ съ озлобленіемъ называли „Константинопольскимъ султаномъ“. „Если бы англичане и французы не вмѣшались такъ безсовѣстно и съ такою злостью въ наши дѣла съ турками,—читаемъ въ письмѣ князя М. С. Воронцова,—то султанъ, конечно бы, помирился [67]). У Пальмерстона былъ великій талантъ „все перепутывать и все смѣшивать“. „Бой-

тесь лорда Пальмерстона,—сказалъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ уже въ 1839 г.—это человѣкъ недоброжелательный". Англія, руководимая Пальмерстономъ, вела себя столь безцеремонно, что графъ Нессельроде призналъ систему, принятую англійскимъ кабинетомъ, безпримѣрной и неслыханной въ лѣтописяхъ исторіи [68]). И не одинъ графъ Нессельроде. Извѣстный нашъ поэтъ В. А. Жуковскій аттестовалъ Пальмерстона „злымъ геніемъ нашего времени", человѣкомъ „съ капризной волей" и чуждымъ „всякаго уваженія къ высшей правдѣ". „На бѣду нашего вѣка",—продолжаетъ Жуковскій,—„и къ безчестію англійскаго народа, рулемъ ея корабля управляетъ рука, недостойная такой чести и власти... Англія, при всемъ своемъ народномъ величіи, не иное что, какъ всемірный корсаръ, сообщникъ сперва потаенный всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ общественный, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильнаго и безъ стыда поднимающій красное знамя коммунизма... Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Какой мятежникъ не былъ признанъ союзникомъ ея правителя" [69]). Эта характеристика была сдѣлана въ 1849 году, т. е. за четыре года до войны, когда русскій писатель имѣлъ возможность отнестись къ событіямъ спокойно и разсудительно.

Императоръ Николай I хотѣлъ думать, что королева Викторія, по крайней мѣрѣ, уважала Его и сочувствовала Его воззрѣніямъ. Изъ сочиненій Мартина (Th. Martin), пользовавшагося письмами и дневникомъ королевы, становится, однако, очевиднымъ, что супругъ ея, принцъ Альбертъ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ противниковъ Россіи. Онъ же, какъ извѣстно, руководилъ королевой, очень усердно корреспондировалъ со всѣми европейскими дворами и, наконецъ, ему приписывается мысль объ избраніи Крыма мѣстомъ высадки союзныхъ войскъ [70]). Принцъ Альбертъ понималъ, что Россію нельзя завоевать, но надѣялся, что отъ нея могутъ отпасть западныя области. Въ этомъ отношеніи онъ, въ извѣстной мѣрѣ, сходился съ Наполеономъ, который обдумывалъ планъ поднятія народнаго возстанія на Кавказѣ, въ Финляндіи и въ Польшѣ [71]).

Свое вмѣшательство въ русско-турецкія дѣла Англія прикрывала звонкими заявленіями о необходимости сохраненія цѣлости и неприкосновенности Турціи для успѣховъ цивилизаціи и общаго благосостоянія Европы! Эти заявленія исполнены были такой лжи, что нѣкоторые честные англичане тогда же усмотрѣли необходи-

мость ихъ разоблаченія. „Наша любовь къ просвѣщенію въ то время, когда подчиняемъ грековъ и христіанъ туркамъ, постыдна,— говорилъ Брайтъ,—и жертвы, приносимыя нами во имя свободы, въ то время, какъ мы исполняемъ приказанія императора французовъ, уничтожавшаго свободную конституцію и рѣзсѣявшаго военною силою національное собраніе,—суть лицемѣріе“ [72]).

Истинную причину особенной заботливости англичанъ о неприкосновенности Турціи легко понять. Англія ревнива на морѣ. Въ данномъ случаѣ ее тревожили морская сила Россіи, ея торговля и естественное стремленіе войти въ ближайшія сношенія съ Малой Азіей [73]). Кромѣ того, Англія не хотѣла допустить, чтобы русскіе стали хозяевами Чернаго моря [74]) и не превратили его въ „un lac russe“ [75]). Война для Англіи сводилась, такимъ образомъ, какъ всегда, къ вопросу о торговомъ балансѣ, о новыхъ рынкахъ. Но прежде всего, она направлена была теперь противъ возможнаго расцвѣта русскаго флота. Русскій флотъ давно уже являлся бѣльмомъ на глазу Джона Буля.

Послѣ Восточной войны англійскіе дипломаты пытались убѣдить свѣтъ, что Великобританія была вовлечена въ борьбу помимо ея желанія. По поводу одного подобнаго увѣренія, графъ П. Д. Киселевъ напомнилъ англичанину о рѣчи лорда Кларендона, произнесенной въ палатѣ общинъ 24-го февраля 1854 г. „Война противъ Царя не приведетъ ни къ чему, если оставятъ въ цѣлости когти Его; Онъ будетъ дѣлать ими захваты и впредь. Надо заставить Его возмѣстить съ избыткомъ и 100.000,000, и потоки крови, которыми пожертвуетъ Европа въ борьбѣ съ Нимъ; заплатить же все это Онъ долженъ не деньгами, а возвратомъ всѣхъ захваченныхъ территорій, захватовъ, угрожающихъ спокойствію сосѣднихъ державъ. Европа до тѣхъ поръ не будетъ покойна, пока притязанія петербургскаго кабинета въ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Даніи и Турціи не будутъ устранены; безъ этого, во всѣхъ этихъ государствахъ никакая либеральная политика невозможна. Поэтому необходимо, разъ навсегда, собрать всѣ силы и безъ всякихъ дурныхъ помысловъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, отбросить русское государство въ предѣлы, которые ему предназначены природою и исторіею“ [76]).

Точка зрѣнія графа Киселева въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадала съ воззрѣніемъ нашего правительства, признававшаго, что „Англія есть и остается нашимъ дѣйствительнымъ и непреклоннымъ врагомъ“ [77]).

ПРУССІЯ.

На отношеніе къ намъ Пруссіи въ эпоху Крымской войны установился вообще невѣрный взглядъ, благодаря тому, что берлинскому двору удалось тогда значительно замаскировать свои дѣйствительныя симпатіи къ Западу. Императоръ Николай I скончался, не подозрѣвая ея дѣйствительныхъ стремленій и измѣны и потому на смертномъ одрѣ просилъ благодарить короля за то, что „онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи“ [78]).

Пруссаковъ называли въ эпоху Крымской войны (въ одно время) даже приспѣшниками (satellites) русскихъ. Это, конечно, несправедливо. Начать съ того, что уже 20-го апрѣля (нов. ст.) 1854 г. Пруссія подписала договоръ съ Австріей, съ цѣлью взаимно гарантировать другъ другу цѣлость своихъ владѣній. Договаривавшіеся обѣщались начать войну съ Россіей, если она овладѣетъ турецкими провинціями на лѣвомъ берегу Дуная, или двинется къ Константинополю [79]).

Фридрихъ-Вильгельмъ не зналъ на чемъ остановиться. То онъ „отклонялся“ на Западъ, то на Востокъ, то придерживался политики выжиданій. Сперва на берегахъ Шпре раздавались увѣренія въ вѣрности Россіи и ненависти къ Вѣнѣ; но затѣмъ все измѣнилось. Фридрихъ-Вильгельмъ „вставалъ по утру русскимъ, а ложился спать англичаниномъ“, какъ выразился Императоръ Николай I. Пруссія присматривалась, желая опредѣлить, кто истинный распорядитель Запада. Вѣна мѣшала ей сблизиться съ Англіей, пугая союзомъ съ Наполеономъ, а Англія грозила разгромить ея балтійское побережье, если Пруссія склонится къ Россіи [80]). Франціи она боялась. Какъ только показывались тучи на небосклонѣ, Пруссіи казалось, что она слышитъ уже топотъ и ржаніе французскихъ коней у Рейна [81]). Россію Пруссія не любила, такъ какъ Николай Павловичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы она не расширялась вдоль побережья Балтійскаго моря и не захватила Кильской гавани. Поэтому Императоръ Николай I, ссылаясь на принятыя Россіей обязательства (въ XVIII ст.) гарантировать права датскаго королевскаго дома, стоялъ за Данію, желая, чтобы она владѣла ключами къ Балтійскому морю [82]). Эта забота Государа показывала въ Немъ большую предусмотрительность. „Россія“,—сказалъ Талейранъ,— „гигантъ, у котораго не можетъ быть полнаго развитія внутреннихъ силъ, благодаря тому, что поражены оба легкія, т. е. выходы изъ Балтійскаго и Чернаго морей“.

Бисмарку не нравилась политика берлинскаго двора и онъ тогда же доказывалъ королю, что положеніе Пруссіи не было столь плохимъ, какъ представлялось многимъ. Блокада береговъ англійскимъ флотомъ не являлась опасной, такъ какъ ранѣе того ее не разъ переносила даже Данія. Войска Австріи были пригвождены къ мѣсту русской арміей, расположенной въ Польшѣ. Франція была обезсилена посылкой цвѣта своей арміи въ Крымъ. Въ виду этого Бисмаркъ находилъ, что Пруссіи представлялся удобный случай выступить самостоятельно съ вѣскимъ голосомъ, тогда какъ она предпочла пойти въ услуженіе Австріи [83]). Излишне, вѣроятно, прибавлять, что, совѣтуя невмѣшательство въ борьбу Россіи съ коалиціей, Бисмаркъ отнюдь, конечно, не побуждался къ тому дружественнымъ расположеніемъ къ нашему отечеству. Интересовъ Пруссіи онъ не смѣшивалъ съ интересами Россіи, которая, по его мнѣнію, „во многомъ провинилась передъ Пруссіей“ [84]).

Дѣлаемые Пруссіей шаги прикрывались отъ Россіи обильными, но въ сущности совершенно безсодержательными, заявленіями и обѣщаніями Фридриха-Вильгельма. Въ нѣжныхъ письмахъ онъ изъявлялъ свою неизмѣнную преданность Николаю I [85]), увѣрялъ Царя, что никогда не осоюзится съ Западомъ и что нейтралитетъ „не будетъ ни нерѣшительнымъ, ни шаткимъ, а державнымъ“.

Съ горячностью этотъ „Романтикъ на тронѣ“ говорилъ нашему послу Будбергу: „Кто можетъ считать насъ способными на такую низость? Намъ соединиться съ Западомъ противъ Россіи! Одно подозрѣніе оскорбительно для насъ...“ [86]). Въ другомъ разговорѣ (съ Мутье) король заявилъ: „Дозволитъ ли прусская честь порвать узы родства, сорокалѣтнія узы? [87]). „Я буду дудкой рядомъ съ русскимъ барабаномъ“, обѣщалъ король Пруссіи. Но когда настала минута подать помощь Державному шурину, то онъ отвѣтилъ отказомъ, забывъ, подобно Австріи, что Пруссія не разъ была спасаема Россіей.

Мало-по-малу Пруссія оставила однако колебанія и король проникся убѣжденіями тѣхъ, которые были противъ русскаго союза. Партія придворной опозиціи, извѣстная подъ именемъ „Вохеблато“ (отъ „Preussische-Wochenblatt“), была особенно воинственна. Къ ней примыкали посланникъ въ Англіи, Бунзенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, а главное — наслѣдникъ престола.

Среди генераловъ ея шли разговоры о „быстромъ натискѣ“ на Варшаву; другіе, еще болѣе воинственные офицеры, брали уже

Петербургъ, съ помощью союзнаго флота и шведской арміи. Программа партіи сводилась къ раздѣлу Россіи: Швеція получала Финляндію съ Аландскими островами, а балтійскія провинціи (вмѣстѣ съ Петербургомъ) предназначались Пруссіи. Польша возводилась въ самостоятельное государство. Великороссія отдѣлялась отъ Малороссіи. Все это мотивировалось, конечно, необходимостью освобожденія цивилизаціи отъ русскаго варварства [88]). Кн. Бисмаркъ называетъ эту программу въ своихъ мемуарахъ „дѣтской утопіей“, такъ какъ въ ней къ шестидесятимилліонному населенію великороссовъ относились, какъ къ caput mortuum. Былъ моментъ, когда король, въ порывѣ восхищенія идеей освобожденія христіанъ, смѣстилъ Бунзена, военнаго министра и др. неугодныхъ Россіи лицъ. Но порывъ прошелъ и онъ болѣе твердыми шагами послѣдовалъ совѣту гр. Гольца и наслѣднаго принца Вильгельма, впослѣдствіи германскаго императора. „Русскій союзъ невозможенъ“,—говорилъ гр. Гольцъ. „Пруссія и Германія заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ могучій и страшный сосѣдъ не усилился“ [89]). Въ томъ же смыслѣ высказался и наслѣдный принцъ, въ письмѣ, которое въ 1888 г. было опубликовано въ „Кельнской Газетѣ“ (отъ 9-го ноября, № 311). Признавъ дѣло Россіи неправымъ, Вильгельмъ продолжалъ: „Нашею нерѣшительностью, нашими колебаніями и, наконецъ, нашимъ бездѣйствіемъ мы доводимъ дѣло до того, что Россіи представится возможность выйти побѣдительницею изъ катастрофы, а тогда Россія будетъ всѣмъ намъ диктовать миръ, тогда Европѣ придется плясать лишь по ея дудкѣ... Я понимаю задачу Пруссіи (наоборотъ), чтобы не доставить Россіи побѣду, чтобы не помочь ей достигнуть упомянутаго выше главенства, Пруссія должна войти въ соглашеніе съ западными державами и вмѣстѣ съ Австріей вести Германію по единственно вѣрному направленію“ [90]).

Такъ въ концѣ концовъ и было поступлено. Едва только Пруссія узнала о паденіи обагреннаго кровью Севастополя, какъ король поспѣшилъ поздравить Наполеона съ побѣдой, ибо тайно онъ давно уже пылалъ желаніемъ не дать Россіи черезчуръ властвовать на Востокѣ, путемъ заправленія Турецкою имперіею [91]).

Россія же продолжала вѣрить Фридриху-Вильгельму и считать Пруссію „намъ невраждебной“ (слова гр. Нессельроде). Исходя изъ этого положенія, русскій кабинетъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представитель Пруссіи былъ допущенъ на парижскій конгрессъ. Въ благодарность за наши хлопоты, она отправила въ Парижъ

гр. Мантейфеля — злѣйшаго врага Россіи (о которомъ Мутье сказалъ: „Пока будетъ Мантейфель, можемъ быть увѣрены, что Пруссія не станетъ за Россію“). Отмѣтимъ еще, что именно Пруссіи довелось переполнить чашу нашихъ неудачъ 1855 г. Наполеонъ готовился уже снять осаду Севастополя; но въ это время министру Пруссіи Мантейфелю удалось, черезъ шпіона, достать копіи съ частныхъ писемъ военнаго агента въ Петербургѣ къ генералу Герлаху (въ Берлинъ). Въ этихъ письмахъ рисовалось безвыходное положеніе Россіи и высказывалась надежда на скорое паденіе Севастополя. Копіи были вручены повелителю Франціи и тотъ выждалъ грядущихъ событій...

АВСТРІЯ.

Объ отношеніи къ намъ Австріи въ трудные годы Крымской войны много было говорено и писано. Что собственно представляла изъ себя Австрія въ то прошлое время, когда она была постоянной нашей союзницей? Австрія, — какъ выражался самъ ея повелитель Францъ I (въ 1829 году нашему послу Татищеву),—походила „на домъ, изъѣденный червями“. Она всего боялась и никому не довѣряла. Мы никогда не пользовались ея затруднительнымъ положеніемъ, она же обыкновенно была душой интригъ, направленныхъ противъ насъ. Въ исторіи трудно отыскать событія, во время которыхъ она проявила бы искреннія дружескія чувства къ Россіи и тѣмъ не менѣе мы считали тогда основнымъ правиломъ своей политики дѣйствовать непремѣнно заодно съ Австріей. Въ нашу программу введено было много отвлеченнаго, высокаго; Австрія, напротивъ, все подобное исключила изъ числа своихъ руководящихъ началъ. Въ результатѣ получилось значительное наше подчиненіе взглядамъ вѣнскаго двора, потому что тамъ знали, чего хотѣли и къ чему шли, а у насъ нерѣдко витали въ области общихъ принциповъ.

По Мюнхенгрецкой конвенціи мы условились даже рѣшать восточныя дѣла по соглашенію съ Австріей, тогда какъ прежде всегда отказывались признать турецкія дѣла вопросомъ общеевропейской важности. Само собой понятно, что такое соглашеніе связало насъ по рукамъ и ногамъ [32]). Въ тѣ же періоды, когда Россія (какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I) усвоивала себѣ болѣе энергическій образъ дѣйствій, Австрія склоняла покорно свою голову [33]).

Этотъ энергическій образъ дѣйствій и строго опредѣленная программа особенно необходимы были въ дѣлахъ, касавшихся восточной проблемы. Но, къ сожалѣнію, наши грѣхи прошлаго въ томъ-то и заключаются, что у насъ не было яснаго пониманія собственныхъ интересовъ; мы не слѣдовали исключительно національному направленію въ политикѣ и не въ мѣру считались съ общественнымъ мнѣніемъ Европы [94]).

Въ періодъ Крымской войны поведеніе Австріи опять явилось притчей во языцѣхъ. Когда нарушено было „сердечное соглашеніе“ (какъ любили выражаться дипломаты), она хотя и явила себя нейтральной, но въ то же время оставила за собой право соображаться съ собственными интересами [95]). Формулировать дѣйствительное ея положеніе чрезвычайно трудно, такъ какъ политика ея,—по донесенію князя А. Горчакова,—„мѣнялась не со дня на день, а съ утра до вечера“ [96]). Она изворачивалась на сотни ладовъ, пустила въ ходъ весь запасъ своихъ уловокъ, а иногда пыталась воздѣйствовать на насъ давленіемъ. Всѣми этими пріемами Австрія едва ли не болѣе другихъ повліяла на исходъ дѣла [97]).

До какой степени она была ненадежна, видно, напримѣръ, изъ того, что, разсчитывая на ея нейтралитетъ, Императоръ Николай I согласился принять предложенные ею пункты соглашенія (въ ноябрѣ 1854 года), а черезъ четыре дня она уже заключила съ западными державами союзный договоръ. Когда-же Австрія примкнула къ нимъ, естественно, что требованія ихъ возросли.

Баронъ Жомини находитъ, что Австрія въ концѣ-концовъ сама запуталась въ тонкостяхъ своей политики. Во всякомъ случаѣ, ея система, по отношенію къ Россіи, была системой недоброжелательства, угрожающаго нейтралитета и непріятельской хитрости. Этой системой она принесла болѣе вреда, чѣмъ открытой враждой [98]). Императоръ Николай Павловичъ также чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ, что „вся тактика Австріи состоитъ въ томъ, чтобы насъ держать въ недоумѣніи и тѣмъ стращать. Къ несчастію, кажется, что имъ удалось“ [99]). Да, къ несчастію, дѣйствительно удалось.

Австрія, какъ и Пруссія, заняла крайне непріятное для Россіи положеніе. Открыто вредить намъ она не смѣла; разрыва съ нами она опасалась. Наша же ошибка заключалась въ томъ, что мы не сумѣли сразу разгадать ея моральное сочувствіе Западу и ея уклончивой политики и, кромѣ того, совершенно ошибочно допускали, что она въ состояніи пойти войной на Россію. „Я держу

себя подальше отъ васъ, чтобы лучше помочь вамъ", хитрилъ Буоль [100]), который въ сущности слѣдовалъ политикѣ Меттерниха, совѣтовавшаго[101]), маневрируя, удалить русскихъ изъ княжества„[102]). Наша ошибка и недогадливость должны быть въ значительной мѣрѣ отнесены на счетъ нашего представителя въ Вѣнѣ, который недостаточно вникъ въ дѣло, велъ себя нервно, представлялъ нерѣдко противорѣчивыя донесенія и безъ надобности грозилъ иногда войною [103]). Такое вызывающее поведеніе, конечно, побуждало Австрію не прерывать переговоровъ съ западными державами [104]). А затѣмъ у князя Горчакова не хватало хладнокровія, „которое, какъ на войнѣ, такъ и за столомъ конференціи, обезпечиваетъ успѣхъ". Наконецъ, онъ смѣшивалъ политику повелителя Дунайскаго царства съ политикой его министра Буоля. Самъ же Францъ-Іосифъ ни разу намъ войной не угрожалъ и находилъ, что Россіи достаточно оставить на австрійской границѣ одного своего сторожа [105]). Правда, что и Буоль неоднократно говорилъ князю Горчакову, что „какой бы оборотъ не приняли дѣла, онъ (Буоль) считаетъ войну между Россіей и Австріей невозможной [106]). Нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ, графъ Стакельбергъ, былъ того мнѣнія, что ранѣе весны (1855 года) нечего было опасаться нападенія австрійцевъ [107]). Лучшій военный авторитетъ Австріи того времени, генералъ Гессе, признавалъ даже, что простая демонстрація со стороны Австріи „ведетъ на скользкій путь" и подтверждалъ свое заявленіе цифровыми данными [108]). Короче, въ настоящее время можно считать установленнымъ, что Австрія не думала объявлять намъ войны. Всѣ эти опасенія о войнѣ со стороны Австріи А. Н. Петровъ признаетъ обоюднымъ печальнымъ недоразумѣніемъ [109]). Но, тѣмъ не менѣе, Австрія заняла Дунайскія княжества—Молдавію и Валахію—и, такимъ образомъ, обезпечила лѣвый флангъ коалиціи. Двусмысленное же поведеніе Австріи и то „недоумѣніе", въ которомъ она держала насъ, какъ сказано, обошлось намъ очень дорого, такъ какъ благодаря ей, создалось такое положеніе: „Россія принуждена была обороняться одной рукой отъ громаднаго натиска Франціи и Англіи, а другая наша рука была занята и прижата подавляющей тяжестью *Австріи*" [110]).

Въ критическій періодъ размолвки съ Венгріей, Австріи было дано нами 6,000,000 рублей и оказана поддержка войсками, а затѣмъ, во время ея столкновенія съ Пруссіей, Императоръ Николай I вновь принялъ ея сторону. Вмѣсто признательности и помощи Россіи, она (какъ выразился Шварценбергъ) удивила міръ

своей неблагодарностью и въ трудную для насъ эпоху металась, желая въ каждую минуту быть готовой стать рядомъ съ сильнѣйшимъ. „Она поспѣшитъ на помощь побѣдителю“, остроумно выразился о ней генералъ Летонъ. И дѣйствительно, замѣчено было, что послѣ высадки англо-французовъ въ Крыму, вѣнскій дворъ явно сталъ высказывать къ намъ свою враждебность [111]), а затѣмъ на парижскомъ конгрессѣ Австрія проявила себя настойчивыми требованіями тяжелыхъ жертвъ отъ Россіи. Это особенно удивило графа Орлова, который вполголоса сказалъ сардинскому посланнику Кавуру: „Австрія хлопочетъ такъ сильно, какъ будто бы не французы, а она брала Севастополь“ [112]). Во всякомъ случаѣ Австрія шла далѣе Франціи въ своихъ притязаніяхъ и она возбудила вопросъ объ отобраніи у насъ дунайскихъ гирлъ.

Австрійское двуличіе было по достоинству оцѣнено Рыцаремъ-Монархомъ. „Канальство австрійцевъ продолжается и ставитъ насъ въ самое затруднительное положеніе (связывая дѣйствія Горчакова), — писалъ Государь 10 (22) іюля 1854 г. князю Меншикову. 19 (31) іюля того же года Государь сообщалъ князю Горчакову: „Тамъ (въ Австріи) коварство и ослѣпленіе не знаютъ предѣловъ. Здравый разсудокъ исчезъ въ равной степени со всѣми чувствами чести и благородства. Злоба, зависть и ненависть къ намъ, одни оставшіяся чувства. Богъ ихъ накажетъ рано или поздно. Но покуда будемъ осторожны“. Въ рескриптѣ отъ 28 Іюля (9 авг.), къ нему же читаемъ: „Я ни въ грошъ не вѣрю Австріи“... Еще опредѣленнѣе Государь выразился въ письмѣ къ графу Паскевичу отъ 3 (15) авг. 1854 г.: „Ни чуть не вѣрю ни императору, а еще менѣе канальѣ Буолю. Австрія играетъ подлую и коварную роль“ [113]). Понята была нечистая игра Австріи и русскимъ обществомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, дневникъ Погодина и частная переписка многихъ лицъ. „Боюсь болѣе Вѣны, нежели Севастополя“, писалъ, напримѣръ, остроумный кн. П. А. Вяземскій [114]).

Скончался Императоръ Николай I [115]). Когда вѣсть объ этомъ дошла до Вѣны, Францъ-Іосифъ посѣтилъ кн. Горчакова и высказалъ свою горесть, возбужденную утратой искренняго друга, въ такую минуту, когда онъ надѣялся дать этому другу доказательства своей благодарности и искренняго возвращенія къ прежней политикѣ [116]). Францъ-Іосифъ просилъ поэтому Императора Александра II принять его дружбу, какъ наслѣдіе и память о благородномъ родителѣ Государя [117]). Къ этому предложенію Государь

отнесся, однако, весьма сдержанно, насколько можно судить по Его рескрипту князю М. Д. Горчакову, въ которомъ сказано было: „Несмотря на всѣ его (Франца-Іосифа) дружескія увѣренія, Я никакой вѣры къ нему не имѣю и потому ожидаю и готовлюсь на худшее“ [118]).

Подведемъ итоги австрійской политики (1854—1855 г.г.) словами С. С. Татищева [119]). Онъ представилъ краткую, но яркую картину австрійской эволюціи, приведшей ее мало-по-малу въ лагерь нашихъ враговъ. „Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами чрезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Турціей, пригласивъ приступить къ нему и всѣ государства германскаго союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ вѣнскій дворъ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ предъявилъ къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи „четырехъ условій“; въ октябрѣ заставилъ Пруссію распространить на Дунайскія княжества дѣйствіе союзнаго своего съ нею договора, преобразивъ его такимъ образомъ изъ оборонительнаго въ наступательный; наконецъ, въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами „четырехъ пунктовъ“ и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, вѣнскій дворъ заключилъ съ Англіей и Франціей трактатъ, коимъ обязался въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1-го января нов. стил. слѣдующаго 1855 г., принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіею и не полагать оружія, доколѣ не будутъ достигнуты общія цѣли союза.

Итакъ, Пруссія и Австрія слѣдовали старому принципу· „Кто помогаетъ сосѣду, приготовляетъ себѣ гибель“.

Неудержимо стремился мощный потокъ событій, неся въ себѣ что-то роковое. Все шло по какой-то инерціи къ войнѣ [120]), которую довольно мѣтко назвали „войной неожиданностей“ [121]).

Всѣ какъ будто желали одного, а на дѣлѣ выходило другое. „Не желая войны“,— писалъ Богдановичъ,—„мы начали войну кровавую“. „Дѣло идетъ только о Святыхъ мѣстахъ и могущественной Англіи не стоитъ волноваться изъ-за столь ничтожнаго повода“,— говорили министры Великобританіи. Королева Викторія (и принцъ Альбертъ) въ началѣ 1854 г. стремились отклонить разрывъ съ Россіей, но кончили войной [122]). „Мы вовсе не намѣрены завоевывать Іерусалима, а тѣмъ болѣе ссориться съ Россіей“,—сообщалъ Тувенель генералу Кастельбажаку [123]). Самъ Людовикъ-Наполеонъ, вступивъ на французскій престолъ, высказалъ въ отношеніи къ намъ наилучшія намѣренія. Князю А. М. Горчакову было даже сообщено черезъ довѣренное лицо о желаніи императора Франціи сдѣлаться союзникомъ Россіи [124]). Нѣчто подобное наблюдается даже въ отношеніяхъ лорда Пальмерстона къ Россіи. Когда Императоръ Николай I сталъ на сторону султана, въ его борьбѣ съ египетскимъ пашею, лордъ Пальмерстонъ открыто восторгался великодушіемъ русскаго Государя и краснорѣчиво защищалъ нашу политику въ парламентѣ. Онъ даже согласился признать вліяніе Россіи въ Турціи „естественнымъ и законнымъ, ибо оно зависитъ отъ вашего географическаго положенія“,—сказалъ онъ русскому посланнику Бруннову [125]). Но вслѣдствіе одной изъ тѣхъ странныхъ перемѣнъ во мнѣніяхъ, которыя случаются у подобныхъ людей, лордъ Пальмерстонъ измѣнилъ свои старые взгляды, сталъ ярымъ противникомъ прогресса Россіи и твердо увѣровалъ въ возрожденіе Турціи [126]).

Возникло первое недоразумѣніе съ Турціей. Все было подготовлено къ его улаженію, Императоръ Николай I соглашался уже принять вѣнскую ноту (31-го іюля 1853 г.), ибо она, хотя въ иной формѣ, заключала въ себѣ сущность ультиматума кн. Меншикова, какъ совершенно неожиданно одна изъ берлинскихъ газетъ опубликовала содержаніе толкованій на эту ноту, представленныхъ въ запискѣ гр. Нессельроде Государю. Эта нескромность повредила дѣлу. Послы державъ отказались поддержать ноту передъ Портою и послѣдняя отвѣтила отказомъ [127]).

Вмѣстѣ съ чѣмъ-то роковымъ, которое наблюдается въ ходѣ событій того времени, обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что все полно противорѣчій, несообразностей и ничьи разсчеты не оправдались.

„Христіанскія державы ополчились противъ Россіи, чтобы не дать ей освободить христіанъ отъ турецкаго ига“. Европа, гордая

своей цивилизаціей, соболѣзнуетъ грубой Портѣ. Въ Европѣ говорили: „Турція изъ тѣхъ особъ, за которыми ухаживаютъ, но на которыхъ не женятся! Ея семейство слишкомъ бѣдно и пользуется слишкомъ дурной репутаціей“. И тѣмъ не менѣе Европа заключила союзъ съ этой особой „дурной репутаціи“ [128]).

Парламентская форма правленія—кумиръ Англіи. Наполеонъ III подвергъ у себя этотъ кумиръ поруганію и насилію и несмотря на это Англія вступаетъ въ союзъ съ Франціей. Англія наиболѣе другихъ хлопотала о томъ, чтобы династія Наполеоновъ не имѣла права занимать французскаго трона, но та же Англія первая признала теперь законность воцаренія Наполеона III. Англія кичится своей религіозностью, но тѣмъ не менѣе она соединилась съ самой католической страной для утвержденія господства магометанства надъ христіанствомъ. Лордъ Эбердинъ былъ едва ли не единственнымъ министромъ, раздѣлявшимъ воззрѣніе нашего Государя о недолговѣчности Турціи. Получивъ объ этомъ донесеніе своего посла, обрадованный Царь, подчеркнувъ слова лорда Эбердина, надписалъ: „Enfin...“ [129]). Это было въ августѣ 1853 г. Спустя нѣкоторое время тотъ же Эбердинъ старался уже оправдать отправленіе англо-французской эскадры въ Дарданеллы для поддержанія Турціи (хорошо зная также, что этимъ дѣйствіемъ англійскаго правительства нарушается конвенція 1841 г.). Въ октябрѣ 1853 г. Императоръ Николай I, врагъ всякой двусмысленности, поставилъ категорически вопросъ Англіи о ея дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Лордъ Эбердинъ отвѣтилъ такими беззастѣнчивыми изворотами, что Государь написалъ крупными буквами: „это подло“ [130]). Дѣло кончилось тѣмъ, что Императору пришлось воевать съ той Англіей, на которую Онъ смотрѣлъ, какъ на устой мира и порядка, и разрывъ произошелъ при Эбердинѣ, который наиболѣе доброжелательно относился къ Россіи.

Англія начала войну, разсчитывая на первенствующую роль въ коалиціи и на то, что дѣло ограничится блокадою береговъ и бомбардированіемъ крѣпостей. Она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Франція тратила милліоны на войну, которая никогда не пользовалась въ странѣ надлежащей популярностью и не оправдала сдѣланныхъ затратъ [131]).

У союзниковъ въ этой войнѣ не было никакихъ общихъ интересовъ и тѣмъ не менѣе вѣковые военно-торговые соперники протянули другъ другу руки...

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 ГОДА.

Отъѣздъ Непира изъ Англіи.
На лицѣ маска Юпитера, въ рукахъ перуны; судно построено у Барклая и Перкинса.
Каррикатура В. Невскаго.

Высочайшимъ манифестомъ отъ 9-го (21-го) февраля 1854 г. было доведено до всеобщаго свѣдѣнія о несогласіи Россіи съ Англіей и Франціей. Обѣ западныя державы, какъ сказано было въ манифестѣ, безъ предварительнаго объявленія войны ввели свои флоты въ Черное море... Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствія, Государь Императоръ отозвалъ свои посольства.

Въ первыхъ числахъ марта (н. ст.) 1854 г. англійскій флотъ, назначенный въ Балтійское море, снялся съ якоря. Кому принадлежитъ мысль объ этой диверсіи въ Балтійское море—намъ неизвѣстно; но уже въ февралѣ 1854 г. представитель Пруссіи при великобританскомъ дворѣ Бунзенъ передалъ совѣту англійскихъ министровъ предложеніе своего правительства, чтобы союзный флотъ вступилъ въ Балтійское море ранѣе 20-го марта (1-го апрѣля) [1]. Передъ выходомъ флота изъ Портсмута, королева произвела ему смотръ, а затѣмъ проводила его на нѣкоторое разстояніе въ море. Флагъ адмирала Непира былъ поднятъ на кораблѣ „Веллингтонъ“—лучшемъ украшеніи англійскаго флота. Вся эта морская сила двинулась тремя дивизіями подъ начальствомъ адмираловъ Карри, Чадса и Плюмриджа. Въ Копенгагенѣ король отказался принять Непира подъ предлогомъ болѣзни. 15-го (27-го марта) война была объявлена намъ Англіей и Франціей оффиціально [2].

Куда предполагалъ направиться Непиръ и что предпринять, не было съ достовѣрностію извѣстно русскимъ. Знали только, что по входѣ въ Балтійское море, онъ долго совѣщался съ двумя инженерными офицерами, которые давали ему объясненія объ укрѣпленіи Аландскихъ острововъ.

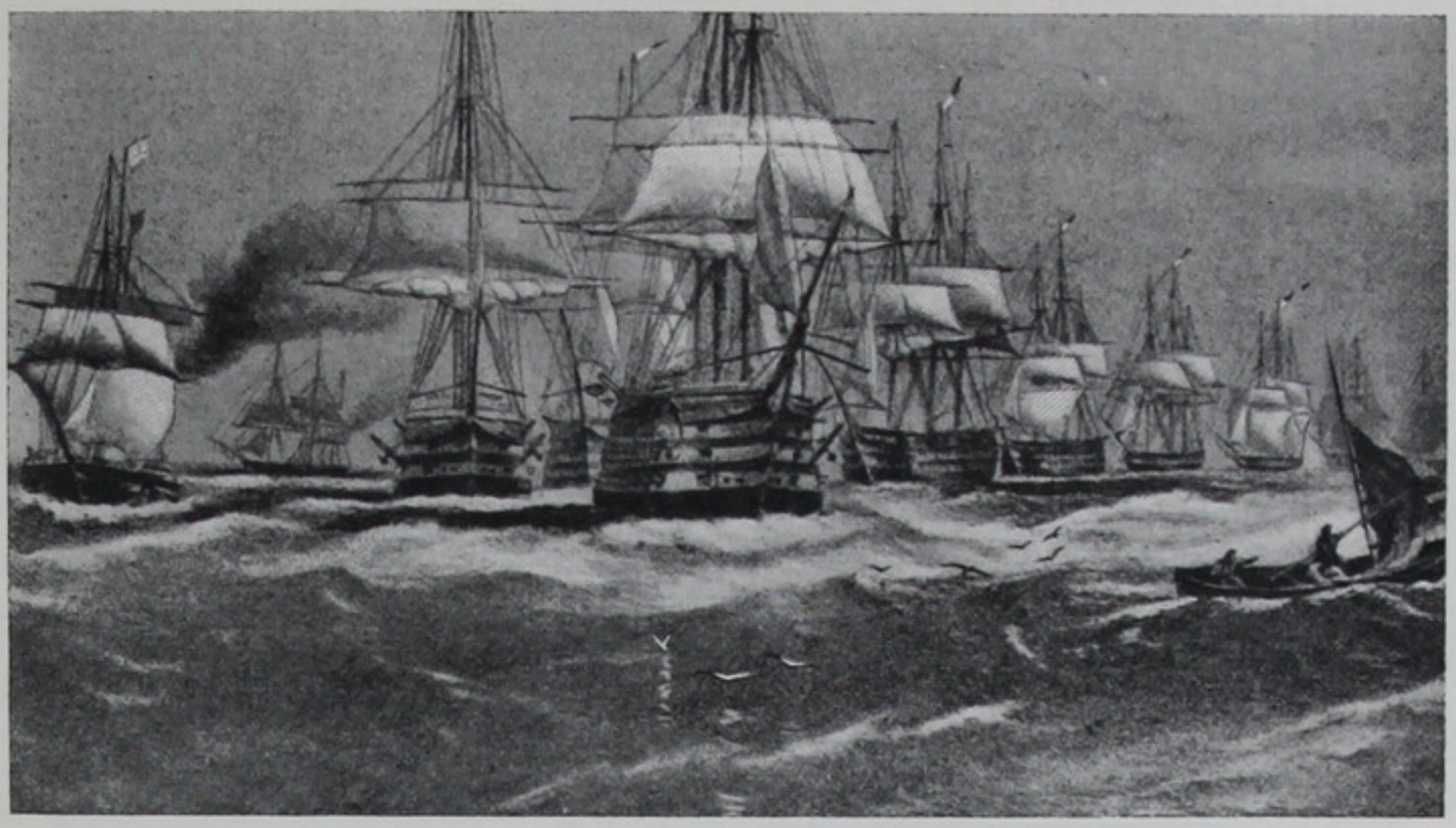
Англійскій флотъ, войдя въ Балтійское море, провелъ весь мартъ въ датскихъ водахъ, а два мѣсяца спустя появились французскія суда. Въ началѣ апрѣля была объявлена блокада этого моря.

Подъ начальствомъ вице-адмирала Непира находилось 49 судовъ, вмѣстимостію въ 85,454 тоннъ, 22,000 чел. морскаго экипажа и 2,344 орудія. Эскадра французовъ, бывшая подъ командой вице-адмирала Парсеваль-Дешена, состояла изъ 31-го паруснаго судна съ 1,308 орудій и 8,300 чел. [3]).

Адмиралъ Карри со своими судами держался сперва около Риги и Ревеля, Плюмриджъ—около острова Наргена, перейдя затѣмъ въ Ботническій заливъ, а Чадсъ крейсировалъ у береговъ Курляндіи [4]). Въ апрѣлѣ Непиръ входилъ уже въ Финскій заливъ; но ледъ помѣшалъ подойти къ Гельсингфорсу и Ревелю. Въ первыхъ числахъ іюня вся балтійская непріятельская эскадра сосредоточилась въ Барезундѣ и отсюда Непиръ повелъ ее двумя колоннами къ острову Сескару; 14-го іюня суда его показались подъ Кронштадтомъ. 16-го числа была произведена рекогносцировка крѣпости, защищавшей столицу, а 20-го іюня всѣ суда вновь стянулись къ Сескару. Складъ угля и провизіи находился сперва на островѣ Готландѣ, а затѣмъ базой непріятельскаго флота избранъ былъ островъ Наргенъ.

Въ половинѣ іюля французская эскадра усилилась десантомъ въ 12,800 чел. Такимъ образомъ въ Балтійскомъ морѣ противъ насъ сосредоточилась грозная сила, состоявшая изъ 80 судовъ, 3,652 орудій и 43,100 человѣкъ войска. Передъ отправкой десанта изъ Франціи, Наполеонъ сдѣлалъ смотръ войскамъ въ Булони и объявилъ имъ, что они назначены въ Балтійское море, куда будутъ перевезены на англійскихъ корабляхъ. „Фактъ единственный въ исторіи“, —прибавилъ онъ,—„доказывающій тѣсный союзъ двухъ великихъ народовъ и твердую рѣшимость правительствъ не отступать ни передъ какою жертвою, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы защищать право болѣе слабаго, свободу Европы и національную честь“ [5]).

Кампанія 1854 года открылась на Западѣ вообще громкими словами и трескучими циркулярами, которые замѣнились затѣмъ



Появленіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.
Изъ собранія Б. М. Колюбакина.

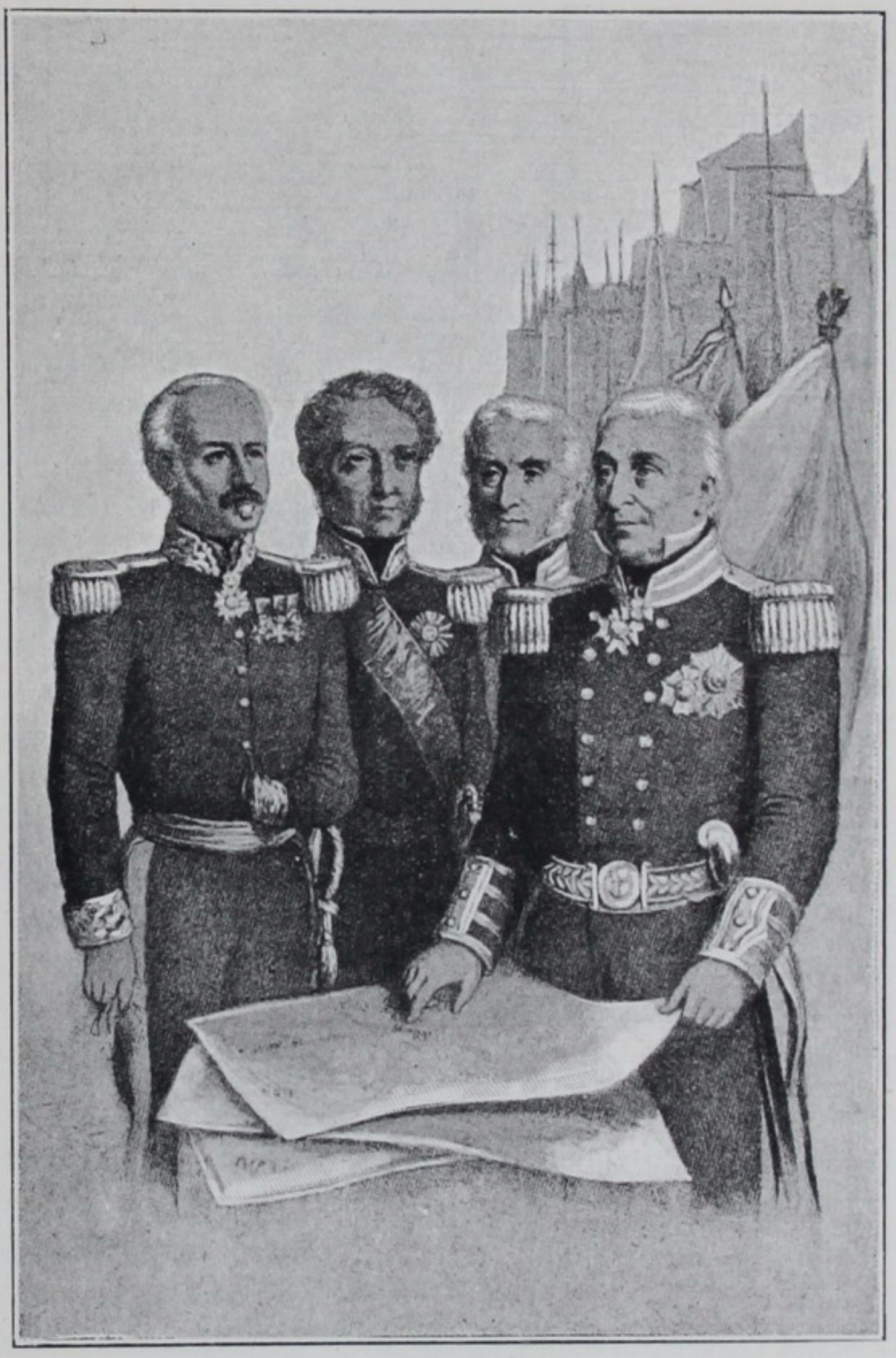
пушечными выстрѣлами. „Пусть не спрашиваютъ насъ, ради чего отправляетесь вы въ Константинополь? Мы отправляемся туда съ Англіей, чтобы отстоять дѣло султана и въ то же время оградить права христіанъ..., чтобы защищать свободу морей... Мы отправляемся туда со всѣми тѣми, кто желаетъ торжества права, справедливости и цивилизаціи“. Такъ говорилъ Наполеонъ 2-го марта 1854 года членамъ законодательнаго корпуса [6]).

Англійское министерство положительно и торжественно объявило, что торговля и выгоды частныхъ людей будутъ, насколько возможно, пощажены войною, что Англія и августѣйшій другъ ея приняли мѣры къ обезпеченію частнаго достоянія; что, наконецъ, всѣ ядра и всѣ бомбы будутъ исключительно направлены противъ великаго виновника бѣдъ, т. е. противъ русскаго правительства съ единственною цѣлью громить его крѣпости, арсеналы и прочее имущество [7]). Въ газетахъ Великобританіи, кромѣ того, было напечатано, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны торговыя суда могутъ свободно возвращаться домой. Такъ было на бумагѣ; а на дѣлѣ англійскій адмиралъ отдалъ тайный приказъ забирать немедленно всѣхъ безъ разбора; даже лодки бѣдныхъ рыбаковъ не были пощажены „пиратами“ [8]). 18-го апрѣля 1854 года у нихъ на одномъ кораблѣ было уже 12 чел. русскихъ плѣнныхъ. 28-го апрѣля министерство иностранныхъ дѣлъ сооб-

щило финляндскому генералъ-губернатору, что нашъ генеральный консулъ въ Копенгагенѣ доставилъ списокъ шкиперовъ и матросовъ, захваченныхъ англичанами въ Балтійскомъ морѣ на финляндскихъ торговыхъ судахъ и освобожденныхъ ими, подъ условіемъ ручательства нашего посланника при датскомъ дворѣ въ томъ, что люди эти не будутъ употреблены противъ Англіи иначе, какъ по обмѣнѣ ихъ на равное число великобританскихъ военноплѣнныхъ. Тайный совѣтникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ далъ, конечно, соотвѣтствующую росписку и всѣ задержанные матросы,— а ихъ по спискамъ значилось уже около 180 человѣкъ,—были черезъ Мальмъ и Стокгольмъ отправлены на родину [9]). 8-го мая изъ Копенгагена сообщалось, что до 50-ти финскихъ и русскихъ купеческихъ судовъ было захвачено англійскими крейсерами. Абоскій губернаторъ Кронштедтъ 7-го (19-го іюня) 1854 г. доносилъ, что съ купеческаго судна былъ взятъ англичанами подштурманъ (Турманъ) и отвезенъ въ Лондонъ, гдѣ его плохо содержали на особомъ суднѣ; онъ разсказалъ, что англичане понуждали финляндцевъ подписать обѣщаніе не служить противъ Англіи и не вступать на купеческія суда, отправлявшіяся въ Австралію [10]).

Стремленіе къ легкой добычѣ довело міровыхъ мореплавателей до того, что они употребляли даже чужіе флаги—русскій и нейтральныхъ государствъ, — чтобы вѣрнѣе заманить жертву [11]). Въ апрѣлѣ финляндская шкуна „Альма“ встрѣтила близъ Дагерорта два паровые фрегата, изъ которыхъ одинъ, приближаясь къ шкунѣ, поднялъ русскій военный флагъ. Фрегатъ спустилъ затѣмъ на море шлюпку и замѣнилъ русскій флагъ англійскимъ. Шкуна отдѣлалась на этотъ разъ лишь однимъ осмотромъ [12]).

Забота объ участи своего торговаго флота естественно сказалась на страницахъ періодической печати Финляндіи, непосредственно за появленіемъ непріятеля въ Балтійскомъ морѣ. Будущность грозила флоту всякаго рода опасеніями, но надеждъ не сулила. Половина, если не три-четверти финскаго торговаго флота находилась въ чужихъ водахъ, зависящихъ притомъ отъ англичанъ. Печать рекомендовала поэтому судохозяевамъ и шкиперамъ или поспѣшить возвращеніемъ домой, или натурализировать свои суда въ приморскихъ городахъ, чтобы успѣть прикрыть ихъ нейтральнымъ флагомъ, или же, наконецъ, совершенно продать ихъ. По примѣрному подсчету „Абоскихъ Извѣстій“ (Abo Underrättelser), Финляндія должна была потерять вслѣдствіе этого, уже въ началѣ войны, 37 судовъ, вмѣстимостью въ 5,650 ластовъ.

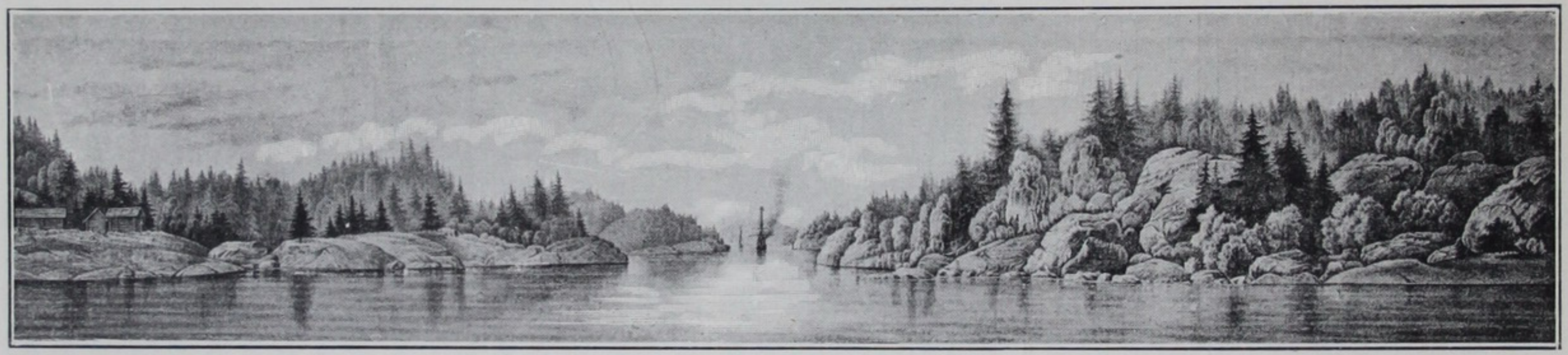


Барагэ Д'Илье, Парсеваль-Дешенъ, Плюмриджъ и Непиръ.

Русское правительство не послѣдовало примѣру Англіи, а, напротивъ, выказало свою особую деликатность и предупредительность, по отношенію къ торговымъ интересамъ иностранцевъ. Отъ нашего министра финансовъ объявлено было, что коммерческимъ судамъ Англіи и Франціи, находившимся въ нашихъ гаваняхъ, предоставлялся шести-недѣльный срокъ, считая съ 25-го апрѣля, для нагрузки и безпрепятственнаго отплытія въ чужіе края. Въ теченіи этого срока нашимъ крейсерамъ воспрещено было чинить какія-либо препятствія этимъ судамъ. Мало того, до всеобщаго свѣдѣнія тогда-же доводилось, что собственность англійскихъ и французскихъ подданныхъ на судахъ нейтральныхъ націй будетъ признаваема нашими крейсерами неприкосновенною, а товары англійскіе и французскіе подъ нейтральнымъ флагомъ безпрепятственно допускались къ привозу въ наши порты „на общемъ основаніи тарифа“. Наконецъ, собственность подданныхъ нейтральныхъ державъ даже на непріятельскихъ судахъ не подвергалась съ нашей стороны конфискаціи [13]).

Единственное ограниченіе, сдѣланное (въ февралѣ 1854) нашимъ правительствомъ, сводилось къ тому, что оно воспретило въѣздъ въ Россію всѣмъ англійскимъ и французскимъ подданнымъ и вообще лицамъ, пріѣзжавшимъ съ паспортами этихъ враждебныхъ намъ тогда правительствъ [14]).

Въ началѣ кампаніи дѣятельность непріятельскаго флота въ Балтикѣ ограничилась исключительно захватомъ торговыхъ судовъ, нарушеніемъ неприкосновенности мирныхъ коммерческихъ портовъ, истребленіемъ мелкихъ лайбъ и паруснаго каботажа, а затѣмъ совершенно безцѣльнымъ плаваніемъ около береговъ. Слѣдуетъ сейчасъ-же оговорить, что грабежами и разбойническими нападеніями на мирныхъ жителей занимались англичане, которые и покрыли свое имя благодаря этому заслуженнымъ позоромъ. Французы не одобряли грабежей англичанъ. Случалось, что съ нашихъ наблюдательныхъ постовъ замѣчали, какъ французскій катеръ высаживалъ людей на островокъ, гдѣ жители пасли барановъ и мелкій рогатый скотъ. „Странно видѣть,—писалъ М. И. Цейдлеръ,—какъ храбрые французы гонялись за какимъ-нибудь бараномъ или теленкомъ и, поймавъ его, быстро удалялись“ [15]). Такіе случаи бывали, но они являлись, какъ исключеніе. Грабежи и разбои составляли спеціальность англичанъ, которую они широко практиковали двѣ кампаніи кряду. Послѣ крикливыхъ завѣреній союзниковъ насталъ долгій періодъ бездѣйствія, который нѣкоторые



Баре-Зундъ съ югозападной стороны.

Мѣсто, у котораго сосредоточилась въ іюнѣ 1854 г. англо-французская эскадра.

Съ рис. професс. А. Боголюбова.

склонны были объяснить тѣмъ, что непріятель готовится къ обдуманному и важному предпріятію. Послѣдующія событія этого не подтвердили. Существовала другая догадка, что Непиру приказано было не предпринимать ничего серьезнаго, пока не прибудетъ французскій флотъ, дабы и онъ несъ на себѣ отвѣтственность за все предпріятіе[15].) Указывали, наконецъ, на то, что Непиръ поджидалъ прибытія канонерскихъ лодокъ, не имѣя возможности предпринять безъ нихъ чего-либо опредѣленнаго.

Все это праздные разговоры. Дѣло объясняется проще. Военныя операціи союзниковъ въ сѣверныхъ водахъ начаты были съ малыми знаніями мѣстныхъ условій и съ полнымъ отсутствіемъ стратегическихъ комбинацій для флота, находившагося подъ начальствомъ адмирала Непира[17]). А помимо того, союзники не проявили въ Балтикѣ должной иниціативы и надлежащаго мужества. Совершить что-либо великое, по мнѣнію англичанъ, можно было, лишь имѣя 50.000 войска и 200 шведскихъ орудій. 50 тысячъ— это и много и мало, отвѣтимъ мы словами гр. П. Х. Граббе: мало для серьезныхъ предпріятій и много для мелкихъ[1]). 1-го Іюня въ „Times“ появилась корреспонденція, пролившая нѣкоторый свѣтъ на тактику, которой слѣдовали англичане, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей кампаніи въ Балтійскомъ морѣ. „Предположимъ,— писалъ корреспондентъ,—что мы сдѣлаемъ нападеніе на Гельсингфорсъ и уничтожимъ стоящій тамъ русскій флотъ. Извѣстіе объ этомъ получится въ Петербургѣ чрезъ нѣсколько часовъ. Тогда выйдетъ Кронштадтскій флотъ, состоящій изъ двадцати линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ 50-ти пушечныхъ фрегатовъ и другихъ судовъ меньшаго размѣра... Несмотря на наше искусство и храбрость, мы можемъ потерять нѣсколько лучшихъ нашихъ кораблей. Повидимому, сэръ Чарльсъ Непиръ вполнѣ понимаетъ все это, иначе уже предпринялъ бы что-нибудь... Намъ скажутъ: для чего не разрушили форта Гангэ? Но что выиграемъ мы отъ этого? Если мы убьемъ у русскихъ тысячу человѣкъ, они тотчасъ же могутъ замѣнить ихъ другими[19])“. Этотъ выводъ корреспондента считался, повидимому, столь вѣскимъ и убѣдительнымъ, что онъ почти дословно былъ повторенъ въ министерской газетѣ „Globe“, съ прибавленіемъ лишь вывода, что адмиралъ Непиръ человѣкъ смѣлый, но не сумасшедшій[20]). Если такая стратегическая философія дѣйствительно была усвоена экипажемъ англійской эскадры, то естественно, что Непиру предпочтительнѣе было преслѣдовать мирныхъ прибрежныхъ жителей, ловить суда финскихъ рыбаковъ

и заниматься оцѣнкою призовъ, чѣмъ пытаться произвести осаду Кронштадта или Свеаборга.

„Что англичане, не рѣшавшіеся на серьезный десантъ, дозволяли себѣ самыя безполезныя выходки, мы знали,—писалъ Фетъ—потому что между Ревелемъ и Нарвою высадились непріятельскіе стрѣлки, и когда единственными встрѣченными ими лицами оказались двѣ бабы въ полѣ, бросившіяся, разумѣется, опрометью бѣжать, то стрѣлки сдѣлали по нимъ залпъ и, убивши одну наповалъ, вернулись къ своимъ шлюпкамъ“ [21]). „Сберегая уголь, англійскіе фрегаты ходили подъ парусами и имѣли видъ громадныхъ хищныхъ птицъ, раскинувшихъ крылья надъ волнами. Ко-

Видъ Барезунда.

нечно, никто не зналъ замысловъ непріятеля и потому нужно было быть готовымъ во всякое время. Впослѣдствіи мы убѣдились, что непріятель считалъ наше побережье гораздо сильнѣе укрѣпленнымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и потому не рѣшался подвергать дорогихъ кораблей поврежденіямъ, подводя ихъ къ намъ на близкое разстояніе“. Произведя рекогносцировку Кронштадта, союзные адмиралы 16-го іюня (1854 г.) пришли къ заключенію, что бомбардированіе его не можетъ быть произведено по недостатку мортиръ, и что вообще, при настоящемъ составѣ, нельзя предпринять ничего рѣшительнаго [22]).

До начала кампаніи Непиръ разсуждалъ иначе. Онъ, напротивъ, надѣялся истребить всѣ наши приморскіе пункты, не исключая Кронштадта [23]). Англійское общество также было увѣрено въ скорой и легкой побѣдѣ и смотрѣло на экспедицію Непира, какъ на увеселительную прогулку, во время которой онъ будетъ завтра-

кать въ Кронштадтѣ и обѣдать въ Петербургѣ, а попутно комфортабельно погрѣетъ свои старческія ноги у огня Свеаборга[24]).

Слова Непира,—конечно, остроты, въ изобиліи расточаемыя въ періоды подъема патріотическаго чувства; но въ сущности онѣ были довольно близки къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыхъ держались руководители западной политики. Императоръ французовъ увѣрялъ, напримѣръ, что вся война кончится ранѣе двухъ мѣсяцевъ (а потому во Франціи были убѣждены, что взятіе Севастополя дѣло одного удара); лордъ Эбердинъ гордо говорилъ въ мартѣ 1854 года, что Англіи рано еще просить Божьей помощи. Джонъ Россель выразилъ нашему министру въ Лондонѣ, барону Бруннову, что, если война неизбѣжна, то она, по крайней мѣрѣ, не будетъ продолжительна. „Я мало вѣрю въ легкій успѣхъ“,—отвѣтилъ баронъ,—„особенно въ борьбѣ между великими державами, гдѣ замѣшаны вопросы чести. Вы знаете, что Россія не уступаетъ въ несчастіи“ [25]).

Въ виду указаннаго общественнаго настроенія, въ Англіи скоро послышались упреки бездѣйствію Непира и юмористическое изданіе „Punch“ не замедлило совѣтомъ своимъ землякамъ, заняться хоть ловлей салакушки, дабы не пропали огромные запасы соли, сдѣланные флотомъ [26]). Долгое отсутствіе успѣховъ, послѣ шумныхъ хвастливыхъ завѣреній, не прошло совершенно безслѣдно: создалось извѣстное моральное состояніе, которое, между прочимъ, нѣсколько охладило шведовъ, расположенныхъ къ англичанамъ.

Въ столицѣ Россіи появленіе непріятельской армады никакого переполоха не произвело. Военный министръ, кн. В. А. Долгоруковъ, сообщалъ (18-го іюня 1854 г.) кн. Меншикову, что сосѣдство Непира не причиняетъ безпокойства. Общество отнеслось къ громадному флоту въ Балтійскихъ водахъ какъ-то особенно спокойно. Это удостовѣряется показаніями многихъ современниковъ-очевидцевъ. „У насъ о Балтійскомъ флотѣ англичанъ никто не думаетъ, писалъ (6-го апрѣля 1854 г.) директоръ педагогическаго института И. И. Давыдовъ изъ Петербурга извѣстному М. П. Погодину. По мудрой предусмотрительности обожаемаго нашего отца отечества, мы спокойно занимаемся дѣлами, какъ и всегда прежде“... Въ томъ же духѣ писалъ Погодину В. И. Панаевъ (28-го марта 1854 г.): „Начинаетъ пахнуть войною. Незванные гости приближаются, но мы спокойны“. Тѣ же заявленія находимъ и въ другихъ письмахъ того времени. „Непира мы не боимся“,—сообщалъ Погодину (29-го апрѣля 1854 г.) Арапетовъ: „въ частной жизни здѣсь никакой

перемѣны и только военныя приготовленія доказываютъ приближеніе врага". „До какой степени жители Петербурга пользовались безопасностью, можно судить изъ того", читаемъ у Н. Барсукова, „что И. С. Тургеневъ поселился на дачѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и у него 20-го іюня 1854 года завтракали: гр. А. К. Толстой, Маркевичъ, Анненковъ и Некрасовъ, а самъ онъ ѣздилъ на Красную Горку, чтобы смотрѣть оттуда на англійскій флотъ [27]). Изъ письма А. В. Головина видно, что вся Императорская фамилія предполагала тогда же (въ апрѣлѣ 1854 г.) посе-литься въ Петергофѣ. Слѣдовательно, производившіеся въ виду Кронштадта маневры судовъ союзниковъ никого не смущали. Переписка гр. А. К. Толстого и Ѳ. И. Тютчева съ ихъ родственниками и знакомыми также подтверждаетъ изложенное. „Видъ англичанъ меня ободрилъ",—писалъ А. Толстой (19-го іюля 1854 г.), —„я ихъ видѣлъ сегодня утромъ, я былъ верстъ 15 за Ораніенбаумомъ, на Бронной горѣ, откуда ихъ было видно отлично; я насчиталъ 31 судно... Я здѣсь (т. е. въ Петергофѣ)",—читаемъ въ слѣдующемъ его письмѣ (отъ 22-го іюля),—„потому, что сегодня имянины Цесаревны... [28])". Этимъ общимъ спокойнымъ настроеніемъ объясняется отчасти и появленіе того множества каррикатуръ, которыми былъ встрѣченъ приходъ Непира въ Балтику.

Непріятель, появившійся въ виду Кронштадта 14-го іюня, измѣрялъ глубину и перемѣщалъ буйки. Одинъ изъ нашихъ кораблей („Владиміръ") попытался было снять подъ носомъ у непріятеля буекъ; но сейчасъ же ядро было пущено въ его ограждeніе. До 19-го іюня 1854 года этимъ ядромъ ограничились его дѣйствія подъ Кронштадтомъ. Говорили, что онъ ждетъ канонерокъ. Вообще, Петербургъ относился къ флоту, какъ къ очень интересному зрѣлищу. Вереница посѣтителей всегда виднѣлась на дорогѣ къ Ораніенбауму. „Великолѣпная картина. Чтобы создать ее,—писалъ Тютчевъ,—непріятелю пришлось прибыть издалека съ большими издержками. Враждебности въ нашей толпѣ не наблюдалось; напротивъ, благодушная насмѣшка играла здѣсь и тамъ на лицахъ. Особенно много смѣялись, вспоминая извѣстіе, недавно сообщенное въ иностранныхъ газетахъ, будто Петербургъ въ ужасѣ, будто все населеніе бѣжало, и на защиту столицы приведено 40,000 башкиръ" [29]). „Итакъ, въ 18-ти верстахъ отъ дворца Всероссійскаго Императора стоятъ эти вооруженныя силы, ужаснѣйшія изо всѣхъ, какія когда-либо появлялись на моряхъ. Это весь Западъ пришелъ на Россію, чтобы убить ее и заградить ей

будущее". „Чувствовалось, — прибавляетъ Тютчевъ, — что присутствуешь при одномъ изъ наиболѣе торжественныхъ событій всемірной исторіи" [30]).

Погода въ теченіи лѣта 1854 года (до августа) была сказочная.

Передъ твердынями Кронштадта, Непиръ, какъ было уже сказано, смирилъ свою отвагу и рѣшилъ не трогать крѣпости [31]), признавъ, что она сильнѣе Тулона, Кадикса и Шербурга. Въ Англіи руководители экспедиціи также не лелѣяли себя мыслію о возможности атаки Кронштадта, ибо „питали глубокое уваженіе къ каменнымъ стѣнамъ" [32]).

Шли усиленные толки о загражденіи сѣвернаго фарватера, т. е. рукава залива между Котлиномъ и берегомъ Финляндіи (у Сестрорѣцка). Рѣшили запереть его бономъ (плотомъ изъ бревенъ, опущенныхъ на дно). Минныя заграждения были такъ плохо устроены, что въ 1855 году непріятельская канонерская лодка легко ихъ вылавливала.

Внѣшній видъ и карта Кронштадта, надо полагать, были достаточно извѣстны англичанамъ, такъ какъ въ ихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ помѣщались рисунки города. Общественное мнѣніе указывало тогда на сына англійскаго консула Симпсона, какъ на человѣка, срисовавшаго ихъ, ибо русское гостепріимство открывало ему доступъ повсюду [33]).

Одинъ изъ очевидцевъ [34]), разсказъ котораго намъ лично пришлось выслушать, находился на такъ-называемой „Косѣ" Кронштадта, гдѣ нынѣ построена батарея Тотлебена. Этотъ очевидецъ пояснилъ, что для противодѣйствія высадкѣ, на Косѣ были возведены батарея, люнетъ (адмирала Литке) и редутъ (генерала Дена). Люнетъ и редутъ были построены инженеръ-капитаномъ Донцовымъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ перваго можно было стрѣлять на западъ, вдоль по Косѣ, въ случаѣ высадки непріятеля, а редутъ назначался для дѣйствія по Косѣ и по сѣверному фарватеру Кронштадта [35]). Флотъ непріятеля, состоявшій изъ 70-ти парусныхъ судовъ и изъ 10-ти пароходовъ, вытянулся въ двѣ линіи передъ Толбухинымъ маякомъ, а затѣмъ подошелъ къ фортамъ Александръ I и Павелъ I. Пароходы непріятеля приблизились къ южному фарватеру, но до линіи нашего огня, — которая установлена была въ 700 саж.—не подходили. Артиллеристы (на Косѣ) стояли наготовѣ и калили уже ядра. Въ бинокли отлично можно было видѣть непріятеля. Около получаса онъ простоялъ противъ

Непиръ на мачтѣ у Кронштадта.

Ге! Ге! Ге!.. Какъ тутъ крѣпко... нажива плохая! Видно завтракъ въ портахъ придется уступить французамъ.

Каррикатура Н. Степанова.

Косы и опять вернулся къ Толбухину маяку. Нашъ военный пароходъ („Владиміръ“) выстрѣлилъ въ догонку, непріятель отвѣчалъ, но безъ причиненія вреда. Обогнувъ Толбухинъ маякъ, пароходы пошли по сѣверному фарватеру и достигли высоты бывшей лабораторіи. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ тылъ нашимъ укрѣпленіямъ Косы, непріятель пошелъ далѣе къ Кронштадту, гдѣ обмѣнялся выстрѣлами съ поручикомъ Шишковымъ. Очевидно, что это была только рекогносцировка. Пароходами командовалъ Сеймуръ. На сѣверномъ фарватерѣ непріятель вытащилъ одну нашу мину. При изслѣдованіи ея, произошелъ взрывъ, причемъ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи изъ газетъ, Сеймуръ окривѣлъ [36]). Все лѣто непріятель то приближался къ Кронштадту, то удалялся отъ него. Въ сферу же нашего огня онъ никогда не заходилъ.

Въ книгѣ полковника Мошнина [37]) указана одна чрезвычайно характерная подробность. Оказывается, что адмиралу Непиру изъ Кронштадта на русскомъ катерѣ ежедневно возили свѣжую пищу. Чѣмъ объясняется такая изысканная любезность—трудно объяснить.

Говоря о взаимной любезности, нельзя не упомянуть, что въ іюлѣ 1856 г. Непиръ посѣтилъ Петербургъ. Въ Смольномъ институтѣ „злѣйшій врагъ Россіи“ вѣжливо кланялся и сладко улыбался. „Такъ обстоятельства мѣняютъ людей“. Тотъ Непиръ, который въ 1854 г. хладнокровно сжигалъ города и истреблялъ имущество мирныхъ жителей, въ 1856 г. дружелюбно прохаживался въ стѣнахъ города, котораго ему не довелось сжечь [38]). Въ „Абоскихъ Извѣстіяхъ“ [39]), въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса, озаглавленной „Рѣдкій визитъ“, было сообщено, что старый знакомый Чарльсъ Непиръ задумалъ посѣтить Финляндію. Храбрый адмиралъ, которому стоило много труда убѣдить своихъ согражданъ въ невозможности взятія два года тому назадъ Свеаборга и Кронштадта, съ англійской настойчивостью рѣшилъ теперь такъ или иначе проникнуть въ эти крѣпости. У Его Величества онъ испросилъ позволеніе осмотрѣть ихъ и на этихъ дняхъ ожидается въ Гельсингфорсъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о семъ визитѣ въ газетѣ не имѣется. Результаты же посѣщенія Петербурга и Кронштадта изложены въ книгѣ „The history of the Baltic campaign“ соч. Earp.— Петербургъ Непиръ призналъ „современнымъ чудомъ“, крѣпость передъ нимъ—невиданной въ свѣтѣ, армію—великой, а флотъ такимъ, съ которымъ Англіи еще придется посчитаться (стр. 590).

Нагнавъ страха, Непиръ отложилъ перуны и занялся ловлею на удочку.

Каррикатура В. Невскаго.

Война была начата Россіей и Россія же оказалась къ ней не подготовленной. Балтійское море одѣвалось въ боевую броню, но медленно и далеко не надлежащаго качества.

Для всѣхъ было ясно, что непріятель, обладая большимъ флотомъ, произведетъ диверсію въ Балтійское море, будетъ угрожать столицѣ, блокировать берега и запирать порты. Указывали, что этотъ флотъ въ Англіи и Франціи снарядили не безъ труда и что онъ страдалъ значительными недостатками. Сэръ Чарльсъ Непиръ—въ собраніи парламента—сказалъ впослѣдствіи, что съ нимъ отпустили всѣхъ мошенниковъ, всѣхъ кабачныхъ героевъ Лондона и что никогда еще не бывало во флотѣ столь отвратительныхъ личностей. На многихъ судахъ едва были способны крѣпить паруса; матросы боялись лазить по реямъ и т. п. Киселевъ (въ депешѣ 9 (21-го мая) 1854 г., № 42) изъ Брюсселя донесъ, что французскій флотъ, предназначенный въ Балтику, вышелъ въ полномъ некомплектѣ; только 3 корабля были хорошо снаряжены; на остальныхъ не хватало людей, принадлежностей, одежды... [40]). Но зато англичане во время переходовъ и на стоянкахъ, въ началѣ кампаніи, не теряли времени, стараясь восполнить свои недочеты: на корабляхъ люди обучались стрѣльбѣ, производились примѣрныя тревоги, дѣлались опыты и т. п. [41]). Изъ нашихъ писателей нѣкоторые заявили, что русскій флотъ ни по работамъ, ни по управленію судами не стоялъ ниже союзнаго; но особенное обаяніе производили винтовые корабли и прежняя слава англійскаго флота [42]). И у русскаго флота были не одни хулители. Французскій адмиралъ Jurien de la Gravière говорилъ: 30 лѣтъ тому назадъ (писано въ 1870 г.) мысль содержать постоянно флотъ въ готовности вызвала бы улыбку. Послѣ кампаніи, по окончаніи какого-либо случайнаго встрѣтившагося дѣла, флотъ возвращали въ гавань и экипажи увольнялись. Россія первая позволила себѣ роскошь держать постоянный флотъ. Въ 1854 г. она могла въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій выставить флотъ изъ 42 кораблей: 29 въ Балтійскомъ и 13 въ Черномъ морѣ. Англія, повидимому, рѣшилась подражать этому грозному примѣру [43]). Англійскій адмиралъ Boroles писалъ въ іюнѣ 1854 г.: „Читатели могутъ видѣть, что наше положеніе совсѣмъ неудовлетворительно и что, безъ содѣйствія Франціи, мы не имѣемъ флота для борьбы съ Россіей—ни въ Черномъ морѣ, ни въ Балтійскомъ морѣ—и что въ особенности мы должны избѣгать губительной ошибки относиться съ презрѣніемъ къ своему противнику. Тѣ, кто въ прошломъ году

видѣли Балтійскій флотъ изъ 28 линейныхъ кораблей, кромѣ фрегатовъ и мелкихъ судовъ, весьма высоко ставятъ ихъ управленіе судами, дисциплину и дѣйствія артиллеріи".

Весь Балтійскій флотъ въ 1850 г. состоялъ изъ 25-ти кораблей, 12-ти фрегатовъ, 7-ми пароходо-фрегатовъ, 51 легкаго судна, 78-ми судовъ гребнаго флота, 15-ти портовыхъ пароходовъ и 156-ти разныхъ портовыхъ судовъ. Сверхъ того запасныхъ: 6 кораблей, 3 фрегата, 1 корветъ. Строилось: 2 парохода-фрегата, 1 тендеръ. Всего, слѣдовательно, въ Балтикѣ находилось 360 вымпеловъ [44]).

Въ началѣ Крымской войны въ составѣ Балтійскаго флота находилось 217 судовъ разныхъ наименованій и на нихъ 3,374 орудія. Пароходовъ-фрегатовъ было 9 (3,430 силъ) и малыхъ пароходовъ 12 (722 силы), но на нихъ орудій не имѣлось [45]).

„У меня есть сто кораблей",—сказалъ когда-то Наполеонъ,—„но флота я все-таки не имѣю". Это же самое могъ повторить и Императоръ Николай Павловичъ, такъ какъ суда наши совершенно не соотвѣтствовали своему назначенію.

Мы запоздали усовершенствованіями, которыми уже пользовались иностранцы, а потому нашъ флотъ въ дѣйствительности былъ гораздо слабѣе того, какимъ казался по своей численности и грозной наружной силѣ. На Западѣ переходъ къ паровому двигателю начался уже въ сороковыхъ годахъ и этотъ двигатель произвелъ совершенный переворотъ въ условіяхъ военныхъ дѣйствій на морѣ. На Россіи переходъ къ новому двигателю отозвался особенно невыгодно, въ виду ея отсталости въ заводскомъ развитіи.

Крымская война вообще показала, что парусныя суда не могутъ имѣть боевого значенія на ряду съ судами, обладавшими паровыми двигателями, и съ этого времени дни паруснаго флота были сочтены. Въ каждой эволюціонной эскадрѣ Англіи и Франціи суда, приводимыя въ движеніе винтовымъ двигателемъ, составляли значительный процентъ; „у насъ же не было ни одного винтового судна въ плаваніи". Существовалъ штатъ (1826 г.), требовавшій, чтобы на лицо въ Балтійскомъ флотѣ находилось 27 линейныхъ кораблей. При опредѣленіи числа судовъ Балтійскаго флота „морское вѣдомство основывало свое сужденіе", — такъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ, — „на прежнемъ штатѣ, примѣняясь притомъ къ нынѣшнему состоянію флотовъ сосѣдственныхъ державъ. Это число судовъ будетъ съ одной стороны безъ отягощенія государству въ разсужденіи содержанія, а съ

другой—и весьма достаточно, не токмо къ оборонѣ нашихъ портовъ, но и для нападательныхъ военныхъ дѣйствій въ случаѣ надобности въ ономъ“ [46]).

Этому правилу слѣдовали во все царствованіе Императора Николая I. По указанному разсчету нужно было строить ежегодно

Вице-адмиралъ И. П. Епанчинъ 2-ой.
Начальникъ шхерной гребной флотиліи.

по три новыхъ корабля; но это было невозможно для морского министерства. Оно могло строить одинъ корабль черезъ годъ въ Архангельскѣ и одинъ корабль черезъ два года въ Петербургѣ. Суда Балтійскаго флота въ качественномъ отношеніи были весьма неудовлетворительны, парусные корабли и фрегаты были большею частью сосновые, изъ сырого лѣса, слабой постройки и

весьма посредственнаго вооруженія, такъ что при каждомъ учебномъ плаваніи по портамъ Финскаго залива многіе изъ нихъ подвергались разнообразнымъ поврежденіямъ".

Въ августѣ 1854 г. состоялся въ Петербургѣ спускъ „Орла", предназначеннаго быть винтовымъ пароходомъ, но, въ виду войны, англичане завладѣли заказанною у нихъ машиною [47]).

Флигель-адъютантъ Н. А. Аркасъ, посланный непосредственно передъ войною осмотрѣть нашъ флотъ, отозвался о немъ крайне неблагопріятно. При пушечномъ ученіи, стрѣльбу надлежало открыть корвету „Полтава", который плавалъ уже 10 лѣтъ, и, какъ оказалось, кромѣ салютныхъ выстрѣловъ, онъ ни одного раза не стрѣлялъ изъ своихъ орудій ядрами. (Заявленіе флиг.-адъют. Н. А. Аркаса о томъ, что съ корвета „Полтава" не было произведено ни одного выстрѣла изъ орудій ядрами является, кажется, ошибочнымъ, такъ какъ по воспоминаніямъ другого очевидца, адмирала Д. И. Кузнецова, въ 1853 году, послѣ Высочайшаго смотра и маневровъ, была произведена, въ присутствіи Государя, пальба на Кронштадтскомъ рейдѣ въ щиты, разставленные для кораблей. Надо полагать, что въ числѣ судовъ, находившихся на смотру, была и „Полтава", пользовавшаяся неизмѣннымъ расположеніемъ Государя [48]). Орудіе,—продолжаетъ Аркасъ,—зарядили по всѣмъ правиламъ и при первомъ же выстрѣлѣ орудіе разорвало, причемъ было убито девять и ранено пять человѣкъ. Во время того же смотра, у другого орудія отпала дульная часть. У станковъ иныхъ орудій клинья вылетали съ такой силой, что грозили большой опасностью. Пришлось уменьшить заряды. На военно-морскомъ совѣтѣ въ Кронштадтѣ, состоявшемся въ присутствіи Государя на кораблѣ „Петръ I", адмиралы признали, что наша команда мало подготовлена къ бою и вообще очень слаба по управленію парусами. Государь былъ оченъ разсерженъ такимъ отвѣтомъ и рѣзко сказалъ: „Развѣ флотъ для того существовалъ и содержался, чтобы въ минуту, когда онъ дѣйствительно будетъ нуженъ, мнѣ сказали бы, что флотъ не готовъ для дѣла". И тутъ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправиться въ море и практиковать команды. Послѣ этого плаванія флотъ вернулся въ Кронштадтъ „въ ужасномъ видѣ: не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ, а у нѣкоторыхъ судовъ были свернуты головы рулей и топы мачтъ, требующіе ихъ перемѣны". Вѣтеръ былъ значительный, но онъ далеко не достигалъ силы шторма. Все, конечно,

было доложено Государю, который сказалъ: „Такъ вотъ какіе они мореходы“. Черезъ три дня Государь самъ отправился въ Кронштадтъ и приказалъ всѣмъ поставить всѣ паруса. „Крайне медленныя работы по управленію парусами и хаосъ на всѣхъ корабляхъ, сопровождаемый необыкновеннымъ шумомъ, былъ поразительный“, прибавляетъ Аркасъ [49]).

Свиты Его Величества контръ-адмиралъ
Богданъ Александровичъ Глазенапъ.
Начальникъ штаба шхерной гребной флотиліи.

Существовала тогда еще канонерская гребная флотилія. На нее также затрачивались не малыя деньги. Для увеличенія состава гребной флотиліи, предназначенной для защиты Кронштадта и Финляндскихъ шхеръ отъ Біорке-зунда до Гельсингфорса, въ дополненіе къ прежнимъ канонерскимъ лодкамъ, выстроено было

вновь въ Петербургѣ, по чертежу контр.-адм. Шанца, на вольной верфи, 64 лодки, подъ наблюденіемъ вице-адм. Мелихова, къ коимъ присоединилось 10 вновь построенныхъ купцомъ Громовымъ лодокъ [50]). Флиг.-адъют. Н. А. Аркасу также приказано было провѣрить въ Кронштадтѣ и въ разныхъ пунктахъ Финляндіи состояніе канонерокъ, путемъ производства соотвѣтственныхъ смотровъ и маневровъ. Всюду Аркасъ убѣждался въ полной ихъ непригодности: на греблѣ онѣ оказывались очень тяжелыми, а при легкомъ вѣтрѣ маневрированіе съ ними было положительно невозможно. Кромѣ того, команды канонерскихъ лодокъ состояли изъ недавно набранныхъ ратниковъ, мало знакомыхъ съ дѣйствіемъ артиллеріи и съ греблею, а командиры, преимущественно молодые офицеры, не имѣли времени напрактиковаться въ управленіи лодками. „Лодки были“,—пишетъ Аркасъ,—„до нѣкоторой степени полезны въ прежнія войны Петровскихъ временъ, когда корабли были парусные, зависѣвшіе совершенно отъ вѣтра, и вообще плохіе ходоки. Тогда, во время безвѣтрія и штиля, дѣйствительно, канонерки на греблѣ подходили къ кораблямъ и могли атаковать, даже абордировать ихъ. . . ; теперь же при паровыхъ судахъ и винтовыхъ корабляхъ такія лодки не имѣли смысла“. Мнѣніе Н. А. Аркаса вполнѣ раздѣлялъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. О видѣнномъ Аркасъ съ полной откровенностію доложилъ Государю, который, поблагодаривъ и поцѣловавъ его за откровенность, прибавилъ: „Будь всегда такимъ. Я люблю тѣхъ, кто говоритъ мнѣ правду“. Чтобы самому убѣдиться въ непригодности канонерокъ, Государь назначилъ смотръ въ Кронштадтѣ, въ присутствіи генералъ-адъютанта Гейдена, по иниціативѣ котораго была создана эта канонерская флотилія [51]). При незначительномъ вѣтрѣ флотилія не могла двигаться. Давались сигналы и барабанами, и трубами, но приказанія оставались неисполненными. Толку не могли добиться. Все смѣшалось и получился изумительный хаосъ. Несостоятельность канонерокъ была очевидна [52]).

Въ Кронштадтѣ отыскались еще галеры (или „коровы“, какъ называли ихъ солдаты) сохранившіяся, если не со временъ Петра Великаго, то Анны Іоанновны или Екатерины II. Онѣ представляли изъ себя нѣчто особенно неуклюжее. Гребцами были охотники. При легкомъ вѣтеркѣ галеры оказались совершенно безпомощными. Въ море ихъ не рисковали пускать. Ими пользовались только для обученія командъ греблѣ [53]).

Финляндія, строго говоря, своего военнаго флота не имѣла. Существовалъ тогда, правда, Финскій флотскій экипажъ (впервые сформированный въ 1830 году), въ составѣ 1,000 человѣкъ нижнихъ чиновъ, набранныхъ вербовкою, но о значеніи и состояніи этого малочисленнаго и малоизвѣстнаго экипажа можно судить по воспоминаніямъ адмирала Д. И. Кузнецова. Онъ пишетъ: „Въ 1844 г. командиромъ этого экипажа состоялъ капитанъ 1 ранга Нордманъ, который предложилъ Д. И. Кузнецову командовать фрегатомъ сего экипажа „Мельпоменой“. Кузнецовъ согласился. 13-го февраля

1845 г. онъ выѣхалъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ. Нижніе чины фрегата—ни слова по-русски, а я ни слова по-фински и шведски“. Офицеры всѣ говорили по-русски и наверху всѣ командныя слова произносились по-русски. Кампанія „Мельпомены“ на этотъ разъ совершена была въ составѣ третьей дивизіи. „Команда „Мельпомены“ хороша и офицеры знающіе“,—прибавляетъ Дмитрій Ивановичъ Кузнецовъ. Въ 1847 г. „наши финскіе экипажи—корабль и фрегатъ—поступили въ составъ эскадры, назначенной въ крейсерство въ Нѣмецкое море, подъ флагомъ вице-адмирала И. П. Епанчина.

„Лейпцигъ“ и „Мельпомена“ на 13 году службы показывали уже признаки гнилости; „но мы просились и были назначены“. Въ Нѣмецкомъ морѣ пробыли около 60 дней, но цынги среди финновъ не было и „не мудрено: финны еще на берегу просолены“. Въ 1848 г. „Мельпомену“ назначили на брандвахту въ Свеаборгъ. Начальникъ 3 дивизіи Епанчинъ 2-й, по пріѣздѣ въ Свеаборгъ, объявилъ мнѣ одному очень туманное приказаніе, что, въ случаѣ политическихъ безпокойствъ въ Гельсингфорсѣ, я долженъ буду дѣйствовать своею артиллеріею по финнамъ. Тогда было тревожное состояніе по всей Европѣ, но въ Гельсингфорсѣ было спокойно, какъ и во всей Финляндіи“.

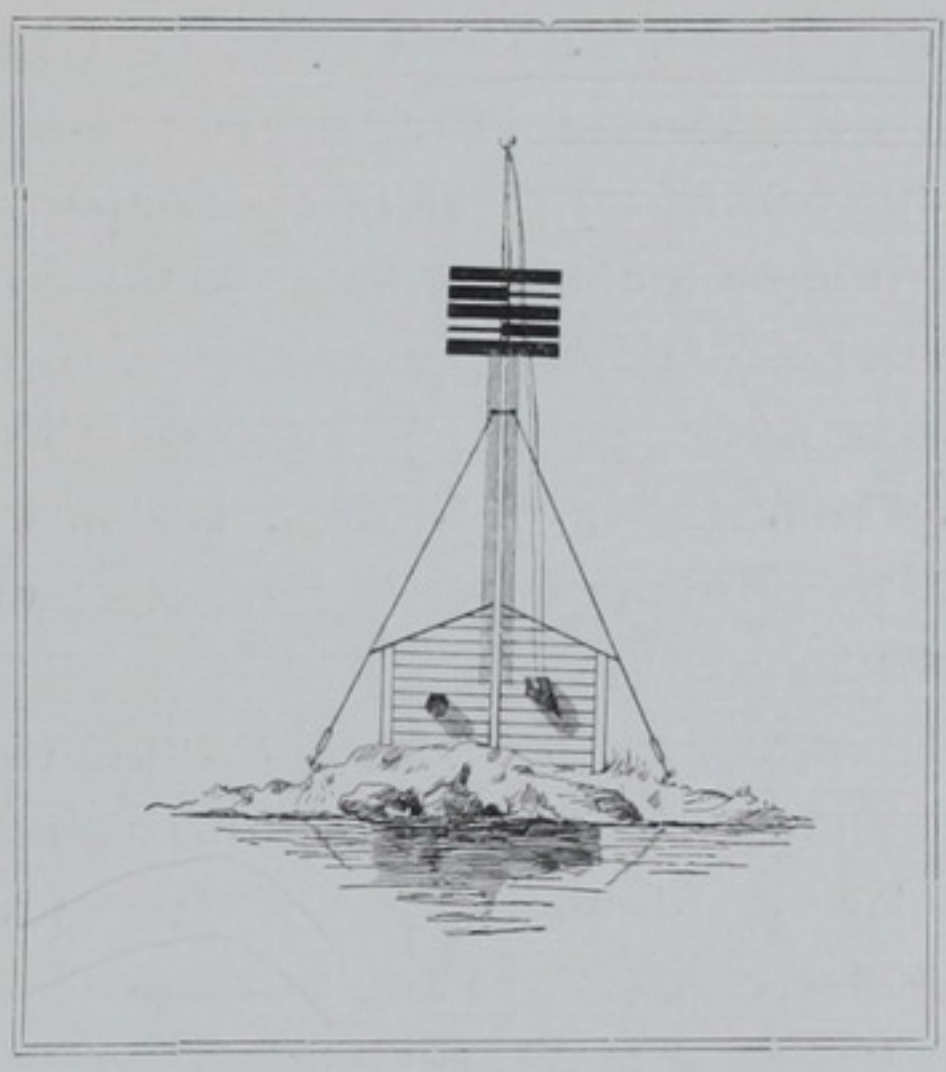
28-го декабря 1853 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о вербовкѣ солдатъ, въ количествѣ 500 человѣкъ, для 2-го Финскаго морского экипажа. Окончательнымъ срокомъ сформированія его былъ назначенъ 1855 г. Вслѣдствіе стѣсненія непріятелемъ морской торговли Финляндіи, много моряковъ оставалось безъ занятій и потому сформированіе этого ополченія явилось довольно кстати [54]). Вновь набраннымъ матросамъ пришлось служить на канонерскихъ лодкахъ [55]).

Во время войны Финляндія выставила 40 канонерскихъ лодокъ. Въ январѣ 1854 г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ увѣдомилъ ген. Рокасовскаго о томъ, чтобы въ Финляндіи было выстроено 40 лодокъ, для чего изъ финляндской казны надлежало отпустить заимообразно нужную сумму, а государственному казначейству вмѣнялось въ обязанность возвратить ее въ теченіи года. Но уже въ февралѣ того-же года мѣстный сенатъ просилъ Государя Императора отъ имени Финляндіи дозволить отнести всѣ расходы по сооруженію канонерскихъ лодокъ на финляндскія суммы. По прочтеніи сего адреса, Его Величество соизволилъ объявить, что „всегда былъ увѣренъ въ преданности и благородныхъ побужденіяхъ любезныхъ Его финляндскихъ вѣрноподданныхъ, но при всемъ томъ съ душевнымъ удовольствіемъ увидѣлъ въ этомъ отголоскѣ народа новый знакъ тѣхъ же чувствъ и побужденій“. Предложеніе сената было принято и „за сей вѣрноподданный поступокъ“ объявлена „совершенная Монаршая признательность“ [56]).

Начиная съ февраля, на Абоской верфи, гдѣ строилось 15 казенныхъ шлюпокъ, проявлялась кипучая дѣятельность. 400 рабочихъ были заняты экстреннымъ судостроеніемъ [57]). Другія лодки изготовлялись въ Гельсингфорсѣ и Бьернеборгѣ. Наблюдалъ за постройкою контръ-адмиралъ Шанцъ.

14-го мая 1854 г. капитанъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ Великому Князю Константину Николаевичу, что 40 канонерскихъ лодокъ были готовы и вооружены (24-фунтовой пушкой или единорогомъ), и что постройка лодокъ произведена прочно. Далѣе онъ же сообщалъ, что военные матросы набирались весьма успѣшно. Въ теченіе трехъ недѣль въ Або, Бьернеборгѣ и Ништадтѣ собрали до 1,200 чел. Народъ здоровый, и на $^2/_3$ изъ матросовъ.

„Военные матросы“ набирались успѣшно, но наемъ въ Финляндіи гребцовъ для восточнаго отряда канонерской флотиліи происходилъ столь медленно и неуспѣшно, что Государь Импера-



Сигнальный телеграфъ.

торъ повелѣлъ капитану 1 ранга Нордману отправить эту флотилію изъ Петербурга въ Финляндію съ гребцами изъ русскихъ охотниковъ. Расходы на этихъ гребцовъ приказано отнести на суммы Имперіи. Наемъ гребцовъ въ Финляндіи тѣмъ не менѣе продолжался и имъ имѣли въ виду пополнить убыль русскихъ и, въ случаѣ надобности, усилить флотилію [58]).

Изъ переписки, сохранившейся послѣ контръ-адмир. Б. А. Глазенапа, видно, что ген. Рокасовскій предвидѣлъ неуспѣхъ найма финляндцевъ. Кромѣ того, онъ основательно держался того мнѣнія, что если большинство чиновъ каждой лодки составится изъ финновъ, то флотилія не принесетъ ожидаемой пользы по той

естественной причинѣ, что люди, „не понимая своего непосредственнаго начальника, лишены будутъ его моральнаго вліянія и не будутъ, слѣдовательно, имѣть къ нему того довѣрія, какое необходимо для усерднаго и успѣшнаго дѣйствія“.

Въ началѣ мая (1854 г.) шхерная гребная флотилія, состоявшая изъ 32 канонерскихъ лодокъ и другихъ судовъ, пришла изъ Петербурга въ Роченсальмъ. Брадатые ея ополченцы сохранили свою народную одежду, а шапка ихъ была украшена крестомъ и якоремъ.

Финляндская шхерная флотилія находилась подъ начальствомъ вице-адмирала Епанчина, у котораго начальникомъ штаба состоялъ контръ-адмиралъ Глазенапъ. Для усиленія мѣръ по охранѣ береговъ Финскаго залива, въ апрѣлѣ 1854 г., Высочайше повелѣно было сформировать въ Россіи резервную гребную флотилію. Для укомплектованія ея были образованы четыре дружины морского ополченія. Въ это ополченіе поступали только охотники изъ лицъ всякаго званія. Имъ сохранили одежду крестьянскаго покроя. Срокъ службы полагался до 1-го ноября 1854 г. (Втор. Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. 1854, № 28121). Но вся эта морская сила представлялась столь незначительной, что въ разсчетъ серьезныхъ дѣйствій она не могла входить.

„Для защиты береговъ Финляндіи вольными прибрежными судами контръ-адмиралъ Шанцъ уже приготовилъ 19 контрактовъ съ хозяевами судовъ и шкиперами, и ожидаетъ приказаній отъ генерала Рокасовскаго“,—писалъ кн. Голицынъ [58]). Ясно, слѣдовательно, что имѣлось еще въ виду создать вольную флотилію для береговой обороны.

Предложеніе о сформированіи вольной флотиліи, или подвижной береговой стражи, исходило отъ сенатора тайн. сов. барона Гартмана. По его мысли, надлежало пріобрѣсти двадцать вольнонаемныхъ судовъ и вооружить каждое изъ нихъ однимъ или двумя орудіями. Команда судна должна была состоять изъ 7 или 10 чел., подъ начальствомъ ловкихъ и отважныхъ шкиперовъ, набранныхъ съ купеческихъ судовъ. Общее начальство предполагалось вручить контръ-адмиралу Шанцу, который обязанъ былъ этой флотиліей прежде всего оберегать шхерные входы отъ Гангеудда до Экерё (на Аландѣ), а вмѣстѣ съ тѣмъ защищать рыбаковъ, присматривать за лоцманами и т. п.

Но названный адмиралъ съ своей стороны, не раздѣливъ мнѣнія Гартмана, представилъ весьма обстоятельный разборъ его

проекта. И дѣйствительно, на вольно-наемныя суда затруднительно было поставить артиллерію, а еще невозможнѣе было предоставить ее необученнымъ людямъ. Кромѣ того, какое противодѣйствіе могла оказать подобная флотилія союзному флоту? Она въ состояніи была лишь предоставить непріятелю легкую возможность пріобрѣсти для себя нѣсколько нашихъ орудій. Наконецъ, какъ справедливо замѣтило морское министерство, проектъ Гартмана

Ген.-лейт. А. Ив. Гильденштуббе.
Начальникъ 1-й Гренадерской дивизіи.

могъ бы еще оказать извѣстную пользу при томъ условіи, если бы населеніе шхеръ отличалось особой воинственностію и поголовно снабжено было оружіемъ. Тогда вольная флотилія имѣла бы поддержку отъ населенія, а въ шхерахъ развилась бы народная война.

Отъ плана Гартмана отказались, но идея шхернаго корсарства не была совершенно оставлена и генералъ-губернатору (Бергу) впослѣдствіи крайне желательно было разными мѣрами поощрить

прибрежныхъ жителей къ противодѣйствію непріятелю собственными средствами и силами Послѣ нѣкоторой переписки по дѣлу остановились на томъ, что обратились къ Государю Императору, прося Его Величество разрѣшить: 1) дать финляндскіе таможенные пароходы въ распоряженіе командовавшаго прибрежьемъ (ген.-лейтенанта Рамзая); 2) объявить рыбакамъ и мореходамъ устно, что они могутъ быть полезны правительству, отечеству и себѣ, если будутъ своими силами безпокоить непріятеля и вредить ему; и 3) ген.-лейт. Рамзаю и полковнику Фуругельму (на Аландѣ) предоставить права по своему усмотрѣнію награждать прибрежныхъ жителей, за содѣйствіе общему дѣлу. 13-го (25-го апрѣля) 1854 г. Государь Императоръ соизволилъ положить слѣдующую собственноручную резолюцію: „Согласенъ; но не могу не жалѣть, что время прошло безплодно, ибо все это можно было бы и прежде предвидѣть и тогда должно бы было приступить къ болѣе надежнымъ мѣрамъ, т. е. построить еще одинъ или два баталіона канонерскихъ лодокъ въ сѣверной Финляндіи и ими усилить оборону до Аландскихъ острововъ. Немедля сообразить, не спорить, а дѣлать“ [60]).

Изъ послѣдующей переписки оказывается, что вмѣсто предположенной къ сформированію при открытіи настоящей войны вольной флотиліи, для защиты входовъ въ шхеры между Гангеуддомъ и Экерё, была учреждена по этому пространству береговая стража для наблюденія за движеніемъ непріятеля, уничтоженія выставленныхъ имъ вѣхъ и морскихъ знаковъ. Прибрежнымъ жителямъ объявили, что они по долгу присяги обязаны доносить о движеніи непріятеля и что за своевременныя сообщенія имъ будутъ выдаваться губернаторами и главнымъ директоромъ лоцманскаго вѣдомства награды, также какъ за снятіе непріятельскихъ морскихъ знаковъ. Это воззваніе не прозвучало напрасно. Жители побережья откликнулись. Извѣстно затѣмъ, что чины лоцманскаго вѣдомства заработали за снятіе непріятельскихъ морскихъ знаковъ 844 р.; вся же береговая стража обошлась финляндской казнѣ въ 11,000 р. с.

Таковы были наши морскія силы, предназначенныя для обороны Балтики. Въ виду того, что союзники двинулись на насъ цѣлой армадой, невиданной еще въ XIX вѣкѣ, естественно возникъ вопросъ о томъ, какъ встрѣтить непріятеля русскому флоту: вступать-ли ему въ бой или вовсе не мѣряться съ нимъ силами?

Болѣе отважные моряки предлагали заградить непріятелю

доступъ въ Балтику, занятіемъ Зунда и Большаго Бельта. Князь Меншиковъ не раздѣлялъ подобнаго мнѣнія по разнымъ соображеніямъ и, между прочимъ, вслѣдствіе невозможности положиться на Данію и Швецію. Князь Меншиковъ склонился къ тому, чтобы ограничиться обороною Финскаго залива, сосредоточивъ весь нашъ флотъ въ хорошемъ рейдѣ и проведя по берегу залива телеграфную линію.

Ген.-маіоръ И. А. Базинъ.
Командиръ I-й бригады I-й Гренадерской дивизіи (въ 1854 г.).

Вторично князю Меншикову пришлось коснуться того же вопроса въ декабрѣ 1853 года, по поводу Высочайше сдѣланнаго ему запроса. Государь Императоръ склонялся къ тому, чтобы вывести весь флотъ изъ гаваней и поставить его по сѣверную сторону Кронштадта, по направленію къ Лисьему Носу, въ одну или двѣ линіи. Князь Меншиковъ доказывалъ, что такимъ расположеніемъ не будетъ достигнута цѣль Балтійскаго флота: прикрытіе портовъ и пораженіе непріятеля. Ревель и Свеаборгъ оказались бы

безъ защиты и Финскій заливъ предоставленъ господству непріятеля. „Если,—писалъ онъ,—рѣшиться принять сраженіе, то нужно выдвинуть флотъ къ острову Наргену; если же ограничиться защитою, стоя на якорѣ, то сообразнѣе расположить его въ виду Свеаборга или Поркалаудда“.

Наши авторитеты въ морскомъ дѣлѣ—адмиралы Корнилсвъ, Рикордъ, Литке и гр. Гейденъ—высказали довольно разнообразныя соображенія. Корниловъ предлагалъ сосредоточить главныя силы флота въ Барезундскомъ рейдѣ, около Поркалаудда; Литке, сомнѣваясь въ возможности открытой борьбы съ флотомъ непріятеля, а Рикордъ склонясь къ тому, чтобы соединить всѣ три дивизіи въ Свеаборгѣ и не пропускать непріятеля къ Кронштадту; графъ Гейденъ стоялъ за то, чтобы заградить входъ западной эскадрѣ въ Финскій заливъ. Свеаборгскій портъ онъ находилъ нѣсколько тѣснымъ для трехъ дивизій, а выходъ изъ гавани узкимъ. Между прочимъ, графъ Гейденъ предлагалъ удалить всѣхъ жителей съ Гогланда и прибрежныхъ острововъ, чтобы отнять у непріятеля возможность пользоваться ими для указанія плаванія по шхерамъ. Вице-адмиралъ Меликовъ писалъ: если флотъ таковъ, какимъ его въ правѣ ожидать Государь и отечество, то слѣдовало бы встрѣтить непріятеля у входа въ Финскій заливъ и принять сраженіе, при условіи, однако, чтобы численная сила не слишкомъ превосходила нашу...

Указаніе на Свеаборгскую позицію, какъ наивыгоднѣйшую, само собою разумѣется, предполагаетъ принятіе „въ соображеніе нейтралитета Швеціи, и заслоненіе Гельсингфорса съ сухопутной стороны не отъ малочисленнаго десанта, а значительнаго корпуса войскъ. Если-же можно, почему-либо, предполагать, что и Швеція увлечется общимъ противу насъ стремленіемъ, въ такомъ случаѣ Свеаборгская позиція не представляется уже столь выгодною потому, что Финляндія въ свою очередь можетъ быть увлечена противу насъ Швеціею“ [61]).

Контръ-адмиралъ Лутковскій стоялъ за оборонительный образъ дѣйствія нашего флота. Контръ-адмиралъ Глазенапъ предлагалъ сосредоточить возможно больше силъ въ Свеаборгѣ, а гребной флотъ раздѣлить на два отряда—Восточный и Западный (у Роченсальма и Гангеудда). Контръ-адмиралъ Мофетъ, послѣ длиннаго сравненія моральной и физической силы нашего флота съ непріятельскимъ, пришелъ къ тому заключенію, что при одинаковомъ числѣ кораблей, нашъ флотъ могъ принять сраженіе

только на якорѣ и при томъ условіи, чтобы фланги были надежно укрѣплены рифами, банками или затопленными судами. Но такъ какъ непріятель ожидался въ числѣ значительно превосходящемъ нашъ флотъ, то Мофетъ рекомендовалъ оборонительныя и выжидающія дѣйствія [62]).

Долгія разсужденія нашихъ адмираловъ кончились слѣдующимъ „Постановленіемъ особаго Совѣта о возможныхъ дѣйствіяхъ

Ген.-лейт. Л. Ив Драке.
Командиръ 1 Гренадерской Артиллерійской бригады (въ 1854 г.).

въ Балтійскомъ флотѣ въ 1854 г.“: „Превосходная сила ожидаемаго въ Балтійское море непріятельскаго флота не дозволитъ намъ вступить съ нимъ въ открытый бой съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Посему мы должны по необходимости остаться въ положеніи чисто оборонительномъ, подъ защитою крѣпостей нашихъ, но будучи въ совершенной готовности пользоваться каждою благопріятною минутою переходить въ наступленіе.

„Главною заботою нашею должно быть соединеніе всѣхъ трехъ дивизій въ Свеаборгѣ. Сильный флотъ въ сей центральной позиціи свяжетъ движенія непріятеля и, вѣроятно, попрепятствуетъ ему сдѣлать какое-нибудь важное покушеніе на Кронштадтъ . .

. . . . . .

„Такъ какъ, вѣроятно, главная цѣль непріятеля есть нанесеніе нашему флоту пораженія, то намъ паче всего должно пещись о томъ, чтобы не допустить его исполнить это намѣреніе. Если онъ долженъ будетъ оставить наши воды, не успѣвъ въ главномъ предметѣ экспедиціи, то эта неудача будетъ для него чувствительнѣе потеряннаго сраженія“. Это постановленіе подписали: ген.-адмиралъ Константинъ, адмир. Рикордъ, ген.-адъютантъ Литке, вице-адмир. Балкъ и вице-адмир. Замыцкій [63]).

Несмотря однако же на то, — пишетъ генералъ-лейтенантъ М. И. Богдановичъ [64]),—что наши моряки большею частью склонились на сосредоточеніе Балтійскаго флота въ Свеаборгѣ, двѣ дивизіи его, подъ начальствомъ адмирала Рикорда, были оставлены въ Кронштадтѣ, для усиленія обороны этой крѣпости, и только 3-я дивизія, по прежнему, расположена въ Свеаборгѣ. Итакъ, въ силу необходимости, нашъ флотъ обреченъ былъ на бездѣйствіе.

Чтобы затруднить плаваніе непріятельскихъ судовъ, всѣ маяки въ Балтійскомъ морѣ были погашены, вѣхи на банкахъ не ставились и лоцмана съ открытыхъ станцій сняты и удалены во внутрь шхеръ [65]). Минныя загражденія были поставлены у Кронштадта, Ревеля, Динамюнде и Свеаборга. Мины употреблялись преимущественно плавучія на якоряхъ, какъ гальваническія, такъ и пиротехническія или ударныя. Заряды ихъ не превышали 10—15 фунтовъ обыкновеннаго пороха. Мины Якоби были одинаково опасны, какъ для своихъ, такъ и для чужихъ судовъ. Вообще англійскій флотъ отъ нихъ не пострадалъ. По прошествіи нѣкотораго времени лежанія мины въ водѣ, дѣйствіе ея становилось невѣрнымъ, вслѣдствіе ржавчины и порчи [66]).

Говоря о минахъ, не можемъ не указать на записку заводчика Эм. Нобеля, отъ 18 января 1854 г., „о летучихъ минахъ“. Подлинная записка находится въ бумагахъ контръ-адмирала Б. А. Глазенапа, а содержаніе ея сводится къ слѣдующему. Послѣ того, какъ правительство приняло мины Нобеля для защиты гаваней и фарватеровъ, выдавъ ему награду, изобрѣтатель носился съ мыслію устроить летучія (движущіяся) мины для „нападенія на

непріятельскій флотъ“ и произвелъ рядъ соотвѣтствующихъ опытовъ. „Мины сіи,—пишетъ Эм. Нобель,—должны летать по поверхности воды въ данномъ имъ направленіи и, при ударѣ въ бокъ корабля, опускаться подъ ватерлинію и сильнымъ взрывомъ разломить (разрушить) подводную часть корабля и потопить его. Для надлежащаго употребленія этихъ минъ я придумалъ пароходъ, могущій безопасно подходить подъ выстрѣлами непріятель-

Видъ форта Славы.

скаго флота. Нижняя подводная часть этого парохода желѣзная, для помѣщенія машины, а верхняя часть деревянная, съ толстыми стѣнами, обшитыми металломъ. Пароходъ можетъ опускаться на уровень воды и потомъ по произволу (по желанію) подыматься. Онъ, кромѣ того, съ большой выгодой можетъ быть употребленъ для рекогносцировки“.

О дальнѣйшей судьбѣ Нобелевской движущейся мины намъ ничего не извѣстно; свѣдѣній о томъ, чтобы онѣ употреблялись

во время войны 1854 — 1855 г., не имѣется. Но, тѣмъ не менѣе, указанный фактъ самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ, показывая, что идея столь разрушительной нынѣ мины существовала въ Россіи уже въ періодъ Крымской кампаніи.

Какъ обстояло тогда дѣло съ нашей сухопутной обороной? Вдоль Финскаго залива поспѣшно настроено было много укрѣпленій; но орудій для всѣхъ не хватило. Изъ имѣвшихся орудій практическая стрѣльба почти не производилась, ради экономіи въ снарядахъ. Въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ, съ цѣлью опредѣленія стратегическаго значенія нашихъ крѣпостей, ихъ слабыхъ сторонъ, силы ихъ сопротивленія и т. п., съ тѣмъ, чтобы въ зависимости отъ этихъ данныхъ привести крѣпости въ оборонительное положеніе. Предсѣдателемъ его состоялъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а главнымъ дѣятелемъ—генералъ-адъютантъ Бергъ. Но труды этого комитета едва ли не ограничились только составленіемъ инструкцій комендантамъ крѣпостей имперіи, такъ какъ сдѣлать что-либо существенное онъ былъ безсиленъ. Представилось затруднительнымъ даже на бумагѣ собрать надежныя свѣдѣнія. Справки получались самыя противорѣчивыя. По однимъ даннымъ, напримѣръ, въ Кинбурнѣ должно было находиться 250 орудій, а по другимъ—всего 25. Отысканные планы крѣпостей оказались старыми [67]).

Что касается финляндскихъ крѣпостей, то комитетъ предложилъ рядъ мѣръ для усиленія ихъ обороны, но насколько онѣ были фактически исполнены, трудно сказать. Съ работами, произведенными въ Свеаборгѣ, Выборгѣ, Бомарзундѣ и Гангеуддѣ, мы будемъ имѣть еще случай ознакомиться, а здѣсь коснемся только самыхъ незначительныхъ укрѣпленій Роченсальма, Форта-Славы и Свартгольма, чтобы болѣе не возвращаться къ нимъ. Всѣ эти укрѣпленія были столь ничтожны, что о нихъ почти не нужно было бы упоминать. Свартгольмская крѣпость (въ 10 верстахъ отъ города Ловизы) состояла изъ одной сомкнутой оборонительной казармы, гдѣ могли помѣстить 1 штабъ-фицера, 5 оберъ-офицеровъ и 118 чел. нижнихъ чиновъ. Командовавшій войсками, ген.-л. Рокасовскій, пожелалъ однако вновь вооружить ее. Комитетъ по оборонѣ береговъ усмотрѣлъ, что въ стратегическомъ отношеніи крѣпосца эта не имѣетъ важнаго значенія, но такъ какъ будучи занята не-

пріятелемъ, могла однако вредить шхерному судоходству, то постановилъ вооружить ее двѣнадцатью (18 фунт.) пушками; но при этомъ комитетъ могъ дать только по три артиллериста на орудіе, предложивъ пополнить остальную прислугу изъ пѣхоты [68]). Двѣнадцать орудій для крѣпости, очевидно, было недостаточно; но помимо того, орудія были размѣщены на всѣхъ бастіонахъ, почему не имѣли взаимной обороны и лишены были общаго со-

Ген.-лейт. Баронъ П. Рокасовскій.

И. д. финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками въ 1854 г.

средоточеннаго дѣйствія [69]). Роченсальмъ (или Котка) былъ уже упраздненною крѣпостью (у устьевъ р. Кюмени). Онъ имѣлъ 19 отдѣльныхъ укрѣпленій, изъ коихъ Фортъ-Слава, лежавшая въ 4 верстахъ на утесѣ Финскаго залива, являлась какъ бы особой крѣпостью. Оборону Роченсальма приказано было ограничить укрѣпленіями Форта-Славы, при содѣйствіи канонерскихъ ло-

докъ [70]). О ничтожности укрѣпленій Форта-Славы достаточно скажутъ слѣдующія данныя. По инструкціи (25-го мая 1854 г.) на Фортѣ-Слава полагался одинъ инженерный офицеръ или кондукторъ и одинъ офицеръ морского вѣдомства. Весь его гарнизонъ въ іюнѣ 1854 г. состоялъ изъ коменданта, подполковника Ходоровскаго, 8-ми офицеровъ и 254 нижнихъ чиновъ. Когда, въ сентябрѣ того же года, Комитетъ по оборонѣ прислалъ 50 крѣпостныхъ ружей, то не оказалось людей, которые могли бы воспользоваться ими для обороны [71]), такъ какъ всѣ были распредѣлены при (42) орудіяхъ. Неудивительно поэтому, что уже въ октябрѣ 1854 г. состоялось Высочайшее постановленіе о снятіи вооруженій со всѣхъ батарей Роченсальма (всего 57 орудій) и Форта-Славы, дабы не дать непріятелю, въ виду слабой защиты ихъ, значительнаго числа орудій и снарядовъ. Все вооруженіе было свезено въ упраздненную Кюменьгородскую крѣпость [72]).

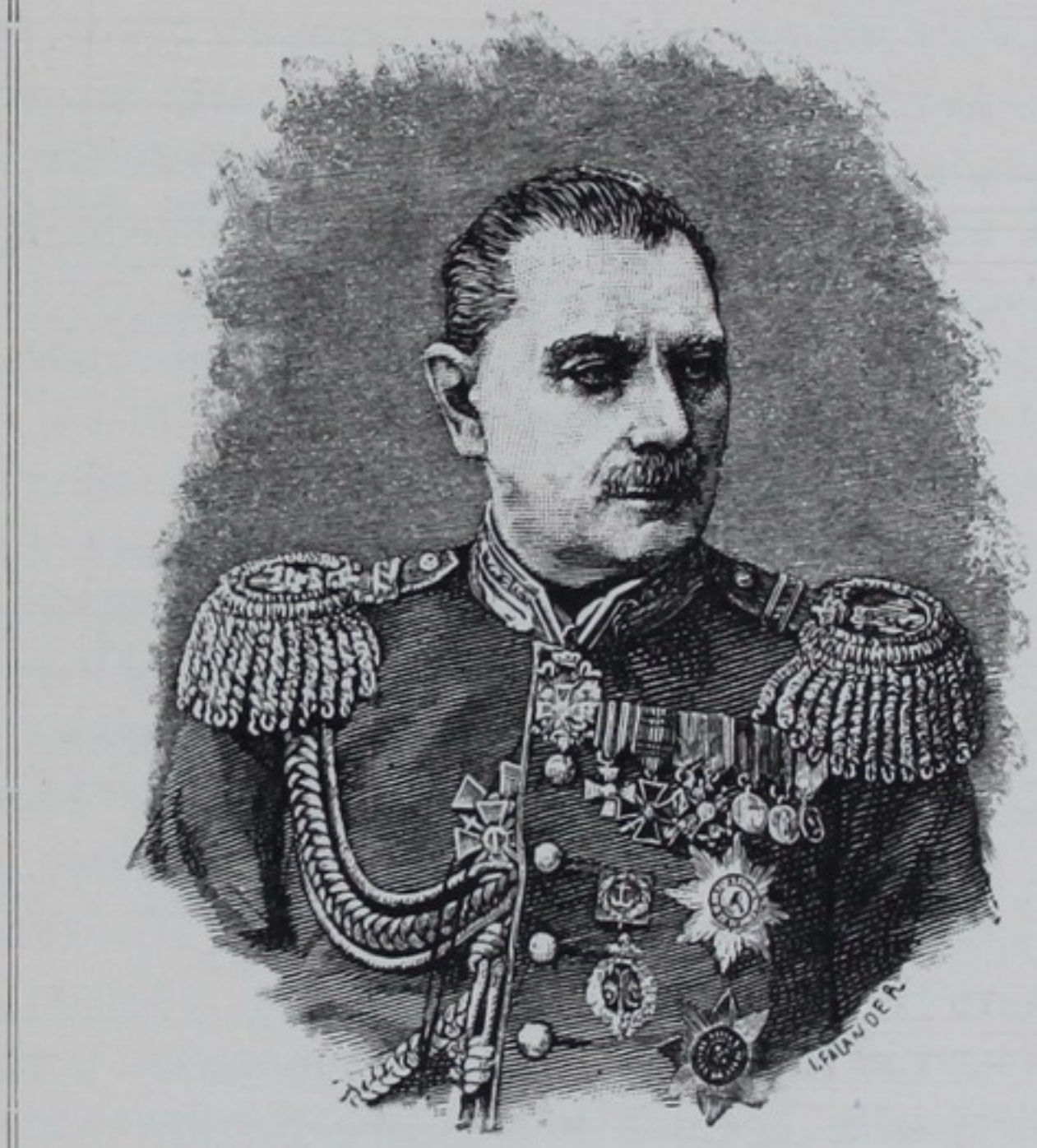
Крѣпости Выборгъ, Свеаборгъ, Гангеуддъ, Аландъ и Фортъ-Слава были объявлены на военномъ (не осадномъ) положеніи въ февралѣ 1854 г. [73]).

Одновременно съ приведеніемъ крѣпостей въ боевое состояніе, по сѣверному берегу Финскаго залива проводились телеграфы. Одинъ телеграфъ былъ сигнальный, оповѣщавшій досками и шарами, а другой—электромагнитный. Пока (въ 1854 г.) имѣлся только телеграфъ сигнальный.

Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ его послѣдовало въ февралѣ 1854 г., по представленію Управляющаго Морскимъ Министерствомъ. Первоначально линія его простиралась отъ Гангеудда до Кронштадта, а въ 1855 г. была продолжена черезъ Або до Нюстада. Въ хозяйственномъ отношеніи, т. е. по устройству и содержанію, эта линія подчинялась генералъ-губернатору, а въ отношеніи дѣйствія телеграфа, т. е. передачи извѣстій—Морскому Министерству. Начальникомъ всей линіи состоялъ сенаторъ, ген.-м. баронъ ф. Котенъ [74]). Телеграфъ отъ Свеаборга до Гангеудда дѣйствовалъ досками по проекту Рамстедта. Всего по берегу Финскаго залива расположено было при телеграфѣ 22 офицера и 460 нижнихъ чиновъ и вольноопредѣляющихся. Высочайшимъ рескриптомъ (9-го (21-го) августа 1855 г.) всѣ издержки по содержанію телеграфной линіи отнесены были на финляндскія статныя суммы [75]).

Электромагнитный телеграфъ задумали провести только въ ноябрѣ 1854 г. и пользоваться имъ явилась возможность только начиная съ мая 1855 года.

Служба телеграфистовъ на сигнальныхъ станціяхъ была не изъ легкихъ и не изъ веселыхъ, въ виду того, что „любимымъ занятіемъ непріятельской эскадры была стрѣльба въ цѣль“ по несчастнымъ ихъ избушкамъ. По словамъ одного очевидца, обстановка телеграфныхъ избушекъ была самая бѣдная; она состояла обыкновенно изъ небольшого столика, на которомъ лежала книга



Ген.-м. І. М. Норденстамъ.

Начальникъ штаба войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи.

для записыванія сигналовъ, убогой кровати, самоварчика и чайника съ неизбѣжно отбитымъ носомъ. Нерѣдко такая избушка бывала простр ѣлена ядрами. Однако, расположеніе духа у телеграфистовъ было хорошее. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ у подножія сигнальнаго телеграфа держалъ барабанъ. Когда полюбопытствовали узнать о цѣли храненія его, то телеграфистъ объяснилъ, что

ежедневно спускается по тропинкѣ въ долину и тамъ барабанитъ во всю мочь, желая ввести этимъ въ заблужденіе непріятеля, который можетъ подумать, что тутъ имѣются войска; „все-же безопаснѣй“,—прибавилъ изобрѣтательный телеграфистъ [76]).

По всему финскому побережью тянулись наблюдательные посты. Ихъ занимали въ 1854 г. Гродненскіе гусары и казаки. Постъ состоялъ изъ пяти человѣкъ; на возвышеніи обязаны были всегда имѣть двѣ осѣдланныя лошади; остальные могли отдыхать въ шалашахъ. Крестьяне, вообще относившіеся къ войскамъ желюбно и смотрѣвшіе на нихъ, какъ на своихъ защитниковъ, нерѣдко добровольно помогали нашимъ гусарамъ нести аванпостную службу и удерживали ихъ иногда отъ поднятія фальшивой тревоги. Наблюдательная служба вообще была тяжелая, такъ какъ случалось, что въ деревняхъ отводили для кавалеристовъ дома безъ оконъ и почти безъ крышъ [77]).

По Балтійскому побережью распредѣлено было всего до 200 тысячъ войскъ.

Въ матеріальномъ отношеніи союзники, конечно, находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Россія. По справкѣ, представленной графомъ Киселевымъ, четыре союзныя державы имѣли 108.000,000 населенія и три миліарда дохода; у Россіи имѣлось только 65.000,000 населенія и одинъ миліардъ дохода [78]).

Непріятель былъ многочисленъ и охватывалъ Россію съ разныхъ сторонъ. Его отряды появлялись у Соловецкаго монастыря, у береговъ Амура, у полуостр. Камчатки. Чтобы стройно и систематически отражать его, Государь Императоръ рѣшилъ раздѣлить оборону Россіи на три главныхъ отдѣла, сообразно съ угрожающею опасностію: сѣверный, средній и южный. Въ интересующій насъ сѣверный отдѣлъ входила Финляндія и все прибрежье Балтики до Прусской границы. Расположенныя здѣсь войска имѣли цѣлью оборону береговъ отъ высадки англо-французовъ, а также дѣйствія противъ Швеціи, если бы она присоединилась къ нашимъ врагамъ [79]).

Въ концѣ 1853 г. въ Финляндіи находились: 22 пѣх. дивизія, Донской казачій № 28 полкъ, растянутый отъ Сестрорѣцка до Торнео; въ Выборгѣ, Фортѣ-Слава, на Аландѣ, въ Свеаборгѣ, Гельсингфорсѣ и Гангеуддѣ расположены были роты и полуроты артиллерійскихъ гарнизоновъ. Финскія войска состояли изъ л.-гв. стрѣлковаго баталіона, гренадерскаго стрѣлковаго баталіона (въ Або) и 27 флотскаго экипажа [80]). 10-го февраля 1854 г. военный

министръ, кн. В. Долгоруковъ, увѣдомилъ командующаго войсками, что для усиленія обороны Финляндіи назначены: одна Гренадерская дивизія съ ея артиллеріей, Атаманская дивизія, л.-гв. Уральскій казачій эскадронъ и резервная бригада 1-й гренадерской дивизіи. Все это вмѣстѣ къ веснѣ 1854 г. составило $24^1/_2$ баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 36 орудій. Съ присылкою новыхъ частей число ихъ, конечно, возросло и къ концу 1854 г. мы имѣли въ Финляндіи:

	Число батал.	Число сотен.	Число Батар.	Число оруд. Легк.
Пѣхоты:				
1-я Гренадерская дивизія.	16	—	—	—
1-я бригада резервной гренадерской дивизіи.	4	—	—	—
Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ.	1	—	—	—
Резервный стрѣлковый баталіонъ	1	—	—	—
2-й запасный стрѣлковый баталіонъ.	1	—	—	—
Учебнаго сапернаго баталіона 3-я саперная рота. . .	$^1/_4$	—	—	—
22-й пѣхотной дивизіи Финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ.	$9^1/_2$	—	—	—
Примѣчаніе. Здѣсь не показаны $2^1/_2$ баталіона этой дивизіи, находящіеся въ Кронштадтѣ и Выборгѣ.				
Новгородскій гарнизонный баталіонъ	1	—	—	—
1-й и 2-й Поселенные Финскіе стрѣлковые баталіоны.	2	—	—	—
Кавалеріи:				
Донской Казачій № 28-й полкъ	—	6	—	—
Артиллеріи:				
1-я бригада гренадерской артиллерійской дивизіи . .	—	—	16	16
Резервной бригады гренадерской артиллерійской дивизіи легкая № 7 батарея	—	—	—	8
Сводная батарея, составленная изъ полевыхъ дивизіоновъ: Выборгскаго, Свеаборгскаго и Гангеудскаго артиллерійскихъ гарнизоновъ .	—	—	—	12
Итого . .	$35^3/_4$	6	16	36
				52

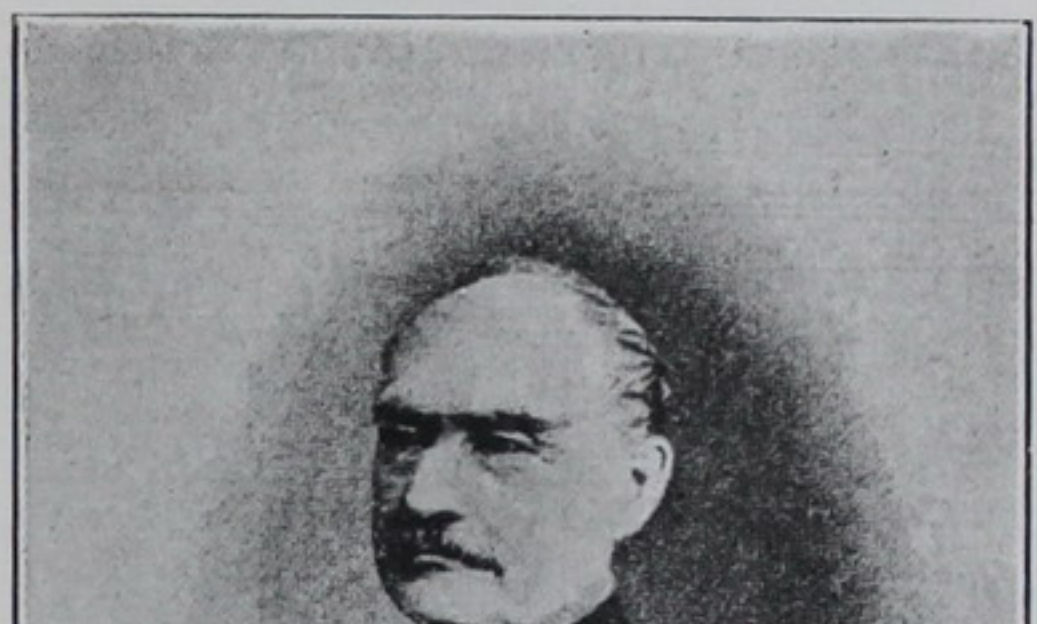
Примѣчаніе. Въ этотъ разсчетъ не входятъ запасная рота л.-гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона, находившаяся въ Гельсингфорсѣ, и инвалидныя команды. Сент. 1854.

Чтобы дать понятіе о томъ, какими небольшими отрядами и на какомъ разстояніи разбрасывались наши силы, приведемъ для примѣра дислокацію (утвержденную въ январѣ 1854 г.) для Гренадерской дивизіи, занявшей берегъ между Гельсингфорсомъ и Гангеуддомъ.

Названіе войскъ:	Мѣсто расположенія:
Дивизіонный штабъ	Г. Гельсингфорсъ.
1-й бригады.	
Бригадный штабъ	Г. Экенесъ.
1-го полка.	
Полковой штабъ.	Кирхшпиль Тенала.
1-й баталіонъ	Кирхшпиля: Тенала, Поіо, Карисъ и Лоіо.
2-й „	
3-й „	
2-го полка.	
Полковой штабъ.	Кирхшпиль Карисъ.
1-й баталіонъ	Кирхшпиля: Карисъ, Снапертуна и Инго.
2-й „	
3-й „	
2-й бригады.	
Бригадный штабъ	Г. Гельсингфорсъ.
1-го полка.	
Полковой штабъ.	Кирхшпиль Лоіо.
1-й баталіонъ	Кирхшпиля: Лоіо, Шундео и часть Вихтиса
2-й „	
3-й „	
2-го полка.	
Полковой штабъ.	Кирхшпиль Чюркслетъ.
1-й баталіонъ	Кирхшпиля: Чюркслетъ, Эсбо и часть Гельсинге.
2-й „	
3-й „	
Гренадерскаго стрѣлковаго баталіона.	
Штабъ и двѣ роты.	Кирхшпиль Тенала.
Двѣ роты	Кирхшпиль Карисъ.
Резервный стрѣлковый баталіонъ.	Кирхшпиль Лоіо.
Гренадерской артиллерійской бригады.	
Штабъ	Г. Гельсингфорсъ.
Батарейная батарея.	Кирхшпиль Хопьерси.
Батарейная батарея.	Кирхшпиль Поіо.
Легкая батарея.	Кирхшпиль Инго.
Гусарскаго полка.	
Полковой штабъ.	Кирхшпиль Гельсинге.
1-й дивизіонъ	Кирхшпиль Гельсинге.
2-й „	
3-й „	Кирхшпиль Нурміерви.
4-й „	Кирхшпиль Тюсбю.

24-го мая (5-го іюня) 1854 г. ген.-л. Рокасовскій всеподданнѣйше представилъ Государю Императору слѣдующія свои соображенія [81]).

„Общее опасеніе жителей Финляндіи, при видѣ, что обширныя береговыя пространства не будутъ заняты войсками, открыты нападенію непріятеля, внушило мнѣ мысль составить и повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благосоизво-



Ген.-лейт. Баронъ Э. А. Рамзай.
Начальникъ южныхъ отрядовъ.

леніе предложеніе о сформированіи, для защиты сихъ земель, военной силы изъ среды обитателей страны“. Затѣмъ давалась справка о томъ, что организовать финскія войска можно было двояко: созывомъ милиціи (Landvärn) или возстановленіемъ поселенныхъ войскъ (Indelt trupp). Милиціи съ своей стороны генералъ-губернаторъ не рекомендовалъ созывать, такъ какъ она набиралась

изъ волонтеровъ „неодобрительной нравственности“; эта „недисциплинированная толпа“ могла, по его мнѣнію, причинить болѣе вреда, чѣмъ пользы.

„Нѣтъ сомнѣнія,—продолжалъ ген. Рокасовскій,—что непріятель употребитъ всѣ мѣры обольщенія къ поколебанію чувства долга и вѣрности въ прибрежныхъ жителяхъ Финляндіи“; но въ народномъ войскѣ онъ встрѣтитъ „преграду сильную, не столько можетъ быть физическую, сколько моральную“. Отразить врага—естественное желаніе. Населеніе, имѣя въ этомъ войскѣ своихъ сыновей и братьевъ, будетъ искренно сочувствовать его успѣхамъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Рокасовскій надѣялся, что поселенное войско „положитъ начало возрожденію въ странѣ высшаго военнаго сословія“... „внушитъ ему благородный военный духъ“ и разовьетъ любовь къ порядку. Въ политическомъ отношеніи оно покажетъ врагамъ, какъ мало сочувствія встрѣтятъ ихъ замыслы. Эта военная сила „въ особыхъ случаяхъ, по прежнимъ примѣрамъ, можетъ быть привлечена къ дѣйствію и внѣ предѣловъ Финляндіи. Содержаніе войска, пока оно находится въ Княжествѣ, должно производиться на средства страны.

Сформированіе войска будетъ принято, какъ новый знакъ довѣрія Монарха. Способы созыва войска указаны въ мѣстныхъ законахъ. Въ 1809 г. это войско было распущено, а послѣ того повинность сія была замѣнена податью, вносимою хлѣбомъ и деньгами; но указы о поселенномъ войскѣ не отмѣнены и остается только „привести въ дѣйствіе существующіе законы“. Ген.-л. Рокасовскій просилъ о сформированіи первоначально двухъ баталіоновъ (по 600 чел.) изъ людей Улеоборгской, Вазаской и Абоской губ.

Государь Императоръ „съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ рапортъ и совершенно одобрилъ предположенія и. д. генералъ-губернатора“.

Всеподданнѣйшее представленіе командующаго войсками повело къ созыву такъ-называемыхъ поселенныхъ войскъ Финляндіи. Въ его представленіи мелькаютъ мало извѣстныя наименованія и отрывочныя историческія указанія. Это показываетъ, что затронутъ былъ старый забытый вопросъ, нуждавшійся въ разъясненіяхъ и напоминаніяхъ. И дѣйствительно, исторія и практика созыва поселенныхъ войскъ настолько забылись, что о нихъ заспорили сами финляндскія власти и учрежденія. Поселенныя войска еще разъ призваны были къ жизни и затѣмъ роль ихъ окончилась навсегда.

Участіемъ въ войнѣ 1854—1855 гг. прекратилась не только боевая дѣятельность поселенныхъ войскъ, но, можно сказать, вся ихъ двухвѣковая исторія въ Финляндіи. Правда, они продолжали еще существовать до 1876 года, когда были оффиціально упразднены, но ихъ дѣйствительная служба закончилась въ сущности роспускомъ по домамъ, вслѣдъ за окончаніемъ Крымской войны.

Генералъ-маіоръ О. Г. фонъ-Бломъ.
Начальникъ Абоскаго отряда.

Учрежденіе способа укомплектованія войскъ по поселенной системѣ относится къ царствованію шведскаго короля Карла XI. Опытъ указалъ ему на многія неудобства рекрутскихъ наборовъ. Нужно было придумать иной путь пополненія рядовъ арміи, принявъ во вниманіе малолюдство страны и интересы земледѣлія.

Поэтому Карлъ XI рѣшилъ на будущее время связать защиту отечества съ недвижимыми имѣніями. Въ глазахъ его времени справедливость требовала, чтобы обязанность обороны была соединена именно съ тою землею, которую предполагалось защищать, и чтобы формированіе войскъ составляло такимъ образомъ повинность, нераздѣльную съ недвижимыми имѣніями.

Исходя изъ этого положенія, риксдагу 1682 года было предложено, чтобы поселяне, съ освобожденіемъ ихъ отъ рекрутскаго набора, обязались поставлять и содержать опредѣленное число солдатъ въ каждой провинціи.

Особыми контрактами (Knekte kontrakt) землевладѣльцы обязались постоянно содержать: въ Або — Бьернеборгской и Нюландско—Тавастгуской губерніяхъ по 2,050 человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ въ каждой, раздѣленныхъ на два полка, въ Саволакской—1,033 человѣка и въ Эстерботніи—1,200 человѣкъ, т. е. по одному полку въ каждой изъ этихъ губерній.

За исключеніемъ дворянскихъ привилегированныхъ имѣній, всѣ прочія земли по этимъ контрактамъ обязаны были участвовать въ поставкѣ солдатъ. Самая повинность распредѣлялась такимъ образомъ, что ближайшіе гейматы или имѣнія, составлявшіе по величинѣ и качеству два манталя [82]), были соединены въ одинъ участокъ (Rota; рута), и землевладѣльцамъ его (Rotehållare, руст-гальтерамъ) надлежало сообща ставить и содержать въ готовности одного солдата (Knekt).

Обязанности участковъ или рутъ (Rota) въ отношеніи къ солдатамъ заключаются въ томъ, что 1) каждая рута ставитъ и содержитъ одного солдата, замѣщаемаго, въ случаѣ убыли, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, другимъ человѣкомъ; 2) солдатъ получаетъ отъ руты задатокъ и жалованье, а также домашнюю одежду, за которую онъ, однако, долженъ производить работу; 3) каждому солдату, на то время, когда онъ не находится на дѣйствительной службѣ, въ командировкахъ или при общемъ сборѣ, отводится отъ руты, для жительства и содержанія, особый торпъ (дворъ), съ необходимыми для малаго хлѣбопашества луговыми и полевыми угодьями; 4) руты, (за исключеніемъ Эстерботніи) первоначально по контрактамъ обязаны были содержать солдата также во время нахожденія его при ежегодныхъ полковыхъ и ротныхъ сборахъ, но эту обязанность правительство впослѣдствіи приняло на себя, съ тѣмъ, чтобы руты вмѣсто того вносили ежегодно денежную подать, называющуюся „пассеваланснымъ сборомъ“.

Жалованьемъ и помѣщеніемъ военнаго начальства и гражданскихъ чиновниковъ поселеннаго войска распоряжалась казна. Штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ, а также гражданскимъ чиновникамъ отводились для жительства (boställe) удобныя имѣнія, а въ жалованье имъ назначались слѣдовавшіе казнѣ оброки съ из-

Генералъ-маіоръ фонъ-Вендтъ.
Начальникъ Вазаскаго отряда.
Рис. Вл. Сверчковъ.

вѣстныхъ имѣній. Въ каждомъ штабъ и оберъ-офицерскомъ бостелѣ выстроены были, на казенный счетъ, жилые дома. Унтеръ-офицеры же и прочіе должны были сами содержать свои строенія въ бостеляхъ.

Въ Финляндіи (до 1809 г.) существовали три кавалерійскихъ

полка, а именно: Лейбъ-Драгунскій [83]) полкъ, въ 1,000 человѣкъ, Нюландскій Драгунскійй полкъ, въ 1,000 человѣкъ и Карельскій Драгунскій отрядъ, въ 250 человѣкъ. На укомплектованіе ихъ были назначены извѣстные гейматы, рустгальты (Rusthåll), которые за эту повинность были освобождены отъ казеннаго оброка. Каждый рустгальтъ обязанъ былъ поставить одного кавалериста, съ лошадью и всѣми къ обмундированію и снаряженію ихъ потребными вещами, а также отвести драгуну особенный торпъ (дворъ) съ принадлежащимъ къ нему полемъ и лугомъ.

Что-же касается до укомплектованія флота, то нѣкоторымъ приморскимъ приходамъ и землямъ вмѣнено было въ обязанность, вмѣсто солдатъ, ставить боцмановъ, число коихъ простиралось до 1,200. Но за освобожденіемъ впослѣдствіи городовъ отъ этой повинности и по приписке многихъ боцманскихъ гейматовъ къ пѣхотнымъ полкамъ, обязанность ставить боцмановъ осталась только за нѣкоторыми гейматами въ Абоскихъ шхерахъ [84]), почему боцмановъ имѣлось только одна рота.

Высочайшими Манифестами 27-го марта и 1-го августа 1810 года Его Императорское Величество соизволилъ объявить, что Финское поселенное войско не будетъ, впредь до надобности, созываться, но рустгальты и милиціонные руты, за это освобожденіе должны вносить денежную подать. Такимъ образомъ землевладѣльцы Финляндіи, обязанные поставлять поселенныхъ солдатъ, съ 1809 по 1854 г., вмѣсто этой натуральной повинности, платили подати: вакантную (вмѣсто поставки солдатъ), резервную (вмѣсто содержанія подставныхъ или резервныхъ чиновъ) и пассеволансную (взамѣнъ сборовъ на ученія). Теперь вмѣсто денегъ потребовались люди и 11-го (23-го іюня) 1854 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи части поселенныхъ войскъ. Въ этомъ манифестѣ указывалось, что Императоръ Александръ I въ 1810 г. соизволилъ не призывать поселенныхъ войскъ, пока обстоятельства того не потребуютъ и доколѣ не изгладятся слѣды опустошеній предшествовавшихъ войнъ. Но въ виду того, что Финляндія была предметомъ постоянныхъ попеченій и отеческихъ заботъ Россійскихъ Монарховъ и она развилась и достигла небывалаго прежде благосостоянія, то повелѣвалось приступить къ сформированію двухъ баталіоновъ, съ тѣмъ, чтобы два поземельные участка въ совокупности поставили и содержали по одному солдату [85]).

Эти стрѣлковые баталіоны составлялись изъ населенія Абоской, Вазаской и Улеоборгской губерній, т. е. частей Финляндіи,

прилегавшихъ къ Ботническому заливу. 16-го октября и 13-го ноября того-же 1854 г. послѣдовали повелѣнія о сформированіи еще четырехъ поселенныхъ баталіоновъ изъ населенія остальныхъ губерній, за исключеніемъ Нюландской и Выборгской.

Высочайшая воля о сформированіи поселенныхъ баталіоновъ, по удостовѣренію ген.-л. гр. Армфельта и барона Котена, была всюду принята „съ непритворною радостью и восторгомъ, свойственными народу, одушевленному преданностію Монарху и готовому жертвовать всѣмъ для защиты родного края [86]).

По штатамъ (15-го февраля 1855 г.) въ каждомъ баталіонѣ состояло 16 офицеровъ, три чиновника, 673 строевыхъ и 46 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. При каждомъ баталіонѣ должно было состоять по одной резервной ротѣ, въ 160 чел., но (за окончаніемъ войны) онѣ не были собраны. Лейбъ-гвардіи Финскій и Гренадерскій (также Финскій) стрѣлковые баталіоны были сформированы въ 1854—1855 гг. вербовкою. Поселенные баталіоны были вооружены за счетъ военнаго министерства, израсходовавшаго до 50,000 руб.; снаряженіе было заказано въ Петербургѣ распоряженіемъ нашего интендантства, но на средства финляндской казны.

Забота по сформированію сей „національной милиціи“ (nationalmilisen) была возложена на сенатора Казиміра фонъ-Котена и особо учрежденную для сего коммисію. Баронъ Котенъ отличался живымъ характеромъ и пылкимъ воображеніемъ. Въ стремленіи къ намѣченной цѣли, онъ нерѣдко пренебрегалъ формальностями и указаніями закона. Формированіе финскихъ поселенныхъ баталіоновъ, несомнѣнно, сдѣлало честь его имени и его предпріимчивой дѣятельности, такъ какъ своей энергіей онъ преодолѣлъ свойственную его соотечественникамъ неподвижность. Исполненіемъ труднаго дѣла формированія онъ удивилъ всѣхъ и безъ него оно, конечно, не имѣло бы того успѣха, какимъ отмѣчено. Кромѣ того, Котенъ отличался преданностію русскому правительству [87]). Возстановленіе финскаго войска на прежнихъ основаніяхъ значительно повліяло, — по показанію Августа Шаумана, — на подъемъ національнаго чувства, чѣмъ въ извѣстной мѣрѣ облегчалась тяжесть этой воинской повинности. Общество содѣйствовало дѣлу, чѣмъ могло: давали воинскимъ частямъ удобныя помѣщенія, строили экзерциръ-гаузы, кухни и пр , жертвовали кровати. Котенъ, со свойственной ему энергіей, переѣзжалъ изъ прихода въ приходъ вмѣстѣ съ предназначенными баталіонными командирами, и

договаривался съ содержателями рутъ, обязанными поставлять пѣхотинцевъ по требованію правительства. Первые два баталіона были собраны и обучены въ теченіи пяти недѣль и, впредь до надобности, распущены по домамъ, гдѣ занимались хозяйствомъ и ремеслами. Офицеры и унтеръ-офицеры размѣщались среди нихъ для наблюденія за порядкомъ и поведеніемъ, а ротные командиры со штабами находились въ городахъ. Унтеръ-офицеровъ и сигналистовъ подготовляли въ школахъ, учрежденныхъ тогда въ Або, Гамле-Карлебю и Улеоборгѣ [88]). Нижнимъ чинамъ, пожелавшимъ вновь поступить на военную службу, Высочайшимъ объявленіемъ 20-го декабря 1854 года, были дарованы разныя преимущества и награды: шевроны, медали съ надписью „за усердіе“, добавочные оклады и пр. Нижнихъ чиновъ оказалось достаточно; труднѣе было найти офицеровъ. Для пополненія ихъ комплекта приглашались не только служившіе прежде въ пѣхотѣ и кавалеріи, но даже офицеры-моряки разныхъ возрастовъ. Имъ пришлось покинуть свои дома, замѣнить плугъ мечемъ и вновь начать службу прежнимъ чиномъ. Поселенныя войска получили сперва свое прежнее свѣтло-сѣрое обмундированіе, но вскорѣ оно было замѣнено другимъ, такъ какъ показалось излишне „національнымъ“ [89]). Это-ли соображеніе, или какое-либо иное руководило начальствомъ при измѣненіи цвѣта сукна парадныхъ мундировъ финскихъ стрѣлковъ, остается намъ неизвѣстнымъ. Установлено только, что гр. Бергъ высказался за сѣрый цвѣтъ, находя его болѣе практичнымъ и подходящимъ къ домашней формѣ стрѣлковъ. Проектъ обмундированія былъ переданъ, по Высочайшему повелѣнію, ген.-адъютанту Огареву [90]). 28-го мая 1855 г. состоялся приказъ по военному вѣдомству (за № 122), изъ котораго видно, что сѣрое сукно было оставлено для „полукафтановъ и шароваровъ“.

„Для поддержанія собратства, которое должно соединять русскія войска съ поселенными финскими войсками, и для пріобрѣтенія практическихъ познаній въ русскомъ языкѣ“, ген.-маіоръ баронъ Котенъ предлагалъ, чтобы всѣ офицеры въ чинахъ поручика и прапорщика, поступившіе въ поселенныя войска не изъ дѣйствующихъ войскъ, прикомандировывались къ образцовому пѣхотному полку въ Царскомъ Селѣ... [91]).

Главнымъ начальникомъ обороны Балтійскаго побережья отъ Нарвы до Выборга, исключая Кронштадта, назначенъ былъ Его

Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, который состоялъ тогда главнокомандующимъ гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ [92]). Начальникомъ штаба Балтійскаго корпуса былъ Свиты Его Величества ген.-м. Ф. Л. Гейденъ. Должность военнаго генералъ-губернатора Кронштадта была ввѣрена генералу Дену. Все побережье Балтійскаго моря раздѣлено было на участки подъ командованіемъ отдѣльныхъ начальниковъ. Отрядомъ въ Сестрорѣцкѣ командовалъ ген.-л. П. А. Степановъ; участкомъ отъ Петербурга до Выборга вѣдалъ генералъ-маіоръ Демидовъ; отъ Выборга до Гельсингфорса—генералъ-маіоръ Воронцовъ (главная квартира около Кюменьгорода); западнымъ (Абоскимъ и Экенескимъ) отрядомъ командовалъ ген.-лейтенантъ баронъ Рамзай, Абоскимъ ген.-м. Бломъ и Вазаскимъ генералъ-маіоръ Вендтъ.

Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками состоялъ кн. А. С. Меншиковъ, но онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ и, въ его отсутствіе, краемъ правили его помощники, сперва старый и слабый генералъ Теслевъ, а затѣмъ ровный и спокойный генералъ Рокасовскій. На князя Меншикова въ Финляндіи установилось два взгляда; одни находили его большимъ бюрократомъ и недолюбливали вліятельнаго начальника его Петербургской канцеляріи чиновника Фишера; другіе, напротивъ, видимо, были довольны режимомъ князя и его нахожденіемъ внѣ края. Партія финляндскихъ администраторовъ, во главѣ со всемогущимъ сенаторомъ или, какъ его величали „Его Угрюмостью“—ф.-Гартманомъ, постановила, въ виду „незабвенной признательности“ (oförgätliga förbindelse) страны къ кн. Меншикову, озаботиться пріобрѣтеніемъ для него маіората Аньяла на общественныя суммы. Деньги (46 т. р.) были собраны, имѣніе куплено (у барона Вреде) и подарено князю. Главная заслуга кн. Меншикова, по словамъ мѣстнаго историка М. Г. Шюбергсона, выразилась въ томъ, что раза два онъ заступился за финляндскую конституцію, когда со стороны русскихъ дѣятелей были сдѣланы попытки напасть на нее [93]). Извѣстный публицистъ Финляндіи, Авг. Шауманъ, въ своихъ мемуарахъ, по поводу изложеннаго, говоритъ такъ: „Въ Петербургѣ судьба Финляндіи находилась въ рукахъ генералъ-губернатора кн. Меншикова, который пользовался высшимъ довѣріемъ Государя Николая Павловича. Новый министръ статсъ-секретарь гр. Армфельтъ относился къ дѣламъ осторожно и не смѣлъ еще особенно проявлять себя. Въ Гельсингфорсѣ генералъ-губернатора замѣщалъ Теслевъ... Въ сенатѣ у руля держалъ свою крѣпкую руку Л. Г. фонъ-Гартманъ.

При посредствѣ удивительно таинственной покупки, въ 1842 г., маіората Аньяла и даренія его кн. Меншикову, Гартманъ закрѣпилъ свое вліяніе надъ послѣднимъ и, быть можетъ, прочнѣе закрѣпилъ князя къ Финляндіи [94]).

Какъ бы то ни было, но когда началась война, кн. Меншиковъ, хотя и продолжалъ числиться генералъ-губернаторомъ Финляндіи вплоть до конца 1854 г., былъ занятъ другими порученіями: въ 1853 г. послали его, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго Россіи, въ Константинополь, а въ 1854 г. онъ командовалъ арміей въ Крыму. Въ Финляндіи оставался его помощникъ Платонъ Ивановичъ Рокасовскій. Онъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ 1829 г., былъ при Силистріи, переходилъ Балканы, а впослѣдствіи имѣлъ схватки съ горцами на Кавказѣ, но тѣмъ не менѣе надлежащей боевой подготовкой онъ не обладалъ и качествами полководца не отличался. Временно возложенныя на него обязанности генералъ-губернатора и командующаго войсками Финляндіи (съ 1850 по 1854 г.) онъ несъ добросовѣстно и къ новой военной обстановкѣ относился внимательно, стараясь предусмотрѣть нужды края по оборонѣ. Качествъ выдающагося государственнаго мужа онъ не проявилъ, а наступившія осложненія настойчиво требовали ихъ, почему Рокасовскій просилъ, въ декабрѣ 1854 г., о своемъ отчисленіи отъ должности. Просьба была уважена и въ январѣ 1855 г. ему прислали замѣстителя, въ лицѣ генерала Ѳ. Ѳ. Берга. Финляндцамъ Рокасовскій вполнѣ довѣрялъ, съ мѣстной администраціей уживался и общество относилось къ нему съ замѣтнымъ расположеніемъ. Когда онъ покидалъ Гельсингфорсъ, его проводили торжественными обѣдами, сочувственными стихами и адресами, въ которыхъ выражали признательность за заботу объ общественныхъ финансовыхъ средствахъ.

Начальникъ штаба войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, назначенъ былъ въ 1854 г. генералъ-лейтенантъ Иванъ-Морицъ Норденстамъ. Финляндецъ по рожденію, онъ проходилъ службу въ Россіи и проникся дисциплиной николаевскаго времени. У него было боевое прошлое, такъ какъ участвовалъ въ турецкой войнѣ (1828 г.) и въ схваткахъ на Кавказѣ, да кромѣ того онъ обладалъ извѣстнымъ административнымъ опытомъ. Особой популярностію среди мѣстнаго общества Норденстамъ тогда еще не пользовался, вслѣдствіе того, что не склоненъ былъ мирволить студенческимъ выходкамъ 1848 г. Его приказы отличались ясностію и дѣловитостію; по нимъ всегда опредѣленно видно, чего онъ хотѣлъ и къ

чему стремился. Недостатка энергіи онъ не обнаружилъ въ это трудное время военнаго испытанія.

Когда стала надвигаться гроза и не оставалось сомнѣнія въ разрывѣ съ европейскими державами, ген. Рокасовскому предложено было высказаться о тѣхъ мѣрахъ, кои необходимо принять, при объявленіи Финляндіи на военномъ положеніи, безъ нарушенія, однако, правъ всемилостивѣйше дарованныхъ Великому Княжеству

Ген.-маіоръ свиты Его Величества А. А. Баранцовъ.

Начальникъ артиллеріи, расположенной въ Финляндіи.

Самодержцами Имперіи. Ген. Рокасовскій, перечисливъ условія общаго военнаго положенія, примѣняемыя по законамъ въ Россіи, и сообразивъ ихъ съ духомъ финляндскаго законодательства, усмотрѣлъ, что мѣстныя обстоятельства отнюдь не затрудняютъ распространить ихъ также и на Финляндію, за однимъ изъятіемъ. Въ виду того, что населеніе края судится за преступленія по законамъ Княжества въ особомъ порядкѣ, и такъ какъ законы Финляндіи

вообще довольно строги, а въ военное время усугубляютъ наказанія, то онъ находилъ возможнымъ не распространять на жителей Финляндіи власти командующаго войсками о преданіи ихъ военному суду. Государь Императоръ повелѣлъ (8-го февраля 1854 г.) имѣть въ виду предположенія ген.-л. Рокасовскаго, при объявленіи прибалтійскихъ областей на военномъ положеніи [95]).

Гр. Армфельтъ не удовлетворился этимъ и представилъ свои объясненія, по предварительномъ совѣщаніи съ ген. Рокасовскимъ. Министру статсъ-секретарю желательно было избѣжать термина „на военномъ положеніи“, въ виду яко-бы его полной неизвѣстности въ Финляндіи, гдѣ онъ въ состояніи подать только поводъ къ недоразумѣніямъ. Онъ указывалъ затѣмъ, что если мнѣніе ген. Рокасовскаго обратить въ Высочайшее повелѣніе, то этимъ вполнѣ будетъ достигнуто въ Финляндіи то же самое, что въ другихъ губерніяхъ достигается объявленіемъ ихъ на военномъ положеніи. При этомъ статсъ-секретарь ограждалъ сенатъ отъ всякаго соприкосновенія съ главнокомандующимъ. Но въ случаѣ вступленія непріятеля въ Финляндію, дѣйствіе гражданскихъ законовъ должно было прекратиться и вся власть сосредоточиться въ рукахъ главнокомандующаго. Когда поэтому неизбѣжно рѣчь зашла о раздѣленіи высшихъ властей—гражданской и военной—министръ статсъ-секретарь домогался, чтобы отрѣшеніе, напр., отъ должностей, преданіе суду, какъ жителей, такъ и чиновниковъ, и т. п. предоставлено было исключительно генералъ-губернатору (а не командующему войсками), чтобы финскія войска подчинялись главному начальнику имперскихъ войскъ только „съ того времени, когда войдутъ въ составъ отрядовъ, предназначенныхъ къ дѣйствію для обороны края“. „По части хозяйственной и по укомплектованію“ эти войска должны были оставаться въ зависимости отъ генералъ-губернатора. Даже „отдѣленіе, учрежденное при штабѣ для производства дѣлъ по финскимъ войскамъ“, оставлялось въ вѣдѣніи гражданской власти генералъ-губернатора. На докладахъ статсъ-секретаріата карандашемъ рукою Государя Императора Николая I значилось: „совершенно справедливо“; „и это можно“; „не вижу къ сему никакого затрудненія“ [96]). Вопросъ разрѣшился манифестомъ отъ 17-го февраля (1-го марта) 1854 г., которымъ и. д. генералъ-губернатора и командующаго войсками предоставлены были слѣдующія полномочія, „нужныя для принятія и немедленнаго исполненія мѣръ къ охраненію безопасности Финляндіи“: „дѣлать нарядъ подводъ для перевозки войскъ, продовольствія ихъ и военныхъ тяжестей, по

цѣнамъ, имъ установленнымъ, за наличныя деньги или подъ квитанціи; отрѣшать отъ должности чиновниковъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, полицейской части, полагая въ томъ числѣ и почтовое вѣдомство, назначать на мѣсто отрѣшаемыхъ другихъ, къ исправленію ихъ должности, и принимать непосредственно и неотлагательно всѣ мѣры, какія онъ признаетъ нужными по военнымъ обстоятельствамъ. Финляндскимъ же начальствамъ Мы вмѣняемъ въ обязанность исполнять немедленно требованія исправляющаго должность финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками въ Финляндіи, и наблюдать за неукоснительнымъ ихъ со стороны подчиненныхъ исполненіемъ, хотя бы требованія сіи и превосходили власть, общими постановленіями ему присвоенную, съ чѣмъ каждому, до кого сіе касаться можетъ, сообразиться". Съ прекращеніемъ военныхъ обстоятельствъ, эти особыя полномочія были отмѣнены 25-го апрѣля (7-го мая) 1856 года.

Помимо сего военный министръ (22-го февраля 1854 г.) сообщилъ, что главное начальство надъ всѣми войсками и крѣпостями въ Вел. Кн. Финляндскомъ возложено Государемъ Императоромъ на ген.-лейт. Рокасовскаго, предоставленіемъ ему правъ командира отдѣльнаго корпуса, на основаніи устава объ управленіи арміями (5-го декабря 1846 г.). Своеобразнымъ дополненіемъ ко всѣмъ приведеннымъ положеніямъ явилось слѣдующее правило, которое исходатайствовалъ (21-го апрѣля 1854 г.) гр. А. Армфельтъ: повелѣно было всѣ проекты по военнымъ мѣропріятіямъ обязательно направлять къ ген.-лейт. Рокасовскому, который повергалъ полезные изъ нихъ на благовоззрѣніе Монарха. Но затѣмъ статсъ-секретаріатъ обязанъ былъ по „дѣламъ стратегическимъ" объявлять, послѣдовавшія по нимъ Высочайшія рѣшенія, если они касались финляндскихъ управленій [97]).

Воинскія части, предназначенныя для обороны Финляндіи, пришлось разбросать по длинной береговой линіи края. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, эти маленькіе отряды должны были перемѣщаться въ разныя стороны. Если берега Финляндіи представляютъ извѣстныя удобства для обороны, то съ другой стороны обширность протяженія ихъ по Финскому и Ботническому заливамъ является при защитѣ громаднымъ неудобствомъ. Отъ Торнео до Выборга считается около 1,500 верстъ береговой линіи. Нѣкоторыя топографическія, гидрографическія и тактическія условія едва-ли не болѣе благопріятствовали союзникамъ, чѣмъ намъ. Такъ, напримѣръ, многіе фарватеры края, недоступные для паруснаго

флота, сдѣлались доступными, по введеніи на судахъ пара и винта. Изъ 32-хъ городовъ и мѣстечекъ—21 или $^2/_3$ были доступны непріятельскому нападенію. И вообще, если бы непріятель пожелалъ сдѣлать высадку, то могъ для этого отыскать десятокъ глубокихъ и удобныхъ пунктовъ. Серьезнымъ препятствіемъ должны были явиться шхеры съ ихъ трудно изучаемыми проходами, но эту преграду англичане одолѣвали, отчасти благодаря своей опытности въ морскомъ дѣлѣ, но главнымъ образомъ, къ глубокому нашему сожалѣнію, при посредствѣ лоцмановъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ Финляндіи. Для пріобрѣтенія проводниковъ-лоцмановъ англичане прибѣгали и къ насилію, и къ хитрости. Одну партію лоцмановъ, какъ разсказывали тогда, они добыли себѣ слѣдующимъ образомъ. Еще осенью 1853 г. какой-то таинственный субъектъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, выдавая себя за ихтіолога (т. е. изслѣдователя рыбъ), рекомендованнаго университету. Подъ предлогомъ рыбной ловли, ему удалось сманить многихъ лоцмановъ, съ которыми онъ тогда же уѣхалъ въ Англію. Извѣстно затѣмъ, что одинъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, находившійся въ Стокгольмѣ, указалъ англичанамъ на картѣ фарватеръ отъ Борго къ Гельсингфорсу, по которому можно было подойти къ Гельсингфорсу, минуя Свеаборгъ. Иногда англійскія суда, руководимыя собственными моряками, терпѣли крушенія, но гордые мореплаватели очень старательно скрывали подобные случаи [98]).

По особеннымъ свойствамъ настоящей войны, высшему начальству трудно было съ точностію опредѣлить образъ дѣйствія разставленныхъ по берегу отрядовъ. Главная задача ихъ сводилась къ прикрытію прибрежныхъ городовъ отъ разорительныхъ набѣговъ непріятеля и къ организаціи хорошей системы наблюденія. Берега усѣяны были сторожевыми постами казаковъ и гусаръ. Донскіе казачьи полки (№№ 63 и 64) выставили аванпосты (въ 1855 г.) отъ Або до Гельсингфорса и такимъ образомъ на ихъ долю пришлось пространство въ 250 верстъ. Не легче было положеніе отряда ген.-м. фонъ-Вендта, такъ какъ Гамле-Карлебю отстоялъ отъ Кристинестада на 300 верстъ. Отрядъ былъ малочисленъ и въ то же время надлежало имѣть войска всюду на-готовѣ къ встрѣчѣ непріятеля. Для облегченія передвиженія генералъ-маіоръ фонъ-Вендтъ приказалъ перевозить пѣхоту и артиллерію на обывательскихъ подводахъ. Тѣмъ не менѣе города Каскэ и Кристинестадъ остались безъ всякой защиты и жители ихъ, черезъ своего Вазаскаго губернатора, усердно просили о присылкѣ войскъ. Чтобъ

выйти изъ этого затруднительнаго положенія, предложено было отправить ген.-лейт. Армфельта въ сѣверную Финляндію и поручить ему, при довѣріи къ нему жителей, вооружить ихъ для дѣйствія партизанскими отрядами на случай, если бы непріятель дерзнулъ углубляться внутрь Финляндіи [99]).

Черезъ мѣстныхъ губернаторовъ, земскимъ и городскимъ управленіямъ дано было знать, чтобы они извѣщали начальниковъ о замѣченныхъ движеніяхъ непріятеля. И дѣйствительно, отовсюду, гдѣ только появлялись его суда, дѣлались сообщенія и военными и гражданскими властями, и даже частными лицами. Подобными сообщеніями изобилуетъ военный архивъ Финляндскаго округа. Доклады о планахъ и предположеніяхъ непріятеля получались также отовсюду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ-за границы. 16-го апрѣля 1854 г., напримѣръ, командующій войсками Финляндіи получилъ отъ генералъ-адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, такое увѣдомленіе: „Посланникъ нашъ въ Швеціи сообщаетъ министру иностранныхъ дѣлъ, будто бы адмиралъ Непиръ высказалъ намѣреніе начать военныя дѣйствія атакою Свеаборга. Не зная, въ какой степени это извѣстіе достовѣрно, считаю, однако, нужнымъ предварить о томъ Ваше Превосходительство“. Въ концѣ того-же апрѣля Я. А. Дашковъ прислалъ извѣстіе о томъ, что Непиръ имѣетъ въ виду Гангеуддъ, но въ то же время желаетъ утвердиться на Аландѣ, или какомъ-либо иномъ островѣ. 20-го мая военный министръ писалъ командующему войсками: „По Высочайшему, Государя Императора, повелѣнію, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что по свѣдѣніямъ, сего дня полученнымъ Его Величествомъ изъ-за границы, главная цѣль адмирала Непира (Napier), вслѣдствіе данныхъ ему наставленій, состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать соединенію дивизіи нашего флота, находящейся въ Свеаборгѣ, съ тою частью онаго, которая теперь въ Кронштадтѣ; а также, что соединенныя англо-французскія морскія силы намѣрены употребить всевозможныя усилія, дабы овладѣть Свеаборгомъ, какъ пунктомъ особенной важности, для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій“. 7-го іюля ген. Рокасовскій былъ увѣдомленъ о томъ, что изъ Франціи отправляется десантъ въ Балтійское море на англійской эскадрѣ, названной „Channel Squdron“. Союзники полагаютъ овладѣть сперва Аландомъ, чтобы имѣть опорный пунктъ для дѣйствій на Гельсингфорсъ [100]).

Всѣ подобные вопросы не могли, конечно, не занимать также и Государя. Отраженіе его думъ и заботъ видны въ его рескрип-

тахъ.—3-го (15-го іюля) 1854 г. Государь Императоръ писалъ Паскевичу: „Флоты все у Поркалаудда и вѣроятно выжидаютъ десанта; а что предпримутъ потомъ, одинъ Богъ знаетъ. Это намъ невѣдѣніе тягостно, ибо препятствуетъ располагать войска какъ бы хотѣлось. Осторожность требуетъ быть готовыми на все". 7-го (19-го іюля) 1854 г. Царь сообщилъ кн. Д. М. Горчакову: „Здѣсь новаго ничего; но достовѣрно знаемъ, что десантъ около 20,000 отправленъ изъ Франціи, или на Аландъ или къ Гельсингфорсу. На дняхъ окажется" [101]). Предположенія о намѣреніи непріятеля произвести высадку около Гельсингфорса и затѣмъ большимъ десантомъ занять Петербургскую дорогу, взять Борго и двинуться на Фридрихсгамъ и Выборгъ держались долго и упорно. Эти дѣйствія союзниковъ ставились въ связь съ возстаніемъ въ Польшѣ [102]). Командовавшій войсками въ Финляндіи также склонялся къ тому, что непріятель имѣетъ въ виду взять Гельсингфорсъ и уничтожить нашъ флотъ.

Всѣ эти предположенія не оправдались, а на дѣлѣ произошло слѣдующее.

Видъ г. Экенеса.

III. КАМПАНІЯ 1854 г.

ДѢЛО ПРИ ЭКЕНЕСѢ.

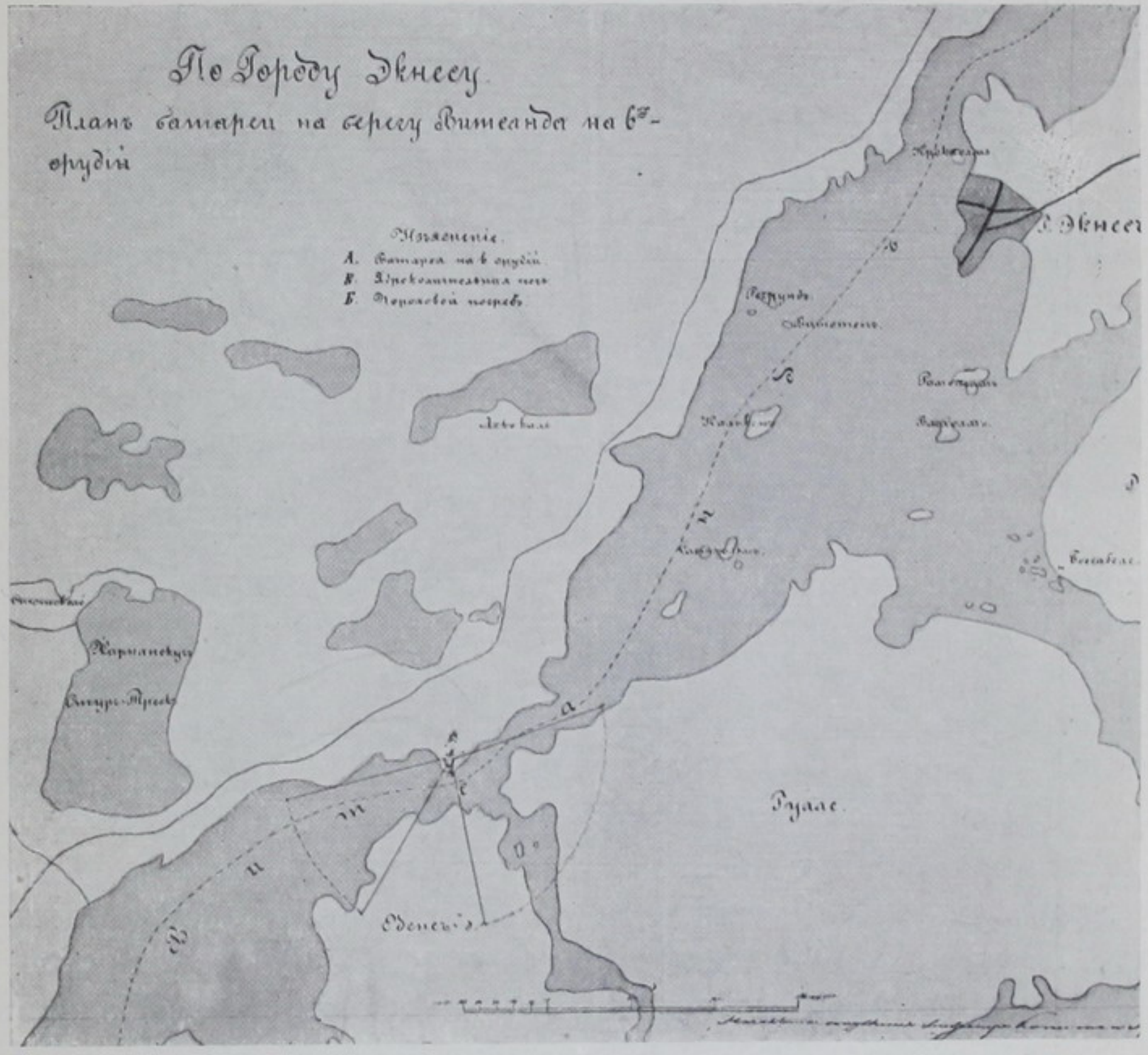
7-го (19-го) мая 1854 года пролита была „первая капля крови“ на Финляндскомъ берегу. Въ этотъ день непріятель на двухъ судахъ,—двухъ-трубномъ фрегатѣ и маломъ суднѣ конструкціи шхуны,—предшествуемый 16-ти весельнымъ баркасомъ, произво-дившимъ промѣры, направился къ гор. Экенесу (Ekenäs). Завѣды-вавшій обороной этой части финскаго побережья, генералъ-лейте-нантъ Э. А. Рамзай, узнавъ посредствомъ телеграфа и черезъ лоц-мановъ о движеніи непріятельскихъ судовъ, принялъ нужныя мѣры для наблюденія за ними и распорядился распредѣленіемъ отряда для защиты. Въ его вѣдѣніи находилась всего только одна рота финскихъ стрѣлковъ, двѣ роты гренадеръ и дивизіонъ бата-рейной батареи. Полувзводъ (въ 50 чел.) гренадерскаго стрѣлко-ваго баталіона, подъ командой молодого подпоручика Гюллинга,

укрылся на лѣсистомъ берегу, у станціи Лапвикъ, гдѣ Поіоскій заливъ (Pojo-viken) наиболѣе съуживается. Остальныя части растянулись до станціи Трольбёле. Разсказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ была протянута подъ водой цѣпь черезъ проливъ, на которую жители Экенеса возлагали немалыя надежды. Но цѣпь не воспрепятствовала проходу непріятельскихъ судовъ [1]). Въ 4 часа пополудни, когда непріятель приблизился на 300 шаговъ, подпоручикъ Гюллингъ приказалъ своимъ стрѣлкамъ открыть огонь. Солдаты стрѣляли настолько мѣтко, что баркасу вскорѣ пришлось вернуться на двухъ веслахъ; потомъ ружья направлены были на суда и съ берега видѣли, какъ до десятка матросовъ, находившихся на вантахъ и реяхъ фрегата, были поражены нашими пулями. Непріятель, однако, не остановился. Продолжая медленно двигаться впередъ, онъ сталъ отвѣчать гранатами и картечью на огонь стрѣлковъ. Непріятель подвигался къ батареѣ, стоявшей „противъ узкости Витсанда у Гулль-э“. Здѣсь непріятель остановился на разстояніи дальнаго пушечнаго выстрѣла и переночевалъ.

На нашей батареѣ при Витсандѣ, какъ надо полагать, могли находиться только четыре 12-ти фунтовыхъ пушки. По крайней мѣрѣ, подполковникъ Моллеръ, комендантъ Гангеудда, 24-го апрѣля 1854 г. доносилъ, что эти четыре пушки, со всѣми принадлежностями и зарядами, были имъ отправлены на купеческомъ суднѣ для вооруженія батареи въ проливѣ Витсанда [2]). Проливъ у Витсанда—единственный морской проходъ къ городу Экенесу. Мѣстами этотъ проливъ столь узокъ, что болѣе двухъ малыхъ судовъ одновременно по немъ проходить не могутъ. Прибывшей за нѣсколько часовъ до начала боя дивизіонной батарейной № 1 батареей 1-ой гренадерской артиллерійской бригады ген.-лейтенантъ Рамзай подкрѣпилъ береговую батарею. А въ 1855 г. отрядъ достигъ здѣсь силы 3500 чел., изъ коихъ финновъ было 500 чел. [3]).

8-го числа, въ 5 часовъ утра, непріятель продолжалъ наступленіе. Береговая батарея дѣйствовала сперва удачно и, видимо, причинила непріятелю значительныя поврежденія, такъ какъ онъ остановился на часъ въ своемъ наступленіи. Но затѣмъ непріятель, открывъ самый учащенный огонь изъ всѣхъ орудій лѣваго борта обоихъ судовъ („Arrogant“ и „Hekla“), настолько осыпалъ нашу батарею картечью, что она вынуждена была сняться и переѣхать къ деревнѣ Лексваль, оттуда, съ новой позиціи, около 2-го часа пополудни, возобновила свои дѣйствія. Стрѣлки оставались на своихъ мѣстахъ. Одинъ англійскій пароходъ („Hekla“) пододвинулся

къ городу; но въ это время другой („Arrogant“) сѣлъ на мель. „Геклѣ“ пришлось подать помощь товарищу. Чтобы оберечь себя отъ нашихъ выстрѣловъ, „Гекла“ забрала на рейдѣ у Лексваля купеческое судно, нагруженное солью, и, поставивъ его около своего обстрѣливаемаго борта, благополучно миновала нашу батарею. За $1^1/_2$ версты до города Экенеса суда однако остановились, не дерзнувъ идти далѣе.



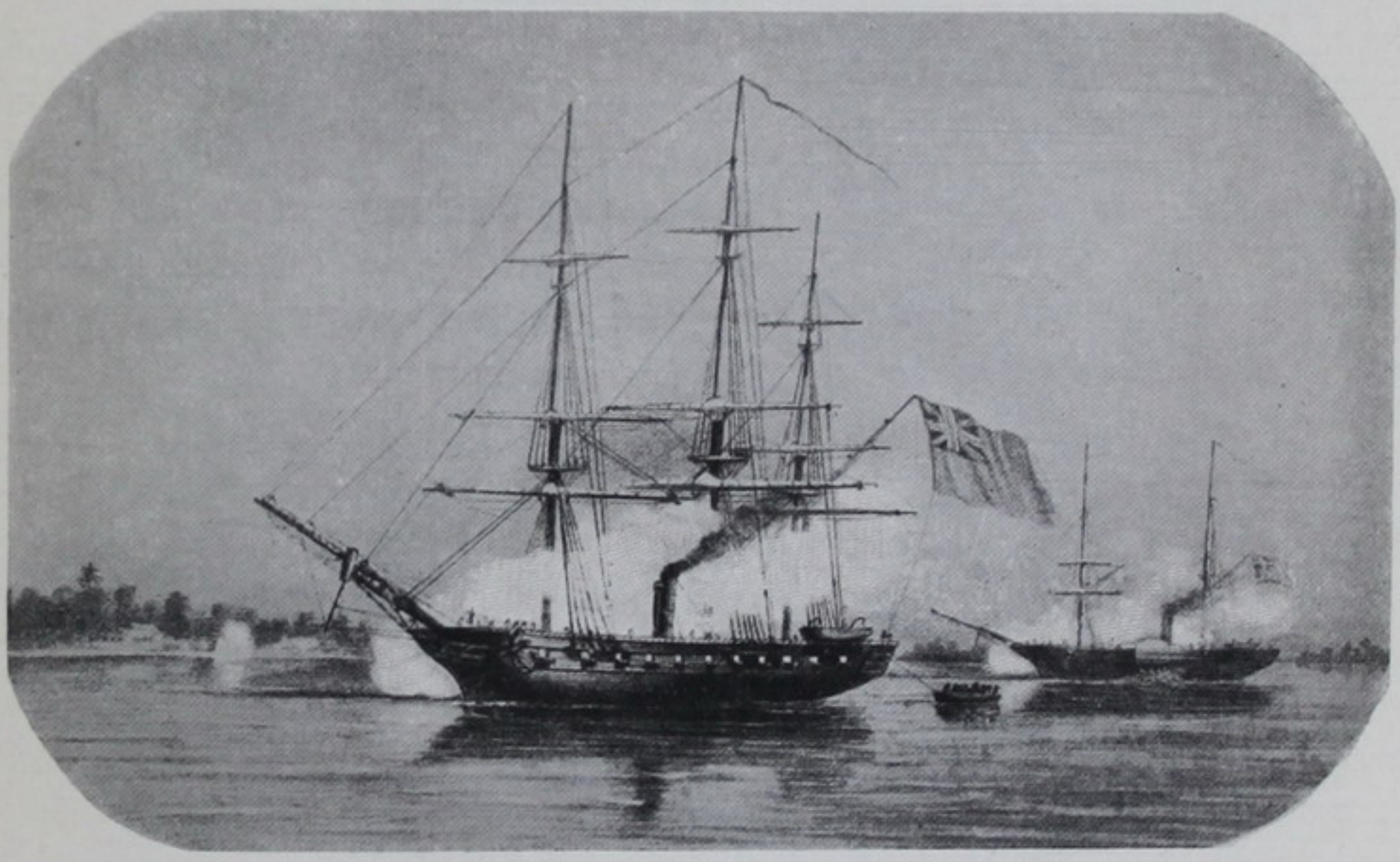
Генералъ-лейтенантъ Э. А. Рамзай, командовавшій наскоро собранными здѣсь воинскими частями, съ большой похвалой отозвался объ ихъ стойкости и о мѣткости ихъ стрѣльбы. Финскіе стрѣлки удачными выстрѣлами снимали храбрецовъ съ рей и палубы. Чтобы отвлечь ружейный огонь вверхъ, англичане прибѣгли къ хитрости, повѣсивъ на мачтѣ чучело изъ парусины. Въ этой стычкѣ финляндцы проявили свое хладнокровіе, а казаки—находчивость и расторопность. Самому ген. Рамзаю мы много обязаны успѣшной обороной южной Финляндіи въ теченіи 1854 и 1855 г.г.

Онъ обладалъ большой опытностью, твердымъ и энергичнымъ характеромъ. Для всей Финляндіи онъ служилъ примѣромъ преданности Россіи и старанія упрочить связь этого края съ Имперіей [4]). Потери наши были незначительны: 3 убитыхъ нижнихъ чина и 6 раненыхъ; но среди павшихъ находился прекрасный „служака“, маіоръ Дергачевъ. Большой чугунный крестъ указываетъ мѣсто его могилы (въ селеніи Трольбёле) [5]). На крестѣ значится: „Гренад. Принц. Фридр. Нидер. полка маіоръ Дергачевъ убитъ въ сраженіи противъ англичанъ 8-го мая 1854 года при Витсандѣ. Общество офицеровъ храброму товарищу“.

Все это маленькое дѣло на столбцахъ европейской печати выросло въ блестящій подвигъ англичанъ, яко бы разбившихъ и разогнавшихъ цѣлые полки русскихъ войскъ и взявшихъ съ сильной батареи у Витсанда три орудія. По англійскимъ извѣстіямъ, мы потеряли до 500 человѣкъ. Въ газетахъ Швеціи эта стычка также превратилась въ грандіозное дѣло, о которой публика была извѣщена статьей подъ заглавіемъ: „500 русскихъ убитыхъ и раненыхъ“. Свѣдѣнія эти основывались яко бы на разсказахъ капитана Халля съ корабля „Гекла“. Въ книгѣ M. Eugène Woestyn „Victoires et conquêtes des armées alliées (Paris 1856) читаемъ: „Редутъ замолкъ; земля усѣяна обломками лафетовъ, касками, ранцами и оружіемъ, брошеннымъ русскими. Капитанъ Халль сходитъ на шлюпкѣ на берегъ, беретъ одно орудіе и переноситъ его на бортъ, какъ трофей экспедиціи. На слѣдующій день корабли присоединяются къ эскадрѣ и „Веллингтонъ“ даетъ по ихъ адресу слѣдующій сигналъ: „хорошо дѣйствовали „Аррагантъ“ и „Гекла“. Остальныя суда разукрашиваются флагами и привѣтствуютъ троекратнымъ восторженнымъ „ура“ [6]). Опровергать, послѣ изложеннаго, подобныя измышленія, нѣтъ, конечно, надобности. Восточная война пріучила насъ къ подобнаго рода донесеніямъ союзниковъ. Сэръ Никольсонъ отправилъ, напр., рапортъ въ Англію, въ которомъ увѣрялъ, что далекій Петропавловскъ по своимъ укрѣпленіямъ является вторымъ Севастополемъ! Остается только указать, что пушки, явившіяся трофеями англичанъ у Витсанда, оказались маленькими фальконетами, бывшими прежде на купеческихъ судахъ для салютацій [7]).

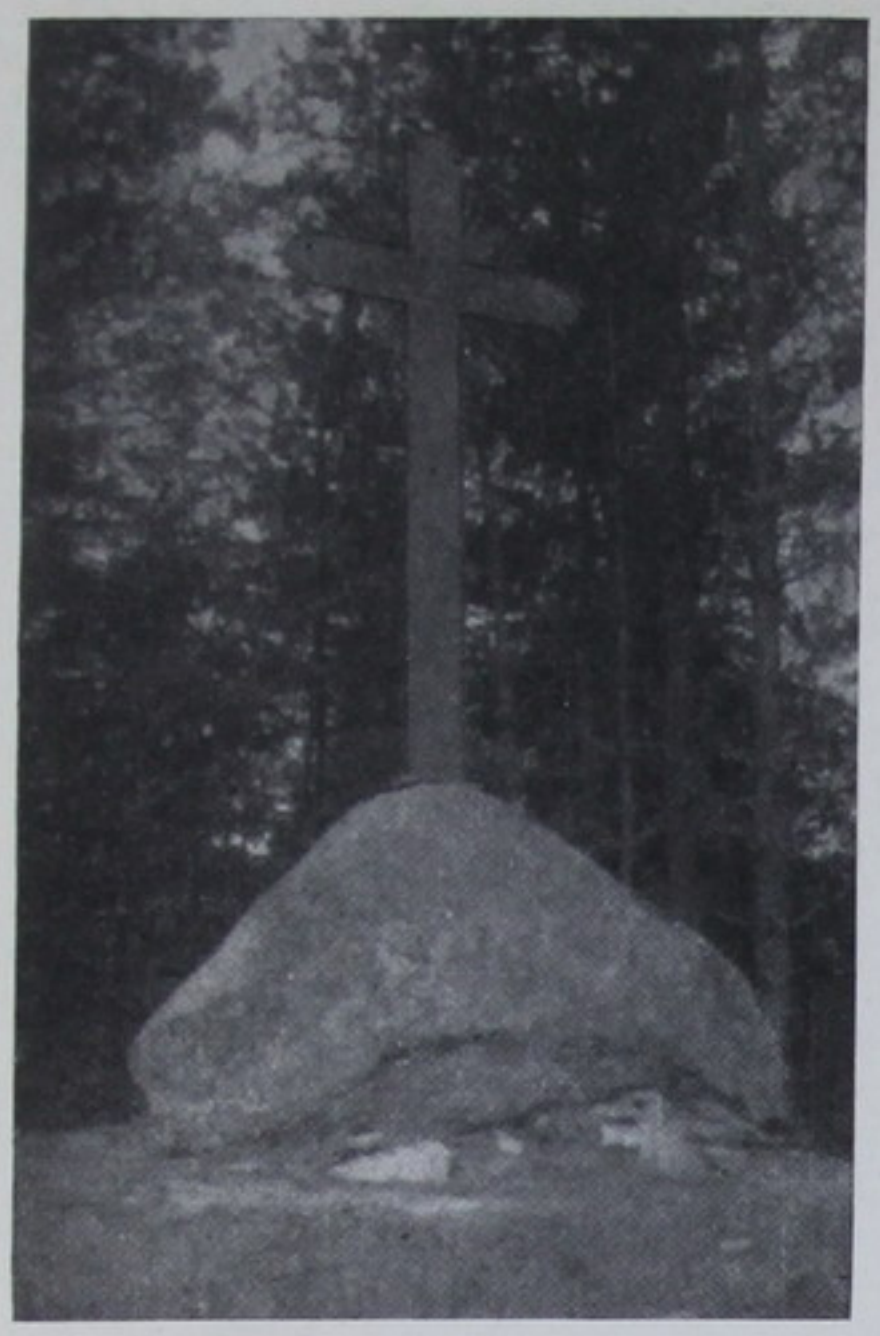
Отряды, побывавшіе первыми въ огнѣ, не остались, конечно, безъ Царской милости. Флигель-адъютантъ Стюрлеръ пріѣхалъ съ наградами. Подпоручикъ Гюллингъ получилъ слѣдующій чинъ, одинъ хорунжій и артиллерійскіе офицеры—ордена, нижніе чины

деньги и 15 крестовъ „солдатскаго георгія“ [8]). Испр. должн. командующаго войсками въ Финляндіи, генералъ-лейтенантъ Рокасовскій, велѣлъ напечатать извѣстіе объ Экенескомъ дѣлѣ въ „Гельсингфорской (шведской) Газетѣ“, для успокоенія жителей и предупрежденія превратныхъ толкованій. Рокасовскій просилъ военнаго министра и впредь разрѣшить ему поступать такимъ же образомъ [9]). Это обстоятельство показываетъ, что русскіе вовсе не были склонны скрывать происходившее и что ихъ сообщеніямъ приходится поэтому довѣрять. Въ виду того, что извѣстія, исходившія изъ русскихъ источниковъ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, стара-



„Аррагантъ“ и „Гекла“ у Экенеса.

лись заподозрить и лишить ихъ должнаго значенія, умѣстно указать, что военный министръ кн. В. Долгоруковъ, въ частной своей перепискѣ съ командовавшимъ крымской арміей, княземъ А. С. Меншиковымъ, рекомендовалъ послѣднему ознакомиться съ дѣлами при Экенесѣ и Гангеуддѣ по оффиціальнымъ источникамъ. Князю Меншикову опубликованные бюллетени посылались военнымъ министромъ весьма исправно. Будь эти свѣдѣнія составлены только для введенія публики въ заблужденіе, то ими не стали бы, конечно, обманывать руководителя нашихъ силъ на югѣ. Если бы свѣдѣнія были ненадежны, на нихъ не сталъ бы ссылаться министръ, да притомъ еще въ перепискѣ интимнаго характера [10]).



Могила подп. Дергачева около Экенеса.

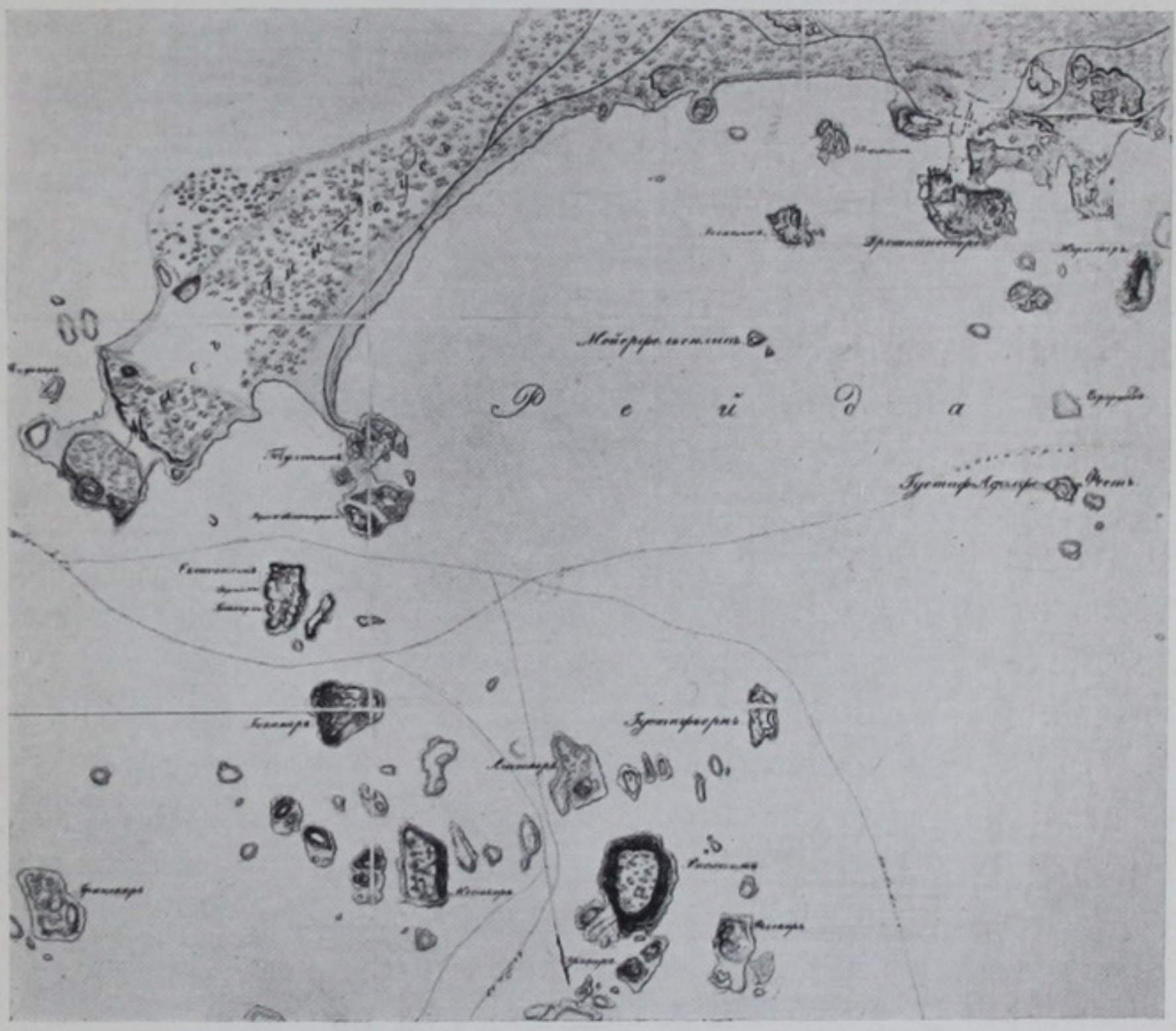
Изъ собр. М. Н. Кайгородова.

Послѣ боя 7-го и 8-го мая 1854 года, оборона Экенеса была нѣсколько улучшена. Въ проливѣ Витсандъ, въ шести верстахъ отъ города, построили батарею и вооружили ее шестью орудіями. Эта батарея приходилась какъ разъ на мѣстѣ той батареи, гдѣ завязалась перестрѣлка 7-го мая. По берегу пролива, кромѣ того, заготовили въ разныхъ мѣстахъ ложементы для стрѣлковъ и эполементы для полевыхъ орудій. Въ городѣ сосредоточили отрядъ, состоявшій изъ пяти баталіоновъ, полусотни казаковъ и восьми полевыхъ орудій [11]). Но никакого новаго предпріятія со стороны непріятеля не послѣдовало. На дѣло при Экенесѣ, какъ ген.-л. Рамзай, такъ и въ Петербургѣ, смотрѣли, какъ на диверсію, имѣвшую цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ Аланда, или на развѣдку передъ нападеніемъ на Гангеуддъ [12]). Намъ-же теперь затѣя англичанъ представляется совершенно безцѣльной и предпринятой безъ какого-либо заранѣе обдуманнаго плана.

ДѢЛО ПРИ ГАНГЕУДДѢ.

Укрѣпленія маленькаго Гангеудда, или Гангута, какъ называлъ это мѣсто Петръ Великій, состояли изъ нѣсколькихъ слабыхъ старинныхъ фортовъ. Главные изъ нихъ находились на островахъ, а одинъ фортъ, казармы, домъ коменданта и церковь помѣщались на берегу, гдѣ нынѣ выстроена желѣзнодорожная станція порта и курорта Гангеуддъ. Въ апрѣлѣ 1854 г. комендантомъ Гангеудда былъ назначенъ (изъ Або) подполковникъ Моллеръ. Вступивъ въ должность, онъ донесъ, что нашелъ инженерныя работы „въ самомъ жалкомъ состояніи“ [13]). Комендантъ рѣшилъ кое-что сдѣ-

лать въ этой крѣпости для улучшенія верковъ и артиллерійской части, но тѣмъ не менѣе недочеты ея были значительны. Подполковникъ Моллеръ, какъ умѣлъ, приготовлялся къ отраженію непріятеля. Такъ какъ траверса на батареѣ Скансъ-гольмѣ не имѣлось, то онъ построилъ полисадъ съ амбразурами. Такъ какъ для нѣкоторыхъ орудій не хватило лафетовъ, то онъ поставилъ ихъ на станки [14]). Подполковнику Моллеру шелъ 66 годъ; при Бородинѣ онъ былъ раненъ въ правую руку и контуженъ въ грудь.



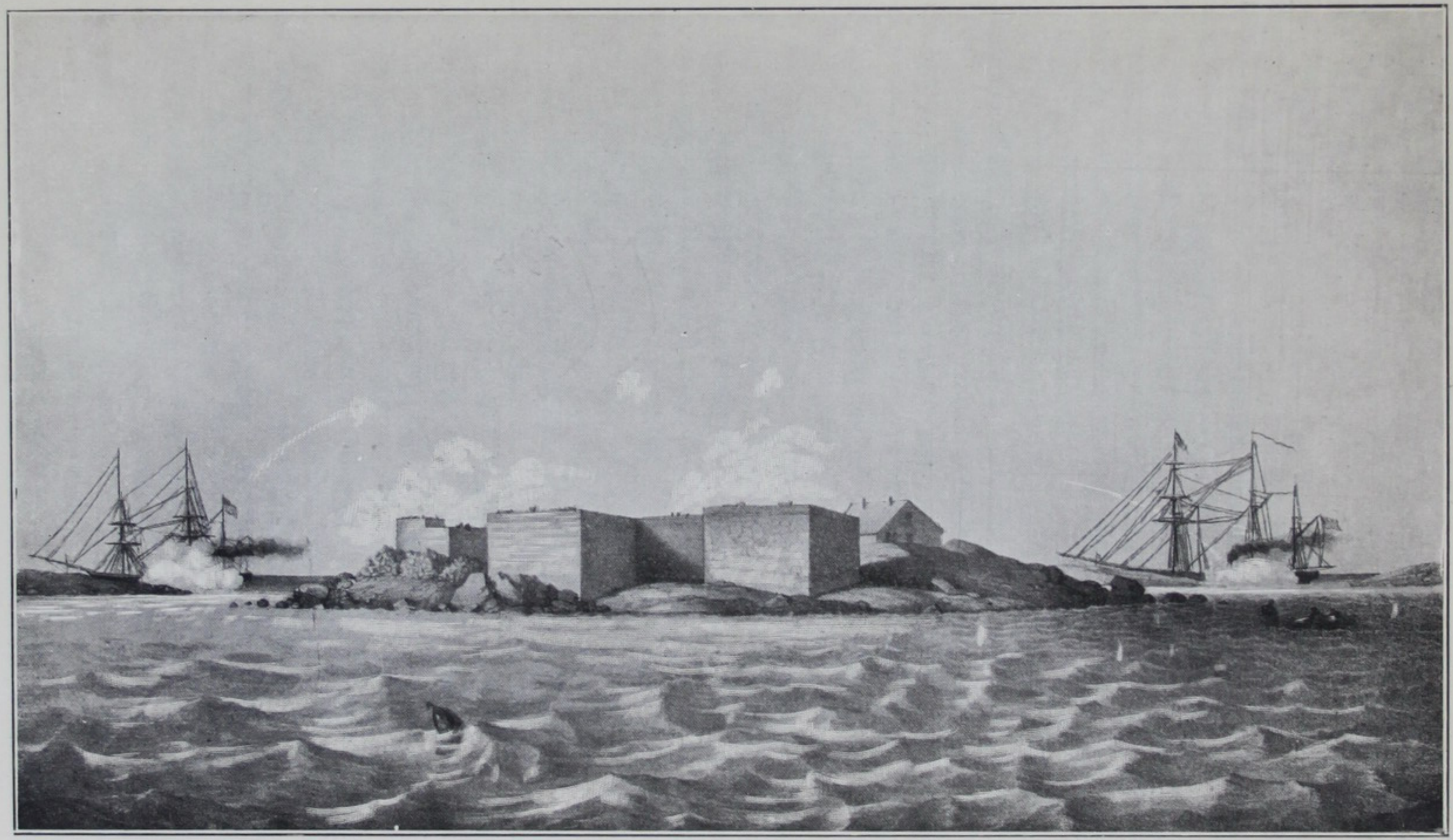
Карта Гангеудда.

Но энергіи у него оказалось достаточно, чтобы воодушевить свой маленькій гарнизонъ.

Къ Гангеудду непріятель подходилъ нѣсколько разъ. 6-го (18-го) апрѣля 1854 года, около 11-ти час., здѣсь раздался первый выстрѣлъ непріятеля. Въ крѣпости ударили тревогу. На горизонтѣ показались непріятельскіе корабли, которые остановились, однако, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣдовало еще два непріятельскихъ выстрѣла. Крѣпость отвѣтила; но дѣло не разыгралось. Въ три часа утра 7-го (19-го) апрѣля виднѣлись огни на

мачтахъ. Вдали стояло только два парохода. Англичане занялись промѣрами и когда они приблизились къ укрѣпленію, то были встрѣчены ядрами. 27-го апрѣля вновь показались суда, но до настоящей перестрѣлки дѣло дошло только 10-го мая. Къ старымъ укрѣпленіямъ шведскихъ временъ—Густавсвернъ, Густавъ-Адольфъ и Скансъ-гольмъ—непріятель подошелъ теперь на шести пароходахъ, имѣя на рейдѣ до 26 судовъ. Первое укрѣпленіе могло отвѣчать на огонь англичанъ только двумя орудіями, а фортъ Густавъ-Адольфъ только однимъ. И тѣмъ не менѣе гарнизонъ прекрасно выдержалъ пяти-часовой бой и успѣлъ причинить нѣсколькимъ судамъ непріятеля существенныя поврежденія.

О ходѣ боя подполковникъ Моллеръ представилъ донесеніе; но, какъ значится въ письмѣ генерала Рамзая къ генералу Рокасовскому, изъ него „трудно понять настоящую связь цѣлаго дѣла“, почему генералъ-маіору Базину, какъ очевидцу боя, предложено было составить „поясненіе главнѣйшихъ обстоятельствъ атаки“. Видно, что подполковникъ Моллеръ хорошо владѣлъ мечемъ, но не могъ совладать съ перомъ. Генералъ Базинъ, въ рапортѣ отъ 12 мая, изложилъ обстоятельства дѣла въ слѣдующемъ видѣ. Изъ состава эскадры, въ 26 вымпеловъ, вышли три парохода; одинъ изъ нихъ открылъ огонь по Густавсверну, другой атаковалъ укрѣпленіе Мейерфельдъ, третій взялъ такое направленіе къ Экенесскому заливу, которое понято было за желаніе произвести десантъ. По берегу поставили поэтому ротныя колонны (8-го Линейнаго баталіона) и дивизіонъ легкой Гангеуддской артиллеріи. Но, на повѣрку оказалось, что одинъ пароходъ открылъ сильную канонаду по укрѣпленію Густавъ-Адольфъ. Дѣйствіемъ артиллеріи на берегу отвлечено было нѣсколько вниманіе команды парохода отъ Густавъ-Адольфа и даже пріостановлена была временно его канонада. Въ это время ядро изъ укрѣпленія ударило въ корму парохода и заставило его отойти и заняться починкою. Изъ Густавсверна тоже причинили поврежденіе, осаждавшему его трехмачтовому пароходу. Его замѣнилъ другой большой трехмачтовый винтовой пароходъ, который вскорѣ также вынужденъ былъ уйти за боевую линію: бомба удачно попала въ корму. Въ это же время изъ-за острова, позади укрѣпленія, стрѣлялъ по Густавсверну еще одинъ трехмачтовый пароходъ навѣсными выстрѣлами. Выйдя потомъ изъ-за укрѣпленія, онъ былъ встрѣченъ двумя мѣткими выстрѣлами; однако, онъ пошелъ къ поврежденному пароходу, прикрылъ его сперва своимъ корпусомъ, а потомъ скрылся вмѣстѣ



Фортъ Густавсвернъ отражаетъ англичанъ при атакѣ ихъ на Гангеуддскія укрѣпленія 10-го мая 1854 г.

Рисовалъ съ натуры Вл. Сверчковъ.

съ нимъ изъ вида. Маленькій пароходъ, осаждавшій Мейерфельдъ, при обратномъ прохожденіи мимо укрѣпленія Густавсвернъ, также былъ настигнутъ двумя ядрами [15]).

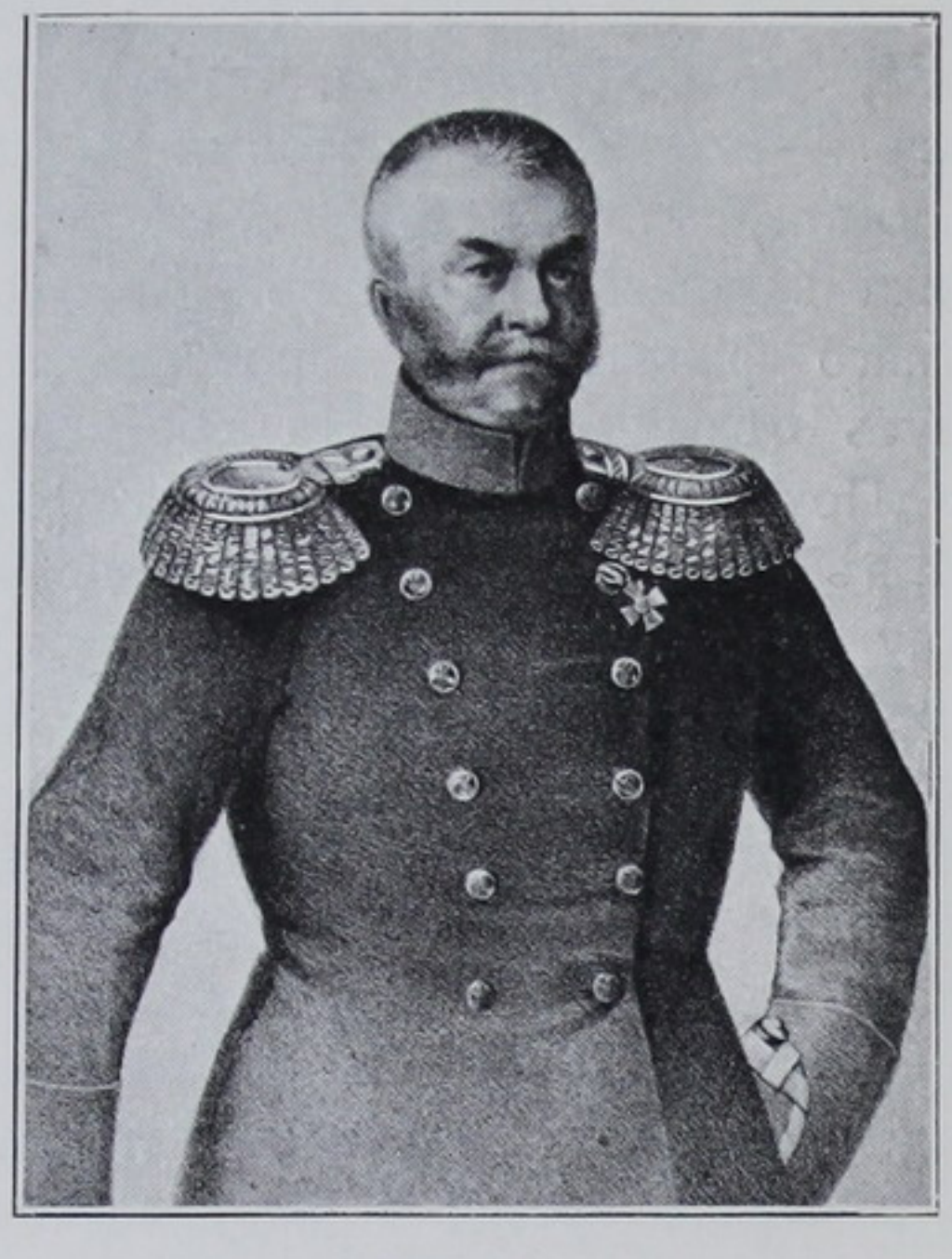
Старожилъ города Гангэ, служившій во время войны на телеграфѣ, передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о скромномъ героѣ Густавсверна, капитанѣ артиллеріи Семеновѣ, слѣдующія подробности, характеризующія симпатичныя черты стараго воина. Семенову было 70 лѣтъ. Онъ состоялъ начальникомъ острова Густавсверна, когда два непріятельскихъ судна открыли огонь по ввѣренному ему форту. Видя, что можно отвѣчать только изъ двухъ фланговыхъ орудій, онъ распорядился, чтобы остальная команда ушла въ казематъ. — Всѣ наши фортовыя орудія, кромѣ двухъ дѣйствовавшихъ, были подбиты. Борьба съ орудіями новѣйшей системы непріятеля казалась безполезной, почему нѣкоторые изъ офицеровъ мѣстнаго финляндскаго происхожденія предложили Семенову выкинуть бѣлый флагъ. Но престарѣлый и больной воинъ отвѣтилъ: „Пока я живъ и со мною есть хоть одинъ человѣкъ, я не сдамся; въ крѣпости взорву собственноручно пороховой погребъ и погибну вмѣстѣ съ другими“. Но отъ такой крайности видно Господь его избавилъ. Одно изъ русскихъ ядеръ попало въ стрѣлявшій корабль и непріятель, прекративъ огонь, отошелъ къ эскадрѣ, которая въ 4 часа пополудни двинулась по направленію къ Свеаборгу. По прекращеніи сраженія, шлюпка отъ коменданта забрала раненыхъ, коихъ оказалось 9 (8) человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было капитану Семенову, котораго застали въ безнадежномъ состояніи, переѣхать на берегъ въ госпиталь. „Теперь не такое время; я умру здѣсь“. Такъ крѣпко было сознаніе долга въ этихъ геройхъ николаевскаго времени. Однако, на другой день его свезли съ острова и черезъ нѣсколько дней онъ скончался, произведенный наканунѣ смерти въ слѣдующій чинъ и награжденный орденомъ [16]).

Изъ другого рапорта генералъ-маіора Базина видно, что непріятель выпустилъ до 1500 зарядовъ, стрѣляя 68 и 96 фунтовыми ядрами и 3 пудовыми бомбами. На случай невозможности держаться въ какомъ-либо фортѣ, приказано было ночью вывести войска и взорвать укрѣпленія.

Говоря о боѣ 10-го мая, нельзя умолчать о дѣйствіяхъ штурманскаго офицера прапорщика Данилова, завѣдывавшаго Гангеуддскимъ телеграфомъ. Во время атаки фортовъ, батарея Мейерфельдъ начала стрѣлять, но огонь былъ безполезенъ. Даниловъ

переплылъ на лодкѣ рейдъ, подъ перекрестнымъ огнемъ, и передалъ приказаніе коменданта прекратить огонь. На островѣ Мошерѣ англичане возвели батарею. Пользуясь бездѣйствіемъ ихъ, Даниловъ вызвался съ 30-ю охотниками разрушить ее и дѣйствительно разрушилъ.

Гарнизонъ, одушевляемый примѣромъ своего доблестнаго коменданта, дѣйствовалъ съ такимъ хладнокровіемъ и мѣткостью,



Ген.-маіоръ Моллеръ.
Комендантъ Гангеудда.
Рис. Вл. Сверчковъ.

что пароходы вынуждены были отступить. Неутомимый ветеранъ все время находился на укрѣпленіяхъ, побуждая подчиненныхъ къ истинному геройству. Его мужество и распорядительность, какъ доносилъ генералъ-лейтенантъ Рамзай, стояли „выше всякой похвалы“ [17]). Когда командующій войсками довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія о достойнѣйшемъ поведеніи подполковника Моллера и его гарнизона, Государь Императоръ 13-го мая 1854 года собственноручно начерталъ: „Коменданта въ генералъ-маіоры, ниж-

нимъ чинамъ по три Георгіевскихъ креста на батарею и всѣмъ по 1 руб. сереб.“. Егора Ивановича Моллера о таковой Монаршей милости увѣдомилъ письмомъ непосредственно самъ военный министръ. Государь, кромѣ того, повелѣлъ выслать Моллеру генеральскіе эполеты.

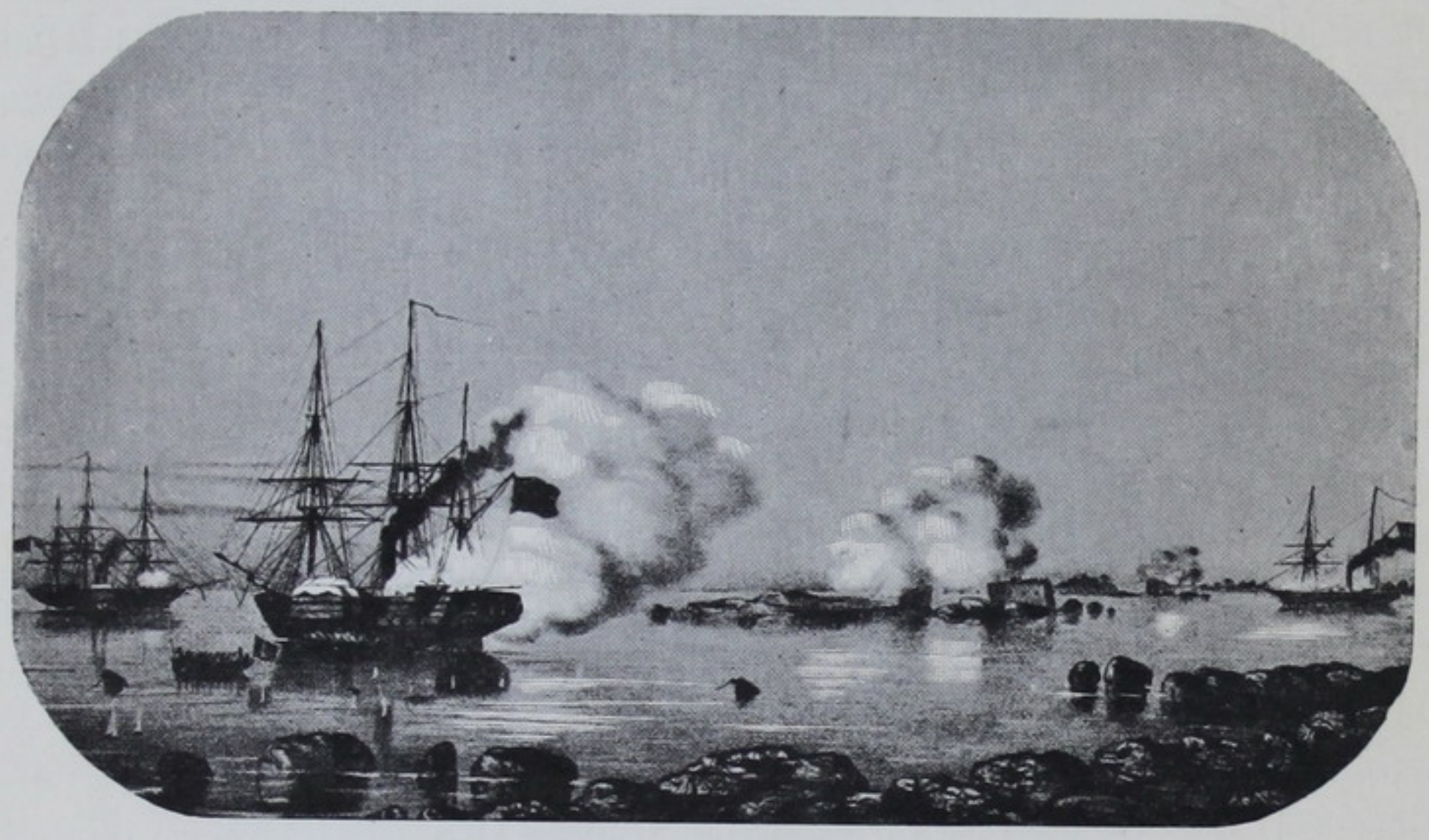
Подходъ къ Гангеудду Непиръ считалъ подвигомъ, въ виду того, что у русскихъ въ Гельсингфорсѣ находилось 8 или 9 линейныхъ кораблей! Приближеніе къ Гангеудду, какъ пояснялъ англійскій адмиралъ, имѣло цѣлью выманить русскій флотъ изъ Свеаборга, но маневръ этотъ не удался [18]).

„Мы заглянули въ Гангэ,—писалъ одинъ изъ аглійскихъ корреспондентовъ,—подошедши, насколько позволяло намъ благоразуміе. Около всѣхъ пушекъ на фортахъ стояли солдаты и мы могли различить отряды войскъ, двигавшіеся подъ предводительствомъ офицеровъ, которые сидѣли на лошадяхъ. Гангэ наполненъ войсками и укрѣпленъ еще добавочными батареями, изъ которыхъ одна вооружена 11 пушками и имѣетъ грозный видъ“ [19]). Очевидно, что это описаніе весьма мало соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ главныя укрѣпленія были разбросаны на маленькихъ островахъ и представляли изъ себя крайне незначительные бастіонные фронты. Болѣе 410 человѣкъ нельзя было помѣстить въ стѣнахъ этихъ бастіоновъ [20]).

Въ бумагахъ контръ-адм. Глазенапа сохранился рапортъ Гангеуддскаго коменданта, подполковника Моллера, подписанный 11-го мая 1854 г. и дающій полный отчетъ о состояніи гарнизона этой маленькой крѣпосцы. Въ гарнизонѣ состояло: 25 офицеровъ, 1187 строевыхъ нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 87 рекрутъ), 82 нестроевыхъ чина и 52 лошади. Вотъ та наличная сила, которую засталъ за укрѣпленіями Гангеудда (въ бастіонахъ и на берегу) непріятель, „неудержимо рвавшійся въ бой“. Непиръ едва сдерживалъ пылъ экипажа, почему,—по его признанію,—вынужденъ былъ разрѣшить судамъ „Dragon“, „Magicienne“, „Basilisk“ и „Hecla“ испробовать свои силы.

Послѣ дѣла при Гангеуддѣ въ одномъ иностранномъ изданіи „Staats-Anzeiger“ появилась депеша изъ Стокгольма о томъ, что фортъ Густавсъ-Вернъ истребленъ англійскимъ флотомъ и 1500 русскихъ взято въ плѣнъ [21]). Въ финляндскомъ изданіи послѣдняго времени авторъ прямо глумится надъ этимъ дѣломъ, рисуя его съ грубой ироніей и въ каррикатурномъ видѣ. Онъ пишетъ, что пушки стояли на такихъ лафетахъ, которые послѣ пер-

ваго выстрѣла разваливались. Во время самой осады, пѣхотѣ приходилось переливать пули отъ кремневыхъ ружей для новыхъ, только что выданныхъ. Около города, на горѣ Дротнигсбергъ, возвели укрѣпленіе изъ бревенъ, заложивъ промежутки между ними, за неимѣніемъ земли, пучками соломы. То же самое дѣлалось и на островахъ. Комендантъ, боявшійся десанта, предложилъ на всякій случай огородиться палисадомъ и эта „китайская стѣна“ спѣшно возводилась подъ его личнымъ наблюденіемъ. При появленіи союзнаго флота, ударили тревогу и рѣшили всѣмъ собраться для принесенія Всевышнему горячей молитвы о заступничествѣ. „По увѣренію очевидца, молились съ усердіемъ, чуть-ли не до



Атака укрѣпленій Гангэ.

слезъ“. Къ изумленію защитниковъ форта Густавсъ-Верна, съ эскадры открыли огонь. Пришлось отвѣчать на выстрѣлы противника. Бой продолжался нѣсколько часовъ... Простоявъ нѣсколько дней, союзная эскадра ушла въ море... Радости и ликованію не было конца. Тотчасъ же было послано донесеніе въ Петербургъ о полномъ успѣхѣ дѣла, объ отступленіи противника съ урономъ [22]).

Даже Eugène Woestyn, книга котораго — „Victoires et conquêtes“ — является сплошнымъ панегирикомъ союзниковъ, и тотъ признаетъ, что нашимъ ядромъ произведено разрушеніе на фрегатѣ „Драгонъ“, что фортъ Густавъ-Адольфъ „жестоко отбивался“ и что эскадрѣ оставалось только продолжать свой путь на востокъ.

Послѣ ухода непріятельской эскадры, Гангеуддскія укрѣпленія были нами разрушены. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались иностранные писатели для новаго возвеличенія своихъ военныхъ силъ. Одинъ только слухъ, что въ будущемъ году въ Финскій заливъ войдетъ эскадра съ десантомъ, побудила русскихъ взорвать Гангеуддъ, писалъ Léon Guérin. Европа удивлялась, что гордое государство разоряетъ свои укрѣпленія изъ боязни встрѣчи съ непріятелемъ [23]). „Одно появленіе англо-французскаго флота передъ Гангеуддскими фортами,—читаемъ затѣмъ въ „Исторіи военныхъ флотовъ“, сочиненія капитана Шабо-Арно (Chabaud-Arnault),—заставило русскихъ взорвать эти укрѣпленія [24]). Нѣтъ, не такъ было дѣло! Русскіе дали сперва мужественный отпоръ врагу, превосходившему ихъ силой; русскіе, съ достоинствомъ отстоявъ въ честномъ бою укрѣпленія, сами рѣшили добровольно упразднить ихъ, въ виду того, что экенескій отрядъ ген.-л- Рамзая находился далеко и форты легко могли быть взяты съ сѣверной сухопутной стороны [25]). Представленіе объ этомъ сдѣлалъ (11 августа) командующій войсками и Государь одобрилъ его. Гарнизонъ, крестьяне и 200 лошадей работали надъ подготовленіемъ трехъ фортовъ къ взрыву. Въ воскресенье, 15-го (27-го) августа, взлетѣлъ на воздухъ фортъ Мейнрфельдъ, за нимъ послѣдовали остальные, при громадномъ стеченіи народа [26]). На этотъ взрывъ израсходовано было до 950 пуд. пороха; 86 орудій крѣпости были затоплены въ заливѣ. Послѣ разрушенія фортовъ, въ Гангэ заходили только казацкіе разъѣзды да гренадерскіе патрули.

ПОДЖОГИ ВЪ БРАГЕСТАДѢ И УЛЕОБОРГѢ.

Начиная войну, иностранныя державы провозглашали самые возвышенные принципы, много говорили о гуманныхъ началахъ, о цивилизаціи, о справедливости, горячо возставали противъ „варварскихъ обычаевъ“; ихъ декларації объявили о желаніяхъ ослабить бѣдствія войны, „ограничивая ее регулярными силами“; но это были лишь красивыя слова и пустыя обѣщанія. Едва эскадра вошла въ Балтійское море, какъ во имя торговой свободы и неприкосновенности начались захваты купеческихъ судовъ и лодокъ ни въ чемъ неповинныхъ прибрежныхъ жителей. У встрѣчныхъ

рыбаковъ отбирали рыбу, тюленій жиръ, хлѣбъ, дрова, не думая, конечно, объ уплатѣ. Но все это оказалось дѣтской забавой въ сравненіи съ тѣмъ, что англичане продѣлали въ Брагестадѣ и Улеоборгѣ.

Разсказъ очевидца англійскаго разрушенія, профессора Гельсингфорскаго университета С. Барановскаго, представляетъ этихъ „просвѣщенныхъ мореплавателей“ при полномъ освѣщеніи зажженныхъ ими пожаровъ.

На трехъ фрегатахъ англійскіе воины приблизились къ городу Брагестаду 18-го (30-го) мая. Версты за три, англичане пересѣли въ шлюпки, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли по одной пушкѣ. Приблизившись къ судамъ, стоявшимъ на верфи, ан-

Заливъ у Брагестада.

глійскій офицеръ спросилъ: „есть ли тутъ войско“? На отрицательный отвѣтъ онъ сказалъ: „Жаль. Будемъ жечь, и этотъ прекрасный корабль долженъ сгорѣть“. При этомъ онъ имѣлъ въ виду новое строющееся судно, только что обшитое мѣдью. Прогнавъ всѣхъ рабочихъ съ верфи, англичане предали все огню. Жертвою пламени послѣдовательно сдѣлались 13 судовъ, склады корабельнаго лѣса, пять домовъ, множество бочекъ соли, дегтю, смолы, 2000 саженъ дровъ и пр., всего на сумму 300,000 руб. [27]). Склады корабельнаго лѣса истреблялись на томъ (англійскомъ) основаніи, что изъ этого матеріала имѣлась возможность построить канонерскія лодки, слѣдовательно, склады являлись военною контрабандою. Войска въ городѣ не было, не было даже людей, носившихъ мундиръ, казенныхъ домовъ не имѣлось и

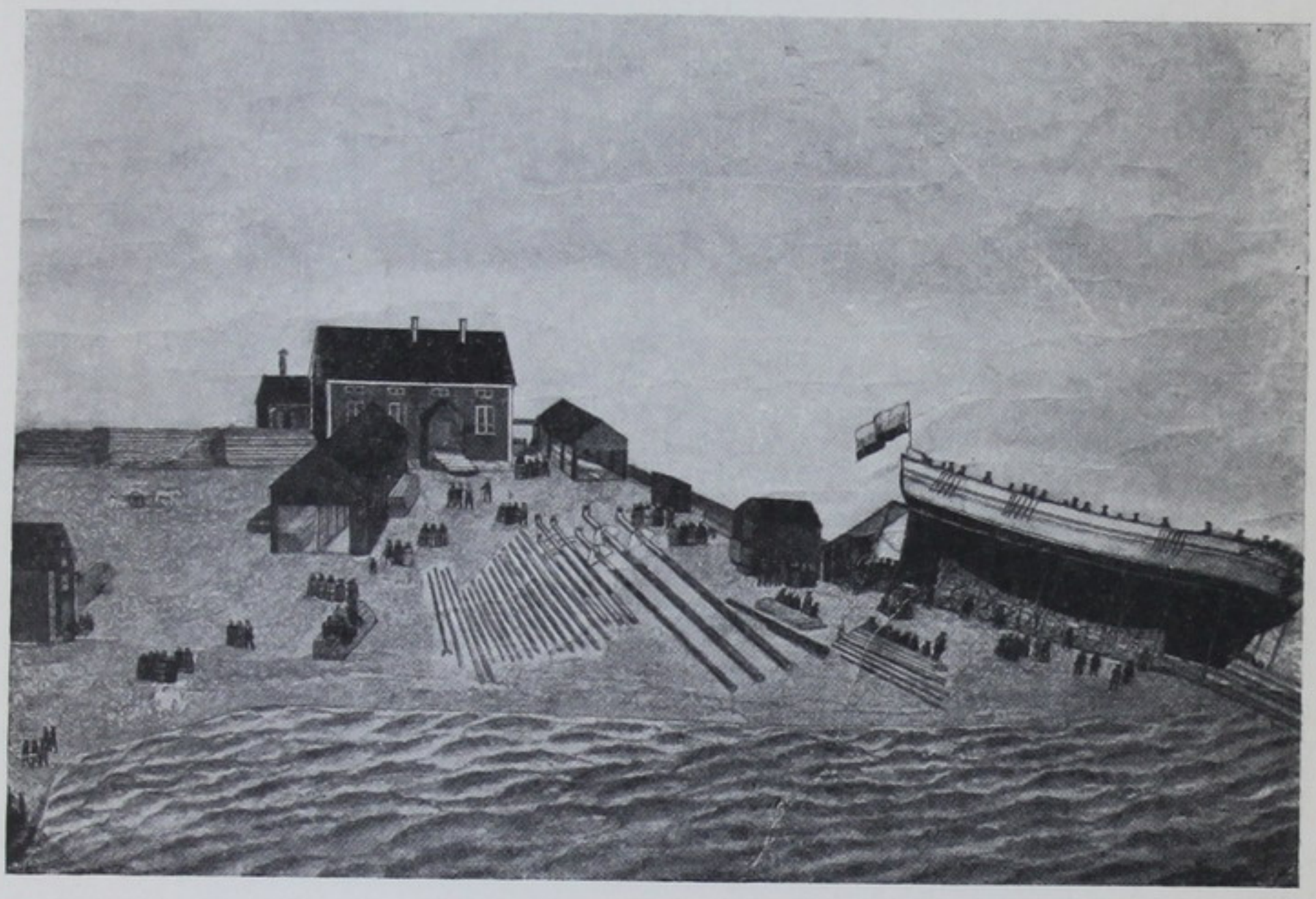
тѣмъ не менѣе все предавалось „господами англичанами“ пламени. Одинъ бригъ составлялъ собственность шведскаго купца, одна шкуна принадлежала русскому, а часть матеріаловъ были уже закуплены англійскими купцами; но моряки высококультурной націи ничего подобнаго въ разсчетъ не желали принять и жгли все безъ разбора, безъ малѣйшей надобности, и безъ всякаго основанія. И если Брагестадъ не погибъ въ пламени, то только благодаря тому, что вѣтеръ дулъ отъ города къ верфи.

План Брагестада.

Огонь погасъ только черезъ сутки. Городъ опустѣлъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ воиновъ образованнаго Запада. Впослѣдствіи къ нимъ присмотрѣлись и выходки ихъ перестали изумлять міръ. Но въ началѣ кампаніи подобное поведеніе, конечно, поражало всѣхъ. Въ іюлѣ 1854 г. они подошли къ Соловецкой мирной обители дальняго глухого сѣвера. Архимандритъ монастыря просилъ архангельскаго губернатора Бойля прислать подкрѣпленіе. „Англичане тоже христіане и нападать на мона-

стырь не станутъ“—отвѣтилъ Бойль. Но англичане бомбардировали обитель!

Къ разсказу С. Барановскаго можно прибавить лишь двѣ-три подробности. Жители города вышли спокойно на набережную, увѣренные въ томъ, что слово адм. Плюмриджа—о неприкосновенности частной собственности—будетъ свято соблюдено. Узнавъ, что хлѣбные запасные магазины являются достояніемъ народа, англичане пощадили ихъ, но въ тоже время, истребляя остальное частное имущество, они не дозволили бѣднымъ рабочимъ спасти отъ огня орудія ихъ труда. На верфи кипѣла работа.



Верфь гор. Брагестада.
Съ картины Лестадіуса.
Изъ собранія Э. Викберга.

Три судна были на ней только-что закончены, четвертое достраивалось. Англичане все предали пламени („Lördagen“ 1904 года, стр. 182). Для этихъ подвиговъ въ городъ, на 14 шлюпкахъ, прибыли 25 офицеровъ и 279 матросовъ, подъ предводительствомъ лейтенантовъ Тельволь и Левиса (Thelwall and Lewis). Перечисляя свои трофеи, англичане доносили, что истребили всего 14 судовъ, 25,000 бочекъ смолы и дегтя, много судостроительнаго матеріала

и 3 верфи. (Соч. G. Butler Earp. „The history of the Baltic campaign of 1854“, стр. 204—205).

На донесеніи генералъ - лейтенанта Рокасовскаго 23-го мая (4-го іюня) 1854 г. объ истребленіи огнемъ Брагестада, Государь Императоръ собственноручно написалъ: „Разбойники“ [28]).

Та же возмутительная картина безпричиннаго истребленія частнаго имущества повторилась въ Улеоборгѣ 20-го мая (1-го іюня).

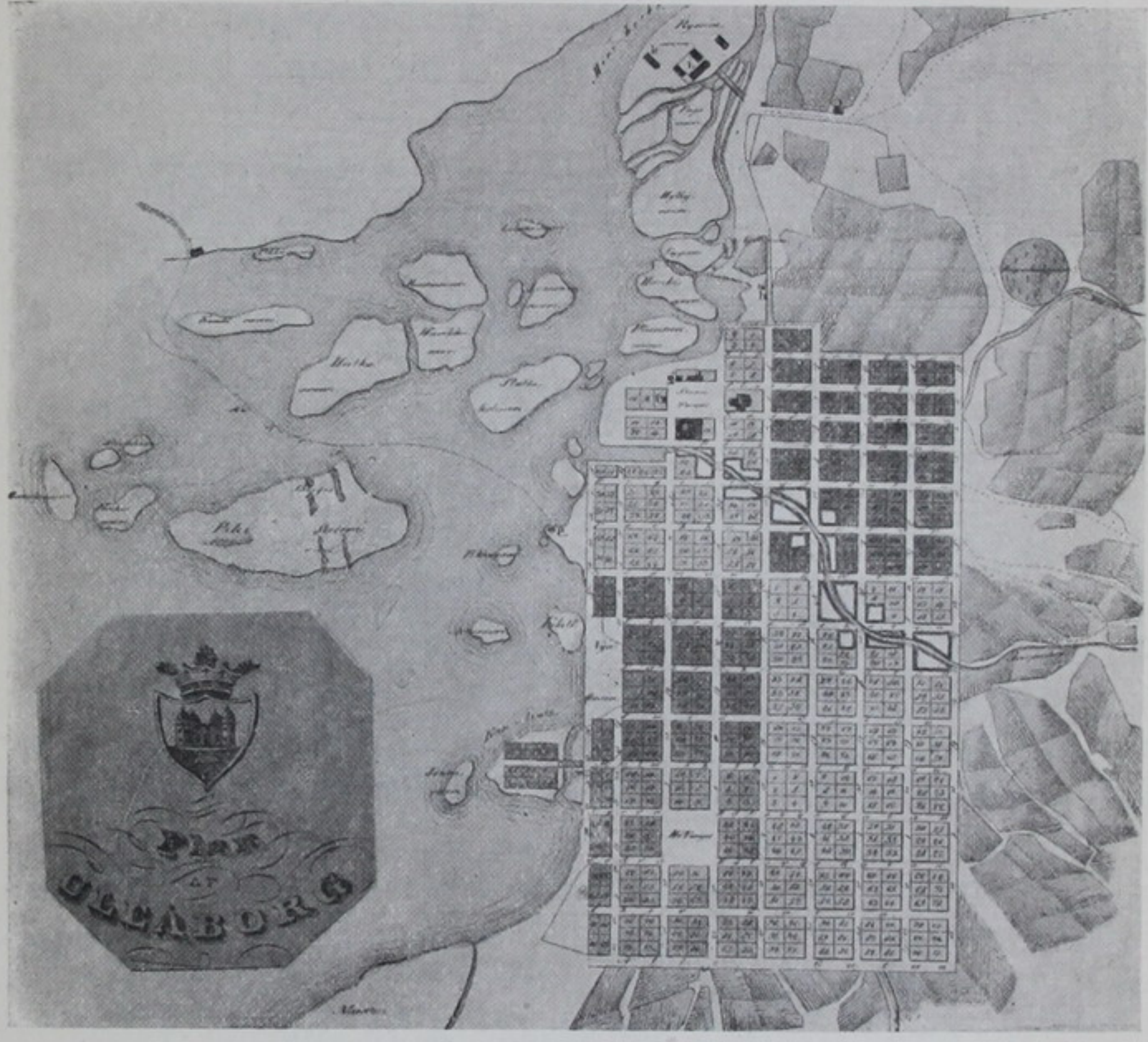
Видъ гор. Улеоборга. (1853 г.)

Долго работали англичане, желая проникнуть на рейдъ, но это имъ не удавалось, такъ какъ они наталкивались то на одну, то на другую мель. Затѣмъ, неожиданно для жителей, четыре корабля („Леопольдъ“, „Оденъ“, „Валарусъ“ и „Вольтюръ“) быстро и смѣло пошли впередъ по надлежащему фарватеру. Оказалось, что суда велъ лучшій лоцманъ города Ананій Михельсонъ, отставленный отъ службы за пьянство и захваченный англичанами по пути въ Торнео. Суда были вооружены 54 орудіями и на нихъ находилось до 1010 матросовъ и морскихъ солдатъ. Депутація отъ города встрѣтила англичанъ на пристани, объявивъ, что въ

городѣ нѣтъ войска. Отъ адмирала Плюмриджа предъявлено было особое письменное объявленіе, въ которомъ говорилось, что англичане имѣютъ намѣреніе „истребить только крѣпости, военные снаряды, корабельные припасы и собственность Императора Россіи“. Ознакомившись съ объявленіемъ, депутація заявила, что въ такомъ случаѣ горожанамъ нечего опасаться, такъ какъ въ Улеоборгѣ нѣтъ ни войска, ни укрѣпленій, ни военной контрабанды. Но адмиралъ возразилъ: „У васъ большіе склады дегтя, корабельнаго лѣса; у васъ корабли, верфи и оборонительныя средства: все это надо сжечь“. „Но вѣдь это частная собственность“,—указывали улеоборгцы,—„которая къ тому же частію уже куплена англійскими капиталистами“. Никакіе доводы не помогли. На 28-ми шлюпкахъ подъѣхали 475 матросовъ и 145 морскихъ солдатъ; изъ нихъ было высажено 50 человѣкъ, которые и принялись поджигать. Опять истреблены были суда (16), корабельный лѣсъ, деготь, смола и пр. на 300,000 руб. На пристани непріятельскія шайки обыскивали купеческіе амбары, причемъ найденные парусину, сахаръ, вино и другіе предметы, перенесли на свои лодки. Разведенный ими костеръ частнаго имущества ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ обывателей былъ такъ великъ и ужасенъ, что многіе изъ поджигателей едва спаслись, плывя на лодкахъ по серединѣ рѣки съ возможной быстротой. Этимъ англичане не ограничились. Какъ бы въ награду за понесенные труды, или въ видѣ отступного, они потребовали доставленія имъ запасовъ говядины, свинины, картофеля, овощей, яицъ, 8 лодокъ дровъ и проч., заплативъ великодушно за все вмѣсто 400—150 рублей. Никакого сопротивленія грабителямъ не было оказано, хотя одна часть мѣстнаго населенія, ожесточенная неслыханнымъ поведеніемъ англичанъ, готова была довести дѣло до кровопролитія [29]). Городъ и здѣсь избѣжалъ опасности, благодаря тому, что пошелъ дождь со снѣгомъ и вѣтеръ понесъ дымъ и искры къ морю. По отпускной торговлѣ Улеоборгу принадлежало видное мѣсто среди городовъ Финляндіи. Свой товаръ онъ направлялъ преимущественно въ Англію. Грабительскій набѣгъ англичанъ временно убилъ эту торговлю, превративъ склады въ пепелъ.

Эскадра подняла якорь и подъ командою Real-Admiral Hanway Plumridge и руководительствомъ лоцмана - измѣнника Михельсона оставила Улеоборгъ 23-го мая (3-го іюня). Михельсонъ не только указалъ путь къ городу, но открылъ непріятелю тѣ мѣста, въ которыхъ часть жителей укрыли свое имущество [30]).

Въ финскомъ изданіи (Oulun Viikko - Sanomia за 1854 г.) говорится, что дымъ Брагестадскаго пожара напугалъ жителей Улеоборга, которые поспѣшили увезти часть своего имущества за городъ. Сперва англичане въ Улеоборгѣ подожгли тѣ строющіяся суда, кои находились у Варіакка (Varjakka), а затѣмъ уничтожили деготь и пр. Жители негодовали и хотѣли воспрепятствовать высадкѣ англичанъ у площади пакгаузовъ (Packhustorget).



Планъ гор. Улеоборга.

Отъ города англичане перешли къ его окрестностямъ. Особенно пострадалъ Іоскій приходъ. Тамъ суда также сжигались и топились, а гдѣ этого нельзя было сдѣлать, грабители рубили мачты и портили палубы.

27-го мая (8-го іюня) непріятельская канонерская лодка, имѣя 40 чел. экипажа, поднялась вверхъ по рѣкѣ Келлю и превратила въ пепелъ склады планокъ, досокъ, крестьянское судно и проч., всего на 10,700 руб. Французскій историкъ „Войны съ Россіей“

(1853—1856) Léon Guérin, подводя итоги истребительнымъ подвигамъ адмирала Плюмриджа, говоритъ, что съ 5 мая по 10 іюня онъ уничтожилъ на верфяхъ 46 судовъ и причинилъ всего убытковъ болѣе, чѣмъ на 8 мил. франковъ.

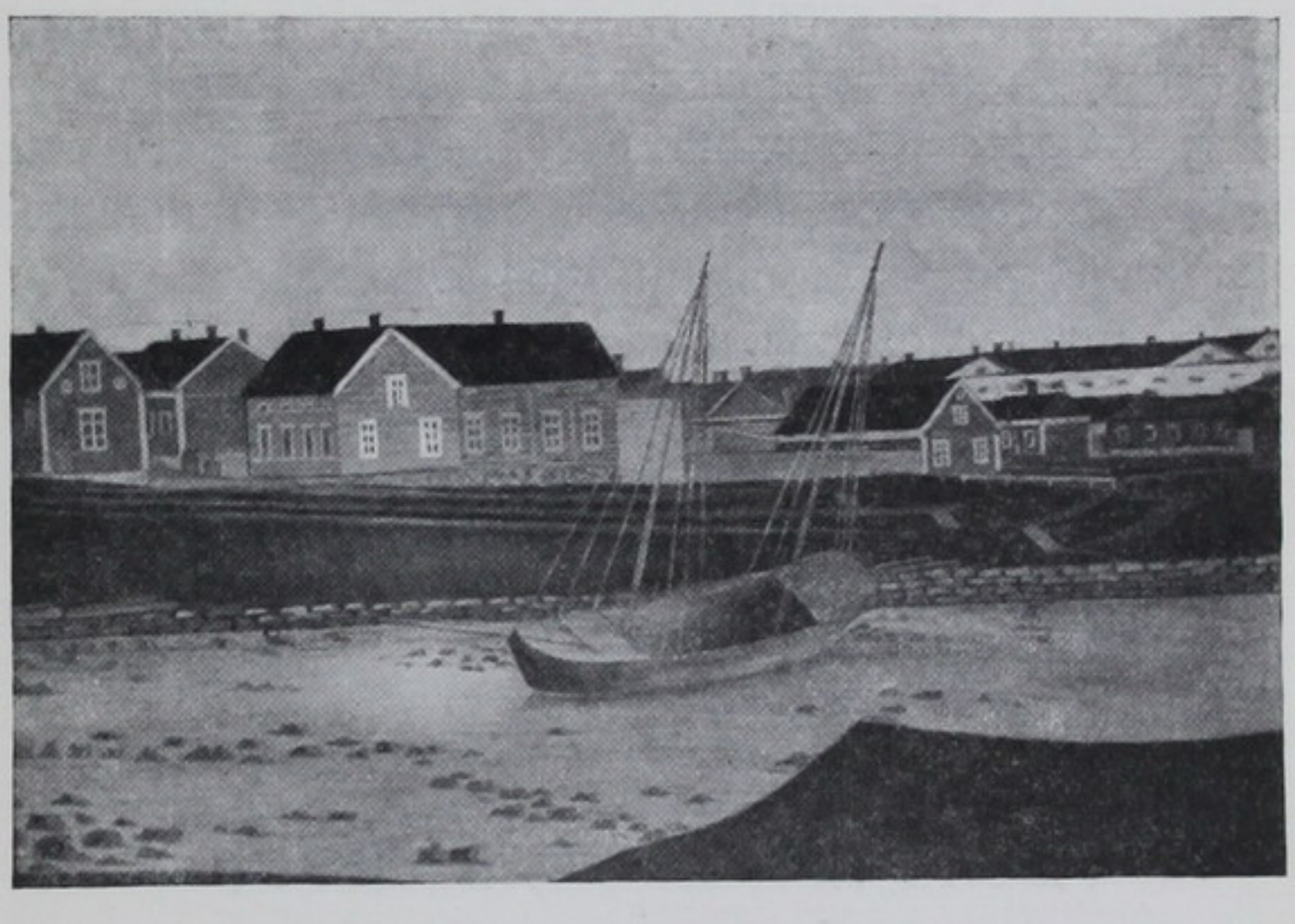
Государь Императоръ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ жителей Брагестада и Улеоборга, повелѣлъ сейчасъ-же, впредь до возможности дальнѣйшихъ воспособленій, выдать имъ безвозвратно 50,000 р. с. изъ прибылей финляндскаго банка [31]).

Описаніе поступковъ англичанъ было послано въ Лондонъ (торговой фирмѣ „Dresser и Comp.“) извѣстнымъ финляндскимъ дѣятелемъ и публицистомъ (а впослѣдствіи сенаторомъ) I. V. Снельманомъ [32]). Печать, конечно, широко огласила подвиги адмирала Плюмриджа. Затѣмъ стало извѣстнымъ, что въ палатѣ общинъ былъ сдѣланъ запросъ первому лорду адмиралтейства о безпощадныхъ истребленіяхъ, произведенныхъ въ коммерческомъ городѣ, не имѣвшемъ въ своей чертѣ ни одного солдата и ни единаго снаряда. Сэръ-Джемсъ Грегэмъ не смутился подобнымъ запросомъ, такъ какъ Плюмриджъ, прикрывая свои гнусные поступки, пытался доказать, что морскіе припасы принадлежали заведеніямъ Россійскаго Императорскаго флота и что на истребленныхъ предметахъ находились штемпеля русскаго правительства! Сэръ Грегэмъ „съ истинно геройскимъ безпристрастіемъ“ отвѣтилъ: „Говорили, что нѣкоторые товары принадлежали англичанамъ. Можетъ быть“. А затѣмъ почтенный лордъ далъ иной оборотъ дѣлу и сказалъ, что первою наградою морякамъ, исполнившимъ свой долгъ, явилось нападеніе на нихъ въ парламентѣ.

Враждебное Россіи общественное мнѣніе, конечно, оправдывало брагестадскіе и улеоборгскіе подвиги англичанъ. Шведская газета „Aftonbladet“ старалась разнести по свѣту вопіющую ложь о томъ, что въ Брагестадѣ англичане жгли только канонерскія лодки. Даже у одной части финляндскаго общества, какъ увидимъ, не нашлось слова осужденія для поступковъ, отъ которыхъ оцѣпенѣли ихъ бѣдные сограждане на сѣверѣ.

Возмутительное и позорное поведеніе англичанъ являлось для всѣхъ неопровержимымъ фактомъ. Но панегириста союзной арміи Eugène Woestyn'a оно не смутило. Онъ вышелъ изъ затруднительнаго своего положенія въ данномъ случаѣ очень просто. По его словамъ, 6-го іюня (нов. ст.) Charles Wyse, старшій лейтенантъ съ судна Yulture, предшествуемый парламентерскимъ флагомъ, сошелъ на берегъ въ Гамле-Карлебю, требуя выдачи ему всего принадле-

жащаго русскому правительству имущества. Магистратъ отказалъ, а когда лейтенантъ поѣхалъ обратно на шлюпкѣ, то ему якобы вдогонку послали съ берега ружейный залпъ. Высадку онъ не могъ сдѣлать, вслѣдствіе малой глубины бухты. Потери его отряда были довольно значительны... „Этотъ ударъ быстро исправляется адмираломъ Плюмриджемъ... Менѣе чѣмъ черезъ 6-ть часовъ, безъ единаго выстрѣла, онъ зажигаетъ въ Брагестадѣ 14 судовъ, 10 тыс. бочекъ дегтя и проч. и уходитъ, освѣщенный столпами пламени, высотой въ 100 метровъ. Въ Улеоборгѣ лейтенантъ фрегата „Ле-



Часть набережной г. Улеоборга (1834 г.)
Изъ собр. Эм. Викберга.

опардъ“ захватываетъ городъ, жители котораго удаляются въ деревню. Губернаторъ, не пробуя сопротивляться, сопровождаетъ англійскихъ моряковъ до верфи, гдѣ они сожигаютъ 16 судовъ, громадные склады лѣса и пр. Пожаръ длится 16-ть часовъ; не убѣжавшіе жители безмолвно присутствуютъ на зрѣлищѣ, занятые только тѣмъ, что мѣняютъ своихъ быковъ, овецъ, картофель и проч. на англійскія гинеи“. Далѣе слѣдуютъ суммированные итоги трофей „ужаснаго для Россіи крейсерства адм. Плюмриджа“ [33]). Трудно отнестись къ серьезному дѣлу описанія Восточной войны болѣе цинично, чѣмъ авторъ книги „Victoires et conquêtes“, на верху которой красуется указаніе: „Souscription nationale“. Онъ не стѣс-

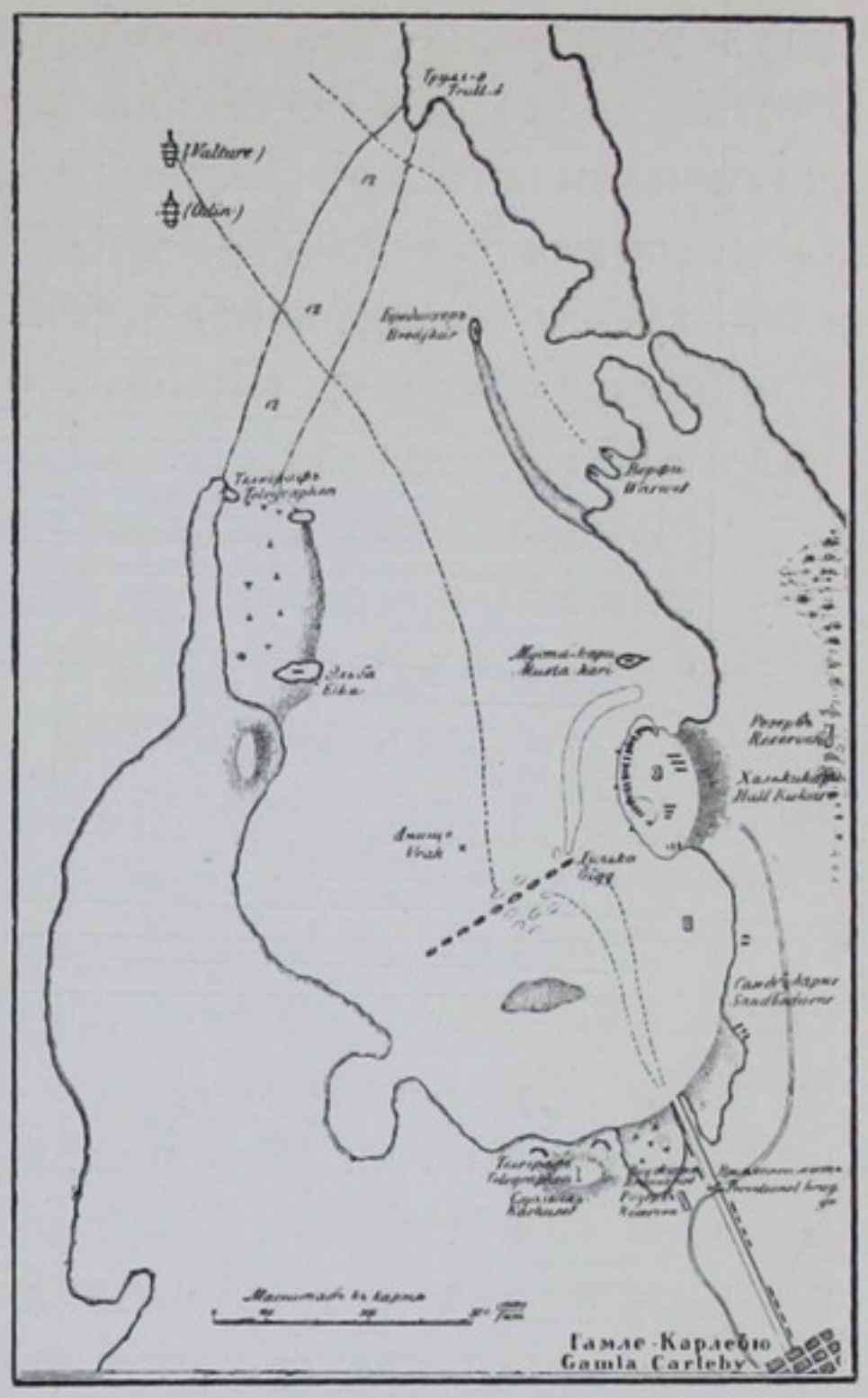
няется фактами, онъ пренебрегаетъ хронологіей, онъ смѣется надъ всѣмъ и надъ вся. Грабежи и разбой въ Брагестадѣ и Улеоборгѣ онъ рисуетъ, какъ возмездіе за пораженіе при Гамле-Карлебю, тогда какъ поджоги и истребленія произведены были 18 (30) мая и 20 мая (1 іюня), а дѣло при Гамле-Карлебю происходило 26 мая (7 іюня), т. е. на цѣлую недѣлю позже улеоборгскихъ и брагестадскихъ „подвиговъ".

Но если они не явились возмездіемъ, то, можетъ быть, въ нихъ скрывался другой смыслъ, или иное значеніе въ дѣлѣ осуществленія плана войны. Люди серьезные такъ и хотѣли взглянуть на сѣверные набѣги. Напр. контръ-адм. Глазенапъ доносилъ (31 мая) морскому министерству, что единственная цѣль разбоя и грабежа въ портахъ Ботническаго залива состоитъ въ томъ, чтобы отвлечь туда части нашихъ сухопутныхъ силъ и тѣмъ ослабить защиту Гельсингфорса и вообще южной Финляндіи [34]). Однако, дальнѣйшій ходъ кампаніи 1854 г. показалъ всю ошибочность такого предположенія. Оказывается, что члены этой новой великой армады грабили единственно ради грабежа и сжигали, не будучи способными предпринять что-либо болѣе серьезное, честное и мужественное.

ДѢЛО ПРИ ГАМЛЕ-КАРЛЕБЮ.

Гамле-Карлебю, какъ и многіе другіе маленькіе города побережья, оставался безъ защиты. Около него показались непріятельскія суда, но бурная погода не благопріятствовала дѣйствію, почему они ушли. Начальникъ Вазаскаго отряда генералъ-маіоръ Вендтъ, узнавъ о грозящей городу опасности, отрядилъ двѣ роты и два орудія. Черезъ двое сутокъ отрядъ былъ на мѣстѣ, пройдя 140 верстъ (изъ нихъ 90 пѣшкомъ и 50 верстъ на подводахъ), а артиллерія сдѣлала въ три съ половиною сутки—230 верстъ. 26 мая 1854 г., въ 3 часа пополудни, два англійскихъ парохода—фрегата (Оденъ—16 пушекъ и Вольтюръ—6 пушекъ), спустивъ лодки и измѣряя глубину фарватера, медленно подвигались впередъ. Въ 9 часовъ вечера пароходы остановились въ 10 верстахъ отъ города. Затѣмъ непріятель, приготовивъ девять (16-ти и 20-ти весельныхъ) баркасовъ, вооруженныхъ каждая мѣдною пушкою

большого калибра, прибѣгъ къ слѣдующему своеобразному способу развѣдки о силахъ противниковъ. Одинъ изъ баркасовъ подъ парламентерскимъ флагомъ подошелъ къ пристани, гдѣ былъ встрѣченъ бургомистромъ города г. Роосомъ. Прибывшій лейтенантъ, начальникъ эскадры, спросилъ Рооса: „имѣются ли здѣсь войска“. Бургомистръ отвѣтилъ, что не намѣренъ вступать съ нимъ въ объясненія, и что съ заданнымъ вопросомъ лейтенантъ можетъ обратиться къ командующему войсками въ Гельсингфорсѣ. Тогда лейтенантъ объявилъ, что онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы сжечь корабли и всякую военную контрабанду, а потому требовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Получивъ мужественный отрицательный отвѣтъ, онъ уѣхалъ съ угрозой и обѣщаніемъ войти въ городъ силою.



Планъ мѣста сраженія.

Отрядъ, сосредоточенный въ Гамле-Карлебю, состоялъ изъ двухъ пушекъ полевого взвода Выборгской гарнизонной артиллеріи и изъ двухъ ротъ (1-й и 4-й) Финляндскаго линейнаго баталіона № 12. Къ этому отряду присоединилось около сотни добровольно вооружившихся гражданъ города. Войска были укрыты за амбарами, находившимися на берегу залива. Когда, по приказанію англійскаго лейтенанта, двинулись всѣ девять баркасовъ, то нашъ отрядъ далъ имъ доплыть на разстояніе выстрѣла и затѣмъ встрѣтилъ ихъ дружнымъ и мѣткимъ огнемъ. Завязалась перестрѣлка, которая продолжалась 45 минутъ.—Дѣло кончилось для англичанъ полнымъ пораженіемъ. Особенно пострадали три баркаса, изъ которыхъ одинъ остался на мѣстѣ и былъ захваченъ нашими людьми, а два другихъ англичане успѣли оттащить. Непріятель потерялъ двухъ офицеровъ и пять матросовъ убитыми и 22 нижнихъ чина ранеными и взятыми въ плѣнъ.[35]) Кромѣ того, намъ достались ихъ флагъ, мѣдная пушка, нѣсколько снаря-

довъ и ружья.—У насъ было всего четыре раненыхъ, что объясняется удачнымъ расположеніемъ отряда. Особой похвалы заслужили капитанъ артиллеріи Еркушко, маіоръ Симоновъ 3-й и казаки—сотникъ Лагутинъ и хорунжій Клевцовъ. Руководившій дѣломъ ген. Вендтъ извѣстенъ былъ, какъ прекрасный строевой офицеръ, умѣвшій внушить подчиненнымъ уваженіе къ себѣ и поддержать порядокъ во ввѣренной ему части.

Мужественно дѣйствовали также горожане и тѣмъ вписали въ исторію своего города прекрасную страницу. Среди нихъ особенно выдѣлился коммерціи совѣтникъ Доннеръ. Онъ съ выдающимся усердіемъ приводилъ городъ въ оборонительное положеніе; предложилъ построить три батареи и далъ для этого большія суммы. На счетъ его было пріобрѣтено 6 пушекъ. Наконецъ, онъ содѣйствовалъ постройкѣ, ночью, своими рабочими и изъ собственнаго матеріала, моста чрезъ рѣку и тѣмъ облегчилъ приходъ войска. Бургомистръ Роосъ отличился присутствіемъ духа и распорядительностію. Изъ числа другихъ необходимо отмѣтить короннаго фогта Гольма, купца Чинцель, шкипера Хенеліуса, матроса Экстрема и крестьянина Канконена. Отрядомъ молодыхъ горожанъ руководилъ отставной капитанъ Артемьевъ. Когда о красивомъ и самоотверженномъ подвигѣ жителей Гамле-Карлебю было доведено до свѣдѣнія Государя, то Рыцарь-Монархъ не могъ, конечно, не отозваться на патріотическое возбужденіе своихъ подданныхъ и онъ не только наградилъ названныхъ героевъ орденами и медалями, но особымъ рескриптомъ (9 іюня 1854 г.) объявилъ свою Высочайшую благодарность всѣмъ жителямъ города, принимавшимъ участіе въ отраженіи непріятеля. Вазаскій губернаторъ Валленъ поѣхалъ въ Гамле-Карлебю и тамъ торже-

Начало сраженія у Гамле-Карлебю.

Рис. съ натуры Вл. Сверчковъ.

Сдача англійскаго баркаса при отраженіи англичанъ у Гамле-Карлебю 26-го Мая 1854 года.

Рисов. В. Сверчковъ.

Сраженіе при Гамле-Карлебю.
Народное изданіе.

ственно вручилъ горожанамъ царскую грамоту, которые при этомъ заявили, что событіе 26 мая никогда не изгладится изъ ихъ памяти и что полученную грамоту съ гордостію передадутъ потомству[36]).

По признанію англичанъ, они потеряли, при „внезапномъ нападеніи“ на нихъ русскихъ, устроившихъ будто бы „засаду“, 6 офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ три офицера и 12 матросовъ убитыми, 28 плѣнными). Причиной ихъ экспедиціи явилось желаніе пріобрѣсти маленькій пароходъ, который, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, укрывался въ гавани Гамле-Карлебю. Ни парохода, ни казеннаго имущества въ городѣ не оказалось, а экспедиція привела не только къ убыткамъ, но и къ справедливымъ нареканіямъ. Историкъ Непира выражаетъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, говоря, что уничтожено было имущество финновъ, которые англичанъ не обижали и съ которыми имъ политичнѣе было бы состоять въ хорошихъ отношеніяхъ. Мало того, англичанинъ (Earp) пишетъ, что все это предпріятіе поставило адмирала

Непира въ затрудненіе, такъ какъ поведеніе экспедиціоннаго отряда не согласовалось вообще съ дѣйствіями образованныхъ странъ. („The history of the Baltic campaign of 1851“, стр. 207—208).

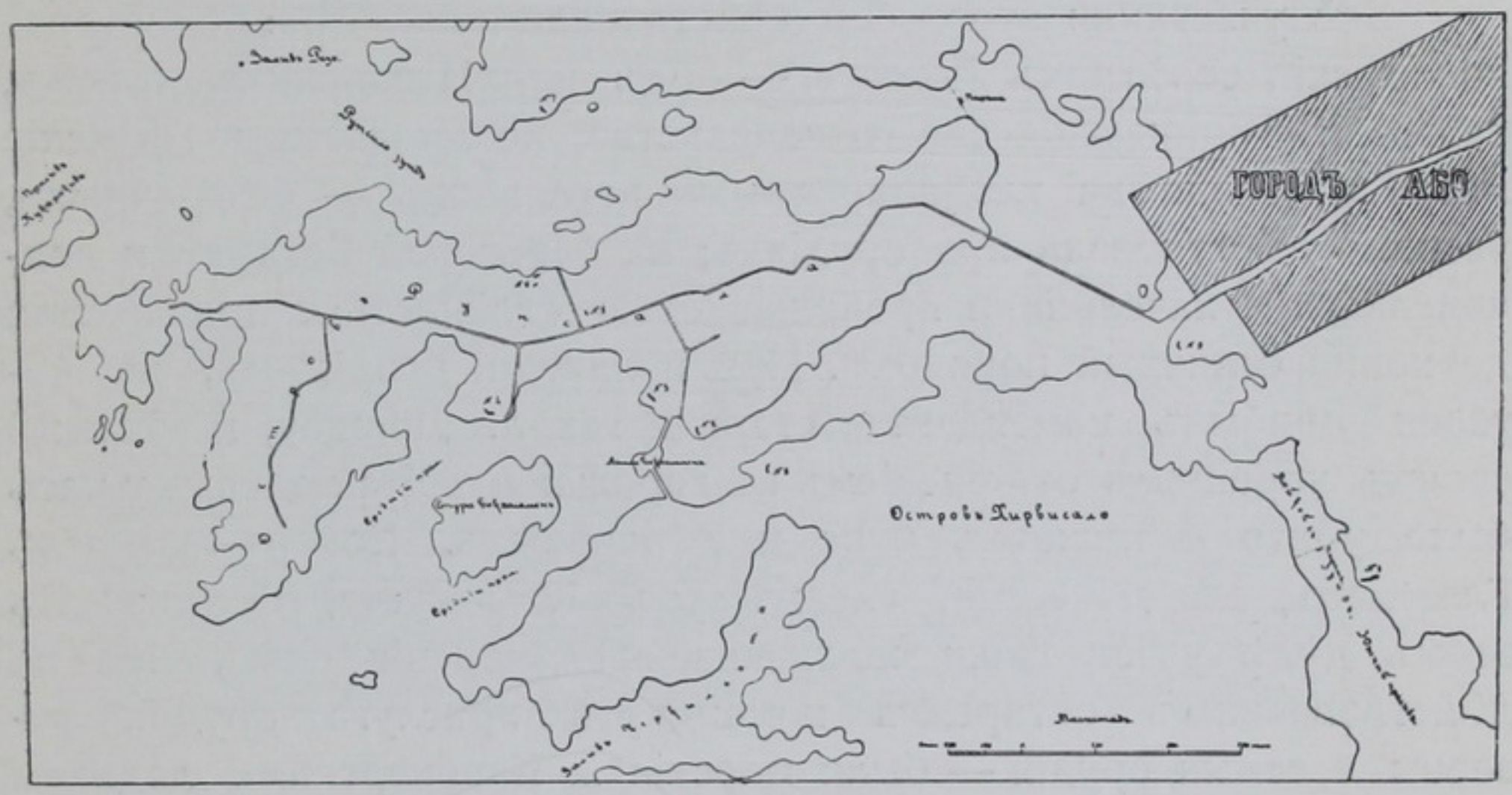
Офицеръ читаетъ рапортъ адмирала Плюмриджа. „Адмиралъ, имѣю честь донести, что флотъ нашъ, не найдя въ Улеоборгѣ и Брагестадѣ ни одного русскаго солдата, увѣнчался новыми подвигами храбрости и великодушія. При семъ препровождаются побѣдные трофеи: баркасъ съ солью и саломъ... Истребляя и расхищая собственность частныхъ лицъ, мы щадили жизнь ихъ... Русскіе же, напротивъ, выказали при Гамле-Карлебю все свое варварство. Они выставили противъ нашихъ 9 вооруженныхъ баркасовъ двѣ пушки, одного офицера и безпощадно поразили въ рядахъ нашихъ 100 несчастныхъ жертвъ“.

Каррикатура Н. Степанова.

ДѢЛО ПРИ АБО.

Послѣ экспедиціи къ Аланду, у Непира явилось желаніе напасть на Або, гдѣ, по его мнѣнію, находилось до 10.000 [1]) русскаго войска. Для развѣдокъ онъ послалъ кап. Скотта, который донесъ, что въ Або находятся канонерскія лодки, а позиція русскихъ загражденa цѣпью и бревнами. „Лѣса кругомъ кишѣли

войсками“. Русскіе получили якобы наканунѣ 4.000 чел. и ожидали еще подкрѣпленія въ 4.000 или 5.000 чел. Отъ финновъ кап. корабля „Албанъ“, Оттеръ, узналъ, что въ Або 6 русскихъ пароходовъ и 18 канонерскихъ лодокъ, съ командой по 80 человѣкъ на каждой. Разслѣдованіе Оттера убѣдило Непира въ возможности атаковать Або, почему онъ предложилъ своимъ „французскимъ коллегамъ“ принять участіе въ дѣлѣ. Но они (Бараге д'Илье и др.) не одобрили плана англійскаго адмирала, ссылаясь на позднее время года и на холеру (G. B. Earp „The history of the Baltic campaign of 1854“, стр. 401—404).



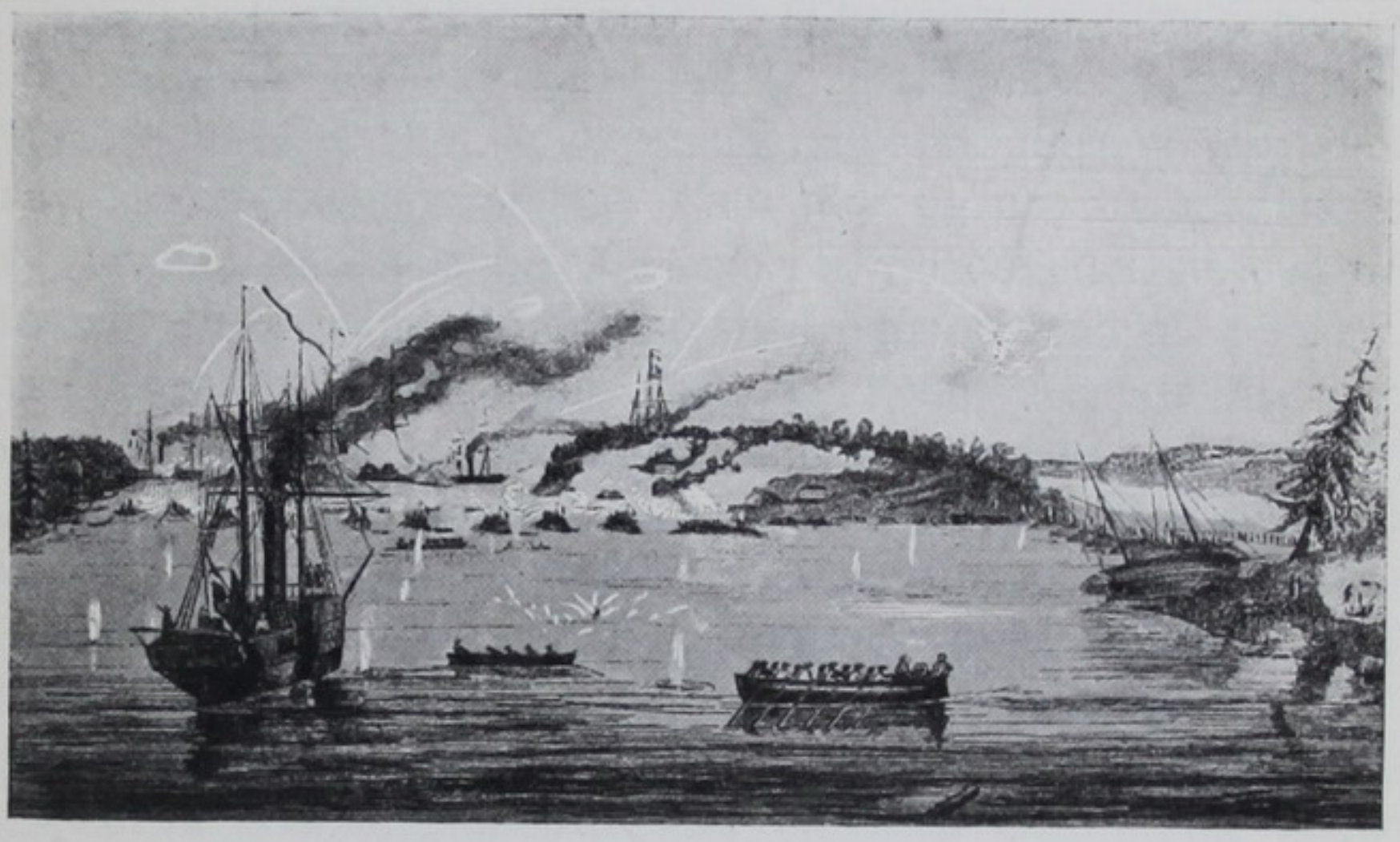
Ген.-л. Рамзай, узнавъ о приближеніи къ городу непріятеля, приказалъ размѣстить 10 вооруженныхъ канонерскихъ лодокъ [37]) и два парохода за бонами и произвести надлежащую развѣдку. Въ 4 часа дня 10 (22) августа показались пять [38]) пароходныхъ непріятельскихъ судовъ, которыя, остановясь у острова Виттакари, т. е. на разстояніи 2000 саж. и даже болѣе, открыли огонь преимущественно по канонерскимъ лодкамъ гребной флотиліи. Стрѣльба ядрами и бомбами продолжалась непрерывно три часа, но никакого вреда она не причинила, ибо большинство снарядовъ не долетало и наши лодки „ни на шагъ не отступили“ со своихъ позицій. Непріятель, по обыкновенію, находился внѣ нашихъ выстрѣловъ, хотя на островѣ Рунсала у насъ имѣлось двѣ батареи. Батареи стояли на мысахъ острова и имѣли каждая по три пушки, которыя были сняты съ лодокъ.—Построили укрѣпленія

люди съ разоруженныхъ канонерокъ, при содѣйствіи города Або. Въ самыхъ узкихъ мѣстахъ проходовъ у острова Стура Бокгольмъ заведены были цѣпи; кромѣ того, по сторонамъ острова Лилла-Бокгольмъ забиты были сваи. Батареи прикрывала фузелерная рота Гренадерскаго Короля Прусскаго полка. Благодаря тому, что своевременно узнали о появленіи непріятельскихъ судовъ у города Нодендаля, эту роту успѣли усилить еще двумя ротами Гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, гренадерской батареей и командой казаковъ. Такъ какъ снаряды наши не достигали до англійскихъ судовъ, то дѣйствія Рунсальской батареи остались пассивными и вообще бой былъ неровный.

Всѣ участники этого боя дѣйствовали прекрасно: волонтеръ-коллежскій совѣтникъ Ломанъ, — подъ непріятельскимъ огнемъ, развозилъ приказанія своего начальства; вольнонаемные финскіе матросы, глядя на хладнокровныхъ ветерановъ — безсрочныхъ, усердно дѣйствовали при орудіяхъ; на береговой батареѣ и подчиненные, и начальники проявили свою стойкость и поддержали до конца отличный порядокъ. При появленіи непріятеля, на батареи прибылъ комендантъ, старый ген.-л. Дершау, извѣстный своимъ хорошимъ отношеніемъ къ горожанамъ. На лодкахъ у насъ было убито 4 нижнихъ чина и 8 раненыхъ. Контръ-адмиралъ Глазенапъ, въ донесеніи своемъ отъ 17 августа, писалъ: „Въ этомъ дѣлѣ участвовали исключительно морскія силы, ибо на дѣйствовавшихъ батареяхъ командиры, прислуга орудій, резервы и самыя орудія — были морскія“... Канонерскими лодками командовалъ капитанъ 1 ранга Акуловъ. Государь, узнавъ, что всѣ участники боя заслуживали поощренія, собственноручно надписалъ (16 авг.) на донесеніи: „Дать на канонерскія лодки, бывшія въ дѣлѣ, 12-ть знаковъ военнаго ордена и участникамъ дѣла благоволеніе“. — Флигель-адъютантъ полковникъ Герштенцвейгъ, исполнявшій въ Або особыя Высочайшія порученія, съ своей стороны просилъ наградить шкипера Викмана, вахтера Фредеберга и лоцмана Августа Петерсена за быстрое доставленіе, и при томъ съ большою опасностію, вѣрныхъ свѣдѣній [39]). „Была рекогносцировка къ Або, перестрѣлка съ батареями и канонерскими лодками и тѣмъ кончилось. Что далѣе!“ написалъ Государь 16 (28) авг. 1854 г. кн. Меншикову [40]).

Что дальше? Этотъ вопросъ послѣ паденія Бомарзунда служилъ предметомъ особаго изслѣдованія ген. Левина, который былъ командированъ къ Або, со сцеціальною цѣлью изучить дѣло

на мѣстѣ. 15 Августа 1854 г. ген. Левинъ послалъ Государю изъ Гельсингфорса всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ представилъ слѣдующія соображенія. Послѣ Аланда непріятель можетъ пойти на Або. Городъ можетъ пропасть, но и только, такъ какъ идти въ глубь страны и тамъ зимовать непріятелю нѣтъ разсчета. Онъ могъ бы предпринять съ суши что-нибудь только противъ Гельсингфорса и Свеаборга, но для этого ему необходимо имѣть 20 тыс. чел., а ихъ онъ не имѣетъ и ему надлежитъ предварительно получить подкрѣпленіе [41]).



Сраженіе при Або 10-го августа 1854 г.

Все это давало основаніе предполагать, что союзники болѣе ничего не предпримутъ въ теченіи лѣта 1854 г. На это указывалъ также одинъ изъ дезертировъ—матросъ англійскаго флота (Джонъ Джонсонъ). Онъ показалъ (въ іюлѣ), что въ эту кампанію флотъ непріятеля ограничится взятіемъ Аланда, а весной будущаго (1855) года онъ возвратится въ Балтійскія воды и будетъ имѣть канонерскія лодки [42]).

Лѣто клонилось уже къ концу, а союзники ничего существеннаго (если не считать дѣла при Бомарзундѣ) еще не предприняли. Они тревожили ничтожные города и мѣстечки; главныя же крѣпости Финскаго залива — Кронштадтъ и Свеаборгъ — оставались нетронутыми. Англичане носились съ мыслію объ атакѣ

Свеаборга, многократно изслѣдовали его, но далѣе переписки о немъ Непира со своимъ правительствомъ не пошли.

Первое разслѣдованіе крѣпости и ея окрестностей поручено было адмиралу Чадсу (въ іюнѣ 1854 г.). Его заключеніе приведено въ книгѣ G. Butler Earp: „The history of the Baltic campaign of 1854“, изданной въ Лондонѣ, вскорѣ по окончаніи войны (именно въ 1857 г.). По свѣдѣніямъ, добытымъ Чадсомъ (стр. 189 и 304), въ Свеаборгѣ имѣлось до 2.000 орудій. Крѣпость адмиралы признали неприступной. Атаку ея можно было вести только на судахъ, что потребовало бы много жизней и кораблей. По мнѣнію Чадса, можно было еще расположить соединенныя морскія и сухопутныя силы на островѣ Сандгамѣ (?) и поддерживать ихъ флотомъ, поставленнымъ позади острова. Для этихъ войскъ (отъ 6 до 10 т.) потребовалось бы до 40 большихъ ланкастерскихъ орудій, считая при этомъ на каждое орудіе отъ 250 до 300 снарядовъ. Планъ Чадса оказался совершенно неосуществимымъ потому, что Англія располагала тогда только восемью ланкастерскими орудіями; во флотѣ же Непира не было ни одной пушки названной системы. Упоминаемъ же здѣсь о мнѣніи адм. Чадса вслѣдствіе того, что въ вопросахъ стрѣльбы онъ считался наиболѣе авторитетнымъ въ Балтійской эскадрѣ англичанъ.

Свѣдѣніями Чадса о Свеаборгѣ адм. Непиръ не удовольствовался. Какъ оказывается, у него имѣлся обширный матеріалъ объ этой крѣпости, почерпнутый изъ шведскихъ источниковъ. Англійскій историкъ Балтійской кампаніи Ирпъ (Earp) съ большой тщательностью воспроизводитъ въ своей книгѣ указанія, полученныя изъ Швеціи (стр. 191). Не повторяя изъ записки исторіи крѣпости и ея осады въ 1808 г., приведемъ только совѣты, данные ея составителемъ Непиру въ то время, когда онъ стоялъ у стѣнъ „сѣвернаго Гибралтара“, въ раздумьи о средствахъ и способахъ для покоренія его англійской коронѣ. „Затруднительно указать болѣе слабыя мѣста Свеаборга“, говорилось въ запискѣ. Таковыми, однако, въ запискѣ признаны были Лонгъ-Эрнъ, Вестеръ-Свартъ-Э и стѣны Варгена. Для того, чтобы взять крѣпость, рекомендовалось произвести предварительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, непрерывную канонаду и, причинивъ ею возможно большій вредъ веркамъ и утомленіе гарнизону, внезапно атаковать затѣмъ укрѣпленія одновременно съ разныхъ сторонъ (Earp, стр. 194). Особенно удобнымъ признавалось атаковать крѣпость съ высотъ Ульрикасборга (въ Гельсингфорсскомъ Брунсъ-Паркѣ), такъ какъ онѣ давали вмѣстѣ

съ тѣмъ прикрытіе отъ огня русскихъ. „Не знаемъ, какъ укрѣпленъ Ульрикасборгъ,—продолжалъ составитель записки,—но надо полагать, что на немъ можно произвести высадку въ тотъ моментъ, когда огонь будетъ преобладать съ моря. Занятіе этого пункта признавалось выгоднымъ еще въ томъ отношеніи, что тогда врагъ обязанъ покинуть городъ, который легко взять съ этихъ высотъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Ульрикасборгъ и Сандвикъ (западная гавань Гельсингфорса) могутъ быть укрѣплены только полевыми батареями, такъ какъ ихъ начали строить нынѣшней весной (1854 г.). Далѣе въ запискѣ слѣдовали обозначенія ширины всѣхъ входовъ въ Гельсингфорскую гавань, описаніе вооруженія Свеаборга и т. п. Бутлеръ Ирпъ сообщаетъ (стр. 196), что англійскій адмиралъ получилъ еще другія подробныя указанія, которыя могли замѣнить осмотръ окрестностей Свеаборга. Рѣдко врагъ снабжался такимъ количествомъ свѣдѣній о крѣпости, которую онъ собирался осаждать, какъ Непиръ; да и вообще, едва ли въ литературѣ Великобританіи имѣется столько свѣдѣній о какой-либо другой крѣпости, какъ о Свеаборгѣ, читаемъ у того же писателя. —

При отправленіи Непира въ Балтику, ни у французскаго, ни у англійскаго правительства не имѣлось обдуманнаго плана, почему флотъ безцѣльно плавалъ въ разныхъ направленіяхъ, теряя непрозводительно время. Къ концу лѣта Барагэ д'Илье, Парсеваль и Непиръ донесли своимъ правительствамъ, что, за неимѣніемъ канонерскихъ лодокъ, мортирныхъ батарей и въ виду поздняго времени, Свеаборга нельзя будетъ взять. Но генералъ-бригадиръ Гарри Джонсонъ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ находилъ, что Свеаборгъ со стороны моря слабѣе, чѣмъ съ суши, и что позиціи его слишкомъ растянуты, почему предлагалъ, подобно адм. Чадсу, высадить на Бокгольменъ (Скотландъ) 5.000 чел. и построить тамъ укрѣпленія. Онъ утверждалъ, что при одновременномъ дѣйствіи сихъ батарей и флота, Свеаборгъ могъ быть взятъ въ семь-восемь дней. Для истребленія многочисленныхъ деревянныхъ зданій, Джонсонъ признавалъ полезнымъ прибѣгнуть къ зажигательнымъ конгревовымъ ракетамъ. Ими онъ имѣлъ въ виду уничтожить преимущественно арсеналы и склады. Бомбардировку онъ предлагалъ произвести поздно осенью, чтобы русскіе не успѣли вновь отстроиться. Генералъ Барагэ д'Илье и Ніэль не раздѣлили мнѣнія Джонсона.

Генералъ Ніэль со своей стороны держался того воззрѣнія

что семи или восьми линейныхъ кораблей вполнѣ достаточно для того, чтобы часа въ два времени превратить крѣпостныя стѣны Свеаборга въ мусоръ. Однако, генералъ оговорился, что подобнаго опыта изъ прежнихъ крѣпостныхъ осадъ ему не извѣстно. Когда проекты Джонсона и Ніэля попали въ печать Англіи, нація вознегодовала. Лорды адмиралтейства предписали Непиру созвать военный совѣтъ; но французскіе маршалы со своими войсками успѣли уже покинуть Балтійское море, почему англійскіе адмиралы рѣшили, что, при наличности ихъ малыхъ средствъ, противъ Свеаборга ничего предпринять нельзя. Самъ Непиръ былъ убѣжденъ, что Свеаборгъ можно превратить въ пепелъ, но для этого необходимо располагать большимъ числомъ канонерокъ (Earp, стр. 304). Эти лодки, при бомбардированіи, слѣдовало поставить впереди судовъ, обязавъ послѣднихъ высылать затѣмъ смѣны людей на лодки.

Всѣ эти планы и предположенія не лишены интереса въ томъ отношеніи, что при бомбардированіи Свеаборга въ 1855 г. нѣкоторыми изъ нихъ, несомнѣнно, воспользовались.

БОМАРЗУНДЪ.

Въ октябрѣ 1809 г. генералъ-отъ-инфантеріи М. Барклай де-Толли, занимавшій тогда должность командующаго войсками и начальника края, донесъ военному министру, гр. Аракчееву, что расположить на Аландскихъ островахъ гарнизонный полкъ будетъ особенно полезно и необходимо для надзора за почтовой конторой и другими гражданскими учрежденіями, но прежде всего для всегдашней защиты острововъ „и особенно ежели построена будетъ на большомъ Аландѣ малая крѣпосца“ [1])

Возведеніе Аландскихъ укрѣпленій рѣшено было Государемъ Императоромъ Александромъ I вскорѣ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Они были задуманы не отдѣльно, а въ связи съ мѣрами общей оборонительной системы новой окраины Имперіи. Въ центрѣ обширнаго операціоннаго базиса предполагали укрѣпить г. Куопіо, или мѣстечко Иденсальми; Аландскія укрѣпленія должны были представить крайній оплотъ лѣваго фланга; а правый флангъ хотѣли примкнуть къ непроходимымъ болотамъ

и озерамъ Архангельской губерніи. На Аландѣ желали имѣть близкое къ берегамъ Швеціи укрѣпленное адмиралтейство, а также портъ для гребной флотиліи и корабельнаго флота. Проектъ Аландскихъ укрѣпленій повелѣно было (въ концѣ 1809 года) составить флигель-адъютанту полковнику Барклаю-де-Толли, который въ 1810 году приступилъ къ съемкѣ и представилъ обозрѣніе острововъ. Мѣстомъ для главной крѣпости онъ избралъ Бомарзундъ, какъ болѣе удобный для стоянки флота. Въ первоначальный проекъ, составлявшійся въ 1811 году, входило, во-первыхъ, укрѣпленіе трехъ передовыхъ позицій, или линій, на островѣ Аландѣ, которыя должны были затруднять со стороны Швеціи приступъ къ главному укрѣпленію при Бомарзундѣ, а за-

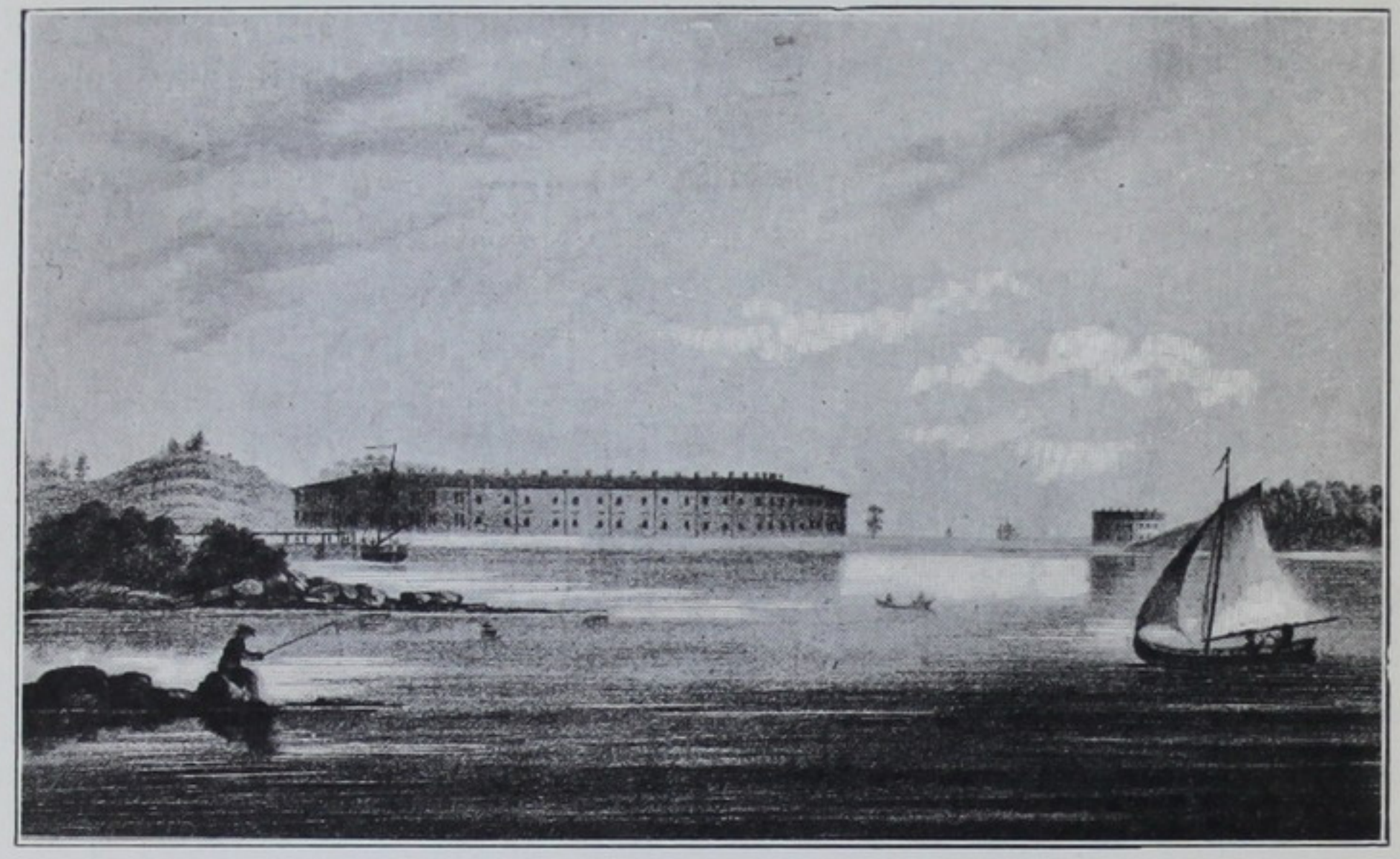
Флотъ союзниковъ на пути къ Аланду.

тѣмъ огражденіе входа въ заливъ Лумпаренъ, совершенное закрытіе нѣкоторыхъ зундовъ (Болеро, Буссе и Лумпаренъ) и, кромѣ того, возведеніе еще разныхъ батарей.

Изъ отношенія генералъ-лейтенанта Штейнгеля изъ Або къ военному министру Барклаю-де-Толли (отъ 21-го марта 1811 года, за № 80), видно, что Штейнгель, получивъ повелѣніе Государя Императора, переданное ему черезъ военнаго министра, (№ 240), отправился на Аландъ и сдѣлалъ тамъ нужныя распоряженія. За землю, долженствовавшую отойти подъ крѣпость, владѣльцы геймановъ требовали 59,000 руб. сер. и, кромѣ того, они просили объ отводѣ имъ новыхъ участковъ для населенія.—Штейнгель приказалъ полковнику Энгельману приступить безотлагательно къ срубкѣ лѣса, а генералъ-маіору Горбунцову озаботиться достав-

кой кирпича. Тогда же Штейнгель рѣшилъ ходатайствовать о назначеніи на работы нижнихъ чиновъ [2]). Въ 1812 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, взамѣнъ временныхъ укрѣпленій, приступить къ постройкѣ постояннаго укрѣпленія. Въ видѣ опыта на о. Гаренъ были построены деревянные казематированные редутъ и батарея, которые простояли до 1847 г., когда за полной ветхостью были уничтожены.

3-го марта 1816 года на имя генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля данъ былъ Государемъ Императоромъ Александромъ I



Бомарзундская оборонительная казарма.

рескриптъ, въ которомъ значится: „признавая нужнымъ предоставить Вашему попеченію производство инженерныхъ работъ, предполагаемыхъ въ Палонсѣ (?) и производимыхъ предварительныхъ укрѣпленій на Аландѣ по прежнимъ предположеніямъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли, кои уже Мною утверждены, Я подчиняю Вамъ на сей конецъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли, или кто его мѣсто занимать будетъ, въ качествѣ инженера, инспектора означенныхъ работъ... Я приказалъ выслать къ Вамъ 50,000 руб. инженерной суммы.

„Когда же отъ генералъ-маіора Барклай-де-Толли представлены будутъ Вамъ планы долговременныхъ верковъ на Аландѣ,

такъ и въ Палонсѣ, то оные съ мнѣніемъ своимъ представить ко Мнѣ.

„Поручая такимъ образомъ по начальству Вашему въ Финляндіи производство означенныхъ работъ... Я на васъ вслѣдствіе сего возлагаю и ревизію отчетовъ, которые неупустительно должны Вы требовать отъ кого слѣдуетъ и по разсмотрѣніи отослать куда подлежитъ“ [3]).

Въ 1817 г. былъ возбужденъ вопросъ объ усиленіи сѣверо-западной границы долговременными укрѣпленіями. 1-го іюня этого года именнымъ указомъ, даннымъ начальнику главнаго штаба, послѣдовало „учрежденіе комитета для сочиненія проектовъ долговременныхъ укрѣпленій въ Финляндіи“. Этотъ комитетъ именовался „учрежденнымъ по Финляндскимъ укрѣпленіямъ“. Во главѣ его былъ поставленъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, который (согласно п. 10 указа 1817 г.) получилъ право личнаго доклада Государю; что же касалось „до самаго построенія предварительныхъ укрѣпленій на Аландѣ и всѣхъ по сему предмету хозяйственныхъ распоряженій“, то въ этомъ отношеніи Барклай-де-Толли остался „по прежнему въ вѣдѣніи генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля“, на основаніи указа, даннаго послѣднему 3-го Марта 1816 г. [4]).

По заявленію историка главнаго инженернаго управленія, ген.-маіора И. Н. Фабриціуса, этотъ комитетъ подробно изслѣдовалъ Аландскіе острова и выяснилъ, какіе пункты ихъ слѣдуетъ укрѣпить, для прочнаго обладанія архипелагомъ, выдвинутымъ далеко впередъ отъ Финляндскаго материка. Кромѣ того, комитетъ составилъ точную карту окрестностей Бомарзунда и проектъ укрѣпленной позиціи. Вслѣдствіе смерти ген.-м. Барклая-де-Толли проектъ не былъ осуществленъ, а комитетъ закрытъ [5]).

Въ апрѣлѣ 1825 года начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества увѣдомилъ Его Императорское Высочество, генералъ-инспектора по инженерной части, что Государю Императору благоугодно построить на Аландѣ для войскъ оборонительныя казармы, которыя должны войти въ составъ предполагаемыхъ на Аландскихъ островахъ укрѣпленій. Для избранія мѣста былъ командированъ генералъ-маіоръ Трузсонъ 2-й. Ознакомившись съ прежними планами и обзорами, Трузсонъ также остановился на Бомарзундѣ, а гавань для флота онъ полагалъ имѣть въ заливѣ Нотвикъ. Трузсонъ же предложилъ построить одну башню на Престъ-Э. Предположенія Трузсона разсмотрѣлъ, про-

вѣрилъ и одобрилъ начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества баронъ Дибичъ. Въ 1828 году опять повелѣно было составить проектъ и планъ укрѣпленіямъ на Аландѣ [6]). Въ видѣ руководящихъ началъ указано было, что мѣстоположеніе Бомарзунда представляло наиболѣе выгодъ для обороны и наступательныхъ дѣйствій; что укрѣпленія надо построить отдѣльно, но такъ, чтобы въ совокупности они представили оборонительную систему и въ то же время могли защищаться порознь; далѣе предполагалось имѣть флотилію въ 100 канонерскихъ лодокъ; верфи вовсе не требовалось, а считали достаточнымъ имѣть сарай для починки судовъ; гарнизонъ опредѣлялся въ 4,000—5,000 челов. Въ началѣ 1829 г. Государь Императоръ разсмотрѣлъ „проектъ сей на модели“. По смѣтѣ стоимость оборонительной казармы въ видѣ форта опредѣлена была въ 2.168,755 руб., а при употребленіи для постройки военно-рабочихъ—1.648,162 р. Наконецъ, Высочайшее утвержденіе проекта того укрѣпленія Бомарзунда, часть котораго была возведена къ 1854 году, состоялось 8-го іюня 1829 года. Къ выполненію этого проекта приступлено было въ 1830 году, когда начали разравнивать мѣстность. „Сумму же на производство всѣхъ вообще строительныхъ работъ на Аландѣ, съ распредѣленіемъ ихъ на пять лѣтъ, предписано было употребить изъ финляндскихъ доходовъ, съ позаимствованіемъ ея изъ кредитныхъ установленій Россійской Имперіи“ (6-го февраля 1830 года).

Изъ росписи доходовъ и расходовъ Финляндіи видно, что въ 1830 году былъ сдѣланъ заемъ въ Россіи (въ Государственномъ Казначействѣ) на сумму 2.600.000 руб., предназначенныхъ на сооруженіе Николаевскаго лютеранскаго собора въ Гельсингфорсѣ и постройку Бомарзундской крѣпости, которая въ оффиціальныхъ отчетахъ называласъ Аландскою, а также Скарпансъ, отъ близъ лежавшей деревни. По поводу сего займа историкъ края нашихъ дней поясняетъ, что во время Николая I, финляндское управленіе сдѣлало первый шагъ по колеблющейся наклонной плоскости системы государственныхъ долговъ [7]). Изъ занятой суммы на Бомарзундскій фортъ было израсходовано всего 571.400 рублей.

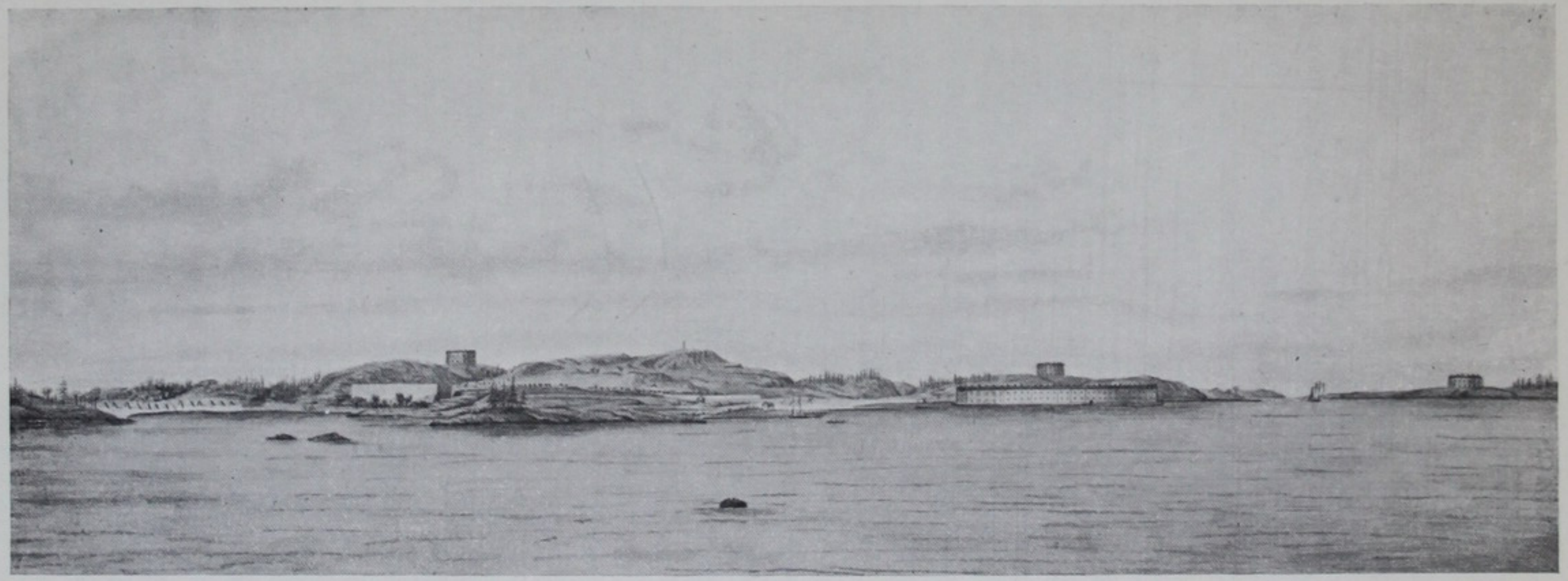
Всѣхъ обитаемыхъ Аландскихъ острововъ насчитываютъ около 90-ти [8]). На юго-восточной оконечности главнаго острова Аландскаго архипелага, при проходѣ изъ пролива Варгата въ заливъ Лумпаренъ (Lumparen), проектировано было построить фортъ (A), окруженный оборонительными башнями. Между фортомъ и

a, *a* - Осадн. работы, произведен. ночью съ 11 на 12 августа (нов. стиля).
a′, *a″*— „ „ „ „ „ 12 „ 13 „ „ „
b, *b′*— „ „ „ „ „ 13 „ 14 „ „ „
c, *c′*— „ „ „ „ „ 14 „ 15 „ „ „
c″— „ „ „ „ „ 15 „ 16 „ „ „
d—Мѣсто 2 француз. 12-ф. полевыхъ пушекъ.
e—Наименѣе поврежденная часть форта.
P, *Q*, *R*—Предполагавшіеся барбеты.
E—Предполагавшаяся оборонительная башня.
p, *n*, *o*—Русскія временныя батареи.
№ *1*—Француз. батарея на 4—16 ф. ор. и 4 мортиры 22 и 27 сантиметр.
№ *2*—Англійская батарея на 4 32-ф. орудія.
№ *3*—Французская батарея на 6 30-ф. орудій.
№ *4*— „ „ „ 4 мортиры 22 и 27 сант. и 2 гаубицы 22 сант.
№ *5*— „ „ „ 6 30-ф. пушекъ и 2 гаубицы 22 сант.

одною изъ башенъ (B) надлежало устроить оборонительный магазинъ (M. L.), а между другими башнями (B. и G.) — оборонительный госпиталь. Со стороны материка всѣ башни предполагалось соединить между собою и съ главнымъ фортомъ земляными брустверами, а со стороны Варгатскаго пролива—каменной стѣнкой. Для обстрѣливанія этого пролива и прохода въ заливъ Лумпаренъ, рѣшено было на главномъ островѣ возвести три башни, а на Престъ-Э — четыре. Такимъ образомъ, явилась бы возможность размѣстить 5.000 человѣкъ и 500 орудій. Мѣсто для крѣпости было выбрано съ такимъ разсчетомъ, чтобы большіе корабли въ военное время съ значительнымъ грузомъ могли проходить мимо его форта [9]). Въ 1843 г. адмиралу Д. Н. Кузнецову довелось быть на Аландѣ и осмотрѣть строющійся Бомарзундъ. Укрѣпленія этой крѣпости были начаты, по словамъ адмирала, „въ огромномъ масштабѣ“ [10]).

Постройка укрѣпленій производилась только лѣтомъ, въ виду затруднительности доставки строительнаго матеріала черезъ Ботническій заливъ. Вслѣдствіе такой медленности въ работѣ, къ 1854 году успѣли выполнить только одну пятую часть всего проектированнаго. Къ началу кампаніи форты не имѣли взаимной обороны и лишены были возможности должнымъ образомъ обстрѣливать прилегающую мѣстность. Главный фортъ состоялъ изъ каменной двухъэтажной сводчатой оборонительной казармы на 2.500 человѣкъ съ 115 амбразурами. Изъ башенъ были построены только три (C, U и Z, каждая на 125 чел.). Наружныя боевыя стѣны были сложены изъ кирпича и облицованы гранитнымъ камнемъ. Оборонительный госпиталь былъ начатъ постройкою, а для оборонительнаго провіантскаго магазина (L, M) и для трехъ остальныхъ башенъ успѣли заложить только фундаменты [11]). Въ такомъ видѣ Бомарзундъ представлялъ „тѣло исполина безъ мускуловъ и сухожилій“. На всѣ работы съ 1830 по 1854 гг. израсходовано было 1.439.400 рублей.

Какъ ни ничтожна была по своимъ размѣрамъ Бомарзундская крѣпость и какъ ни мало было вообще ея значеніе среди архипелага шхеръ, тѣмъ не менѣе она уже въ тридцатыхъ годахъ успѣла обратить на себя особое вниманіе Англіи, когда едва только приступлено было къ постройкѣ долговременныхъ ея укрѣпленій. Лордъ Пальмерстонъ въ 1833 г. обвинялъ Россію въ воинственномъ настроеніи, въ виду того, что она вооружалась на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Вооруженія, по его мнѣнію, были



Строющійся фортъ. Башня C. Телеграфъ на горѣ. Нотвикская башня U. Главный фортъ. Башня Z на Престъ-э.

Общій видъ Бомарзунда (Съ французской акварели).

Изъ собр. А. М. Заіончковскаго.

направлены исключительно противъ Англіи и тѣмъ нарушали ея права. Въ Англіи разсуждали такъ: морской торговли у Россіи нѣтъ, слѣдовательно, военнаго флота ей не надо, а разъ этотъ флотъ она, тѣмъ не менѣе, заводитъ, то, очевидно, съ завоевательными цѣлями, такъ какъ флотомъ ей охранять нечего [12]). Русскій посолъ доказывалъ лорду, что Аландъ грозитъ Англіи столько же, какъ Кронштадтъ; но Пальмерстонъ стоялъ на своемъ, говоря, что „Аландскіе острова расположены въ началѣ Ботническаго залива, который почти никогда не замерзаетъ, и такимъ образомъ движенія Россіи, въ случаѣ нападенія, будутъ свободнѣе и независимѣе съ этого пункта, нежели съ другого. Онъ прибавилъ, что, владѣя крѣпостью въ Або, Россія имѣетъ полную безопасность со стороны Швеціи, что, слѣдовательно, укрѣпляясь на Аландскихъ островахъ, Россія можетъ имѣть въ виду только Англію". Надо помнить, что войны въ 1833 г. не было, и потому претензія Пальмерстона являлась особенно неосновательной. Въ январѣ 1834 г. вице-канцлеръ графъ Нессельроде, вѣроятно, желая успокоить взволнованнаго лорда, писалъ нашему лондонскому представителю, что въ Балтійскомъ морѣ число военныхъ судовъ то же самое, что было при Екатеринѣ II и Александрѣ I, а въ городѣ Або совсѣмъ нѣтъ укрѣпленій. На Аландскихъ островахъ построена укрѣпленная казарма на два баталіона [13]). Въ апрѣлѣ 1834 г. Пальмерстонъ опять разразился, въ присутствіи нашего представителя, гр. Поццо-ди-Борго, цѣлой обвинительной рѣчью противъ Россіи, которая, по его словамъ, на всѣхъ своихъ обширныхъ границахъ желаетъ практиковать систему захватовъ: угрожаетъ Пруссіи и Австріи, въ Дунайскихъ княжествахъ она сѣетъ смуту, строитъ большія крѣпости въ Финляндіи, съ цѣлью навести страхъ на Швецію [14]). Графъ Поццо-ди-Борго отвѣтилъ, что Швеція находится въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Россіи и ни на какія вооруженія въ Финляндіи никогда не жаловалась.

Хотя Бомарзундъ не безпокоилъ Швеціи, но тѣмъ не менѣе на него иногда оглядывались. Такъ въ 1828 г. баронъ Анкарсвердъ на риксдагѣ предлагалъ Швеціи, въ виду потери Финляндіи, укрѣпить Вапесскую крѣпость, приходящуюся противъ Аланда, но, такъ какъ онъ самъ „чистосердечно сознавался", не видѣлъ тогда ни малѣйшаго повода для Швеціи опасаться вторженія со стороны сильнаго сосѣда, а исходилъ исключительно изъ возможности всякихъ непредвидѣнныхъ политическихъ осложненій [15]).

Въ 1854 г. стокгольмскія газеты неожиданно стали упрекать насъ въ построеніи укрѣпленій на Аландѣ, до истеченія 50-лѣтняго срока со дня заключенія Фридрихсгамскаго договора; обвиненіе это, хотя и было тогда очень широко распространено, явилось совершенно незаслуженнымъ и объясняется исключительно возбужденнымъ состояніемъ военнаго времени.

13-го января 1854 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ усиленіи Аландскихъ укрѣпленій. Проектъ этотъ представленъ былъ комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина, изъ генералъ-адъютанта Берга, генералъ-адъютанта Философова, инженеръ-генералъ-лейтенанта Сорокина и генералъ-адъютанта Безака.

Для вооруженія главнаго форта было привезено всего 139 орудій; но изъ нихъ въ казематы поставлено было только 66, а остальныя лежали на дворѣ крѣпости безъ лафетовъ. Въ трехъ готовыхъ башняхъ находилось только 46 орудій. Слѣдовательно, для встрѣчи всей армады союзниковъ на Аландѣ имѣлось 112 орудій [16]).

Гарнизонъ Бомарзунда состоялъ изъ:

	Штабъ оф.	Оберъ оф.	Нижнихъ чиновъ.
Инженерной команды	1	4	15
Финлянд. лин. № 10 баталіона . .	2	13	950
Гренадерск. стрѣлк. батал.	2	7	380
Артиллерійскаго гарнизона	1	4	175
Казаковъ (донскихъ)	—	1	37
Военно-рабочей роты	—	3	175
Инвалидовъ	1	1	110
Арестантской роты (воен. вѣдом.) .	—	2	100
Всего строевыхъ и нестроевыхъ .	7	35	1.942 [17]).

Въ 10 линейномъ баталіонѣ было много ссыльныхъ и штрафныхъ людей; а въ военно-рабочей ротѣ — около ста евреевъ. Число строевыхъ не превышало 1.600 человѣкъ.

Вотъ всѣ тѣ боевыя силы, которыя непріятель засталъ въ Бомарзундѣ. По описанію же французскаго историка [19]), Бомарзундъ властвовалъ надъ Ботническимъ заливомъ, угрожая Швеціи и ея столицѣ Стокгольму. Другой французъ, лейтенантъ Грассе [20]), утверждаетъ, что Престъ-Э былъ защищенъ „сильною цитаделью“, а Бомарзундъ представлялъ собою „обширное сооруженіе“.

Третій—Léon Guérin утверждалъ, что цитадель хотѣли устроить на 60,000 солдатъ и на 600 орудій. Eugène Woestyn разсказываетъ, что Государь Николай I любилъ „величественный“ Бомарзундъ, какъ Louis-Philippe музей Версаля.

Комендантомъ Бомарзунда состоялъ полковникъ артиллеріи Яковъ Андреевичъ Бодиско. Онъ родился въ 1794 году и происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи. Поступивъ на службу въ 1811 году, онъ въ молодыхъ чинахъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Тарутинѣ, Вязьмѣ, Дрезденѣ и другихъ мелкихъ

Ген.-м. Як. Андр. Бодиско.
Комендантъ Бомарзунда.

схваткахъ, находясь въ тѣхъ войскахъ, которыя преслѣдовали непріятеля вплоть до Парижа. Но тѣмъ не менѣе, по прежней своей службѣ, у него не было широкой боевой подготовки. Не обладалъ онъ, по оцѣнкѣ его современниковъ и начальства, ни особой энергіей, ни особыми умственными способностями; но всегда отличался усердіемъ по службѣ и благородствомъ чувствъ [21]). Плацъ-адъютантомъ состоялъ штабсъ-капитанъ В. Викбергъ, отличавшійся хорошими умственными способностями и честностію, но человѣкъ слабаго характера [22]). Такъ какъ сношенія Аланда съ материкомъ

могли прекратиться, то Государь повелѣлъ опредѣлить туда особое лицо, въ званіи помощника Абоскаго губернатора, каковымъ и былъ назначенъ подполковникъ Фуругельмъ. Около этого же времени, въ видѣ полицейской мѣры, на Аландъ былъ командированъ одинъ офицеръ, знавшій мѣстный языкъ, для наблюденія за пріѣзжавшими туда изъ Швеціи [23]).

Адмиралы непріятельскаго флота пришли къ тому заключенію, что Кронштадтъ нельзя было имъ взять, а потому они рѣшили напасть на аванпостъ Россіи, не менѣе важный чѣмъ Кронштадтъ, на Аландъ [24]). Русскіе современники иначе взглянули на дѣло.

„Союзники, въ 1854 г.“,—повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Васильчиковъ,—„жаждавшіе какого-либо успѣха, для рекламы въ своихъ газетныхъ статьяхъ, усмотрѣли въ Бомарзундѣ легкую добычу, могущую достаться имъ безъ всякаго пожертвованія и, одержавши побѣду надъ врагомъ, который не въ силахъ былъ обороняться, получили первый трофей, возбудившій, конечно, общественное мнѣніе Англіи и Франціи къ торжеству и болѣзненно отозвавшійся въ русскихъ сердцахъ, при видѣ невольной и безполезной жертвы“ [25]). Но посмотрите, съ какой затратой силъ и времени союзники достали эти первые трофеи.

Въ ожиданіи непріятеля, наши войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ главномъ фортѣ находилось 7 штабъ и 27 оберъ-офицеровъ и 1,528 нижнихъ чина; остальной гарнизонъ распредѣленъ былъ по тремъ башнямъ. Башнею C командовалъ штабсъ-капитанъ Теше, башнею U—поручикъ Звѣревъ и Z—поручикъ Шателенъ. Для большаго обстрѣливанія залива Лумпаренъ, наскоро насыпана была штабсъ-капитаномъ Теше земляная батарея (п) на четыре полевыхъ орудія. Комитетъ, на обязанности котораго находилось приведеніе крѣпостей имперіи въ оборонительное состояніе, выработалъ для всѣхъ комендантовъ спеціальныя инструкціи. Такое же наставленіе было составлено и для коменданта Аландскихъ укрѣпленій. Государь Императоръ, ознакомившись съ этимъ наставленіемъ, 12-го марта 1854 года собственноручно начерталъ карандашемъ: „Хорошо, кромѣ отдѣленія вдоль постовъ казаковъ, что по слабости гарнизона совершенно невозможно; гарнизонъ долженъ быть только озабоченъ обороной укрѣпленія; внѣшняя оборона можетъ быть только производима вооруженными жителями, которымъ потомъ дозволить отступать къ крѣпости и принять въ оную, но, разумѣется, только тѣхъ, кои надежными показались“. Наставленіе дано было спеціально на

случай атаки крѣпости съ моря. Предполагалось, что Бомарзундъ можетъ подвергнуться только нападенію непріятельскаго флота, „безъ высадки войскъ“, а потому коменданту предлагали ограничиться оборономю собственно Аландскихъ укрѣпленій. Если и допускалась высадка, то только матросовъ, вооруженныхъ ружьями.

Исторія осады Бомарзунда начинается маленькимъ эпизодомъ. Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ донесенія 4-го мая, что непріятельская флотилія прошла по Бомарзундскому проливу, Высочайше повелѣлъ запросить: стрѣляли ли по непріятелю или нѣтъ, и если не стрѣляли, то по какой причинѣ [26]). По разслѣдованіи оказалось, что донесеніе было основано на слухахъ, а корабли прошли на далекомъ разстояніи отъ крѣпости.

Штабсъ-кап. В. Викбергъ.
Плацъ-адъютантъ Аланда.

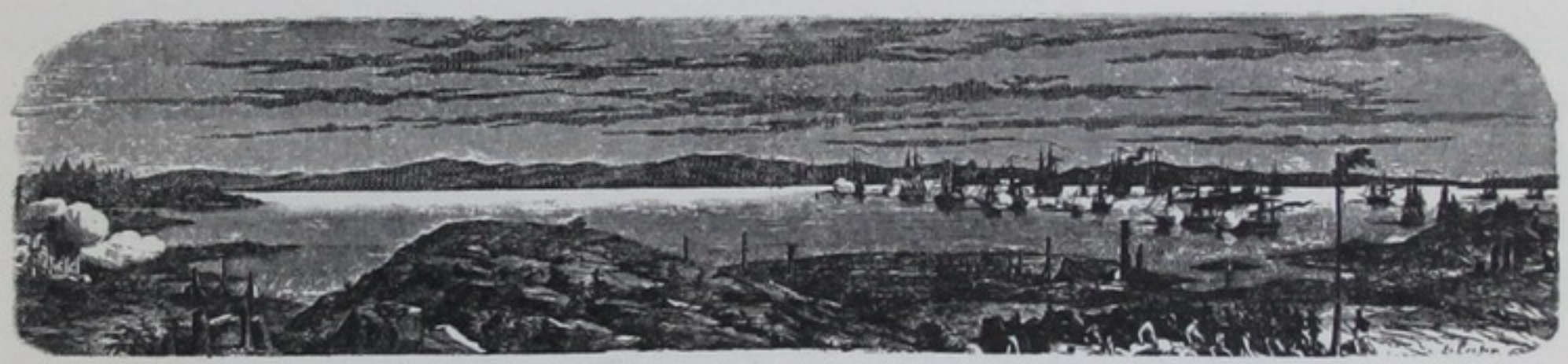
Начиная съ 1-го мая военныя англійскія суда ходили по всѣмъ направленіямъ около Аландскихъ острововъ, производя промѣры и забирая людей, отъ которыхъ распросами старались узнать о положеніи нашихъ укрѣпленій [27]). 9-го (21-го) іюня 1854 г. непріятельскія суда, державшія въ блокадѣ аландскія шхеры, близко подошли къ крѣпости. Проводниками служили рыболовы, захваченные капитаномъ корабля „Гекла“ (Халлемъ) [28]). Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что по увѣреніямъ мѣстныхъ лоцмановъ, глубина пролива и залива Лумпаренъ не превышала 22 футовъ и что по узкости фарватера здѣсь съ трудомъ могли проходить только фрегаты; въ раіонѣ же выстрѣловъ форта, по ихъ же словамъ, находились подводные камни, которые должны затруднить эволюціи болѣе чѣмъ двумъ фрегатамъ. Черезъ сѣверный фарватеръ, говорили тѣ же лоцмана, въ состояніи пройти развѣ малые пароходы. Послѣдствія показали,—какъ пишетъ Шателенъ, очевидецъ происходившаго на Аландѣ,—что тамъ, гдѣ съ трудомъ долженъ былъ, по нашимъ ожиданіямъ, проходить фрегатъ—прошли линейные корабли, и гдѣ было недостаточно мѣста

для двухъ фрегатовъ—могла дѣйствовать цѣлая эскадра. Подобное незнаніе фарватера можно объяснить тѣмъ, что лоцмана измѣряли глубину фарватера по картамъ, сдѣланнымъ сто лѣтъ тому назадъ, и притомъ всегда по однимъ и тѣмъ же направленіямъ [29]). Неудивительно послѣ того, что у англичанъ въ рукахъ оказались карты болѣе поздняго происхожденія, и что они имѣли возможность „блистательно обнаружить свои способности къ дѣйствію въ морѣ“.

Во время стокгольмскаго визита, Непиръ узналъ, что русскіе не только не покинули Бомарзунда, но, снявъ всюду лоцмановъ, видимо готовились къ отпору. Тогда онъ послалъ капитана Солливэна осмотрѣть Аландъ и тотъ донесъ, что острова „очень сильны“ и гарнизона на нихъ находится 2,200 человѣкъ! Непиръ сталъ настаивать на присылкѣ десанта въ 10,000 человѣкъ! [30]). Онъ писалъ въ Англію, что вообще Бомарзундъ трудно будетъ взять, безъ помощи Швеціи. Если она примкнетъ къ союзу, задача будетъ значительно облегчена; въ противномъ случаѣ, къ осадѣ придется приступить не скоро, такъ какъ потребуется время для предварительныхъ судовыхъ работъ. Надо полагать, что пассивное положеніе Швеціи было тогда тѣмъ болѣе непріятно союзникамъ, что возвращеніемъ ей Аланда они предполагали вознаградить ее за содѣйствіе („The history of the Baltic campaign of 1854“, соч. G. B. Earp, стр. 129 и др.).

21-го іюня союзники пожелали сдѣлать „пробу своему флоту“. Непріятель подошелъ на двухъ паровыхъ фрегатахъ и одномъ паровомъ корветѣ, имѣя на нихъ въ сложности болѣе 96 орудій. За островомъ Михельсъ-Э стоялъ еще одинъ пароходъ, котораго первоначально не обнаружили. Когда онъ открылъ огонь, главный фортъ отвѣчалъ изъ своихъ орудій. Огнемъ руководили поручикъ пѣхоты Шимановскій и подпоручикъ артиллеріи Пищулинъ. Такъ какъ непріятель находился въ 1000 саженяхъ отъ форта, то вредъ, причиненный ему, не стоилъ траты пороха, почему Бодиско вскорѣ приказалъ на время прекратить стрѣльбу. Непріятель перемѣнилъ тогда позицію, чтобы обстрѣливать фортъ продольно; но здѣсь онъ наткнулся на скрытую земляную батарею (п) и цѣпь стрѣлковъ, которые не замедлили открыть по немъ огонь. Батарея (п), помѣщавшаяся на мысѣ, выдающемся въ заливъ Лумпаренъ, состояла изъ четырехъ орудій. Ее прикрывали двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, при которыхъ находились маіоръ Гранъ и подполковникъ Фуругельмъ, принявшій здѣсь на себя

главное начальство. Командиромъ дивизіона былъ штабсъ-капитанъ Шветовъ. Въ числѣ защитниковъ батареи выдѣлялся старый воинъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ на покоѣ; но, видя надвигавшуюся грозу и недостатокъ въ людяхъ, безъ колебанія оставилъ семью и всталъ охотникомъ къ орудію, какъ вѣрный слуга Царя, еще разъ пожелавшій ревностно стать грудью на защиту отечества. Перестрѣлка продолжалась три часа (съ 5 до 8 вечера); нашимъ орудіемъ подбито было колесо у одного парохода; но затѣмъ батарея была повреждена, амбразуры ея засыпаны и она замолчала; ея защитникамъ подполковникъ Фуругельмъ приказалъ перейти въ фортъ. Стрѣлки же продолжали дѣйствовать съ берега до ухода судовъ. Послѣ этого суда вновь стали противъ форта и теперь пытались огромными пустотѣлыми снарядами и конгревовыми ракетами зажечь укрѣпленія. Одно частное деревянное



Береговая батарея (п) около Бомарзунда.

строеніе (маркиганта) дѣйствительно загорѣлось, вызвавъ громкое ликованіе на корабляхъ. Нашей артиллеріи изъ нижняго этажа форта удалось поджечь одинъ пароходъ и подбить руль у другого; спустя нѣкоторое время непріятель удалился въ безопасное море. Англичане должны были прекратить огонь вслѣдствіе того, что разстрѣляли всѣ свои снаряды. На судахъ у непріятеля было пять человѣкъ раненыхъ (G. B. Earp). Въ теченіе трехъ дней жители видѣли его суда въ шхерахъ, но затѣмъ онъ скрылся изъ вида. Мы выпустили около 300 снарядовъ изъ форта, 56 изъ орудій батареи (п) и нѣсколько изъ башни С. Другія башни по своему расположенію не могли принять участія въ боѣ. Наши потери ограничились четырьмя убитыми и 15-ю ранеными. Но, къ сожалѣнію, въ числѣ убитыхъ были лекарь Боровковичъ и аудиторъ Сорокинъ. Фортъ выстоялъ почти неповрежденнымъ. До бомбардированія инженеръ-капитанъ Краузольдъ успѣлъ устроить надъ сводами форта земляныя на-

сыпи и онѣ много содѣйствовали уменьшенію разрушительнаго вліянія непріятельскихъ ядеръ, коихъ было брошено въ крѣпость отъ 2000 до 2500. Французскій историкъ восточной войны (1853—1856 г.), Léon Guérin, не опредѣляетъ цифрою этого количества, но говоритъ, что выпущено было колоссальное число снарядовъ. Онъ же признаетъ, что суда непріятеля сильно пострадали. У „Хеклы“ оказалась поврежденной корма и кромѣ того она получила семь пробоинъ [31]).

На рапортѣ командующаго войсками съ изложеніемъ дѣла 9-го іюня Государь Императоръ собственноручно (16-го іюня) написалъ: „Публиковать; хорошее дѣло; всему гарнизону по 1 руб. сер.“. Бодиско былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, Фуругельмъ — въ полковники, капитанъ — Краузольдъ получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ и т. д. Нижнимъ чинамъ отправлены были знаки отличія военнаго ордена.

Когда нашъ военный агентъ, состоявшій тогда при русской миссіи въ Стокгольмѣ, полковникъ Бодиско, сообщилъ королю о бомбардированіи Бомарзунда (Скарпанса), Оскардъ I отвѣтилъ: „Слава Богу; это война; но жечь и разорять, какъ это дѣлали въ Брагестадѣ и Улеоборгѣ — варварство, недостойное нашего времени“ [32]).

Для освидѣтельствованія послѣдствій бомбардированія, по Высочайшему повелѣнію былъ отправленъ ротмистръ Н. В. Шеншинъ, состоявшій адъютантомъ военнаго министра. Шеншинъ горячо вѣрилъ въ историческое величіе нашей родины, жаждалъ ея духовнаго освобожденія отъ наплыва чужеземныхъ стихій и искалъ спасенія въ сближеніи съ простымъ русскимъ народомъ, поскольку въ этомъ простонародіи сохранено коренныхъ и вѣковѣчныхъ началъ православной жизни [33]). Съ рѣдкимъ благоразуміемъ и неустрашимостью онъ выполнилъ трудное порученіе, заслуживъ себѣ званіе флигель-адъютанта. 1-го іюля онъ выѣхалъ изъ Петербурга и 10-го числа готовился уже покинуть Аландъ, чтобы пуститься въ обратный путь. Въ это время показался сильный дымъ непріятельскихъ пароходовъ, вновь вошедшихъ въ заливъ Лумпаренъ. Ихъ встрѣтили выстрѣлами и даже повредили одинъ пароходъ, но англичане не отвѣчали. Изъ Швеціи до крѣпости дошелъ слухъ, что непріятель будетъ дожидать десанта. Комендантъ Я. А. Бодиско предложилъ Шеншину вернуться и доложить Государю, что гарнизонъ рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности.

Капит. А. Э. Краузольдъ.
Командиръ Аландской инж. команды.

20-го іюля 1854 года Шеншинъ вторично отправился на Аландъ, къ обреченному на гибель гарнизону. На этотъ разъ поѣздка не обошлась безъ приключеній, такъ какъ нужно было пробираться среди шхеръ, за которыми внимательно наблюдали англичане. Пришлось укрыться отъ англійскихъ офицеровъ въ сарай съ сѣномъ, переодѣться въ крестьянское платье и даже разорвать предписаніе военнаго министра, чтобы не имѣть при себѣ уличающихъ документовъ. Пакетъ съ георгіевскими крестами и копію съ приказа, въ которомъ объявлялось Высочайшее благоволеніе Аландскому гарнизону, удалось еще сохранить подъ передникомъ бабы, ѣхавшей вмѣстѣ съ нимъ на лодкѣ. Наконецъ, послѣднія бумаги были уничтожены и лодка Шеншина благополучно проплыла между двумя пароходами-корветами, въ разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Благоволеніе и награды Государя Императора осчастливили гарнизонъ; особенно обрадовались крестамъ финскіе стрѣлки. Письма Шеншина военному министру и женѣ о благополучномъ его пріѣздѣ 25 іюля на Аландъ, не дошли по назначенію. Въ заливѣ Лумпаренъ въ это время насчитывали уже до 30-ти непріятельскихъ вымпеловъ, а черезъ день началась уже высадка на островъ. Шеншину надлежало теперь перебраться на шведскій берегъ. „Не уѣзжайте, говорили ему, солдаты васъ полюбили, безъ васъ худо пойдетъ“. До Стокгольма онъ добрался свободно. Нашъ посланникъ Дашковъ оказалъ ему содѣйствіе къ скорѣйшему возвращенію домой черезъ Любекъ. 6-го августа онъ былъ уже въ Петербургѣ.

Опасность побудила ротмистра Шеншина уничтожить Высочайшее повелѣніе, которымъ Государь Императоръ указывалъ коменданту, въ случаѣ невозможности удержать фортъ, вывести гарнизонъ, взорвать укрѣпленія, истребить запасы и повредить орудія. Для отступленія дѣлалось три предположенія: или перейти въ башни, или уйти во внутрь острова и начать партизанскую войну, или, наконецъ, скрытно переправиться въ Або, если подойдутъ канонерскія лодки и пароходы. Всѣ эти предположенія исходили изъ

увѣренности, что непріятель нападетъ на Бомарзундъ съ моря, а съ суши станетъ дѣйствовать лишь нѣсколько вооруженныхъ матросовъ. Такъ какъ подлиннаго предписанія не было, то Шеншинъ передалъ сущность его ген. Бодиско въ общихъ выраженіяхъ. Если бы документъ достался непріятелю, то онъ раскрылъ бы ему всю слабость Аланда и потому въ минуту опасности ротмистръ Шеншинъ уничтожилъ его и Государь изволилъ одобрить такой поступокъ. Шеншинъ лично видѣлъ высадку непріятеля и убѣдился, что всякая возможность отступленія изъ форта была сразу уничтожена. Ген. Бодиско, стремясь узнать воззрѣнія Государя, спросилъ Шеншина, желаетъ ли Его Величество, чтобы гарнизонъ положенъ былъ до послѣдняго человѣка. Нѣтъ, отвѣтилъ ротмистръ, Государю угодно, чтобы вы держались до крайности или невозможности [34]).

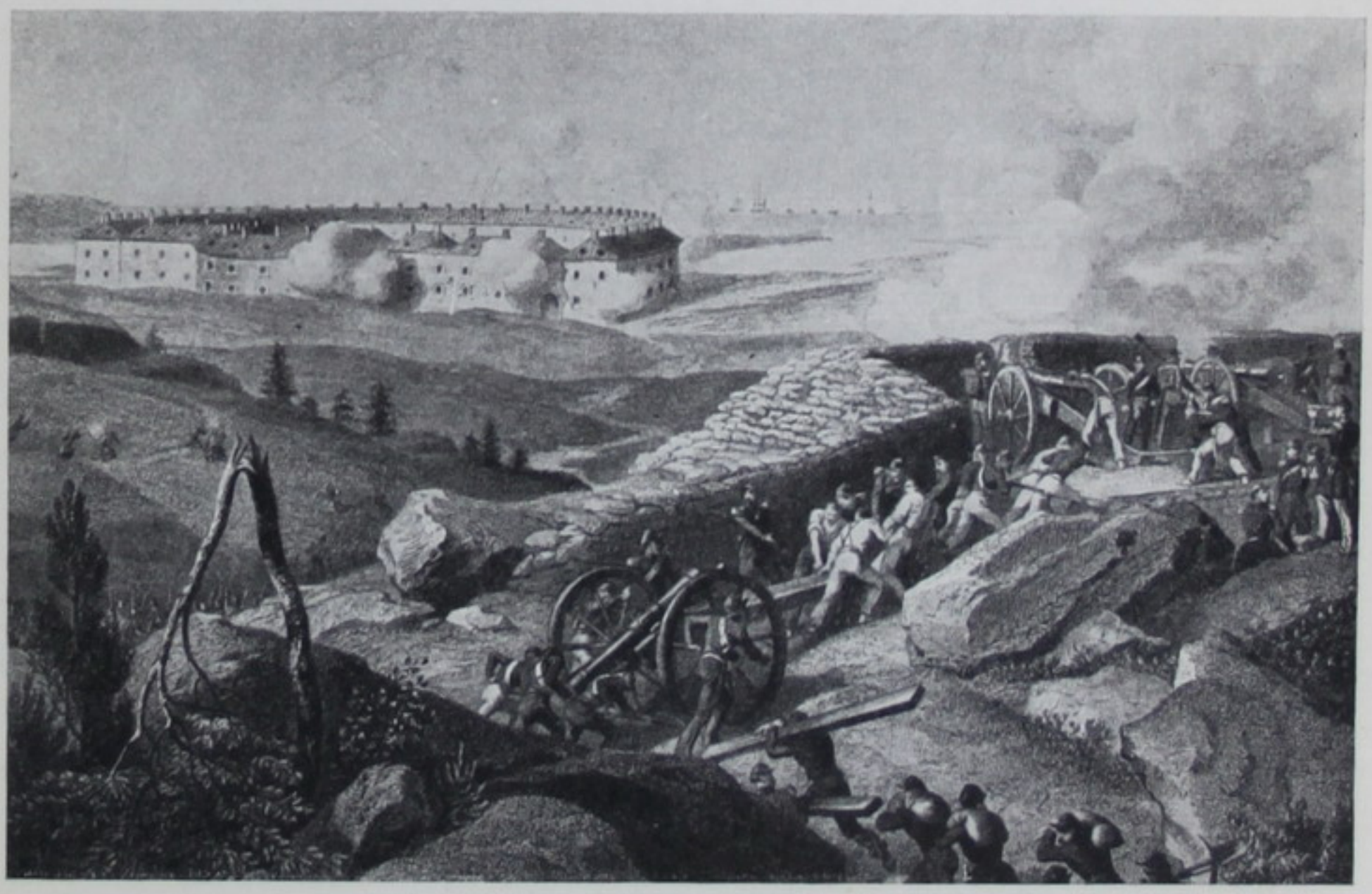
Во французской печати поѣздка Шеншина превратилась въ разсказъ о томъ, что Государь послалъ своего адъютанта и одного моряка для изслѣдованія Бомарзунда. Переодѣтые финляндскими рыбаками, эти смѣльчаки миновали крейсера непріятелей и, изслѣдовавъ силы и подступы къ укрѣпленію, донесли царю подробнымъ рапортомъ, что крѣпость неприступна и что союзный флотъ потерпитъ крушеніе передъ Бомарзундомъ [35]).

Съ 10-го по 27-е іюля, непріятель, блокируя острова, простоялъ передъ фортомъ въ ожиданіи десанта, для котораго Наполеонъ отправилъ дивизію, квартировавшую въ Булонскомъ лагерѣ. На англійскихъ судахъ она была перевезена къ Аланду. „Фактъ — единственный въ исторіи“, какъ сказалъ Наполеонъ [3]). Начальникомъ этихъ французскихъ войскъ состоялъ Барагэ д'Илье, бывшій до того времени посломъ въ Константинополѣ [37]). На кораблѣ „Королева Гортензія“ Барагэ д'Илье прибылъ въ Стокгольмъ, гдѣ не принялъ визита англійскаго посланника Маджениса, изъ чего можно заключить, что отношенія между французами и англичанами были тогда уже не особенно хорошія.

Аландскіе острова были отрѣзаны отъ Финляндіи. Эскадра коммандора Martin'a, состоявшая изъ 9-ти линейныхъ судовъ, крейсировала въ Финскомъ заливѣ, наблюдая за русскимъ флотомъ. 10-го іюля (н. ст.) 1854 г. Чарльзъ Непиръ писалъ уже сэру Джемсу Грехэму по поводу предполагавшейся атаки: „Я долженъ озаботиться, чтобы быть на стражѣ русскихъ интересовъ въ Кронштадтѣ. Если они выйдутъ оттуда, тѣмъ лучше“ [38]). Планъ непріятеля не составлялъ уже секрета и 23-го іюля 1854 г. гене-

Видъ Бомарзунда и атакующей эскадры.

Изъ собр. Б. М Колюбакина.



Непріятельская батарея подъ Бомарзундомъ.

Изъ книги Léon Guérin.

ралъ Рокасовскій донесъ военному министру, что непріятель намѣренъ взять укрѣпленіе Аланда съ сухого пути, дабы не повредить оборонительныхъ зданій, предназначенныхъ для зимовки [39]). Хотя между англичанами и французами первоначально не существовало согласія и единомыслія относительно способовъ и средствъ къ овладѣнію Аланда [40]), но, тѣмъ не менѣе, теперь непріятель дѣятельно готовился къ осадѣ: онъ производилъ промѣры, заготовлялъ на островѣ Михельсъ-Э, куда высадилъ довольно значительные отряды войскъ, туры, фашины, штурмовыя лѣстницы и и пр. Малочисленность нашего гарнизона, отдаленность острова и совершенный недостатокъ вооруженныхъ гребныхъ судовъ, лишили насъ возможности препятствовать непріятелю. Съ каждымъ днемъ прибывали новыя и новыя непріятельскія суда. Аландъ былъ охваченъ настолько плотнымъ кольцомъ ихъ, что сообщеніе даже съ ближайшими окружавшими островами почти прекратилось. Сборнымъ пунктомъ флота союзниковъ былъ Ледзундъ. Баркасы съ судовъ часто подходили весьма близко къ форту; дѣлалось это обыкновенно ночью, когда темнота препятствовала стрѣльбѣ по нимъ. Прибывавшія суда становились внѣ нашихъ выстрѣловъ. Случалось, что башни Бомарзунда стрѣляли по рекогносцировавшимъ пароходамъ, но безъ послѣдствій [41]).

Государь, узнавъ о томъ, что непріятель желаетъ взять Бомарзундъ, былъ очень озабоченъ его участью и не желалъ допустить союзный флотъ въ его бухту, сознавая, что малочисленный гарнизонъ укрѣпленія будетъ поставленъ въ весьма тяжелое положеніе. Въ виду этого флиг.-адъют. Аркасу повелѣно было, взявъ изъ Гельсингфорса и Або канонерскія лодки и нужное число пароходовъ, спѣшить къ Аланду и заградить бухту крѣпости. Великій князь, генералъ-адмиралъ, и военный министръ, князь Долгорукій, не предвидѣли успѣха отъ подобнаго плана, такъ какъ непріятельскіе корабли были уже снабжены винтовыми двигателями. Въ Гельсингфорсѣ флиг.-адъют. Аркасъ получилъ 4 парохода и 20 канонерскихъ лодокъ. Въ Або къ этому отряду присоединили еще 20 канонерскихъ лодокъ и вся флотилія двинулась къ острову Кумлингу, съ котораго видно было, что непріятельскій флотъ стоялъ уже въ виду крѣпости Бомарзунда [42]). Флиг.-адъют. Аркасу не пришлось такимъ образомъ привести въ исполненіе, возложеннаго на него, порученія. Онъ вынужденъ былъ вернуться въ Або.

Суда нашего флота были плохи; канонерскія лодки оказались

совершенно неприспособленными къ требованіямъ времени, но среди нашихъ моряковъ, какъ всегда, находились отважные воины, способные хладнокровно исполнить самыя рискованныя предпріятія. Если бы мы не зазѣвались введеніемъ у себя паровыхъ двигателей во флотѣ, результатъ Балтійской экспедиціи союзниковъ и осады ими Бомарзунда, конечно, былъ бы иной. Тамъ же, гдѣ русскому моряку представлялась малѣйшая возможность дѣйствовать въ 1854—1855 гг., онъ проявилъ свои прекраснѣйшія качества.

Вотъ маленькій, незамѣченный нашими историками, эпизодъ, подтверждающій сказанное. Когда флиг.-адъют. Аркасу надо было изъ Гельсингфорса отправить въ Або отрядъ, состоявшій изъ пяти пароходовъ: „Гр. Вронченко“, „Ястребъ“, „Рюрикъ“, „Адмиралъ“ и „Летучій“, то начальникомъ отряда назначили капитанъ-лейтенанта Владиміра Павловича Романова. Романова спросили, какъ полагаетъ онъ охранить честь русскаго флага, если отрядъ будетъ окруженъ непріятелемъ? Онъ отвѣтилъ: „я уже говорилъ съ командирами и мы дали слово въ такомъ случаѣ сцѣпиться съ непріятелемъ и взорваться на воздухъ“. 17-го іюня снялись съ якоря, построивъ свой разсчетъ на томъ, чтобы, пользуясь темнотой, обмануть непріятеля. Изъ Поркалаудда дано было знать по телеграфу, что тамъ виднѣются четыре непріятельскихъ крейсера. Отрядъ, скрывъ огни и не мѣшая въ печахъ, чтобы уменьшить дымъ, смѣло двинулся впередъ по шхерному лабиринту, лишенному всѣхъ опознавательныхъ знаковъ. Крейсеры непріятеля, увѣренные въ своей силѣ и не подозрѣвая смѣлой дерзости, безпечно лежали въ дрейфѣ и наши пароходы въ близкомъ отъ нихъ разстояніи благополучно миновали ихъ. Передъ Гангеуддомъ также виднѣлись непріятельскіе пароходы и храбрый комендантъ, генералъ Моллеръ, не подозрѣвая, чтобы русскій отрядъ съ такимъ пренебреженіемъ къ непріятельской силѣ могъ отважиться на плаваніе, остановилъ нашъ отрядъ тремя пушечными выстрѣлами. Но скоро дѣло объяснилось къ общей радости. Въ 10 часовъ вечера отрядъ былъ уже въ Або, гдѣ также не хотѣли вѣрить неожиданному появленію русскихъ пароходовъ [43]). Другой примѣръ беззавѣтной преданности своему долгу представилъ экипажъ корабля „Россія“. Но о немъ рѣчь еще впереди.

Начальникомъ англійской эскадры былъ Чарльзъ Непиръ, 63-хъ лѣтъ, полный, небольшого роста, тщательно выбритый, сѣдой старикъ, какъ описалъ его лейтенантъ нашего гвардейскаго

Главный фортъ. Строющійся фортъ.

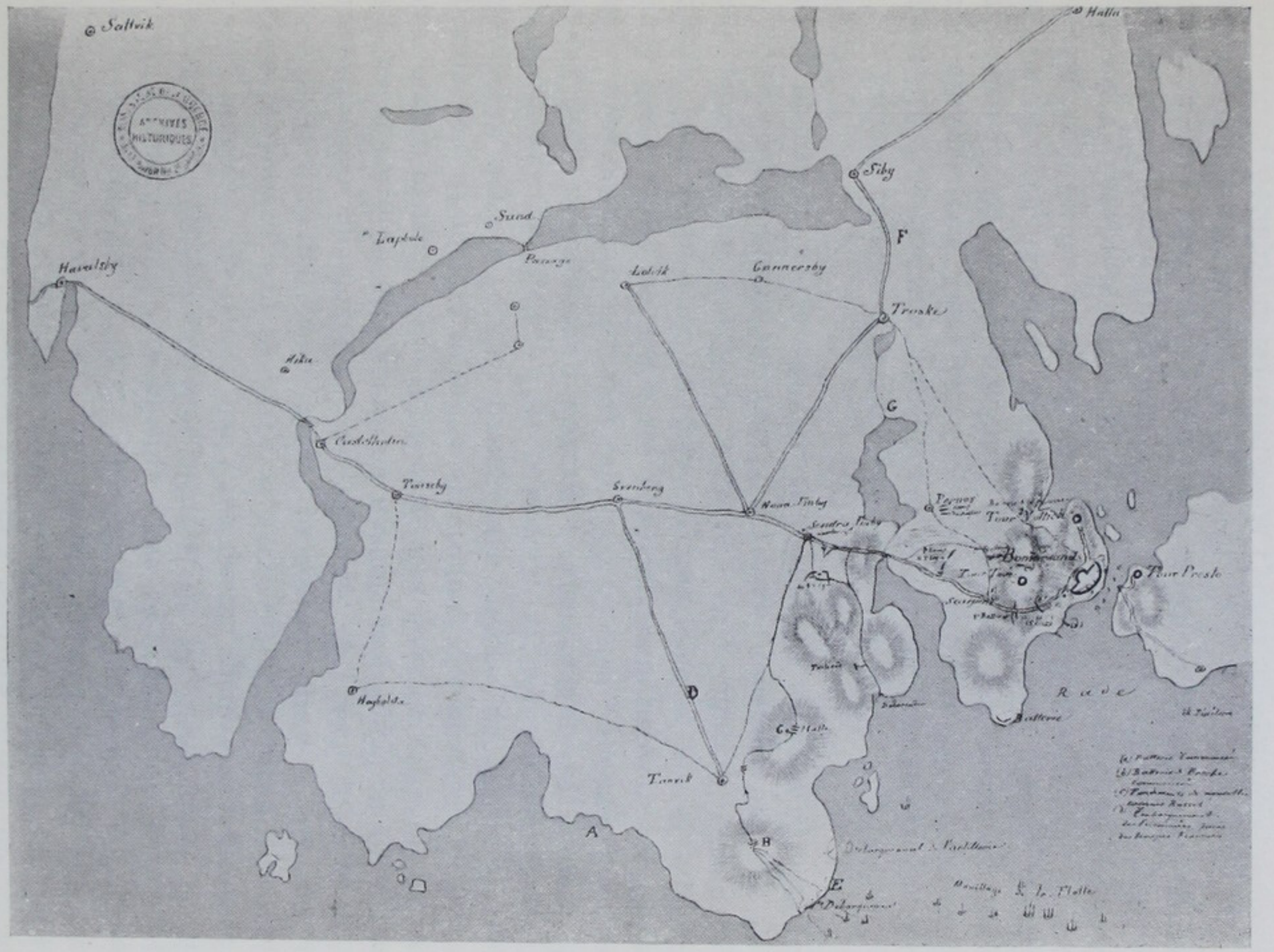
Непріятельская батарея № 4 подъ Бомарзундомъ.

Изъ собр. П. Я. Дашкова.

экипажа К. Костенко [44]). За нѣсколько дней до Бомарзундскаго дѣла, Чарльзъ Непиръ, говоря съ однимъ изъ жителей острова, разспрашивалъ его также о состоянiи духа гарнизона и возможности овладѣть крѣпостью не военною силою, а другими средствами. Отвѣты собесѣдника отняли у него въ этомъ отношенiи всякую надежду. Непиръ остался недоволенъ справкой и произнесъ: „Жаль, потому, что въ такомъ случаѣ нельзя избѣжать кровопролитiя“, но затѣмъ, оправившись, прибавилъ, обращаясь къ лицу своей свиты: „впрочемъ бѣда не велика; это вѣдь дѣло французовъ“. Корреспондентъ „Journal de St.-Pétersbourg“, Е. Кедикъ, сообщая объ этомъ изъ Стокгольма, нашелъ необходимымъ особо оговорить, что ручается за достовѣрность всего разсказаннаго [45]). И дѣйствительно, такой разговоръ былъ у Непира съ таможеннымъ чиновникомъ Калонiусомъ, при чемъ справки наводились о томъ, не пожелаетъ ли полковникъ Фуругельмъ, за значительную сумму, сдать крѣпость или финскiе стрѣлки не выразятъ ли готовности перейти на сторону союзниковъ [46]). Послѣдовавшая затѣмъ осада Бомарзунда также вполнѣ оправдала этотъ разговоръ и еще разъ показала, что Англiи трудно вести войну безъ иностраннаго войска. Согражданамъ же своимъ Непиръ пояснилъ впослѣдствiи (въ 1855 г.), что „французскiй адмиралъ былъ моего мнѣнiя и мы предположили напасть на Бомарзундъ. Для этого мнѣ не было нужно войскъ; но французскiй адмиралъ думалъ, что безъ нихъ онъ не обойдется, и написалъ о томъ своему правительству. Я все-таки полагаю, что они были намъ не нужны и что эти солдаты были бы полезны въ Севастополѣ [47])“.

Войска Барагэ д'Илье (перевезенныя на 4 винтовыхъ корабляхъ, 4 колесныхъ пароходахъ и 8 транспортныхъ) состояли изъ бригады ген. Хюгъ (въ составъ ея входили: 12-й егерскiй баталiонъ— 1.100 ч., 3-й линейный баталiонъ, 2-й линейный полкъ) и бригады ген. Гризи (Гресси) (48-й и 51-й лин. полки, каждый силою въ 2100 чел.); кромѣ того, надо прибавить $1^1/_2$ батареи, одну роту саперныхъ минеровъ, отъ 2 до 3-хъ тыс. морской пѣхоты; всего болѣе 12-ти тыс. чел. и 18 орудiй. Ихъ сопровождала сводная рота инженеровъ подъ командою Гарри Джонса, начальника инженерной школы въ Чаттамѣ [48]).

Подъ Бомарзундомъ союзники сосредоточили отъ 13.000 до 14.000 десантныхъ войскъ, а всего — до 30.000 человѣкъ. Когда союзныя силы оказались въ сборѣ, адмиралъ, генералъ Нiэль



Карта Бомарзунда и его окрестностей.

Находится въ историч. архивѣ Франціи.

Изъ собр. А. М Заіончковскаго.

(инженеръ), полк. Джонсъ и начальникъ штаба генерала Барагэ д'Илье, на мелкосидящемъ пароходѣ „Lightning“, произвели рекогносцировку Бомарзундскихъ укрѣпленій [49]).

Для высадки главныхъ силъ была назначена мѣстность на югѣ, у мыса Транвикъ (I бригада ген. Хюга, подкрѣпленная 48 линейнымъ полкомъ); но чтобы развлечь наши силы, она производилась одновременно еще: сѣвернѣе Бомарзунда, у острова Хультагольменъ (полк. Дженесъ съ 3 тыс. моряковъ, въ числѣ коихъ находилось только 900 англичанъ), и восточнѣе крѣпости, близъ деревни Хогбольта (51-й линейный полкъ изъ бригады Гризи). Затѣмъ всѣ части должны были сходиться въ направленіи къ деревнѣ Финбю, назначенной главной квартирой командующаго войсками. Финбю отстояла отъ крѣпости въ 3-хъ верстахъ. 26-го іюля, съ 3-хъ часовъ утра, началась высадка союзниковъ во всѣхъ трехъ избранныхъ пунктахъ, подъ защитою кораблей „Эдинбурга“ и „Дипере“. Въ теченіе трехъ съ половиною часовъ было высажено 11 тыс. чел. [50]). При этой высадкѣ нитко даже ногъ не промочилъ [51]). При нашихъ ничтожныхъ силахъ, высаживающимся не было оказано никакого противодѣйствія. Убѣдившись, что Транвикъ слишкомъ удаленъ отъ крѣпости, непріятель сталъ выгружать свои припасы, осадные матеріалы и парки у острова Оонъ. При общемъ нападеніи рѣшено было, чтобы французы шли въ центрѣ, англичане составили лѣвое крыло, а флотъ — правое. Кромѣ того, постановлено, чтобы флотъ сдѣлалъ диверсію и тѣмъ облегчилъ производство инженерныхъ работъ по атакѣ [52]). Ознакомившись съ мѣстностью, осаждавшіе рѣшили, что башня С мѣшаетъ ихъ дальнѣйшему наступленію и потому готовились сосредоточить на ней огонь своей артиллеріи. 27-го іюля продолжалась выгрузка осадныхъ матеріаловъ и заготавливались туры и фашины. 28-го іюля десантныя войска особенно приготовлялись къ нападенію на башню С. Перевозка осадныхъ орудій съ кораблей окончилась только 29-го іюля.

Что же было у насъ предпринято для отраженія непріятеля? Комендантъ зналъ, что непріятели ожидаютъ лишь прибытія десанта, чтобы повести правильную осаду Бомарзунда. 7 (19) мая 1854 г. подп. Фуругельмъ сообщилъ полк. Бодиско, что одинъ изъ аландскихъ обывателей (Эриксонъ) въ г. Грисельгамѣ имѣлъ случай говорить съ двумя англійскими офицерами, которые открыто заявили ему, что Аландъ будетъ взятъ, какъ только прибудетъ французскій десантъ, и что это случится или въ концѣ

мая, или въ началѣ іюня". Подобное-же свѣдѣніе сообщилъ коменданту его братъ, состоявшій при русской миссіи въ Стокгольмѣ. Итакъ, что-же было сдѣлано въ Бомарзундѣ для встрѣчи врага?

Послѣ 9-го іюня исправлены были незначительныя поврежденія первой бомбардировки, сняты всѣ буйки, поставленные англичанами, и перекрашены морскіе знаки на скалахъ и отдѣльныхъ камняхъ. Батарея (п) на берегу залива Лумпаренъ возстановлена и вооружена орудіями большого калибра, но на импровизированныхъ лафетахъ, за недостаткомъ настоящихъ. Однако, въ ночь съ 24-го на 25-е іюля люди, по приказанію коменданта, покинули эту батарею (п), взорвавъ два орудія, а три — перетащили на башню с. Насыпь батареи разбросали. При вторичномъ приближеніи непріятеля, мы разрушили всѣ мосты и дороги, ведшія къ прибрежнымъ пунктамъ; устроили нѣсколько рвовъ и засѣкъ; лошадей (24) сдали коронному фохту, для раздачи ихъ жителямъ на прокормленіе, впредь до востребованія; наконецъ, сожгли и разрушили всѣ деревянныя строенія въ деревнѣ Скарпансѣ и Престъ-Э, находившіяся ближе 600 саженъ къ укрѣпленіямъ. Тогда же погибли въ пламени госпитальныя строенія на Престъ-Э, провіантскіе магазины, острогъ и пр.—У заставы къ Финбю и Сибисъ находились батарейки на 2 полевыхъ орудія каждая. Къ этимъ укрѣпленіямъ назначили сначала прикрытія, но вскорѣ, при высадкѣ непріятеля, сняли ихъ. Убраны были также и наблюдательные посты. Кирпичемъ и бревнами въ фортѣ заложили оконныя, дверныя и амбразурныя отверстія. Переставлялись орудія сообразно потребностямъ обороны. Орудія были поставлены (еще въ мартѣ 1854 г.) даже въ церкви, причемъ комендантъ, особымъ предписаніемъ, оберегъ однако алтарь [53]). Послѣ перваго бомбардированія въ крѣпости оставалось по 60 снарядовъ на орудіе, а продовольственныхъ припасовъ хватило бы до декабря 1854 г.

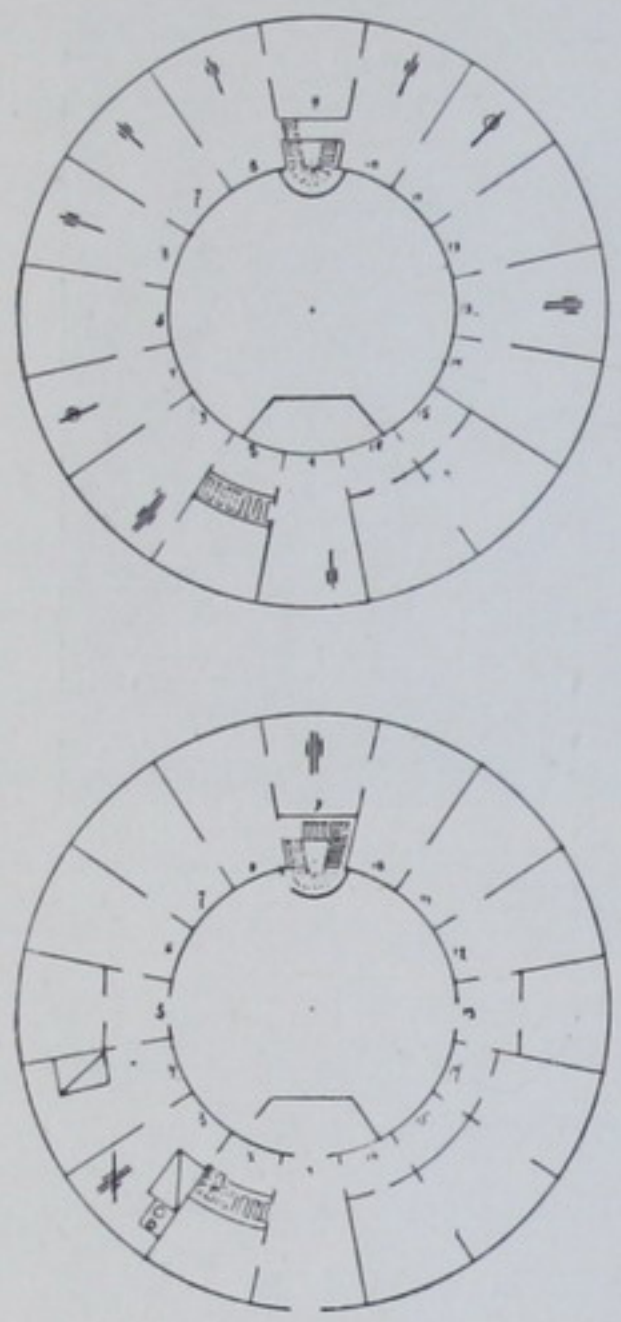
Въ 10 часовъ утра, 28-го іюля, съ адмиральскаго судна Непира „Бульдогъ" была брошена первая бомба и загорѣлся бой. Чтобы дѣйствовать огнемъ по нашимъ укрѣпленіямъ, союзники строили батареи и траншеи; на эту работу требовалось значительное время, такъ какъ землю въ мѣшкахъ приходилось иногда приносить съ довольно далекихъ разстояній. Всѣхъ батарей ими было насыпано пять, на разныхъ разстояніяхъ отъ форта.

Первый натискъ союзниковъ пришлось принять на себя

Пароходъ „Бульдогъ“ у форта Бомарзундъ.

башнѣ С. Эта казематированная двухъ-ярусная круглая башня имѣла въ каждомъ ярусѣ по 16 казематовъ, глубиною въ 3½ сажени. Круглый дворъ ея имѣлъ 10 саженъ въ поперечникѣ. Башня находилась на высотѣ 150 футовъ надъ уровнемъ моря и 135 ф. надъ горизонтомъ форта. Она командовала надъ мѣстностію (исключая Чортовой горы, которая подымалась еще выше). Къ ея подошвѣ, по первоначальному проекту, долженъ былъ подходить третій фронтъ укрѣпленій. Но эти укрѣпленія не были возведены и теперь башня С стояла одиноко, при чемъ мѣстность благопріятствовала подступамъ непріятеля, который съ одной стороны приблизился на 60 саж., а съ другой отстоялъ отъ башни на 150 саж. Чтобы избѣжать внезапнаго овладѣнія башнею, всѣ амбразуры и окна нижняго этажа были заложены кирпичемъ и превращены въ бойницы. За неимѣніемъ подвала, заряды и снаряды были положены въ двухъ казематахъ верхняго этажа. Ко времени аттаки въ башнѣ С находилось 10 орудій, 140 нижнихъ чиновъ и три офицера: кап. Теше, поручики Сальбергъ и Брофельдъ (послѣдній былъ раненъ и замѣненъ поруч. Конради). 27-го іюля, по занятіи дер. Финбю, непріятель выдвинулъ къ башнѣ передовой отрядъ, состоявшій, кажется, изъ двухъ ротъ. Подъ огнемъ изъ

крѣпостныхъ ружей и стрѣлковъ эта колонна разсыпалась по сторонамъ дороги. Пользуясь удобнымъ мѣсторасположеніемъ, непріятель обложилъ башню густою цѣпью стрѣлковъ. Чтобы отражать ихъ, на башнѣ С устроенъ былъ постоянный караулъ и люди, не занятые у орудій, раздѣлены были для этого на три смѣны. Запасъ зарядовъ и патроновъ пополнялся присылками изъ форта, что дѣлалось обыкновенно ночью. На помощь къ 30 стрѣлкамъ башни, прислано было еще 50 чел. Въ теченіе ночи на 31-е іюля изъ башни С поддерживался настильный огонь, чтобы помѣшать французамъ возведенію траншеи. Тѣмъ не менѣе, на разсвѣтѣ 31-го числа такая траншея вырисовывалсь уже изъ-за холма, въ разстояніи 300 саженъ. Къ вечеру наша артиллерія почти уничтожила эполементъ непріятеля. Но въ теченіе слѣдующей ночи непріятель успѣлъ, однако, вооружить свое укрѣпленіе четырьмя пушками и значительнымъ числомъ мортиръ. Завязалась борьба между башней С и этимъ укрѣпленіемъ. Послѣ четырехъ выстрѣловъ казематъ, который по положенію своему не имѣлъ сквозного вѣтра, наполнялся настолько дымомъ, что люди на время должны были выходить изъ него, а орудія наши накаливались столь сильно, что періодически приходилось прекращать изъ нихъ стрѣльбу, покрывать мокрыми рогожами и обливать холодной водой. Стрѣльба наша сперва была все-таки удачна: мерлоны батареи были разрушены, три орудія подбито и непріятелю не разъ приходилось прекращать огонь. Это обстоятельство отмѣчено и въ рапортѣ ген. Барагэ д'Илльe. Наиболѣе вредила башнѣ С навѣсная стрѣльба французовъ. Своды башни во многихъ мѣстахъ сильно потерпѣли и опасность грозила казему, въ которомъ хранился порохъ. Гарнизонъ изнурялся. Одно орудіе въ башнѣ было сбито. Кап. Теше, въ 5 час. 31-го іюля, поднялъ бѣлый флагъ и предложилъ французскому инженерному генералу Ніэлю, лично явившемуся передъ башней, перемиріе на два часа. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, генералъ согласился на часовой перерывъ стрѣльбы. Кап. Теше лично отправился къ коменданту съ докла-



Планъ башни С.

домъ о положеніи дѣла, прося указаній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Ген.-м. Бодиско указалъ, что ему самому не слѣдовало отлучаться изъ башни, а затѣмъ приказалъ держаться до послѣдней возможности, и, наконецъ, заклепать орудія, взорвать башню, и отступить съ людьми къ форту. Въ 6 час. открылась опять перестрѣлка, но не надолго: своды грозили обрушиться; для пороха не оставалось безопаснаго помѣщенія. Кап. Теше, — какъ онъ писалъ въ своемъ объясненіи, — опасаясь взрыва пороха и, въ то же время, видя, что гибель гарнизона пользы для обороны не принесетъ, а причинять вредъ врагу онъ уже не въ состояніи, рѣшился отпустить (въ 9 час. вечера) людей въ фортъ, а самъ, оставшись съ 30-ю нижними чинами, заклепалъ орудія и приготовить башню къ взрыву; но не успѣлъ этого сдѣлать въ теченіе ночи съ уставшими и неопытными нижними чинами. Къ утру около башни С приготовлены были еще двѣ батареи: одна французская, а другая англійская. На разсвѣтѣ непріятель проникъ въ башню, при чемъ въ схваткѣ кап. Теше былъ обезоруженъ и раненъ штыками. Онъ и нижніе чины сдѣлались военно-плѣнными.

Шт.-кап. Теше.
Начальникъ башни С.

Такъ описана исторія дѣла въ рапортѣ кап. Теше, который онъ подалъ генералу Бодиско, послѣ возвращенія изъ плѣна [54]).

Въ фортѣ рѣшили обратить двѣ мортиры противъ башни С и 3-го августа, въ 7 час. веч., удачнымъ выстрѣломъ изъ форта воспламенили порохъ, остававшійся въ башнѣ, и она такимъ образомъ была взорвана нашимъ ядромъ.

Паденіе башни С явилось для союзниковъ большимъ шагомъ впередъ при осадѣ Бомарзундскихъ укрѣпленій.

Покончивъ съ башней С, союзники принялись за Нотвикскую башню U. Здѣсь было 181 нижнихъ чина, 18 орудій при трехъ офицерахъ: поручикѣ Звѣревѣ, шт.-кап. Мелартѣ и подпоручикѣ Блумѣ. Всѣхъ принадлежностей и провіанта было достаточно; но недостатокъ могъ обнаружиться въ водѣ: при разрывѣ

бомбъ на дворѣ башни, деревянные чаны были пробиты осколками. Наиболѣе вооружена была башня со стороны моря и наименѣе къ сторонѣ тѣхъ высотъ, съ которыхъ послѣдовала ея осада. Непріятель громилъ башню U изъ двухъ батарей: одной открытой пушечной и другой маскированной мортирной. Производилась еще стрѣльба съ кораблей, но не мѣтко и не долго. Но тѣмъ ожесточеннѣе была канонада съ батарей, длившаяся, 3-го августа, съ утра до 5 часовъ вечера. Башня мужественно отстрѣливалась. Ей удалось подбить два орудія, неоднократно разрушить амбразуры непріятельской батареи и убить англійскаго артиллерійскаго офицера. Но силы здѣсь истощались. Въ свою очередь три орудія башни были подбиты; одно орудіе, по сдѣланіи бреши въ стѣнѣ, свалилось съ верхняго этажа въ нижній. Послѣ непрерывной 10-ти часовой стрѣльбы, часть стѣны между амбразурами была выбита, а верхній этажъ совершенно разрушенъ. Брешь оказалась такъ велика, что непріятельскіе снаряды совершенно свободно влетали въ нее и достигали до противоположной стѣны [55]). По словамъ англійскаго офицера, осматривавшаго батарею 5-го августа, это была великолѣпная брешь и, продолжайся стрѣльба еще часъ-другой, то ядра пробили бы насквозь башню и просто на двое разсѣкли бы ее [56]). Объ исправленіи поврежденій нельзя было и думать; замѣнить подбитыхъ орудій новыми не было возможности, за отсутствіемъ подъемной машины, а уцѣлѣвшее орудіе, на бѣду, находилось на поврежденной стѣнѣ; помощи ожидать неоткуда было; произвести вылазку со столь незначительнымъ гарнизономъ являлось безполезнымъ; отступать къ форту нельзя было, за прекращеніемъ сообщенія. Гарнизонъ ожидалъ приступа, но непріятель продолжалъ донимать своимъ огнемъ. Сквозь широкую брешь снаряды стали угрожать каземату съ порохомъ. Весь гарнизонъ убѣдился, что держаться долѣе не представлялось возможности. Печальная необходимость побудила поруч. Звѣрева въ 8 час. вечера 3-го августа поднять парламентерскій флагъ, хотя башня потеряла всего 6 чел. убитыми и 14 ранеными. Непиръ выразилъ

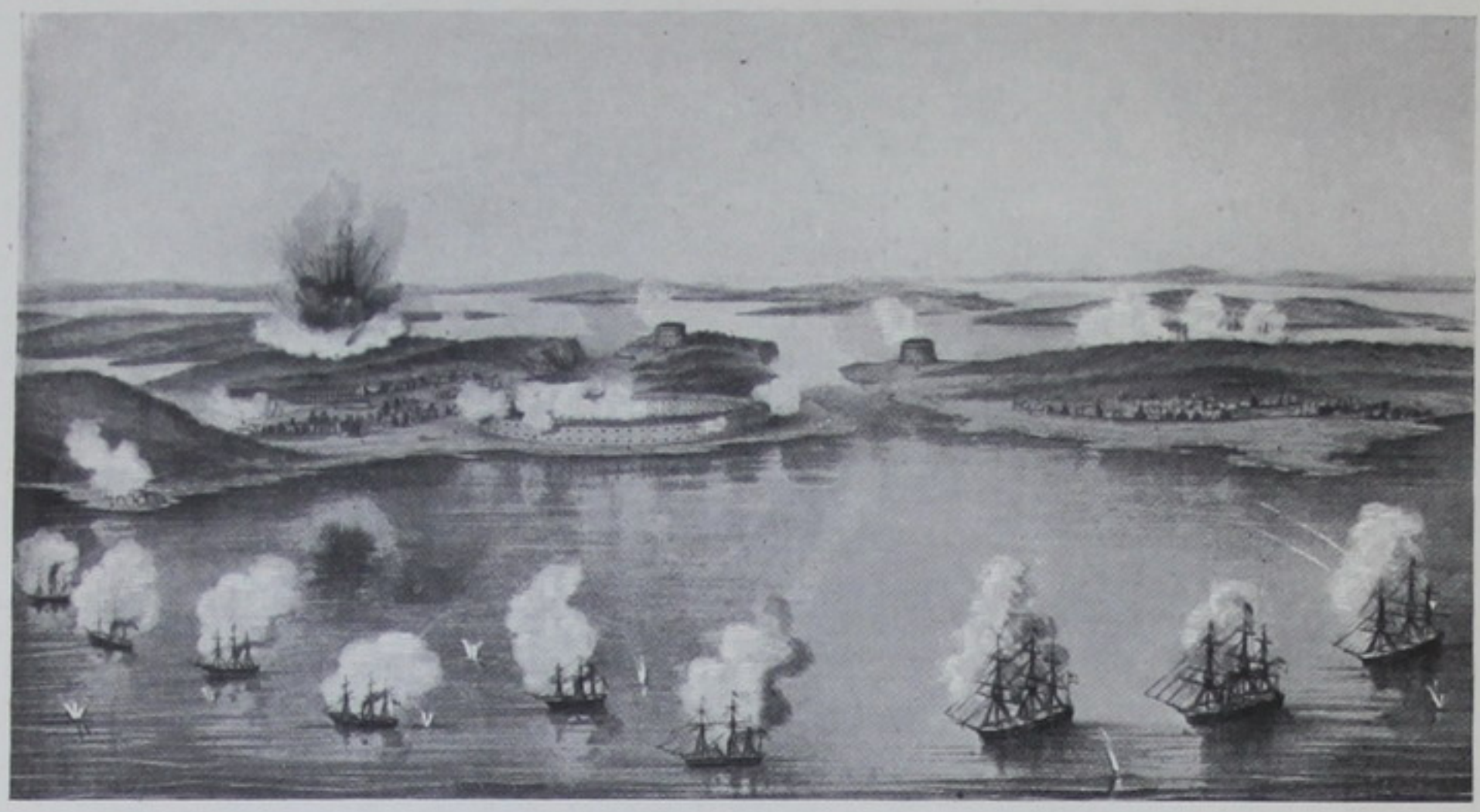
Поручикъ Я. Звѣревъ.
Начальникъ башни U.

свое удивленіе, спросивъ поручика Звѣрева по нѣмецки: „Какъ могли вы такъ долго держаться противъ огня нашей батареи“, и затѣмъ, изъ уваженія къ мужеству поручика, оставилъ ему шпагу. Явился медикъ и подалъ помощь нашимъ раненымъ.

Нотвикская башня U.

Для характеристики боя башни U на Нотвикѣ съ англійской батареей № 2 является интереснымъ „Разсказъ стараго солдата“— очевидца. „Солдатъ этотъ попалъ въ Плимутъ. Однажды въ казарму къ плѣннымъ пришелъ господинъ, у котораго рука была ампутирована. Онъ обратился къ нашимъ по-нѣмецки и спросилъ: говоритъ ли кто-нибудь на этомъ языкѣ. Среди насъ были солдаты изъ Риги и одинъ взялся быть переводчикомъ; тогда этотъ господинъ попросилъ, чтобы собрали всѣхъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ Нотвикской башнѣ и рядовыхъ, дѣйствовавшихъ при двухъ орудіяхъ, которыя обстрѣливали англійскую батарею. Когда мы собрались, онъ обратился къ намъ съ такими словами: „Бомба одного изъ вашихъ орудій такъ удачно разорвалась на нашей батареѣ, что у меня оторвало руку, человѣкъ 12 ранило, а четырехъ убило. Я хотѣлъ вамъ сказать, что я нисколько не сержусь на васъ и не считаю русскихъ солдатъ врагами, а, напротивъ, друзьями. Ваши орудія не давали намъ времени строить батарею, такъ мѣтко вы стрѣляли по ночамъ каленными ядрами, а днемъ холодными“. Послѣ этого онъ простился съ нами и сказалъ, что онъ отставной капитанъ арміи и, уходя, подарилъ каждому унтеръ-офицеру по два шиллинга, а рядовымъ—по одному“ [57]).

Очередь дошла до главнаго форта. Онъ заключалъ въ себѣ 68 орудій, 1.526 нижнихъ чиновъ при 6 штабъ и 27 оберъ-офицерахъ, кромѣ коменданта, плацъ-маіора, плацъ-адъютанта и др. нестроевыхъ. Въ ночь на 28-е іюля къ нему приблизились нѣсколько непріятельскихъ баркасовъ, но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по нимъ, они удалились. Днемъ фортъ стрѣлялъ по пароходамъ, шедшимъ къ заливу Лумпаренъ. Утромъ 29-го числа англійскій фрегатъ „Пенелопа“ наскочилъ на камни у острова Престъ-Э, въ раіонѣ выстрѣловъ форта, и ядра стали пронизывать его корпусъ. Пристрѣляться къ нему было не легко; чтобы достичь его, пришлось увеличить заряды и дать орудіямъ наибольшее



Видъ Бомарзунда и атакующей эскадры.

возвышеніе. Спасаясь отъ гибели, „Пенелопа“ стала выбрасывать свои орудія въ воду. На помощь къ ней пришли два судна, а остальная эскадра, желая отвлечь отъ нея огонь форта, начала бомбардировку. „Пенелопа“ получила девять пробоинъ; ее увели на буксирѣ. Въ продолженіе наступившей ночи, съ форта стрѣляли и картечью, и изъ ружей, чтобы не дать непріятельскимъ стрѣлкамъ приблизиться. То же повторилось и въ ночь съ 30 на 31 іюля. Днемъ было замѣчено, что непріятель вооружаетъ оставленную нами береговую батарею. Но помѣшать ему нашими выстрѣлами нельзя было. 1-го августа французскіе стрѣлки приблизились къ форту, въ которомъ ударили тревогу и усилили огонь съ капонира, чтобы помочь башнѣ C. 3-го августа удалось разрушить башню C, куда непріятель успѣлъ послѣ насъ втащить 50 орудій.

Часъ испытанія для гарнизона форта насталъ послѣ того, какъ 3-го августа, союзникамъ удалось покончить съ башнями C и U. Въ теченіе ночи непріятели устроили мортирную и гаубичную батарею (№ 4) у сѣверной оконечности фундамента недостроеннаго нами госпитальнаго зданія, т. е. въ 930 шагахъ отъ капонира форта. Начиная съ 8 часовъ утра, батарея не умолкала въ продолженіе цѣлаго дня, обстрѣливая своими тяжелыми снарядами горку и входъ въ главный фортъ. Этотъ тыльный огонь оказался, конечно, очень вреднымъ, такъ какъ дѣйствовалъ по слабымъ частямъ нашего укрѣпленія.

3-го августа былъ день тезоименитства Наполеона и союзники желали ознаменовать его паденіемъ Бомарзунда. Суда украсились флагами и въ 12 часовъ французскіе корабли салютовали ядрами. Тринадцать кораблей союзниковъ, на разстояніи 2.600 шаговъ отъ форта, весь день сверкали огнемъ изъ своихъ бортовъ, направляя удары противъ праваго крыла укрѣпленія. Кромѣ того, фрегатъ „Леопардъ“ металъ 100-фунтовыя ядра; два полевыхъ орудія системы Наполеона (12 фунт.) поочередно выѣзжали на позицію, чтобы прославить своего изобрѣтателя, а французскіе егеря мѣтили своими пулями въ крѣпостныя амбразуры. Многострадальный Бомарзундъ почти не причинялъ вреда атакующимъ, такъ какъ орудія его были слабы; а къ вечеру онъ замѣтно сталъ смолкать, хотя временами и грохоталъ жерлами своихъ пушекъ. Тяжелыя ядра „Леопарда“ и снаряды 10-ти дюймовой пушки дробили нѣсколько и отколупливали гранитную облицовку форта, которая, кстати сказать, ничѣмъ не была связана съ кирпичной кладкой; амбразуры были здѣсь и тамъ повреждены, кирпичи мѣстами крошились. Но, во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе, что около 800 орудій въ теченіе 8 часовъ не прерывали бомбардировки, то приходится признать, что успѣхи союзниковъ были незначительны, такъ какъ никакого существеннаго поврежденія форту они не причинили [58]). Въ теченіе одной ночи на 4-е августа французы возвели въ 500 шагахъ отъ капонира форта новую батарею № 5 на шесть орудій, со спеціальною цѣлью пробить брешь. Фортъ гранатами и картечью желалъ отдѣлаться отъ непріятнаго сосѣда, выведя изъ строя на новой батареѣ 14 человѣкъ. Но то были уже послѣднія судороги. Ядра береговой батареи сильно стали потрясать наружную стѣну. Но наибольшій вредъ все-таки причиняла мортирная батарея. Она безъ промаху била въ своды казематовъ, зажигала часто крышу, тогда какъ снаряды гаубичной и полевой артиллеріи залетали съ тыла, въ окна казематовъ. Наши стрѣлки усердно работали, но средства ихъ были ничтожны. Стрѣльба осадной батареи и стрѣлковый огонь непріятеля продолжались всю ночь. Сосредоточенный огонь съ моря и съ суши дѣлался, конечно, все ощутительнѣе и ощутительнѣе; желѣзная крыша оказалась во многихъ мѣстахъ разрушенной, земляная насыпь на сводахъ изрыта бомбами; люди едва успѣвали тушить начинавшіеся пожары; недавняя кирпичная кладка въ окнахъ, амбразурахъ и дверяхъ стала разрушаться; усиленные наши заряды вліяли на амбразуры и лафеты. Многіе

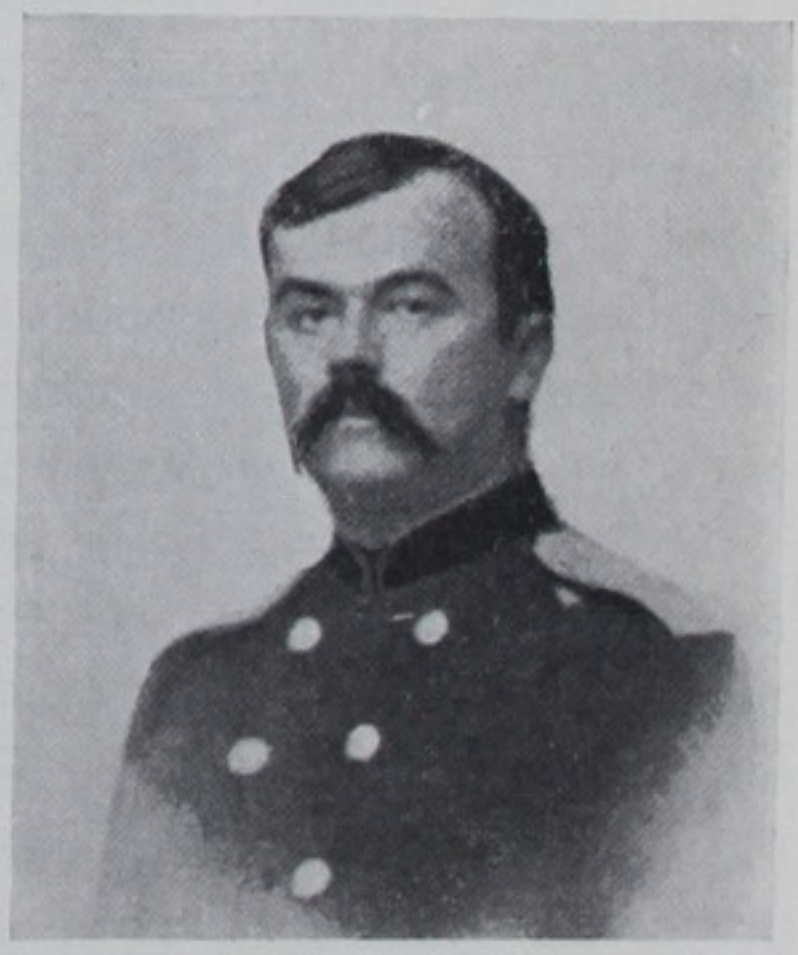
орудія и лафеты были, кромѣ того, подбиты. Гарнизонъ былъ малочисленъ; десантъ превосходилъ его слишкомъ въ 10 разъ. Средства обороны были ограничены, въ сравненіи со средствами атакующихъ. Всю ночь на 4-е августа огонь не смолкалъ. Теперь противъ маленькаго форта дружно и упорно работали: мортирная батарея, стрѣлки, тѣсно обложившіе укрѣпленіе и мѣтившіе въ амбразуры, двѣ батареи, которыя передъ тѣмъ заняты были башней U, полевыя орудія, береговая батарея и 10 судовъ. Ко всему этому вѣтеръ дулъ въ амбразуры, наполняя казематы дымомъ. Главная сила обрушилась на горку, которая менѣе всего была подготовлена для обороны. Стѣны лѣвой половины казармы и правой половины капонира были сильно повреждены. Стѣны офицерскаго флигеля мѣстами пробиты насквозь. Духъ гарнизона былъ хорошъ; но на приступъ союзники не собирались идти.

Сопротивленіе было доведено до предѣловъ, за которыми начинается безполезная трата людей. Пятидневное почти безпрерывное бодрствованіе сказалось, конечно, физическимъ утомленіемъ. Вредить врагу гарнизонъ не могъ ни ядромъ, ни штыкомъ: онъ былъ въ сущности обезороженъ. Въ первомъ часу дня (4-го августа) комендантъ созвалъ начальниковъ частей на совѣщаніе. Рѣшили послать парламентера къ главнокомандующему, чтобы выиграть два часа перемирія. О результатѣ совѣщанія начальники сообщили своимъ частямъ. Тѣ приняли извѣстіе, по показаніямъ однихъ, „съ ропотомъ на свою участь“, но безпрекословно повиновались распоряженію; другіе говорятъ, что нижніе чины хотя и обнаружили горесть и досаду, но покорились неизбѣжной судьбѣ. Кап. Краузольдъ распорядился поднятіемъ бѣлаго флага и прекращеніемъ стрѣльбы съ капонира. Молодой офицеръ Аквиландеръ долженъ былъ исполнить приказаніе о флагѣ. Флагъ выставили. Стрѣльба прекратилась. Прошло нѣкоторое время, и огонь непріятеля былъ возобновленъ. Всѣ недоумѣвали. Оказалось, что флагъ принятъ былъ обратно въ амбразуру, по недоразумѣнію, солдатомъ, придерживавшимъ его рукою. Прежде чѣмъ нашъ парламентеръ успѣлъ выйти изъ форта, въ фортъ явился парламентеръ непріятеля (въ сопровожденіи англійскаго и французскаго офицера), заявившій, что главнокомандующій требуетъ безусловной сдачи.

Переговоры велъ ген. Бодиско въ присутствіи штабъ-офицеровъ.

Бомарзундъ сдался. Въ фортъ пріѣхалъ Барагэ д'Илье и сказалъ коменданту: „Генералъ, вы вели себя, какъ храбрый воинъ; при васъ, гг. офицеры, останутся ваши шпаги". Ген. Бодиско отвѣтилъ: „я вынужденъ былъ рѣшиться на сдачу, ибо оружія наши были не равны, и я все ожидалъ случая помѣряться на штыкахъ". „Напрасно вы этого ожидали; если бы вы не положили оружія, то къ утру была бы готова еще новая батарея и я не оставилъ бы камня на камнѣ". Объѣхавъ фортъ, онъ приблизился къ коменданту и сказалъ: „Генералъ, а та башня, что за водою..." Я. А. Бодиско отвѣтилъ: „Генералъ, у меня такіе офицеры, которые, видя меня въ плѣну, не примутъ моихъ приказаній". „Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ офицера". Ген. Бодиско остановилъ проходившаго въ то время подпоруч. Пищулина. Главнокомандующій назначилъ еще нашего священника Прокофьева и подозвалъ одного изъ своихъ офицеровъ и всѣмъ троимъ приказалъ отправиться къ башнѣ Z на Престъ-Э и предложить ей сдаться, въ противномъ случаѣ никто не будетъ выпущенъ изъ нея живымъ [59]).

На островѣ Престъ-Э оставалась еще башня Z, которой командовалъ поручикъ Шателенъ. Въ его распоряженіи находилось 20 орудій и 141 нижнихъ чиновъ, при двухъ офицерахъ. Видя своего товарища на Нотвикѣ (башню U) въ опасности, онъ не разъ стрѣлялъ, желая отвлечь вниманіе непріятеля. Но скоро вокругъ него самого задвигались корабли союзниковъ и потребовалось удвоить вниманіе, чтобы разить суда и не допустить десанта на берегъ. Уже съ 26-го іюля, чтобы обезпечить башню отъ внезапныхъ нападеній, поручикъ Шателенъ сталъ высылать въ секретъ стрѣлковъ Финляндскаго гренадерскаго баталіона. Предосторожность эта оказалась не лишней. Непріятельскіе баркасы, предполагавшіе занять Престъ-Э, въ виду его обособленнаго положенія, наткнулись на секреты и, подъ дружнымъ и сосредоточеннымъ его огнемъ, вынуждены были отойти назадъ.



Поручикъ Шателенъ.
Начальникъ башни Z на Престъ-Э.

Въ 9 часовъ утра 4-го августа непріятельскія суда („Леопардъ", „Гек-

ла“ и „Коситъ“) принялись спеціально за разрушеніе башни Z. Мѣстность имъ благопріятствовала: корпуса судовъ оказались прикрытыми лѣсомъ. Перестрѣлка башни съ судами продолжалась два часа; непріятель отступилъ. На башнѣ былъ подбитъ единорогъ, а прислуга его частью убита, частью переранена. „Леопардъ“ потерялъ гротъ-мачту и получилъ 11 подводныхъ пробоинъ.

Башня Z на Престъ-Э.

Бѣлый флагъ на главномъ фортѣ не смутилъ защитниковъ башни: они единодушно приняли рѣшеніе „не сдаваться“. Однако, послѣ 4-хъ часовъ къ нимъ прибыла лодка, въ которой находились: священникъ Прокофьевъ, подпоручикъ артилеріи Пищулинъ и два офицера, англичанинъ и французъ. Всѣ они явились съ предложеніемъ сдаться. Иностранные представители грозили въ противномъ случаѣ разрушить башню и не уважить впослѣдствіи ея бѣлаго флага. Священникъ и Пищулинъ передали приказаніе коменданта положить оружіе. Въ это время, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ къ башнѣ стали приближаться въ значительномъ числѣ непріятельскія суда, а на Престъ-Э утромъ высадилось до 3 тыс. десанта. Поручикъ Шателенъ, поставивъ людей къ орудіямъ и сдавъ начальствованіе старшему по себѣ офицеру, отправился къ генералу Барагэ д'Илье и установилъ съ нимъ слѣдующія условія сдачи башни: 1) чтобы офицерамъ было сохранено оружіе и 2) что гарнизонъ сдается французскимъ войскамъ, а въ плѣну онъ не долженъ быть разлучаемъ. Генералъ на это согласился.—Прекрасными сподвижниками достойнаго Шателена были: поручикъ Волковъ, прапорщикъ Пермяловскій и отставной ординаторъ Надежинъ. Они сдались послѣдними; сдались французскому инженерному офицеру, потерявъ въ башнѣ двоихъ убитыми и 11 ранеными.

Бомарзундъ былъ взятъ не флотомъ союзниковъ, а десантомъ ихъ сухопутныхъ войскъ, т. е. преимущественно французами и искуствомъ генераловъ Барагэ д'Илье, Ніэля и Джонса. Наиболѣе разрушительно на стѣны форта дѣйствовали, конечно, орудія большаго калибра, свезенныя съ кораблей и направившія свой огонь на капониръ, т. е. на задній фасъ крѣпости. Кромѣ того, давно уже извѣстно, что „правительство торгашей“,—какъ выражался Journal de Frankfourt,—никогда „не любило слишкомъ под-

вергать себя опасности при удовлетвореніи своему любостяжанію". Англійскіе корабли только тогда вступаютъ въ бой, когда не подвергаются слишкомъ большому риску [60]). Такъ поступили они и при Бомарзундѣ, предпочитая находиться внѣ сферы дѣйствія нашего огня.

Жители Аланда утверждали, что всего непріятель сдѣлалъ до 120,000 выстрѣловъ по нашимъ укрѣпленіямъ [61]).

„Услыхавъ о сдачѣ, финскіе стрѣлки ломали ружья" [62]), и нѣкоторые изъ нихъ, съ помощью аландскихъ жителей, спаслись бѣгствомъ отъ плѣна. Ходили затѣмъ разные разсказы о томъ, что нѣсколько артиллеристовъ пробовали зажечь пороховые склады; что часть пѣхоты отказывалась положить оружіе; остальная часть изнуреннаго гарнизона находилась въ совершенномъ изнеможеніи; говорили, что среди нижнихъ чиновъ 10 линейнаго баталіона находились такіе, которые желали взорваться; что между охотниками, пытавшимися поджечь пороховые ящики, были даже евреи.

Свѣдѣнія объ этомъ довольно многочисленны и упорны. Прежде всего о намѣреніи взорваться писалъ военный инженеръ Шателенъ, т. е. одинъ изъ участниковъ обороны Аланда [63]). Затѣмъ, многіе, находившіеся во время осады Аландскихъ острововъ въ самомъ фортѣ, также указываютъ на желаніе нѣкоторыхъ проникнуть къ пороху, чтобы только не сдаться непріятелю. Очень опредѣленно по этому поводу говоритъ рядовой І. Загородни-

Англичане и французы совокупными силами берутъ „очагъ Бомарзундъ".
Каррикатура В. Невскаго.

ковъ въ своемъ дневникѣ: „Въ минуту грознаго покушенія непріятеля, въ оборонительной казармѣ произошло сильное смятеніе, по случаю объявленія кѣмъ-то намѣренія поджечь пороховые ящики, дабы фортъ взорвать на воздухъ... Но вдругъ раздалось приказаніе г. полковника Гранкина и затѣмъ коменданта о тщательномъ надзорѣ за означенными ящиками, по этому фельдфебель Яковъ Парфеновъ, рядовой Казиміръ Шумлинскій и я были поставлены для предохраненія ящиковъ отъ злонамѣреннаго дѣйствія“ [64])... По словамъ стрѣлка Гренадерскаго баталіона Лаппъ (или Слагъ), нижніе чины изъ евреевъ хотѣли поджечь пороховые ящики, но поручикъ Гекъ остановилъ ихъ [65]). Въ томъ же смыслѣ показалъ свидѣтель Лембергъ, допрошенный флигель-адъютантомъ полк. Герштенцвейгомъ, въ присутствіи ген.-л. Рамзая. По разсказу Лемберга, въ ночь, когда стрѣлки перешли изъ башни (C) въ фортъ, нижніе чины изъ евреевъ хотѣли взорвать крѣпость, но были остановлены финскими стрѣлками, послѣ чего къ каждому ящику поставили по 5—6 человѣкъ охраны. Въ рапортѣ, подписанномъ тремя аландскими врачами, также видѣнъ намекъ на попытку взорваться и указаніе на безполезность жертвы. Наконецъ, въ дознаніи подпоручика Гаделли подтверждается намѣреніе нижнихъ чиновъ 10 линейнаго баталіона взорвать фортъ [66]).

Естественно, что въ виду такой распространенности разсказа, на него было обращено особое вниманіе слѣдственной коммисіи. Комендантъ Бодиско при допросѣ отозвался, что въ ночь съ 1 на 2 августа подобный слухъ дошелъ до него и такъ какъ въ гарнизонѣ находилось много поляковъ и евреевъ, то онъ, догадываясь, что кто-то хотѣлъ взволновать людей, приказалъ поставить къ пороховымъ ящикамъ по другому часовому, а къ каземату, гдѣ помѣщался маркитантъ и продавалась водка, — 20 человѣкъ финскихъ стрѣлковъ. Полковникъ Фуругельмъ также помнилъ, что до него доходили слухи о желаніи воспламенить пороховые ящики, и хотя слухи эти явно не имѣли никакого основанія, однако, комендантъ, для успокоенія гарнизона, поставилъ къ ящикамъ вмѣсто одного по два часовыхъ. Одинъ изъ трехъ врачей, подписавшихъ общій рапортъ, на слѣдствіи заявилъ, что многое въ ихъ описаніи осады Аланда основано было на слухахъ и разсказахъ разныхъ лицъ.—Впослѣдствіи оказалось, что слухи о поджогѣ пороха вышли отъ какого-то пьянаго солдата, который, не попавъ къ маркитанту, пустилъ этотъ слухъ, въ разсчетѣ воспользоваться имъ при суматохѣ для добычи себѣ водки [67]).

Итакъ, при провѣркѣ слуховъ слѣдственной коммисіей они не подтвердились. Вѣрнымъ оказалось то, что передъ выходомъ военно плѣнныхъ со двора оборонительной казармы, оружіе бросалось въ кучу; приэтомъ нѣкоторые бросали съ такимъ негодованіемъ, что оно ломалось; это одинаково продѣлывали, какъ финны, такъ и русскіе [68]). Были и такіе стрѣлки среди финновъ, которые, не желая, чтобы ихъ хорошее оружіе досталось врагу, бросали его въ колодцы, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ F (uruhjelm) [69]).

Въ первое время по взятіи крѣпосцы союзники принялись грабить; но скоро удержаны были своимъ начальствомъ. Въ запискахъ англійскаго офицера отъ 13 августа отмѣчено, что французы занимаются одною только укладкою награбленнаго добра [70])... „Непріятель, собравъ въ фортѣ дрова, разложилъ огонь въ комнатахъ офицерскаго флигеля [71])“. Церковь взорвали, а церковное имущество союзники подѣлили между собой. Въ лондонскомъ Тоуэрѣ сохраняются ружья и колокола, вывезенные изъ Бомарзунда, въ качествѣ русскихъ трофей. „Да это не русскіе колокола“, сказалъ находчивый Герценъ, осматривая ихъ въ 1857 г., вмѣстѣ съ извѣстнымъ писателемъ А. Милюковымъ: „на нихъ шведская надпись [72])“. Непріятель увезъ еще наши мѣдныя пушки и ядра, зарытыя въ землю въ окрестностяхъ оборонительной казармы, а также ружья, которыми завалены были крѣпостные колодцы. Знамя финляндскаго линейнаго № 10 баталіона успѣлъ сжечь подп. Клингстедтъ въ то время, когда непріятели были въ въ фортѣ и искали это знамя [73]).

Вся наша потеря людьми за время второй осады ограничилась 53 убитыми и 36 большею частью тяжело ранеными. По взятіи Бомарзунда, 10 раненыхъ русскихъ офицеровъ перевезено было на госпитальный корабль „Бель-Иль“ [74]). Комендантомъ крѣпости назначили полковника Моншель. Войска союзниковъ были разставлены шпалерами отъ форта къ пристани. Весь гарнизонъ посадили на баркасы и перевезли на корабли, на которыхъ потомъ плѣнныхъ доставили однихъ во Францію, другихъ въ Англію.

Судя по рапорту Непира, убыль у союзниковъ не превысила 120 человѣкъ убитыми и ранеными. Генералъ Барагэ д’Илье офиціально доносилъ, что французы лишились только 21 челов., почему соотечественники дали ему прозваніе „Général vingt-et-un [75])“. Если вѣрить дневнику англійскаго офицера, то холера похищала у французовъ по 50 человѣкъ въ сутки (въ августѣ 1854 года[76])“).

Жители Аланда указывали Костенкову, что на островѣ было разбросано множество непріятельскихъ могилъ. На кладбищѣ въ Престъ-Э ихъ находилось до 150; говорили, что въ одну могилу зарывали по нѣскольку тѣлъ. Надъ могилами встрѣчалась надпись: „Victimes du fláeu“.

Едва вѣсть о паденіи Бомарзунда дошла до Стокгольма, какъ любопытные въ большомъ числѣ на пароходѣ (Motala) поспѣшили къ форту. При видѣ развалинъ, они ликовали и оглашали воздухъ криками своего восторга [77]). Когда Непиръ поинтересовался узнать, какое впечатлѣніе произвело среди шведовъ паденіе Бомарзунда, то ему отвѣтили указаніемъ на легкость и скорость, съ которыми были организованы поѣздки изъ Стокгольма на Аландъ [78]).

„Тотчасъ послѣ капитуляціи Бомарзунда отправленъ былъ адмираломъ Непиромъ пароходъ въ Стокгольмъ, съ предложеніемъ шведскому правительству принять Аландъ и крѣпость въ свое владѣніе. По истеченіи пяти дней пароходъ возвратился съ отказомъ Швеціи“. Такъ значится въ разслѣдованіи подпоручика Гаделли, посланнаго на Аландъ нашимъ начальствомъ [79]). Къ этому слухи прибавляли, что если шведское правительство возметъ Аландъ, то оно вышлетъ туда 15 тыс. своего войска [80]). Союзники желали, чтобы король Оскаръ занялъ острова немедленно до заключенія мира. Король отказался и это объясняли его осторожностію [81]). Непиръ писалъ въ Стокгольмъ къ англійскому представителю (Маджениcу), желая, чтобы онъ узналъ о намѣреніи короля по отношенію къ Аланду (G, B. Earp: „The history of the Baltie campaign of 1854“; стр. 392); а Барагэ д'Илльe послалъ своего адъютанта непосредственно къ Оскару (G. Bapst: „Le maréchal Canrobert“; Paris 1904; tome troisième). Но такъ какъ союзники не гарантировали Швеціи возможности сохранить за собой такого подарка, то королю оставалось только отказаться отъ него. Что было дѣлать союзникамъ съ укрѣпленіями? Оставить въ нихъ гарнизонъ было рискованно, такъ какъ въ теченіе зимы русскіе имѣли возможность по замерзающему проливу привести свои войска. Кромѣ того, представлялось довольно затруднительнымъ продовольствовать здѣсь части иностранныхъ армій. Но мысль оставить часть судовъ въ Балтійскомъ морѣ, видимо, серьезно занимала Непира, такъ какъ говорили, что онъ осматривалъ съ этою цѣлью островъ Форезундъ. — Планъ зимовки судовъ былъ послѣ того оставленъ союзниками [82]). „Русскаго мало убить, надо еще пова-

Осада форта Бомарзунда со стороны Нотвикской башни U.

L'Affaire d'Orient, 1854.

лить“. Видимо, что подобныя соображенія побудили французовъ и англичанъ срыть до основанія наши верки. Лордъ адмиралтейства, сэръ Д. Грегэмъ, узнавъ о взятіи форта, писалъ Непиру: „Я чрезвычайно доволенъ благоразумною осторожностію, которую вы обнаружили, и надѣюсь, что вы примете мѣры, чтобы Бомарзундъ былъ разрушенъ до основанія, такъ чтобы въ немъ не осталось камня на камнѣ [83]). Первою была разрушена 18-го (30-го) августа башня на Престъ-Э, которая досталась имъ послѣднею. Двумя взрывами она была почти сравнена съ землей. За нею послѣдовала башня на Нотвикѣ. Надъ разрушеніемъ же главнаго форта непріятелю пришлось поработать три дня и заложить 20 минныхъ горновъ. Надъ дугообразной частью оборонительной казармы онъ производилъ вмѣстѣ съ тѣмъ опыты пробиванія бреши. Для совершеннаго разрушенія Бомарзунда непріятель накаливалъ фундаментъ, а затѣмъ обливалъ его холодной водой [84]). Имѣется своеобразное сообщеніе барона Унгернъ-Штернберга изъ Копенгагена (отъ 15-го августа 1854 г.). Онъ увѣдомлялъ, что французскій фрегатъ „Королева Гортензія“ прошелъ Данію, направляясь во Францію. Фрегатъ шелъ изъ Бомарзунда и былъ нагруженъ разными вещами, добытыми при взятіи этой крѣпосцы. Везъ онъ также и обломки гранитнаго укрѣпленія. Начальникъ французскаго войска посылалъ эти образцы своему правительству, какъ доказательство того, что гранитъ не можетъ сопротивляться дѣйствію артиллеріи, какъ думали тогда военные авторитеты [85]).

Первое свѣдѣніе о паденіи Аланда было получено слѣдующимъ образомъ. Контръ-адмиралъ фонъ-Шанцъ отправился 4-го (16-го) августа на пароходѣ „Суоми“ въ Абоскія шхеры для того, чтобы узнать о положеніи Бомарзунда. По пути къ острову Кумлинге онъ получилъ отъ аландскаго пастора Сулина извѣщеніе, что фортъ взятъ 4-го августа. 5-го числа адмиралъ Шанцъ донесъ ген.-л. Рокасовскому, а 6-го (18-го) августа онъ отправилъ объ этомъ рапортъ военному министру [86]).

Непиръ, по взятіи крѣпости, выразилъ готовность переправить въ Финляндію женъ и дѣтей защитниковъ Аланда. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался генералъ-губернаторъ, чтобы получить достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Бомарзундѣ. За оставленными семьями Аландскаго гарнизона немедленно былъ отправленъ особый пароходъ „Летучій“ подъ парламентерскимъ флагомъ. Командиръ этого парохода, лейтенантъ Костенковъ, удачно выполнилъ свою задачу. Въ провѣркѣ же свѣдѣній имѣ-

лась настоятельная необходимость, такъ какъ въ обществѣ ходили самые разнообразные и нелѣпые слухи о Бомарзундѣ.

Удивляться этому не приходится: Аландъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальной Россіи и даже нашему правительству въ первое время приходилось руководствоваться свѣдѣніями, получаемыми изъ враждебнаго намъ западно-европейскаго лагеря. Государь очень интересовался ходомъ дѣлъ на Аландѣ и дѣлился своими мыслями о немъ съ княземъ Меншиковымъ, графомъ Паскевичемъ и др. Изъ Высочайшихъ рескриптовъ къ этимъ сановникамъ, а также изъ писемъ военнаго министра, видно, что Бомарзундъ волею судьбы обреченъ былъ на жертву непріятелей и оставалось только дѣлать предположенія о томъ, сколько времени онъ въ состояніи продержаться. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ожиданія и разсчеты, быть можетъ, не оправдались, но они основаны были не на положительныхъ данныхъ, а исключительно на гаданіяхъ и надеждахъ. „ . . . . . Союзники уже приступили къ Аланду; гарнизонъ форта, думаю Я, удержаться можетъ дней 10, стало, примѣрно, до 1/13 августа“, писалъ Государь князю Горчакову 19-го (31) іюля 1854 г.—3-го (15) августа тоже повторено было гр. Паскевичу: „Долѣе 10 дней настоящей атаки не думаю, чтобы фортъ могъ выдержать. Вѣроятно, придется зимой намъ брать обратно“... „Гарнизонъ въ добромъ духѣ“, писалъ Государь нѣсколько ранѣе (20 іюля) кн. Меншикову [87]).

Когда началась атака форта, то, какъ свидѣтельствуютъ тѣже собственноручныя письма Государя, Его Величество особаго безпокойства не высказывалъ, очевидно, въ виду ничтожности всего предпріятія союзниковъ. „Аландъ палъ съ честью, читаемъ въ письмѣ Государя отъ 16—28 августа къ кн. Меншикову; говорятъ, что одна башня взорвана; никакихъ официальныхъ извѣстій не имѣемъ“. 19-го (31) августа Государь писалъ кн. Горчакову: „Аландъ палъ, какъ кажется, послѣ упорной обороны; подробности доходятъ къ Намъ только отъ непріятелей и сколько изъ описанія ихъ заключать должно, то долгъ исполненъ по возможности“.

Совершенно также отражались аландскія событія въ письмахъ военнаго министра кн. В. Долгорукова. „Моя мысль,—писалъ онъ 20-го іюля 1854 г. кн. Меншикову,—защита Аланда не можетъ продлиться долго, такъ какъ крѣпость недостаточно прочна, гарнизонъ малочисленъ, а непріятель очень силенъ. Мы не можемъ разсчитывать на тотъ успѣхъ, который желали имѣть. Взятіе Аланда, мнѣ кажется, составитъ цѣль кампаніи этого года; только

бы онъ не ускользнулъ навсегда, вотъ, между нами, чего я сильно побаиваюсь“ [88]).

Тѣ, которые знали истинное положеніе дѣла, не могли смотрѣть иначе на участь Бомарзундскаго гарнизона. Н. В. Шеншинъ былъ на Аландѣ за мѣсяцъ до вторичной осады форта и въ письмѣ къ графу Н. А. Орлову писалъ (8 авг. 54 г.): „ . . . Бѣдный гарнизонъ Аланда выдерживаетъ можетъ быть послѣдній натискъ; погибнетъ онъ съ честью, ... то, что для него были батареи, то ему суждено было быть для Россіи, сначала полезная хотя и временная защита, потомъ неизбѣжная жертва. При всей

Внутренній видъ форта Бомарзундъ.

слабости недоконченныхъ Аландскихъ укрѣпленій, коихъ внутреннія кирпичныя стѣны совершенно подвержены выстрѣламъ съ моря, что доказало бомбардированіе 9-го іюня, а это извѣстно непріятелю, не смотря на это, Аландъ, въ продолженіи мѣсяца, сосредоточилъ на себѣ вниманіе двухъ соединенныхъ флотовъ и тѣмъ, можетъ быть, принесъ относительную пользу“ [89]).

Возвращаясь къ вопросу о Бомарзундѣ, кн. Долгоруковъ сообщалъ (16 авг. 1854 г.) кн. А. С. Меншикову: „Потеря Аланда причинила мнѣ жестокую горечь. Конечно, нельзя было разсчитывать на его сохраненіе, разъ только онъ былъ атакованъ большими силами; но событіе тѣмъ не менѣе грустное и оно вызоветъ

много отголосковъ". Въ слѣдующемъ письмѣ (25 авг. 1854 г.) военнаго министра къ тому же главнокомандующему Крымскою арміею мы находимъ уже его спокойное и правильное заключеніе по дѣлу. „Въ Балтикѣ нѣтъ ничего новаго со времени Аланда, который, какъ мнѣ кажется, могъ бы продержаться дольше и причинить болѣе вреда непріятелю. Съ другой стороны, физическое изнуреніе такъ часто беретъ верхъ надъ самыми лучшими нравственными расположеніями, что нельзя никого осуждать въ черезчуръ скорой сдачѣ Бомарзунда" [90]). Но съ чувствами, возбужденными паденіемъ форта, совладали, конечно, не сразу. „Донесеніе Вашего Превосходительства", писалъ военный министръ генералу П. Н. Рокасовскому, „о взятіи непріятелемъ Бомарзунда, было крайне прискорбно Государю Императору и тѣмъ болѣе поразило Его Величество, что по предшествовавшимъ свѣдѣніямъ, отъ Васъ полученнымъ, можно было надѣяться, что Аландскія укрѣпленія удержатся еще довольно долго [91]).

Таковы были свѣдѣнія о положеніи Бомарзундскаго гарнизона въ высшихъ сферахъ въ періодъ блокады Аланда и непосредственно послѣ паденія форта. Общество же пребывало почти въ полномъ невѣдѣніи того, что дѣлалось на островѣ. Каковы были тѣ свѣдѣнія, которыя проникали въ Петербургъ, можно судить по частной перепискѣ того времени. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой сообщалъ (22 іюля 54 г.) своему пріятелю изъ Петергофа: „Послѣднія извѣстія объ англичанахъ съ острововъ Аланда, гдѣ они соединили свои силы и думаютъ прозимовать"... 5 авг. онъ писалъ: „Вчера пришло извѣстіе, что 3000 французовъ сдѣлали десантъ на Аландѣ, но ихъ отбили" [92]). 5-го августа Петербургъ узналъ, слѣдовательно, только о первомъ нападеніи (9-го іюля) французскихъ войскъ на форты Аландскихъ острововъ. „Вотъ гдѣ — на Аландскихъ островахъ", пишетъ Ѳ. И. Тютчевъ, „довелось возобновиться, послѣ 40-лѣтняго промежутка, борьбѣ Франціи съ Россіей, прерванной въ Парижѣ". 18-го августа онъ писалъ: „на дняхъ изъ иностранныхъ, т. е. враждебныхъ журналовъ, узнали новость объ окончательномъ занятіи Аландскихъ острововъ, послѣ сдачи крѣпости". Обращаетъ на себя вниманіе, что въ записной книжкѣ гр. П. Х. Граббе также подъ 18 августа записано: „Аландъ точно взятъ, по показанію непріятеля взято 2 тыс. плѣнныхъ; свою потерю показываютъ незначительною,— кажется въ 130 чел." [93]). Командующему войсками Финляндскаго округа первоначально приходилось также ограничиваться разска-

зами случайныхъ людей и едва-ли не самыя достовѣрныя свѣдѣнія доставилъ ему смотритель провіантскаго магазина на Аландѣ, титулярный совѣтникъ Вестеніусъ. Къ такому заключенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, отчетъ, помѣщенный въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1854 г. № 191. Вестеніусъ былъ командированъ для покупки фуража и другихъ запасовъ. Возвращаясь 27-го іюля, онъ увидалъ, что крѣпость оцѣплена непріятелемъ. Скрываясь по деревнямъ и лѣсамъ, онъ собралъ разные слухи и, счастливо миновавъ линію непріятельскихъ крейсеровъ, добрался до Гельсингфорса 16-го августа. Разсказъ Вестеніуса вообще весьма близко совпалъ съ позднѣйшими данными, обнародованными объ осадѣ Аландскихъ укрѣпленій.

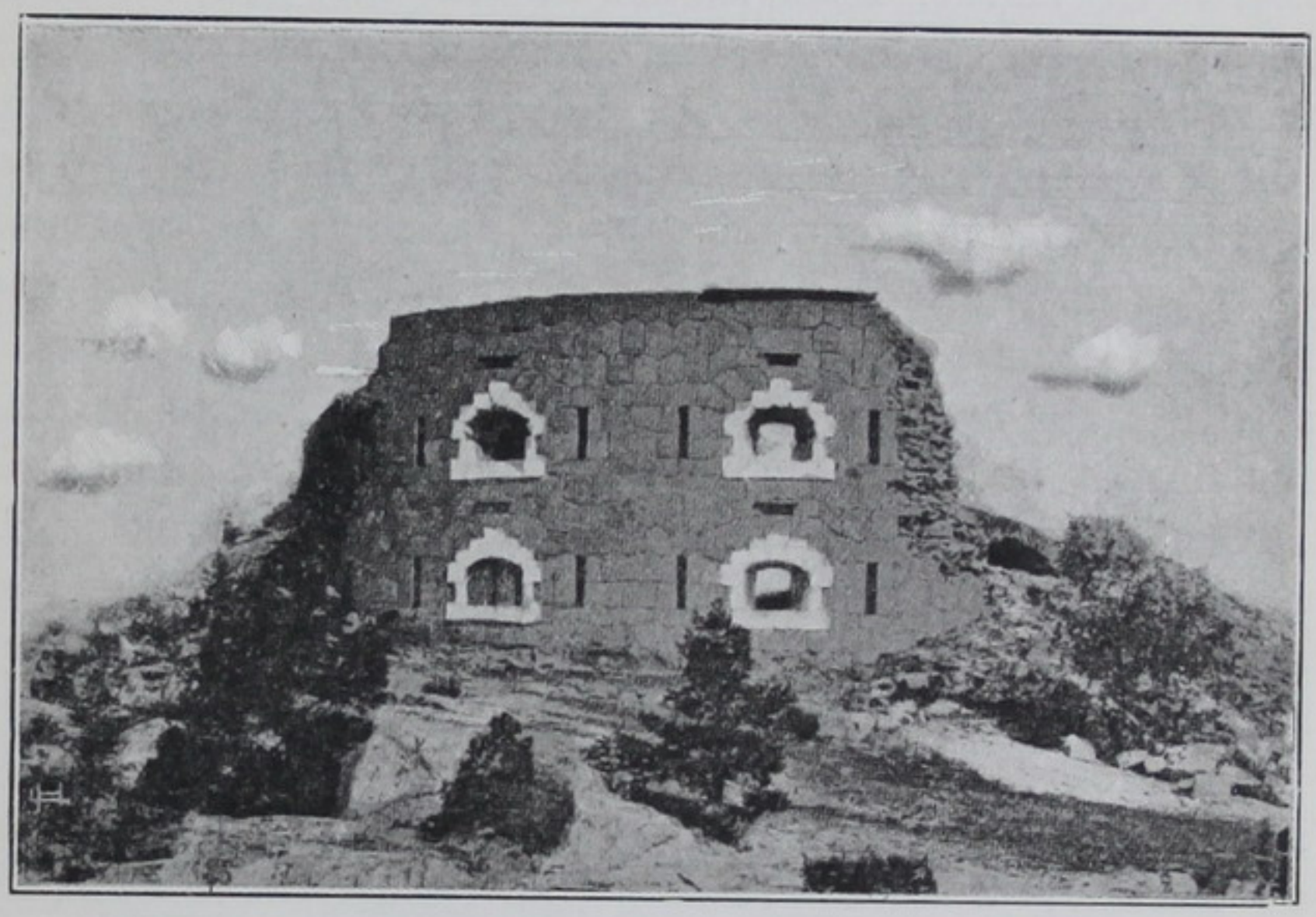
Адмир. Парсеваль у форта Бомарзундъ.

Хаосъ слуховъ и толковъ наиболѣе отразился въ запискахъ стараго преображенца, князя Имеретинскаго [94]), который, по поводу Аланда, отмѣтилъ: „День полковаго праздника (6 авг. 1854 г.) омрачился офиціальнымъ [95]) извѣстіемъ о взятіи Аландской крѣпости. Какъ ни преувеличены, какъ ни чудовищны были подчасъ тогдашніе толки, но они имѣютъ интересъ, такъ какъ служатъ выраженіемъ безпокойнаго лихорадочнаго настроенія въ русскомъ обществѣ. Мы все еще были неувѣрены въ себѣ и каждую неудачу охотнѣе всего приписывали измѣнѣ и подкупу. Съ начала лѣта 1854 г. и до конца Крымской войны я велъ дѣятельную переписку съ одной почтенной личностью. Это была Наталья Александровна Азаревичъ, дочь писателя Измайлова, женщина про-

свѣщенная и вполнѣ русская женщина. Она жила постоянно въ Петербургѣ и имѣла возможность выѣзжать въ общество и принимать его у себя. Я приведу выдержки изъ ея писемъ, потому что въ нихъ ясно высказывается тогдашнее возбужденіе жителей столицы и слухи, ихъ волновавшіе. Она писала мнѣ отъ 22-го сентября 1854 г.: „Болтать такъ болтать обо всемъ. Говорятъ, что Б(одиско) былъ подкупленъ, почему Аландъ и сдался въ такое короткое время. Здѣсь (т. е. въ Спб.) находится теперь священникъ изъ Бомарзунда, онъ разсказываетъ, что дрались весьма плохо, потому что солдатамъ было запрещено стрѣлять и что самъ Б. просилъ священника уговорить солдатъ не стрѣлять, на что священникъ отвѣчалъ, что въ его санѣ нельзя отклонять солдата отъ исполненія обязанностей, а напротивъ, онъ долженъ поддерживать людей въ намѣреніи стоять твердо за вѣру, царя и отечество. Б(одиско) женатъ на сестрѣ или родственницѣ Барагэ д'Илье. Невольно призадумаешься, что женщины часто бывали причиною паденія и славы государствъ. Ф(уругельма) называютъ такимъ же измѣнникомъ. Припомните первые разсказы о взятіи Бомарзунда: бѣлый флагъ, выкинутый неизвѣстно кѣмъ и вслѣдъ за тѣмъ сильная перестрѣлка, потомъ часть войска, хотѣвшая драться, а другая безмолвно, положившая оружіе. Все это набрасываетъ тѣнь сомнѣнія". Изъ письма отъ 2-го ноября: „Когда будетъ размѣнъ плѣнныхъ и Б. возвратится въ Россію, ему предстоитъ награда: казнь на мѣстѣ измѣны".

Въ ту ночь, когда башня С была взята непріятелемъ, между нижними чинами разнесся слухъ, что капит. Теше подкупленъ и потому онъ сдалъ башню. Этотъ слухъ получилъ столь широкое распространеніе и такъ упорно держался среди аландцевъ, что онъ былъ сообщенъ подпоручику Гаделли, когда онъ прибылъ для разслѣдованія Бомарзундскаго дѣла. Впослѣдствіи къ этимъ измышленіямъ прибавились новые разсказы. Во время одной изъ послѣднихъ поѣздокъ по шхерамъ, въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру III пришлось зайти въ маленькую избу на Аландскихъ островахъ; заставъ въ ней двухъ стариковъ, онъ осчастливилъ ихъ нѣсколькими вопросами. (Они не узнали своего августѣйшаго собесѣдника, который былъ въ гражданскомъ платьѣ). Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что они инвалиды и были, между прочимъ, участниками обороны Бомарзунда. „Какъ же вы такъ плохо защищали крѣпость, что она была сдана непріятелю". „Не мы сдались, объяснили старослужилые, а комен-

дантъ, который во время бомбардированія сидѣлъ въ погребѣ за мѣшками“ [96]). Полковникъ Мошнинъ въ своей книгѣ „Оборона побережья“ написалъ, что комендантъ Бодиско началъ переговоры о сдачѣ крѣпости „подъ вліяніемъ своей жены, находившейся въ крѣпости [97]). Прибавимъ ко всѣмъ этимъ упрекамъ и обвиненіямъ еще суровый отзывъ рядового Іоанна Загородникова, одного изъ участниковъ защиты Бомарзунда. По возвращеніи изъ англійскаго плѣна (въ 1856 г.) онъ изложилъ свои воспоминанія въ видѣ письма къ родственницѣ. Вотъ что, между прочимъ, отмѣчено въ этомъ рѣдкомъ дневникѣ русскаго солдата [98]).



Развалины Бомарзунда.

„Справедливѣе сказать, что крѣпость сдана на скорую руку, безъ должнаго совѣщанія коменданта, генералъ-маіора Бодиско, и завѣдывавшаго батальономъ, полковника Клингстеда, съ гг. офицерами, на какомъ основаніи оставить укрѣпленія непріятелю и насъ, какъ бы овецъ, безъ счета поспѣшно предали въ жертву врагу... Казенныя вещи: оружіе, аммуницію и проч. собственные матеріалы и припасы маркитантовъ брошены также въ добычу побѣдителямъ безъ заключенія акта. О денежныхъ же суммахъ разныхъ вѣдомствъ, хранившихся въ кладовой, умолчу, потому что не знаю, кто ими воспользовался, но жаль, мои артельныя деньги и прочихъ солдатъ тамъ были и вѣрно не возвратятся... [99]). Кромѣ сего, одинъ предметъ остается въ безгласности, по при-

чинѣ недоумѣнія моего: отъ кого именно приносилъ малолѣтній сынъ аландскаго почталіона 1-го августа въ крѣпость письма и кому, ибо почта не имѣла уже сообщенія съ городомъ Або, о чемъ состоялся приказъ по гарнизону въ первыхъ числахъ іюля, и какими средствами мальчикъ этотъ могъ пройти изъ деревни Момстеки въ фортъ черезъ непріятельскую цѣпь съ сумочкою на плечахъ для разноски пакетовъ... Окончаніе театра безуспѣшной войны, при малочисленной потерѣ убитыхъ и раненыхъ, сокрушило мое сердце; я тайно, въ чувствахъ душевной боли, со слезами, приносилъ раскаяніе, что мы не сыны церкви и не истинные слуги отечеству, предавались почти цѣлымъ гарнизономъ постыдному плѣну. Попеченіе монарха было велико объ насъ, но нами не оправдана его милость... Картина Аландской войны и плѣна была грозна и смѣшна: главное начальство въ боѣ нигдѣ не присутствовало, не подавало собою примѣръ неустрашимости воинамъ и не внушало подчиненнымъ имѣть мужество и самоотверженіе въ опасности, исполняя священый долгъ воли Царя Небеснаго и Царя другаго нашего отечества, и гдѣ они находились во время битвы, не знаю (кромѣ офицеровъ, завѣдывающихъ орудіями); семейства же гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, жительствовавшія въ окрестности острова Аланда, не переставали имѣть свиданіе съ супругами и въ опасную минуту грозы. Да возможно ли мужчинѣ, занятому нѣжными ласками и пріятными поцѣлуями жены, не ослабить духъ рыцарства противъ врага, и въ пріятномъ воображеніи вѣрной расположенности къ нему драгой, забываетъ должную предпріимчивость въ защиту себя отъ непріятеля, падаетъ подъ слабымъ его ударомъ. И, извинительно, любовь не имѣетъ предѣла, она преступаетъ законъ... Если не возбраняется и не предосудительно писать правду, то изъясню: мнѣ чрезвычайно жаль, что Аландскія укрѣпленія сданы непріятелю, что обѣщанное мнѣ награжденіе не получилъ и что время, проведенное въ плѣну, по закону исключатъ изъ числа службы моей... Словомъ сказать: Аландскій гарнизонъ потерялъ честь и похвалу".

Эти замѣчанія, прежде всего, дѣлаютъ честь русскому солдату, умѣющему болѣть душой, въ случаяхъ, подобныхъ паденію Бомарзунда, и способному принимать такъ горячо къ сердцу дѣло своей родины и славу ея арміи. Въ его голосѣ звучитъ горькая нота, но свѣдѣнія его были очень ограничены и потому неправильно отражаютъ общее положеніе дѣла. Аландскій гарнизонъ не запятналъ русскаго оружія и въ измѣнѣ его укорить нельзя.

Правда, что мы, русскіе, гордые прошлыми заслугами нашей доблестной арміи, стяжавшей себѣ міровую славу, желали бы видѣть до сдачи крѣпости стѣны Бомарзундскаго форта съ зіяющими брешами, снаряды разстрѣлянными, порохъ израсходованнымъ до послѣдняго зерна. Когда нѣтъ пороха—идутъ въ штыки. Намъ, конечно, по сердцу, когда во главѣ рати видны его начальники, высоко поднявъ духъ своихъ подчиненныхъ. Къ этимъ требованіямъ насъ пріучила исторія, которая постоянно и правильно говорила, что русскій умираетъ, но не сдается. Конечно, не всѣ рождены героями; не каждому дано быть Суворовымъ и Скобелевымъ; но каждый обязанъ сдѣлать то, что можетъ и исполнить честно свой долгъ. И гарнизонъ Аландскихъ укрѣпленій исполнилъ эти требованія. Недостатка въ примѣрахъ отваги у него не было. Одинъ канониръ, лишенный возможности служить Государю и не желая живымъ сдаться непріятелю, перерѣзалъ себѣ на рукахъ жилы и свалился у стѣны форта [100]). Унтеръ-офицеръ Далинъ, 10 стрѣлковъ и каменныхъ дѣлъ мастеръ Рененбергъ вызвались напасть ночью на непріятельскій баркасъ. По свидѣтельству трехъ нашихъ военныхъ врачей и другихъ участниковъ обороны, пришлось убѣждать гарнизонъ въ невозможности крѣпости болѣе держаться, такъ какъ солдаты горѣли желаніемъ сражаться до послѣдней возможности. О томъ, что нѣкоторые солдаты помышляли взорваться, было уже говорено [101]). Баталіонное знамя сожгли, дабы оно не досталось непріятелю [102]). Общее настроеніе во время бомбардировки среди нижнихъ чиновъ слѣдуетъ признать хорошимъ [103]). Они спокойно стояли подъ огнемъ, изощряясь въ остротахъ и шуткахъ по адресу осаждавшихъ. „Ишь отпѣтый агличъ, по воронамъ знать стрѣляетъ“, говорилъ ярославецъ своему сосѣду. „Не простудись, голубушка“, крикнулъ другой, видя, что непріятельская бомба нырнула въ воду. Когда затѣмъ въ воду упало еще нѣсколько бомбъ, онъ же добавилъ: „не куражься, ухи не сваришь“. Среди подобныхъ солдатскихъ остротъ нерѣдко слышалось и трогательное разумное слово. „Ну, ребята“, говорилъ, напримѣръ, рядовой Леонтьевъ: „резерва намъ нѣтъ; на помощь не разсчитывай, а каждый отвѣчай за себя. Казнѣ мы стоимъ дорого. Чуть кума (т. е. бомба) горитъ на землѣ, а ты у ней справа крестнымъ тотчасъ въ лежачку, лежача не бьетъ“. „Что робѣть“, говорилъ старый воинъ рекруту, „убьютъ, такъ Богъ грѣхи отпуститъ“ [104]).

Нашъ солдатъ и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, сдѣлалъ свое

дѣло и не посрамилъ земли русской. Поэтому ни малѣйшаго упрека онъ не позволяетъ дѣлать своей военной доблести, и этимъ вѣроятно объясняется горячее слово Загородникова о сдачѣ Бомарзунда.

Для Бомарзунда наступила уже исторія; архивы для изслѣдованія этого дѣла открыты и потому возможна его спокойная и обоснованная оцѣнка.

Всѣ эти исторіи о подкупахъ, о родствѣ госпожи Бодиско съ Барагэ д'Илье и о вліяніи ея на мужа и т. п., ни на чемъ рѣшительно не основаны.—Мы провѣрили эти сообщенія по документамъ и имѣли случай лично говорить съ почтенной вдовой коменданта, Анной Петровной Бодиско, и убѣдились, что всѣ эти разсказы въ основѣ своей совершенно невѣрны, лживы и истекаютъ изъ нелѣпѣйшихъ слуховъ. Достаточно сказать, что А. П. Бодиско урожденная Теше и ни въ какомъ родствѣ съ Барагэ д'Илье не состояла. Во время второго бомбардированія она вовсе не находилась въ фортѣ, который оборонялся подъ командою ея мужа, а жила въ деревнѣ, въ сорока верстахъ отъ Бомарзунда, и очевидно никакого вліянія на своего мужа имѣть не могла. Во время перваго бомбардированія (9-го іюня) женщины находились въ Бомарзундѣ, потому что перестрѣлка съ непріятелемъ завязалась довольно неожиданно; но когда англичане систематически начали вторую блокаду—всѣ онѣ были удалены изъ крѣпости. Малолѣтній сынъ почталіона проникъ въ фортъ, но онъ явился не съ предложеніями отъ непріятеля, а съ предупрежденіемъ, исходившимъ отъ нашихъ доброжелателей. Фактъ этотъ провѣренъ и документъ о немъ въ сохранности [105]). Ген.-м. Бодиско ни въ какомъ погребѣ за кулями не укрывался. Онъ во время осады находился днемъ и ночью вмѣстѣ съ солдатами и не имѣлъ никакой особой квартиры; спалъ на нарахъ [106]). Всѣ приведенные слухи и розсказни теперь должны быть оставлены, какъ не имѣющіе подъ собой никакой основы.

Крѣпость сдалась; фактъ, конечно, печальный, но онъ имѣетъ свое серьезное оправданіе. Положеніе ея было прежде всего дѣйствительно безвыходное; одного сухопутнаго войска у непріятеля было высажено на берегъ отъ 12 до 14 тыс. (противъ нашихъ 1600 ч.), да всѣхъ судовъ у него было болѣе 70-ти [107]). Крѣпость была изолирована и со всѣхъ сторонъ охвачена войсками. „Приступая къ осадѣ, англо-французскій флотъ имѣлъ Балтійское море въ полномъ своемъ обладаніи и поэтому могъ контролировать

Военный госпиталь на Престъ-Э.

все, что происходило въ водахъ, окружавшихъ Бомарзундъ [108]). Флотъ непріятеля стоялъ внѣ нашихъ выстрѣловъ и потому онъ спокойно, какъ на ученіяхъ, могъ наводить свои пушки въ амбразуры форта и подбивать наши орудія. Крѣпость была недостроена и потому, съ паденіемъ башенъ, непріятелю открывалась слабая сторона форта—ея тылъ. Фортъ не былъ такъ приспособленъ и не былъ такъ снабженъ боевыми и продовольственными запасами, чтобы осажденный гарнизонъ могъ держаться продолжительное время. Кромѣ того, „начертаніе верковъ имѣло въ виду считаться съ нападеніемъ только съ моря [109]). При той степени неоконченности, какую представляла система Аландскихъ укрѣпленій, Бомарзундъ не могъ даже называться укрѣпленіемъ ни въ научномъ, ни въ практическомъ смыслѣ. Его вооруженіе, по калибру орудій и по количеству пороха, являлось скорѣе мнимымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Передъ второй осадой на орудіе приходилось по 60 зарядовъ. Такое количество могло бытъ разстрѣляннымъ въ нѣсколько дней и если пороха осталось (около 20 зарядовъ на орудіе), то только вслѣдствіе того, что вообще не было орудій, изъ которыхъ можно было бы дѣйствовать хотя бы съ малѣйшимъ успѣхомъ [110]). Порохъ приходилось держать при каждомъ казематѣ въ ящикахъ и, слѣдовательно,

ежеминутно опасаться взрыва. Въ этомъ обстоятельствѣ современники паденія Бомарзунда и жители Аланда видѣли одну изъ главныхъ причинъ капитуляціи. Два послѣднихъ дня фортъ находился подъ градомъ ядеръ и бомбъ. Людей съ соотвѣтственной подготовкой по спеціальностямъ не было. Аудиторъ, коллежскій регистраторъ Хорошевскій, унтеръ-цейхвахтеръ инженерной команды, коллежскій секретарь Перхинскій, комисаръ военнаго госпиталя, коллеж. секрет. Тверской участвовали въ оборонѣ, командуя орудіями. Гарнизонъ былъ малочисленъ. Отбиваться приходилось на всѣ стороны. Отдыха никому не было, а съ физическимъ утомленіемъ борьба невозможна. Мѣстность благопріятствовала наступленію непріятеля съ суши: естественныя прикрытія онъ находилъ на каждомъ шагу за оврагомъ, камнемъ, въ разсѣлинахъ скалъ и т. п. Не забудемъ, что при всѣхъ указанныхъ условіяхъ непріятелемъ была сосредоточена вокругъ Бомарзунда такая артиллерія по числу, силѣ и калибру, какой до того времени никогда не употребляли для осады даже большихъ крѣпостей. „При оборонѣ надо бить, а не только отбиваться. Лучшій способъ обороны самому напасть“, гласитъ наставленіе генерала Драгомирова. Нужно было, слѣдовательно, выйти изъ форта и отбросить непріятеля. Но съ чѣмъ выйти? 1600 чел. противъ 12-ти или 14-ти тысячъ десанта, причемъ наши изнурены, а ихъ люди бодры. Кромѣ того, нашъ гарнизонъ естественно предполагалъ, что за ослабленіемъ форта непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ, послѣдуетъ штурмъ и потому нельзя было расходовать людей рискованными вылазками. Обстоятельства указывали, что гарнизону при дальнѣйшемъ сопротивленіи предстояла одна только безполезная убыль людей. Рѣшеніе военнаго совѣта было поэтому прекратить сопротивленіе.

Таковы выводы изъ исторіи дѣла, провѣренные нами по архивнымъ документамъ.

Но помимо этого, въ 1855 году, была произведена провѣрка дѣйствій аландскаго гарнизона инымъ путемъ. Ген.-м. Бодиско сдалъ непріятелю Аландскія укрѣпленія, когда въ главномъ фортѣ не было сдѣлано ни одной бреши и когда гарнизонъ форта не выдержалъ ни одного приступа. Такая сдача, на основаніи 89 ст. инструкціи комендантамъ крѣпостей, считалась преступною и по своду военныхъ постановленій каралась смертною казнью. Вслѣдствіе этого Высочайше учреждена была въ Гельсингфорсѣ особая комиссія для разслѣдованія дѣла [111]). Комиссія допросила всѣхъ офи-

Нотвикская башня U. | Башня Z на Престъ-э. | Главный форть. | Заливъ Лумпарнъ. Развалины Скарпанса. | Французскій пикетъ. | Башня C.

Панорама разрушенныхъ Бомарзундскихъ укрѣпленій.

Рисов. съ натуры I. F. Mayer. (Изъ Стокгольма).

церовъ и чиновниковъ аландскаго гарнизона, устраивала очныя ставки для выясненія противорѣчій и пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Гарнизонъ форта, по поводу рѣшенія военнаго совѣта сдаться непріятелю, не выразилъ негодованія; объ этомъ негодованіи ходили слухи, которые однако не подтвердились. Всѣ офицеры единогласно отозвались, что гарнизонъ „хотя могъ сопротивляться еще лишь самое короткое время, но это бездѣйственное сопротивленіе его имѣло бы послѣдствіемъ совершенное истребленіе гарнизона безъ всякаго вреда непріятелю“. Наконецъ, слѣдственная комиссія нашла, что „участь, постигшая Аландскія укрѣпленія, была неизбѣжна“, такъ какъ укрѣпленія не были достроены и лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ представляли крайне незначительную совокупную оборону. Окружавшая же мѣстность способствовала непріятельскимъ подступамъ. Десантъ, наступавшій съ сухого пути, въ шестеро превышалъ число войскъ, находившихся въ укрѣпленіяхъ. Внѣ укрѣпленій гарнизонъ дѣйствовать не могъ.

„Изъ всего этого слѣдуетъ, что сдача Аландскихъ укрѣпленій однимъ днемъ раньше, по мѣстному ихъ положенію, не могла причинить государству никакого вреда, между тѣмъ какъ сдача однимъ днемъ позже могла нести вредъ безполезнымъ истребленіемъ нѣсколькихъ сотенъ храбрыхъ вѣрноподданныхъ Государю Императору воиновъ“.

„По означеннымъ причинамъ слѣдственная коммисія признала, что ген.-м. Бодиско, употребивъ всевозможныя отъ него зависящія средства продолжительнѣйшей защитѣ, сдалъ укрѣпленія только вслѣдствіе крайней необходимости и что всѣ гг. штабъ и оберъ-офицеры, какъ равно и нижніе чины, составлявшіе гарнизонъ, исполняли свои обязанности по долгу чести и присяги“.

Аудиторіатскій Департаментъ Военнаго Министерства присоединился къ этому выводу коммисіи, почему Государь Императоръ, по докладѣ Ему всего дѣла, Высочайше повелѣлъ (2-го апрѣля 1856 г.) исполнить по заключенію Департамента. Въ виду этого, 4 апрѣля 1856 г. Военный Министръ сообщилъ (за № 1959) командующему войсками Финляндіи, что по докладѣ Государю Императору обстоятельствъ слѣдственнаго дѣла о бывшемъ Аландскомъ комендантѣ, ген.-м. Бодиско, Его Величество, признавая *уважительными открытыя слѣдствіемъ причины, побудившія Бодиско къ сдачѣ Аландскаго форта*, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) ген.-м. Бодиско, на основаніи 84 и 98 ст. Общей Инструк-

ціи Комендантамъ, освободить отъ всякой по сему дѣлу отвѣтственности, и 2) равнымъ образомъ не подвергать никакой отвѣтственности никого изъ чиновъ Аландскаго гарнизона, такъ какъ всѣ они, при оборонѣ укрѣпленій, соблюдали обязанности по долгу чести и присяги [112]).

До сихъ поръ это Высочайшее рѣшеніе не было нигдѣ опубликовано. Теперь же, когда Царское слово дѣлается извѣстнымъ, должны прекратиться разныя нареканія на Аландскаго коменданта, и всѣ увидятъ, что чины гарнизона сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы сохранить доброе имя русскаго воина. Бѣдный старый комендантъ! Ему пришлось пережитъ трудные дни. Нравственная отвѣтственность передъ родиной и Царемъ за участь форта невольно пала на его плечи и побѣжденному всегда трудно оправдаться передъ потомствомъ, какъ бы краснорѣчиво не защищала его исторія. „Я слышала“,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Цебрикова,—„отъ родни коменданта Бодиско, что необходимость сдать крѣпость нравственно убила и сильно сократила жизнь генерала“. Въ бумагахъ капит. А. Э. Краузольда сохранились частныя письма и записки, коими во время осады и бомбардированія обмѣнивались Фуругельмъ, Бодиско, Теше, Звѣревъ и Краузольдъ. Эти записочки писались на разныхъ клочкахъ и на разныхъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ) и, конечно, не предназначались для исторіи и начальства, почему имѣютъ исключительное значеніе и особую цѣнность. Чтеніе ихъ убѣдило насъ, что защитники Бомарзундскихъ укрѣпленій вели себя подъ огнемъ непріятеля спокойно и съ подобающимъ достоинствомъ. Капитану Теше нужно было, напр., произвести перестановку орудія и 31 іюля (1854 г.) въ 8 часовъ утра онъ увѣдомлялъ, что если при этомъ будетъ стрѣлять изъ башни *C*, то только для удержанія стрѣлковъ въ извѣстномъ отдаленіи. Въ 2 часа дня онъ писалъ, что впервые открылъ стрѣльбу картечью, такъ какъ стрѣлки близко надвинулись. „Даромъ зарядовъ, повѣрьте, тратить не стану, хотя опасаюсь, что картечи не хватитъ“. Въ этихъ строкахъ сквозитъ полное самообладаніе, несмотря на то, что минуты башни *C* были уже сочтены и въ 5 час. она должна была сдаться, такъ какъ французы, какъ шмели, облѣпили ее [113])...

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что гарнизонъ Аланда вѣрой и правдой послужилъ Царю и Отечеству. Но, какъ говоритъ русская пословица, семья не безъ урода и два—три печальныя исключенія дали западной печати поводъ заявить, что солдаты радова-

лись паденію Бомарзунда. Не слѣдуетъ забывать, что часть Аландскаго гарнизона состояла изъ арестантовъ (скопцовъ), евреевъ и штрафованныхъ, а потому не удивительно, если среди нихъ нашлись люди, недостойные званія солдата. По заявленію рядоваго І. Загородникова, въ продолженіи военныхъ дѣйствій, съ нашей стороны бѣжало къ непріятелю 6 человѣкъ военно-рабочихъ, 3 арестанта и 1 артиллеристъ [114]). Столько-ли дѣйствительно было бѣжавшихъ, не знаемъ; но что изъ гарнизона Аланда перебѣжало нѣсколько человѣкъ къ непріятелю, это, къ сожалѣнію, фактъ, установленный журналомъ обороны. Изъ пяти отлучившихся солдатъ было четыре еврея и одинъ военно-рабочей роты [115]). По признанію непріятеля эти измѣнники доставили ему весьма точныя свѣдѣнія о состояніи крѣпости и ея окрестностей [116]).

2-го (14-го) сентября послѣдніе англичане покинули островъ Аландъ и нѣсколько недѣль спустя надъ скалами острова вновь развѣвался русскій двухглавый орелъ. Изъ Ледзунда послѣдній непріятельскій корабль ушелъ 29 октября.

7-го сентября 1854 г. (№ 13309) военный министръ сообщилъ командующему войсками, что по докладѣ Государю Императору письма вице-адмирала Непира къ абоскому губернатору о необходимости возстановить на Аландѣ власть, для охраненія мирныхъ жителей отъ дѣйствій людей злонамѣренныхъ, приказано было отвѣтить, что мѣры будутъ приняты.

Взявъ Бомарзундъ, непріятель торжествовалъ... Эхо его ликованій перекатывалось по Англіи и Франціи. Въ англійскихъ газетныхъ извѣстіяхъ говорилось: „въ восемь дней мы уничтожили глыбы гранитныхъ валовъ, которыхъ камни нигдѣ не могли устоять противъ насъ“ [117]). Англійскій офицеръ, посланный съ Аланда курьеромъ въ Лондонъ, разсказывалъ по пути, что „сдача Бомарзунда явилась совершенной неожиданностью, потому что мѣсто очень удобное и приготовленное для сильной обороны, но пушки тамъ были столь стары, что совершенно не годились и причиняли болѣе вреда осажденнымъ, чѣмъ непріятелю [118]). Побѣда союзниковъ росписывалась и коментировалась на разные лады и постоянно въ самомъ невыгодномъ для насъ освѣщеніи. Упоеніе славой было всеобщимъ на Западѣ. Бомарзундъ превратился въ „величественную“ крѣпость, отъ которой не осталось камня на камнѣ... Въ февралѣ 1855 г., на обычномъ обѣдѣ у лорда-мэра Лондона, Непиръ въ застольной рѣчи разсказалъ, между

прочимъ, что „взятіе Бомарзунда ничего не стоило. Дѣло было очень легкое; безъ потерь и труда мы разрушили очень большую линію укрѣпленій [119]). Разсказы о взятіи Бомарзунда возросли послѣдовательно до колоссальной пошлости. „Когда, отдавшіяся въ плѣнъ русскія войска шли между рядами французскихъ и англійскихъ солдатъ, — говорилось въ газетахъ Франціи, — музыканты играли шотландскую джигу и русскіе стали танцовать подъ эту музыку [120])“. Маршалъ Кастелланъ, какъ человѣкъ серьезный, занесъ въ свой дневникъ строки, заслуживающія большаго вниманія: „Взятіе Бомарзунда, 16-го августа, произвело отличное впечатлѣніе; это первое дѣйствіе французовъ противъ русскихъ. Командующій войсками генералъ Барагэ д'Илье будетъ, вѣроятно, сдѣланъ маршаломъ Франціи [121]). Дѣйствительно, маршальскій жезлъ былъ вскорѣ ему врученъ довольно своеобразно, въ моментъ его пребыванія въ Данцигѣ, гдѣ онъ въ 1813 г., будучи молодымъ поручикомъ, потерялъ руку [122]). Парсеваль Дюшенъ получилъ большой крестъ Легіона, въ ожиданіи званія адмирала Франціи, что является равнозначущимъ маршалу. Пылкая французская фантазія людей легкомысленныхъ представила Бомарзундъ въ видѣ неприступнѣйшей крѣпости въ мірѣ, выстроенной на скалахъ. Къ исторіи взятія Аландскихъ укрѣпленій французскіе изобрѣтательные авторы не замедлили присоединить и нѣсколько романтическихъ приключеній. „Монитеръ“ напечаталъ разсказъ „Бомарзундская сиротка“ („L'orphéline de Bomarsund“); по фабулѣ сего разсказа, французамъ довелось освободить изъ казематовъ аландской крѣпости беззащитную невинную жертву, мужъ которой томился въ далекой Сибири [123]). Какой только несообразности не распространяла тогда о русскихъ европейская печать! Писали, напр., что по отъѣздѣ нашихъ плѣнныхъ изъ Бомарзунда, многія женщины покончили жизнь самоубійствомъ. Разнаго рода побасенки встрѣчались даже въ книгахъ, претендовавшихъ на серьезное описаніе военныхъ дѣйствій. — Eug. Woestyn въ „Guerre d'orient“ или „Victoires et conquêtes“ сообщалъ, напр., что въ то время, когда Непиръ и Парсеваль тщательно изучали Аландскіе острова, солдаты на-

„Бомарзундская сиротка“.

шего гарнизона, облокотясь на амбразуры, равнодушно смотрѣли на работы англо-французскихъ моряковъ. Но за то былъ якобы установленъ строгій надсмотръ за сношеніями непріятельскихъ моряковъ съ жителями острова. Всѣхъ, возвращавшихся съ судовъ союзниковъ, осматривали и двое дѣтей 15—17 лѣтъ, у которыхъ нашли нѣсколько шиллинговъ, были обезглавлены! Въ каземетахъ форта союзники нашли, кромѣ 2000 плѣнныхъ, еще 400 раненыхъ! Названный авторъ утверждаетъ затѣмъ, что защитники Бомарзунда стѣснены были приказомъ Государя, воспрещавшимъ, даже въ случаѣ грозящей опасности, трогать основанія этой фортификаціи! Наконецъ, онъ разсказываетъ, что портреты императора и императрицы Франціи встрѣчались на Аландѣ въ каждой хижинѣ! Побѣдители жаждали привезти съ собой лавры съ мѣста своихъ тріумфовъ и, за скудостью природы, имъ пришлось ограничиться пучками сосновыхъ вѣтвей...

Когда прошелъ пылъ перваго восторга и когда французы и англичане ближе разсмотрѣли дѣйствительность, то она оказалась для нихъ далеко непривлекательной. Шумъ радости замѣнился раздраженіемъ, насмѣшками и укорами, и даже „Times“ предался священному и патріотическому гнѣву противъ флотовъ, такъ какъ на дѣлѣ гора родила мышь. Вмѣсто кита Непиръ поймалъ салакушку. Хвастливому адмиралу „не удалось продѣть кольца сквозь ноздри грозному Левіаѳану“. Онъ „пришелъ, увидѣлъ, но не побѣдилъ“, какъ писали тогда въ англійскихъ газетахъ. Та же англійская печать, сравнивая его дѣятельность съ дѣятельностью Веллингтона, усмотрѣла, что „Веллингтонъ поражалъ вооруженнаго непріятеля и щадилъ частную собственность, а Непиръ щадилъ вооруженнаго непріятеля и поражалъ частную собственность [124]). „Русскіе смѣются, и мы смѣшны на самомъ дѣлѣ“, говорили англичане [125]). Дѣйствія флота въ Балтійскомъ морѣ стали называть вообще „жалкими и смѣшными“. Въ „Times“ читаемъ: „Англійскія пушки не говорили въ Балтійскомъ морѣ. Онѣ, правда, шептали передъ Бомарзундомъ, но вся Европа ждала того, чтобы голоса ихъ раздались передъ Кронштадтомъ или Свеаборгомъ... Трудно было нанести военной чести Англіи на морѣ болѣе тяжкій ударъ, чѣмъ тотъ, который нанесли ей событія въ Балтійскомъ морѣ“ [126]). „Шумъ на Западѣ, конечно, не соотвѣтствовалъ успѣху на Аландѣ. Награды были несоразмѣрно велики“, признается французскій историкъ [127]).

Подтрунивала надъ успѣхами Непира и русская печать. За-

падная эскадра безъ шума поплыла домой, „спрятавъ ничтожные Бомарзундскіе лавры въ трюмъ“, писала „Сѣверная Почта“ (1857 г., № 206). „Какъ не сказать теперь про Непира, — продолжаетъ газета,—съ чѣмъ поѣхалъ, съ тѣмъ и пріѣхалъ. Нѣтъ. У него, конечно, есть въ карманѣ нѣсколько камней отъ Бомарзундскихъ укрѣпленій, героически взорванныхъ передъ отъѣздомъ“. „Дорого, очень дорого стоила Бомарзундская скала,—прибавила въ другой разъ та же газета,—и флоты вынуждены были воротиться домой безъ трубныхъ и барабанныхъ звуковъ, такъ какъ находились въ положеніи лисицы, оставившей свой хвостъ въ капканѣ“.

Не упустила случая также и нѣмецкая печать сказать язвительное слово о герояхъ дня. „Искали флотовъ и не нашли ихъ; осматривали, какъ можно ближе, крѣпости и объявили ихъ неприступными“ [128]).

Газетныя статьи Западной Европы въ періодъ Восточной Войны 1853 — 1856 гг. отличались особымъ обиліемъ всякаго рода клеветъ на Россію. Состоявшій при нашей миссіи въ Берлинѣ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Бенкендорфъ, письмомъ отъ 15-го октября (за № 165), просилъ поэтому военнаго министра о высылкѣ ему надлежащихъ свѣдѣній объ Аландѣ, такъ какъ иначе онъ лишенъ возможности опровергнуть ложныя и непріязненныя сообщенія изъ англійскихъ и французскихъ реляцій. Свѣдѣнія эти были ему доставлены и хотя они считались тогда секретными, но графу Бенкендорфу разрѣшено было представить ихъ „главному прусскому правительству единственно по довѣрію къ оному“ [129]). Князь П. А. Вяземскій, живя тогда въ чужихъ краяхъ, надумалъ облегчить свое нывшее сердце и возмущенную душу составленіемъ опроверженій въ мѣстной періодической печати. Встрѣтивъ отказъ, онъ издалъ свои статьи отдѣльной брошюрой въ Лозаннѣ подъ названіемъ „Письма Ветерана 1812 года“ („Lettres d’un vétéran russe 1812 sur la question d’Orient, publiciées par P. d’Ostafiewo“). Двадцать второе письмо почтеннаго ветерана посвящено Бомарзундской экспедиціи. Сдѣлавъ нѣсколько колкихъ замѣчаній о слабомъ военномъ краснорѣчіи императора мира и сравнивъ его съ тѣмъ (Наполеономъ I), у кого на умѣ всегда была настоящая армія, а не армія, нужная для увеселенія, ветеранъ продолжаетъ: „если самое (бомарзундское) дѣло не принадлежитъ къ числу такихъ, за которыя обыкновенно дается маршальскій жезлъ, то нѣтъ сомнѣнія, что маршалъ Барагэ д’Илье заслуживалъ награды въ качествѣ новаго Христофора Ко-

Возвращеніе Чарли.

— Гдѣ же ваши трофеи?
— А вотъ.

Каррикатура В. Невскаго.

лумба. Бомарзундъ открытъ, конечно, имъ и его славными аргонавтами. До сихъ поръ онъ оставался страною неизвѣстною (terra incognita) не только для Европы, но и для большинства русскихъ людей. Кстати скажемъ, что нельзя довольно похвалить скромность, которою отличаются начальники союзныхъ войскъ. Вмѣсто того, чтобы заставить говорить о себѣ, нападая на крѣпости, всѣмъ извѣстныя, они предпочли напасть на маловажное и, въ добавокъ, недостроенное укрѣпленіе съ малочисленнымъ гарнизономъ. Впрочемъ, не годится черезчуръ издѣваться надъ новымъ маршаломъ по поводу лавровъ, которые онъ пожалъ. Благородному ветерану временъ перваго Наполеона, безъ сомнѣнія, было горько заслужить маршальскій жезлъ при современной обстановкѣ. Этотъ жезлъ навѣрно не радовалъ его и показался слишкомъ тяжелъ, когда послѣ своей знаменитой Бомарзундской экспедиціи онъ высадился въ Данцигѣ, гдѣ въ 1813 году оторвало ему руку. Сопоставляя эти, дорогія для него во всѣхъ отношеніяхъ, воспоминанія давнишней славы съ впечатлѣніями настоящаго времени, онъ, конечно, не могъ радоваться. Смѣшная и мелочная обстановка второй имперіи должна была бѣсить храбраго человѣка, который служилъ подъ знаменами первой и подъ начальствомъ вождей, получавшихъ маршальскіе жезлы не за такія дѣла, какъ взятіе Бомарзунда [130]).

„Севастополь не Москва, Крымъ не Россія“, — писалъ Госу-

дарь (3-го сентября 1855 г.) къ М. Д. Горчакову. Что же послѣ того сказать объ Аландѣ? Потеря столь ничтожная, что въ общемъ ходѣ дѣла она представляется лишь булавочнымъ уколомъ. Любовицкій, разсматривая вообще вопросъ объ атакѣ и оборонѣ береговъ, спрашиваетъ: да нужно-ли было укрѣплять Аландскіе острова? И отвѣчаетъ: „Пространство моря между берегомъ и островами замерзаетъ зимою (проливъ же, отдѣляющій Аландскіе острова отъ Швеціи, напротивъ того, почти не замерзаетъ); для охраненія же ихъ лѣтомъ отъ непріятеля, могущаго заставитъ нашъ флотъ укрыться въ портахъ, пришлось бы построить чрезвычайно сильныя укрѣпленія, которыя были бы въ состояніи держаться при полномъ обложеніи, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ; мы думаемъ поэтому,— прибавляетъ Любовицкій,—что для насъ нѣтъ надобности въ укрѣпленіи Аландскихъ острововъ [131])“. Князь Васильчиковъ болѣе рѣзко отозвался о безцѣльности крѣпости. „Въ Балтикѣ“,—писалъ онъ,—„неизвѣстно для какой цѣли существовалъ укрѣпленный замокъ на Аландскихъ островахъ, извѣстный подъ названіемъ Бомарзунда. Замокъ этотъ никому не могъ преградить входъ въ Балтійскій заливъ, не защищалъ береговъ Финляндіи и даже не доставлялъ дѣйствительной обороны запертому въ немъ безъ всякой надобности гарнизону [132]). И дѣйствительно, если въ Бомарзундѣ не держали сильнаго флота,—могущаго или ударить во флангъ наступающему непріятелю, или, пропустивъ его впередъ, отрѣзать ему путь отступленія,—то крѣпость эта совершенно никакого значенія не могла имѣть, такъ какъ непріятель, желающій идти на Петербургъ или Гельсингфорсъ, имѣлъ полную возможность обходить ее и игнорировать, зная, что въ тылу онъ не оставляетъ никакого опаснаго врага.

Оцѣнивая теперь послѣдствія паденія Бомарзунда, можно болѣе основательно отвѣтить и на вопросъ о томъ, полезно-ли было въ стратегическомъ отношеніи возведеніе крѣпости на Аландѣ. Прежде, когда существовалъ шхерный гребной и парусный флотъ, Аландская стоянка, быть можетъ, имѣла значеніе. Не отваживаясь на плаваніе въ открытомъ морѣ, онъ могъ отсюда выходить для прикрытія финляндскихъ шхеръ и для нападенія на шведскій берегъ. При прежнихъ условіяхъ, крѣпость могла здѣсь подвергнуться только атакѣ шхернаго флота, который, какъ бы великъ онъ ни былъ, едва-ли былъ опасенъ для Аландскаго укрѣпленія безъ содѣйствія линейныхъ кораблей. Узкій же и из-

вилистый фарватеръ Аланда дѣлалъ маневрированіе линейныхъ кораблей паруснаго флота почти невозможнымъ. Съ введеніемъ же пара во флотѣ, обстоятельства совершенно измѣнились, какъ справедливо говоритъ Шателенъ [133]) Для пароваго флота Аландская стоянка едва-ли нужна и полезна. Содержать большой гарнизонъ на Аландѣ было бы довольно затруднительно, въ виду ограниченности средствъ населенія, не могущаго доставлять значительныхъ запасовъ для пропитанія. Все это, вмѣстѣ взятое, убѣждаетъ, что Аландскій архипелагъ утратилъ свое значеніе въ стратегическомъ отношеніи, почему уничтоженіе Бомарзунда не можетъ считаться важною утратою для Россіи [134]).

Это вполнѣ сознали какъ въ Англіи, такъ во Франціи, гдѣ никто не былъ удовлетворенъ достигнутыми результатами, при тѣхъ громадныхъ затратахъ, которыя принуждены были сдѣлать союзники. Никакихъ выгодъ непріятель изъ двухмѣсячной осады Аланда не извлекъ; даже блокада Балтійскихъ гаваней не уничтожила русской вывозной торговли. Сами англичане покупали сало и другіе русскія произведенія черезъ Пруссію [135]). Что же касается спеціально экспедиціи на Аландъ, то она по характеру своему болѣе похожа на измышленіе кабинета Наполеона III,—весьма изобрѣтательнаго на подобныя диверсіи,—чѣмъ на планъ Непира, претендовавшаго на званіе опытнаго адмирала [136]). Союзники отлично знали, что въ Бомарзундской гавани не было ни одного русскаго корабля и, слѣдовательно, они не оставляли у себя въ тылу никакой русской силы. И если, тѣмъ не менѣе, они затѣяли осаду безвредныхъ и недостроенныхъ укрѣпленій, то успѣхи въ подобныхъ случаяхъ или ровно ничего не доказываютъ, или свидѣтельствуютъ только о полномъ отсутствіи предпріимчивости у союзниковъ и неимѣніи какого-либо плана для серьезныхъ операцій. Отсутствіе строго обдуманнаго плана дѣйствій подтвердилъ впослѣдствіи самъ Непиръ письмомъ, напечатаннымъ въ англійскихъ газетахъ. Даже послѣ Бомарзунда союзники не успѣли собрать данныхъ для оцѣнки условій и требованій войны въ Балтикѣ [137]).

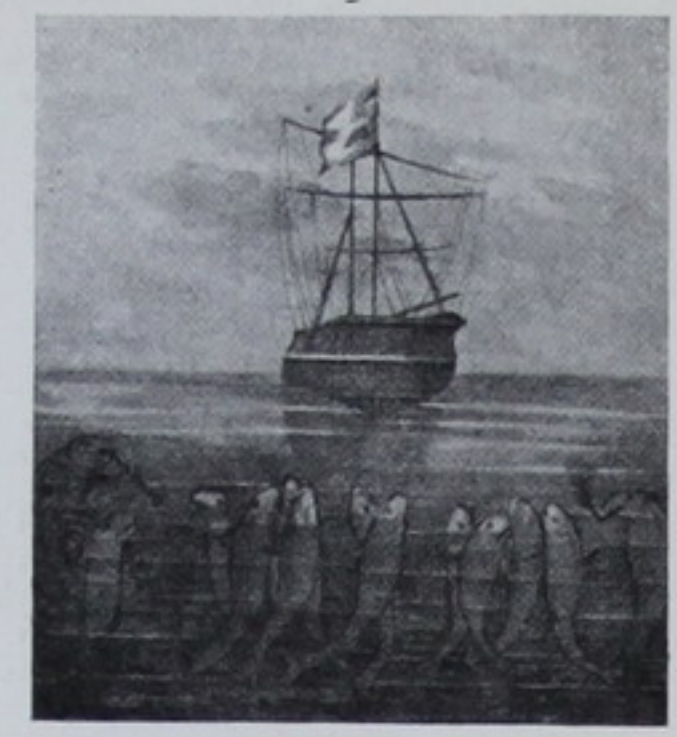
Во время парижскаго конгресса рѣчь объ Аландскомъ укрѣпленіи возникала неоднократно, и такъ какъ крайне ничтожное значеніе форта было теперь для всѣхъ очевидно, то наши дипломатическіе представители не желали, конечно, дѣлать изъ него камня преткновенія на трудномъ пути къ миру. Гр. Нессельроде указывалъ гр. Орлову, при отправленіи послѣдняго въ Парижъ,

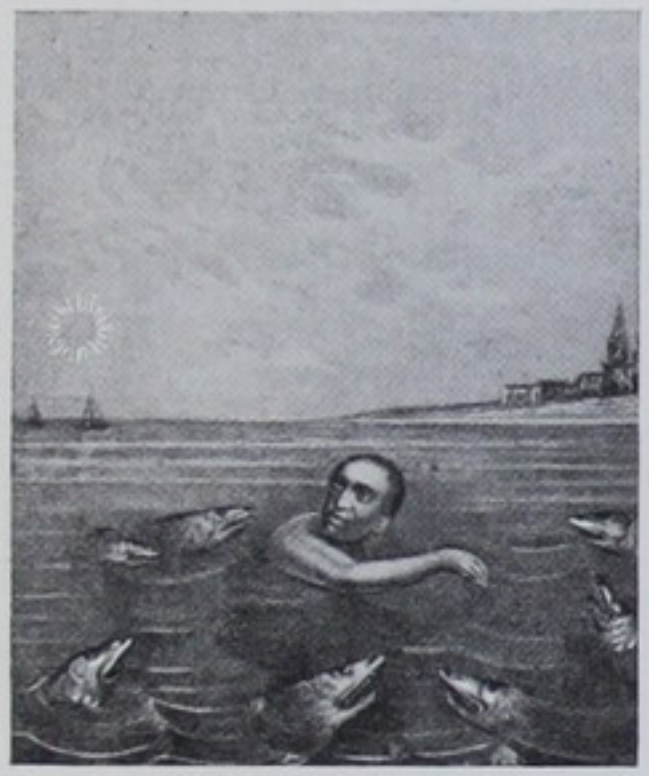
Бомарзундъ (1900 г.).
Съ карт. А. К. Беггрова.

что мы не станемъ сопротивляться и дадимъ свое согласіе на то, чтобы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда [138]). Въ инструкціи гр. Орлову было написано: „Соглашаясь не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда, желательно не вносить этого въ трактатъ и даже не упоминать вовсе о Бомарзундѣ, избравъ, напримѣръ, такую редакцію: „Аландскіе острова останутся въ томъ видѣ, въ какомъ находились во время войны“ (Statu quo belli). Въ этомъ именно смыслѣ и высказался гр. Орловъ на аудіенціи у Наполеона III, когда тотъ спросилъ: „А Бомарзундъ . . . . согласитесь ли вы не возобновлять его“? [139]). По словамъ гр. Валевскаго,—какъ доносилъ Брунновъ, — англичане потребуютъ срытія укрѣпленій на Аландѣ и Франція будетъ поддерживать это заявленіе. Лордъ Кларендонъ дѣйствительно настаивалъ на томъ, чтобы укрѣпленія на Аландскихъ островахъ не возобновлялись [140]). Удовлетворить это требованіе не представляло затрудненія для Россіи: оно возникало изъ одного только тщеславія противниковъ. „Не возобновлять Бомарзунда было тѣмъ болѣе легко,—какъ писалъ гр. Нессельроде,—что русское правительство не имѣло даже и мысли возстановлять разрушенныя на Аландскихъ островахъ укрѣпленія и требованіе это только и нужно союзникамъ въ

силу трактата, заключеннаго ими со Швеціей". Вообще же гр. Нессельроде находитъ страннымъ включеніе вопроса о Бомарзундѣ въ трактатъ, опредѣляющій восточный вопросъ [141]).

Такъ какъ пренія о Карсѣ на конгрессѣ обострились, то гр. Валевскій собралъ на предварительное совѣщаніе къ себѣ нѣкоторыхъ дипломатовъ и тутъ первымъ вопросомъ были поставлены укрѣпленія Бомарзунда; гр. Орловъ былъ сговорчивъ, надѣясь тѣмъ побудить англичанъ быть менѣе требовательными [142]). На конгрессѣ гр. Орловъ требовалъ лишь, чтобы вопросъ о Бомарзундѣ рѣшался только между Россіей, Франціей и Англіей, т. е. участниками, бывшими въ водахъ Балтійскаго моря. Кромѣ того, Орловъ и Брунновъ пытались поставить дѣло о Бомарзундѣ такъ, чтобы оно явилось въ видѣ добровольнаго соглашенія со стороны Россіи и не было введено въ трактатъ. Но это имъ не удалось достичь и между Россіей, Франціей и Англіей 18-го марта 1856 г. состоялась конвенція, касающаяся Аландскихъ острововъ, которая состоитъ изъ одной только статьи слѣдующаго содержанія: „Его Императорское Величество, Императоръ Всероссійскій, согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ Ему ихъ Величествами императоромъ французовъ и королевою Великобританіи и Ирландіи, объявляетъ, что Аландскіе острова не будутъ укрѣпляемы и что на оныхъ не будетъ содержимо, ни вновь сооружаемо никакого военнаго или морскаго заведенія" [143]). Этотъ трактатъ былъ ратифицированъ 3-го апрѣля 1856.





Каррикатуры на адмир. Непира:

Непиръ, захвативъ запасы соли у финновъ, боится, чтобы ему за это не насолили. Непиръ придумалъ развлеченіе: занялся ловлей на удочку. Вмѣсто трофей онъ несетъ въ парламентъ осетра и пр.

(На нѣкоторыхъ рисункахъ обозначено: Лондонъ Р. Гамъ-Гамъ).

IV. ВЪ ПЛѢНУ.

Бомарзундскій гарнизонъ, по взятіи форта союзниками, былъ посаженъ на баркасы и отвезенъ на разные пароходы, которые затѣмъ доставили одну часть плѣнныхъ во Францію, а другую въ Англію.—„Къ удивленію нашему,—пишетъ одинъ изъ бывшихъ въ плѣну русскихъ офицеровъ, — мы были приняты (на корабляхъ) англичанами съ полнымъ радушіемъ“. Во время плаванія военно-плѣнные офицеры обѣдали за общимъ офицерскимъ столомъ съ англичанами и французами. Вопреки существовавшему въ Англіи закону, воспрещавшему женщинамъ находиться на корабляхъ, жены многихъ нашихъ офицеровъ были приняты съ учтивостію и также обѣдали за общимъ столомъ. Нѣкоторымъ плѣннымъ довелось быть сперва на англійскомъ суднѣ, а затѣмъ на французскомъ и они находили обращеніе англичанъ менѣе оффиціальнымъ и болѣе свободнымъ. Но, къ несчастію, на судахъ развилась холера, которая не щадила ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Ко времени прибытія на мѣсто назначенія она прекратилась, унеся нѣсколько жертвъ. Плаваніе продолжалось три недѣли. Уже во время нахожденія на корабляхъ наши офицеры почувствовали, что англичане относились враждебно къ французамъ и признавали войну тайнымъ замысломъ двухъ союзныхъ дворовъ. Комендантъ Бодиско, 24 офицера и 932 нижнихъ чина были отвезены во Францію, остальныхъ отправили въ Англію [1]). Ген.-маіора Бодиско съ супругою, вмѣстѣ съ капитанами Викбергомъ и Теше, высадили въ Гаврѣ; всѣхъ другихъ водворили на небольшомъ островѣ Эксъ (Aix), находящемся въ Атлантическомъ океанѣ, при устьѣ Шаранты, имѣвшемъ всего 450 жителей и отличавшимся бѣдностію, чтобы не сказать нищетой. Коменданту предоставили на слово свободу и дали ему право избрать себѣ мѣсто жительства въ любомъ городѣ Франціи, исключая Парижа [2]); впослѣдствіи тоже право распространено было на всѣхъ офицеровъ. Ген.-м. Бодиско со

своими спутниками, избралъ городъ Эврё (Evreux); а остальные офицеры — г. Туръ [3]). Опредѣленнаго французскимъ правительствомъ содержанія едва хватало для приличной жизни и скромнаго пропитанія. Офицеры были увезены въ плѣнъ въ томъ платьѣ, въ которомъ находились въ моментъ сдачи форта, т. е. въ солдатскихъ шинеляхъ. Матеріальное ихъ положеніе было потомъ нѣсколько улучшено, благодаря главнымъ образомъ неустаннымъ заботамъ протоіерея Васильева, оставшагося въ Парижѣ послѣ отъѣзда оттуда нашей Миссіи. Первоначально офицерамъ пришлось размѣститься на островѣ Эксъ въ недостроенномъ зданіи, лишенномъ всякихъ удобствъ и мебели; одна комната оказалась даже безъ оконной рамы. „Живемъ здѣсь довольно жалостно,— писалъ капитанъ А. Э. Краузольдъ ген.-м. Я. А. Бодиско, — вопреки газетнымъ статьямъ, утверждающимъ, что будто-бы все было приготовлено къ нашему пріему. Я и Фуругельмъ... занимаемъ каждый по одной комнаткѣ съ оборванными висящими обоями. Это бы еще ничего... Но дѣло въ томъ, что осенью и зимой здѣсь невозможно будетъ жить. У меня даже камина нѣтъ, а по ночамъ теперь (въ сентябрѣ) уже бываетъ довольно холодно. Прочіе господа размѣстились по 4 или по 5 человѣкъ вмѣстѣ, въ малыхъ комнаткахъ, съ дверью прямо на улицу, или на чердакѣ... Дровъ отпускаютъ на каждаго въ день менѣе 3-хъ фунтовъ, что весьма достаточно для того, чтобы не переварить яицъ, если кто любитъ ихъ въ смятку... Островъ Аіх вполнѣ можетъ назваться ссыльнымъ мѣстомъ. Нѣтъ ни одного дерева, или что достойно было бы этого названія. Трава выгорѣла; на поляхъ вездѣ запахъ гніющихъ устрицъ, а свѣжія такъ тощи, что ихъ и ѣсть не стоитъ“ [4])..

Когда наступили холода, то невольные обыватели Экса предпочитали проводить болѣе трети дня въ постели.

Мѣстные офицеры предупредительно отнеслись къ нашимъ офицерамъ, которые, кромѣ того, принимались во всѣхъ домахъ Экса. Вскорѣ по прибытіи плѣнныхъ, французскіе офицеры пригласили къ себѣ на вечеръ нашихъ, съ цѣлью сблизиться. Наши явились. Небольшая комната едва могла вмѣстить гостей. Угощеніе состояло изъ табака, кофе, коньяка и кислаго вина. Были тосты, даже объясненія. Но изъ всего видно было, писалъ впослѣдствіи одинъ изъ плѣнныхъ, что французскіе офицеры ограничивались знаніемъ гарнизонной службы и мало видѣли порядочный свѣтъ [5]).

Транспортированіе плѣнныхъ изъ Бомарзунда.

При переѣздѣ изъ Экса въ г. Туръ, въ г. Пуатьѣ, корпусъ кавалерійскихъ офицеровъ пригласилъ русскихъ офицеровъ на обѣдъ, а вечеромъ въ театръ. Политическихъ разговоровъ наши избѣгали; но замѣтно было, что война съ Россіей вообще обществомъ не одобрялась. Нечего и говорить о томъ, что любопытные осматривали нашихъ съ головы до ногъ и задавали неизбѣжные вопросы о льдахъ Россіи и объ ужасахъ Сибири.

Распросы окружающихъ побудили нашихъ офицеровъ къ извѣстной осмотрительности и сдержанности въ разсказахъ, особенно по отношенію къ тому, что касалось сдачи Бомарзунда. Нѣкоторые, по слабости характера и недальновидности, забыли это правило, и потому товарищи, въ частной своей перепискѣ, вынуждены были напомнить о немъ. Въ Эксѣ среди офицеровъ прошелъ слухъ, будто бы одинъ изъ плѣнныхъ выразилъ свое мнѣніе, что Бомарзундъ въ состояніи былъ продержаться еще четыре дня. Такъ какъ подобный фактъ говорилъ не въ пользу участниковъ обороны форта, то наиболѣе, видимо, предусмотрительный изъ нихъ напомнилъ о необходимости взвѣшивать свои слова, особенно передъ иноземцами, которые не замедлятъ оповѣстить все слышанное въ газетахъ. Разсказы легко могутъ быть перетолкованы и составится извращенное общественное мнѣніе. А между тѣмъ плѣнные отлично понимали, что имъ, какъ участникамъ дѣла, придется дать отвѣтъ передъ своимъ начальствомъ.

Отсюда, надо полагать, родилась у нихъ мысль, составить подробныя реляціи объ осадѣ и сдачѣ форта [6]). Такія описанія дѣйствительно явились. Одни составили ихъ еще во время нахожденія въ плѣну, другіе — по пріѣздѣ въ Россію. Полк. Фуругельмъ, по прибытіи во Францію, счелъ своимъ долгомъ донести начальству о постигшей его участи [7]). Написавъ свой отчетъ въ Эксѣ на французскомъ языкѣ, онъ отправилъ его по почтѣ брату въ Гельсингфорсъ, для передачи ген.-л. Рокасовскому [8]). Очень подробныя реляціи представили плацъ-маіоръ подп. Тамеландеръ (начальнику штаба Финл. воен. окр., ген.-м. Норденстаму), кап. фонъ-Кнорррингъ и кап. Теше. Сводкой всѣхъ собранныхъ свѣдѣній занялся капит. Краузольдъ, перу котораго принадлежитъ „Журналъ обороны Аландскихъ укрѣпленій“; краткій журналъ написанъ рукою плацъ-адъютанта Викберга [9]). При составленіи своихъ реляцій, нѣкоторые дѣлали (напр. кап. Теше) ссылки на оффиціальныя донесенія Барагэ д'Илье, Ніэля и Парсеваля, которыя появились въ „Монитёрѣ“.

Офицеры тѣмъ внимательнѣе изучали дѣло, что знали объ ожидавшей ихъ, по возвращеніи въ Россію, слѣдственной комиссіи. Естественно также, что имъ желательно было избѣжать этого непріятнаго разслѣдованія и они заграницей носились съ мыслію о томъ, чтобы комендантъ составилъ столь обстоятельную реляцію, которая, будучи представлена черезъ военнаго министра Государю, побудила бы Монарха оправдать всѣхъ безъ всякаго слѣдственнаго производства [10]). Почему этотъ планъ не былъ осуществленъ—остается неизвѣстнымъ.

Нижнихъ чиновъ помѣстили въ казармахъ въ мѣстечкѣ Эксъ и въ фортѣ Ліедо, гдѣ при нихъ добровольно остались четыре офицера. Въ казармахъ не имѣлось даже наръ, а стѣны пропитаны были сыростью. За ними наблюдалъ французскій гарнизонъ изъ 200 солдатъ и 20 жандармовъ. Сношеній съ посторонними не допускалось. Обходились съ нижними чинами „весьма ласково“ [11]). Перекличка производилась въ день три раза. Кормили ихъ хорошею пищею, но порціи были малы. Особенно недовольны были солдаты бѣлымъ хлѣбомъ, жидкимъ супомъ и отсутствіемъ кваса.

Протоіерей І. Васильевъ лично ознакомился съ положеніемъ плѣнныхъ и описалъ его саксонскому министру, барону Зеебаху (родственнику гр. Нессельроде). „По моей просьбѣ, добрый баронъ Зеебахъ обратился къ военному министру, фельдмаршалу Вальяну, съ твердымъ объясненіемъ и убѣдительною просьбою рѣшить

участь офицеровъ-плѣнниковъ, которыхъ пребываніе на островѣ Эксъ невыносимо“ [12]). Достойный протоіерей хлопоталъ объ улучшеніи содержанія плѣнныхъ, ихъ жилища, хлѣбной порціи и пр. Просьба была частью уважена, хотя и не сразу. На удовлетвореніе нуждъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ прот. Васильевъ получилъ изъ Россіи 25.000 франковъ.

О поведеніи русскихъ французская печать распространила нѣкоторыя небылицы, которыя были опровергнуты комендантомъ Гериссо и прот. Васильевымъ. По ихъ свидѣтельству, всѣ русскіе воины вели себя во Франціи безукоризненно, почему отецъ Васильевъ горячо заступился за соотечественниковъ, указывая на то,

Прибытіе г.-м. Бодиско съ женою и капитанами Викбергомъ и Теше въ Гавръ.

что недостойная журнальная клевета переполняла чашу скорби бѣдныхъ плѣнныхъ. По донесенію коменданта острова Экса, напечатанному во французскихъ газетахъ, плѣнники вели себя вообще „очень хорошо“.

Раздоръ въ семью русскихъ воиновъ внесъ іезуитъ и польскій бѣглецъ Еловицкій. Въ качествѣ французскаго католическаго священника, онъ допущенъ былъ къ плѣннымъ для исполненія требъ; но вмѣсто того, чтобы исполнять свои прямыя обязанности духовника, онъ занялся политической пропагандой и убѣдилъ многихъ уроженцевъ польскихъ губерній измѣнить вѣрноподданнической присягѣ. Когда коварная его цѣль была достигнута, онъ

письменно сообщилъ о результатѣ своей дѣятельности. Военный министръ доложилъ письмо Наполеону и императоръ Франціи приказалъ принять желавшихъ поступить въ его службу и отправить ихъ въ Алжиръ, а польскій легіонъ—въ Турцію. Изъ 260 поляковъ и евреевъ во французскую службу записалось 160 человѣкъ (по свѣдѣніямъ Кнорринга—120 поляковъ и 64 еврея, т. е. всего 184 чел.). Многихъ вовлекли обманомъ: заявили французскому начальству, что они были согласны на поступленіе, тогда какъ они подобнаго желанія не выражали. Ни одинъ изъ русскихъ и финляндцевъ не послѣдовалъ ихъ гнусному примѣру. Вѣрными присягѣ остались также польскіе офицеры и даже наши арестанты. Этотъ фактъ, видимо, немало смутилъ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, такъ въ „Allgemeine Zeitung“ [13]) появилась статья, въ которой говорилось: „мы думали, что всѣ русскіе плѣнные—дезертиры, желающіе поступить на службу Франціи; мы обольщали себя мечтою, что въ каждомъ русскомъ солдатѣ найдемъ своего тайнаго друга. Ничуть не бывало. Русскіе солдаты не только дрались отчаянно за свое отечество, но и возвращаются въ Россію съ радостью, несмотря на то, что во Франціи имъ оказывали всевозможное вниманіе“... Такъ какъ между измѣнившими и остальными нижними чинами начались ссоры и распри, то первыхъ пришлось отдѣлить. Справедливость требуетъ прибавить, что ни комендантъ острова, ни многіе другіе французы не одобрили дѣйствій подстрекателя Еловицкаго. Въ декабрѣ къ полякамъ пріѣзжалъ Ла-Рашельскій архіепископъ, который, въ своей проповѣди, нашелъ почему-то умѣстнымъ упомянуть о возстаніи Польши.

Четверо изъ плѣнныхъ предстали предъ судомъ за покражу казенныхъ кроватныхъ принадлежностей. Кромѣ того, одинъ изъ нихъ вооружился бутылкой противъ жандарма. Военно-судная комиссія признала, однако, ихъ не подлежащими наказанію военно-уголовнаго закона. По провѣркѣ, все оказалось шалостью и безразсудною вѣтренностью молодыхъ людей, изъ коихъ двое вздумали убѣжать изъ плѣна на захваченной у берега лодкѣ.

Вопросъ о размѣнѣ плѣнныхъ разрѣшился въ іюлѣ 1855 г. Французское правительство охотно согласилось дать свободу русскимъ плѣннымъ и взять на себя дорожныя издержки, по доставленіи ихъ до границы Франціи. Командиръ жандармскаго округа въ Evreux оффиціально увѣдомилъ ген. Бодиско (31 іюля) о дарованіи свободы плѣннымъ и о предоставленіи имъ права возвратиться моремъ или сухимъ путемъ и провести нѣсколько дней въ

Парижѣ, съ обязательствомъ явиться въ главный штабъ 1-го военнаго дивизіона [14]). На обратномъ пути, въ Парижѣ, нашихъ офицеровъ развлекали соотечественники обѣдами, театрами и пр. Передъ отъѣздомъ изъ Эврё, ген.-м. Бодиско помѣстилъ въ „Courrier de l'Eure„ [15]) слѣдующее письмо: „Г. Редакторъ. Е. В. Императоръ Наполеонъ великодушно дозволилъ мнѣ и моимъ офицерамъ возвратиться въ отечество. Оставляя Францію, я никогда не забуду того утонченнаго вниманія, которымъ соотечественники ваши старались облегчить нашъ плѣнъ. Благосклонность начальства, пріятныя сношенія съ жителями—словомъ все заставляло насъ полюбить вашъ добрый городъ. Мы жили въ немъ, если нельзя сказать счастливо, — ибо невозможно быть счастливымъ вдали отъ своего отечества, — то по крайней мѣрѣ мирно и спокойно. Считаемъ большимъ для себя утѣшеніемъ, что могли испытать сколько есть благороднаго и возвышеннаго въ характерѣ французскаго народа“ и проч...

Наполеонъ изъявилъ желаніе видѣть ген. Бодиско при его пріѣздѣ въ Парижъ. Аудіенція состоялась. Кромѣ Бодиско были приняты еще двое изъ Бомарзундскихъ офицеровъ. Наполеонъ сказалъ имъ: „Я счастливъ вашему возвращенію на родину и радъ, что могъ, насколько возможно, облегчить ваше пребываніе въ въ плѣну. Я охотнѣе желалъ бы видѣть васъ своими союзниками, чѣмъ врагами; но когда оружіе слагается въ честномъ бою, тогда уже болѣе нѣтъ враговъ“ [16]).

Типы бомарзундскихъ солдатъ.

Нижнихъ чиновъ отправили въ Россію на судахъ. Когда комендантъ Гавра и жандармскій офицеръ готовились покинуть пароходъ, всѣ наши унтеръ-офицеры (числомъ 16) окружили ихъ и выразили имъ искреннюю признательность за хорошее обхожденіе съ ними. Наказанные за нарушеніе дисциплины просили извиненія и признали, что наказаны вполнѣ заслуженно. Все это не осталось безъ извѣстнаго впечатлѣнія.

Въ Англію Бомарзундскихъ плѣнныхъ отвезли около 500 человѣкъ. Ихъ жизнь тамъ описана двумя нашими солдатами 10 Линейнаго баталіона—Загородниковымъ и Тарновскимъ. Разсказы ихъ мѣстами совершенно тождественны, мѣстами же прекрасно дополняютъ другъ друга [17]). По словамъ этихъ плѣнниковъ-очевидцевъ, англичане обращались съ нижними чинами вообще хорошо и проявили даже извѣстную „скромность“. Кормили нашихъ солдатъ порядочно, но непривычная пища ихъ мало удовлетворяла; особенно вспоминали они черный хлѣбъ. Въ англійскихъ же сухаряхъ случалось попадались даже черви [18]). Во время двадцатидневнаго пути въ Англію холера унесла нѣсколько жертвъ. 26-го августа плѣнные прибыли въ гавань Ширнесъ, гдѣ ихъ пересадили на старый корабль „Девонширъ“, устроенный внутри въ видѣ казармы. Здѣсь всѣхъ продержали мѣсяцъ въ карантинѣ; гг. офицеровъ отвезли въ городъ.

Утѣшеніемъ на чужбинѣ явился нашъ священникъ Евгеній Ивановичъ Поповъ. На палубѣ корабля (Девонширъ) онъ отслужилъ молебенъ и произнесъ слово, которымъ пробудилъ „стѣсненныя чувства плѣнныхъ“ столь сильно, что многіе прослезились. Онъ предупредилъ, что, будучи въ плѣну, они обязаны терпѣливо нести крестъ свой. 22-го сентября плѣнные были отправлены въ Плимутъ, гдѣ ихъ размѣстили въ каменномъ 3-хъ этажномъ зданіи, съ желѣзными рѣшетками у оконъ и оградой вокругъ двора. Это зданіе было сырымъ продовольственнымъ магазиномъ, которое теперь отопляли газовыми печками. По разсказамъ, въ этомъ же зданіи когда-то сидѣли плѣнные французы, коихъ здѣсь заморили. Сюда каждую субботу изъ Лондона пріѣзжалъ священникъ Поповъ для исполненія требъ. Въ городъ плѣнныхъ пускали только разъ въ недѣлю партіями, подъ строгимъ конвоемъ. Публику допускали въ это заключеніе и она нѣсколько своимъ присутствіемъ развлекала плѣнныхъ, хотя русская рѣчь и русскія газеты были

при этомъ воспрещены. Изрѣдка томившихся въ плѣну навѣщали русскіе купцы, которые во второмъ поколѣніи забыли уже родную рѣчь, хотя и сохранили привычку креститься на образа. Приходили еще за милостію нищіе, которыхъ тогда въ Англіи было очень много.

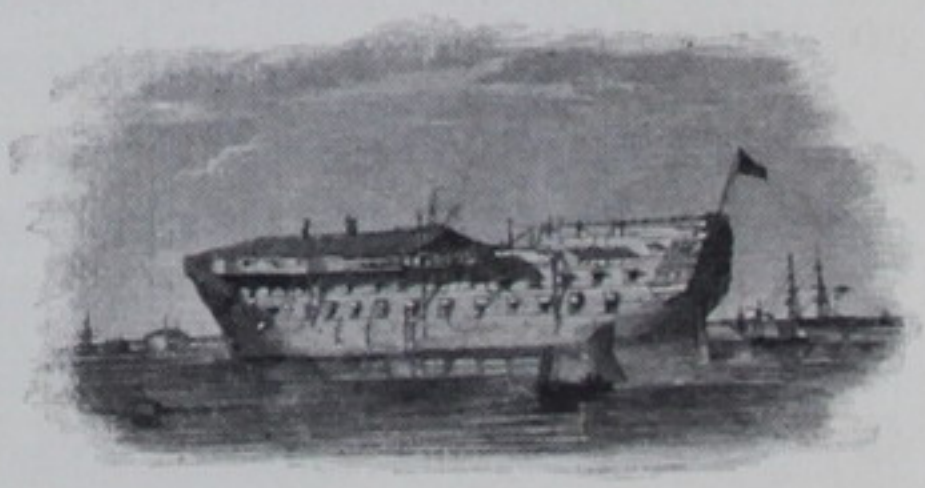
Офицеры (ихъ было, кажется, 10 чел.) жили въ городѣ по частнымъ квартирамъ, получая денежное содержаніе.

Въ Англіи повторилась печальная исторія измѣны поляковъ и евреевъ. Среди нихъ уже раньше слышались рѣчи: „у меня нѣтъ царя; Царство Польское имѣетъ своего короля; я государю никогда не стану служить“... Нелѣпые слухи о томъ, что Царство Польское взялось за оружіе ходили среди поляковъ даже на Аландѣ до перваго его бомбардированія. Теперь же ихъ смутили рядовой военно-рабочій Тарасевичъ и унтеръ-офицеръ Михневичъ, но не обошлось дѣло, конечно, безъ внѣшняго вліянія. Поляковъ отвели на другой дворъ въ особое помѣщеніе. Чтобы показать ненависть къ русскимъ, нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ полученныхъ знаковъ отличія военнаго ордена. Часть поляковъ была совращена обѣщаніемъ имъ офицерскаго чина. 7 апрѣля 1855 г. всѣхъ измѣнниковъ, въ числѣ 198 человѣкъ, отправили изъ казармъ на корабль и, вѣроятно, опредѣлили на англійскую службу.

Вѣсть о кончинѣ Императора Николая Павловича глубоко поразила русскихъ на чужбинѣ. Англичане же вообще радовались ей и, между прочимъ, выразили это картинками, расклеенными на улицахъ.

Въ сентябрѣ 1855 г. часть плѣнныхъ (около 200 чел.) отправили обратно въ Россію (въ Либаву), а остальные пробыли въ Англіи до апрѣля 1856 г. [19]). Въ первой партіи были всѣ офицеры и женатые нижніе чины. Изъ Либавы семейныхъ этапнымъ порядкомъ отправили черезъ Петербургъ въ Финляндію.

Извѣстно, что англійское правительство, въ противоположность французскому, крайне неохотно согласилось на освобожденіе плѣнныхъ, чѣмъ вызвало колкія замѣчанія иностранной печати. „Мы взяли Бомарзундъ съ его гарнизономъ,—писали французы; англичане же едва сдѣлали въ



Корабль-казарма „Девонширъ“.

немъ нѣсколько поврежденій. Мы только изъ великодушія уступили нашимъ союзникамъ половину плѣнныхъ". Послѣднее заявленіе невѣрно въ томъ отношеніи, что еще до начала кампаніи между союзниками состоялось условіе дѣлить плѣнныхъ поровну [20]). Упорство англичанъ наложило новый недружелюбный отпечатокъ на отношенія къ русскимъ. „Англичане не могутъ забыть, что благодаря упорной оборонѣ русскихъ, поблекнулъ вѣнецъ славы англійскаго оружія, а русскіе сильно раздражены разбойничествомъ англичанъ и ихъ системой поджога мирныхъ городовъ [21])...

Читатели, конечно, замѣтили, что часть поляковъ и евреевъ, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, отступили отъ присяги и перешли на службу нашихъ враговъ. Таже исторія повторилась и среди кинбурнскихъ плѣнныхъ, отвезенныхъ на островъ Жуанвиль, т. е. на самый большой изъ архипелага Принцевыхъ острововъ. Въ лагерь нашихъ солдатъ стали приходить ксендзы и католическія сестры милосердія, подъ видомъ, конечно, доставленія католикамъ духовной пищи. На дѣлѣ же они раздавали брошюры, призывавшія къ освобожденію угнетенной якобы Польши. Пропаганда велась ловко и послѣдовательно и кончилась она предложеніемъ поступить въ иностранные легіоны, для борьбы за „польскую ойчизну". Когда наши офицеры жаловались на агитаторовъ и просили воспретить имъ входъ въ лагерь, иностранные власти отвѣчали: „Сотня подлецовъ не увеличитъ нашей арміи. Но мы не въ правѣ запретить сестрамъ милосердія, ксендзамъ и офирамъ иностранныхъ легіоновъ посѣщать нашъ лагерь, не въ правѣ запретить имъ говорить вашимъ солдатамъ то, что несогласно съ вашими коренными народными убѣжденіями.... всякій солдатъ и офицеръ можетъ обсудить, что истинно и что ложно, что благородно и что низко и дѣйствовать сообразно полученнымъ выводамъ" [22]).

Конечно, это уже софистика, граничащая съ іезуитской изворотливостію.

V. ШВЕЦІЯ.

Начиная съ Ништадскаго мира, постоянной заботой нашего двора являлось сохраненіе дружественныхъ отношеній къ сѣверному сосѣду. Завоевательныхъ цѣлей Россія не преслѣдовала и даже не заботилась о расширеніи своихъ границъ въ сторону Финляндіи. Если бы наши Монархи смотрѣли на дѣло иначе, то имѣлась полная возможность давно оставить за собой этотъ Приботническій край, такъ какъ уже въ царствованія Петра Вел. и Елизаветы Петровны вся Финляндія (съ 1713 по 1721 и съ 1742 по 1743 гг.) была въ нашихъ рукахъ. Русская дипломатія довольствовалась тѣмъ, что ей удавалось парализовать враждебное намъ вліяніе на стокгольмскій дворъ и удержать Швецію отъ заключенія оборонительныхъ союзовъ противъ Россіи. Въ прежнія времена для достиженія этихъ результатовъ, нашимъ дипломатамъ приходилось русскими ефимками и рублями противодѣйствовать иностраннымъ ливрамъ и стерлингамъ, такъ какъ отъ золота не отказывались тогда ни члены риксдага, ни первые сановники государства. Союзы съ Швеціей то заключались, то разрывались, но вообще отношенія къ стокгольмскому двору были наилучшія. Тильзитскій договоръ и завоеваніе Финляндіи, конечно, нарушили эти добрыя отношенія; но уже въ 1812 г. мы вновь договорились съ Бернадоттомъ (сначала въ Эребро, а затѣмъ въ Або), и бывшій маршалъ Франціи сдѣлался совѣтникомъ Русскаго Императора въ его великой борьбѣ съ Наполеономъ [1]).

Французскій историкъ Грегуаръ (III т. 525) утверждаетъ даже, что, начиная съ 1812 г., Швеція находилась подъ вліяніемъ С.-Петербургскаго двора. Въ 1838 г. Императоръ Николай I запросто и инкогнито посѣтилъ въ Стокгольмѣ 75-ти лѣтняго короля Карла-Іоанна XIV (Бернадотта) и былъ радостно привѣтствуемъ населеніемъ шведской столицы [2]). Въ тотъ періодъ, когда Россія считала своей обязанностью вездѣ охранять принципъ авторитета

власти, она, отправляя (въ 1848 г.) эскадру для охраны Копенгагена отъ революціонной Германіи, предложила свои транспортныя суда для перевозки шведскихъ войскъ въ Данію [3]). Во время Крымской войны, русское правительство предложило Пруссіи вступить въ соглашеніе о нейтралитетѣ со скандинавскими государствами, Швеціей и Даніей, имѣвшими общіе интересы на Балтійскомъ морѣ. И если Россія выступила съ подобнымъ планомъ, то надо полагать, что она разсчитывала тогда на возможность его осуществленія. Но на этотъ разъ задуманная комбинація оказалась одной изъ тѣхъ немалочисленныхъ иллюзій [4]), которыя были взлелѣяны въ открытой душѣ Русскаго Монарха.—Пруссія боялась англійской блокады, страшилась разрыва съ Австріей и носилась уже съ идеей союза съ западными державами, а осторожная Швеція выжидала только подходящаго случая, чтобы закрѣпивъ свое положеніе и выразить истинныя чувства, питаемыя ею тогда къ „опаснѣйшему сосѣду“.

Во время кампаніи 1854—1855 гг. Швеція, въ силу того обстоятельства, что гроза войны разразилась около ея береговъ, не могла, конечно, остаться безучастной зрительницей происходившей борьбы. Въ началѣ войны Швеція вела себя очень корректно. Король Оскаръ I сообщилъ тайному комитету шведскаго риксдага, что въ случаѣ европейской войны, Швеція рѣшилась сохранить строгій нейтралитетъ, „основанный на безпристрастномъ уваженіи къ правамъ всѣхъ державъ“. 23 Декабря 1853 г. объ этомъ доведено было до свѣдѣнія европейскихъ дворовъ и самъ король увѣдомилъ Николая Павловича о нейтралитетѣ. Нашъ кабинетъ высказалъ, конечно, одобреніе такому рѣшенію и Императоръ отвѣтилъ королю собственноручнымъ письмомъ.—Швеціи выражено было вообще полное довѣріе [5]).

„Отъ шведскаго и датскаго дворовъ, — писалъ генералъ Кастельбажакъ 9 января 1854 г. Тувенелю, — получены (въ Петербургѣ) заявленія объ ихъ нейтралитетѣ; тоже подтвердили мнѣ шведскій и датскій посланники. Мнѣ думается, что эти двѣ страны слишкомъ поспѣшили забить тревогу, или, быть можетъ, это отвѣтъ на запросъ, сдѣланный Россіей. Канцлеръ Нессельроде принялъ заявленіе о нейтралитетѣ Швеціи очень холодно и сказалъ: къ счастью, его не придется примѣнить на дѣлѣ.

„Что касается Даніи, то тамъ происходили по этому поводу совѣщанія уже съ 10-го декабря. Одинъ министръ, родственникъ г. Плессена и въ душѣ такъ же, какъ и онъ, болѣе русскій, нежели

датчанинъ, подалъ первый голосъ за союзъ съ Россіей. Другой министръ поддержалъ его, но остальные шесть подали голоса за нейтралитетъ, ясно выказавъ при этомъ свои симпатіи къ Франціи. Здѣшній датскій посланникъ—горячій сторонникъ Россіи, но г. Мольтке, секретарь посольства, чистокровный датчанинъ, относится весьма сочувственно къ Франціи [6])".

Въ условіяхъ шведскаго нейтралитета было одно положеніе, которое клонилось къ нашей невыгодѣ. Дѣло въ томъ, что Швеція, руководясь экономическими интересами, постановила оставить свои порты (за исключеніемъ военныхъ) открытыми для военныхъ судовъ обѣихъ непріятельскихъ сторонъ. Казалось, что въ основу такого постановленія положена была справедливость и равное отношеніе къ воюющимъ; но на дѣлѣ выходило, что означеннымъ правомъ въ состояніи будутъ воспользоваться только наши противники, такъ какъ мы, въ силу худшаго состоянія нашего флота, обречены были на оборону. Противники получали такимъ образомъ въ открытыхъ шведскихъ гаваняхъ большое удобство. Это признала въ свое время и шведская газета („Svensk Tidning" 28 янв. 1854 г.), сказавшая, что нейтралитетъ Скандинавіи очевидно болѣе благопріятенъ Англіи и Франціи, которыя не имѣютъ портовъ въ Балтійскомъ морѣ. Императорскій кабинетъ дружелюбно, но серьезно поставилъ на видъ стокгольмскому двору, что непріятель въ состояніи будетъ, оставаясь въ шведскихъ гаваняхъ, выжидать удобнаго момента и затѣмъ нанести оттуда ударъ.—Предложено было Швеціи и Даніи на извѣстное время закрыть гавани Эльфснабена, Карлсгамна и Киля, такъ какъ противъ такой мѣры не могли возразить морскія державы. Министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи и Норвегіи, баронъ Стирнельдъ, отвѣтилъ, что трудно запереть двери дома, не имѣя къ нему ключа. „Мы этимъ ключемъ не располагаемъ, почему не въ силахъ удержать флоты бросить якорь, гдѣ имъ вздумается . . . А затѣмъ, не полагаете-ли вы,—сказалъ онъ нашему посланнику,—что англичане будутъ считаться съ нашей защитой, построенной на словахъ; я ихъ достаточно знаю и могу заявить, что они не остановятся передъ такими пустяками" [7]). Шведскій король не пошелъ на уступки и только повторилъ свое обѣщаніе честно соблюсти нейтралитетъ.

Во всякомъ случаѣ, въ словѣ, данномъ шведскимъ королемъ, усматривалась наша выгода. Прямыя же услуги онъ оказалъ, во 1-хъ, тѣмъ, что воспретилъ шведамъ и норвежцамъ поступать

на службу воюющихъ державъ; этимъ приказаніемъ наши противники были значительно стѣснены при отысканіи себѣ опытныхъ лоцмановъ; во 2-хъ, онъ воспротивился намѣренію союзниковъ перезимовать въ Швеціи или Даніи. Разрѣшеніе это противорѣчило бы смыслу нейтралитета, почему русское правительство своевременно обратило вниманіе стокгольмскаго и датскаго дворовъ на серьезность подобнаго обстоятельства [8]) и, въ 3-хъ, король отказался послѣдовать предложенію Англіи и Франціи: занять Аландскіе острова. Такимъ образомъ, казалось, что Оскаръ I твердо держитъ свое слово и Россіи оставалось только радоваться поведенію Швеціи.

Нашъ посланникъ въ Швеціи, т. с. Яковъ Андреевичъ Дашковъ, донесъ вице-канцлеру графу Нессельроде (19—31 января 1854 г.), что король и его министръ Стирнельдъ (Stierneld) преисполнены лучшихъ чувствъ; но при этомъ Дашковъ добавилъ, что личныя чувства безсильны предъ страхомъ, который возбуждаетъ морская сила Англіи. А затѣмъ, чтобы точнѣе охарактеризовать положеніе дѣла и самый вопросъ о шведскомъ нейтралитетѣ, нашъ стокгольмскій посланникъ привелъ депешу гр. Матушевича, которая, хотя и относилась къ 1840 г., но, по его мнѣнію, была примѣнима къ наличнымъ обстоятельствамъ.—„Достаточно четверти часа разговора, чтобы убѣдиться, что у короля одновременно есть и сильное желаніе быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ, и страхъ стать въ худыя отношенія къ лондонскому кабинету. Онъ ради этого страха многимъ пожертвуетъ; и если когда-либо наши дружескія отношенія къ Англіи прервутся, то я увѣренъ, что можно будетъ провѣрить все, что я сообщилъ о его расположеніи къ намъ“. Сказанное графомъ Матушевичемъ о Карлѣ XIV († 1844), Я. А. Дашковъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ примѣнилъ къ Оскару I († 1859), что не признавалъ въ немъ силы характера его предшественника Бернадотта. „Какъ тогда, такъ и теперь“, прибавилъ Дашковъ, „Швеція и Норвегія будутъ соблюдать нейтралитетъ, или же послѣдуетъ неизбѣжный союзъ съ Англіей противъ Россіи“ [9]). Послѣдовавшія затѣмъ обстоятельства вполнѣ оправдали правильность заключенія нашего стокгольмскаго посланника.

Въ февралѣ (1854 г.) Я. А. Дашковъ имѣлъ аудіенцію, во время которой король выразилъ свое полное удовлетвореніе, по поводу окончанія непріятныхъ недоразумѣній, вызванныхъ намѣреніями шведскаго правительства, и порадовался пріему, оказан-

ному Императорскимъ кабинетомъ открытымъ и чистымъ заявленіямъ Швеціи. Король говорилъ о чувствахъ искренней дружбы къ Императору [10]).

Итакъ, въ началѣ 1854 г. король увѣрялъ Императора Николая Павловича, что шведское оружіе ни въ какомъ случаѣ не

Тайный совѣтникъ Як. Андр. Дашковъ
Изъ собр. П. Я. Дашкова.

будетъ обращено противъ Россіи и даже огорчался, что его словамъ не придавалось достаточнаго довѣрія и желали отъ него письменнаго удостовѣренія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи, Густавъ Стирнельдъ, и секретарь Мандерштремъ также говорили нашему посланнику, что при жизни короля никогда Швеція не войдетъ ни въ какія соглашенія противъ Россіи, если, конечно,

не будетъ къ тому побуждена необходимостью защищаться противъ русскаго нападенія. „Все равно“, прибавилъ Мандерштремъ, „мы не можемъ слѣдовать иной политикѣ, какъ той, которую намъ предписываетъ наше положеніе относительно васъ“ [11]). Если Россія желала возможно большей ясности и опредѣленности въ поведеніи Швеціи, то къ тому она побуждалась нежеланіемъ держать „цѣлый корпусъ въ Финляндіи для наблюденія“. Въ августѣ того же года одинъ изъ представителей западныхъ державъ (Brassier) вызвалъ молчаливаго главу Швеціи на политическій разговоръ. Король вновь повторилъ, что будетъ держаться принятаго положенія, пока сѣверныя обстоятельства не вынудятъ его къ другому [12]). Слѣдовательно, всѣ заявленія Швеціи сопровождались оговорками „если“ или „пока“...

Между тѣмъ событія быстро развертывались и не заставили долго ожидать разгадки, прикрытой округленными фразами дипломатовъ.

Уже въ февралѣ (1854 г.) вопросъ о нейтралитетѣ разсматривался на риксдагѣ, причемъ ораторы весьма несдержанно говорили о Россіи. На поддержаніе этого нейтралитета, или, точнѣе говоря на новыя вооруженія и на флотъ, риксдагъ ассигновалъ $2^1/_2$ мил. риксдалеровъ. „Это, конечно, немного“, сказалъ Стирнельдъ, „и никто не заподозритъ тутъ враждебныхъ симптомовъ“. Въ апрѣлѣ неодобрительно отнесся къ Россіи норвежскій стортингъ. Въ маѣ шведскій риксдагъ подалъ королю адресъ съ благодарностію за нейтралитетъ, но Я. А. Дашковъ предупредилъ, что общественное мнѣніе адреса этого не раздѣляло [13]).

Западные союзники, въ поискахъ за новыми силами и новыми операціонными базисами, не упустили, конечно, случая воздѣйствовать на короля Оскара. Главной приманкой являлась, разумѣется, Финляндія, идея возвращенія которой была тогда очень популярна среди шведовъ.

Трудно сказать, кому принадлежала первая мысль о привленіи Швеціи къ англо-французскому союзу. Бапстъ, въ книгѣ „Le maréchal Canrobert. Souvenirs d'un siècle“ [14]), разсказываетъ, что наслѣдный принцъ Швеціи (впослѣдствіи Карлъ XV) послалъ къ французскому правительству тайнаго агента, Бланшара, который очень прозрачно изложилъ условія, на которыхъ Швеція согласится войти въ союзъ. Ей желательно получить обратно Финляндію, отнятую Россіей. Этой мысли симпатизировали шведская печать и общество. Тѣми же чувствами полно было сердце короля

Оскара I и если онъ сдерживалъ ихъ, то только вслѣдствіе того, что хладнокровно оцѣнивалъ послѣдствія разрыва съ могущественнымъ сосѣдомъ. Королю желательно было также знать, чѣмъ вознаградятъ его союзники за ту помощь, которую онъ въ состояніи оказать имъ. Швеція можетъ выставить 60-тысячное войско. Она болѣе богата желѣзомъ, чѣмъ золотомъ; содержаніе же подъ ружьемъ ея арміи потребуетъ милліонной ежемѣсячной субсидіи. Швеція не только желала бы получить обѣщаніе о возвратѣ ей Финляндіи, но также полную гарантію его исполненія Англіей и Франціей. Если, наконецъ, Швеція ни на что пока еще не рѣшалась, то причина этого заключается въ томъ, что она ожидаетъ результатовъ войны на югѣ. Въ такомъ смыслѣ слагались разсужденія Бланшара.

Наполеонъ воспринялъ его мысли и приказалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люису, приготовить инструкцію для Барагэ д'Илье, назначенному начальникомъ французскаго десанта на Аландѣ. Рѣшено было, что Барагэ заѣдетъ предварительно въ Стокгольмъ, для переговоровъ съ королемъ. Но ранѣе Барагэ д'Илье въ Стокгольмъ попалъ начальникъ англійской эскадры, адмиралъ Непиръ.

Въ началѣ апрѣля 1854 года, шведскій пароходъ „Гильфъ" бросилъ якорь подлѣ британскаго корабля адмирала Непира и командоръ (Аннерстедъ), отъ имени короля, пригласилъ адмирала въ Стокгольмъ. Аудіенція состоялась 13 (25) числа и продолжалась $1^1/_2$ часа. Затѣмъ адмиралъ завтракалъ, на половинѣ королевы, съ ихъ величествами. Говорили, что политики Непиръ почти не касался, а болѣе разсказывалъ морскіе анекдоты, жаловался на трудность плаванія въ Балтійскомъ морѣ и утверждалъ, что безъ высадки многочисленнаго корпуса нельзя ожидать какихъ-либо положительныхъ результатовъ [15]).

Англійскій же историкъ Балтійской кампаніи G. Butler Earp, составившій свою книгу („The history of the Baltic campaign of 1854") по документамъ Непира, рисуетъ иную картину [16]). Онъ повѣствуетъ, что Непиръ отправился въ Стокгольмъ, съ цѣлью выяснить, на что можно разсчитывать со стороны Швеціи, имѣя инструкцію послужить въ то же время королю, если его величество того потребуетъ. Непиръ указалъ королю на важное значеніе Швеціи, которая отстоитъ теперь въ разстояніи четырехъ часовъ пароходнаго пути отъ владѣній Россіи, находясь постоянно въ опасности. Англія и Франція — намекалъ адмиралъ-дипломатъ —

имѣютъ большой флотъ, но мало войска, почему союзники затрудняются отдѣлить значительный корпусъ для взятія Аландскихъ острововъ. У Швеціи же отличныя войска и хорошія канонерскія лодки, и если бы она скоро и внезапно двинула ихъ, то ускорила бы рѣшеніе вопроса, улучшивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, собственное положеніе. Король отвѣтилъ, что ни онъ, ни его народъ не желаютъ завоеваній, пока ихъ нейтралитетъ обезпеченъ. Правда, что Россія—угрожающій сосѣдъ, но король не уяснилъ себѣ еще, чѣмъ его союзъ съ другими державами въ состояніи улучшить положеніе Швеціи. Переходя къ частной аудіенціи, Непиръ прибавляетъ, что завтракъ носилъ семейный характеръ и они, т. е. король и адмиралъ, разговаривали, какъ два джентльмена. Королю дано было знать, что когда прибудутъ французскія войска, онъ, Непиръ, „перемѣнитъ хозяина Аланда“. Возвратясь на королевской яхтѣ къ своей эскадрѣ, Непиръ поспѣшилъ сообщить свою бесѣду лорду Кларендону, прибавивъ, что Оскаръ I, видимо, не вѣрилъ въ дипломатическія способности адмирала, и что вообще короля трудно расшевелить. Непиръ сдѣлалъ, что могъ, дабы ввести короля въ союзъ. Адмиралъ въ это время пересталъ даже заботиться о пополненіи своего флота канонерскими лодками, надѣясь воспользоваться шведскими, коихъ у короля находилось 328, тогда какъ Англія не имѣла ни одной (Earp, стр. 127—128). Что союзу Швеціи въ это время придавали немалое значеніе, видно еще изъ письма Грегэма (отъ 9 мая н. ст. 1854 г.) Непиру. „Многое зависитъ,—писалъ лордъ,—отъ окончательнаго рѣшенія Швеціи; если она присоединится къ вамъ со своими войсками и канонерскими лодками, то не только Бомарзундъ, но и Свеаборгъ войдетъ въ кругъ вашихъ дѣйствій“...

Швеція значительно склонялась уже къ Англіи, но ожидала гарантій, отъ которыхъ союзники уклонялись. Кромѣ того, Швеція ставила условіемъ, чтобы Австрія ранѣе ея выступила противъ Россіи [17]). 11 Іюля 1854 г. Грегэмъ сообщалъ Непиру, что Швеція не двинется до тѣхъ поръ, пока Австрія не объявитъ войны Россіи. Австрія же колебалась и боялась открытаго разрыва, предпочитая опутывать Россію сѣтями интригъ, по завѣтамъ коварнаго Меттерниха.

17 (29) Іюля (1854 г.) Стокгольмъ посѣтилъ генералъ Барагэ д'Илье и въ тотъ же день былъ принятъ королемъ въ замкѣ Гага (Haga). Въ обществѣ и дипломатическихъ кругахъ опять утверждали, что французскій генералъ не сдѣлалъ никакихъ фор-

мальныхъ предложеній, хотя на аудіенціи не преминулъ указать на выгоды для Швеціи отъ присоединенія къ западнымъ державамъ.

Французскій историкъ войны (1853 — 1856 гг.) Léon Guérin, составившій свое описаніе непосредственно за окончаніемъ столкновенія (книги его появились въ Парижѣ уже въ 1858 г.), говоритъ въ общихъ выраженіяхъ, что Барагэ добивался узнать намѣренія короля и сдѣлалъ попытку привлечь его къ англо-французскому союзу, предложивъ ему Аландскій архипелагъ, но король не рѣшился принять его, за отсутствіемъ гарантій.

Въ настоящее время, благодаря появленію въ печати воспоминаній Канробера (G. Bapst; „Le maréchal Canrobert“) [18]) имѣется возможность точнѣе опредѣлить стокгольмскую миссію Барагэ д'Илье. Инструкція, данная генералу, гласила, что императоръ Франціи склоненъ къ союзу съ стокгольмскимъ дворомъ, а потому Барагэ д'Илье надлежало повліять на Оскара. „Вы ему скажете, что корпусъ, которымъ вы командуете, только авангардъ болѣе сильной арміи; вы ему напомните, что Аландскіе острова лишь недавно отошли отъ Швеціи и императоръ желаетъ взять ихъ и возвратить прежнему владѣльцу“. При этомъ рекомендовалось генералу указать, что флотъ Швеціи, при отобраніи островъ, могъ бы оказать помощь союзникамъ. „Вы передадите все это, какъ отзвукъ вашего личнаго разговора съ императоромъ“.

Въ поѣздкѣ въ Стокгольмъ Барагэ д'Илье сопровождалъ генералъ Ніэль. Сущность сказаннаго королемъ на аудіенціи французскихъ генераловъ сводится къ слѣдующему. „Я хочу высказаться вполнѣ откровенно. — Не я добивался войти въ вашъ союзъ, мнѣ предложили его. — Я не могу принять предложенія, пока не буду увѣренъ, что Германія пойдетъ съ вами. Я не получу согласія моихъ королевствъ, если не представлю, что союзъ является помощью европейской коалиціи, имѣющей цѣлью уничтоженіе Россіи. Владѣя Петербургомъ, Россія можетъ легко,— когда васъ не будетъ на сѣверѣ,—напасть на Финляндію, назначивъ для этого 150.000 человѣкъ. Я могу выставить 60.000 чел., на это мнѣ надо два мѣсяца и содѣйствіе союзнаго флота, чтобы перевезти ихъ въ Финляндію. Столько же войска должна выставить Франція. Я просилъ субсидію въ 10 милліоновъ, но мнѣ потребуется еще нѣсколько милліоновъ. Швеціи принадлежитъ важная роль, въ виду ея близости къ Петербургу, но она же болѣе другихъ можетъ почувствовать и недовольство Царя. Не я предложилъ покореніе Финляндіи. Финляндію трудно сохранить послѣ покоре-

нія даже съ вашею помощію. Со 120.000 войскомъ можно совершить удачный походъ въ Финляндію, но для этого нужно, чтобы Россія ранѣе была разбита. Война на сѣверѣ можетъ явиться только послѣдствіемъ побѣдоносной кампаніи на югѣ. Во всѣхъ случаяхъ мои желанія совпадаютъ съ вашими.—Я предполагалъ, что событія (войны) пойдутъ быстрѣе. Не я искалъ союза. Я не могъ удовольствоваться одними обѣщаніями и планами кампаніи, мнѣ нуженъ обоснованный формальный договоръ [19]).

Вечеръ французскіе генералы провели у наслѣднаго принца. „Идите вы впередъ, а мы послѣдуемъ за вами“, повторялъ онъ французскимъ генераламъ.

Англія, конечно, знала о цѣли дипломатической поѣздки генерала Барагэ д'Илльe. Грегэмъ увѣдомилъ Непира, что Барагэ д'Илльe заѣдетъ въ Стокгольмъ для того, чтобы склонить шведовъ отступить отъ нейтралитета, но что Австрія продолжаетъ оставаться помѣхой, почему король врядъ ли послѣдуетъ убѣжденіямъ французскаго генерала и моментъ для рѣшительнаго дѣйствія будетъ упущенъ [20]).

Такими способами Швеція исподволь вовлеклась въ союзный лагерь и представители стокгольмской дипломатіи находили, что необходимо сдѣлать нѣкоторыя уступки, дабы не подвергнуть Швецію опасности со стороны державъ, которыя являлись теперь хозяевами Балтики.

Русскій же Дворъ, довѣряя Швеціи, предполагалъ, напротивъ, измѣненіе обстоятельствъ въ нашу пользу. „Пруссія продолжаетъ быть къ намъ доброжелательною. Даже умы въ Швеціи начинаютъ обращаться къ лучшему“,—писалъ Государь кн. Горчакову 19 (31) іюля. Тоже повторено было въ письмѣ къ кн. Меншикову 20 іюля (1 авг.) 1854 г.

На югѣ союзники не разъ уже схватывались съ русскими. Севастополь держался, хотя и переживалъ критическія минуты. Наполеонъ носился съ мыслью о необходимости снятія осады Севастополя, но тѣмъ не менѣе съ усиленной энергіей искалъ новыхъ союзниковъ. Піемонтъ присоединился къ нимъ; Испанія соглашалась примкнуть, но на извѣстныхъ условіяхъ. Изъ всѣхъ европейскихъ государей, если не считать папы, одинъ только король неаполитанскій обнаружилъ къ намъ искреннее дружелюбное расположеніе. Война грозила стать всеобщей [21]).

Паденіе Бомарзунда вызвало ликованіе въ Стокгольмѣ. Первый пароходъ привезъ отъ 7 до 8 сотъ туристовъ (flâneurs) на

Аландъ. Настроеніемъ шведовъ желали воспользоваться. Наполеонъ телеграфировалъ изъ Біарица военному министру, маршалу Вальяну (Vaillant): „Надо скомпрометировать Швецію, постарайтесь, чтобы мой заказъ шубъ не былъ напрасенъ“. Весело настроенный министръ передалъ желаніе императора телеграммой такъ: „Постарайтесь, чтобы Швеція царапнула медвѣдя“ [22]). Барагэ д'Илье, исполняя указанія своего правительства, послалъ адъютанта, кап. Мелина, въ Стокгольмъ, съ предложеніемъ взять Аландскіе острова. Осторожный король возразилъ: но вѣдь послѣдствіемъ этого было бы объявленіе Россіей войны Швеціи! Отказавъ французамъ, король, однако, утѣшалъ ихъ тѣмъ, что все пойдетъ благополучно и онъ не встрѣтитъ болѣе препятствій къ вступленію въ союзъ.

Швеція пылала энтузіазмомъ, ея условія были ясны и, тѣмъ не менѣе, переговоры съ нею не получали формы опредѣленнаго договора. Почему? „Трудно понять, — пишетъ Pierre de Courbertin — какія сомнѣнія и поводы къ нерѣшимости удерживали Тюильерійскій кабинетъ отъ договора, на условіяхъ возвращенія Финляндіи. Прошелъ годъ, прежде чѣмъ возобновились переговоры“. Georges предполагаетъ, что Наполеонъ сомнѣвался въ искренности короля Оскара—до такой степени изумительной казалась ему шведская политика [23]). Къ этому же выводу приходитъ и шведскій историкъ Севе (Teofron Säve). По его воззрѣнію, Оскаръ, объявивъ нейтралитетъ, въ дѣйствительности желалъ союза съ западными державами и въ теченіе 1854 г. подготовлялъ къ этому почву, но Наполеонъ, помня русскія симпатіи Карла XIV Іоганна, не питалъ полнаго довѣрія къ шведскому королю. Въ мартѣ 1855 г. переговоры возобновились въ Парижѣ, но, по прежнему, держались въ строгой тайнѣ.

Послѣдній толчекъ дѣлу данъ былъ патріотизмомъ шведовъ. Весной 1855 г. появленіе вновь флота союзниковъ въ Балтійскихъ водахъ подняло воинственный духъ шведовъ. По признанію ихъ историка Севе, сердца болѣе пылкихъ, при взглядѣ на многочисленныя трехдечныя англійскія суда, забились усиленнѣй, въ надеждѣ, что сине-желтыя знамена вновь станутъ развѣваться на противоположномъ берегу Балтійскаго моря... [24]). Манифестаціи были столь сильны, что правительство воспользовалось имъ для увеличенія своего военнаго бюджета. Риксдагъ охотно вотировалъ просимую прибавку. Не желая упускать подходящаго случая, Наполеонъ возобновилъ переговоры. Въ числѣ иностранцевъ, при-

нятыхъ въ то время въ Тюильери, находился элегантный шведскій офицеръ, извѣстный спортсменъ, графъ Баркъ. Наполеонъ зналъ его уже въ періодъ своего пребыванія въ Лондонѣ. Этого дворянина Наполеонъ отправилъ въ Швецію, для точнаго изслѣдованія общественнаго настроенія и степени сочувствія молчаливаго короля народному движенію. Симпатіи къ союзникамъ высказывались тогда въ Швеціи чрезвычайно опредѣленно. Упсальскіе студенты устроили большое факельное шествіе. Собравшись затѣмъ вокругъ памятника Карла XII, они пѣли патріотическую пѣсню, припѣвъ которой подхватывался толпою. Баркъ доложилъ, что чувства народа очень подогрѣты и король, хотя не высказывается, но несомнѣнно раздѣляетъ общее настроеніе. Моментъ для переговоровъ оказался, слѣдовательно, весьма благопріятнымъ.

Наконецъ, въ октябрѣ 1855 г., заговорили о визитахъ Канробера и адмирала Виргина. Обѣ поѣздки состоялись: адмиралъ Виргинъ былъ отправленъ во Францію, съ орденами Серафима и собственноручными письмами короля и наслѣднаго принца; кромѣ того, онъ повезъ съ собой полный отчетъ о состояніи арміи, флота и арсеналовъ Швеціи и Норвегіи, а также чертежи канонерскихъ лодокъ. Канроберъ имѣлъ съ собою орденъ большого креста Почетнаго Легіона для короля и его сыновей. Но тѣмъ не менѣе со всѣхъ сторонъ, и въ Парижѣ и Стокгольмѣ, продолжались раздаваться завѣренія, что поѣздки названныхъ лицъ—„простая вѣжливость“. Прусскій и Сѣверо-Американскіе „коллеги“ нашего стокгольмскаго посланника вѣрили, что шведскій король держится нейтралитета. Стирнельдъ увѣрялъ, что Наполеонъ желаетъ только выразить свои симпатіи къ сѣвернымъ странамъ и торжественнымъ образомъ напомнить о своемъ родствѣ со шведскимъ королевскимъ домомъ. Нашъ представитель въ Стокгольмѣ не придавалъ поѣздкѣ Канробера политическаго значенія и находилъ болѣе вѣроятнымъ, что маршалъ Франціи уполномоченъ передать лишь дружественное заявленіе своего монарха. Находившійся при русской миссіи въ Стокгольмѣ полк. Бодиско, предполагалъ, что единственною цѣлью пріѣзда Канробера является передача королю знаковъ Légion d'honneur. 31 декабря 1854 г. Бодиско писалъ: ходятъ слухи о предложенной Англіей субсидіи шведскому правительству. „Не знаю, имѣютъ-ли эти слухи какое-либо прочное основаніе; но, что положительно мнѣ извѣстно, такъ это то, что король не отступится отъ принципа, внушеннаго ему королемъ Карломъ-Іоганномъ и заключающагося въ томъ, чтобы

не ссориться съ Россіей, въ какомъ бы положеніи не находилась эта великая держава“ [25]).

Генералъ Канроберъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, прибылъ въ Швецію очень торжественно; въ его запряжкѣ было 8 лошадей. Населеніе столицы королевства привѣтствовало его съ живѣйшимъ участіемъ, польщенное тѣмъ, что порученіе дано

Канроберъ на улицахъ Стокгольма.
Изъ собр. П. Я. Дашкова.

было такому лицу, которое привлекло вниманіе всей Европы къ Швеціи. Королевская семья много чествовала его; населеніе устраивало иллюминаціи и факельныя шествія. На торжественной аудіенціи ничего новаго не было сказано. Король, вѣрный своей тактикѣ, увѣрялъ Канробера въ желаніи союза съ Франціей и Англіей, но выжидалъ, когда могущественныя державы примкнутъ

къ коалиціи; выражалъ готовность мобилизовать свои войска къ веснѣ и предлагалъ генералу осмотрѣть ихъ. Канроберъ удовлетворился этимъ и не упустилъ случая обнадежить короля возвратомъ Финляндіи. Сыновья короля приняли Канробера особенно ласково, видѣлись съ нимъ ежедневно и совмѣстно обсуждали планъ будущей кампаніи [26]). Канроберъ пробылъ въ Стокгольмѣ двѣ недѣли и поведеніе его отличалось большой сдержанностью. Онъ отдавалъ справедливость стойкости русскихъ войскъ; осматривалъ шведскую армію и военныя учрежденія. Шведскіе гвардейскіе полки имѣли, по мнѣнію Канробера, прекрасную выправку; но онъ сильно высказался противъ перевязи, которая скрещивалась на груди. Ружья онъ нашелъ тяжелыми; говорили, что осмотрѣвъ склады, онъ замѣтилъ: „Да, все хорошо, но это пригодно только для защиты“. Не безъ извѣстнаго основанія поэтому иностранная печать была увѣрена, что Канроберъ совѣщался о военныхъ силахъ Швеціи, необходимыхъ для выполненія плана нападенія на Россію. Канроберу приписывали еще слѣдующія слова: „Хотя мой монархъ и желалъ бы, чтобы возросло число его союзниковъ, но онъ будетъ уважать нейтральныя права“. Наконецъ, торжества и восклицанія окончились. Стирнельдъ выразилъ даже свое удовольствіе по поводу отъѣзда Канробера, сильно поднявшаго энтузіазмъ народа. Но главная его миссія все еще оставалась искусно замаскированной.

Но вотъ 5 (17) декабря 1855 г. Я. А. Дашковъ былъ приглашенъ къ министру, имѣвшему что-то сообщить ему. Оказалось, что всѣ свѣдѣнія о новомъ договорѣ, состоявшемся между Швеціей и союзниками, были уже посланы вице-канцлеру гр. Нессельроде. Дашкову дали прочесть отосланную депешу и текстъ приложеннаго къ ней договора.—Началось продолжительное объясненіе, съ цѣлью оправданія дѣйствій Швеціи. Министръ просилъ Дашкова обратить вниманіе на положеніе стокгольмскаго правительства, какъ по отношенію къ западнымъ державамъ, такъ и къ возбужденному общественному мнѣнію внутри государства. Претензія, заявленная Финляндіей въ 1851 г. относительно уступки части Варангеръ-фіорда, произвела неблагопріятное впечатлѣніе въ Норвегіи. Вопросъ этотъ дебатировался въ стортингѣ столь опредѣленно, что правительство было поставлено въ тиски. Представителей Швеціи (въ комиссіи о пограничной межѣ) осуждали за то, что они недостаточно приняли къ сердцу интересы Норвегіи; говорили даже, что шведское правительство продалось Россіи и является анти-

національнымъ. Настроеніемъ Норвегіи воспользовались въ Англіи, которая всегда ревниво относилась къ сѣверу [27]). Стирнельдъ сказалъ еще, что стокгольмское правительство было стѣснено предложеніемъ Англіи и Франціи, сдѣланнымъ уже въ іюлѣ (1855 г.), о трактатѣ, гарантирующемъ положеніе Швеціи. Отказаться отъ предложенія союзниковъ нельзя было, въ видахъ нейтралитета, чтобы не вызвать ихъ неудовольствія. Нужно было также избѣжать новой вспышки неудовольствія общественнаго мнѣнія, особенно въ Норвегіи. Министръ продолжалъ увѣрять Дашкова, что миссія Канробера не имѣла никакого отношенія къ трактату, что тутъ произошло лишь случайное совпаденіе. Далѣе, Стирнельдъ по собственному побужденію, т. е. не будучи спрошенъ Дашковымъ, прибавилъ, что трактатъ не сопровождается никакой отдѣльной или секретной статьей, и по своему содержанію ни въ чемъ не измѣняетъ политическаго положенія Швеціи. Стирнельдъ даже сердечно извинялся за то впечатлѣніе, которое все дѣло можетъ произвести въ Петербургѣ. Всякая держава,—прибавилъ онъ,—приняла бы гарантію, предложенную ей совершенно безкорыстно. Въ данномъ случаѣ Швеціи тѣмъ болѣе надлежало согласиться на предложеніе, такъ какъ ей давали одни преимущества и отъ нея ничего не требовали. Дашковъ далъ однако Стирнельду понять, что шведскій кабинетъ былъ мало любезенъ, сообщивъ очень поздно о сдѣлкѣ, заключенной съ врагами Россіи, и что въ этомъ можно усмотрѣть желаніе захватить насъ врасплохъ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Стирнельдъ сказалъ: русскимъ не слѣдовало забывать, что Финляндія незажившая еще рана Швеціи и если она зарубцевалась у людей пожилыхъ и умудренныхъ опытомъ, то у болѣе молодого поколѣнія она еще чувствительна, особенно подъ вліяніемъ текущихъ событій и воздѣйствій печати. Наконецъ, Стирнельдъ напомнилъ, что русскій кабинетъ отказался возобновить трактатъ 1751 г. [28]). Подготовляя Дашкова къ извѣстію о трактатѣ, министръ старался представить Швецію въ положеніи „между молотомъ и наковальней“.

Чтобы ни говорилъ министръ Швеціи, но оборонительный союзъ съ Англіей и Франціей, конечно, не согласовался съ объявленнымъ нейтралитетомъ.

21 Ноября (нов. ст.) 1855 года Швеція подписала договоръ съ Англіей и Франціей, который въ оффиціальной части сводился къ тому, чтобы (по 1 пункту) ни подъ какимъ видомъ не уступать Россіи, ни въ постоянное, ни временное владѣніе, и не от-

давать ей въ обмѣнъ никакой части земель, принадлежащихъ коронамъ шведской и норвежской, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни подъ какимъ видомъ не предоставлять Россіи права на пастбища или рыбную ловлю въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи, а отклонять всякое притязаніе Россіи на земельное пріобрѣтеніе. Въ 2-мъ пунктѣ значилось обязательство предоставить въ распоряженіе Швеціи и Норвегіи достаточныя сухопутныя и морскія силы для защиты отъ русскихъ притязаній и нападеній съ этою цѣлью. Кромѣ того, Швеція обязалась доставлять западнымъ державамъ немедленно свѣдѣнія о всѣхъ предложеніяхъ, которыя петербургскій кабинетъ могъ бы сдѣлать относительно территоріальныхъ уступокъ [29]). Такимъ образомъ Оскаръ ставилъ условіемъ своего содѣйствія гарантію морскими державами неприкосновенности шведо-нервежской территоріи и матеріальную помощь. Эта послѣдняя, кромѣ субсидіи, должна была выразиться присылкою, въ случаѣ надобности, 100,000-ной арміи. Король, съ своей стороны, обѣщалъ выставить 60,000 шведовъ и норвежцевъ. Этотъ оборонительный договоръ, по увѣренію историка Франціи Грегуара [30]), неизбѣжно надлежало замѣнить впослѣдствіи другимъ, болѣе опредѣленнымъ договоромъ, который заставилъ бы Швецію играть значительную роль среди враговъ Россіи.

Исчерпывались-ли условія договора приведенной оффиціальной его частью? Едва-ли. Главное и секретное обѣщаніе союзниковъ, сколько можно догадываться, заключалось въ возвращеніи шведской коронѣ Финляндіи [31]). Таково было мнѣніе современниковъ и многихъ изслѣдователей вопроса. Секретныхъ пунктовъ въ договорѣ, по словамъ Канробера, не было, но договоръ сопровождался обмѣномъ секретныхъ нотъ. „За участіе въ союзѣ, король требовалъ обезпечить ему увѣренность въ томъ, что, въ случаѣ побѣды, Финляндія составитъ его долю,“—читаемъ въ статьѣ Pierre de Courbertin [32]). Очень хорошо освѣдомленный по этому вопросу, Georges въ своей политической брошюрѣ выражается по сему поводу весьма опредѣленно: „Сверхъ того были несомнѣнно тайныя статьи касательно участія Швеціи въ войнѣ; хотя таковыя и не были опубликованы, онѣ остаются неоспоримымъ фактомъ“ [33]). Наконецъ, весь ходъ разсмотрѣннаго дѣла лучше всего показываетъ, что король Швеціи не могъ удовлетвориться пустымъ разговоромъ о Варангеръ-фіордѣ и вступилъ въ союзъ, послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, лишь тогда, когда желаемое имъ вознагражденіе было ему обѣщано союзниками.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Франція не въ первый разъ обѣщала Финляндію Швеціи. 13-го (25) марта 1812 г. принцъ Бернадоттъ получилъ оффиціальную, хотя и не подписанную, бумагу; но такъ какъ бумага была написана извѣстной ему рукой, то достовѣрность ея не подлежала сомнѣнію. Наполеонъ, какъ донесъ нашъ посланникъ при стокгольмскомъ дворѣ, баронъ Сухтеленъ, предложилъ принцу заключить съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ и, въ силу его, объявить намъ войну, занявъ Финляндію 30-тысячнымъ отрядомъ. За это онъ обѣщалъ Швеціи, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ ей Финляндіи. Сверхъ того, онъ предлагалъ часть Норвегіи, ежемѣсячно по милліонной субсидіи и пр. Но принцъ связалъ уже свою судьбу съ Русскимъ Государемъ и сказалъ ему: „Я совершенно и безповоротно преданъ Вашему Величеству, сказалъ онъ. Швеція всегда останется Вашимъ союзникомъ, ея армія всегда будетъ къ Вашимъ услугамъ. Въ этихъ чувствахъ я воспитываю и своего сына“ [34]). 29-го марта (10 апр.) 1812 г. баронъ Сухтеленъ сообщилъ о другомъ планѣ Наполеона. Императоръ Французовъ собирался теперь предложить Императору Александру Павловичу „уступить ему берега Балтійскаго моря до Двины или еще далѣе и за это взять Швецію и Норвегію [35])“. Въ этихъ двухъ предложеніяхъ сказались французскія и русскія традиціи. Наполеонъ, говоря, что ни одинъ здравомыслящій шведскій правитель не можетъ быть другомъ Россіи, слѣдовалъ традиціи Людовика XV; Императоръ Александръ I, удержавъ союзъ Швеціи обѣщаніемъ территоріальныхъ уступокъ, дѣйствовалъ въ духѣ политики Петра I и его преемниковъ.

О новомъ союзѣ 1855 г. русское общество узнало, благодаря болтливости германскихъ газетъ. Оффиціальное же признаніе союза было сдѣлано Наполеономъ въ рѣчи, произнесенной имъ 3-го марта (нов. ст.) 1856 г., при открытіи законодательной сессіи. „Le Pays“ и „Times“ коментировали въ свое время ноябрскій трактатъ. Французская полуоффиціальная газета писала тогда, что Финмаркенъ—давнишнее стремленіе Россіи—никогда не сдѣлается достояніемъ наслѣдниковъ Петра Великаго. Скандинавскія государства избавлены отъ величайшей опасности, грозившей имъ на сѣверѣ.—„Times“ находилъ, что Россіи нельзя будетъ домогаться ни земель на сѣверѣ, ни выгоднаго острова Готланда.

Въ Швеціи трактатъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно. Только дипломаты старой школы (напр. Manderström) отнеслись

къ нему неодобрительно [36]) Вслѣдствіе этого становится понятнымъ, почему шведскій риксдагъ и норвежскій стортингъ охотно ассигновали большія суммы на нейтралитетъ, почему Швеція готовилась усилить войско на удобномъ стратегическомъ пунктѣ — Готландѣ, и почему, наконецъ, шведо-норвежская эскадра была снаряжена къ отплытію. Шведы энергично проводили электрическій телеграфъ отъ Стокгольма къ Упсалѣ и Гриссельгаму, и отъ Гётеборга до Гельсинборга. Ваксгольмъ, Кастельгольмъ и другія мѣста укрѣплялись; наборъ Швеціи достигъ до 9000 чел.; морскіе маневры никогда не были столь обширны, какъ въ 1854 г.; изъ Бельгіи было выписано болѣе 6000 ружей; въ Берлинѣ заказаны каски и ранцы; всѣ генералы были заняты смотрами. Двумъ морскимъ офицерамъ, служившимъ волонтерами на военныхъ судахъ Франціи, король приказалъ возвратиться. Въ Крымъ отправленъ былъ военный агентъ, въ Парижъ—доктора, для изученія организаціи военныхъ госпиталей [37]). Армія Швеціи считалась въ 1855 г., примѣрно, въ 140.000 чел., но въ дѣйствительности она не превышала 116.000. Дополнительно государство въ состояніи было выставить отъ 40 до 50 тысячъ [38]). Недочеты въ устройствѣ арміи были столь значительны, что „Svensk Tidning“ (въ 1855 г.) усердно рекомендовала, послѣ сорокалѣтняго мира, невмѣшательство въ военныя дѣла союзниковъ. Оффиціальная газета (Post-och-Inrikes Tidning) старалась опровергнуть наличность существенныхъ недостатковъ въ организаціи шведской арміи.

Для того, чтобы, послѣ всего сказаннаго, уразумѣть содержаніе трактата, заключеннаго Швеціей съ Франціей и Англіей въ ноябрѣ 1855 г., необходимо получить нѣсколько историческихъ справокъ изъ прошлаго и выслушать заявленія скандинавскихъ писателей, иначе останется непонятнымъ, почему въ этомъ документѣ говорится о правахъ на пастбища и рыбную ловлю въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. По словамъ шведскихъ историковъ выходитъ, что Императоръ Николай Павловичъ, послѣ 1848 г., вернулся къ своимъ завоевательнымъ планамъ и потому опять обратилъ взоры на норвежскій берегъ Ледовитаго океана. Воспользовавшись старыми договорами, онъ желалъ добиться права рыбной ловли у Варангеръ-фіорда для финскихъ лопарей, а также права для нихъ возводить тамъ постройки; но такъ какъ подобное право могло вести къ захвату Россіей участка земли и чрезъ него русскіе въ состояніи были сдѣлать шагъ къ океану, то норвежскія власти отвѣтили отказомъ [39]). Помимо сего, они усмо-

трѣли, что требованіе Россіи шло въ разрѣзъ съ договоромъ о границѣ 1826 г., дополненнымъ петербургскимъ протоколомъ 1834 года. Швеція опасалась, что Россія, владѣя удобной гаванью, построитъ грозный военный портъ, откуда ея флотъ во всякое время свободно могъ выйти въ Атлантическій океанъ [40]). Когда Стирнельдъ объяснялся съ Я. А. Дашковымъ, по поводу ноябрскаго договора 1855 г., то мы видѣли, что представитель шведской дипломатіи ставилъ Россіи въ упрекъ ея домогательства на сѣверѣ и нежеланіе возобновить трактатъ 1751 г.

Упоминаемая здѣсь исторія по размежевыванію на сѣверѣ началась очень давно. Въ 1740 году въ Стокгольмѣ издано было сочиненіе Эрика Берньера (Бьернеръ), въ которомъ упоминается, что въ XI вѣкѣ границею между Россіею и Норвегіею считался морской заливъ Люнгенфіордъ. Эта граница установлена была договоромъ, состоявшимся между Ярославомъ Мудрымъ и норвежскимъ королемъ Олафомъ Трюгварсономъ (на дочери котораго былъ женатъ Ярославъ). — Варангеръ-фіордъ сдѣлался границею по мирному договору, заключенному новгородскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ со шведскимъ королемъ Магнусомъ въ г. Орѣховѣ, въ 1323 году. Первыми русскими поселенцами на Мурманскомъ берегу были новгородскіе выходцы, о которыхъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1264 г. Такимъ образомъ владѣнія новгородскихъ моряковъ простирались далеко за Варангеръ-фіордъ, достигая истоковъ рѣки Торнео [41]).

Печенгскій монастырь, основанный въ первой половинѣ XVI вѣка, пользовался покровительствомъ Іоанна Васильевича III. По миру въ Столбовѣ (1617 г.) пришлось уступить сѣверный морской берегъ норвежцамъ. Но въ 1675 г. царь Алексѣй Михайловичъ, по возобновленіи Печенгскаго монастыря, разореннаго шведами, подтвердилъ прежнія жалованныя грамоты и колонія эта вновь крѣпко осѣла на землѣ, торговала съ Холмогорами, Вологдой и другими городами, строила суда для норвежцевъ и пр. [42]).

Въ 1751 г. состоялся шведско-датскій договоръ въ Стремстадѣ (Норвегія принадлежала тогда Даніи), по которому шведскіе и финляндскіе лопари получили право „воспользоваться землею и берегомъ (betjena sig af land och strand) на норвежскомъ сѣверѣ“.

Въ 1826 г., для опредѣленія границы между Россіей и Норвегіей, была отправлена экспедиція; представителемъ Россіи явился подполковникъ Валеріанъ Галяминъ, а Норвегіи — маіоръ Мей-

нандеръ. Эта экспедиція отнесла наши границы (считая по прямой линіи) верстъ на 70 къ востоку отъ Вересъ-Наволока къ рѣкѣ Ворьемѣ, причемъ заливы Пазрѣцкій, Нявдомскій и Ровдинскій (Яръ-Фіордъ, Губа Паза-Рэгъ, Губа Валитова, Губа Островская) достались Норвегіи, несмотря на ихъ чисто русскія названія. Иначе говоря, ей достались три незамерзающихъ залива съ глубокими гаванями, 400 верстъ морского берега (считая изгибы заливовъ) и нашъ тресковый промыселъ, не говоря уже о звѣриныхъ и лѣсныхъ угодьяхъ, которыя самими норвежцами назывались „общими погостами“ и во всякомъ случаѣ признавались спорными [43]). Кромѣ того Россія лишалась ста душъ православныхъ лопарей, морской и горной территоріи, которая, по писцовымъ книгамъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ, составляла вотчину Печенгскаго монастыря. И все это отошло въ возмездіе „за пустую ссору норвежскихъ лопарей съ русскими изъ-за оленей“ [44]).

Лучшія части берега, принадлежавшія Россіи, отошли Норвегіи, въ видѣ очень затѣйливаго треугольника у Варангерскаго залива, причемъ нѣкоторыя рѣки и озера оставались въ общемъ владѣніи, а изъ другихъ рѣкъ верховья принадлежатъ намъ, устья же ихъ, т. е. морскія пристани,—норвежцамъ, почему намъ пресѣченъ сплавъ лѣса къ морю по старымъ русскимъ рѣкамъ [45]).

Послѣ 1826 г. дипломатическая переписка о пастбищахъ и рыбной ловлѣ возникала многократно (въ 1830, 1832, 1834, 1839 гг. [46]). Дѣло запутывалось. Ловкій посланникъ шведско-норвежскій, баронъ Н. Пальмшерна, предложилъ графу Нессельроде „разомкнуть кругъ“, т. е. раздвоить вопросъ по частямъ такъ, чтобы въ Польмакѣ съ норвежцами договаривались только русскіе уполномоченные объ удержаніи или отмѣнѣ VII ст. трактата 1826 г., а въ Гапарандѣ — финляндскіе и норвежскіе комисары уже особо договорились о дальнѣйшемъ примѣненіи шведско-датскаго трактата 1751 г. [47]).

Лѣтомъ 1851 г. въ Стокгольмѣ начались переговоры для улаженія пограничныхъ недоразумѣній. Представителемъ одной стороны явился шведо-норвежскій министръ иностранныхъ дѣлъ Стирнельдъ, а другой—нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ Крюденеръ. Продолжительные переговоры не привели къ соглашенію, такъ какъ Норвегія не пожелала допустить финскихъ лопарей ловить рыбу у сѣверныхъ береговъ Варангеръ-фіорда и построить

тамъ жилье для зимовки и присмотра за своими вещами. Такъ какъ норвежцы закрыли путь къ Варангеръ-фіорду для финскихъ лопарей, то русское правительство отвѣтило тѣмъ-же, въ повелѣніяхъ 23-го августа 1852 и 11 апрѣля 1853 г. Первымъ изъ нихъ финляндская граница и пастбища были съ 3-го сентября 1852 г. закрыты для лопарей Норвегіи, а вторымъ — установлены карательныя мѣры за нарушеніе финской границы норвежскими оленями [48]).

На отказѣ норвежцевъ прекратились тогда переговоры. Этимъ, говорятъ шведскіе историки, Царь не удовлетворился бы; но вниманіе его было отвлечено на югъ сперва споромъ, возникшимъ въ Палестинѣ, а потомъ заревомъ войны, вспыхнувшимъ въ Крыму, почему Швеція-Норвегія отдѣлалась однимъ предупрежденіемъ о необходимости быть впредь болѣе внимательнымъ [49]). Это предостереженіе и привело будто-бы короля Оскара I къ союзу съ западными державами.

Оскаръ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Тѣ обстоятельства, изъ которыхъ онъ надѣялся извлечь пользу для Швеціи, быстро и радикально измѣнились. „Мы въ одно и то же время сами обманывали и были обмануты другими“, пишетъ Georges о шведахъ [50]). 21-го ноября былъ заключенъ договоръ съ новымъ союзникомъ, а 22-го ноября Наполеонъ писалъ королевѣ Викторіи, что продолжать войну безполезно, такъ какъ одолѣть Россіи союзники не въ состояніи. Франція не пожелала болѣе тратить свои силы, для упроченія англійскихъ коммерческихъ интересовъ и, отказавшись слѣдовать за ней (въ 1856 г.) въ Балтійское море, рѣшила сперва сосредоточить всю свою боевую сухопутную силу въ Крыму, а затѣмъ, послѣ паденія Севастополя, повела дѣло круто къ миру. Къ услугамъ Швеціи такимъ образомъ не пришлось прибѣгнуть ни Англіи, ни Франціи и положеніе нашей сосѣдки, естественно, сдѣлалось довольно затруднительнымъ. Конвенція Швеціи съ Франціей и Англіей „была неловкимъ и опаснымъ шагомъ, который приблизилъ шведовъ къ войнѣ въ то время, когда союзники ихъ и покровители готовились къ миру“, говоритъ Georges [51]). Другой шведскій писатель, Адольфъ Гединъ, считающійся въ Скандинавіи талантливымъ политическимъ авторитетомъ, писалъ въ 1887 году: „Угроза, выразившаяся въ ноябрскомъ договорѣ“, остается фактомъ, могущимъ дурно вліять на русскихъ, такъ какъ „въ каждой строкѣ договора сквозятъ обвиненія Россіи въ завоевательныхъ стремленіяхъ [52])“. Если затѣмъ дѣла Швеціи по-

правились, то главнымъ образомъ, вслѣдствіе кончины Николая Павловича и хлопотъ нашего посланника Я. А. Дашкова, сдѣлавшаго все, чтобы сгладить недоразумѣніе.

Замѣчательно спокойная и благородная оцѣнка политики стокгольмскаго двора сдѣлана нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1855 г. Описывая миссію генерала Канробера, канцлеръ пояснялъ: грустно было узнать, что территорія Швеціи ставилась подъ охрану двухъ морскихъ державъ отъ насилія Россіи. Трактатъ, хотя и чисто оборонительный, носилъ, по отношенію къ намъ, характеръ враждебный. Заключавшіе союзъ разсчитывали произвести извѣстный эффектъ моральнаго воздѣйствія; они предполагали, что трактатъ вызоветъ у Россіи удивленіе и раздраженіе, но мы приняли его, какъ вполнѣ искреннее выраженіе того, за что онъ выдавался и повѣрили дружескимъ объясненіямъ, которыми онъ сопровождался. Конфиденціально Швецію поблагодарили даже за прежнее довѣріе къ Россіи и тѣмъ раскрыли ей въ какую комбинацію она вошла. Конечно, мы не могли создать себѣ иллюзіи о настоящемъ положеніи Швеціи. Правительство говорило намъ одно, но мѣстная печать обнаружила всю враждебность Швеціи. Стокгольмскій кабинетъ увѣрялъ, что союзъ ни въ чемъ не измѣняетъ положенія нейтралитета страны, но фактически онъ, разумѣется, не могъ этого подтвердить. Швеція, очевидно, отступилась отъ принципа строгаго нейтралитета и условія, продиктованныя ей союзниками, должны были привести ее къ разрыву съ Россіей. Между тѣмъ гарантія, данная Швеціи морскими державами, всегда могла быть ей предложена и съ нашей стороны. Россія съ чистою совѣстью объявила, что нельзя ожидать насилія отъ нея на сѣверѣ. Вызвать насиліе могла только Швеція своимъ нападеніемъ. Швеція примкнула къ союзу и тѣмъ утратила свободу дѣйствія, не только какъ держава нейтральная, но и какъ европейская. Кромѣ того, союзъ съ нашими непріятелями могъ породить для Швеціи только недоразумѣнія и опасности въ будущемъ, которыхъ не превысилабы даже перспектива перехода къ ней обладанія Финляндіею. Страхъ и обманъ вовлекли Швецію въ союзъ и прекратилъ ея нейтралитетъ. Англія и Франція набирали союзниковъ, чтобы придать войнѣ характеръ всеобщій; продолжая свои вооруженія, они показывали, что война продлится еще въ теченіи 1856 г. и враждебность къ Россіи будетъ доведена до крайности. Наконецъ, они польстили національному самолюбію шведовъ. Угроза со стороны

Россіи оказалась мнимой (измышленной нашими врагами). Швеція подпала чужой опекѣ; Англія же и Франція получили новую точку опоры для третьей кампаніи. Швеція циркуляромъ сообщила всѣмъ дворамъ трактатъ 21-го ноября. Мы могли воспользоваться тѣмъ-же средствомъ, но споръ о трактатѣ разжегъ бы только страсти, которыя стали успокаиваться и, кромѣ того, начались уже переговоры о мирѣ и Россія не воспользовалась своимъ правомъ. Таковы, въ общихъ чертахъ, разсужденія гр. Нессельроде по этому вопросу.

Итакъ, съ одной стороны желаніе шведовъ вновь водрузить „сине-желтое знамя“ на Финляндскихъ берегахъ„ а съ другой — страхъ насилія властей Россіи при рѣшеніи вопроса о Варангеръ-фіордѣ, толкали Швецію къ западно-европейской коалиціи. Остыло ли въ нихъ стремленіе возвратить Финляндію—не знаемъ, но пустыя опасенія захвата Россіей сѣвера Норвегіи до сихъ поръ ихъ не покинули, насколько можно судить по тѣмъ брошюрамъ и газетнымъ статьямъ, которыя появились въ Швеціи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Недавно еще докторъ Антонъ Нюстромъ (извѣстный создатель прекраснаго Рабочаго института—Arbetareinstitut) напечаталъ нѣсколько газетныхъ статей и составилъ небольшую брошюру о „Величайшей политической опасности для сѣвера“ (Den största politiska faran i Norden), доказывая, что Россія все еще не оставила своего намѣренія завладѣть Швеціей и Норвегіей, дабы имѣть безпрепятственный доступъ къ открытому океану, проведя желѣзную дорогу изъ Торнео къ Офоденской бухтѣ, такъ какъ Екатерининская гавань ее совершенно не удовлетворяетъ. Въ норвежской газетѣ „Aftonposten“ появилась статья „Голосъ изъ Норвегіи“. Авторъ ея взываетъ къ согражданамъ, прося ихъ бросить пререканія объ „уніи“ и обратить вниманіе на Россію, гдѣ идутъ усиленныя приготовленія, очевидно, направленныя къ расширенію сферы русскихъ интересовъ на Скандинавскій полуостровъ. Россія занялась обрусѣніемъ Финляндіи и это поведетъ къ уничтоженію буфера между Швеціею и ея московскою сосѣдкою. Финляндія перерѣзывается въ трехъ направленіяхъ желѣзными дорогами, а черезъ Неву будетъ построенъ новый мостъ, ясно, слѣдовательно, что русскія войска безъ труда могутъ быть переброшены на Скандинавскій полуостровъ. Образованная часть русскихъ военныхъ проявляетъ особый интересъ къ скандинавскимъ дѣламъ; по Швеціи бродятъ русскіе офицеры генеральнаго штаба, переодѣтыми въ коробейниковъ и точильщи-

ковъ—все это дѣлается не спроста: Россія надвигается на Скандинавію. Таково предупрежденіе Aftonposten [53]). Авторъ брошюры „Мѣстныя оборонительныя средства Верхней Норландіи“ также считаетъ весьма вѣроятнымъ наступленіе Россіи въ предѣлы Швеціи по направленіи желѣзной дороги, огибающей Ботническій заливъ [54]). Мы обходимъ затѣмъ молчаніемъ другія брошюры, въ родѣ напримѣръ „Ett ödesdigert läge. Några politiska synpunkter“ af Tid. Uppsala 1899 г. и подобныя ей. Надо полагать, что опасенія все тѣхъ же русскихъ завоевательныхъ стремленій побуждаютъ Швецію къ усиленнымъ вооруженіямъ, произведеннымъ ею въ послѣднее время, а также къ дружественнымъ отношеніямъ къ Германіи. Впрочемъ, тяготѣніе къ центральной имперіи Европы вызывается и другимъ обстоятельствомъ. Замѣчено, что духъ германизма вообще является желаннымъ гостемъ на Скандинавскомъ полуостровѣ и многіе (въ томъ числѣ, напримѣръ, извѣстный Бьернштерна-Бьернсонъ) жаждутъ его, въ надеждѣ, что объединенные германцы съумѣютъ продиктовать миръ всему свѣту [55]).

Тяготѣніе Швеціи къ Западу и договоръ ея съ Англіей и Франціей, конечно, были приняты во вниманіе въ нашей правительственной сферѣ и не прошли совершенно безслѣдно. При рѣшеніи, напримѣръ, вопроса о принятіи мирныхъ условій, предложенныхъ западными державами, извѣстное значеніе имѣло также и положеніе, въ которое стала по отношеніи къ Россіи Швеція. Это видно изъ слѣдующаго. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора Александра II состоялось два особыхъ засѣданія (въ январѣ 1856 г.), въ которыхъ обсуждался вопросъ: продолжать ли войну, или склониться къ миру? Въ числѣ другихъ документовъ, разсмотрѣнныхъ въ засѣданіяхъ, гр. Нессельроде прочелъ также и копію съ „тайнаго договора, заключеннаго между Швеціей и западными державами“,—читаемъ въ дневникѣ В. А. Муханова. Гр. Воронцовъ горячо высказывался въ пользу мира, опасаясь территоріальныхъ потерь, а именно отторженія Крыма, Кавказа и даже Финляндіи съ Польшей [56]). Гр. Киселевъ видѣлъ значительную опасность въ томъ, что области, присоединенныя къ Имперіи около полувѣка тому назадъ, не успѣли еще слиться съ нею. Польскіе агенты распространили глухое недовольство на Волыніи и Подоліи. „Финляндія тяготѣла къ Швеціи“. „Финляндію, при наилучшихъ ея намѣреніяхъ, соблазняютъ перейти подъ шведское владычество“, говорилъ онъ [57]). Въ Польшѣ можно было ожидать возстанія [58]). Одинъ гр. Блудовъ говорилъ

противъ мира, но кончилъ заявленіемъ: „Скажу какъ гр. Шуазель: такъ какъ мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ“.

Въ парижскомъ трактатѣ интересы Швеціи не были забыты, такъ какъ статьей объ обязательствѣ не возобновлять Бомарзунда Стокгольмъ освобожденъ былъ отъ близкаго сосѣдства русскаго, хотя и незначительнаго, укрѣпленія.

Особой надобности у Швеціи не было искать покровительства морскихъ державъ, таковъ былъ выводъ нашего правительства, высказанный въ инструкціи гр. Орлову, когда онъ отправлялся на парижскій конгрессъ [59]). Къ одной изъ депешъ канцлера къ гр. Орлову была приложена особая записка, изъ которой можно было узнать новое политическое положеніе, истекавшее уже изъ мирнаго договора (въ Парижѣ). Въ запискѣ, между прочимъ, значилось, что Швеція на сѣверѣ, а Турція на югѣ, стояли противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и щекотливыхъ [60]).

Покончивъ съ дѣятельностью дипломатовъ и правительствъ, полезно ознакомиться со взглядами общества Швеціи, чтобы опредѣлить, насколько глубоки были корни той политики, которой придерживались король и его министры.

По всей странѣ велись разговоры о томъ, какъ должна была держаться Швеція во время войны. Естественно, что мнѣнія раздѣлились: одни признавали вмѣшательство полезнымъ, другіе подавали свои голоса за нейтралитетъ. Болѣе осторожные предлагали выждать окончательной побѣды западныхъ державъ и полнаго уничтоженія Россіи.

Въ Скандинавіи писали „О нейтралитетѣ“, и о томъ, „Имѣетъ ли война какое-либо значеніе для Швеціи?“. Появлялись брошюры съ заглавіями: „Должна ли Швеція оставаться бездѣятельной при войнѣ противъ Россіи?“ (Bör Sverige förblifva overksamt i kriget mot Ryssland?). Авторъ послѣдней брошюры особенно негодовалъ на своихъ согражданъ за безучастное ихъ отношеніе къ вопросу о возвращеніи Финляндіи. Онъ напоминалъ сородичамъ, что потеря Финляндіи побудила Швецію отстраниться отъ участія въ великихъ политическихъ вопросахъ; возсоединеніе Финляндіи въ состояніи, слѣдовательно, возвратить Швеціи ея прежнее мѣсто въ европейскомъ концертѣ. „Финляндія“, писалъ онъ, „на одну четверь шведская, она дѣлила съ нами и радости и горе; она бѣдна, но богата мужествомъ. При такихъ условіяхъ новое слія-

ніе легко возможно и полезно. Въ противномъ случаѣ, шведская столица можетъ ожидать нежелательнаго посѣщенія русскаго флота изъ Бомарзунда". Неизвѣстный авторъ подвергъ подробному разбору даже тѣ основанія, на которыхъ наилучшимъ образомъ возможно было бы произвести объединеніе Финляндіи со Швеціей. Онъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Финляндія была вновь превращена въ шведскую провинцію. Нѣтъ! Онъ находилъ, что теперь цѣлесообразна была только унія, при полномъ сохраненіи каждою частью своей самостоятельности. Другой, также анонимный, мѣстный писатель предлагалъ Швеціи установить примѣрно такія же отношенія къ Финляндіи, какія существовали у Швеціи къ Норвегіи, объединивъ въ одно государство также и земли, лежащія къ югу отъ Финскаго залива и наименовавъ ихъ Venden (Венденъ). Третій писатель, въ газетѣ „Götheborgs Handels- och Sjöfarts Tidning", взглянулъ на дѣло иначе. По его мнѣнію, Швеція не должна создавать, а затѣмъ поддерживать своимъ оружіемъ „финскаго государства". „Финляндію слѣдуетъ", писалъ онъ, „включить въ составъ шведскаго государства, подъ одною короною, съ общимъ дипломатическимъ представительствомъ, общимъ войскомъ, почтою, таможней, флагомъ и проч.". Сеймъ ей можно было бы предоставить особый, также какъ и собственную администрацію для такихъ внутреннихъ дѣлъ, какими являются церковь, школа, полиція, община, продовольствованіе. Все остальное должно быть общимъ для Швеціи и Финляндіи. Такимъ образомъ шведы въ нѣкоторомъ родѣ дѣлили шкуру, не убивъ еще медвѣдя.

Никогда, кажется, прежде Швеція не удѣляла столько вниманія финляндскому вопросу, какъ въ періодъ Крымской войны. Шведы находили, что настало время отомстить Россіи за 1809 годъ и отобрать Финляндію. Брошюры и газетныя статьи чередовались и соперничали въ дѣлѣ возбужденія воинственнаго настроенія. Августъ Сольманъ (Sohlman) выступилъ съ брошюрой „О молодой Финляндіи" (Det unga Finland), въ которой склонялъ Швецію, Норвегію и Финляндію къ уніи, подъ однимъ общимъ скипетромъ. Особенное же значеніе придано было книжкѣ „Скандинавія, ея опасенія и надежды" („La Scandinavie, ses craintes et ses espérances"), потому что она принадлежала перу государственнаго секретаря Густава Лаллерстедта (Lallerstedt) [61]), и Квантенъ опредѣленно называлъ ее „официальнымъ изданіемъ" и „коментаріемъ къ трактату 21 ноября 1855 года", заключенному между Швеціею и за-

падными державами. Подъ предисловіемъ книжки значится: „Парижъ, 4 февраля (нов. ст.) 1856 г.“. Высокопоставленный авторъ горячо порицалъ политику Карла-Іоганна, не воспользовавшагося обстоятельствами 1812 года для возвращенія Финляндіи (а, напротивъ, заключившаго союзный трактатъ съ Императоромъ Александромъ I въ Або). Лаллерстедтъ утверждалъ, что Финляндія стонала подъ гнетомъ русской тираніи и жаждала освобожденія и возсоединенія со Швеціей. Возвращеніе Финляндіи,—по мнѣнію автора,—должно было явиться вознагражденіемъ Швеціи за участіе въ Восточной войнѣ [62]).

Коснувшись трактата 21 ноября 1855 г., Лаллерстедтъ говоритъ, что текстъ его былъ составленъ ранѣе пріѣзда Канробера въ Стокгольмъ. Условія трактата онъ признаетъ весьма робкими и самый трактатъ, по его мнѣнію, болѣе походилъ на воззваніе, чѣмъ на смѣлое обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно. О силахъ, кои стороны обязывались выставить, въ случаѣ надобности, въ трактатѣ ничего не было сказано. Лаллерстедтъ признаетъ, что Финмаркенъ былъ только предлогомъ (prétexte) для вступленія Швеціи въ союзъ съ Англіей и Франціей [63]). Швеціи нуженъ былъ видимый фактъ, иначе ей неудобно было стать во враждебное отношеніе къ Россіи. Предлогъ этотъ казался шведамъ подходящимъ и достаточно благовиднымъ, чтобы придать дѣйствіямъ стокгольмскаго кабинета оборонительный характеръ. Этимъ признаніемъ Лаллерстедта опровергаются заявленія позднѣйшихъ шведскихъ историковъ, которые пытались придать Финмаркенскому вопросу значеніе единственной и дѣйствительной причины, побудившей Швецію примкнуть къ западнымъ державамъ [64]).

Далѣе Лаллерстедтъ признаетъ, что трактатомъ 21 ноября Швеція открыто выразила недовѣріе къ Россіи, послѣ сорокалѣтняго мирнаго сосѣдства, и послѣдняя не могло не видѣть въ трактатѣ оскорбительнаго для нея отношенія. 18 декабря (н. ст.) 1855 г. стокгольмскій кабинетъ разослалъ всѣмъ своимъ дипломатическимъ агентамъ циркуляръ, въ которомъ пояснялъ, что ноябрскій трактатъ не мѣняетъ шведской мирной политики и нейтралитетъ ея остается въ своей силѣ. Но съ другой стороны этотъ циркуляръ являлся для Россіи цѣлымъ обвинительнымъ актомъ. Очевидно, что Швеціей руководили горькія воспоминанія прошлаго (вызывавшіяся потерей Финляндіи) и боязнь за будущее. Далѣе въ циркулярѣ доказывалась необходимость Швеціи вмѣшаться въ восточныя дѣла. Россіи ставилось въ вину нарушеніе

политическаго равновѣсія и прибавлялось, что если она перестанетъ пугать новыми попытками къ захватамъ, то трактатъ не причинитъ ей никакого вреда. Какъ бы то ни было, но трактатъ 21 ноября — первое слово новой политики, отступившей отъ началъ, установленныхъ Карломъ-Іоганномъ, и порвавшей дружественныя сношенія съ Россіей.

Дѣлая обзоръ тѣхъ силъ, которыми могли располагать союзники, Лаллерстедтъ прибавляетъ, что имѣлась еще возможность разсчитывать на вспомогательный корпусъ финновъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сформироваться при первомъ появленіи союзниковъ въ Финляндіи [65]). На чемъ Лаллерстедтъ основывалъ свои надежды на помощь со стороны финляндцевъ, онъ не пояснилъ. Затѣмъ, когда финляндцы почувствовали бы себя свободными отъ русскихъ, то, по увѣренію Лаллерстедта, они выставили бы еще новый вспомогательный корпусъ. Вообще у союзниковъ образовалась бы такая боевая сила, съ которой можно было довести войну до стѣнъ Петербурга. Особенно горячо сражались бы скандинавы въ сознаніи, что при неудачѣ первая месть русскихъ неизбѣжно обрушилась бы на нихъ. Императоръ Александръ I, видѣвшій, какъ отчаянно борятся финскія войска, призналъ за лучшее упразднить ихъ тотчасъ же по вступленіи Финляндіи въ его подданство.

Книжка Лаллерстедта не была еще окончена печатаніемъ, какъ заговорили о мирѣ. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Лаллерстедтъ поспѣшилъ въ припискѣ (въ Postscriptum'ѣ) выразить, во 1-хъ, свое сожалѣніе, что Россія не была хорошенько наказана Турціей (grundligt tuktadt) и, во 2-хъ, сдѣлать заявленіе, что во всякомъ случаѣ Швеція должна получить Аландскіе острова и граница королевства должна быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы она проходила къ югу отъ Улеоборга и облегчила Швеціи дѣло ея защиты.

Все это, по воззрѣніямъ Лаллерстедта, необходимо сдѣлать, чтобы гарантировать положеніе Швеціи, которую давно уже Россія якобы собирается присоединить къ своимъ владѣніямъ, а захвативъ Скандинавскій полуостровъ, имперія будетъ на прямомъ пути къ Англіи. Въ виду сего, Англія должна содѣйствовать обезпеченію положенія Швеціи. Россіи надо обрѣзать оба крыла — Финляндію и Бессарабію; поэтому же Европа должна озаботиться укрѣпленіемъ Швеціи и Турціи. Возвращеніемъ Финляндіи и Бессарабіи была бы только возстановлена справедливость. Если

же совѣщающіеся въ Парижѣ не пожелаютъ сдѣлать этого, то во всякомъ случаѣ имъ надо настаивать на возвращеніе Аланда и измѣненіи русско-шведской границы. „Партизаны мира“ не придаютъ особаго значенія Аланду, а между тѣмъ Швеція не можетъ удовольствоваться только срытіемъ Бомарзундскихъ укрѣпленій: ей необходимо добиться возвращенія этихъ острововъ. Кромѣ того, пора исправить ошибку Фридрихсгамскаго договора, такъ какъ Россія слишкомъ далеко вошла въ норвежскую территорію. Перенесеніемъ границы къ югу отъ Улеоборга, Россія была бы отдѣлена отъ Швеціи нѣсколькими новыми долинами, прекратились бы пререканія о Варангеръ-фіордѣ и кочевому населенію было бы обезпечено его спокойствіе. Улеоборгъ удобенъ для укрѣпленія и хорошихъ позицій, почему Швеціи впредь стало бы легче оборонять свою границу. Въ рукахъ шведовъ Улеоборгъ сдѣлался бы прочнымъ барьеромъ противъ завоевательныхъ стремленій Россіи. Россія, хотя и маленькими шагами, но послѣдовательно идетъ къ намѣченной цѣли. Россія коварна. Даже теперь, пока идутъ переговоры въ Парижѣ, она строитъ военныя суда въ Архангельскѣ. Поэтому очень было бы полезно ввести въ составъ конференціи представителей Скандинавіи, кои знаютъ всѣ замыслы Россіи на сѣверѣ. Такъ разсуждалъ шведъ, опечаленный начавшимися переговорами о мирѣ. Извѣстіе о переговорахъ, писалъ Лаллерстедтъ, было принято въ Швеціи съ чувствомъ „удивленія, смѣшаннымъ съ горечью“. Правда,—находитъ онъ,—что Швеція участія въ войнѣ не принимала, но въ дѣлежѣ хочетъ участвовать, въ виду событій послѣдняго времени, возбудившихъ ея общественный духъ [66]).

Какъ сказано, брошюра Лаллерстедта привлекла общее вниманіе, такъ какъ признавалось, что авторъ ея былъ посвященъ въ политическіе ходы стокгольмскаго двора.

Мысли Лаллерстедта до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ публицистахъ Запада. Недавно Pierre de Coubertin, резюмируя труды парижскаго конгресса 1856 года, вспомнилъ и пожалѣлъ о Финляндіи. О ней собирались говорить члены конгресса, но . . . вѣроятно, забыли. Бельгійскій публицистъ находилъ, что если уже нельзя было по-просту отдать Финляндіи шведскому королю, то во всякомъ случаѣ легко было устроить автономію Великаго Княжества, или создать изъ него прочную преграду русскому распространенію (un solide rempart contre l'extention russe [67]).

Сожалѣніе же о скоромъ окончаніи войны было настолько

распространено въ Швеціи, что французская газета „Le Constitutionnel“ (въ мартѣ 1856 г.) признала необходимымъ напечатать по этому поводу особую статью, въ которой усматривали тогда возрѣніе самого правительства. Газета оправдывала политику Наполеона I, отдавшаго Финляндію Россіи. „Шведскихъ патріотовъ въ ихъ горѣ по утратѣ Финляндіи должно утѣшить то равнодушіе, которое проявили финны въ теченіе двухъ лѣтъ послѣдней кампаніи, по вопросу о возстановленіи ихъ самостоятельности. Всюду, куда ни показывался балтійскій флотъ, особенно англійскія суда, они встрѣчали на финскихъ берегахъ одинъ народъ съ русскимъ сердцемъ. Настроеніе финскаго народа, судя по этимъ указаніямъ, измѣнилось быстрѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ покоренныхъ странахъ. Господинъ Лаллерстедтъ увѣряетъ, что такая перемѣна произошла только въ извѣстныхъ сословіяхъ, но что внутри края населеніе осталось вполнѣ шведскимъ. Намъ желательно вѣрить ему. Но одно несомнѣнно, что эти чувства ни въ чемъ не были проявлены, присутствіе флота союзниковъ никакого возстанія не вызвало, а, напротивъ, на лицо имѣлось одно откровеніе, въ которомъ нельзя было ошибиться, это — тѣ выстрѣлы, которыми во многихъ мѣстахъ были привѣтствуемы англичане, во время ихъ плаванія въ Ботническомъ заливѣ. „Le Constitutionnel“ полагаетъ, въ заключеніе, что Англія и Франція достаточно сдѣлали для безопасности Швеціи, настоявъ на условіи впредь не возобновлять Бомарзундскихъ укрѣпленій.

О преждевременномъ мирѣ, не давшемъ осуществиться шведо-финскимъ планамъ, сожалѣлъ также и проф. I. I. Нордстремъ (Nordstrem). Онъ занималъ каѳедру государственнаго права въ Гельсингфорсѣ и такъ какъ извѣстенъ былъ своимъ „либеральнымъ образомъ мыслей“, то вынужденъ былъ покинуть университетъ и переселиться въ Стокгольмъ, гдѣ, конечно, предавался, вмѣстѣ съ Квантеномъ и другими своими соотечественниками, размышленіямъ о политической судьбѣ своей родины. Онъ, какъ и многіе другіе, пришелъ къ тому выводу, что политическое положеніе Финляндіи нуждалось въ коренномъ измѣненіи и возсоединеніи со Швеціей, но только на новыхъ условіяхъ. Парижскій миръ разрушилъ его надежды и приходилось ожидать новыхъ подходящихъ событій. Негодуя попутно на дипломатовъ, играющихъ словами и не проявляющихъ надлежащей дальновидности, Нордстремъ разсказалъ, въ письмѣ къ своему пріятелю, доктору Ильмони, слѣдующій анекдотъ. Гр. Орловъ, встрѣтивъ въ Тюи-

льерійскомъ дворцѣ маршала Барагэ д'Илье, спросилъ его: „А, это вы, любезный маршалъ, въ прошломъ году сдѣлали визитъ къ намъ въ Балтійское море"?

— „Да, я имѣлъ честь оставить свою карточку въ Бомарзундѣ".

— „О, возразилъ гр. Орловъ, карточка осталась не доставленной, но на визитъ можно будетъ отвѣтить".

— „Во всякомъ случаѣ",—сказалъ Барагэ д'Илье,— визитъ можетъ быть возобновленъ, и чтобы карточка не пропала, то (возобновленъ) въ Кронштадтъ".

— „О, это причинило бы вамъ много безпокойства и потому-то я теперь и нахожусь здѣсь (въ Парижѣ)".

— „Но въ такомъ случаѣ нѣсколько лѣтъ спустя, быть можетъ, я буду имѣть честь побывать у васъ", — заключилъ маршалъ.

Вздохи и сожалѣнія о неудавшейся политической комбинаціи, долженствовавшей вывести Финляндію на новый путь, долго не прекращались послѣ парижскаго конгресса. „Миръ, да миръ явился и печально покончилъ съ нашими давно возлелѣянными ожиданіями, и похоронилъ ихъ глубоко, глубоко въ своихъ покоахъ въ ту именно минуту, когда этимъ надеждамъ предстояло пышно расцвѣсти"... писалъ кто-то изъ Гельсингфорса въ стокгольмскую газету въ началѣ 1857 года.

Особенное усердіе по финляндскому вопросу въ періодъ Крымской войны проявила газета „Aftonbladet". Она доказывала, что задачей шведскаго правительства должно быть освобожденіе и возсоединеніе Финляндіи съ ея прежней метрополіей. Эта газета старалась воздѣйствовать на настроеніе общества описаніями насилій и страданій, переносимыхъ якобы Финляндіей, а также указаніями на недовольство финновъ своимъ положеніемъ и на ихъ томленіе въ ожиданіи освобожденія. Подобныя описанія включались обыкновенно въ письма изъ Умео или съ финляндской границы.

Въ этой игрѣ va banque въ Швеціи возлагали особенныя надежды на недовольство въ Финляндіи, какъ на своего надежнаго союзника. Когда англичане произвели свои первые грабежи по финляндскому берегу, „Aftonbladet" осудила этотъ способъ дѣйствія, находя, что имъ, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти расположеніе и симпатіи финновъ, разжигается ихъ озлобленіе и такимъ образомъ они побуждаются искать помощи у Россіи. Другая га-

зета („Svensk Tidning“) опровергала подобное воззрѣніе „Aftonbladet“. Даже официальный органъ Швеціи („Post och Inrikes Tidningar“) держался того мнѣнія, что въ поведеніи англичанъ въ Балтійскомъ морѣ нельзя усмотрѣть ничего неправильнаго и неразумнаго. Напротивъ, уничтоженіе частной собственности одно изъ лучшихъ средствъ показать финнамъ, во что обходится ихъ русское подданство (15-го іюля 1854 г.).

Все это свидѣтельствовало объ общей враждебности шведской печати въ Россіи. Либеральные органы открыто проповѣдывали войну; едва ли не одна только газета консервативной партіи („Svensk Tidning“) держалась иного воззрѣнія. Задоръ возросъ съ прибытіемъ союзнаго флота въ Балтику. „Насталъ часъ отмщенія за 1812 г.“ кричала редакція „Aftonbladet“. Швеціи представляется случай возвратить свои потери, явившіяся послѣдствіемъ козней и измѣны. За услугу Европы она можетъ вернуть себѣ прежнее положеніе и уваженіе. Сомнѣваются, что мы можемъ представить причины разрыва съ Россіей, писалъ „Aftonbladet“. Тутъ говоритъ политическая простота.—Рука Россіи давитъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ она раззорила насъ. Либеральная партія Даніи смотритъ на дѣло такъ, какъ и мы. Она сочувствуетъ воззрѣніямъ Швеціи на Финляндію. Финляндія говоритъ нашимъ языкомъ и воспѣваетъ наши побѣды. Финляндія, попавъ подъ крыло русскаго орла, попала въ темноту. Зерно нашей цивилизаціи раздавлено московскимъ деспотизмомъ.

Норвегія проявляла менѣе склонности къ войнѣ, чѣмъ Швеція, судя по газетѣ „Christiansposten“, почему „Aftonbladet“ обрушилась и на сосѣда-земляка. „Норвежцы должны понять, что до сихъ поръ не было вопроса о возвращеніи Финляндіи Швеціи, въ видѣ провинціи, а о томъ, чтобы вырвать ее у Россіи и вернуть Скандинавіи, для безопасности Норвегіи и защиты Швеціи. „Christiasnposten“ находила, что Швеціи нельзя разсчитывать ни на территоріальное приращеніе отъ Россіи, ни на иной успѣхъ. Норвегіи хорошо разсуждать, отвѣчала „Aftonbladet“; она прикрыта Швеціей и можетъ не смотрѣть прямо въ глаза великану. Ея политика — политика страуса. Однако, погромъ въ Финмаркенѣ могъ бы напомнить Норвегіи о близкомъ сосѣдствѣ съ Россіей. Россія столь же желаетъ распространить свое владычество надъ Балтійскимъ моремъ, какъ надъ Чернымъ. Тамъ Турція служитъ ей препятствіемъ, здѣсь Швеція. Наивно думать, что если Швеція будетъ захвачена казаками, то Норвегія можетъ продолжать пользоваться своей

демократической конституціей... Вѣдь Россія станетъ считать норвежскихъ матросовъ столь же пригодными для себя, какъ финляндскихъ; пригодятся ей также норвежскія рыбныя ловли [68])... Вотъ въ какомъ тонѣ составлялись тогда статьи „Aftonbladet“. Этотъ тонъ газета взяла почти съ перваго дня, по объявленіи нейтралитета, желая показать Россіи, что чувства симпатіи шведскаго народа не особенно сильны по ея адресу.

Что касается трактата Швеціи съ иностранными державами, то газеты сперва молчали. „Svensk Tidning“—газета полу-официальная по внутреннимъ вопросамъ, а въ остальномъ слѣдовавшая собственному воззрѣнію, — находила рискованнымъ сближеніе съ западными державами и оставленіе нейтральной почвы. Швеція,— говорила эта газета, — болѣе бы выиграла, сохранивъ независимое положеніе и не поставивъ себя подъ протекторатъ другихъ государствъ; теперь она рискуетъ получить одни удары. Ясно, что Aftonbladet не пропустила подобной статьи и вновь завела рѣчь о стремленіи Россіи ко всемірному владычеству, о нашихъ видахъ на Готландѣ, о противозаконной постройкѣ Бомарзунда и т. п. Всѣ эти лживыя завѣренія продиктованы были ненавистью и національными предразсудками.

Случалось, что стокгольмскій кабинетъ иногда выражалъ нашему посланнику свою несолидарность съ воинственнымъ настроеніемъ газетъ. Но обуздать печать было трудно: въ старомъ законѣ оказались пробѣлы; газеты были столь зависимы отъ партій и общественнаго настроенія, что не дерзали печатать возраженій. Печать предавали суду, но изъ этого ничего не выходило: нужно было предварительно пересмотрѣть на риксдагѣ уголовное уложеніе 1809 г.

Въ виду этого газетнаго похода на Россію, у насъ признано было полезнымъ, чтобы кто-либо изъ финновъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ Скандинавіи, убѣдилъ шведовъ, что въ Финляндіи вовсе не расположены къ перемѣнѣ своего политическаго положенія. Черезъ финляндскаго министра статсъ-секретаря, гр. А. Армфельта, это порученіе довѣрено было профессору гельсингфорскаго университета Эмануэлю Ильмони (Ilmoni), которому удалось нѣсколько воздѣйствовать на общее настроеніе, вслѣдствіе того, что онъ пріобрѣлъ союзниковъ среди самихъ же шведовъ, охотно взявшихся за перо для возстановленія истины.

Однако, со страницъ шведской печати, финляндскій вопросъ сошелъ не скоро. Между прочимъ, было высказано, что финлянд-

скія сердца наиболѣе были отвлечены отъ прежней „братской страны“ такъ - называемымъ финноманизмомъ. „Aftonbladet“ (30-го января 1855 г.) усмотрѣла также, что русская политика догадалась воспользоваться безумными и несбыточными увлеченіями финноманизма для ослабленія прежней связи Финляндіи со Швеціей; создалась даже по русски-настроенная бюрократія, но ее легко задушить и тѣ, которые думаютъ, что Финляндія, благодаря соединенію съ Россіей, сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ и останется таковымъ вѣчно, составляютъ лишь партію молодыхъ политическихъ глупцовъ.

Послѣ войны изъ Финляндіи продолжали посылать корреспонденціи въ стокгольмскія газеты и Эмиль фонъ-Квантенъ явился средоточеніемъ оппозиціи, направленной противъ Россіи. Эти письма періодически собирались имъ въ отдѣльныя брошюрки—„Финляндскія дѣла“ (Finska forhållanden)—и усиленно распространялись по нашей сѣверной окраинѣ. Съ 1857 по 1861 г. такихъ брошюръ было издано четыре выпуска.

Неблагопріятное Россіи общественное мнѣніе поддерживалось въ Швеціи, кромѣ того, изданіями, подобными „Ryssland och dess förhållande till den europeiska civilisationen“ (переводъ сочиненія Leouzon le Duc, изданнаго въ Стокгольмѣ въ 1854 г.); „Rysslands eröfringspolitik“ (переводъ сочиненія François Combes, напечатаннаго въ Стокгольмѣ въ 1855 г.), и т. п. Заглавія этихъ книгъ („Завоевательная политика Россіи“; „Отношеніе Россіи къ европейской цивилизаціи“) въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ ихъ духъ и направленіе.

Надежда на возвращеніе Финляндіи проявилась вновь и съ особой силой въ Швеціи во время польскаго возстанія. Карлъ XV, какъ сказано въ первой книжкѣ исторіи Швеціи (Sveriges historia intill tjugude seklet), выросшій въ старо-шведскомъ традиціонномъ нерасположеніи къ Россіи, пожелалъ вернуть Финляндію, но его разумнымъ министрамъ удалось его удержать отъ объявленія намъ войны. „Швеція не на шутку вооружается“,— отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Никитенко (т. II, стр. 380), — „грозя отнять у насъ Финляндію и чуть ли не Петербургъ“. 2-го мая 1863 г. Никитенко добавилъ: „Швеція, получивъ отъ Финляндіи объявленіе, что та вовсе не желаетъ отложенія отъ Россіи, дала знать, что она не имѣетъ повода къ войнѣ“. Новый историкъ Швеціи пишетъ, что возстаніе Польши радостно привѣтствовалось въ Швеціи, а также небольшой группой финляндцевъ, дружественно расположенныхъ

къ Швеціи, представителемъ коихъ являлся финскій эмигрантъ фонъ-Квантенъ, который въ началѣ Крымской войны надѣялся на возможность отторженія Финляндіи отъ Россіи и возсоединенія ея со Швеціей. „Многочисленные политическіе эмигранты въ Западной Европѣ тайно работали надъ тѣмъ, чтобы вызвать также возстаніе и въ Финляндіи. Большое число раздробленныхъ силъ объединялось такимъ образомъ противъ русской державы и ихъ планы настолько совпадали съ стремленіями скандинавизма, что они не могли не заслужить горячихъ симпатій со стороны шведскаго народа и короля [69])".

Наше правительство знало, конечно, о состояніи умовъ въ Швеціи. Генералъ-губернаторъ Рокасовскій въ запискѣ, составленной въ концѣ 1855 года, писалъ, между прочимъ, что „въ Швеціи увеличивалась ежедневно революціонная пропаганда, стремившаяся явно и скрыто къ разрыву съ Россіей, въ надеждѣ завоеваніемъ Финляндіи осуществить мечтательный планъ созданія *Союзной скандинавской державы*. Благоразуміе шведскаго правительства удержалось противъ напора партій, желавшихъ войны".

Присоединенію Швеціи къ коалиціи генералъ Рокасовскій придавалъ довольно существенное значеніе. „Армію Швеціи Рокасовскій признавалъ благоустроенной, привыкшей къ лишеніямъ и къ суровому климату сѣвера, а флотилію канонерскихъ лодокъ—сильной и знакомой со шхерами. Швеція дала бы союзникамъ удобныя складочныя мѣста, а корпусъ шведскихъ войскъ, дѣйствуя въ Финляндіи, конечно, значительно усилилъ бы союзниковъ. Эти войска были бы однородны по происхожденію съ прибрежными жителями Финляндіи, у которыхъ ожили бы воспоминанія прошлаго. Языкъ знакомый, обычаи тоже, а въ заключеніе еще даже одинаковыя административныя формы. Все это доставило бы союзникамъ значительныя выгоды. Наши же войска были чужды по языку населенію Финляндіи. Слѣдовательно, при-соединись Швеція, союзники, несомнѣнно, избрали бы для своихъ военныхъ операцій Финляндію, ибо выгоды она представляла для нихъ немалыя. Въ области, прилегавшей къ Або, въ Швеціи видѣли настоящую Финляндію, въ которой наиболѣе сохранялись симпатіи къ moderlandet и къ прежнему шведскому правленію. Сюда, при выходѣ на берегъ Финляндіи союзниковъ, хлынули бы люди революціоннаго образа мыслей". „Преданность къ Россіи Финляндіи и ея обитателей не можетъ подлежать сомнѣнію", —

продолжалъ генералъ Рокасовскій,—„они помнятъ и цѣнятъ благодѣянія, оказанныя странѣ необыкновеннымъ развитіемъ ея благосостоянія и постояннымъ отеческимъ покровительствомъ, которымъ они пользовались отъ русскихъ Царей“. Но Рокасовскій не скрылъ, что „часть пылкаго и необдуманнаго юношества,—легко увлекающагося всѣмъ, что только ново и необыкновенно и всѣмъ, что представляетъ ему поприще для отваги и своеволія,—можетъ быть обольщена лживыми обѣщаніями краснорѣчивыхъ демагоговъ и обманута мечтательными надеждами“. „Но если даже число увлеченныхъ на преступную стезю возстанія будетъ весьма ограничено, если (какъ по всему этому надѣяться можно) большая часть жителей останется вѣрною чести, долгу и присягѣ, то и тогда достаточно будетъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, чтобы дать возможность демагогамъ представить расположеніе умовъ въ Финляндіи въ превратномъ видѣ. Недоброжелатели Россіи въ Скандинавіи и Западной Европѣ охотно повѣрятъ этимъ разсказамъ и цѣль революціонеровъ уже достигнута будетъ на половину, если на этотъ призывъ Финляндія наводнится праздными и буйными искателями приключеній всѣхъ странъ Европы, но преимущественно сосѣдней намъ Швеціи“ [70]).

Что касается русской періодической печати, то она была весьма плохо освѣдомлена о дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ намъ Швеціи. 5-го сентября 1854 г. стокгольмскій корреспондентъ „Сѣверной пчелы“ увѣрялъ, напримѣръ, своихъ читателей, что слухи объ аудіенціи англійскаго посла у короля и выраженныя сословіемъ поселянъ желанія возвращенія Аланда ни на чемъ не основаны. Но русскіе, болѣе внимательные къ политикѣ, не ожидали отъ Швеціи стойкаго исполненія нейтралитета. Графъ П. Х. Граббе, въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ уже въ ноябрѣ 1853 г.: „Швеція, кажется, хочетъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и напоминаетъ о Финляндіи“; въ январѣ 1854 г. онъ записалъ: „Австрія и Пруссія колеблются и склоняются на сторону Англіи и Франціи, а Швеція ненадежна“ [70]). Сомнѣніе отразилось и въ письмахъ гр. А. К. Толстого. „Проектъ англичанъ прозимовать съ французами въ Финляндіи... очень бы насъ обрадовалъ“, писалъ онъ 22-го іюля 1854 г., „если бы мы были увѣрены въ Швеціи, но, какъ оказывается, мы не долго съ ней останемся въ хорошихъ отношеніяхъ“. „Швеція заключила, по примѣру Австріи, непріязненный для насъ оборонительный съ западными державами союзъ“, читаемъ въ записной книжкѣ гр. Граббе подъ 28

декабря 1855 г. Графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ запискахъ такъ же правильно отмѣтилъ, что „Швеція, какъ говорили тогда, была уже готова вооружиться и воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы отторгнуть отъ насъ Финляндію“...

Печать Запада не блуждала, подобно нашей, въ потемкахъ и знала о намѣреніяхъ шведскаго короля [72]).

Аугсбургская газета, напр., опредѣленно предсказывала заключеніе союза Швеціи съ Англіей и Франціей въ Стокгольмѣ [73]). Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы дѣлать упреки нашимъ редакціямъ. Публицистика наша находилась въ пеленкахъ и газеты лишь перепечатывали главнымъ образомъ оффиціальныя реляціи. Кореспондентовъ своихъ на войнѣ газеты не имѣли. Обсужденій хода дѣла не полагалось. О томъ, что происходило на главныхъ театрахъ войны, скорѣе узнавали изъ иностранныхъ газетъ, чѣмъ изъ донесеній кн. Меншикова. О кончинѣ Императора Николая Павловича севастопольскіе герои извѣщены были изъ непріятельскаго лагеря. При тогдашнихъ порядкахъ поддерживать истинный патріотизмъ и духъ народа было невозможно. „Съ полнымъ равнодушіемъ мы слушали о Синопской битвѣ, о возможныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, грозящихъ отечеству, но отечества мы не чувствовали, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Романовичъ-Славатинскій; патріотизма въ насъ не было ни капли“... Въ виду такого положенія, особеннаго вниманія заслуживаетъ громкій голосъ горячаго патріота и коренного москвича М. П. Погодина, разносившійся по Россіи въ его „Историко-политическихъ письмахъ и запискахъ“ 1853—1856 гг. (Москва, 1874 г.). Огненнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за ходомъ европейскихъ событій и „пламеннымъ языкомъ“ предостерегалъ общество и предлагалъ свои совѣты. Мнѣнія о „письмахъ“ тогда раздѣлились: одни признавали ихъ „безполезнымъ вздоромъ“, другіе видѣли въ нихъ событіе, которое „не будетъ забыто исторіей“. Одно его письмо „возбудило полное удовольствіе“ Императора и, благодаря успѣху другихъ писемъ, авторъ имѣлъ счастіе представиться Императрицѣ. Обдумывая, какими средствами можно было выйти изъ того крайне затруднительнаго положенія, въ какое поставила насъ Крымская война, Погодинъ, въ видѣ диверсіи, предлагалъ, между прочимъ (въ VII письмѣ), „открыть Испаніи виды на возвращеніе Гибралтара, Италіи — на владѣніе Мальтою, Греціи — на присоединеніе Іонической республики“ и т. п.; кромѣ того, ему представлялось полезнымъ послать торжественное посольство въ Америку и сна-

рядить экспедицію въ Индію (хотя бы только на бумагѣ). Зундъ и Дарданеллы—вотъ на будущее время цѣли внѣшней нашей политики. „Это не такъ странно и невозможно, какъ съ перваго взгляда кажется“,—писалъ онъ,—„хотя мы и отвыкли, подъ ферулою нѣмецкой политики, отъ всѣхъ смѣлыхъ идей“. Для достиженія этой цѣли, Погодинъ проектировалъ „балтійскій союзъ“ между Даніей, Швеціей, Пруссіей и Россіей. Какія же данныя указывали на возможность его осуществленія? Англійскій флотъ сжегъ Копенгагенъ, а теперь хозяйничалъ въ датскихъ гаваняхъ. Угрозы Англіи и Франціи едва ли могли быть пріятны Швеціи. Пруссія открыта по берегамъ для нападенія союзнаго флота. Весь амфитеатръ Балтійскаго моря раздѣлялъ, слѣдовательно, по мнѣнію Погодина, одинаковыя чувства и нужно было только соединить эти чувства, устроивъ сѣверный союзъ, какъ Екатерина устроила вооруженный нейтралитетъ. Выгода такого союза для каждаго изъ названныхъ государствъ, стоявшихъ между двухъ огней, представлялась Погодину очевидной. Если противъ одного русскаго флота Англія и Франція съ трудомъ предпринимали походъ, то что же могутъ союзники сдѣлать противъ объединенныхъ морскихъ силъ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Россіи? Можно было,—говоритъ далѣе Погодинъ,—предоставить Швеціи, Даніи и Пруссіи извѣстныя торговыя преимущества въ „балтійскомъ союзѣ“. Не забылъ Погодинъ и того, что въ титулѣ Русскаго Государя имѣются напоминанія объ извѣстныхъ династическихъ правахъ на Данію и Норвегію. „Сѣверный союзъ“ предлагался Погодинымъ исключительно въ оборонительныхъ цѣляхъ и для европейскаго равновѣсія, такъ какъ Россія есть государство распространяющееся, но не завоевательное.

Погодинъ схватилъ, слѣдовательно, довольно вѣрно главное требованіе времени. Что представляло въ сущности предложеніе Императора Николая Павловича Пруссіи объединиться въ нейтралитетѣ со скандинавскими государствами, какъ не проектъ балтійскаго же союза? Ошибся Погодинъ во взглядахъ на Швецію, но эту участь раздѣлила съ нимъ вся остальная Россія. Погодинъ былъ человѣкъ живой, впечатлительный и увлекался своими мечтами. Въ другихъ своихъ политическихъ письмахъ, когда мимоходомъ бросаетъ замѣчанія о Швеціи и Даніи, онъ значительно правильнѣе оцѣнилъ ихъ отношенія къ Россіи. „Датскій король волей или неволей служитъ союзникамъ, шведскій,—говоритъ Погодинъ,—скрываетъ, можетъ быть, болѣе опасные замыслы, такъ

какъ у Швеціи были старые счеты за Финляндію и Аландскіе острова (стр. 88 и 108). Швеція, по крайней мѣрѣ молодежь и лѣвая сторона, при такомъ общемъ возстаніи главныхъ державъ европейскихъ на Россію, надѣется возвратить Финляндію и отмстить сколько-нибудь за униженіе...“ (стр. 104).

Прошло болѣе двадцати лѣтъ послѣ войны 1854 — 1855 гг. Въ Стокгольмѣ появилась брошюра „Взглядъ на политическое прошлое и будущее Швеціи“ [74]). Въ ней для насъ интересно признаніе автора, относящееся къ Финляндіи. Онъ находитъ политическое положеніе Швеціи особенно счастливымъ и прочнымъ. Указывая на причины, обусловившія такое положеніе, онъ прежде всего останавливается на измѣнившихся отношеніяхъ Швеціи къ Россіи и на ростѣ Германской имперіи. Съ тѣхъ поръ, какъ создалась эта имперія, авторъ брошюры считаетъ ее (вмѣстѣ съ Англіей) надежнѣйшимъ союзникомъ Скандинавскихъ государствъ. Германія впредь,—по его мнѣнію,—будетъ препятствовать Россіи завоевать Швецію. Хладнокровно оцѣнивая обстоятельства, авторъ говоритъ, что Швеція должна быть довольна утратой Лифляндіи и продажей Помераніи. То же самое надо сказать и про Финляндію. Конечно, тяжело было шведамъ разстаться съ финнами, съ коими прожили совмѣстно нѣсколько сотъ лѣтъ; но исторія свидѣтельствуетъ, что при томъ постепенномъ развитіи могущества Россіи, которое давно уже наблюдалось, разлука представлялась неизбѣжной. У Швеціи не оставалось силъ удержать за собой „хорошій финскій народъ“. Разлука состоялась и теперь Швеція обязана благодарить судьбу за свои естественныя и прекрасныя границы, которыя не даютъ поводовъ къ недоразумѣніямъ съ сосѣдними государствами, а во время войны представляютъ много удобствъ для защиты. Благодаря имъ, Швеція пользовалась въ теченіе долгаго времени (почти столѣтія) полнымъ и благодатнымъ миромъ, во время котораго успѣла поднять свою культуру и благосостояніе населенія до замѣчательно высокаго уровня. До 1814 г. въ исторіи Швеціи извѣстенъ только одинъ періодъ мира, продлившійся 26 лѣтъ, остальные мирные періоды были короче. Миръ особенно надеженъ,—писалъ авторъ „Взгляда“,—вслѣдствіе спокойнаго отношенія Швеціи къ Россіи [75]).

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ 1855 Г.

Кампанія 1854 г. была закончена: во второй половинѣ августа отправился обратно во Францію десантный отрядъ, а въ октябрѣ ушли изъ Балтійскаго моря послѣднія суда непріятельскаго флота.—Но война продолжалась и потому приходилось думать о новыхъ средствахъ защиты. Въ ожиданіи возвращенія союзныхъ флотовъ западныхъ державъ, у насъ чинились, возводили новыя укрѣпленія, строили суда, набирали и передвигали воинскія части. Объ увеличеніи числа войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, ген.-л. Рокасовскій сталъ хлопотать еще въ іюнѣ 1854 г. Тогда онъ особенно озабоченъ былъ охраной береговъ Эстерботніи. Но всѣ силы, какія только возможно было удѣлить для Финляндіи, уже предоставлены были въ его распоряженіе. Оставалось только раздавать оружіе населенію и надѣяться, подобно Его Величеству, что Гамле-Карлебю „послужитъ ободрительнымъ примѣромъ для всего вѣрнаго и мужественнаго народонаселенія Финляндскаго побережья [1])“. Опасеніе за оголенный Эстерботнійскій край, по мѣрѣ прихода лѣта къ концу, уменьшалось, такъ какъ становилось очевиднымъ, что непріятель не произведетъ тамъ серьезнаго десанта. Тѣмъ не менѣе командующій войсками своевременно вмѣнилъ въ обязанность Улеоборгскому и Вазаскому губернаторамъ, на случай высадки французовъ въ значительныхъ силахъ на берега Эстерботніи, немедленно собирать народное ополченіе для партизанскихъ дѣйствій въ тылу непріятеля, при его движеніи внутрь края. Кромѣ того, съ тою же цѣлью поднятія народа на защиту родины, предполагалось послать въ сѣверную Финляндію ген.-лейт. гр. Армфельта. Главныя же силы имѣлось въ виду держать сосредоточенными около Гельсингфорса. Эти распоряженія были одобрены Государемъ [2]). Французскій десантъ, какъ потомъ выяснилось, предназначенъ былъ для высадки на Аландѣ.

Изъ дальнѣйшей переписки ген.-лейт. Рокасовскаго съ военнымъ министромъ видно, что въ Финляндіи въ теченіи лѣта 1855 г.

находилось только 35³/₄ баталіона пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ и 52 орудія.—Въ началѣ сентября (1854 г.) командующій войсками представилъ свои соображенія о дальнѣйшей оборонѣ края, признавая необходимымъ имѣть „хотя бы небольшіе гарнизоны въ приморскихъ городахъ, какъ для успокоенія жителей, такъ и для предохраненія ихъ отъ набѣговъ непріятельскихъ крейсеровъ“. Исходя затѣмъ изъ предположенія, что непріятельскій десантъ не будетъ превышать 25 тыс. чел. и что отношенія къ Швеціи не измѣнятся, командующій войсками находилъ, что, по его исчисленію, войска Финляндіи надо довести до 57¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 24 сотенъ казаковъ и 76 орудій [3]).

Съ этой силой онъ признавалъ возможнымъ обезпечить окраину отъ непріятельскихъ покушеній [4]). Вслѣдъ за этимъ состоялось Высочайшее утвержденіе росписанія войскъ на 1855 г., при чемъ усматривалось, что, въ виду значительнаго протяженія береговъ Финляндіи, нельзя было имѣть на всѣхъ пунктахъ силы достаточныя для отраженія непріятеля, а раздробленіе войскъ являлось опаснымъ и безполезнымъ. Рѣшено было составить, подобно предыдущему году, два отдѣльныхъ отряда—въ Вазѣ и Або,—а остальныя силы сосредоточить вокругъ Гельсингфорса. Для усиленія обороны тогда же состоялось Высочайшее повелѣніе сформировать еще два поселенныхъ баталіона для приморскихъ городовъ [5]).

Но все это являлось въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ ходатайствъ и распоряженій. Нужно было ихъ привести въ стройную систему и подчинить одному общему плану. Подобнаго требованія не упустили изъ вида въ Петербургѣ, гдѣ въ это время озабочены были уже общей оцѣнкой кампаніи 1854 г. и проектомъ предстоящей обороны.

Въ сентября 1854 г. ген.-м. Милютинъ подалъ въ Гатчинѣ Государю Императору особую записку, вслѣдъ за которой послѣдовало учрежденіе комитета по выработкѣ мѣръ для обороны Балтійскаго побережья. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, а членами: генералъ-адмиралъ Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, ген.-адъютантъ баронъ Жомини, генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, инспекторъ по инженерной части и начальникъ его штаба, инспекторъ всей артиллеріи и его начальникъ штаба, ген.-адъют. баронъ Ливенъ и сверхъ того военный министръ. Производителями дѣлъ комитета состояли ген.-м. Милютинъ и полк. Карцевъ [6]).

Записка ген.-м. Милютина, которая, видимо, легла въ основу работъ комитета, указывала прежде всего на то, что для защиты Чернаго и Балтійскаго морей нужно было бы расположить на каждыя 500 верстъ береговой линіи по крайней мѣрѣ до 80 тыс. передвижнаго войска, не считая мѣстныхъ гарнизоновъ. По этому разсчету для защиты береговъ Балтійскаго моря потребовалось бы не менѣе *400 тыс.* чел. Но такъ какъ непосредственно воспрепятствовать высадкѣ непріятеля на каждомъ пунктѣ берега не было никакой возможности, то ясно, что нужно было „отказаться отъ непосредственной защиты всего протяженія берега и уменьшить до послѣдней крайности число тѣхъ пунктовъ, которые должно упорно отстаивать“. Тутъ рукою Государя отмѣчено: „Разумѣется“.

Оборона Балтійскаго моря представляла особенно большія трудности, не только вслѣдствіе своего протяженія, но и потому, что нельзя было имѣть резерва, который, по требованію, могъ бы явиться и въ Финляндскія, и Прибалтійскія губерніи.

Въ теченіи кампаніи 1854 г. мы имѣли на берегахъ Балтійскаго моря 165 тыс. (209 бат., 114 эскадр. и 412 орудій). Отразить непріятеля ими было невозможно, если бы онъ вздумалъ произвести высадку всѣми своими силами, подобно Крыму, на избранномъ имъ мѣстѣ. Въ Финляндіи, въ теченіи кампаніи 1854 г., имѣли не болѣе 30 тыс. войскъ и ими приходилось охранять болѣе 1200 верстъ берега твердой земли, не считая острововъ. Для встрѣчи въ полѣ оставалось всего 11 баталіоновъ, 4 эскадр. и 32 орудія, такъ какъ 19½ бат. оберегали главный пунктъ страны Гельсингфорсъ, (изъ нихъ въ Свеаборгскомъ гарнизонѣ находилось 5½ батл.). Резервъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ могъ прійти не ранѣе трехъ недѣль, такъ какъ ему нужно было пройти 417 верстъ. Войска по берегу разбросали много и все-таки ни одинъ пунктъ не былъ надлежащимъ образомъ обезпеченъ. Такъ, напримѣръ, весь берегъ Ботническаго залива на протяженіи 800 верстъ, можно было считать совершенно беззащитнымъ. Государь надписалъ: „То и Я думаю“. Або въ послѣднее время (1854 г.) имѣлъ до 3000 войска, но легко могъ сдѣлаться добычею непріятеля. Маленькіе укрѣпленные пункты (Гангэ, Роченсальмъ, Свартгольмъ) требовали только затратъ и труда. Въ Роченсальмѣ наскоро набросали батареи, которыя не выдержали-бы огня непріятеля въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. За исключеніемъ Выборга, „всѣ укрѣпленные пункты Финляндскаго берега, не доставляя

намъ ни малѣйшей выгоды въ борьбѣ съ непріятелемъ, существовали, какъ будто для того только, чтобы доставить непріятелю легкую добычу". Отмѣтка Государя: „Справедливо".

Прежде, когда парусному флоту трудно было проникать въ шхеры, малыя укрѣпленія, форты и башни, имѣли значеніе при наличности гребнаго флота, а при паровыхъ судахъ ихъ роль прекратилась. Всѣ эти обстоятельства, по мнѣнію ген.-м. Милютина, указывали на то, что надо было уменьшить число защищаемыхъ пунктовъ, иначе ни одинъ изъ нихъ не будетъ въ состояніи отстоять себя. Финляндія и Прибалтійскій край должны составлять самостоятельные раіоны обороны.

Ген.-м. С. О. Жигмонтъ.
Начальникъ резервной дивизіи Гренадерскаго корпуса (1855 г.)

Важнѣйшимъ пунктомъ въ Финскомъ заливѣ, послѣ Кронштадта, являлся Гельсингфорсъ съ Свеаборгомъ и его прекраснымъ рейдомъ. Они были естественными центрами расположенія войскъ и обороны Балтійскаго побережья. Выборгъ — ворота въ

Финляндію — могъ держаться самостоятельно. Або трудно было защищать и упорной обороны тутъ создавать не представлялось надобности.

Роченсальмъ и Свартгольмъ предложено было взорвать— какъ ничтожные и безполезные пункты—и воспользоваться ихъ пушками, запасами, канонерскими лодками для иныхъ пунктовъ обороны. Рукою Государя обозначено: „Быть можетъ".

Затѣмъ составитель записки находилъ полезнымъ сосредоточить главныя силы въ Гельсингфорсѣ, а въ Або расположить только наблюдательный отрядъ.

Кромѣ того, ген.-м. Милютинъ предлагалъ по отношенію къ Финляндіи: 1) Сверхъ находящихся тамъ 20 баталіоновъ 1-й Гренадерской дивизіи, добавить сколько нужно. Государь находилъ, что это „Весьма трудно". 2) Поощрять формированіе финляндскихъ поселенныхъ войскъ и возлагать на нихъ защиту городовъ, особенно въ Эстерботніи, придавъ имъ только казаковъ. 3) При первой возможности эскадру изъ Свеаборга перевести въ Кронштадтъ. 4) Изъ Або канонерскія лодки и пароходы также отправить въ Кронштадтъ, гдѣ собрать всю гребную флотилію, за исключеніемъ развѣ только необходимой части для Свеаборга. Государь находилъ, что „Выгоднѣе въ Свеаборгѣ. Здѣсь и безъ того достаточно". 5) Въ Свеаборгѣ озаботиться сокращеніемъ круга обороны. 6) Изъ Або вывести строющіяся суда и сократить вообще потребность въ большомъ числѣ войска. Рукою Государя приписано „Да". 7) Роченсальмскія укрѣпленія уже предположено упразднить. „Да". 8) Свартгольмскія укрѣпленія тоже срыть. Артиллерію изъ обоихъ пунктовъ взять въ Свеаборгъ и Кронштадтъ. „А Свартгольмъ надо было бы рвать. Кажется не стоитъ того". 9) Выборгъ—вновь осмотрѣть и привести въ такое положеніе, если возможно, чтобы могъ держаться съ небольшими гарнизонами, безъ внѣшней помощи. „Да, недѣли двѣ"—гласитъ здѣсь резолюція Царя. 10) Озаботиться тѣмъ, чтобы устроить складочные пункты не на самомъ берегу, но такъ, чтобы войска могли свободно дѣйствовать. Государь раздѣлилъ это мнѣніе, надписавъ: „Необходимо". 11) Тѣ части Финляндскаго берега, которыя не охраняются главными силами, раздѣлить на участки и назначить военныхъ начальниковъ, которымъ подчинить расположенныя по городамъ команды поселенныхъ войскъ и казачьи посты; на тѣхъ же начальниковъ возложить обязанность доставлять поспѣшно свѣдѣнія о происходящемъ въ ихъ участкахъ,

также наблюдать за мѣстнымъ народонаселеніемъ. Государь выразилъ на это Свое согласіе отмѣткой: „Да“. 12) Устроить электро-магнитный телеграфъ отъ Петербурга по направленію въ Финляндію. Телеграфъ ускоритъ не только передачу извѣстій, но и сосредоточеніе войскъ. Всѣ помѣтки Государя Императора положены на запискѣ 2-го ноября 1854 г., а 3-го ноября состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича. 25-го ноября Его Императорское Высочество Александръ Николаевичъ подалъ уже докладную записку Государю, съ изложеніемъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ комитетъ.

Принявъ за основаніе своихъ совѣщаній соображенія военнаго министра (или, точнѣе говоря, вышеприведенную записку ген.-м. Милютина) комитетъ высказалъ слѣдующее:

Имѣя въ виду обширныя средства, которыми непріятель располагаетъ на моряхъ, для предпріятія высадки въ значительныхъ силахъ, и важность тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ можетъ достигнуть успѣхами своими на берегахъ Балтійскаго моря, комитетъ единогласно призналъ справедливою основную мысль означенной записки (29 сент.): что для успѣха предстоящей намъ борьбы въ Прибалтійскомъ краѣ необходимо съ одной стороны уменьшить число пунктовъ, требующихъ упорной обороны, а съ другой усилить по возможности всѣ оборонительныя средства въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ защита будетъ необходима.

Раздѣливъ мнѣніе, что всего Финляндскаго берега отъ значительныхъ силъ охранить невозможно, комитетъ полагалъ, что должно ограничиться защитою преимущественно 4-хъ пунктовъ, которые при томъ имѣютъ различную важность, а потому требуютъ и различныхъ мѣръ къ ихъ обезпеченію. Эти пункты суть: Або, Гельсингфорсъ, Свеаборгъ и Выборгъ.

Охраненіе Або важно не столько въ военномъ отношеніи, сколько въ политическомъ: ибо городъ этотъ значительнѣйшій изъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ края, имѣетъ при томъ для жителей особое значеніе, какъ бывшій главный городъ Финляндіи. Но съ другой стороны, по отдаленности этого пункта, большаго числа войскъ къ защитѣ его употребить невозможно, а защищать его упорно съ малыми силами, значило бы напрасно жертвовать войсками и самый городъ подвергнуть неминуемому разрушенію. Влѣдствіе сего комитетъ полагалъ: сохранить оборону Або въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ нынѣш-

немъ (1854) году, т. е. не укрѣплять города съ сухого пути, а ограничиться защитою подступовъ со стороны моря по обѣимъ сторонамъ острова Рунсала, употребивъ для сего и канонерскія лодки, въ такомъ числѣ, какое признается для него нужнымъ, по ближайшему усмотрѣнію командующаго войсками въ Финляндіи. Равномѣрно предоставить ему же опредѣлить и силу тѣхъ сухопутныхъ войскъ, которыя необходимо будетъ отдѣлить для охраненія г. Або.

Гельсингфорсъ имѣетъ важность не только политическую, но и военную: ибо непріятель, владѣющій моремъ, занявъ этотъ городъ, можетъ оттуда съ выгодою дѣйствовать противъ Свеаборга и пріобрѣсти надежную опору для дальнѣйшихъ своихъ предпріятій. Посему для защиты Гельсингфорса надлежитъ употребить наибольшую часть тѣхъ силъ, которыя для дѣйствій въ Финляндіи будутъ назначены.

Свеаборгъ, по неоспоримой важности его въ военномъ отношеніи, долженъ быть усиленъ всѣми возможными средствами и приведенъ въ такое положеніе, чтобы могъ съ успѣхомъ противустоять самымъ рѣшительнымъ покушеніямъ непріятеля. Для сего комитетъ полагаетъ весьма полезнымъ привести въ исполненіе тѣ мѣры, которыя уже имѣются въ виду для занятія укрѣпленіями нѣкоторыхъ изъ прилежащихъ къ крѣпости острововъ, а въ особенности Сканслanда. Комитетъ полагаетъ также необходимымъ, для самостоятельной защиты Свеаборга, доставить надлежащую оборону и тылу сей крѣпости, т. е. къ сторонѣ берега. Оставленныя тамъ канонерскія лодки и другія суда будутъ содѣйствовать защитѣ входовъ на рейдъ. Для той же цѣли комитетъ полагалъ бы полезнымъ, по примѣру нынѣшняго года, занять и островъ Сандгамъ, если только командующій войсками признаетъ возможнымъ защищать его.

Вообще, кромѣ вышеизложенныхъ главныхъ пунктовъ обороны: Або, Свеаборга, Гельсингфорса и Выборга, предполагаемые другіе приморскіе города Финляндіи занимать только небольшими отрядами, не съ тѣмъ, чтобы упорно отстаивать эти пункты, но единственно для прикрытія ихъ отъ частныхъ нападеній непріятельскихъ крейсеровъ, въ особенности же для ободренія жителей края. Съ этою цѣлью могутъ быть преимущественно употреблены финляндскіе поселенные баталіоны, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкотораго числа казаковъ или пѣхоты, по ближайшему усмотрѣнію командующаго войсками.

Говоря о распредѣленіи сухопутныхъ войскъ, комитетъ указалъ, что гарнизонъ Выборга состоитъ изъ 3498 чел., ожидается въ пополненіе 810, такимъ образомъ, всего будетъ 4308 чел. [7]).

Сверхъ того можно надѣяться, что оборонительнымъ дѣйствіямъ сухопутныхъ войскъ окажетъ значительное пособіе, соотвѣтственное употребленіе морскихъ нашихъ силъ. Опытъ минувшаго лѣта вполнѣ убѣждаетъ въ томъ, что при нынѣшнемъ со-

Вице-адм. Я. А. Шихмановъ.
Начальникъ 3 флотской дивизіи.
Изъ собранія В. М. Колюбакина.

стояніи морского искусства, парусный флотъ безъ соразмѣрнаго числа паровыхъ судовъ, не въ состояніи мѣряться съ многочисленными паровыми эскадрами, а потому оставлять намъ парусный флотъ вооруженнымъ значило бы парализовать часть нашихъ средствъ, которымъ можно дать иное полезное назначеніе. Отказываясь отъ употребленія флота, какъ самостоятельной силы для дѣйствія на морѣ, Его Высочество генералъ-адмиралъ полагалъ

ограничиться снаряженіемъ въ Свеаборгѣ 3-хъ кораблей и 1-го фрегата для защиты проходовъ къ рейду.

Выработанный планъ обороны въ предѣлахъ Финляндіи осуществлялся слѣдующимъ образомъ:

Уже въ декабрѣ 1854 г. имѣлось новое росписаніе сухопутныхъ войскъ. Оно показывало, что къ 20 апрѣля (1 мая) въ Финляндіи будутъ сосредоточены,—кромѣ инвалидныхъ и мѣстныхъ командъ, а также не считая выборгскаго гарнизона и отряда расположеннаго отъ Выборга до Петербурга,—69$^{1}/_{2}$ баталіоновъ, 12 сотенъ, 8 эскадроновъ и 104 орудія.[8]).

Росписаніе это послѣдовательно приводилось въ исполненіе: въ январѣ военный министръ увѣдомлялъ, напримѣръ, о высылкѣ Донского казачьяго полка № 64; въ январѣ же (1855 г.) Высочайше повелѣно было, для укомплектованія 20-ти Финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ до тысячнаго состава, дать изъ предстоящаго набора въ Россіи 6000 чел. Въ видѣ справки прибавимъ, что о сформированіи послѣднихъ десяти финляндскихъ баталіоновъ состоялся приказъ военнаго министра только въ октябрѣ 1854 г. Всѣмъ двадцати двумъ финляндскимъ линейнымъ баталіонамъ повелѣно было присвоить нумера и дать распредѣленіе по бригадамъ 22 пѣх. дивизіи, которая уже до начала кампаніи находилась въ Финляндіи, имѣя штабъ-квартиру въ Гельсингфорсѣ, а штабы бригадъ—въ Выборгѣ и Або. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, сообщенныхъ командующимъ войсками, видно, что 19 апрѣля (1 мая) 1855 г. военная сила Финляндіи достигла 43,425 чел., [9]) и наконецъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ военнаго министра за 1855 г. значится, что въ Финляндіи отъ Торнео до Выборга, подъ начальствомъ ген.-адъютанта Берга, находилось 69 баталіоновъ, 18 сотенъ и 100 орудій [10]).

Въ декабрѣ 1855 г. состоялось Высочайшее объявленіе о формированіи еще трехъ поселенныхъ финскихъ баталіоновъ. Для нихъ нужно было собрать съ гейматовъ, обязанныхъ ставить солдатъ, 1800 чел. изъ Абоской, Нюландской и Выборгской губерній. Всѣ поселенные финскіе стрѣлковые баталіоны получили слѣдующую нумерацію и названія: № 1, Абоскій, № 2, Вазаскій, № 3, Улеоборгскій, № 4, Куопіоскій, № 5, С. Михельскій, № 6, Тавастгускій, № 7, Бьернеборгскій, № 8, Нюландскій и № 9, Выборгскій. Тавастгускій назывался еще имени Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Владиміра Александровича баталіонъ, а Выборгскій — Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

Три новыхъ баталіона повелѣно было окончить формированіемъ къ 1 (13) мая 1856 г. [11]). Такимъ образомъ къ началу 1856 г. (или къ концу войны) населеніе Финляндіи выставило всего 10711 чел., причемъ въ поселенныхъ войскахъ состояло 6,057 чел., а остальные—4,654 чел.,—были навербованы. Лейбъ-гвардіи финскій и Гренадерскій стрѣлковый баталіоны были сформированы вербовкою, причемъ первый изъ нихъ въ самомъ началѣ войны былъ командированъ въ Петербургъ [12]).

Въ манифестѣ 14-го декабря 1854 г. выражена была увѣренность въ томъ, что если обстоятельства потребуютъ, то всѣ сословія принесутъ жертвы для чести и славы отечества. 29-го января 1855 г. сословія Россіи призывались къ участію въ государ-

Французская канонерка.

ственномъ подвижномъ ополченіи. Русское сердце сейчасъ же, конечно, отозвалось и 323 дружины выросли, какъ изъ земли.

Первая С.-Петербургская дружина государственнаго ополченія была отправлена въ Финляндію, гдѣ ей пришлось принять участіе въ дѣлѣ, бывшемъ подъ Выборгомъ 1-го іюля 1855 г. Честь быстрой организаціи ея принадлежитъ Петербургскому дворянству. Первое собраніе этого дворянства состоялось въ февралѣ 1855 г. и тогда же ст. сов. Яковлевъ далъ на ея расходы, въ запечатанномъ пакетѣ, 300,000 руб. Начальникомъ ея дворянство избрало ген.-м. Струкова, который принялъ это назначеніе, не взирая на свои лѣта, большую семью и значительное состояніе. Ротными командирами были избраны: д. с. с. и камергеръ Б[illegible]лычевъ (съ чиномъ маіора), полк. кн. Шаховской, маіоръ Сороченко и маіоръ Шауманъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ ополченія оставили свои мѣста по гражданской службѣ, чтобы стать въ ея ряды. Дружин-

нымъ адъютантомъ состоялъ Андрей Байковъ, въ чинѣ штабсъ-капитана. Онъ же явился и историкомъ этого ополченія [13]).

Дружина № 1 государственнаго ополченія называлась „аристократическою“, говоритъ В. Д. Кренке; офицеры въ ней были изъ хорошихъ фамилій, богатые и вполнѣ образованные, нижніе же чины изъ мѣщанъ самой столицы, бойкіе, смышленные и на половину такіе мошенники, за которыми нуженъ былъ постоянный и бдительный присмотръ [14]). Дружина черезъ Сестрорѣцкъ и Лахту направилась въ Финляндію. Ратниковъ усадили по 4 и 5 человѣкъ на телѣги. Въ Кивинеббѣ былъ привалъ. Въ Кюрюля (Красномъ Селѣ) ночевали, сдѣлавъ въ первый день 52 версты. На другой день прибыли въ Выборгъ. На походѣ пѣли. За три версты до города построились. Въ городѣ были встрѣчены губернаторомъ. Ратниковъ угостили водкой и дали по булкѣ. Затѣмъ они, вмѣстѣ съ другими войсками, участвовали въ фортификаціонныхъ работахъ.

Кромѣ дружины, въ защитѣ Финскаго побережья у Выборга принимали участіе еще вольные стрѣлки. Ихъ наняли въ ограниченномъ числѣ, всего 100 чел., снабдили казеннымъ оружіемъ и платили по 1 рублю въ день [15]). Уже 8-го (20-го) мая 1854 г. Выборгскій губернаторъ, ген.-м. Теслевъ, ходатайствовалъ о выдачѣ 200 ружей для вольныхъ стрѣлковъ, кои предполагалось призвать для содѣйствія въ оборонѣ шхеръ. Государь соизволилъ на это ходатайство [16]).

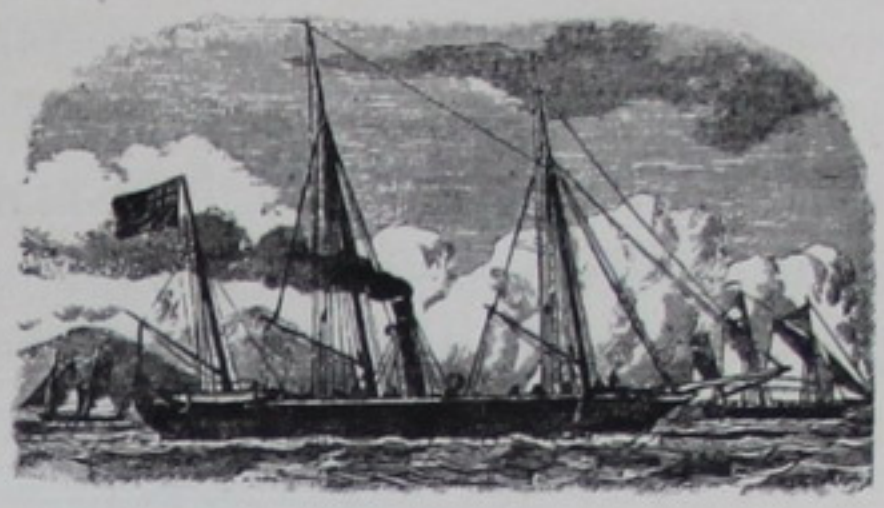
Въ большихъ крѣпостяхъ — Свеаборгѣ и Выборгѣ — работа по укрѣпленію верковъ продолжалась; малыя крѣпости, — какъ фортъ Слава и Роченсальмъ,—были упразднены и вооруженіе съ нихъ развели по разнымъ мѣстамъ. Въ особой запискѣ ген.-адъют. Огаревъ обратилъ вниманіе на Вильманстрандъ, на случай разрыва со Швеціей, но эта записка, очевидно, осталась безъ послѣдствій [17]).

Въ декабрѣ 1854 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ экстренномъ сооруженіи къ навигаціи 1855 г. 38 новыхъ винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, которыя должны были составить шхерную паровую флотилію. Лодки строились въ пяти различныхъ пунктахъ и къ сроку были окончены [18]).

Въ теченіи 1855 года гребныя канонерскія лодки были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Свеаборгѣ ихъ находилось 42, въ Або—30, въ Выборгѣ—8 [19]).

27-го ноября 1854 г. Главное Управленіе Путей Сообщенія

(гр. Клейнмихель) увѣдомило министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, что Государь Императоръ соизволилъ повелѣть устроить электромагнитный телеграфъ отъ Петербурга по дорогѣ черезъ Выборгъ, Вильманстрандъ и Тавастгусъ до Гельсингфорса. Устройство телеграфа на шестахъ отдано было по контракту прусскимъ инженерамъ и фабрикантамъ Сименсу и Гальске, съ обязательствомъ окончить его къ 1-му мая 1855 года [20]).



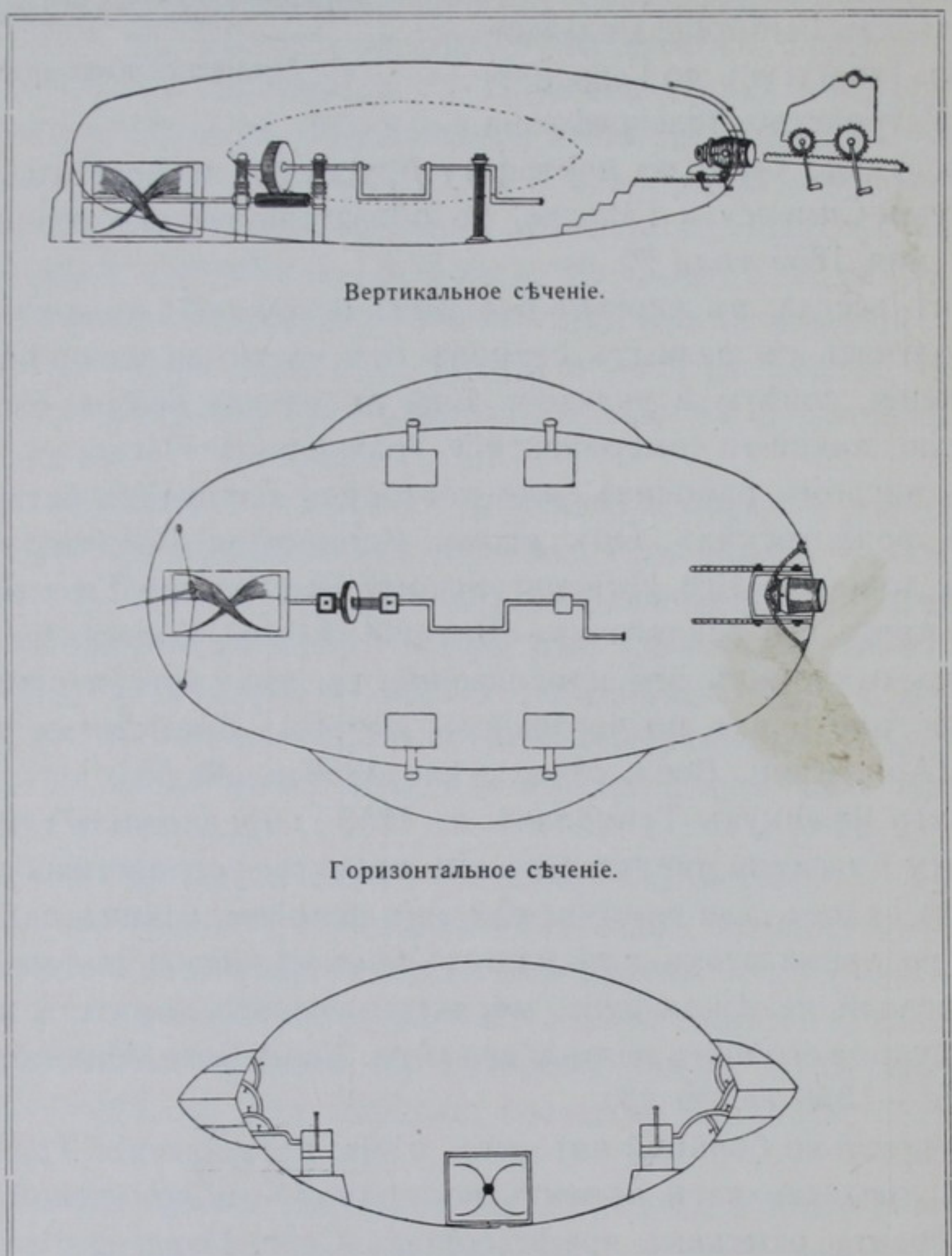
Англійская канонерка.

Какъ всегда, въ періодѣ военныхъ осложненій, правительство стало получать съ разныхъ сторонъ отъ частныхъ лицъ проекты, предложенія, совѣты и указанія. Еще до начала войны ожидался въ Россію какой-то американскій гражданинъ Паско, съ надлежащимъ числомъ рабочихъ, для постройки плавучихъ батарей, по образцу французскихъ. Объ этомъ Канцелярія Военнаго Министерства доносила Его Императорскому Высочеству Генералъ-Адмиралу, прося его заключенія.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ отклонилъ это предложеніе, въ виду того, что мы сами могли построить ихъ по чертежамъ, которые были тогда уже извѣстны (Арх. Канц. Воен. Мин.; дѣло 1856 г., № 58).

Нѣкто французъ Транбланъ въ 1855 г. предложилъ генералъ-адъютанту Катенину представить ему проектъ устройства особыхъ плавучихъ судовъ для противодѣйствія непріятельскимъ паровымъ судамъ, во время атаки ими нашихъ приморскихъ пунктовъ. Проектъ передали на заключеніе морского ученаго комитета и дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна (Арх. Канц. Воен. Министерства, дѣло 1855—1856 гг. № 43).

Значительно большій интересъ, чѣмъ предложенія Транбланъ и Паско, представляетъ проектъ подводной бомбардирской лодки. Этотъ проектъ отысканъ профессоромъ Серг. Павл. ф.-Глазенапъ въ бумагахъ свиты Его Величества контръ-адмирала Богдана Александровича фонъ-Глазенапа. Намъ не удалось въ точности установить года составленія этого проекта; мы не знаемъ также и имени изобрѣтателя лодки, но, въ виду интереса, представляемаго этимъ примитивнымъ проектомъ, рѣшаемся тѣмъ не менѣе дать краткое его описаніе. Предлагавшаяся лодка должна была состоять изъ желѣзнаго элипсоида и имѣть три неравныя оси: 1-я ось—длина

лодки—въ 60 фут.; 2-я—ширина—30 ф. и 3-я—высота—14 ф. Такимъ образомъ объемъ элипсоида или его водоизмѣщеніе равнялось бы 13.188 куб. фут. (или 343 тоннъ). Винтъ лодки должны были приводить въ движеніе четыре человѣка и это давало бы ей ходъ отъ 2-хъ до 4-хъ узловъ. За винтомъ помѣщается руль. Въ носовой



Вертикальное сѣченіе.

Горизонтальное сѣченіе.

Проектъ подводной бомбардирской лодки.

части укрѣплялась пяти-пудовая бомбовая мортира. Чтобы вода не могла попасть во внутренность судна при вдвиганіи орудія, приспособлялись двѣ заслонки изъ листоваго желѣза. Орудіе должно было плотно входить въ сферическое отверстіе, сдѣланное въ бортѣ лодки. Для поднятія лодки изъ воды и погруженія ея въ воду, съ

обѣихъ сторонъ придѣлывались сферическія подушки изъ гутаперчи, раздѣленныя на четыре части; подушки наполнялись воздухомъ воздуншыми насосами. По разсчету изобрѣтателя, объемъ воздуха въ лодкѣ былъ таковъ, что въ ней могли плавать десять человѣкъ подъ водой почти въ теченіе двухъ сутокъ. Бомбардирской подводной лодкой имѣлось въ виду наносить поврежденія въ подводныя части непріятельскихъ кораблей.

Въ бумагахъ того-же адмирала Б. А. Глазенапа сохраняется еще одинъ своеобразный проектъ. Онъ составленъ поручикомъ А. Давыдовымъ въ сентябрѣ 1854 г. и названъ „Легкій очеркъ способа обороны шхеръ“. Давыдовъ предлагалъ устроить „винтовзрывъ“. Союзники, какъ извѣстно, пришли преимущественно на судахъ съ паровыми двигателями. Патріотъ-поручикъ задался мыслію воспользоваться свойствами пароходнаго винта во вредъ непріятелю. Онъ исходилъ изъ того положенія, что винтъ, сообщая движеніе судну, въ то же время образуетъ въ водѣ воронку, которая имѣетъ свойство притягивать къ себѣ удобоподвижныя тѣла, напр. сѣти—мережи. Въ виду этого Давыдовъ проектировалъ прикрѣплять къ минѣ сѣть, въ надеждѣ, что винтъ подыметъ и даже запутаетъ сѣть, а лопасть винта, ударомъ по минѣ, въ состояніи произвести взрывъ. Для этого онъ признавалъ цѣлесообразнымъ придать минѣ такую форму и вѣсъ, которые были бы чувствительны къ малѣйшему движенію сѣти. Мина, на якорномъ грузѣ, должна была находиться на 25 футовъ отъ поверхности воды, веревки сѣти пропитаны смолой и т. п.

Затѣмъ Давыдовъ придумалъ особый приборъ, названный имъ „винтоломъ“; онъ работалъ надъ тѣмъ, чтобы приспособить мину спеціально для шхеръ, создать шхерную береговую артилерію и проч. Ему представлялось возможнымъ замаскировывать входы въ шхерные фарватеры наклонно поставленными плотами. Описывать его проектовъ не будемъ, въ виду ихъ фантастичности. Этими мѣрами энергичный поручикъ едва ли не болѣе разсчитывалъ поднять „нравственную силу“ финскихъ защитниковъ края, чѣмъ причинить тревогу непріятелю.

Въ сентябрѣ 1854 г. въ Финляндію прибылъ камергеръ Двора Его Имп. Величества ст. сов. Вонлярлярскій для установки подводныхъ минъ, его собственнаго изобрѣтенія. Мины эти были двухъ родовъ.—Однѣ нужно было прикрѣплять къ тому судну, которое желали истребить, а другія—ставились подъ водой, на нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности. Разсчитывалось, что онѣ

будутъ разрываться, при прохожденіи непріятельскаго судна надъ ними, именно въ то время, когда вращательное движеніе его винта втянетъ и намотаетъ на себя веревку, прикрѣпленную къ минѣ.— Вонлярлярскій желалъ разставить свои мины второго разряда въ 15—17 верстахъ отъ Свеаборга; но такъ какъ онѣ могли подвергнуть опасности наши собственныя суда, то изобрѣтателю предложено было воспользоваться водами около Поркалаудда [21]).

Патріотизмъ побуждалъ частныхъ лицъ, по мѣрѣ ихъ силъ и разумѣнія, содѣйствовать правительству въ трудныхъ обстоятельствахъ военнаго времени. Одни, какъ мы видѣли, становились въ ряды ополченія; другіе, какъ напр. гр. Алексѣй Толстой, хлопотали объ организаціи отдѣльныхъ боевыхъ средствъ; третьи, подобно Вонлярлярскому и А. Давыдову, спѣшили со своими изобрѣтеніями; четвертые писали проекты и высказывали свои соображенія по текущимъ вопросамъ. Въ августѣ 1854 г. на имя Государя Императора было получено письмо отъ анонимнаго автора. Николай Павловичъ, видимо, остался особенно доволенъ общими соображеніями, высказанными этимъ неизвѣстнымъ корреспондентомъ, такъ такъ собственноручно отмѣтилъ карандашемъ сверху: „Замѣчательное письмо“. Составитель письма сдѣлалъ сводку изъ своихъ наблюденій, чтеній и бесѣдъ „съ людьми свѣдущими, во время недавняго своего пребыванія за границей“.— Иностранцы отдавали справедливость высокимъ доблестямъ Государя и признавали рыцарскія свойства его души. „Но возлѣ похвалъ стоятъ и обвиненія“. Упрекали наше правительство въ нерѣшительности, въ неимѣніи положительной цѣли и въ неудачномъ выборѣ людей. Все это поддерживало въ непріятеляхъ надежду на удачу. Стремились-же они къ ослабленію Россіи „во что бы то ни стало“. — Наступила торжественная минута: или величіе Россіи должно было взойти въ новомъ блескѣ, или померкнуть „на столѣтъ“. Англичане и французы рѣшились на слишкомъ большія пожертвованія. Австрія слишкомъ вѣроломна, а Пруссія, да впрочемъ и вся Германія, слишкомъ къ намъ неравнодушна, чтобы возможно было на нихъ разсчитывать. „Въ сердцѣ своемъ Россія неприступна; на оконечностяхъ сдѣлать ей много вреда нельзя; но наша морская сила . . . ее легко коснуться и противъ нея-то и направлены всѣ попытки, всѣ пожертвованія враговъ“.—Истребить нашъ флотъ какъ на Балтикѣ, такъ и въ Черномъ морѣ — вотъ къ чему направлены всѣ средства союзниковъ. — Аландскіе острова заняты. „Если непріятель не встрѣтитъ сильнаго и удач-

Фокусникъ (Непиръ) предваряетъ публику что онъ съ Плимутскихъ скалъ бросится въ воду и вынырнетъ въ Балтійскомъ морѣ. Передъ начатіемъ спектакля, вмѣсто сигнальной ракеты, взорванъ будетъ русскій флотъ.

Каррикатура Н. Степанова.

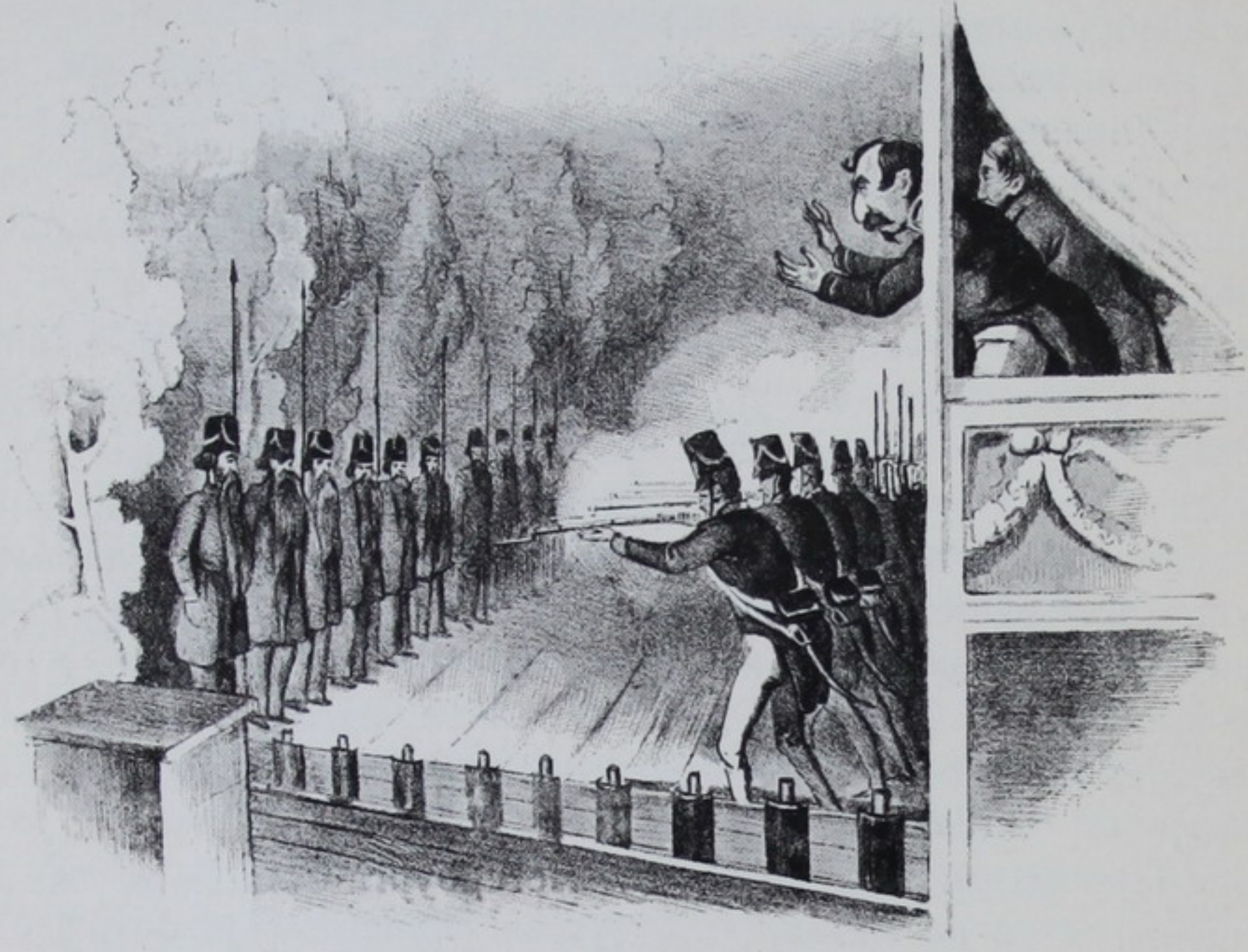
наго отпора, то онъ перейдетъ къ Або [22]), двинется къ Гельсингфорсу и вытѣснитъ флотъ изъ Свеаборга;—потомъ, если будетъ возможно, проберется къ берегамъ, противоположнымъ Кронштадту, и опять-таки вытѣснитъ флотъ. Этого имъ только и нужно: съ двойными морскими силами, побѣда ихъ на морѣ несомнѣнна. Обладаніе Финляндіей и Остзейскими провинціями, разореніе даже внѣшней нашей торговли, суть теперь для враждебныхъ кабинетовъ вопросы второстепенные, или, лучше сказать, рановременные. Рѣшить ихъ въ ущербъ Россіи могутъ они тогда только, когда не будетъ Балтійскаго флота... Подобное должно повториться и въ Черномъ морѣ". Для непріятеля теперь главное и единственное: „заставить нашъ флотъ выйти на открытую зыбь"... и уничтожить его. Достигнувъ этого, онъ затѣмъ однимъ своимъ кораблемъ заблокируетъ все наше Балтійское приморіе, а нынѣ ему приходится держать на сѣверѣ до 80-ти вымпеловъ. Но коль-скоро усилія Англіи и Франціи будутъ безуспѣшны, то Россія „навѣрное" восторжествуетъ. Пусть Австрія дойдетъ до Кіева, пусть Пруссія достигнетъ самаго Петербурга—„бѣда не велика": „подойдутъ съ потерями, отойдутъ съ урономъ. Но безъ флота—наше вліяніе на Европу пропадетъ [23])".

Таково главное содержаніе этого „замѣчательнаго письма". Надо полагать, что, въ виду приведенной надписи Государя, оно не прошло безъ извѣстнаго вліянія; но въ какой мѣрѣ руководились его указаніями въ кампанію 1855 года, за неимѣніемъ у насъ данныхъ, опредѣлить не можемъ. Во всякомъ случаѣ оно звучитъ твердымъ тономъ и удачи союзниковъ за 1854 г. не поколебали стойкости и надеждъ русскаго автора письма.—

Насколько возможно судить объ общемъ настроеніи по частнымъ письмамъ и дневникамъ, оно не было испорчено прошлогоднимъ „визитомъ" англичанъ и французовъ въ Балтійскія воды. О бодромъ духѣ свидѣтельствуютъ также каррикатуры и стихи того времени.

„Журналы и газеты (Запада) истекаютъ желчью",— писалъ

Погодинъ,—„книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артилле-рію и вотъ составляется легіонъ общественнаго мнѣнія противъ Россіи, въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ [24])“. П. Х. Граббе прибавляетъ, что мы были оставлены „въ добычу насмѣшкамъ и сужденіямъ европейскихъ газетъ и демагоговъ“. Въ военное время серьезное дѣло особенно охотно перемѣши-вается съ насмѣшкой.



Наполеонъ III, за неимѣніемъ II, невидавшій другого непріятеля, кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ блистательныя побѣды надъ казаками.

Каррикатура Н. Степанова.

Западъ изощрялся въ насмѣшкѣ надъ нами; мы платили тѣмъ же. Въ 1853 году въ Парижѣ давали пьесу подъ названіемъ „Казаки“, въ которой это войско смѣшивалось съ грязью. И На-полеонъ III изъ своей ложи взиралъ на пораженіе казаковъ въ театрѣ „De la Gaité“.

Приходится признать, что наши каррикатуры и стихи, имѣв-шіе цѣлью осмѣять непріятеля, не отличались ни остроуміемъ, ни легкостью и игривостью языка. Усердія наши стихослагатели про-явили много, но при отсутствіи у нихъ ума, находчивости и сатириче-

скаго дарованія, произведенія ихъ выходили тяжелыми и неуклюжими. стихотвореніяхъ мишенью попытокъ на остроты служили обыкновенно Пальмерстонъ и „Карлушка“ Непиръ, рѣже—Дондасъ и другіе извѣстные дѣятели и, наконецъ, финляндцы съ ихъ дурнымъ произношеніемъ русскихъ фразъ и словъ. Стихотворенія эти назывались: „Дондасъ въ Балтійскомъ морѣ“, „Бомбардированіе Свеаборга или великая морская побѣда англичанъ“, „Переписка Непира съ Пальмерстономъ“, „Непиръ у Кронштадта“, „Жалоба чухонца“, „Воздушное путешествіе Непира на Кронштадтъ“, „Смѣхъ чухонца“, „Дондасъ и чухонецъ“ (Пѣсня финскихъ рыбаковъ, 1855 г.), „Замыслы Пальмерстона или и великъ союзъ, да толку мало“ (1854 г.), „Англійскія извѣстія или встрѣча Непира“, „Подвигъ англичанъ на Балтійскомъ морѣ“ (1854 г.). Въ Москвѣ былъ изданъ сборникъ стихотвореній „Англичане въ Троянской брани 1854 г“. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, появились и польки, и вальсы, и романсы на современные мотивы: „Смѣхъ чухонца“, муз. К. Лядова („Маймистъ плакалъ, горевалъ“); Иванъ Гунгль и А. Абрамовичъ также изощряли свои фантазіи, составивъ „Чухонскую польку“ на мотивъ „Плачъ чухонца“ („Лайба былъ моя не пустъ“). На эти слова имѣлась также музыка В. Самойлова. Заглавные листы нотъ были украшены рисунками финновъ (финнъ въ шляпѣ, финнъ приплясывающій и т. п.). Не забыты были и акростихи на Непира и другихъ героевъ дня. Едва ли не лучшимъ изъ стихотвореній было „Непиръ у Кронштадта“, написанное И. Татариновымъ.

Вотъ образцы Татариновскихъ стиховъ:

„Собралися англичане,
Для повадки—французане
Съ Русью воевать. .
И пришедши въ наше море
На свободѣ, на просторѣ,
Ну, лавировать...
Мы давно васъ дожидаемъ...
Ужъ гостинцы припасаемъ—
Здѣсь не Брагестадъ.
Нѣтъ не взять, Непиръ, столицу
На Крыловскую „Синицу“.
Сходенъ богатырь...“

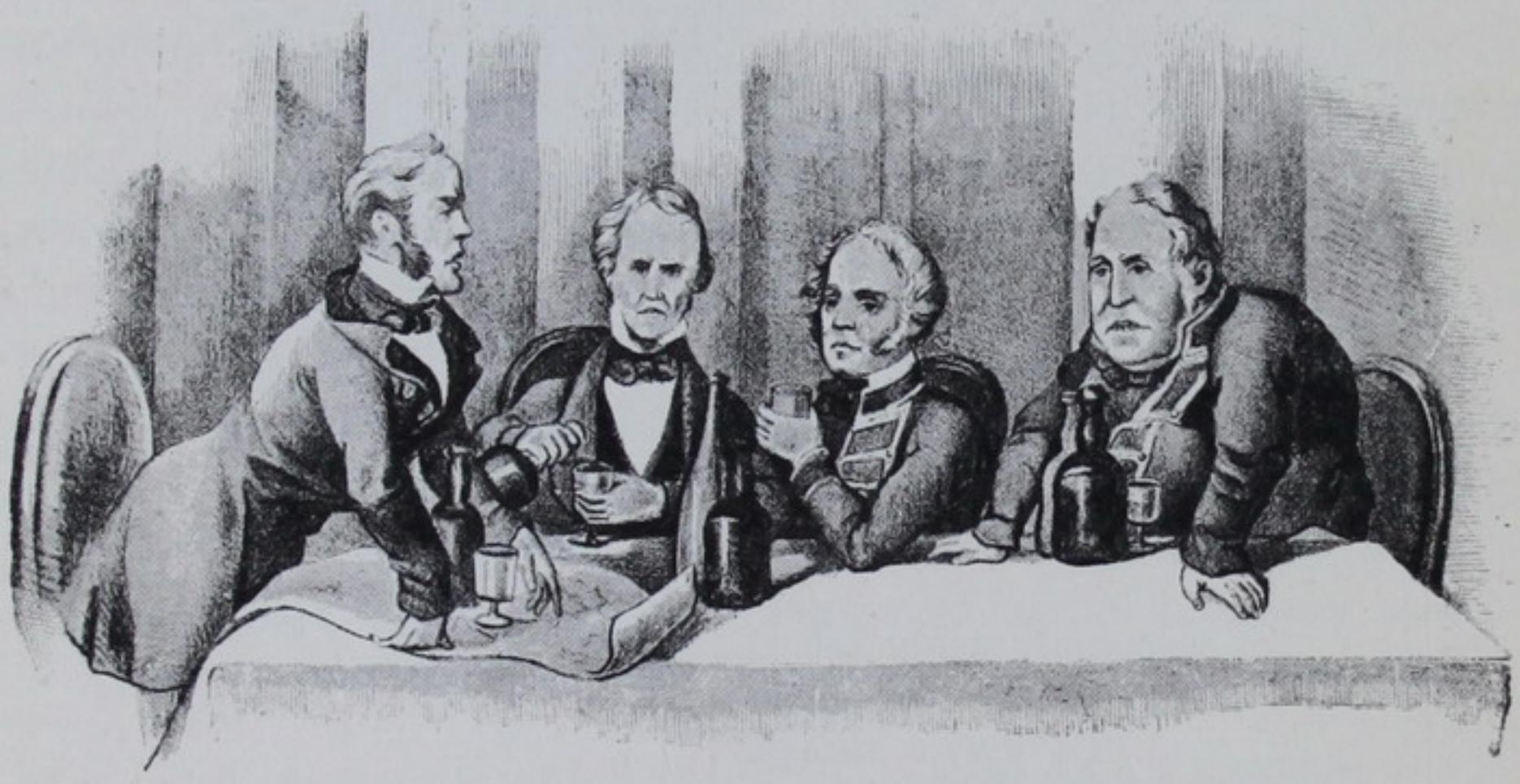
Это, повторяемъ, наиболѣе складное стихотвореніе. Въ массѣ же они, очевидно, были предназначены лишь для улицы и мало-

грамотныхъ, которыхъ можно было занимать разсказами о томъ, какъ легче всего англичанамъ попасть въ Кронштадтъ. При этомъ совѣтовалось имъ навязать аэростаты къ мачтамъ своихъ кораблей и такимъ образомъ, поднявъ ихъ вверхъ птицами, спустить на Кронштадтъ. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о тѣхъ безсмысленныхъ виршахъ, которыми наполнялись страницы брошюрокъ, приведемъ слѣдующее четырехстишіе:

„Я сухонецъ молодецъ,
Свіаборгская купецъ.
Англисанина надулъ,
Отъ него я улиснулъ.

Ха, ха, ха, улиснулъ,
Росто лихо какъ махнулъ.“

Наиболѣе талантливымъ въ области каррикатуры былъ, несомнѣнно, Н. А. Степановъ [25]).



Послѣобѣденная логика и мужество представителей европейской цивилизаціи передъ отправленіемъ Непира на пиратство въ Балтійское море.

Пальмерстонъ. Россія—государство слабое. Флотъ ея—мечта, войско—мыльные пузыри, а потому непремѣнный долгъ нашъ и всѣхъ Европейскихъ правительствъ соединиться и общими силами сокрушить ее. Браво!.. Браво!..

Непиръ. А я поставлю себѣ въ обязанность съ ввѣреннымъ мнѣ флотомъ завтракать въ Кронштадтѣ, обѣдать въ Петербургѣ и ужинать въ Москвѣ. Да здравствуетъ непобѣдимый флотъ!

Каррикатура Н. Степанова.

Въ періодъ зимняго перерыва военныхъ дѣйствій произошла перемѣна главнокомандующаго: ген.-л. Рокасовскій былъ замѣщенъ генералъ-адъютантомъ Бергомъ. Въ числѣ кандидатовъ на должность командующаго войсками въ Финляндію называли Н. Н.

Муравьева. Гр. Граббе говоритъ, что „первоначальное даже по пріѣздѣ Н. Н. назначеніе было въ Финляндію, а потомъ измѣнено“ [26]). Муравьева назначили намѣстникомъ на Кавказъ.

Фридрихъ Вильгельмъ Рембертъ, или какъ его называли Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Бергъ — уроженецъ Лифляндіи (родился въ 1794 г.); образованіе закончилъ въ Дерптскомъ университетѣ; былъ женатъ на итальянкѣ-католичкѣ. Вотъ все, что знали о немъ финляндцы при его назначеніи въ край. Въ отправленіе должности командующаго войсками и генералъ-губернатора Бергъ вступилъ 14 (26) января 1855 г.—Съ русскими требованіями при прохожденіи своей карьеры онъ считался ровно настолько, насколько это было нужно и выгодно для его личныхъ цѣлей. Фельдмаршалъ Паскевичъ аттестовалъ его генераломъ, „враждебнымъ ко всему русскому“. Во время Венгерской кампаніи 1849 г. Бергъ состоялъ при австрійскомъ главнокомандующемъ Гайнау и въ союзѣ съ нимъ находилъ удобнымъ интриговать противъ кн. Паскевича [27]). Лифляндцемъ по образованію, воззрѣніямъ и симпатіямъ Бергъ остался до конца своихъ дней и потому, естественно, что, попавъ въ Финляндію, у него не было никакой охоты вести въ ней „русскую пропаганду“. Напротивъ, утвердившись въ ней по окончаніи войны генералъ-губернаторомъ, онъ содѣйствовалъ укорененію въ ея предѣлахъ конституціонно-сеймовыхъ порядковъ, подпавъ въ этомъ отношеніи подъ вліяніе извѣстнаго финскаго публициста-патріота І. В. Снельмана. Вплоть почти до нашихъ дней на Берга смотрѣли, какъ на вѣрнаго стража русскихъ интересовъ въ Финляндіи; но теперь, по обнародованіи его біографіи, написанной (еще въ 1874 г.) Снельманомъ, двуличная политика Берга не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію. Когда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Финляндіи усиленно захлопотали о сеймѣ, Бергъ высказался очень опредѣленно: „Дѣло для меня не новое; куда я ни пріѣзжалъ въ Финляндіи, всюду мнѣ говорили о необходимости сейма. Но объ этомъ не нужно кричать на площадяхъ. Смотрите, въ Лифляндіи мы имѣемъ ландтаги, однако, о нихъ никто не говоритъ и, благодаря этому, мы получили возможность сохранить ихъ“. Подобными совѣтами онъ не разъ сдерживалъ финляндцевъ. Пылкій Снельманъ рвался съ разными объясненіями въ печать; Бергъ сердился и говорилъ: „Sonst verderben Sie mir mein Werk“; финляндцы торопили созывомъ земскихъ чиновъ, но Бергъ поучалъ ихъ, что „man darf seine Majestät nicht brüskiren“ [28]).

Какъ крупный карьеристъ и человѣкъ черствой натуры, Бергъ

не могъ пріобрѣсти ни симпатій современниковъ, ни уваженія потомства. „Генералъ Бергъ вездѣ посѣялъ сѣмяна раздора и безпорядка“, отмѣтилъ (5 апр. 1855 г.) въ своей записной книжкѣ гр. П. Х. Граббе. Бергъ обладалъ подвижнымъ и энергичнымъ характеромъ; онъ проявилъ, особенно въ Польшѣ, нѣкоторыя административныя способности, но талантами вождя войскъ онъ не былъ одаренъ. Военный Министръ кн. В. Долгоруковъ вѣрно подмѣтилъ его суетливость и нервность.—„Въ Балтикѣ до сихъ поръ

Генералъ-Адъютантъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.
Финляндскій Генералъ-Губернаторъ.

насъ берегутъ,—писалъ кн. В. Долгоруковъ кн. Меншикову (19—31 апр. 1854 г.). Бергъ ждетъ Непира день и ночь; онъ мечется, какъ бѣлка и составляетъ каждый день новые проекты (il s'áyite comme un écureuil [29]). Вообще кн. Долгоруковъ иронизировалъ надъ ежедневными сообщеніями Берга [30]).

Главнѣйшимъ же событіемъ періода перерыва военныхъ дѣйствій явилась, несомнѣнно, кончина Государя Императора Николая Павловича. Это одно потрясающее для того времени событіе наполнило собою весь промежутокъ между кампаніями 1854 и

1855 гг. Смерть всякаго выдающагося дѣятеля трагична, но кончина незабвеннаго Николая Павловича—особенно ужасна по окружающей ея обстановкѣ. Больной Государь лежалъ въ маленькой непріютной, дурно освѣщенной и прохладной спальнѣ. Пользовавшій его лейбъ-медикъ Мандтъ, по наружности напоминавшій собою Мефистофеля, съ леденящимъ хладнокровіемъ объявилъ Императору, что онъ долженъ умереть отъ паралича сердца. Императоръ приготовился къ смерти и съ глубокимъ умиленіемъ приступилъ къ великому таинству причащенія. Облегчая душу и вспоминая нѣтъ ли въ ней озлобленія противъ кого-либо, Государь сказалъ: „Нѣтъ, прощаю и Австрійскому императору, который такъ жестоко поворачивалъ ножъ въ ранѣ, имъ нанесенной мнѣ, готовъ молиться за него и за султана“. Наслѣднику престола Онъ сказалъ: „Служи Россіи“... и при послѣднемъ лобзаніи прибавилъ: „Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ“.

18-го февраля Государя не стало... Онъ почилъ смертью праведника. Гриммъ, служившій при немъ съ ранней молодости, говорилъ, что Государь „послѣ Альмы долго не спалъ, а только два часа подрядъ проводилъ въ сонномъ забытьи. Онъ ходилъ, вздыхалъ и молился даже громко среди молчанія ночи“ [31])... Изъ Крыма получались одни огорчавшія Царя извѣстія. Пришлось уволить своего „стараго друга“ кн. Меншикова... „Буди воля Божья, писалъ Государь кн. М. Д. Горчакову въ ноябрѣ 1854 г., буду нести крестъ мой до истощенія силъ“.—Крестъ оказался не по силамъ и подъ ношей его Онъ угасъ [32]).

Въ духовномъ завѣщаніи покойнаго Государя, написанномъ собственноручно еще въ 1844 г., сказано между прочимъ: „Благодарю всѣхъ меня любившихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидѣвшихъ“... Россіи... я „служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой“. И это не слова [33]).

Неожиданная кончина императора глубоко потрясла и Россію, и Европу. О томъ-же какъ она отразилась въ Финляндіи, даютъ нѣкоторыя представленія слѣдующія замѣчанія, сдѣланныя Авг. Шауманомъ въ его воспоминаніяхъ: „Царь Николай скончался! Теперь всѣ знали, что фактъ былъ достовѣренъ, но тѣмъ не менѣе трудно было усвоить его и вѣрить ему. Всѣ привыкли въ Государѣ Николаѣ I олицетворять всю Россійскую самодержавную

власть; нельзя было себѣ представить власть, отдѣленную отъ личности... Императоръ Николай I былъ представителемъ такого времени и такой системы, носителемъ коихъ не могъ бы явиться кто-либо другой и потому вполнѣ не могли опредѣлить, гдѣ мы находились, когда этотъ Властелинъ отошелъ въ вѣчность. Для начала чувствовалось только, что какъ-будто отвалилась глыба, сломился желѣзный жизненный устой, разрушилась китайская стѣна. . . . У всѣхъ родилась потребность встрѣтить друзей и знакомыхъ, пожать ихъ руку, убѣдиться, что великая новость была въ дѣйствительности правдой... Всѣ знали, что имѣлъ нашъ край; но что его ожидало—никому не было извѣстно. Въ основѣ своей Императоръ Николай все таки былъ благороднымъ и справедливымъ Монархомъ; къ Финляндіи онъ питалъ явное доброжелательство; онъ уважалъ букву нашихъ законовъ и намѣренно не желалъ нарушать нашего права [34])...

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.

Съ открытіемъ навигаціи, началась кампанія 1855 г. [1]). Непиръ былъ смѣненъ. Его мѣсто занялъ адмиралъ Ричардъ Дондасъ. Подъ его начальствомъ было 62 вымпела и 1640 орудій. Французскій адмиралъ Пено́ привелъ съ собой всего 8 судовъ разныхъ размѣровъ и, при сравненіи съ силой англичанъ, это былъ лишь маленькій дивизіонъ. Первыми въ Балтійскомъ морѣ—въ началѣ апрѣля—были опять англичане, французы явились съ большимъ запозданіемъ. Отъ имени своихъ правительствъ адмиралы Дондасъ и Пено́ объявили блокаду всѣхъ русскихъ портовъ. Флотъ союзниковъ былъ пополненъ канонерскими лодками, бомбардами и плавучими батареями.—Кампанія 1855 г. началась такимъ же безцѣльнымъ плаваніемъ союзнаго флота по Балтійскому морю, какъ и въ предыдущемъ году. Объ этомъ мы узнаемъ изъ рескриптовъ Государя Императора князю М. Д. Горчакову въ Крымъ. 19-го мая 1855 г., напр., Его Величество соизволилъ сообщить: „Здѣсь англійскій флотъ приблизился къ намъ и сталъ на якорь за Красной Горкой, вѣроятно, въ ожиданіи присоединенія французскаго. Въ Кронштадтѣ, гдѣ я былъ на дняхъ, все готово къ ихъ принятію: какъ сухопутныя, такъ и морскія войска горятъ желаніемъ показать себя достойными своихъ севастопольскихъ товарищей“ [2]). То же почти повторено въ рескриптѣ отъ 15 іюня. Въ рескриптѣ отъ 22-го іюня 1855 г. читаемъ: „Здѣсь, кромѣ малыхъ частныхъ бомбардированій приморскихъ телеграфовъ, непріятельскій флотъ еще ничего не предпринималъ и стоитъ, по прежнему, частью въ виду Кронштадта и частью въ виду Ревеля“.

Изъ частнаго письма поэта Ѳ. И. Тютчева отъ 25-го іюня 1855 г. узнаемъ, что съ непріятелемъ „на этихъ дняхъ дѣятельно обмѣнивались парламентерами. Среди другихъ нелѣпыхъ требованій, обращенныхъ къ намъ, одно довольно своеобразно. Это

просьба, чтобы мы предоставили имъ клочекъ нейтральной земли, гдѣ англійскій экипажъ могъ бы предаваться своей любимой игрѣ, крикету. Всѣ попытки, сдѣланныя ими до сихъ поръ въ здѣшнихъ водахъ, не серьезнѣе этого требованія. Недавно они обстрѣливали нѣсколько финскихъ барокъ въ двухъ верстахъ отъ Ораніенбаума, затѣмъ попытались сдѣлать нападеніе на Сестрорѣцкъ; но все это вяло и безъ успѣха“ [3]). 2-го іюля Государь писалъ кн. М. Д. Горчакову, что „слухъ о 50,000 французскомъ десантѣ для Балтики снова возобновился“. Вездѣ замѣчались повторенія прежнихъ нерасивыхъ способовъ дѣйствія по отношенію къ мирному населенію.

Когда въ 1855 г. непріятель повторилъ свой визитъ Кронштадту, русское общество отнеслось къ нему столь же спокойно, какъ и въ 1854 г. „Странно: жители его (Петербурга) спокойны“... отмѣтила въ своемъ дневникѣ Старая Смолянка. Союзники пожаловали къ намъ въ гости, но „по какому то странному ослѣпленію въ Петербургѣ объ нихъ и не думаютъ: французскій театръ идетъ своей чередой, зимою ждутъ итальянцевъ, а вражій флотъ на глазахъ“ [4]). „Страхъ передъ эскадрой,—по словамъ г-жи Цебриковой,—въ общемъ былъ настолько незначителенъ, что командиръ одного изъ кораблей рѣшилъ даже устроить у себя на суднѣ балъ. Балъ вышелъ очень эфектнымъ; близость непріятеля, котораго видѣли въ подзорныя трубы, придавала своеобразный букетъ оживленію. Въ антрактахъ между танцами гости ходили на носъ смотрѣть на его суда. Тревога прервала танцы. Непріятель разводилъ пары. Вмигъ выдвинуты были пушки, команда разставлена по мѣстамъ, капитанъ и офицеры заняли свои посты, а гостямъ было приказано не выходить изъ палатки. Мы увидѣли быстро приближавшійся непріятельскій пароходъ, который остановился за чертой выстрѣловъ. Тогда капитанъ приказалъ продолжать танцы. Очевидно, что непріятель, увидѣвъ нашъ пароходъ, а также катера и шлюпки, подвозившіе гостей изъ города, подумалъ, что какая-нибудь экспедиція, и послалъ пароходъ наблюдать. Грянула бальная музыка, разряженныя дамы вышли на носъ и въ трубу отчетливо видѣли палубу „его“ парохода, офицеровъ съ подзорными трубами, матросовъ на башнѣ. Постоявъ съ полчаса, англійскій пароходъ повернулъ къ своей эскадрѣ, разглядѣвъ, что на нашей пловучей батареѣ балъ. Но, все таки, часа два—три все было на чеку. Вернувшійся къ своей эскадрѣ пароходъ пересталъ дымиться, другіе паровъ не разводили и тревога оказалась напрасной“.

Поплававъ около нашихъ береговъ, французскій адмиралъ Пено писалъ своему правительству: „Мы стоимъ противъ непріятеля дѣятельнаго, умѣющаго усилить свои средства и наносить намъ вредъ. Вы вѣрно не оставите безъ вниманія, что паровыя канонерки, столь быстро построенныя русскими, и которыхъ число вскорѣ еще можетъ увеличиться, совершенно измѣнили наше положеніе въ отношеніи къ противнику. Мы теперь должны не только думать о нападеніи, но и заботиться о собственной защитѣ, потому что у русскихъ больше канонерскихъ лодокъ, нежели у англичанъ“ [5]). Изъ этого признанія видно, что зимнимъ перерывомъ руссскіе воспользовались для восполненія замѣченныхъ недочетовъ. Тоже самое приходится сказать и о непріятеляхъ. Они также обзавелись канонерскими лодками, которыя обладали скоростью въ 13 узловъ и имѣли 2 орудія (68-ми-фунтовыхъ) на поворотныхъ станкахъ. Въ началѣ кампаніи союзники ихъ вовсе не имѣли; въ кампанію 1855 г. Англія выставила ихъ не болѣе 16-ти. Но такъ какъ онѣ сидѣли въ водѣ 12 футовъ, то въ шхеры онѣ проникать не могли и потому вполнѣ не удовлетворили требованіямъ времени [6]). Новинкой явились плавучія батареи. Онѣ имѣли по 16 орудій и были обшиты желѣзными листами (въ 10 сантим. толщиной). Походили онѣ на канонерскія лодки; ходили подъ парами и парусами. Ко времени боя люди доставлялись для нихъ съ другихъ судовъ. Онѣ представляли собою солидную силу и къ нимъ прибѣгли потому, что требовалось противопоставить каменнымъ стѣнамъ крѣпостей нѣчто болѣе прочное, чѣмъ высокія деревянныя стѣны кораблей. Недостатокъ плавучихъ батарей заключался въ тихомъ ходѣ и въ томъ, что ихъ нужно были сопровождать другими судами [7]).

НАПАДЕНІЕ НА ГАНГЭ, НЮСТАДЪ И РАУМО. ПОЖАРЪ Г. ЛОВИЗЫ.

Какъ въ кампанію 1854 г., такъ и теперь, англичане пытались приблизиться къ берегу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не разсчитывали встрѣтить русскую военную силу. Малые десанты непріятеля появлялись всюду съ цѣлью уничтоженія телеграфныхъ домиковъ,

фуражировки въ окрестныхъ деревняхъ и вербовки лоцмановъ [8]). Чтобы воспрепятствовать ихъ разбоямъ, изъ Экенескаго отряда выслана была команда, состоявшая изъ 50 человѣкъ нижнихъ чиновъ и четырехъ казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Гренадерскаго его величества короля прусскаго полка Сверчкова. 24-го мая съ аванпостовъ, выставленныхъ имъ по берегу Гангэудскаго полуострова, въ разстояніи полутора версты отъ Гангебю, гдѣ расположился съ командою Сверчковъ, ему было доставлено свѣдѣніе, что одно англійское судно подошло къ берегу и спускаетъ катеръ (см. карту на 93 стр.). Собравъ команду, прапорщикъ Сверчковъ тотчасъ же прибылъ въ Гангэ и, укрывъ команду за естественными прикрытіями, сталъ выжидать высадки. Около часу дня съ англійскаго фрегата „Косакъ“, подъ кормовымъ англійскимъ флагомъ, причалилъ къ пристани катеръ, который сталъ высаживать людей на берегъ. Когда половина людей высадилась, то были окружены командою и обезоружены. Вмѣстѣ съ тѣмъ прапорщикъ Сверчковъ приказалъ остальнымъ людямъ, находящимся въ лодкѣ, сдаться, подъ угрозою открыть по нимъ, въ противномъ случаѣ, огонь. Такъ какъ они, не исполнивъ этого требованія, стали быстро уходить, то чины команды, по приказанію нашего офицера, стали стрѣлять по катеру. Въ результатѣ находившіеся въ немъ пять англійскихъ матросовъ и одинъ финнъ-лоцманъ были убиты, четыре матроса ранены, а лодка потоплена; имѣвшіеся же въ ней ружья, патроны въ патронташахъ и 360 штукъ патроновъ въ ящикѣ, вмѣстѣ съ кормовымъ англійскимъ флагомъ, были взяты прапорщикомъ Сверчковымъ и вмѣстѣ съ плѣнными (въ числѣ 11 человѣкъ) доставлены въ Экенесъ къ начальнику отдѣла, генералъ-маіору фонъ-Моллеру. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ офицеръ, одинъ докторъ и одинъ гардемаринъ.

Ни прапорщикъ Сверчковъ, никто изъ нижнихъ чиновъ его команды переговорнаго флага не видали, да и сами англичане, взятые въ плѣнъ, лишь на второй день по доставленіи ихъ въ Экенесъ, заговорили о томъ, что они высадились для переговоровъ, имѣя парламентерскій флагъ. Въ виду такого заявленія, тогда же было произведено дознаніе флигель-адъютантомъ ротмистромъ Чертковымъ (нынѣ генералъ-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго военнаго округа), которымъ установлено, что никакого флага, кромѣ кормового національнаго, у англичанъ не было.

Все дѣло при Гангеуддѣ продолжалось четверть часа. Успѣхъ

его, какъ донесъ командующій войсками, „слѣдуетъ приписать хладнокровію и распорядительности прапорщика Сверчкова“ [9]).

25-го мая, въ 4 ч. дня, фрегатъ „Косакъ“ опять приблизился къ Гангеудду и выпустилъ въ него около 150 снарядовъ. Прострѣлявъ почти два часа, онъ ушелъ, не причинивъ никакого существеннаго вреда. Маленькому столкновенію 24-го мая суждено было возбудить значительную дипломатическую переписку и обойти печать Запада въ статьяхъ, носившихъ заглавіе „убійство въ Гангэ“.

Схватка при Гангэ 24 мая 1855 г.
Изъ собранія Б. М. Колюбакина.

Англійскій капитанъ (Феншовъ или Феншау), основываясь на показаніи матроса (Броуна), составилъ совершенно извращенное донесеніе о событіи. По его рапорту выходило, что лейтенантъ Дженестъ, неся въ рукахъ переговорный флагъ, вступилъ на берегъ, желая объяснить цѣль своего прибытія; но русскіе, коихъ было 500 человѣкъ, убили всѣхъ офицеровъ отряда ружейными выстрѣлами. Англійскій парламентъ и печать заволновались и въ нихъ послышались голоса о нарушеніи международнаго права и требованія кроваваго возмездія. Наши власти, не дожидаясь при-

казаній и запросовъ, сейчасъ же произвели разслѣдованіе дѣла и весь разсказъ англійскаго капитана оказался гнустной ложью. Прежде всего, англійскіе офицеры не были вовсе убиты. Затѣмъ оказалось, что письменное показаніе лейт. Дженеста противорѣчило и опровергало устный разсказъ матроса Броуна. Дженестъ пояснялъ, что ему приказано было спустить на берегъ пятерыхъ финляндцевъ, захваченныхъ съ купеческихъ судовъ крейсерами и онъ намѣренъ былъ „войти въ сношенія съ жителями и офицеромъ телеграфа“. Но официально ему никакого предложенія не было сдѣлано о томъ, чтобы передать что либо отъ одного военнаго начальства другому. Захватъ же провизіи или рекогносцировку мѣстности нельзя прикрывать бѣлымъ флагомъ. Это уже военная хитрость, за которую онъ отвѣчалъ самимъ собою и успѣхомъ своего дѣла. Въ данномъ случаѣ онъ поплатился плѣномъ. Разслѣдованіе флигель-адъютанта ротмистра Черткова установило, что переговорнаго флага не было ни на пароходѣ „Косакъ“ („Cossak“), ни на шлюпкѣ, ни въ рукахъ офицера, сошедшаго на берегъ. Англичане сами стрѣляли: у нихъ найдено три ружья, изъ которыхъ были произведены выстрѣлы и три,—заряженныхъ пулями; кромѣ того, при нихъ находилось 360 патроновъ. Запутавшіеся въ своихъ измышленныхъ показаніяхъ, англичане не сумѣли отвѣтить: на какомъ разстояніи отъ берега былъ поднятъ ихъ переговорный флагъ? вызвали ли они по отношенію къ себѣ вниманіе холостымъ выстрѣломъ? вышли ли они на берегъ съ согласія русскаго офицера? Фактически сигнала не было ими дано; разрѣшенія высадиться, конечно, не получили. Они двинулись по непріятельской землѣ, не будучи никѣмъ признаны парламентерами; а когда попали въ засаду, то въ своей трусливости и неосторожности, хотѣли прикрыться бѣлымъ флагомъ.

Наше правительство уполномочило военнаго министра, кн. В. Долгорукова, сообщить командующему британскими силами въ Балтійскомъ морѣ, адмиралу Дондасу, что отправлять парламентеровъ можно только въ три мѣста: въ Кронштадтъ, Свеаборгъ и Ревель. Когда же Р. С. Дондасъ увѣдомилъ, что ему неизвѣстны были обстоятельства дѣла въ Гангэ, и что на всемъ протяженіи отъ Торнео до Либавы затруднительно имѣть только три пункта для переговоровъ, то съ русской стороны выражено согласіе назначить для этого еще Торнео, Вазу, Виндаву и Либаву.

Переписка продолжалась. Дондасъ пытался оправдать неточности показанія матроса Броуна; доказать, что на шлюпкѣ спу-

щенной съ корабля „Косакъ“, выставили переговорный флагъ, но, вѣроятно, съ берега онъ не былъ замѣченъ; что на шлюпкѣ вовсе не имѣлось пушки [10]) и т. п. Такъ какъ англійскій адмиралъ желалъ затушевать дѣло побочными обстоятельствами, то кн. Долгоруковъ вернулъ его къ существу вопроса, указаніемъ, что лейтенантъ королевскаго флота Дженестъ сошелъ на землю, не дождавшись, чтобы его званіе парламентера было законнымъ образомъ допущено и признано начальствами. На заявленіе же о томъ, что шлюпка выставила парламентерскій флагъ тогда, когда отошла

Начальникъ отряда при Гангеуддѣ.

отъ парохода „Косакъ“, на которомъ такого флага вовсе не подымали, адмиралъ Дондасъ получилъ отвѣтъ въ западной же печати (напримѣръ „Nautical Standard“), гдѣ ему разъяснили, что разъ только при указанныхъ обстоятельствахъ переговорный флагъ былъ поднятъ на носовой части шлюпки, т. е. уже на пути отъ парохода къ берегу, то прапорщикъ Сверчковъ правъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ибо онъ могъ и долженъ былъ принять это за военную хитрость, къ которой, какъ извѣстно, англичане прибѣгали очень часто и въ эту кампанію, и во время прежнихъ своихъ войнъ [11]). Нѣкоторыя повременныя изданія Запада, спокойно

разобравъ донесеніе англійскихъ офицеровъ, усмотрѣли въ нихъ разныя положенія, изобличавшія протестовавшую сторону. Кромѣ того, оправдывавшіеся англичане проявили не мало наивности. Такъ напр., они придумали, что съ парохода „Cossack“ лейтенантъ Дженестъ посылался для увѣдомленія русскихъ о томъ, что этому пароходу приказано истреблять всѣ каботажныя суда и лайбы, что доктору дано было разрѣшеніе съѣхать съ корабля для упражненія въ греблѣ, а повару—для закупки яицъ. И въ подобныхъ ребяческихъ объясненіяхъ англичане искали тогда основанія для ихъ высадки на берегъ у Гангеудда [12]).

Впослѣдствіи, при размѣнѣ плѣнныхъ въ Одессѣ, князю А. В. Мещерскому пришлось лично видѣть лейтенанта Луи-Дженестъ (Geneste), взятаго въ плѣнъ при Гангеуддѣ, виновника всей этой исторіи и того газетнаго шума, который подняли тогда англичане. Князь Мещерскій,—описавъ дѣло и сказавъ, что Дженестъ лѣтъ 25-ти, высокій стройный брюнетъ, — прибавляетъ, „но нахалъ до высшей степени“, несмотря на полученный имъ урокъ [13]).

Мѣстоположеніе Гангэ таково, что безцѣльно плававшимъ непріятельскимъ судамъ было очень удобно подходить къ нему, для проявленія своей боевой дѣятельности. И они подходили часто. Утромъ 16 сентября одно судно и три канонерскія лодки опять открыли по немъ огонь, обстрѣливая дороги, ведущія отъ Гангеудда къ деревнѣ Гангебю. Около трехъ часовъ канонада усилилась и отъ эскадры отошли 6-ть гребныхъ судовъ съ десантомъ; нѣкоторое время спустя къ нимъ прибавилось еще 4 судна и у Тульгольма высадилось около 400 чел.—Ген.-маіоръ Моллеръ, руководившій нашими малыми отрядами, намѣревался зайти въ тылъ непріятеля, но тотъ, замѣтивъ это движеніе, усилилъ канонаду. Когда непріятель приблизился, его встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Послѣ короткой перестрѣлки, онъ вернулся къ Тульгольму и, сѣвъ на лодки, отплылъ къ кораблю. Дѣло продолжалось съ 11 часовъ утра до $5^1/_2$ часовъ по полудни. Непріятель выпустилъ до 2000 снарядовъ и нѣсколько ракетъ, но повредилъ только нашъ телеграфъ съ караулкой. У насъ потерь не было и всѣ участники дѣла „держали себя истинно-русскими солдатами“ какъ доносилъ ген.-м. Моллеръ [14]).

Къ городу Нюстаду англійскій винтовой корветъ „Гаріэта“ впервые подошелъ 16-го іюня. Онъ приблизился подъ парламентерскимъ флагомъ, почему одинъ изъ ратмановъ города со шкиперомъ отправился къ нему. На корветѣ отъ нихъ потребовали съѣстные

Гор. Нюстадъ (1896 г.).

припасы. Требованіе исполнили и англичанамъ доставили въ небольшомъ количествѣ яицъ и молока, а также одного быка, не смотря на существованіе секретнаго предписанія абоскаго губернатора не отпускать ничего непріятелю. Капитанъ судна сказалъ ратману, что ему извѣстно о существованіи войска вблизи города; ваше счастье, что они не расположены въ самомъ городѣ, иначе отъ этого могли бы произойти дурныя послѣдствія. Отрядъ дѣйствительно стоялъ въ 7 верстахъ отъ города и его не придвигали ближе, въ виду того, что не ожидали десанта съ одного корабля [15]).

Начальникъ Абоскаго отряда, генералъ-маіоръ фонъ-Вендтъ, приказалъ сосредоточить отрядъ около самаго города и явившіяся послѣ этого военныя власти воспретили городу, во 1-хъ, выставлять флагъ, который онъ обязался подымать, при приближеніи непріятельскаго судна, въ знакъ покорности, а, во 2-хъ, отпускать врагамъ съѣстные припасы. На томъ возвышеніи, на которомъ выкидывался флагъ, начальникъ передового отряда, полк. Энгельгардтъ, вопреки желанію горожанъ, построилъ батарею (эполементъ). Донося объ этомъ своему начальнику, полк. Энгельгардтъ прибавилъ: „ратманъ просилъ меня дѣйствительно форменною запискою о высылкѣ войска, о выдачѣ-же припасовъ непріятелю меня не спрашивалъ [16])“.

24-го іюня англійскій корветъ вновь появился подъ парламентерскимъ флагомъ передъ Нюстадомъ и, бросивъ за двѣ версты отъ города якорь, выслалъ лодку. На встрѣчу лодкѣ выѣхалъ,

также подъ переговорнымъ флагомъ, ратманъ (Лаурентсъ). При встрѣчѣ лодокъ, офицеръ сталъ требовать отъ города мяса и прочихъ продуктовъ. Ему отвѣтили, что жителямъ воспрещено удовлетворять непріятеля всякими припасами. Офицеръ заявилъ на это, что будетъ бомбардировать городъ. Шлюпки разъѣхались. Приплывъ обратно къ судну, англичане сняли бѣлый флагъ и четверть 12 ч. начали стрѣльбу по городу ядрами, гранатами и конгревовыми ракетами. Особаго вреда городу они не причинили, весь уронъ ограничился незначительными поврежденіями въ нѣкоторыхъ домахъ. Ядромъ былъ убитъ старикъ, а одной женщинѣ повреждена нога. Бомбардировка продолжалась три четверти часа. Наши двѣ роты введены были въ городъ и приготовились къ отпору десанта; но такъ какъ на высадку англичане не рѣшились, то онѣ остались безъ дѣла [17]).

Для своихъ разбойническихъ нападеній англичане выработали несложные пріемы, которыхъ придерживались почти повсюду на Финскомъ побережъѣ. Они подходили къ городамъ подъ парламентерскимъ флагомъ, предъявляли разныя требованія и когда имъ отказывали, то спускали флагъ и начинали стрѣльбу съ приготовленныхъ кораблей и лодокъ. По тому-же шаблону все продѣлано было ими у г. Раумо. Тутъ они 20-го Іюня потребовали выдачи всѣхъ купеческихъ судовъ и такъ какъ согласія на это не послѣдовало, то открыли огонь съ пяти вооруженныхъ пушками лодокъ, пытаясь въ тоже время увести купеческія суда. Нашъ маленькій отрядъ отвѣтилъ съ берега выстрѣлами, причинившими непріятелю нѣкоторый уронъ.—Лодки отошли къ кораблю, который началъ пушечную стрѣльбу. Перестрѣлка длилась два часа 15 минутъ, во время которой англичане сожгли два купеческихъ

Англичане у гор. Нюстада.

Гавань гор. Раумо (1896 г.).

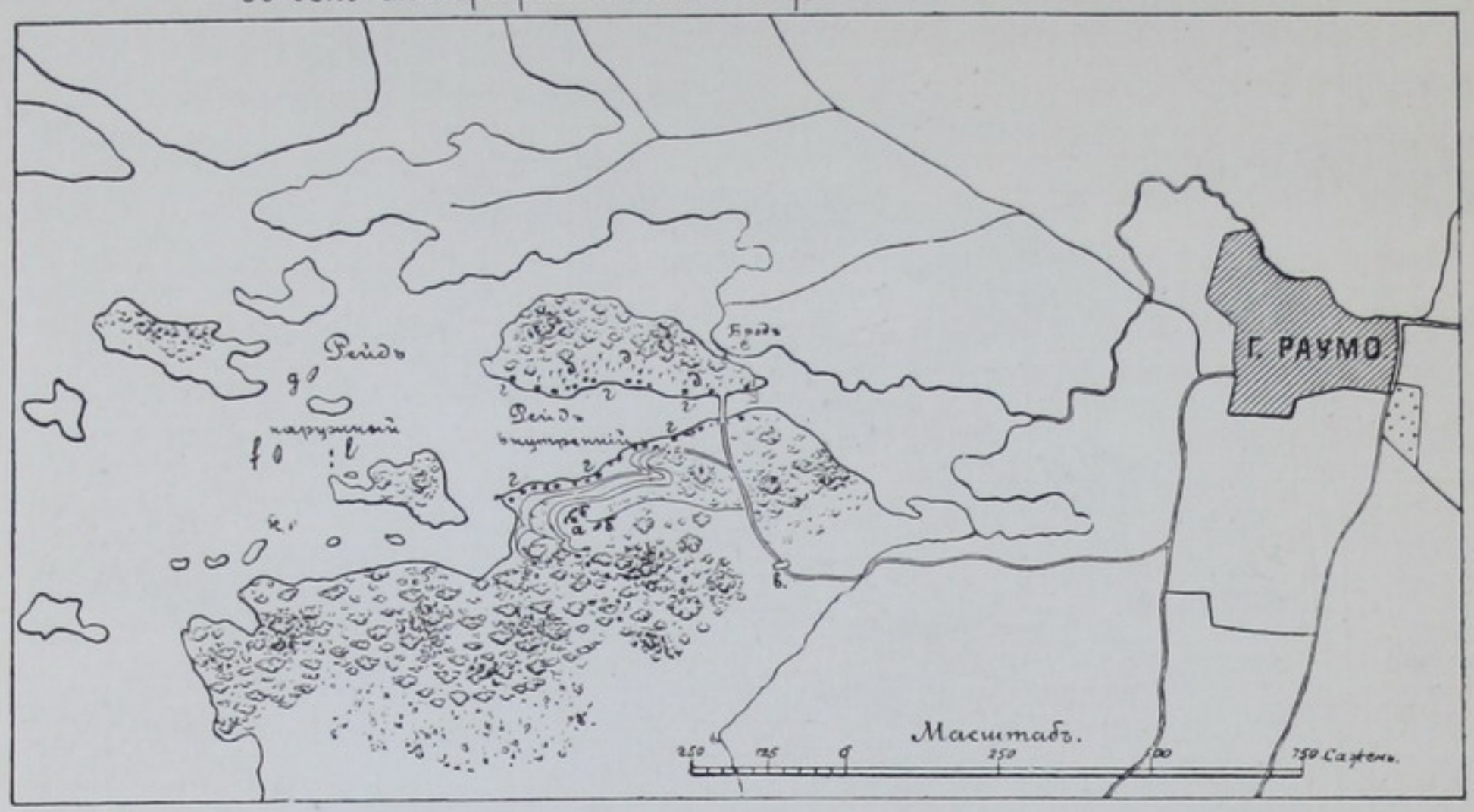
судна. Ни городъ, ни нашъ отрядъ, состоявшій подъ командой капит. Карлстедта, потерь не понесли.

Жители г. Раумо, съ бургомистромъ Петерсономъ во главѣ, всѣми зависѣвщими отъ нихъ средствами содѣйствовали отраженію англичанъ: перевозили войска безплатно на своихъ подводахъ; доставляли по умѣреннымъ цѣнамъ припасы; въ городѣ приготовили госпиталь; купецъ Весандеръ помогалъ осуществленію оборонительныхъ работъ и нерѣдко на свой счетъ отпускалъ солдатамъ водку; шкиперъ Линдегренъ лично участвовалъ въ перестрѣлкѣ [18]).

Примѣръ жителей г. Раумо далъ ген.-адъютанту Бергу поводъ особенно усердно хлопотать о поощреніи мѣстныхъ обывателей, взявшихся за оружіе. „При настоящей войнѣ съ морскими державами, — писалъ Бергъ министру статсъ-секретарю 27 іюля (8 авг.) 1855 г.,—считая усердное содѣйствіе мнѣ въ оной самихъ жителей не маловажнымъ средствомъ къ успѣху, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія происходятъ на всемъ огромномъ береговомъ протяженіи Финляндіи и нерѣдко многіе изъ незначительныхъ прибрежныхъ пунктовъ должны отражать небольшія непріятельскія покушенія съ самымъ только ограниченнымъ числомъ солдатъ, причемъ ревностное пособіе къ тому самихъ жителей совершенно необходимо [19])“.—

ЧЕРТЕЖЪ РАУМОСКАГО РЕЙДА

въ день бомбардированія онаго непріятелемъ 13/25 Іюля 1853 года.



22-го іюня (5-го іюля) 1855 г. непріятель взорвалъ старыя укрѣпленія Свартгольма, расположенныя въ виду города Ловизы на отдѣльномъ островѣ [20]).

Случилось такъ, что въ ночь съ 23-го на 24-ое іюня, т. е. въ то время, когда непріятельскія суда находились около Свартгольма, въ Ловизѣ произошелъ большой пожаръ, истребившій значительную часть города. Пожаръ приписали дѣйствію конгревовыхъ ракетъ непріятеля. При указанныхъ обстоятельствахъ военнаго времени все это казалось весьма естественнымъ. Недостаточно провѣренныя извѣстія проникли въ печать съ нѣкоторыми измышленными подробностями. А именно, тогда писали, что англичане, въ числѣ сотни человѣкъ, напали на беззащитный городъ, превратили его въ груду пепла, оставивъ до 2-хъ тыс. народа безъ крова и пищи подъ открытымъ небомъ [21]).

Въ дѣйствительности же англичане показались въ Ловизскомъ заливѣ за пять часовъ до пожара на винтовой канонерской лодкѣ, въ числѣ, примѣрно, 80 человѣкъ. Они разграбили упраздненный казенный магазинъ на берегу залива, разбивъ въ немъ ставни оконъ, будки и пр. „Непріятель хотя и бросалъ ракеты, но не по направленію города, почему и не могъ, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, быть причиною несчастія, постигшаго г. Ловизу“.

Финляндцы С. Г. Эльмгренъ и Авг. Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ о войнѣ 1854—55 гг. поставили пожаръ г. Ловизы

въ прямую связь съ тѣми лѣсными пожарами, которые опустошили Финляндію. „Къ событіямъ невоеннаго характера, надо отнести одинъ печальный фактъ сего чудеснаго лѣта, — это совершенное почти уничтоженіе г. Ловизы пожаромъ 5-го іюля новаго стиля [22]). Стокгольмская газета „Aftonbladet“, особенно враждебно относившаяся къ финляндскому генералъ-губернатору Бергу, опредѣленно стала (въ 1857 г.) обвинять его въ измышленіи невѣрнаго разсказа объ истребленіи Ловизы англичанами. Въ настоящее же время устанавливается, что ни тѣ, ни другіе неправы въ своихъ заявленіяхъ. Въ 11 часовъ вечера 23-го іюня (5-го іюля), совершенно независимо отъ лѣсныхъ пожаровъ, загорѣлся домъ купца Сундмана (Sundman) и, несмотря на всѣ старанія жителей потушить его, огонь передался сосѣднимъ строеніямъ и лучшая часть города, состоявшая изъ 90 домовъ, выгорѣла. Сгорѣли ратуша, церковь, училищное зданіе и пр.—Казенныя строенія уцѣлѣли.— Архивы, церковную утварь и прочія цѣнности успѣли спасти. Частное движимое имущество, а также и часть купече-

Видъ гор. Ловизы (1822 г.).

Рис. художн. Кюгельхенъ.

скихъ товаровъ перевезли въ сосѣднія деревни еще наканунѣ, изъ опасенія непріятельскаго нападенія. — Полк. Виллебрантъ, которому поручено было отвезти въ Ловизу 5 тыс. рублей, пожертвованные Государемъ на погорѣльцевъ, донесъ военному министру: ...„нужно полагать, что жители перепуганные появленіемъ непріятельскихъ судовъ и стараясь отъ нихъ спасти свое имущество, небрежно обошлись съ огнемъ“.—Такова наиболѣе правдоподобная догадка о причинѣ пожара, причинившаго до 89 тыс. р. убытка.—Генералъ-адъютантъ Бергъ для разслѣдованія дѣла немедленно командировалъ Нюландскаго губернатора Лангеншельда и, съ своей стороны, никогда пожара г. Ловизы непріятелю не приписывалъ. Финляндскіе историки перестали теперь распространять прежнія небылицы и вполнѣ правильно описываютъ событіе. Пожаръ произошелъ во время войны, — пишетъ напр., составитель описанія г. Ловизы, Dr. Georg Öhman.—Англійскій флотъ находился около Свартгольма. Было удобно приписать вину возникновенія огня ракетамъ, якобы брошеннымъ съ этого, флота. Между тѣмъ это было не такъ (Så var emellertid ej fallet) [23]). Напротивъ, нѣкоторые утверждаютъ, что англичане предложили даже свои услуги по тушенію пожара, но ихъ помощь была отклонена [24]).

Съ несчастіемъ, постигшимъ г. Ловизу, связанъ еще одинъ, хотя и незначительный, но непріятный, фактъ. Дѣло въ томъ, что въ городѣ находился отрядъ, состоявшій изъ 4 сотенъ казаковъ, который могъ должнымъ образомъ наказать непріятеля, когда онъ грабилъ казенный магазинъ на берегу залива. Но, вмѣсто этого командиръ Донского казачьяго № 64 полка, подп. Скосырсковъ, приказалъ казакамъ отойти за городъ и укрыться горнымъ хребтомъ. Подполковникъ оправдывался тѣмъ, что уступилъ желанію городскихъ жителей, дабы не подвергнуть ихъ со всѣмъ имуществомъ опасности. Сослался онъ также на неисправное состояніе огнестрѣльнаго оружія казаковъ. Оружіе оказалось въ порядкѣ, но пули дѣйствительно не соотвѣтствовали калибру карабиновъ и пороховой зарядъ былъ малъ. Подп. Скосырсковъ (или Скосырскій) немедленно же былъ смѣщенъ, по приказанію командующаго войсками [25]).

ВЫБОРГЪ.

Когда обнаружилось, что непріятель готовится посѣтить Балтійское море, стали наскоро приводить въ оборонительное положеніе наши береговыя укрѣпленія. Съ этою цѣлью въ Выборгъ былъ посланъ генералъ-адъютантъ Огаревъ. Въ концѣ 1854 г. онъ донесъ, что Выборгъ готовъ къ оборонѣ и остается только желать, чтобы непріятель дерзнулъ напасть на него. Донесеніе ген. Огарева было, конечно, принято во вниманіе, а потому комиссія, составлявшая въ Петербургѣ инструкціи для крѣпостей Имперіи, въ наставленіе для Выборга вписала (ст. 3): „Выборгская крѣпость, по Высочайшему повелѣнію, уже приведена въ полное оборонительное состояніе, снабжена надлежащимъ гарнизономъ, вооруженіемъ и всѣми военными и продовольственными запасами. Посему о сихъ предметахъ въ семъ наставленіи не упоминается“ [26]). На дѣлѣ же оказалось, что вся забота ген. Огарева ограничилась приведеніемъ въ большій порядокъ внѣшняго вида укрѣпленій: на брустверахъ была скошена трава и поставлены дерновыя заплаты, которыя къ веснѣ снова обвалились, множество дорогого лѣса было потрачено на палисадъ, которымъ прикрыли опасныя мѣста съ моря и съ поля, но самый палисадъ остался совершенно открытымъ. Безцѣльно построено было десятка два блиндажей, въ родѣ навѣсовъ для сѣна... [27]). А между тѣмъ Выборгу нельзя было не придавать особаго значенія, по близости его къ Петербургу и по связи его съ остальной Финляндіей.

Въ апрѣлѣ 1855 г. Выборгъ былъ вновь осмотрѣнъ инженеромъ В. Д. Кренке. Изъ его донесеній видно, что крѣпость, завоеванная Петромъ Великимъ, была совершенно запущена и требовала значительныхъ затратъ денегъ и времени, чтобы привести ее въ мало-мальски пригодный видъ. Выборгская крѣпость состояла изъ 9 бастіонныхъ фронтовъ главной крѣпости, Короно-Санктъ-Анненской крѣпости и Шлосскаго замка. По отчету, представленному Государю Императору Николаю I, по случаю 25-тилѣтія его царствованія, въ крѣпости въ 1850 г. должно было находиться на лицо 398 орудій, 240 лафетовъ и станковъ и 67,750 снарядовъ [28]). Кромѣ того, въ Выборгѣ имѣлись помѣщенія на 3,095 человѣкъ и 14,500 пудовъ пороха. Но въ дѣйствительности Выборгъ крайне нуждался во всемъ: въ порохѣ, орудіяхъ, укрѣп-

леніяхъ, загражденіяхъ, флотѣ и проч. По отчетамъ недоставало всего 5.255 зарядовъ, но въ дѣйствительности Выборгъ не имѣлъ ни одного заряда, потому что на приготовленные заряды употребленъ былъ порохъ старинной финляндской заготовки, оставшійся отъ войны 1808—1809 гг. Мало того, этотъ порохъ оставался не испытаннымъ. О силѣ его дѣйствія узнали случайно. Понадобилось удостовѣриться въ подготовкѣ артиллерійской прислуги [29]).

Ген.-м. Теслевъ.
Выборгскій губернаторъ.

Произвели нѣсколько выстрѣловъ и что же? Ядра ложились отъ орудія въ 100, въ 50 и даже въ 20 саженяхъ! При чтеніи этого донесенія, у генерала Ридигера невольно вырвалось восклицаніе: „Это вѣдь ужъ болѣе чѣмъ возмутительно!.. Ну, что будетъ, если Выборгу придется дѣйствовать прежде, чѣмъ поспѣетъ порохъ“.

Съ орудіями въ 1854 г. распорядились слѣдующимъ образомъ: лучшія изъ нихъ, новыя, поставили на сухопутныхъ фронтахъ и на флангахъ морскихъ фронтовъ, гдѣ для нихъ не было

никакого обстрѣла, а для встрѣчи непріятельскаго флота прямыми выстрѣлами, поставили старыя орудія плохого качества. Крѣпостные валы находились въ первобытномъ видѣ, амбразуры были столь мелки, что не прикрывали орудій съ лафетами, люди оставались также безъ надлежащихъ закрытій, въ виду отсутствія траверсовъ и блиндажей. Частныя зданія столь близко примыкали къ укрѣпленіямъ, что представлялись опасными въ пожарномъ отношеніи. Для блиндажей въ крѣпости не имѣлось запаснаго лѣса. Въ госпиталѣ, устроенномъ на линіи Сайменскаго канала, не имѣлось ни врачебнаго персонала, ни медикаментовъ.

Военнымъ губернаторомъ Выборга или начальникомъ войскъ Выборгскаго гарнизона [30]), состоялъ генералъ-маіоръ Теслевъ, человѣкъ разумный, спокойный и проявившій большую энергію въ дѣлѣ приведенія укрѣпленій въ оборонительное состояніе. Онъ обладалъ, какъ военными познаніями, такъ и большимъ навыкомъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Теслевъ былъ особенно полезнымъ дѣятелемъ въ Финляндіи, при его преданности Россіи и глубокой привязанности къ особѣ императора Александра II [31]). Какъ не знакомый съ инженерною частью и артиллерійскимъ дѣломъ, ген.-м. Теслевъ нуждался, конечно, въ помощникахъ, а на его бѣду, начальникъ артиллеріи округа, генералъ-лейтенантъ Волжинскій, и начальникъ Выборгской крѣпостной артиллеріи, полковникъ Ляпуновъ, не соотвѣтствовали своему назначенію: первый былъ старъ (70 лѣтъ), а второй, хотя и прекрасный человѣкъ, но совершенно больной. Командиръ же Выборгской инженерной команды, полковникъ Горскинъ, оказался едва ли не душевно-больнымъ. Командиръ 3-го учебнаго карабинернаго полка, полковникъ Смогаржевскій понималъ толкъ только въ носкѣ, учебномъ шагѣ и ружейныхъ пріемахъ. Саперовъ въ Выборгѣ не было.

Приморскія укрѣпленія Выборга оказались въ лучшемъ состояніи, но и они потребовали много работъ для исправленія и надлежащаго загражденія проходовъ въ Выборгскій заливъ.

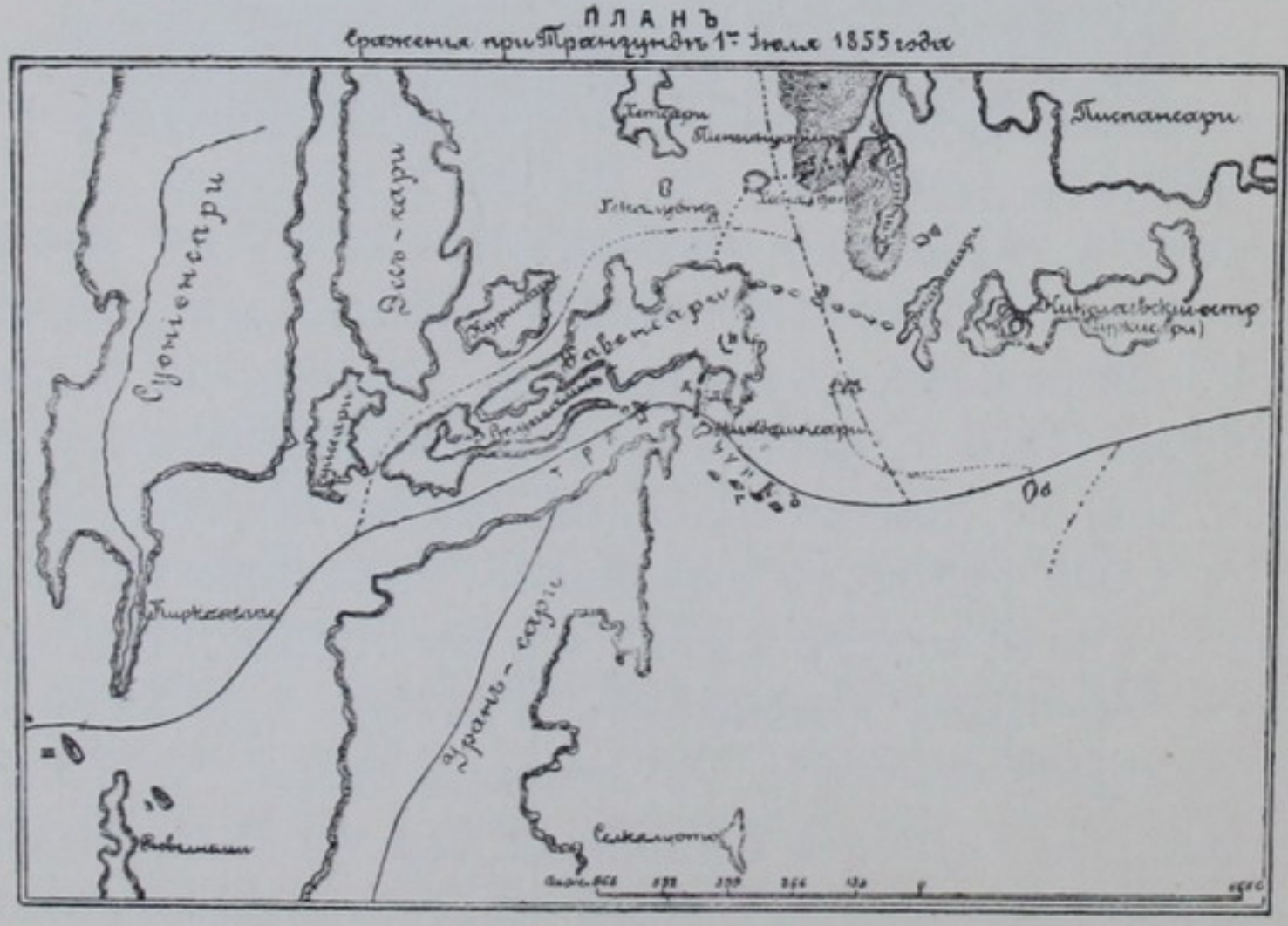
Съ апрѣля 1855 г. работа закипѣла въ разныхъ частяхъ. „Расшевелились всѣ, не только военные, но и мирные жители Выборга“. До 1,000 рабочихъ ежедневно выходили на укрѣпленія. Жители не помнили такого оживленія въ городѣ. Исподволь составъ начальства былъ перемѣненъ. Главное вниманіе обращено было на охраненіе Выборга со стороны моря [32]). Транзундскій проливъ, наиболѣе глубокій и удобный для прохода, былъ загражденъ довольно надежно и, кромѣ того, охранялся сотнею наня-

тыхъ вольныхъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ лѣсничаго Гука, которые получили казенные штуцера, по 50 патроновъ на человѣка и опредѣленное жалованіе. Пильскій проливъ заградили каменной гатью, потопленными канонерскими лодками, бонами, канатомъ и цѣпью. Кромѣ того, на островахъ Хинкусъ и Равенсари построили батарею на 6 или 4 орудія. Равенсари очистили отъ лѣса. Ни одного орудія на этомъ островѣ до 1-го іюля не было [33]). Для обстрѣливанія Транзундскаго и Пильскаго проходовъ возвели на островѣ Николаевскомъ или Турки-Саари, приходящемся на главномъ фарватерѣ Выборгскаго залива, еще батарею на 8 орудій. Тутъ же расположено было 9 канонерскихъ лодокъ. Случилось такъ, что эту батарею пришлось вооружать въ день появленія непріятеля въ Транзундскомъ проливѣ.

Ніемильскій проливъ представлялся наименѣе опаснымъ по своему мелководью и каменистому фарватеру. Загражденія его признавались достаточно обезпеченными.

Послѣ работъ 1855 г. Выборгская крѣпость оказалась готовой къ встрѣчѣ непріятеля, хотя многое еще не успѣли закончить. Теперь союзники должны были встрѣтить сопротивленіе и не было опасенія, что укрѣпленія будутъ ими разрушены [34]).

Въ іюнѣ 1855 г. начальникомъ обороны сѣвернаго побережья Финскаго залива отъ Петербурга до Выборга былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Мерхилевичъ, полякъ, искавшій впослѣдствіи, во время бытности варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, популярности въ польской средѣ. Онъ хотѣлъ было, сообразно своимъ



взглядамъ, распредѣлить работы по укрѣпленію, чѣмъ вызвалъ противъ себя значительное раздраженіе въ тѣхъ, которые ранѣе вели ихъ по строго обдуманному плану. Генералъ Мерхилевичъ не отличался ни достаточнымъ тактомъ, ни военными способностями. Онъ находилъ, что безъ всякой надобности укрѣпленія выдвинуты излишне далеко впередъ, и что достаточно было бы встрѣтить непріятеля съ острова Харки-Саари, чтобы не допустить его сжечь Выборга. Другими словами, онъ готовъ былъ отдать безъ боя англичанамъ Транзундъ и Пильскій проливъ, т. е. предоставить непріятелю свободно войти въ Выборгскій заливъ и лишить такимъ образомъ Выборгъ всякаго сообщенія съ моремъ. Такое намѣреніе инженеръ В. Д. Кренке признаетъ возможнымъ заклеймить названіемъ „предательскаго“ [35]). По докладѣ Государю Императору предположеній генерала Мерхилевича, Его Величество соизволилъ повелѣть продолжить работы по прежде сдѣланнымъ указаніямъ.

1-го іюля 1855 г., около 1 ч. дня, къ Транзунду подошли три англійскихъ судна эскадры капитана Эльвертона. Фрегатъ „Аррогантъ“ и корветъ „Мажисьень“ остановились у Кирканеми, а канонерская лодка „Рюби“, сопровождаемая семью вооруженными баркасами, на которыхъ было около 700 человѣкъ, направилась въ Выборгскій заливъ. Около 9-ти часовъ эта флотилія приблизилась къ острову Равенсари. Штуцерные Карабинернаго полка осыпали ихъ пулями, пароходъ „Тосна“ и наши канонерскія лодки тоже открыли по нимъ пальбу. Одинъ непріятельскій баркасъ былъ подбитъ и сталъ тонуть. Его на буксирѣ отвели къ фрегату. За нимъ туда же послѣдовали и остальные баркасы. Послѣ этого фрегатъ „Arrogant“ открылъ огонь по острову Равенсари, а съ баркасовъ принялись метать конгревовыя ракеты. Къ 10-ти часамъ вечера канонада прекратилась, а 3-го іюля, исправивъ свои поврежденія, непріятель удалился. Потери выразились: у насъ—1 убитый и 8 раненыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ того, былъ раненъ прапорщикъ Штальманъ; у англичанъ — убитъ только одинъ гардемаринъ Старей. Въ такомъ видѣ представляется Транзундское дѣло 1-го іюля по оффиціальному отчету. Въ настоящее время, по обнародованіи разныхъ новыхъ данныхъ, имѣется возможность дополнить это описаніе нѣкоторыми подробностями.

Въ виду того, что въ донесеніяхъ двухъ начальниковъ, Рудакова и Струкова, встрѣчались разнорѣчивыя указанія, инженеръ-полковнику В. Д. Кренке предписано было немедленно предста-

вить обстоятельное описаніе дѣла 1-го іюля. Изъ его донесенія, а также изъ разсказа поручика л.-гв. 1-ой артиллерійской бригады Эгерштрома [36]), вытекаетъ, что наши канонерскія лодки заняли позицію за островомъ Хинкусомъ, на высотѣ Николаевской батареи. 72 человѣка штуцерныхъ и сотня вольныхъ стрѣлковъ были разсыпаны по берегу Равенсари. На этомъ же островѣ находились еще двѣ роты С.-Петербургской № 1-й дружины, подъ командою полковника князя Шаховского, и 100 человѣкъ саперъ, подъ командою штабсъ-капитана Вощинина. Одна рота Петербургской дружины, съ штабсъ-капитаномъ Галаховымъ, перевезена была на Николаевскій островъ. Англійская паровая канонерская лодка приближалась по обыкновенному Транзундскому фарватеру, придерживаясь берега Саніонъ-Саари, имѣя впереди финскую лодку съ рогожей, вмѣсто паруса. Канонерская лодка, остановившись передъ загражденіемъ, открыла огонь по пароходу „Тосна“, который лишенъ былъ возможности отвѣчать по малому калибру своихъ орудій.

Въ это время наши 8 канонерскихъ лодокъ, подъ начальствомъ кап.-лейтенанта Флотова, выдвинулись впередъ и стали между островами Николаевскимъ и Равенсари. Но пока происходилъ этотъ маневръ, три непріятельскихъ баркаса успѣли преодолѣть Транзундское загражденіе. Завязалась перестрѣлка между лодками и баркасами. Благодаря молодецкимъ распоряженіямъ Флотова, который лично разъѣзжалъ между канонерками на маленькомъ челнокѣ, наши лодки оправились и направили свой огонь столь удачно, что баркасы вынуждены были отступить. Однако, наибольшій уронъ непріятелю нанесли штуцерные съ острова Равенсари. Непріятель съ своей стороны успѣлъ зажечь на этомъ островѣ лѣсъ и нѣсколько хатъ. Ночью охотники изъ дружины № 1, графа Кутайсова, и матросы произвели рекогносцировку транзундскаго и пильскаго проходовъ. Вообще ополченцы подъ огнемъ непріятеля показали себя молодцами. Шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Подъ конецъ ратники стали даже различать выстрѣлы по звуку. „Ничего, ребята, наша!“ говорили они, когда звукъ былъ громче, потому что наши лодки находились ближе къ намъ и на открытой мѣстности. „Держись, чужая“! сообщали они, и дѣйствительно надъ головой пролетала непріятельская бомба или ракета. При раздачѣ наградъ ратники ополченія получили также нѣсколько знаковъ отличія военнаго ордена [37]).

На островѣ Турки-саари или Николаевскомъ происходило слѣдующее. Батарея была окончена постройкою и ее нужно было вооружить. Вооружалась она подъ наблюденіемъ пор. Эгерштрома, который былъ командированъ на лѣто въ помощь начальнику Выборгской крѣпостной артиллеріи полк. Ляпунову. Такъ какъ Ляпуновъ въ то время хворалъ, то пор. Эгерштрому фактически пришлось исполнять его обязаности. Для вооруженія батареи имѣлось 20 нижнихъ чиновъ, коими командовалъ поручикъ Фадѣевъ. 1-го іюля, пароходъ „Тосна“, которымъ командовалъ пре-
красный морякъ, капитанъ-лейтенантъ А. П. Опочининъ, былъ отправленъ въ крѣпость за орудіями. „Тосна“ попала въ Выборгскій заливъ, благодаря случайности. Опочининъ перевозилъ камень изъ Пютерлакса въ Кронштадтъ, для постройки форта. Непріятель, подкарауливъ его, погнался за нимъ. Барки съ камнями пришлось

Англійскія суда въ Транзундѣ.

шотопить и спасаться отъ англійскаго фрегата и французскаго корвета. Такимъ образомъ „Тосна„ очутилась въ Выборгѣ. Теперь этотъ пароходъ буксировалъ барку съ орудіями. Съ этимъ рейсомъ генералъ-маіоры Теслевъ и Струковъ также отправились въ Транзундъ. Не успѣли доплыть до острова, какъ по нимъ былъ открытъ непріятельскій огонь, такъ что разгрузку артиллеріи и постановку орудій на батарею пришлось произвести подъ огнемъ. Дороги отъ берега до батареи по острову не существовало, платформа была не вполнѣ окончена и тѣмъ не менѣе наши молодцы-солдаты отлично справились со всѣми трудностями, за что имъ было пожаловано 6 знаковъ отличія военнаго ордена, а пор. Н. Эгерштрому объявлено Высочайшее благоволеніе [38]).

Въ дѣлѣ при Транзундѣ съ нашими канонерками повторилась старая исторія: неуклюжія лодки, имѣвшія по орудію на носу и на кормѣ, едва поворачивались, но наши моряки по обыкновенію выказались героями. Генералъ-маіоръ Теслевъ находилъ, что

канонерскія лодки просто срамили насъ: онѣ двигались, какъ раки или черепахи; покуда одну лодку успѣютъ подать впередъ саженей на пять, другую отнесетъ теченіемъ назадъ саженей на десять. Если бы наши канонерки были сколько-нибудь подвижны, то онѣ не должны были бы пропустить непріятельскіе баркасы черезъ Транзундскія загражденія. Флотовъ, безспорно, прекрасный морякъ, но онъ выбился изъ силъ и ничего не могъ подѣлать съ лодками. На одной нашей канонеркѣ была повреждена корма, съ другой три раза сбивали флагъ, но юнкеръ Зеленецкій каждый разъ вылавливалъ его и поднималъ на новой палкѣ.

6-го іюня 1855 г. Государь, очень часто писавшій въ то время князю М. Д. Горчакову въ Крымъ, сообщилъ: „*Маленькая попытка на Выборгъ была на дняхъ удачно отбита*“ [39]).

Генералъ Мерхилевичъ, докладывая Великому Князю Николаю Николаевичу о дѣлѣ 1-го іюля, находилъ дѣйствія канонерскихъ лодокъ прекрасными. На самомъ же дѣлѣ онѣ могли быть сколько-нибудь полезными только въ заливахъ со спокойной, стоячей водой, но въ шхерахъ, гдѣ этимъ плоскодонкамъ на веслахъ приходилось переходить морскую струю, онѣ дѣлались совершенно безполезными [40]).

Это мнѣніе полковника Кренке и генералъ-маіора Теслева вполнѣ раздѣлилъ затѣмъ и Великій Князь. Рѣшено было всеподданнѣйше доложить объ этомъ Государю Императору и испросить повелѣніе уничтожить эту номинальную флотилію, а орудіями воспользоваться для усиленія сухопутныхъ батарей. 11-го іюля 1855 года была получена депеша отъ Великаго Князя: „Государь Императоръ и генералъ-адмиралъ изволили согласиться... относительно канонерскихъ лодокъ.., можете ихъ затопить, а лишнія употребить, какъ перевозочныя средства“. Такимъ образомъ приговоръ надъ канонерской флотиліей былъ изреченъ.

Финнъ, указавшій непріятелю путь къ Транзунду, былъ разысканъ. При немъ оказалось и золото, полученное за услугу отъ англичанъ. Его разстрѣляли на Николаевскомъ островѣ.

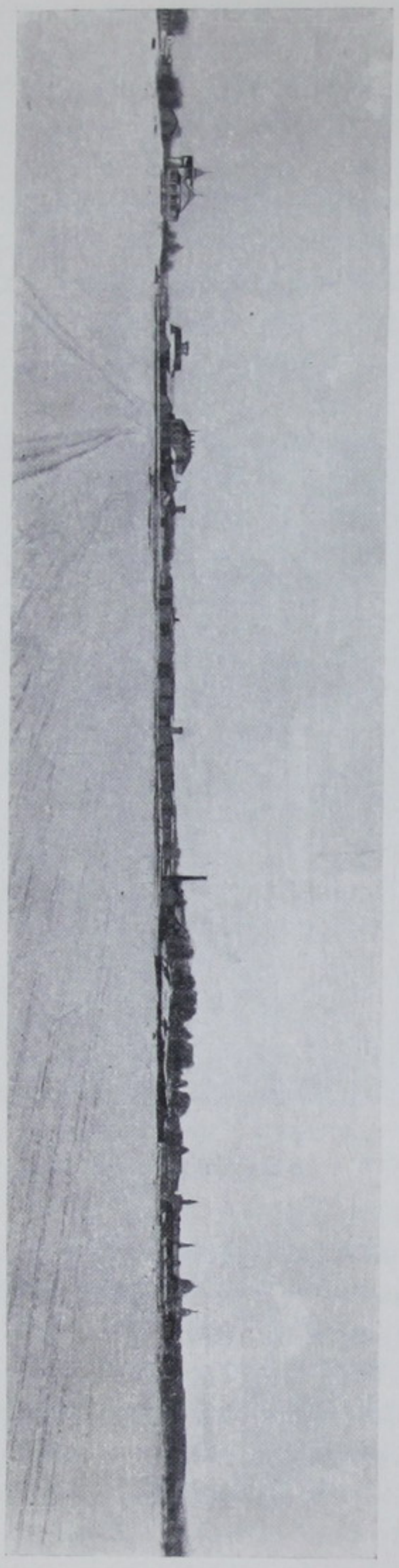
Утромъ 8-го августа, непріятельскій флотъ вновь сталъ въ виду Транзунда, 9-го сжегъ телеграфъ на островѣ Тупорансари и взялъ 7 саженей дровъ. Тѣмъ на этотъ разъ и ограничились его дѣйствія. 12-го августа флотъ ушелъ. Въ августѣ, когда непріятель вторично приходилъ на Транзундскій рейдъ, у насъ нашлись смѣльчаки, вызвавшіеся взорвать англійскій фрегатъ, и если это не было исполнено, то по причинѣ совершенно отъ нихъ независѣвшей.

НАПАДЕНІЕ НА ФРИДРИХСГАМЪ, ГАМЛЕ-КАРЛЕБЮ И ДРУГІЕ ГОРОДА. ИСТРЕБЛЕНІЕ КОТКИ.

9-го (21) іюля маленькая англійская эскадра, состоявшая изъ фрегата, парохода, корвета и канонерской лодки, выстроилась въ линію передъ городомъ Фридрихсгамомъ и открыла непрерывную канонаду по нашимъ береговымъ батареямъ, построеннымъ на Чяргольмѣ (Tjärholmen). Непріятеля встрѣтили здѣсь сильнымъ

Планъ мѣста сраженія у гор. Фридрихсгама.

артиллерійскимъ [41]) и штуцернымъ огнемъ и заставили отступить, повредивъ ему одно судно. На донесеніи командующаго войсками, генералъ-адъютанта Берга, послѣдовала собственноручная Его Величества резолюція: „Объ отличившихся офицерахъ сдѣлать представленіе. Всѣмъ благоволеніе въ приказѣ и нижнимъ чинамъ по 1 рублю. Артиллерійской прислугѣ три знака отличія и два—ротѣ, стоявшей въ прикрытіи. О трехъ лицахъ гражданскаго вѣдомства представить также“.—Наградъ удостоились: начальникъ Фридрихсгамскаго отряда подполковникъ Тавастшерна, который проявилъ



Видъ г. Фридрихсгама (1904 г.) со стороны залива, гдѣ находились суда англичанъ 9-го іюля 1855 г.

Изъ собранія В. Бьерка.

примѣрное мужество, хладнокровіе и распорядительность; онъ своимъ личнымъ примѣромъ явился главнымъ виновникомъ удачнаго отраженія; инженеръ подполковникъ Бредовъ, произведшій „съ желаемымъ успѣхомъ“ постройку Фридрихсгамской береговой батареи, и вооружившій ее артиллеріи штабсъ-капитанъ гр. Сиверсъ. Нижнимъ чинамъ роздано было триста девяносто восемь рублей. Эта цифра обозначаетъ, слѣдовательно, наличный гарнизонъ въ моментъ бомбардировки. Изъ гражданскихъ чиновъ дали награды парикмахеру Рейнерту и „булочныхъ дѣлъ подмастерью“ Леману, за усердіе по уничтоженіи, въ виду непріятеля, оставленныхъ имъ морскихъ знаковъ. Не забыты были наградами еще бургомистръ Хорнборгъ и ленсманъ Нюманъ. Жителямъ, пострадавшимъ отъ бомбардировки, Высочайше повелѣно было выдать пять тыс. рублей. Весь же убытокъ отъ непріятельскаго нашествія былъ опредѣленъ здѣсь въ 7523 руб. Конгревовыми ракетами англичане подожгли 14 домовъ на Сокенгольмѣ. Вообще же непріятель стрѣлялъ неудачно и большинство его снарядовъ упало въ болото Бомбёле, т. е. перелетѣли черезъ городъ.

Въ предположеніи, что непріятель можетъ повторить свое нападеніе на Фридрихсгамъ, возникли проекты приведенія его въ

оборонительное положеніе. При этомъ хотѣли занять зданіе Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса подъ лазаретъ, а воспитанниковъ перевести въ кадетскій корпусъ въ Грузино. Бывшій же директоръ финляндскаго корпуса, ген.-л. баронъ Мункъ, полагалъ однако болѣе удобнымъ перемѣстить корпусъ въ казармы Кексгольмской крѣпости [42]).

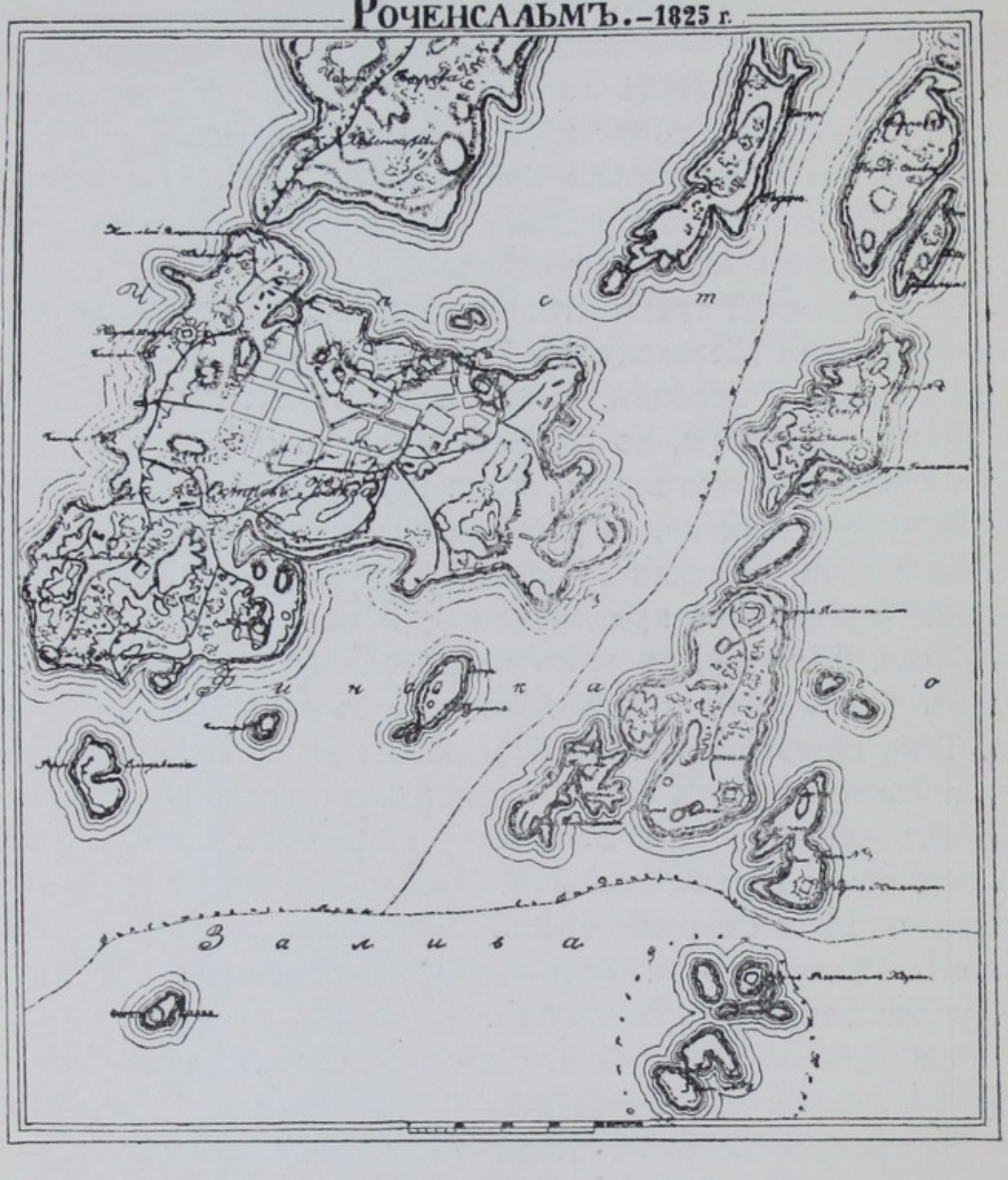
Во многихъ мѣстахъ жители содѣйствовали войскамъ въ отраженіи непріятеля. Но помимо подобныхъ дружныхъ совмѣстныхъ дѣйствій, извѣстенъ также случай, когда крестьяне однѣми собственными силами справились съ разбойническимъ нападеніемъ англичанъ. Это было у рѣки Куйваніеми (Kuivajoki) между Улеоборгомъ и Торнео, Улеоборгской губ., въ Иіоскомъ (Ijo) приходѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Непріятельскій трехмачтовый пароходъ сталъ 11 іюля 1855 г. на якорѣ у мели Хіеталака, въ 7 верстахъ, и выслалъ двѣ канонерскія лодки въ проливъ. Непріятель пытался вывести захваченныя финляндскія яхты, но справился только съ одной, остальныя стали на мель. Въ это время, когда непріятель пытался снять ихъ съ мели, 4 крестьянина, съ разрѣшенія ленсмана Браксена, скрывшись за скалой, открыли ружейный огонь. Непріятель отвѣчалъ залпами. Перестрѣлка продолжалась 10 минутъ. Непріятель потерялъ 6 чел. убитыми, въ томъ числѣ одного офицера, почему вынужденъ былъ уйти и нападенія уже въ тотъ день не возобновилъ. Тихо прошла ночь. На слѣдующее утро непріятель повторилъ попытку захвата яхты. Перестрѣлка возобновилась и продолжалась четверть часа. Затѣмъ крестьяне замѣтили, что онъ хочетъ подняться вверхъ по рѣкѣ. Двое изъ нихъ засѣли на берегу въ кустарникѣ и открыли огонь. Непріятель повернулъ обратно подъ выстрѣлами, но на пути къ Торнео все-таки сжегъ одну яхту. Безъ урона непріятель не ушелъ.

Ленсманъ получилъ за это дѣло св. Станислава 3 ст., а крестьяне—преимущественно бобыли и работники — серебряныя медали „за храбрость“ на георгіевской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ, и денежную награду. Ходатайствуя о награжденіи крестьянъ, ген.-адъютантъ Бергъ писалъ министру статсъ-секретарю 27 іюля (8 авг.) 1855 г.: „Весьма важно поощрять обывателей края вооружаться противъ непріятеля. Желательно было бы возбудить народную финскую войну противъ морскихъ державъ“ [43]).

Въ теченіи 1854 г. на Коткѣ стояли расквартированными наши войска и на его рейдѣ временно находились суда русской

гребной флотиліи. Но затѣмъ рѣшено было Роченсальмъ упразднить, почему орудія вывезли, солдатъ отослали, канонерскія лодки ушли [44]). Жителямъ объявили, что никто ихъ защищать здѣсь не будетъ. Котка опустѣла. 14 іюля 1855 г., т. е. когда на островѣ не было ни войскъ, ни жителей, показалась непріятельская эскадра.



Островъ Котка и фортъ Слава.

Фрегатъ и корветъ имѣли на буксирѣ канонерскія лодки. Затѣмъ подошло еще нѣсколько судовъ. Всѣ 14 судовъ сосредоточились на большомъ Роченсальмскомъ рейдѣ; нѣкоторыя остановились на якорѣ къ SW отъ разрушеннаго форта Слава. Къ вечеру пароходъ и корветъ приблизились къ мосту, соединявшему Котку

съ Ховенъ-сари. Замѣтивъ около моста 4 казаковъ, направили въ нихъ два ядра. Казаки избѣжали опасности и затѣмъ они съ товарищами (всего 13 чел.) залегли на берегу за камнями и открыли безполезную ружейную перестрѣлку. Мостъ непріятельскій отрядъ изрубилъ и сжегъ. Ночью непріятель зажегъ всѣ казенныя зданія; а вечеромъ 15 Іюля онъ повторилъ тоже съ частными домами.

Изъ донесенія генералъ-губернатора видно, что Роченсальмъ пострадалъ отъ непріятельскихъ дѣйствій болѣе другихъ горо-

Доннеръ.
Коммерціи совѣтникъ.

довъ Финляндіи. Случайно уцѣлѣли православная церковь и 10 обывательскихъ домовъ. Разсказываютъ, что спасеніемъ церкви мы обязаны вдовѣ полковника Маріи Ѳеодоровнѣ Пурпуръ, которая тогда извѣстна была всѣмъ просто подъ именемъ Пурпурши. Ей было 102 года. Всѣ покинули Котку, но Пурпурша осталась въ своемъ домѣ. Когда явились англичане, то одинъ изъ нихъ по-русски сказалъ ей: „Выходи изъ дому. Мы домъ твой сожжемъ; не видишь развѣ, что вокругъ уже все горитъ“. „Ну, сведите меня

въ церковь на кладбищѣ“, заявила она. „Церковь“, отвѣтили они, „мы тоже сожжемъ“. „Нѣтъ“, говорю, „ужъ храмъ-то Божій вы мнѣ оставьте“. Послушались англичане, не сожгли церкви и ушли [45]).

Мелкія нападенія на прибрежные города не прекращались. Всѣ они похожи другъ на друга и въ военномъ отношеніи никакого значенія не имѣли.

21-го августа двухмачтовый непріятельскій пароходъ, со всевозможными мѣрами предосторожности, подошелъ къ гор. Гамле-Карлебю. Спущенныя съ парохода гребныя суда, въ количествѣ семи, приблизились къ берегу и открыли стрѣльбу конгревовыми ракетами. Наши войска вышли по тревогѣ и съ батарей, устроенныхъ на берегу, отвѣтили огнемъ. Суда отошли нѣсколько назадъ вслѣдствіе того, что наша полевая артиллерія удачнымъ выстрѣломъ повредила носовую часть одной непріятельской лодки. Затѣмъ получилъ пробоину и пароходъ, который также удалился за предѣлъ нашихъ выстрѣловъ. Перестрѣлка, продолжавшаяся три съ половиною часа, прекратилась, не причинивъ намъ никакого вреда, ни потерь среди людей. Загорѣлось строеніе на островѣ Эльбѣ, но пожаръ потушили. (См. планъ на стр. 109).

Жители города, какъ и въ прошломъ году, стали рядомъ съ людьми небольшого отряда, составленнаго изъ частей Финляндскаго линейнаго № 21 баталіона, 2 поселеннаго финскаго стрѣлк. батал. и полевой гренадерской артиллеріи. Батарея № 1 состояла изъ двухъ городскихъ орудій и командовалъ ею купецъ Лесандеръ; при немъ находился купецъ Куруна и 8 городскихъ матросовъ, замѣнявшихъ прислугу при орудіяхъ. Лесандеръ и Куруна были уже съ прошлаго года украшены медалями за храбрость. Батарея № 4 была вооружена тремя городскими орудіями, при которыхъ находился „извѣстный уже своимъ мужествомъ и усердіемъ коммерціи совѣтникъ Доннеръ“. Начальникъ Вазаскаго отряда ген.-м. Бломъ просилъ о награжденіи его за оказанное въ продолженіи кампаніи 1855 г. „примѣрное усердіе къ общему дѣлу обороны края“. Доннеру Высочайше пожалованъ былъ орденъ св. Станислава 2 ст. съ мечами, за примѣрную дѣятельность по вооруженію батарей, „за мужество и благоразумныя распоряженія“ при нападеніи англичанъ 21 августа. Мало того. По волѣ Государя Императора Николая I, заказаны были отставному подпоручику художнику Сверчкову портреты коммерціи совѣтника Доннера и финляндскаго крестьянина Канконена, кои и помѣщены въ Гельсингфорскомъ дворцѣ [46]).

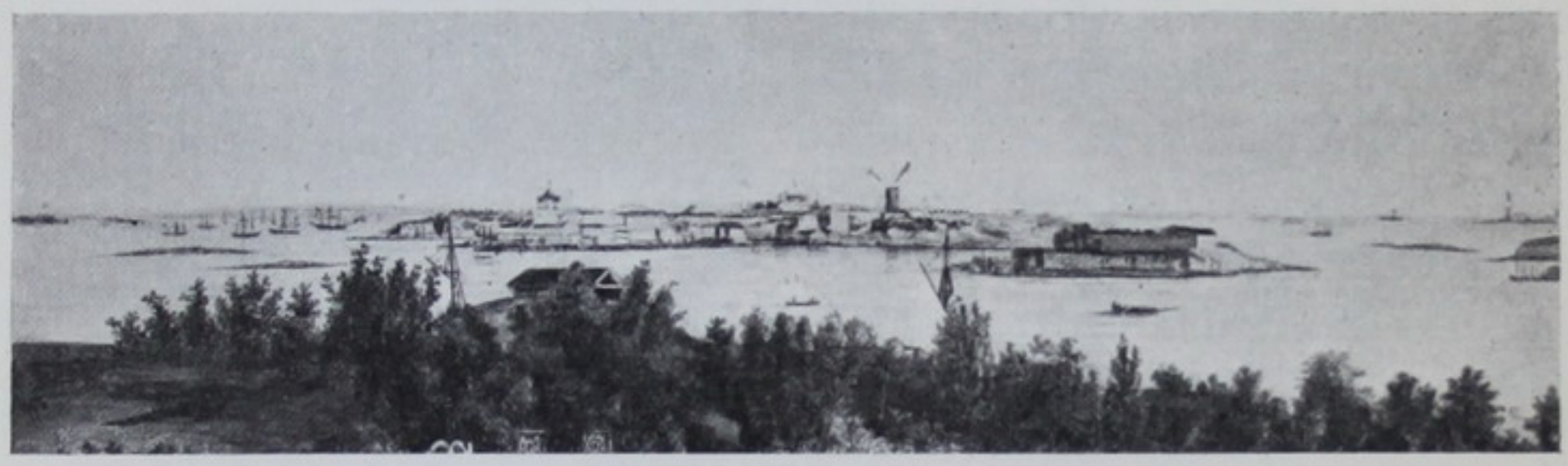
25-го октября (6-го ноября) англичане напали на Якобстадскую гавань, но ничего не добились, вслѣдствіе дружнаго и совмѣстнаго дѣйствія жителей города съ отрядомъ войска. По донесенію начальника Вазаскаго отряда ген.-м. Блома, ратманъ Стрембергъ, купецъ Туденъ и Черульфъ, а также шкиперъ Нюлундъ I съ особымъ усердіемъ устраивали Якобстадскія батареи, снабдили ихъ орудіями и боевыми припасами; во время перестрѣлки они находились при батареѣ, а при появленіи непріятеля на рейдѣ каждый разъ содержали, особенно по ночамъ, караулъ. Бургомистръ Тенгстремъ благоразумно и мужественно отвѣтилъ отказомъ на всѣ дерзкія предложенія непріятельскаго парламентера, съ рѣдкимъ усердіемъ исполнялъ требованія нашего военнаго начальства и воодушевлялъ жителей города къ оборонѣ. Изъ военныхъ мужествомъ и распорядительностію отличался капитанъ Шауманъ, которому не мало обязаны своимъ спасеніемъ отъ истребленія и городъ, и купеческая флотилія, стоявшая въ гавани [47]).

Крестьянинъ Канконенъ.

Въ теченіи лѣта 1855 г. произведены были еще разбойническія нападенія на гавань Брендъ-Э (27 іюля—8 авг.), на Рефсъ-Э (у Бьернеборга), на Або, около Уто (9 ноября) и др. Никакого интереса они не представляютъ и потому описывать ихъ не станемъ. Упоминанія заслуживаютъ лишь жители города Або. Городъ во все время войны загражданъ подступы со стороны моря бонами изъ желѣзныхъ цѣпей и эстакадами изъ новыхъ сосновыхъ брусьевъ, стоившихъ до 4 тыс. руб.; первыя береговыя батареи на островѣ Рунсала

были возведены городомъ и вооружены пушками съ купеческихъ судовъ. Тутъ же на городской счетъ построены были лѣтніе бараки; для сообщенія съ материкомъ городъ далъ войскамъ безвозмездно три парома и пятнадцать лодокъ. (См. планъ на 113 стр.). Когда объ усердіи населенія было доложено ген.-адъютантомъ Бергомъ, то Государь милостиво осчастливилъ „любезновѣрныхъ Абоскихъ горожанъ“ рескриптомъ (отъ 3—15 мая 1856 г.), которымъ объявилъ имъ Свое особенное Монаршее благоволеніе [48]).

СВЕАБОРГЪ.



Въ началѣ лѣта 1854 г. флигель-адъютантъ Н. А. Аркасъ и Герштенцвейгъ были экстренно потребованы къ Государю, у котораго застали Великаго Князя Константина Николаевича. „Мой сынъ“,—сказалъ Государь,— „получилъ письмо безъ подписи, въ которомъ сказано, что ежели непріятель пожелаетъ занять Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, то можетъ совершить это въ 24 часа, такъ какъ большой островъ, ограждающій восточную сторону рейда, не вооруженъ. Непріятель можетъ легко занять его и, дѣйствуя оттуда, переходить съ одного острова на другой, а когда проливы будутъ въ его рукахъ, то вошедшій флотъ довершитъ дѣло. Поручаю вамъ обоимъ ѣхать туда вмѣстѣ и немедленно подробно осмотрѣть островъ, каждому по своей части и, сверхъ того, вмѣстѣ рѣшить, что нужно дѣлать, чтобы усилить вооруженіе Гельсингфорса и Свеаборга, какъ вооружить острова [49]), какъ расположить корабли, чтобы они охраняли входы на рейдъ и поддерживали батареи, какъ расположить войска. Все, что вы рѣ-

шите, прикажите Моимъ именемъ немедленно привести въ исполненіе. Торопитесь, потому что Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскаго флота въ Балтійское море“ [50]).

Въ ту же ночь флигель-адъютанты помчались въ Гельсингфорсъ. Начальника края, генерала Рокасовскаго, они застали въ загородномъ саду на пикникѣ. Тутъ же состоялось маленькое совѣщаніе о порядкѣ осмотра крѣпости и вновь сооружаемыхъ батарей. „Вездѣ мы поражались негодностью и дурнымъ состояніемъ всего вооруженія“, читаемъ въ воспоминаніяхъ Аркаса. „Нѣкоторыя, вновь созидаемыя, батареи были до того неправильно поставлены, что нельзя было не удивляться, для чего затрачивались громадныя деньги на сооруженіе ихъ; между тѣмъ, тамъ, гдѣ дѣйствительно онѣ были нужны, ихъ не было. Главныя части Густавсвердскихъ укрѣпленій были до того ненадежны, что съ нихъ даже не производилась стрѣльба изъ орудій. Указанные въ письмѣ острова, ограждающіе восточную часть восточнаго рейда, дѣйствительно оказались необитаемыми и до того удобными для занятія и дѣйствія съ нихъ на рейдъ, на городъ и на все укрѣпленіе, что мы съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ, на основаніи даннаго намъ Высочайшаго разрѣшенія, тотчасъ же именемъ Государя Императора приказали приступить къ постройкѣ батарей на указанныхъ нами мѣстахъ, а также къ постройкѣ бараковъ для помѣщенія войскъ, прорубкѣ въ лѣсахъ просѣкъ для проходовъ войскъ и для провоза артиллеріи“.

Въ іюнѣ 1854 г. А. Герштенцвейгъ вновь побывалъ въ Свеаборгѣ. Въ письмѣ къ военному министру, кн. Василію Андреевичу Долгорукову, онъ доносилъ: „Вчерашняго числа (т. е. 13 іюня) я осмотрѣлъ обѣ батареи на Сандгамѣ (нынѣ Лагерномъ), къ постройкѣ которыхъ приступлено болѣе мѣсяца тому назадъ... Постройка производится съ большою медленностію... Правда, всѣ распоряженія здѣсь руководимы большею добросовѣстностью, но за то въ нихъ поразительна необыкновенная медленность“. Далѣе Герштенцвейгъ указывалъ на „отсутствіе энергіи и рѣшимости“. „Говорятъ много, пишутъ еще больше, а настоящаго дѣла не выходитъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Обширное протяженіе обороны Свеаборга съ островами и Гельсингфорса требуетъ устройства системы сигналовъ, для того, чтобы дѣйствіе начальниковъ войскъ, начальниковъ разныхъ острововъ, флота, гребной флотиліи и крѣпости, могли имѣть возможное единство. Объ устройствѣ опознавательныхъ сигналовъ говорятъ и переписываются

болѣе мѣсяца, но дѣло до сихъ поръ не рѣшено. На это обстоятельство съ должною осторожностію обратилъ вниманіе командующаго войсками [51])".

Контръ-адмиралъ Матюшкинъ, давшій въ концѣ 1854 г. очень обстоятельное заключеніе о состояніи Свеаборгской крѣпости, пришелъ также къ тому убѣжденію, что крѣпость могла быть взята со стороны Скотланда (нынѣ Александровскаго) и что исправленіе ея недочетовъ требовало значительнаго времени.

„Трудно недостроенную крѣпость, оставленную безъ всякаго вниманія болѣе сорока лѣтъ, привести въ продолженіи нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ въ столь надежный образъ, чтобы флотъ нашъ находился внѣ опасности отъ нападенія непріятеля". Если бы стѣны крѣпости во многихъ мѣстахъ и не грозили бы паденіемъ, то при нынѣшнихъ разрушительныхъ снарядахъ онѣ не въ состояніи, по тонкости профилей, выдержать сотрясенія бомбовыхъ орудій [52]).

5-го августа 1854 г. Государь возложилъ на Аркаса подробный осмотръ отряда канонерскихъ лодокъ въ Роченсальмѣ, новыхъ укрѣпленій въ Свеаборгѣ и позицій вокругъ Або. Кромѣ того, предписано было въ Гельсингфорсѣ сдѣлать на эскадрѣ всѣ приготовленія на случай ея выхода въ море и произвести пробную стрѣльбу съ Густавсвердскихъ укрѣпленій. Комендантъ крѣпости, генералъ Сорокинъ, никакъ не хотѣлъ дозволить производить ее, говоря, что стѣны обрушатся при первомъ же выстрѣлѣ. „Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Аркасъ,—если онѣ обрушатся теперь, чѣмъ послѣ, когда онѣ нужны будутъ противъ непріятеля". Но комендантъ упорствовалъ, пока Аркасъ не объявилъ ему, что это есть Высочайшая воля и она должна быть исполнена.

„Въ назначенный часъ началась стрѣльба и, дѣйствительно, стѣна рушилась на значительное пространство, но не послѣ перваго, а послѣ седьмого выстрѣла. И вотъ на эти-то гранитныя твердыни мы разсчитывали такъ самоувѣренно".

„Я былъ,—продолжаетъ Аркасъ, — очень радъ разрушенію стѣны, такъ какъ въ Петербургѣ, когда я говорилъ объ этомъ главному начальнику, то мнѣ, повидимому, не вѣрили и даже Государь сомнѣвался. Теперь же фактъ совершился; необходимо было вновь возводить стѣны. Я приказалъ доставить съ корабля „Россія" на разрушенное укрѣпленіе запасные паруса, которыми прикрыли развалины и до 1000 человѣкъ приступили къ работѣ,

которая ко времени подхода къ Свеаборгу непріятельскаго флота была близка къ окончанію“ [53]).

Полк. М. Пасыпкинъ.
Командиръ свеаборгской инженерной команды.

Плохое состояніе свеаборгскихъ укрѣпленій не должно особенно удивлять, такъ какъ послѣ 1808 г. почти ничего не было сдѣлано для ихъ поддержанія. Теперь громъ грянулъ и закипѣла работа. Извѣстно, что верки, обращенные къ сушѣ, откуда опасались нападенія, были прочнѣе сооружены шведами, чѣмъ верки, обращенные къ морю. Инженеръ—полковникъ М. Пасыпкинъ, состоявшій въ 1855 г. начальникомъ инженерной команды Свеаборга, даетъ слѣдующую картину фортификаціонныхъ работъ.

Стѣны не были скрѣплены скобами и пиронами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вовсе не приспособлены къ оборонѣ. Нужно было впереди старыхъ шведскихъ верковъ построить новыя батареи. Такимъ образомъ явилась новая крѣпость для защиты старой. Укрѣпленная новая позиція заняла 9 верстъ въ длину. Матеріала подъ рукой не было. Растительности едва хватало на фашины. Песокъ имѣлся, но онъ находился далеко. Доставка его была затруднительна для экстренныхъ работъ. Строили батареи первоначально изъ дерева (брусья получались изъ Гельсингфорса), причемъ средину наполняли щебнемъ. Это, конечно, было не вполнѣ безопасно при непріятельскомъ огнѣ [54]).

Въ частномъ письмѣ [55]) къ генералу-адъютанту Э. Ив. Тотлебену полковникъ М. Пасыпкинъ вновь изложилъ свое воззрѣніе на оборону этой крѣпости, причемъ значительно подробнѣе перечислилъ недостатки свеаборгскихъ укрѣпленій, кои нуждались въ исправленіяхъ: 1) Во многихъ мѣстахъ сдѣланы палисады; они могли только увеличить пожаръ во время боя и осколками поражать людей. 2) Внутри крѣпости имѣлось много деревянныхъ зданій, которыя слѣдовало сломать, какъ приносящія одинъ вредъ. 3) Сообщенія между островами по мостамъ на ряжахъ и шпренгеляхъ были ненадежны. 4) Большіе пороховые погреба (около 2 т. пудовъ пороха), въ особенности въ капонирахъ Кайэтъ и Дельвигъ, имѣли одинокія тонкія стѣны, весьма опасны и въ слу-

чаѣ взрыва окружающія ихъ батареи могли быть разнесены. 5) При многихъ батареяхъ устроены деревянные валганги на стойкахъ, что являлось весьма опаснымъ. 6) Обстрѣлъ орудій вообще во всѣхъ амбразурахъ очень малъ, около 30°). 7) Щеки амбразуръ чрезмѣрно круты, почти вертикальны и не плакированы, а обшиты дерномъ плашмя, а посему отъ перваго попавшаго ядра амбразуры могли быть завалены. Кромѣ того М. Пасыпкинъ находилъ необходимымъ, чтобы всею оборонительною линіею Свеаборга завѣдывалъ одинъ инженеръ, могущій соображать потребности всей обороны.

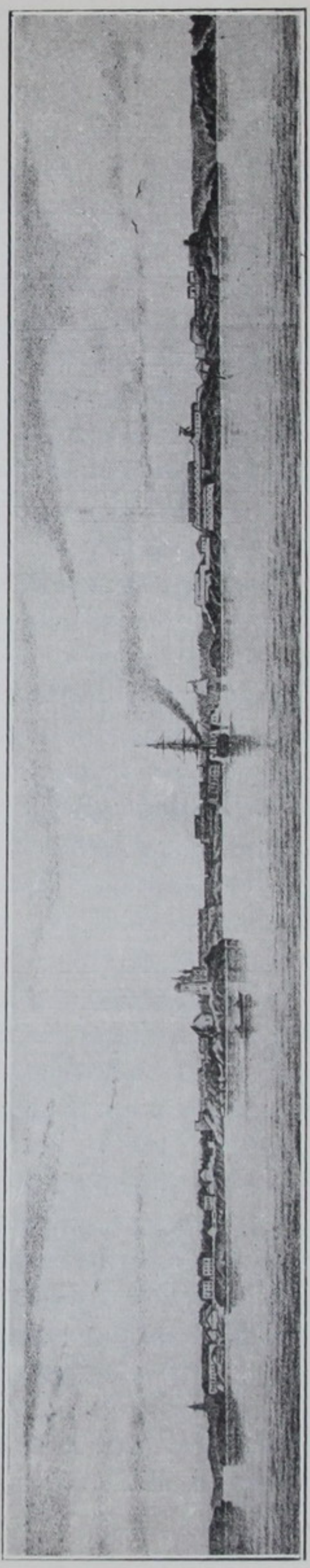
Въ теченіи семи мѣсяцевъ 1854 года шла самая усиленная работа по вооруженію крѣпости: всѣ орудія, находившіяся на валахъ, были сняты для того, чтобы сдѣлать подъ ними прочныя установки; часть лафетовъ и поворотныхъ платформъ были вновь построены, а часть исправлены. Въ это же время въ лабораторіяхъ готовились принадлежности [56]). Несмотря на столь кипучую дѣятельность, крѣпость далеко еще не была приведена въ нужный боевой порядокъ. Изъ вѣдомости предметовъ, назначенныхъ для вооруженія укрѣпленій Свеаборга и батарей Гельсингфорса, видно, что въ началѣ 1855 г. опредѣлено было поставить еще 449 орудій, требовалось 27.000 бомбъ и гранатъ и болѣе 64.000 зарядовъ [57]).

Въ какой мѣрѣ эти требованія были выполнены — трудно опредѣлить. По крайней мѣрѣ к.-адм. Матюшкинъ очень критиковалъ стѣны и палисады, орудія и общую неподготовленность. По его мнѣнію, земляная насыпь, съ широкимъ основаніемъ у стѣнъ ближайшихъ къ берегу, была безполезна. Оборонительныя работы 1854 г. и работы шведскихъ временъ адмиралъ призналъ слабыми и предлагалъ увеличеніе калибра орудій. „Мы—доносилъ онъ генералъ-адмиралу—какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ управленіи орудіями принадлежимъ къ прошлому столѣтію“. Матюшкинъ находилъ, что если бы непріятель зналъ, что у насъ только 9 бомбовыхъ орудій, зналъ состояніе стѣнъ, малость и малочисленность нашихъ орудій, то онъ нынѣшнею осенью (т. е. 1854 г.) разрушилъ все. „Но фальшивая слава Свеаборга заставила его отложить до собранія положительныхъ свѣдѣній. Даже осторожная атака англійская надѣлаетъ намъ хлопотъ и вреда. Немного ядеръ нашихъ—пророчилъ адмиралъ — будетъ въ непріятельскомъ кузовѣ, а у насъ мѣстами будетъ уже горѣть и рушиться“.

Адмиралъ указывалъ недостатки крѣпости, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ признавалъ союзниковъ способными взять ее. Отнюдь нѣтъ. Онъ зналъ, о комъ говорилъ и потому былъ увѣренъ, что, дерзни врагъ произвести высадку, его встрѣтили бы штыками. „Въ трубахъ зданій и въ подвалахъ—продолжалъ онъ—будетъ порохъ; гдѣ нельзя будетъ держаться, взорвемъ или взорвемся“. Иначе не могъ и не долженъ былъ разсуждать истинно-русскій человѣкъ. Матюшкинъ говорилъ далѣе, что флоту нашему не слѣдуетъ находиться внѣ опасности отъ нападенія непріятеля, но онъ долженъ, какъ батареи, содѣйствовать крѣпости, такъ какъ батареи кораблей сильнѣе крѣпостныхъ въ Свеаборгѣ [58]).

На батареяхъ Свеаборга, Скотланда (Александровскаго) и Сандгама (Лагернаго) въ теченіи 1854 г. находилось 363 орудія. Для нихъ требовалось 121 фейерверкеръ и 2156 нижнихъ чиновъ. Свеаборгскій артиллерійскій гарнизонъ ограничивался 47 фейерверкерами и 653 рядовыми; остальные люди назначены были изъ Финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ (№ 5 и № 8) [59]).

Вооруженіе Свеаборга (за 1854 г.) распредѣлялось такъ: на Густавъ-Свердѣ находилось 61 орудіе; на Варгенѣ (Инженерномъ) 47; на Вестеръ-Свартъ-э (Стрѣлковомъ) 20; на Лонгернѣ (Ключевомъ) 15; на Скотландѣ (Александровскомъ) 27; на Сандгамѣ (Лагерномъ) 24. Остальныя орудія поставлены были на рейдѣ и въ проходахъ [60]).



Входъ въ Свеаборгъ съ южной стороны.
Рис. проф. Боголюбовъ.

Дальность этихъ орудій старой системы равнялась 600 саженямъ и только во время войны вновь доставлено было въ крѣпость около 200 бомбическихъ орудій, которыя стрѣляли на 1000 и на 1200 саженъ [61]).

Всего воинскихъ чиновъ въ Свеаборгѣ расположено было въ теченіи перваго (1854) года войны: три генерала, штабъ-офицеровъ—25; оберъ-офицеровъ—146; а нижнихъ чиновъ—5258; кромѣ того въ крѣпости оставались нѣкоторыя жены, вдовы, прислуга, дѣти, частныя лица и крѣпостные арестанты. Съ ними число обывателей доходило до 6906 человѣкъ.

Государь Императоръ въ бытность свою (въ 1854 г.) въ Гельсингфорсѣ повелѣлъ выселить изъ Свеаборга 483 семейства нижнихъ чиновъ, преимущественно морского вѣдомства, предназначивъ для ихъ жительства уѣзды Тавастгуской губ. Затѣмъ уже начальство просило разрѣшеніе сдѣлать тоже самое въ Гельсингфорсѣ, чтобы очистить помѣщенія для прибывавшихъ войскъ. Отсюда 107 семействъ было отправлено въ уѣзды, ближайшіе къ городу Ловизѣ [62]).

Вслѣдъ затѣмъ обращено было вниманіе на то, что среди гарнизона находилось болѣе 2 тыс. католиковъ и лютеранъ. Для лицъ иновѣрнаго исповѣданія въ Свеаборгѣ имѣлись: костелъ, двѣ кирки, еврейская школа-синагога и магометанская мечеть. Съ цѣлью очищенія помѣщеній для войскъ гарнизона, поднятъ былъ вопросъ о переводѣ этихъ иновѣрческихъ молитвенныхъ домовъ въ Гельсингфорсъ. Такъ какъ евреевъ оказалось въ Свеаборгѣ болѣе 160 чел., то сейчасъ же приняты были мѣры къ ихъ выселенію во внутреннія мѣста Финляндіи. Прежде всего природныя качества дѣлали ихъ непригодными для службы въ крѣпостяхъ; но кромѣ того стало извѣстнымъ, что изъ Бомарзунда бѣжало къ непріятелю нѣсколько евреевъ, которые передали ему весьма важныя свѣдѣнія [63]).

Въ іюнѣ (съ 3 по 7-е) 1855 г. свеаборгскія укрѣпленія были осмотрѣны генералъ-инспекторомъ по инженерной части, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Прикомандированный къ Его Императорскому Высочеству инженеръ-полковникъ В. Д. Кренке, составившій описаніе обороны всего Балтійскаго побережья, удостовѣряетъ, что во всеподданнѣйшемъ донесеніи Великаго Князя означено было:

1) Капитальныя работы, произведенныя въ нынѣшнемъ году, въ теченіи зимы и весны, такъ обширны и разнообразны и до

того изумительны, что невольно рождается вопросъ, что же было сдѣлано въ прошломъ году, т. е. въ теченіе весны, всего лѣта и всей осени.

2) Нынѣшнія работы отличаются правильностью, прочностью, искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности, вѣрною оцѣнкою средствъ своихъ и непріятеля и вообще въ нихъ видно желаніе воспользоваться кровавыми уроками, пріобрѣтенными въ настоящую войну, и если не все еще достигнуто, то единственно отъ недостатка физическихъ и матеріальныхъ средствъ.

3) Въ работахъ прошлаго года видна поспѣшность и желаніе противопоставить непріятелю возможно большее число орудій въ самое короткое время и потому бруствера, одѣтые деревянными ряжевыми рядами, толщиною всего въ 6—8 фут., или палисадныя стѣнки, выставлялись прямымъ пушечнымъ выстрѣламъ; батареи въ 5, 8 и 10 орудій не обезпечивались отъ анфилады; орудія ставились такъ близко одно къ другому, что для раздѣла ихъ траверсами приходится снимать нѣкоторыя изъ нихъ; прикрытіе людей и обезпеченіе пороховыхъ погребовъ считалось обстоятельствомъ какъ бы второстепеннымъ; вообще тамъ, гдѣ нужно было употребить камень и землю, предпочитались бревна, брусья и даже доски.

4) Артиллерія въ полномъ совершенномъ порядкѣ; прислуга сформирована и обучена въ полуторномъ комплектѣ на полное вооруженіе крѣпости съ прилежащими отдѣльными батареями, по числу 565 орудій.

5) Перевязочные пункты для первой помощи и для операцій, и всѣ госпитали, сухопутнаго и морского вѣдомствъ выбраны удачно; продовольствіе обезпечено, а для отвращенія недостатка въ прѣсной водѣ принимаются надлежащія мѣры [64]).

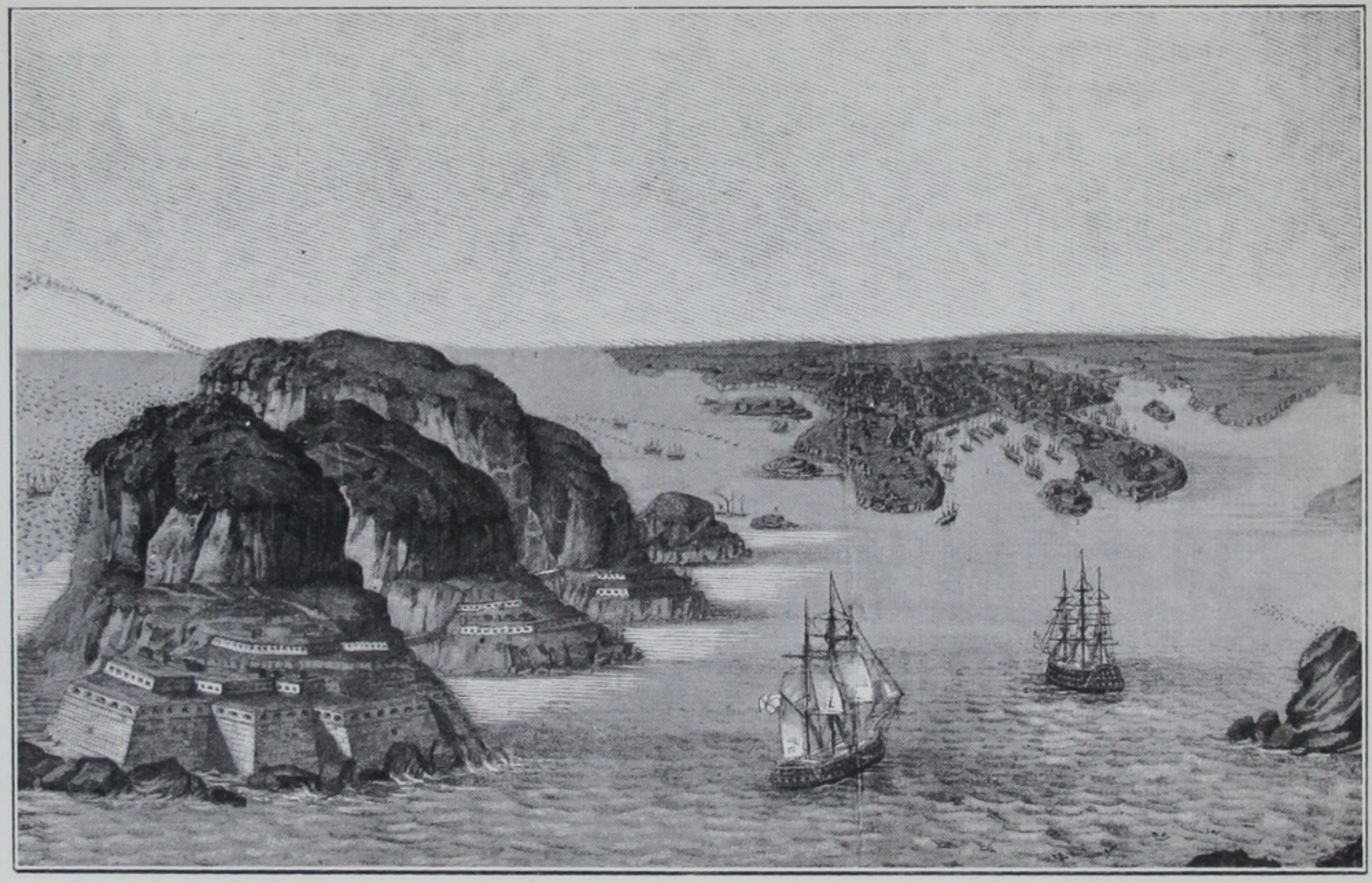
Говоря объ укрѣпленіяхъ Свеаборга, нельзя не указать на одинъ курьезъ, пущенный во всеобщее обращеніе, вѣроятно, не безъ извѣстнаго какого-нибудь разсчета. Во время войны, заграницей появились довольно большіе литографированные виды Свеаборга и Гельсингфорса подъ названіемъ „Panorama vom Kriegsschauplaz“ или „Ansichten vom Kriegsschauplaz“ (за разными нумерами). На нихъ крѣпость изображалась обыкновенно на островахъ, высоко поднявшихся надъ уровнемъ моря. Въ ряду этихъ изображеній Свеаборга особенно выдѣляется литографія съ подписью: „Helsingfors mit der Festung Sveaborg aus der Vogelperspektive nach einer Skizze von Erig Sweynson 1854. (Carlsruhe. –

Verlag von J. Veith). Острова, на которыхъ расположена крѣпость, представлены здѣсь въ видѣ высокихъ недоступныхъ горъ, по окраинѣ нижняго уступа коихъ каймой возведены укрѣпленія. На вершинахъ горъ стаи морскихъ птицъ. Огромные морскіе корабли рядомъ съ островами, кажутся маленькими лодочками. Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, Свеаборгъ построенъ на довольно плоскихъ и очень умѣренно выдвинутыхъ надъ уровнемъ моря островахъ. Къ довершенію курьеза, наши учителя Зуевъ и Лакида въ своемъ „Опытѣ учебнаго руководства по географіи Россійской Имперіи“ (Спб., 1874 г.) не нашли ничего лучшаго, какъ помѣстить именно это безобразнѣйшее изображеніе Свеаборга и такимъ образомъ поселили въ своихъ ученикахъ и читателяхъ самое превратное представленіе о „Сѣверномъ Гибралтарѣ“. Нечего послѣ этого удивляться, что издатели народныхъ картинъ войны 1853—1856 гг. также воспользовались этими нелѣпыми рисунками Свеаборга, для возбужденія фантазіи уличной толпы.

Къ востоку отъ Свеаборгской крѣпости находится островъ Сандгамъ (длиной въ $2^3/_4$ вер., шириной въ 2 вер.). Со стороны моря онъ доступенъ, такъ какъ омывается хорошимъ рейдомъ. При морской войнѣ онъ представлялъ, такимъ образомъ, серьезную опасность для крѣпости. Особенно это было сознано послѣ рекогносцировки Непира, предпринятой 31-го мая 1854 г. Чтобы воспрепятствовать высадкѣ англичанъ, матросы 3-й флотской дивизіи (контръ-адмирала Румянцева) были разсыпаны въ стрѣлки по острову. Вмѣсто того, чтобы укрыться за кустами и пригорками, наши молодцы-матросы пожелали посмотрѣть въ лицо непріятеля и высыпали на берегъ. Англичане раскланивались съ ними съ своихъ трехъ пароходовъ и отплыли къ эскадрѣ, которая стояла на якорѣ въ 12-ти верстахъ (7-ми миляхъ) отъ Свеаборга.

По уходѣ непріятельскаго флота, сейчасъ же рѣшено было (комендантомъ и адмиралами) построить двѣ батареи. До 1000 матросовъ работали днемъ и ночью; ихъ смѣняли солдаты линейнаго (№ 5) баталіона. Къ 15-му іюля того же 1854 г. обѣ батареи были готовы и вооружены 12-ю орудіями. Но непріятель въ теченіи этого лѣта болѣе къ Сандгаму не подходилъ.

Съ назначеніемъ командующимъ войсками Финляндіи генералъ-адъютанта гр. Ѳ. Ѳ. Берга, все вновь зашевелилось на островѣ. Онъ, переѣзжая въ легкихъ финскихъ саняхъ, въ которыхъ крестьяне возятъ песокъ, лично (въ апрѣлѣ 1855 г.) осмо-



Крѣпость Свеаборгъ.

Изд. въ Carlsruhe.

Нарисовано по наброску Эрика Свейнсона въ 1854 г.

трѣлъ всю прилегающую мѣстность и избралъ пункты для постройки четырехъ новыхъ батарей. Солдатамъ роздали двойныя палатки, доски для половъ, солому для настилки и отправили на работу. Лѣсъ и песокъ разрѣшено было брать на мѣстѣ безъ особыхъ переговоровъ съ обывателями. Гражданскій губернаторъ, камергеръ Лангеншельдъ, оказывалъ со своей стороны всякое содѣйствіе. Къ 3-му іюня, т. е. ко времени пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича, батареи были почти закончены, а 10 іюня тремъ изъ нихъ пришлось уже принять участіе въ отраженіи 31 пушечнаго фрегата, явившагося для промѣровъ. Наконецъ, рѣшено было соорудить еще двѣ батареи, на 16 и 8 орудій. Работали и днемъ и ночью. Къ 28-му и 29-му іюля 1855 г. батареи были въ полномъ порядкѣ и этотъ вновь созданный изъ 9-ти батарей „истинный форпостъ“, какъ изволилъ назвать его Великій Князь Николай Николаевичъ, встрѣтилъ нѣсколько запоздавшаго съ прошлаго года непріятеля должнымъ образомъ.

Говоря о веркахъ Свеаборга, необходимо отмѣтить, что крѣпость эта вообще не имѣла передовыхъ фортовъ и потому она была подвержена бомбардированію.

Для обороны Гельсингфорса съ западной стороны построено было, по мысли ген.-л. Рокасовскаго, шесть прибрежныхъ батарей (за Брунспаркомъ у Рёбергенъ). На нихъ поставили 38 орудій. Недостававшую на это сумму (25 тыс. р.) уплатили изъ русскихъ денегъ „военнаго капитала“ [65]).

Какія-же наши морскія силы были сосредоточены около Свеаборга? Прежде всего здѣсь находились суда 3-й флотской дивизіи [66]). На всѣхъ его (14-ти) судахъ имѣлось 143 штабъ и оберъ-офицера и 6793 нижнихъ чина и болѣе 700 (770?) орудій разныхъ размѣровъ. Начальникомъ дивизіи состоялъ вице-адм. Я. А. Шихмановъ. По численности эта дивизія представляла внушительную силу; но она была парализована для дѣйствія [67]).

Кромѣ того, около Свеаборга находилась Финляндская шхерная флотилія, подъ начальствомъ В. А. Епанчина, которая состояла изъ двухъ бригадъ [68]).

На однѣхъ лодкахъ имѣлись двѣ 24-фунтовыя пушки, а на другихъ—пушка и полупудовый единорогъ. Пароходы приданы были лодкамъ для бóльшей подвижности и поворотливости. Строевые чины назначены были для дѣйствія при орудіяхъ; для самозащиты ихъ вооружили ружьями. Ополченцы имѣлись для гребли, а для защиты имъ даны были топоры и частью ружья [69]).

Шхерная флотилія должна была защищать пространство берега отъ Выборга до Свеаборга. 1-ая бригада въ началѣ мая (1854 г.) перешла въ Роченсальмъ, гдѣ предполагалось сосредоточить всѣ запасы I-й бригады и устроить лазаретъ; но уже въ концѣ мая ген.-л. Рокасовскій вернулъ отрядъ на островъ Друмсэ. Вторая бригада оперировала около Або и Бьернеборга. При одномъ переходѣ лодки были застигнуты сильной зыбью; качества лодокъ оказались хорошими, но тѣмъ не менѣе, какъ говорится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, „конечно, въ случаѣ нападенія непріятеля, лодки, не имѣя возможности раскрѣпить орудій, были бы въ беззащитномъ положеніи“ [70]).

Въ виду того, что уже въ концѣ 1854 г. линейный корабль „Андрей“ и фрегатъ „Цесаревичъ“ давали течь, командующій войсками ген. Бергъ оставилъ только „Россію“ и „Іезекіила“. Съ остальныхъ сняли прислугу и орудія для береговыхъ батарей. Государь (въ февралѣ 1855 г.) соизволилъ согласиться на такое распоряженіе [71]). Въ іюлѣ 1855 г. на Свеаборгскомъ рейдѣ, въ Лонгернскомъ проливѣ были, съ Высочайшаго соизволенія, затоплены блокшифы (подъ №№ 9 и 10). Всего въ разныхъ проходахъ, ведущихъ къ Свеаборгу, было затоплено 11 лодокъ [72]). Нѣкоторыя лодки, за негодностію, были вытащены на берегъ. Такъ что въ Свеаборгѣ, въ моментъ бомбардированія, состояло всего 42 канонерскія лодки [73]).

Около Свеаборга имѣлись, наконецъ, минныя заграждения (44 гальваническихъ и 950 нобелевскихъ минъ) [74]). Минированы были преимущественно доступы къ городу съ запада, между островами. Пространство между островами Сандгамомъ, Вестеръ-грунтъ и Эстеръ-грунтъ также было минировано, причемъ гальваническая батарея находилась на Сандгамѣ. Мины ставились на якоряхъ, балластѣ или особыхъ чугунныхъ сегментахъ. Русскія мины, изобрѣтенныя профессоромъ Якоби, имѣли форму конуса; отъ вершины конуса шла веревка къ камнямъ или якорямъ. Внутренность мины дѣлалась изъ листового цинка; въ нижней камерѣ помѣщался слабый зарядъ пороха, въ верхнюю—вставлялся запалъ со взрывчатымъ веществомъ. Взрывы были слабы отъ малаго заряда и недостаточной герметической укупорки [75]). Минныя заграждения у Свеаборга были устроены штабсъ-капитаномъ Сергѣевымъ [76]). Минныя же работы поручены были въ 1855 г. купцу-механику Нобелю, который находилъ берега Финляндіи особенно удобными для минированія [77]). Минное дѣло было тогда еще совершенно

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ

Ската-Удденъ

Мере Хольмъ

Бусъ Хъ

Блекъ Хольмаръ

Хель

Берг-Хольмъ

Киекъ Хольмъ

Рентанъ

Вестер-Свартъ-э

Лонанъ

П. Бенамаръ

Кальфъ

Хольмъ

К. Ленокиль

Лонгъ-Эрикъ

Лилла-Эстеръ-Свартъ-э

Стура-Эстеръ-Свартъ-э

СВЕАБОРГЪ

Варг-

энъ

К. Россія

Густа-Свартъ

Ф. Цесаревичъ

Рен-шеръ

Скот-Ландъ

Кунгсъ Хъ

Вестеръ Удденъ

Эстеръ-ухг-Хольмъ

Клуббъ

Кутг-Энъ

Миелк-э

Газверъ Ирукъ

Лонгъ Эрикъ

Абрахамсъ Хольмъ

Батарея возведенная непріятелемъ

Нюа Рентанъ

Скуг-Хольмъ

Лонгъ Харанъ

Лонгъ Хелланъ

Скуг-Шеръ

Хель

Клиппоръ

Ирохарунъ

Стура Эншеръ

рут-Хелланъ

Лонгъ-шеръ

Флатъ-Хелларъ

Масштабъ въ верстахъ

Маскъ Хъ

Стуръ

Хольмъ.

Хара

Ред-холмъ

Эрикъ

Миель-э-Киекъ

Торръ Миель-э

Стура Миель-э

Миель-Хелленъ

Планъ гор. Гельсингфорса и крѣпости Свеаборга.

новымъ и неудивительно, что съ нимъ справлялись не вполнѣ удачно. Нашъ крѣпостной пароходъ „Медвѣдь“ (подъ командою Волжскаго) задѣлъ одну изъ минъ, но отдѣлался легкими поврежденіями главнымъ образомъ благодаря тому, что взрывъ произошелъ у борта, а не подъ дномъ [78]). Минами заградили только одинъ Свеаборгъ (по заключенію инженеръ-генерала Дена).

Конечно, при такой поспѣшности, съ которой приходилось вооружать крѣпости и флотъ, не обходилось безъ сумятицы и путаницы. Вотъ маленькій, но схваченный съ натуры, эпизодъ. Извѣстному поэту А. Фету-Шеншину, состоявшему тогда на военной службѣ, пришлось квартировать въ остзейскомъ краѣ. Въ мартѣ 1854 года Фетъ ѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту служенія. „Погода“, — отмѣтилъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — „изъ снѣжной и морозной измѣнилась въ теплую и дождливую, превращая путь нашъ въ снѣжную кашицу по колѣно лошади. Конечно, для насъ не стали бы церемониться, но передвигали не только нашу артиллерію, но и осадную, и потому дорога была занята тысячами чухонъ, расчищавшихъ снѣгъ. Ѣдемъ и нагоняемъ засѣвшій въ сугробы обозъ съ санями, въ которыя запряжены по двѣ и по три тройки, и намъ приходится въ одинъ конь пробираться мимо этой кричащей и загораживающей дорогу вереницы. „Куда это вы братцы?“—спросишь обознаго солдатика,— „осадныя орудія изъ Свеаборга въ Ригу веземъ“. Версты черезъ четыре обгоняемъ новый обозъ съ красными флагами. „Куда вы“? „Изъ Свеаборга въ Ригу порохъ доставляемъ“. Черезъ нѣсколько верстъ попадаются навстрѣчу такіе же обозы, везущіе осадныя орудія изъ Риги въ Свеаборгъ. Ясно, что люди и лошади надрывались вслѣдствіе канцелярской неурядицы [79]).

Вся линія свеаборгской обороны, въ виду ея большого протяженія (позиція тянулась на 13 верстъ, а по очертанію берега на 25 верстъ), была раздѣлена на три части: центромъ командовалъ исправляющій должность свеаборгскаго коменданта, инженеръ генералъ-лейтенантъ Сорокинъ; правымъ крыломъ генералъ-лейтенантъ Рамзай, а лѣвымъ генералъ-лейтенантъ Гильденштуббе [80]).

Современники съ похвалой отзываются о распорядительности и хладнокровіи генералъ-лейтенанта Сорокина—коменданта Свеаборга. Въ теченіи двухъ сутокъ бомбардированія онъ, какъ воинъ рѣшившійся умереть на посту, почти не сходилъ съ своего мѣста, отдавая нужныя приказанія. Затѣмъ, его вообще признавали за человѣка безъ особыхъ дарованій и нѣсколько самодурнаго. Съ

подчиненными былъ крутъ и въ обращеніи проявлялъ раздражительность. Онъ состоялъ вице-директоромъ Инженернаго Департамента и въ 1853 г. былъ командированъ для приведенія Свеаборга въ оборонительное положеніе. Задача досталась на его долю нелегкая, такъ какъ крѣпость въ продолженіи сорока лѣтъ была совершенно запущена. Исполнялъ онъ свою задачу усердно и энергично [81]). Помощникомъ коменданта состоялъ ген.-м. Алексѣевъ; начальникомъ артиллеріи былъ полковникъ Гатцукъ; инже-

Ген.-л. А. Ѳ. Сорокинъ I-й.
Комендантъ Свеаборга.

нерными работами вѣдалъ полк. М. Пасыпкинъ. Генералъ-маіору свиты Его Величества А. А. Баранцеву, бывшему до этого времени начальникомъ артиллеріи въ Свеаборгѣ, повелѣно было съ января 1855 г. завѣдывать всей артиллеріей Финляндіи [82]). Центръ позиціи составлялся изъ Свеаборга съ Николаевскою батареею и островами Скотландомъ (Александровскимъ) и Кунгсгольмомъ (Михайловскимъ). Всего при Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ сосредоточено было 50½ баталіоновъ, 12½ сотенъ и 52 полевыхъ орудія.

Главные входы на рейдъ были защищены бонами и тремя кораблями, изъ которыхъ 74-хъ пушечный „Iезекіилъ“ стоялъ между Лонгерномъ (Ключевымъ) и Вестеръ-Свартъ-Э (Стрѣлковымъ), 120-ти пушечный „Россія“—въ Густавсвердскомъ проливѣ, а 44-хъ пушечный фрегатъ „Цесаревичъ“ — между Кунгсгольмомъ и Сандгамомъ. Канонерскія лодки были поставлены за Сандгамомъ, у острова Маскъ-Э. Суда, поставленныя ко времени боя въ прохо-

Ген.-м. А. П. Алексѣевъ.
Помощникъ Свеаборгскаго коменданта.
Изъ собранія Б. М. Колюбакина.

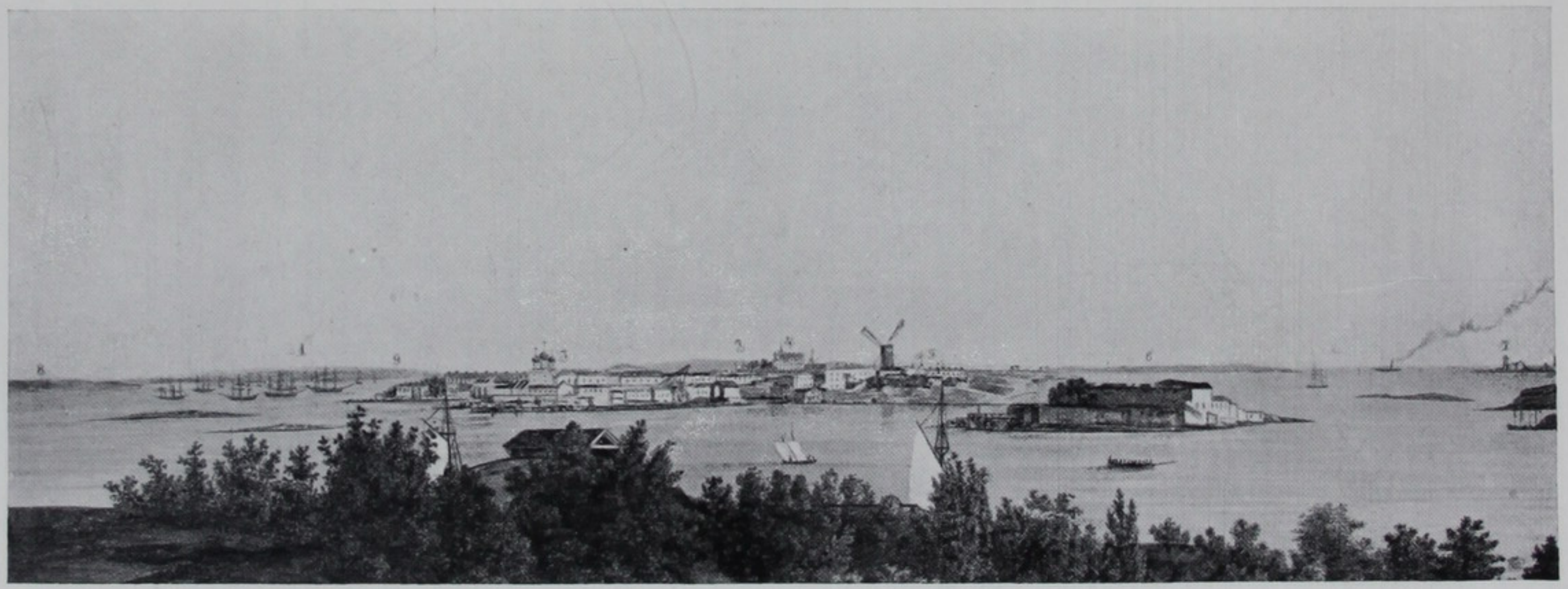
дахъ Свеаборга, поступили подъ начальство контръ-адмирала Шихманова. Начальникомъ отряда канонерской флотиліи состоялъ, какъ было указано, адмиралъ Епанчинъ, который находился на пароходѣ „Ильмень“.

Первые раскаты стрѣльбы съ свеаборгскихъ укрѣпленій раздались 10 іюня 1855 года. Фрегатъ „Амфіонъ“ (кап. Ки), имѣя впереди три шлюпки, снялся съ якоря у острова Стура-Міэль-Э и, видимо, пожелалъ сдѣлать рекогносцировку фарватера. Но

около Сандгама ему пришлось пройти мимо шести (№№ 3, 4, 5, 6, 7 и 8) вновь построенныхъ батарей, изъ коихъ каждая, по мѣрѣ приближенія и удаленія судна, встрѣтила и проводила его своими ядрами. Фрегатъ отстрѣливался изъ своихъ орудій большого калибра. Огонь нашихъ батарей оказался настолько мѣткимъ, что „Амфіонъ“ потерялъ одну шлюпку, получилъ 8 пробоинъ въ корпусѣ и поврежденія въ кормовой части и такелажѣ. Перестрѣлка продолжалась три часа. Судно вынуждено было уйти. У насъ: одинъ матросъ убитъ и нѣсколько контужено; непріятель оставилъ двѣ свѣжія могилы на островѣ Стура-Міэль-Э.

Рекогносцировка, произведенная адмиралами союзнаго флота, убѣдила ихъ, что атака Свеаборга возможна, а потому они предложили своимъ правительствамъ произвести бомбардировку этой крѣпости. Франція и Англія одобрили предложенія адмираловъ и отправили имъ бомбарды и канонерскія лодки. Когда эти суда присоединились къ флоту союзниковъ, Ричардъ Дондасъ и Пено приступили къ исполненію своихъ плановъ[83]).

Тишина, водворившаяся вокругъ крѣпости послѣ 10-го іюня, продолжалась теперь до конца іюля. Въ первыхъ числахъ іюля около острова Рёншеръ остановился винтовой корабль непріятеля; онъ занимался исключительно промѣрами. Черезъ нѣсколько дней къ нему подошло еще нѣсколько пароходовъ и такимъ образомъ въ виду крѣпости, но въ разстояніи не ближе 5 верстъ отъ нея, собралась маленькая флотилія изъ восьми судовъ. Главное ихъ занятіе заключалось въ промѣрахъ, для которыхъ они три ночи кряду передъ бомбардированіемъ подходили къ крѣпости [84]). 25-го іюля на горизонтѣ показался густой дымъ. Такого множества военныхъ судовъ никогда въ водахъ Свеаборга не сосредоточивалось. Любопытные высыпали на крыши. Вскорѣ для всѣхъ было ясно, что эскадра непріятеля держала курсъ на крѣпость [85]). Непріятельскія суда оставались въ разстояніи 4—5 верстъ отъ Свеаборга. Весь флотъ въ боевомъ порядкѣ, т. е. выдвинувъ впередъ бомбарды, плавучія батареи и канонерскія лодки, расположился по дугообразной позиціи между островами Міелькэ и Рёншеръ съ одной и островомъ Грохараномъ съ другой стороны, занявъ приблизительно пространство въ 1500 саженъ. На указанномъ пространствѣ бросили якорь 77 судовъ разной конструкціи; здѣсь было 10 кораблей, 7 фрегатовъ, 2 корвета, 16 бомбардъ, 25 канонерскихъ лодокъ, 4 плавучихъ батареи, 2 яхты, 3 транспорта, 1 яхта (бригъ)... всего 73 вымпела [86]). Обладаніе моремъ было такимъ образомъ



Крѣпость Свеаборгъ въ 1855 г.

Рисов. съ натуры В. Садовниковъ.

1. Рейдъ военныхъ кораблей. 2. Крѣпость. 3. Соборъ Св. Благов. Вел. Кн. Александра Невскаго. 4. Домъ коменданта. 5. Густавсвердъ (Артиллерійскій). 6. Лонгернъ (Ключевой). 7. Маякъ. 8. Кальвъ-гольмъ. 9. Сандгамъ (Лагерный).

вполнѣ обезпечено за союзниками и ихъ огромный флотъ, совершенно не занятый бомбардировкой, являлся готовымъ встрѣтить наши суда любой силы [87]). Суда расположились въ разстояніи болѣе чѣмъ 4-хъ верстъ отъ внѣшней линіи укрѣпленій. Нѣсколько впереди и почти посрединѣ позиціи непріятеля находился небольшой скалистый островъ Абрагамсъ-хольмъ (вѣрнѣе Лонгъ-Эрнъ) въ 1100 саженяхъ отъ крѣпости, на которомъ французы сейчасъ же приступили къ возведенію батареи изъ земляныхъ мѣшковъ (на три мортиры въ 11 дюймовъ). Порохъ помѣстили въ углубленіи скалы, прикрывъ основательнымъ блиндажемъ [88]). Все расположеніе англо-французскаго флота было отлично видно изъ Гельсингфорса, съ горы обсерваторіи. Едва суда заняли свои мѣста, какъ съ нихъ начали снимать снасти и нѣкоторыя выдающіяся принадлежности, почему можно было заключить о приготовленіи непріятеля къ дѣйствію. Когда ген. Бергу было донесено о расположеніи флота на указанной позиціи, то онъ, по словамъ г. Филиппеуса, состоявшаго при немъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, отказался повѣрить подобному извѣстію, такъ какъ на русскихъ секретныхъ картахъ мѣсто между Ренширъ и Грохаранъ, было отмѣчено, какъ имѣющее „опасныя скалы“ [89]).

Свеаборгъ спокойно ожидалъ надвигавшейся бури войны. Его защитникамъ преподано было въ сущности только два правила: избѣгать безцѣльной торопливости [90]) и стрѣлять лишь тогда, когда непріятельскія суда будутъ заходить въ сферу дѣйствія нашего огня. Послѣднимъ распоряженіемъ гарнизонъ предостерегался отъ безразсудной траты боевыхъ запасовъ, ибо извѣстно было, что непріятель обладалъ дальнобойными орудіями, значительно превосходившими вооруженіе крѣпости. Спокойствіе обывателей крѣпости сказалось въ томъ, между прочимъ, какъ разсказывалъ намъ очевидецъ А. К. Симчевскій (нынѣ генералъ-маіоръ), что 27-го іюля у коменданта былъ балъ и гости его были застигнуты за стѣнами укрѣпленій первыми выстрѣлами. Переправиться въ городъ было не легко подъ начавшимся дождемъ ядръ, да кромѣ того перевозчики стали требовать крайне возвышенную плату за доставку до материка [91]). Другой современникъ событія, генералъ-отъ-инфантеріи К. В. Комаровъ, состоявшій тогда въ чинѣ подпоручика адъютантомъ въ штабѣ Финляндіи, добавилъ намъ, что коменданту надлежало удалить всѣхъ женщинъ изъ крѣпости, но это распоряженіе онъ приводилъ въ исполненіе крайне неохотно и случайность привела къ тому, что

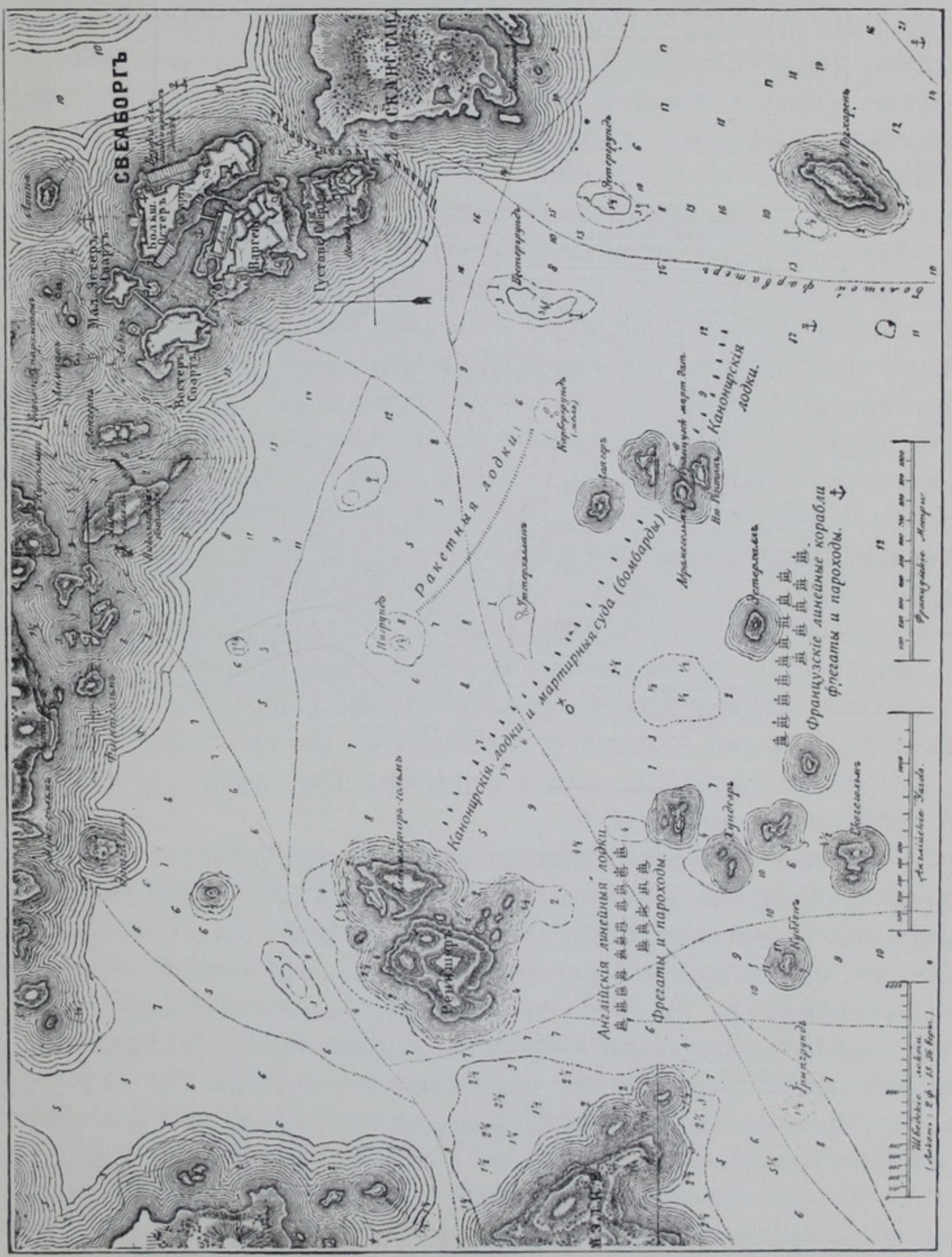
первой была ранена въ Свеаборгѣ жена капитана 2 ранга Баженова.

Въ 7 час. утра, въ четвергъ, 28-го іюля, съ непріятельскихъ судовъ сперва донеслось до горы обсерваторіи пѣніе псалма, а затѣмъ съ красиваго адмиральскаго корабля, съ бѣлой трубою, „Велингтонъ“ раздался сигнальный боевой выстрѣлъ. Началась осада Свеаборга и грозная картина боя стала постепенно развертываться.

Въ крѣпости послышались звуки тревоги, т. е. загремѣли призывные барабаны и трубы; солдаты быстро побѣжали къ своимъ мѣстамъ. Первые выстрѣлы были направлены на западную часть крѣпости, отъ Вестеръ-Свартъ-Э (Стрѣлковаго) до батареи въ Брунспаркѣ. Затѣмъ чугунный градъ посыпался на крѣпость. Сто орудійныхъ жерлъ ежеминутно выбрасывали тяжелые смертоносные снаряды въ одну и ту же неподвижную цѣль. Свистъ ядеръ и пуль, трескъ лопавшихся бомбъ и грохотъ орудій продолжались затѣмъ непрерывно 45 часовъ кряду! Во все время бомбардированія стояла прекрасная лѣтняя погода. Незначительный вѣтеръ дулъ по направленію къ крѣпости, отчего Свеаборгъ вскорѣ окутался густымъ пороховымъ дымомъ, изъ котораго изрѣдка мелькалъ огонь орудій, а вскорѣ показались длинные языки пожаровъ. Первый пожаръ начался въ 10 часовъ утра на Лилла-Остеръ-Свартъ-Э (Госпитальный), а въ 12 часовъ дня послѣдовалъ страшный взрывъ 4-хъ бомбовыхъ складовъ на Густавъ-Свердѣ (Артиллерійскомъ). Крѣпость переживала критическія минуты. Но и тутъ къ счастію, снаряды были взорваны не всѣ сразу, а пирамидами, послѣдовательно, въ теченіи трехъ минутъ. „По особой милости Божіей“, сообщалъ комендантъ, вредъ, причиненный взрывомъ, состоялъ въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Крѣпость запылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ; горѣли преимущественно деревянные домики, шлюпочные сараи, склады и мастерскія шведскихъ временъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ, ген. Бергъ телеграфировалъ гр. Граббе въ Ревель: „Пожары, произведенные въ Свеаборгѣ, ужасны“. При видѣ этихъ послѣдствій своей стрѣльбы, непріятель ликовалъ и вся линія его судовъ оглашалась радостными криками. Обороняющіеся же, стоя средь дыма и огня, тушили и отстрѣливались, не теряя мужества. Такимъ образомъ и флотъ, и крѣпость дышали огнемъ и гремѣли выстрѣлами [92]).

Видно было, что непріятелемъ руководило желаніе сжечь

крѣпость, оставаясь внѣ нашихъ выстрѣловъ, такъ какъ ни одинъ корабль его не находился ближе 2000 ярдовъ отъ крѣпости, а большинство мортирныхъ ботовъ—даже за 3000 (3700) ярдовъ [93]). Предусмотрительность англичанъ простерлась такъ далеко, что большія свои суда они поставили позади, чтобы охранить ихъ отъ всякихъ поврежденій. Стрѣлявшія же канонерскія лодки на-



План Свеаборга и располож. англо-французскаго флота при бомбардир. 28 и 29 іюля (9 и 10 авг.) 1855 г.

ходились въ постоянномъ движеніи по кругу, чтобы возможно застраховать себя отъ ядеръ крѣпости. И дѣйствительно, при такихъ условіяхъ, шансы попаданій для нашей артиллеріи были весьма малы. Бомбарды стояли въ шеренгахъ. Всѣхъ бомбардъ по показаніямъ однихъ было 16, по утвержденію другихъ — 21 (въ томъ числѣ пять французскихъ). Главнымъ оружіемъ, на которое болѣе всего возлагали надежды, были мортиры, поставленныя на спеціально для того построенныя парусныя мортирныя суда. Канонерскія лодки, вооруженныя, кажется, одной или двумя гаубицами большого калибра, представляли слѣдующее орудіе атаки [94]). Бомбарды были привязаны (на канатахъ въ 400 саженъ) къ пароходамъ, стоявшимъ на якоряхъ. Эта предосторожность имѣла въ виду подачу скорой помощи: въ случаѣ надобности ихъ могли оттащить назадъ. Четыре англійскихъ буксира были поставлены между кораблями и бомбардами, также для подачи помощи. Канонерскія лодки — это застрѣльщики въ бою и естественные покровители бомбардъ. Роль бомбардъ—осыпать непріятельскую крѣпость навѣсными выстрѣлами. Задачей плавучихъ батарей являлась борьба съ каменными стѣнами [95]). Ген.-л. Рамзай, наблюдавшій за судами со стороны, удостовѣряетъ, что французскія канонерки выходили болѣе впередъ и дѣйствовали живѣе и отважнѣе англійскихъ. Бомбарды могли дѣйствовать только днемъ, ночью ихъ замѣняли канонерскія лодки, которыя выдвигались впередъ и метали боевыя ракеты. Ракеты рѣдко достигали цѣли, но поддерживали извѣстный страхъ въ русскихъ и мѣшали имъ отдаться вполнѣ тушенію пожаровъ. — Днемъ канонерскія лодки старались привлечь на себя вниманіе осажденныхъ, чтобы бомбарды могли спокойно дѣйствовать и наносить большій вредъ крѣпости [96]).

Изрѣдка непріятель дѣлалъ попытки приблизиться на кононерскихъ лодкахъ къ крѣпости, но въ этихъ случаяхъ его не отпускали безнаказаннымъ. Множество обломковъ, принесенныхъ волнами къ нашимъ берегамъ, пароходъ, оттаскивавшій подбитыя канонерки на буксирѣ, и, наконецъ, подниманіе черныхъ флаговъ на тѣхъ судахъ, въ которыя попадали наши каленыя ядра и бомбы, все это, — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ боя, офицеръ М. Михайловъ,—свидѣтельствовало, что бомбардированіе непріятеля не обходилось ему даромъ [97]). Дѣлалъ непріятель также попытки приблизиться къ Скотланду (Александровскому) и Кунгсгольму, а также къ Лонгерну (Ключевому), но былъ удерживаемъ

мѣткими выстрѣлами съ корабля „Iезекіилъ“ и съ ближайшихъ батарей.

Въ первый день бомбардированія (т. е. 28 іюля) пострадала Александро-Невская церковь. Въ ней служили божественную литургію и молебенъ. При произнесеніи священникомъ словъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, бомба ударила въ западную стѣну ниже окна; а во время молебнаго пѣнія другая бомба пробила средній большой куполъ, причемъ изъ паникадила выпали всѣ свѣчи. Осколками снаряда повреждены были лампада передъ образомъ Св. Апостоловъ Петра и Павла и мѣстный образъ Св. Благовѣрнаго Вел. Кн. Александра Невскаго [98]).

Французская батарея на о-вѣ Абрагамсгольмѣ.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали рѣже, но общая картина сраженія много ужаснѣе. Непріятель принялся бросать въ крѣпость хвостатыя боевыя конгревовыя ракеты, которыя, свистя и шипя, разсѣкали воздухъ, оставляя за собой огненный слѣдъ и освѣщая все пространство боя. Все это, отражаясь среди темной ночи въ зеркальной поверхности моря, увеличивало впечатлѣніе и казалось, что самый воздухъ горѣлъ [99]). На буксирѣ бомбарды были отведены въ открытое море для пополненія боевыхъ припасовъ, которые сильно истощились. Въ 11 часовъ ночи ихъ поставили на прежнія позиціи.

Описанный огненный ураганъ, съ оглушительнымъ грохотомъ

орудій и пламенемъ пожаровъ, бушевалъ въ Свеаборгѣ и вокругъ него съ одинаковой силой въ теченіе всего 29-го числа. Пальба глухо слышна была въ Ревелѣ, до котораго по прямому разстоянію отъ Свеаборга 75 верстъ [100]).

Жители Гельсингфорса имѣли рѣдкій случай наблюдать всю эту огненную и кровавую драму отъ начала до конца съ горы обсерваторіи, откуда все было видно, какъ на ладони. Даже невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть самыя маленькія, едва возвышавшіяся надъ водой и находившіяся въ постоянномъ движеніи, непріятельскія суда, а также прослѣдить полетъ снарядовъ и обозрѣть весь боевой порядокъ флота союзниковъ. Поэтому на горѣ обсерваторіи постоянно находились толпы народа и военныя власти, а нерѣдко показывался также ген. Бергъ со своей свитой. Стоявшіе здѣсь имѣли возможность иногда насчитать до 600 выстрѣловъ, производимыхъ въ теченіе часа съ непріятельскихъ судовъ [101]). Свидѣтели перестрѣлки признавали огонь непріятеля весьма мѣткимъ. Цѣль была огромная и дѣйствительно большинство выстрѣловъ ложилось на территоріи крѣпости.

Относительно же отвѣтныхъ выстрѣловъ г. Elmgren писалъ, что они производились, видимо, только для поддержанія мужества гарнизона и чтобы убѣдить непріятеля въ томъ, что средства обороны не были ослаблены; сила нашего пороха,—прибавляетъ тотъ же очевидецъ, — была очень слаба. На долю Свеаборга выпала такимъ образомъ страдательная роль и бой, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходилъ, необходимо признать неравнымъ: союзники имѣли возможность наносить намъ вредъ, оставаясь сами внѣ дѣйствія свеаборгскихъ орудій.

Миновала ужасная кровавая ночь съ 28-го на 29-е іюля, когда огненные метеоры падали на крѣпость и когда бомбардированіе усилилось, вслѣдствіе принятія участія шести-орудійной мортирной батареи, построенной французами съ замѣчательной поспѣшностью на Абрагамсъ-хольмѣ (или Лонгернѣ) изъ земли, привезенной въ мѣшкахъ съ Наргена. Первые лучи солнца застали бой въ полномъ ходу: вся линія гремѣла орудійными раскатами! Крѣпость, какъ раньше, охвачена была огненной лентой. Около 10-ти часовъ утра на Густавъ-Свердѣ разыгралась драма, объ истинномъ ужасѣ которой въ пылу сраженія никто не подумалъ. Всѣ исполняли свой долгъ, не размышляя о важности или значеніи своихъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что въ капонирѣ Каіэтъ Гу-

ставсвердскаго укрѣпленія (на Артиллерійскомъ островѣ) находился пороховой погребъ, засыпанный, какъ принято, толстымъ слоемъ земли. Изъ погреба выходила небольшая труба, которая была сколочена изъ досокъ. Труба загорѣлась отъ непріятельскаго снаряда. Сотни лицъ видѣли эту трубу, но никому въ голову не пришло, во время приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе, что деревянной трубѣ не мѣсто надъ пороховымъ погребомъ. Теперь эта оплошность была у всѣхъ на глазахъ. Раз-

Поруч. Гадолинъ.

бираться въ дѣлѣ, конечно, некогда было: надлежало затушить огонь, или всѣмъ предстояла неизбѣжная гибель. Сейчасъ же вызвались охотники, и офицеры и нижніе чины, которые ринулись тушить огонь, чтобы не дать искрѣ упасть внутрь погреба. Воды подъ рукой не оказалось, почему пришлось прикрывать пламя полами шинелей. Огонь благополучно потушили и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, точно ничего особеннаго не было совершено, а между тѣмъ въ погребѣ находилось огромное количество по-

Поруч. Любовицкій.

роха! Герои, спасшіе крѣпость отъ взрыва, не отдали тогда себѣ надлежащаго отчета въ своемъ подвигѣ и считали лишь, что сдѣлали то, что необходимо было исполнить каждому, стоявшему тогда около погреба. О самомъ фактѣ даже забыли. Но случилось такъ, что одинъ изъ офицеровъ-героевъ, поручикъ артиллеріи А. В. Гадолинъ, былъ командированъ изъ Петербурга на лѣто 1855 г. въ Свеаборгъ и потому ему необходимо было получить отъ крѣпостного начальства надлежащее удостовѣреніе. Выдавая ему свидѣтельство, начальство отмѣтило также и его участіе въ тушеніи огня у порохового погреба. Прибывъ въ Петербургъ, Гадолинъ представилъ свидѣтельство начальству по мѣсту своего постояннаго служенія. Документъ, какъ водится, пришили къ дѣлу и, по прошествіи извѣстнаго времени, сдали въ архивъ. Прошло 15 лѣтъ. Михайловское артиллерійское училище собиралось праздновать свой 50-ти-лѣтній юбилей. При пересмотрѣ архива, документъ былъ отысканъ и такъ какъ онъ свидѣтельствовалъ о подвигѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ, то на него было обращено вниманіе и дѣло кончилось вознагражденіемъ въ 1871 г. трехъ офицеровъ георгіевскими крестами. Скромными героями оказались, кромѣ Гадолина, впослѣдствіи извѣстнаго академика и ученаго, Любовицкій, нынѣ командиръ корпуса, украшенный уже другимъ георгіевскимъ крестомъ и золотымъ оружіемъ и, наконецъ, генералъ Зиновьевъ, умершій лифляндскимъ губернаторомъ. Изъ нижнихъ чиновъ особую отвагу при тушеніи проявилъ фейерверкеръ Михѣевъ, первый вскочившій на крышу порохового погреба.

„Для отвлеченія вниманія войскъ“, какъ писалъ въ своемъ рапортѣ Р. Дондасъ, „онъ приказалъ 28 числа открыть дѣйствія также противъ фланговъ Свеаборгской крѣпости. Согласно этому распоряженію, два англійскихъ парохода и фрегатъ дѣлали попытки высадить десантъ на островѣ Друмс-э (нынѣ Графскомъ островѣ); но эта диверсія каждый разъ съ успѣхомъ отражалась нашими войсками, мѣткимъ огнемъ изъ ложементовъ. Все, что не-

пріятелю удалось достичь здѣсь, ограничилось поджогомъ лѣса и поврежденіемъ телеграфа, но огонь былъ скоро потушенъ, а телеграфъ на другой же день исправленъ [102]). По Ульрикасборгской и земляным Рёбергскимъ батареямъ непріятель стрѣлялъ лишь временами, не причинивъ имъ ни малѣйшаго вреда.

На другомъ флангѣ находился островъ Сандгамъ, которому также пришлось принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Утромъ 28-го іюля два англійскихъ корабля начали обстрѣливать островъ, но не были въ состояніи выдержать борьбы съ Сандгамомъ, который къ этому времени располагалъ уже 66-ю орудіями и капитанъ Веллъзли, только утѣшая себя въ неудачѣ, могъ донести, что „причинилъ значительный вредъ одной изъ его батарей“ [103]). По умѣренному разсчету, непріятель выпустилъ здѣсь до 400 выстрѣловъ. Прибавимъ кстати, что на этомъ островѣ были опущены въ могилу тѣла тѣхъ воиновъ, которые легли костьми за Царя и отечество въ теченіе 28-го и 29-го іюля, какъ въ Свеаборгѣ, такъ и на кораблѣ „Россія“. Вскорѣ надъ ихъ могилой, въ сосновомъ лѣсу, недалеко отъ залива, былъ поставленъ простой и скромный памятникъ (по проекту проф. барона Клота). Эта пирамида, увѣнчанная чугуннымъ крестомъ, остается единственнымъ памятникомъ кровавыхъ дней 1855 г. на Балтійскомъ побережьѣ [104]), если не считать чугуннаго креста на могилѣ храбраго подполковника Дергачева, около Экенеса.

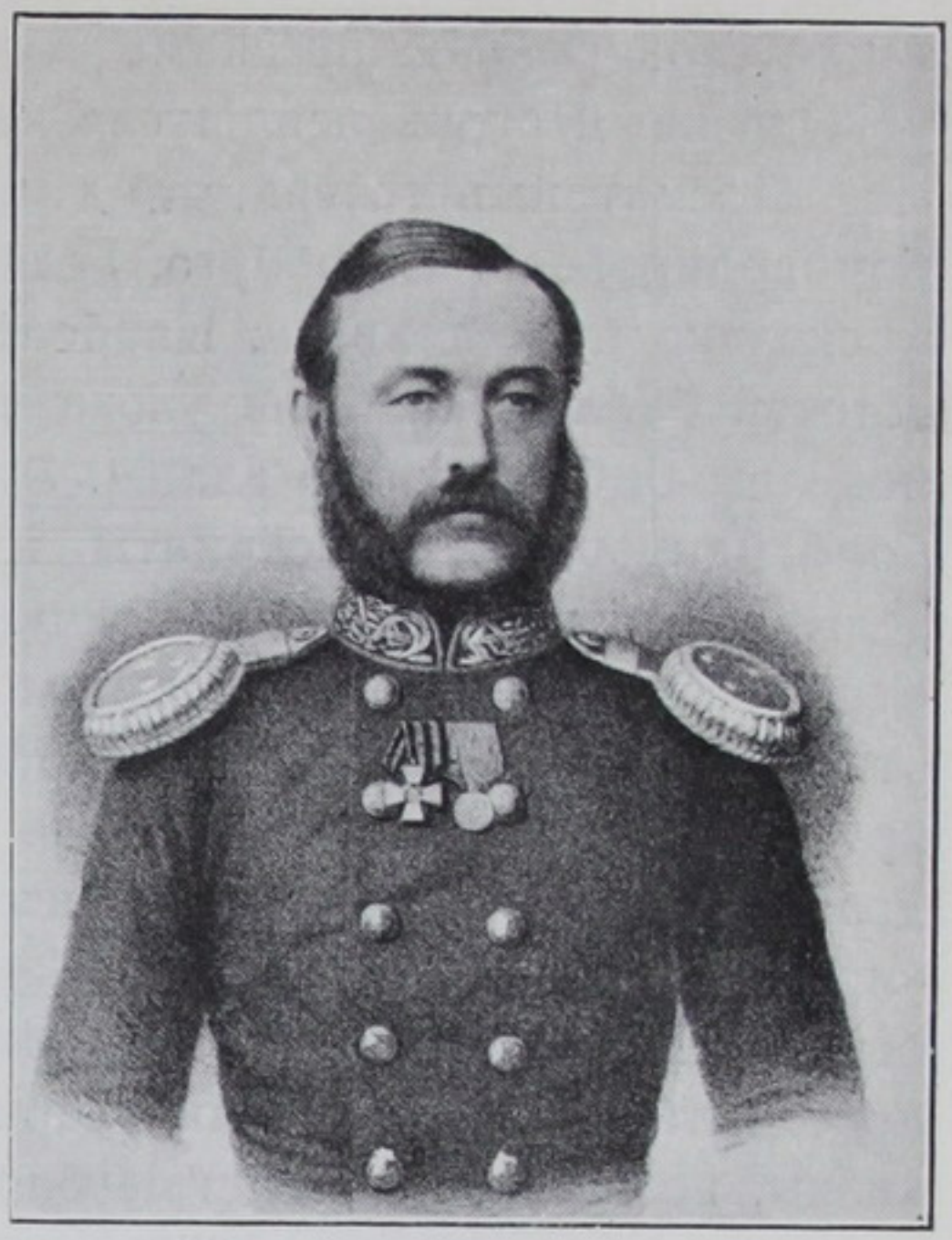
Матросъ Фейхо.
Изъ собр. Б. М. Колюбакина.

„Наиболѣе тяжелая участь во время бомбардированія Свеаборга выпала на долю корабля „Россія“: онъ оказался настоящимъ мученикомъ, опутаннымъ цѣпями въ узкомъ Густавсвердскомъ проливѣ. Съ того мо-

мента, какъ непріятель началъ стрѣлять по крѣпости, „Россія“ затряслась и застонала всѣмъ своимъ огромнымъ корпусомъ, подъ его навѣсными ядрами. Снаряды, перелетѣвшіе крѣпостныя стѣны, находили въ „Россіи“ удобную цѣль для пораженія и они съ ожесточеніемъ пробивали ея палубу, впивались въ ея борта, ломали снасти, рвали въ куски ея желѣзныя части; вода кипѣла и шипѣла отъ ядеръ вокругъ корабля. Трудно описать весь тотъ адъ, который проявился во всей бѣшенной силѣ на тѣсномъ пространствѣ корабля. Тутъ же приходилось переносить и дымъ, и огонь пожара, оглушающій трескъ снарядовъ, визги осколковъ; приходилось видѣть, какъ врачи производили перевязки и ампутаціи на солдатской койкѣ въ маленькой каютѣ, гдѣ полъ былъ смоченъ кровью людей и водой отъ пожарныхъ насосовъ; здѣсь же священникъ причащалъ Св. Таинъ или, съ крестомъ въ рукѣ, читалъ отходную. Къ довершенію ужаса, едва не загорѣлась крюйтъ-камера. Но къ счастью, среди экипажа нашлись многіе, которые раздѣляли мысль матроса Фейхо: „Все равно, братцы, что наверху, что здѣсь; ужъ если взорветъ, то всѣмъ поровну достанется“, и эти-то смѣльчаки, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Ф. С. Поповымъ, вступили въ отчаянную борьбу съ огнемъ и одолѣли его: пожаръ былъ потушенъ и корабль спасенъ. Когда затѣмъ приступлено было къ задѣлкѣ пробоины подъ крюйтъ-камерой, то, къ удивленію присутствующихъ, подъ осколками въ обшивкѣ найденъ былъ образъ Спасителя, и всѣмъ было ясно, Кому они обязаны были своимъ избавленіемъ отъ неизбѣжной смерти. 17 часовъ кряду „Россія“ геройски простояла подъ убійственнымъ огнемъ, потерявъ 11 человѣкъ убитыми, 89 ранеными и перенеся три большихъ пожара. Ночью этотъ корабль, пораженный 19-ю бомбами, отвезли, наконецъ, на буксирѣ въ безопасное мѣсто гавани. Поистинѣ здѣсь балтійскіе моряки мужествомъ и терпѣніемъ встали на ряду со своими товарищами севастопольцами [105]). Командиромъ „Россіи“ состоялъ капитанъ 1-го ранга Поплонскій, проявившій рѣдкое хладнокровіе и распорядительность, чему экипажъ также не мало обязанъ своимъ спасеніемъ.

„Россія“ не могла отстрѣливаться. Она, правда, произвела до 352 выстрѣловъ, но только изъ одной 36-фунтовой короткой камерной пушки. Корабль „Іезекіилъ“, подъ командою капитана I-го ранга Бровцына, все время бомбардированія простоялъ, какъ вѣрный часовой, у Лонгерна подъ градомъ ядеръ, бомбъ и ра-

кетъ. И его ранили, но изъ строя не вывели. Въ теченіи двухъ сутокъ онъ сдѣлалъ шестьдесятъ три выстрѣла. Въ Сандгамскомъ проливѣ поджидалъ врага еще фрегатъ „Цесаревичъ“ (кап. 2-го ранга Токмачевъ), готовясь грудью заслонить ему дорогу. Издали онъ задѣтъ былъ ракетой, которая произвела чувствительное сотрясеніе, но на близкое разстояніе непріятель не пришелъ мѣряться съ нимъ силою. На долю парохода-фрегата „Богатыря“ (кап. 2-го ранга Акуловъ) пришлось перевезти израненный корабль „Россію“ во внутреннюю гавань, гдѣ онъ сталъ внѣ выстрѣловъ союзниковъ.



Фил. Ст. Поповъ IV-й.
Подпоручикъ морской артиллеріи.

Въ теченіе двухъ дней послѣ бомбардированія флотъ непріятеля оставался на прежнемъ мѣстѣ.

30-го іюля съ горы обсерваторіи города Гельсингфорса наблюдалась слѣдующая картина: въ Свеаборгѣ раздался благовѣстъ соборнаго колокола, призывая обремененныхъ облегчить свою грудь у алтаря Всевышняго. Во флотѣ слышались шумъ и ликованіе непріятеля. Враговъ раздѣляла тихая поверхность моря и равнодушная природа сіяла обычною лѣтнею красой. Въ ночь на 31-е число въ крѣпость было брошено нѣсколько ракетъ. Въ 8 часовъ утра 1-го августа, въ понедѣльникъ, флотъ неожиданно для всѣхъ снялся съ якоря и скрылся изъ виду [106]).

Разсказываютъ [107]), что, послѣ нѣсколькихъ большихъ пожаровъ, Пено предложилъ своему англійскому товарищу войти съ флотомъ въ Свеаборгскій портъ; но тутъ адмиралы убѣдились, что наши батареи далеко еще не истреблены, что сами они лишены десанта, а потому, послѣ совѣщанія, рѣшили прекратить бомбардированіе. Англійскій адмиралъ боялся болѣе всего убыли въ своихъ корабляхъ.

Начальники единогласно засвидѣтельствовали, что всѣ офицеры и нижніе чины прекрасно исполнили свой долгъ, про-

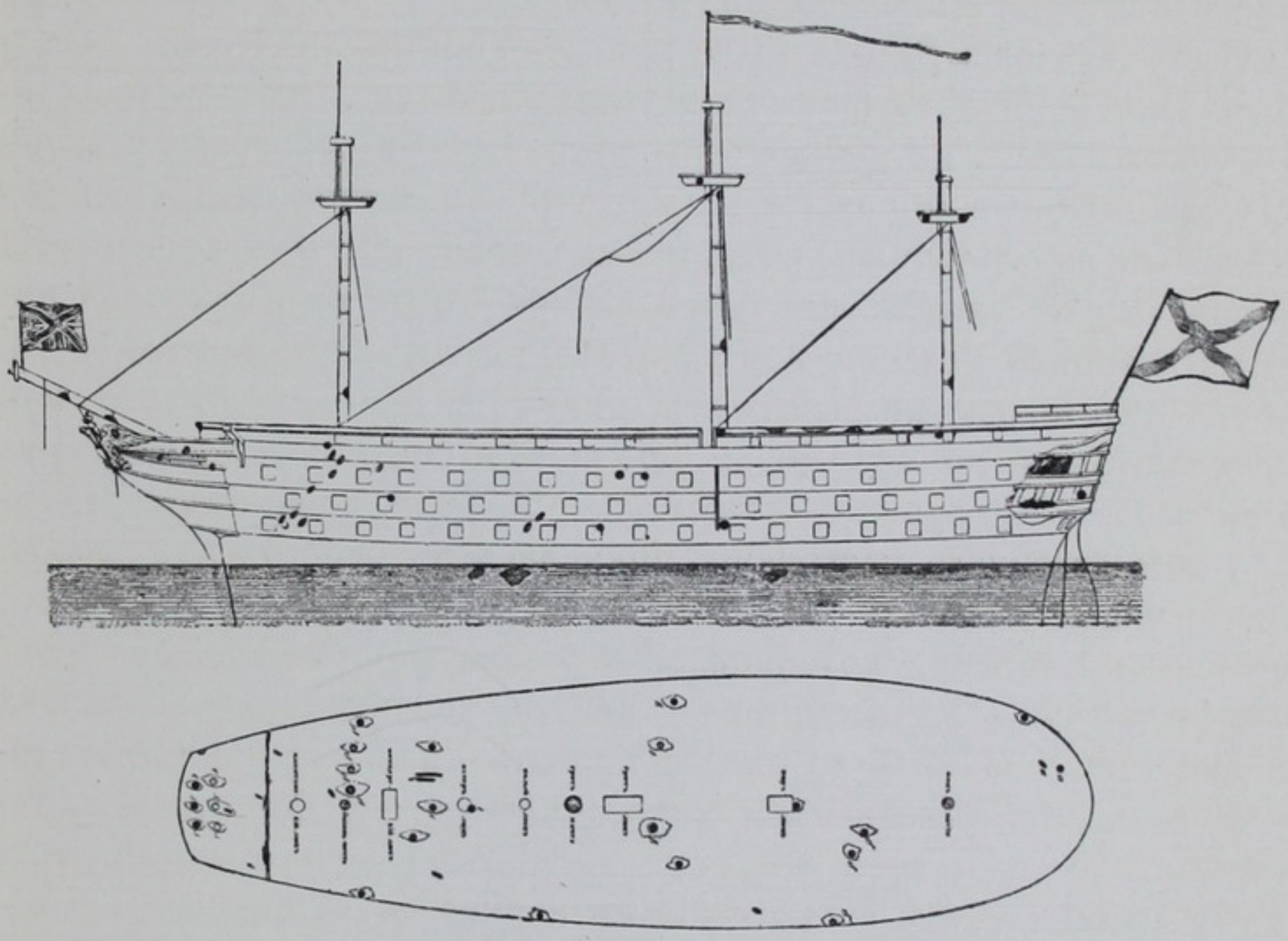
явили свойственное русскимъ воинамъ присутствіе духа и нигдѣ убійственный огонь непріятеля не смутилъ храбрецовъ [108])!

XV Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Гельсингфорсѣ во время бомбардированія Свеаборга. Гельсингфорсъ, предчувствуя грозу, нѣсколько приготовился. Наиболѣе дорогіе экземпляры университетской библіотеки были уложены въ 30 мѣшковъ и спрятаны въ подвалы библіотечнаго зданія. Это было сдѣлано въ день первой бомбардировки. Манускрипты и отдѣленіе Fenika были значительно ранѣе упакованы въ ящики и отвезены въ Лауко (Laukko) Весилаксъ (Wesilaks Socken). Валюта банка [109]) была первоначально отправлена въ Тавастгусъ, а затѣмъ въ С. Михель. Чтеніе лекцій прекратилось мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго [110]). Вообще же драгоцѣнности были скрыты въ подвалахъ подъ Николаевской киркой. Предполагаютъ, что нѣкоторыя сокровища университета были тамъ же запрятаны, но весьма секретно. Университетскій персоналъ, въ виду каникулярнаго времени и общей дороговизны, возникшей вслѣдствіе блокады и многочисленнаго постоя, выселился въ деревни на дачное житье. Одинъ изъ очевидцевъ канонады Свеаборга, S. G. Elmgren (Эльмгренъ), оставилъ слѣдующее описаніе происходившаго въ эти дни въ Гельсингфорсѣ [111]).

Вечеромъ 29-го іюля въ городъ вошелъ новый русскій полкъ, по слухамъ, въ числѣ 4-хъ тыс. человѣкъ, но вѣроятно, значительно меньшаго состава, и расположился бивакомъ въ Кайсаніеми-паркѣ среди деревьевъ. Сила эта предназначалась или для противодѣйствія непріятельской высадкѣ, или для подкрѣпленія уставшаго свеаборгскаго гарнизона. Въ теченіе недѣли полкъ простоялъ въ паркѣ, который на это время былъ закрытъ для публики. Дисциплина тогда въ войскахъ была настолько водворена, что по уходѣ полка изъ парка, ни одно дерево не оказалось попорченнымъ. Никакихъ жалобъ и нареканій не было слышно отъ содержателя гостинницы, всегда находившейся въ этомъ паркѣ. Воздухъ оглашался солдатскими пѣснями... Когда затѣмъ полкъ ушелъ, то о недавней стоянкѣ напоминали въ первое время только кучи соломы, на которой спали солдаты.

Странно, что въ городѣ распространился страхъ къ врагу именно послѣ того, какъ бомбардировка окончилась. Типографіи стали прятать свои шрифты въ подвалы, а одна изъ нихъ (въ которой печатались „Гельсингфорскія Вѣдомости“ — Helsingfors Tidningar) перебралась на Вракъ-гольмъ (сосѣдній съ Хегхольменъ), гдѣ было напечатано два нумера этой газеты, которыя въ пу-

бликѣ назывались Vrakholms Tidningar. Одна — другая лавка закрылась уже въ пятницу (10-го августа нов. стиля), а остальныя въ субботу. Одна бомба упала на набережной города, около магазиновъ, расположенныхъ по дорогѣ къ Брунспарку. Другое ядро долетѣло до Rödbergen и осколки его достигли Георгіевской (у Bangatan) и Большой Робертской улицъ. Это было, по словамъ Эльмгрена, единственное ядро, упавшее въ самомъ городѣ; оно не причинило никакого замѣтнаго вреда. Видимо, что здѣсь непріятель щадилъ городъ и частную собственность. Только въ



Чертежъ поврежденій 120 п. корабля „Россія“, полученныхъ во время бомбардированія Свеаборга.

Брунспаркъ попало около дюжины бомбъ, причинившихъ менѣе вреда, чѣмъ опасались.—Одна бомба проникла въ зданіе ваннъ и, пройдя черезъ крышу и полъ верхняго этажа, разрушила печку въ нижнемъ этажѣ, а затѣмъ застряла въ землѣ подъ поломъ; осколкомъ другой бомбы разбито было стекло въ томъ же зданіи, а другой осколокъ попалъ въ женскую купальню и, наконецъ, одна бомба разорвалась у лѣстницы гостинницы Брунспарка. Пожара онѣ не произвели и ущербъ, причиненный ими, легко былъ исправленъ. Тотъ же очевидецъ насчиталъ всего около девяти

выбоинъ въ предѣлахъ этого парка [112]). Изъ воспоминаній другого современника видно, что въ Брунспаркѣ была одна человѣческая жертва: бомбой убита была наповалъ маленькая дѣвочка (воспитанница инженеръ-механика Рихтера), игравшая на берегу залива. Ее похоронили съ почестями, какъ убитую на войнѣ [113]).

Бомбардировка прекратилась, но непріятельскія суда оставались въ теченіе двухъ дней (субботы и воскресенія) на своихъ прежнихъ мѣстахъ, и только въ понедѣльникъ (13-го авг. н. ст.) рано утромъ они снялись съ якоря. Вмѣсто того, чтобы успокоиться, населеніе города было охвачено почти паническимъ страхомъ. Оно принялось поспѣшно укладывать свой скарбъ и длинный рядъ возовъ потянулся за городъ. Всѣ разсуждали такъ: непріятель никоимъ образомъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ ничтожнымъ результатомъ, который имъ до сихъ поръ достигнутъ, и разъ ему не удалось овладѣтъ Свеаборгомъ, онъ сдѣлаетъ попытку разорить Гельсингфорсъ. Возраженію, что уничтоженіемъ города онъ ничего не выиграетъ, никто не внималъ. Многіе изъ тѣхъ, которые до сей поры оставались спокойными, охвачены были теперь лихорадкой переселенія и, подъ вліяніемъ временнаго общественнаго настроенія, поднялись въ субботу изъ города. Другіе уложили свое имущество, но рѣшились приступить къ его перевозкѣ лишь при возобновленіи бомбардированія.

Интересное зрѣлище представляла Генриковская эспланада ночью: тутъ можно было видѣть кровати съ колыбелями, въ которыхъ лежали дѣти — ангелы мира, кушетки, на которыхъ спали старые холостяки; тутъ же старушки разсуждали о послѣднихъ дняхъ вселенной. Въ воскресеніе въ церквахъ говорились проповѣди на текстъ: „Христосъ плакалъ надъ Іерусалимомъ“. Настроеніе было особенно тяжелое. Въ Телэ (окраинѣ Гельсингфорса) все движимое имущество было вынесено изъ помѣщеній. На островѣ Хегхольмѣ не менѣе идиллично поселилось 30 семействъ. Тутъ же появились даже походныя лавочки съ товарами первой необходимости. Большинство однако искало убѣжища въ деревняхъ на сушѣ. Къ счастью, погода въ эти дни была довольно хорошая, почему бивачная жизнь подъ открытымъ небомъ не имѣла дурныхъ послѣдствій [114]).

Въ понедѣльникъ, когда отъ непріятельскаго флота не осталось ни единаго судна, немногочисленное населеніе стало успокаиваться, торговцы открыли лавки и магазины, всѣ приступили къ

Видъ бомбардированія Свеаборга 28-го іюля 1855 г.

Рис. Свенторжецкій.

обычнымъ занятіямъ, но выселившіеся изъ города не сразу еще рѣшились вернуться въ свои дома [115]).

Р. Дондасъ, отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, доносилъ англійскому правительству о значительномъ числѣ разрушенныхъ имъ въ Свеаборгѣ зданій и о томъ, „что впереди не представлялось относительной выгоды, если бы продолжалось бомбардированіе еще и на слѣдующій день". Французскій адмиралъ рапортовалъ, что „ударъ нанесенъ непріятелю жестокій". „Times" довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, что во время бомбардированія у русскихъ было убито до 2-хъ тысячъ человѣкъ, истреблено 14—15 судовъ и вообще причиненъ убытокъ на $1^1/_2$ мил. фунтовъ стерлинговъ. „Moniteur Universel" пошелъ еще далѣе и заявилъ, что городъ Гельсингфорсъ лежитъ въ пеплѣ, а „Sveaborg n'existe plus". Эти небылицы повторяются до сихъ поръ въ западной печати. Лейтенантъ Грассе [116]) утверждаетъ, напр., что „ущербъ, причиненный русскимъ, былъ чрезвычайно великъ". Надо признаться, что въ свое время не мало всевозможныхъ несообразностей циркулировало также и въ русскомъ обществѣ о бомбардированіи Свеаборга. Въ воспоминаніяхъ, напр., кап.-лейт. Асламбегова, который находился тогда въ Севастополѣ, читаемъ слѣдующее: „Въ первый день бомбардированія Свеаборга, по глупости начальства, весь гарнизонъ поставленъ былъ въ ружье и отъ этого потеряли болѣе 500 чел.; боялись, чтобы канонерская лодка не пошла на штурмъ гранитныхъ скалъ. А второй день, какъ разсудили, что паромъ и бомбою не взойдешь на скалу и убрали гарнизонъ, то потеря была 17 человѣкъ, а въ третій день—3. Попова послалъ Государь сравнить бомбардированіе Свеаборга съ Севастополемъ! Похоже, какъ заяцъ на корову" [117]).

„Вы, конечно, видѣли изъ газетъ,—писалъ гр. Нессельроде къ ген.-адъют. Бергу, — что нашъ непріятель съ своей стороны праздновалъ побѣду и, какъ всегда, наполнилъ всю Европу своей ложью... Но скоро правда станетъ для всѣхъ ясна" [118]).

Дѣйствительные убытки сводятся къ слѣдующему. Уронъ людьми у англичанъ не превысилъ 33 чел.; по донесенію адмирала Пено, французы никого не потеряли. — Судовъ у нихъ было повреждено—18. Французская эскадра выпустила всего 4.150 снарядовъ (въ томъ числѣ 2.668 бомбъ [119]). По англійскому разсчету, однѣ ихъ бомбарды произвели 6.000 выстрѣловъ. По другому источнику (журналу „Revue Britanique") бомбарды бросили въ крѣпость 3.099 бомбъ (13-ти дюймовыхъ), а канонерскія лодки—11.200

ядеръ и гранатъ [120]). Всего же, говорятъ, брошено было въ крѣпость, въ теченіе 45 часовъ непрерывной бомбардировки, около 18.500 снарядовъ (нѣкоторые утверждаютъ, что число ихъ доходило даже до 22.000). Какой бы подсчетъ ни явился болѣе вѣрнымъ, одно несомнѣнно, что крѣпость находилась подъ „адскимъ огненнымъ дождемъ“, такъ какъ къ ядрамъ и бомбамъ надо прибавить до 700 конгревовыхъ ракетъ, какъ телеграфировалъ ген.-адъют. Бергъ гр. П. Х. Граббе въ Ревель (30 іюля). По исчисленію нашего морского вѣдомства, въ Свеаборгъ брошено было 60.000 пудовъ чугуна [121]); иностранные писатели говорятъ, что ихъ флоты при бомбардированіи израсходовали 2.500.000 фунтовъ желѣза и свинцу и 250.000 фунтовъ пороха [122]). По свѣдѣніямъ ген.-лейт. Богдановича, на заряды потребовалось до 12.000 пудовъ пороха. Если къ стоимости израсходованнаго матеріала приложить доставку его и порчу орудій и судовъ, то одно только бомбардированіе Свеаборга обошлось союзникамъ, по ихъ собственному исчисленію, примѣрно, въ 5 милліоновъ франковъ (или 1½ мил. руб. [123]). Снаряженіе же и содержаніе въ Балтійскомъ морѣ флота стоило Англіи, по словамъ „Times“, не менѣе 250 мил. франковъ, т. е. до 75 мил. рублей. Французская эскадра составляла около трети англійской, почему ея содержаніе и снаряженіе, въ теченіе четырехъ мѣсячнаго плаванія въ Балтійскомъ морѣ, должно было обойтись казнѣ около 25 мил. фр. Такимъ образомъ кампанія 1855 г. стоила союзникамъ, примѣрно, около 100 мил. руб. [124]).

Наши убытки свелись къ слѣдующему: убитыхъ и умершихъ отъ ранъ свеаборгскаго гарнизона и матросовъ было 62 чел. [125]) и раненыхъ 199 ч.—Гарнизонъ крѣпости потерялъ убитыми 42 чел. и ранеными 110 чел.; на кораблѣ „Россія“ было убито 11 чел. и ранено 88 чел.; на кораблѣ „Іезекіилъ“ раненъ былъ одинъ матросъ. Огнемъ непріятеля истреблена значительная часть деревянныхъ построекъ крѣпости (по отчету 1850 г. ихъ имѣлось всего 220, а каменныхъ 58 [126]). Комендантскій домъ, стоявшій на возвышенной части крѣпости, былъ поврежденъ. Ядромъ пробило кулъ собора и осколками его повреждены нѣсколько стѣны храма и образъ Св. Александра Невскаго [127]).

Повреждены были корабль „Россія“, двѣ — три канонерскія парусныя лодки и утрачено было значительное количество кораблестроительнаго матеріала и судовыхъ вещей. — Отстрѣливаясь отъ непріятеля, Свеаборгъ, по донесенію командира Свеаборгскаго артиллерійскаго гарнизона, полковника Гатцука, выпустилъ

Гельсингфорсъ (въ 1853 г.).
Рисов. В. Тиммъ.

2.385 выстрѣловъ, причемъ пришли въ негодность 8 орудій, 19-ть лафетовъ, 23 платформы и 11 зарядныхъ ящиковъ [128]).—Наши убытки отъ сгорѣвшихъ зданій опредѣлены были въ 150.000 р.; да кромѣ того, общее присутствіе кораблестроительнаго департамента (17 окт. 1856 г.) приняло на счетъ казны 336,437 р. 26 к. убытковъ, послѣдовавшихъ отъ огня и утраты кораблестроительныхъ матеріаловъ, вещей и двухъ канонерскихъ парусныхъ докъ во время бомбардированія [129]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Свеаборгѣ собрано было мѣди, желѣза, стали, чугуна и олова на 6.318 р. 68 коп. Такимъ образомъ, нашъ уронъ и убытки въ общей сложности нельзя назвать значительными и комендантъ Свеаборга, не погрѣшая противъ истины, могъ донести,—какъ совѣтовала ему одна иностранная газета, — что церковь, военные корабли и укрѣпленія остались невредимыми. Такое заявленіе вполнѣ совпадало съ истиной. Достовѣрнымъ въ этомъ отношеніи и случайнымъ свидѣтелемъ является записная книжка гр. П. Х. Граббе, въ которой занесена депеша ген.-адъют. Берга отъ 30 іюля. Преимущественно семипудовыми бомбами и боевыми ракетами произведено „много пожаровъ; но верки крѣпости, батареи и артилерія очень хорошо устояли“ [130]). И дѣйствительно наши орудія были цѣлы, пороху и ядеръ оставалось достаточно, людей имѣлось на лицо необходимое количество, сообщенія съ материкомъ были свободны, провіантскіе припасы мало тронуты огнемъ, а стѣны крѣпости стояли, безъ малѣйшаго поврежденія, нетронутыми. 11 августа (1855 г.) Государь писалъ кн. М. Д. Горчакову: „Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Послѣ двухъ-дневнаго бомбардированія Свеаборга, не причинившаго крѣпостнымъ веркамъ и бата-

реямъ никакого вреда, союзные флоты направились къ Ревелю“ [131])... Недаромъ нѣкоторыя газеты Запада негодовали на союзный флотъ и спрашивали, почему Свеаборгъ не истребленъ? Другіе органы печати (напр., „Nautical Standart“) иронизировали надъ англійскимъ адмираломъ и писали, что въ разсчеты Дондаса вовсе не входило производить общую атаку на укрѣпленія кораблями, что онъ не находилъ нужнымъ превращать укрѣпленія Свеаборга въ груду развалинъ и т. п. Если бы представилась какая-нибудь возможность вплести „сѣверный Гибралтаръ“ въ вѣнокъ побѣдъ Альбіона и Галліи, то союзники, конечно, не упустили бы подобнаго случая. Они сдѣлали что могли: пострѣляли непрерывно 45 часовъ, бросили въ крѣпость отъ 18.500 до 22 тысячъ снарядовъ, сожгли деревянныя ея постройки, но далѣе они пойти не могли, ибо лишены были къ тому главнѣйшихъ средствъ. Надо помнить, что десанта союзники не имѣли и что двухъ-суточная пальба настолько сильно повредила ихъ бомбарды и мортиры, что безъ исправленія дальнѣйшее ихъ употребленіе сдѣлалось не мыслимымъ; наконецъ, отдача орудій крайне вредно повліяла на прочность судовъ. Иначе говоря, союзники были вынуждены прекратить бомбардированіе.

Это обстоятельство достаточно удостовѣрено въ настоящее время самими непріятелями. Къ журналу „Mémorial de l'artillerie de la Marine“ за 1890 годъ было приложено сочиненіе „Historique de l'Artillerie de la Marine“ 1692—1889“, въ которомъ, по поводу бомбардированія Свеаборга (на стр. 138—190), говорится между прочимъ, что англійскіе и французскіе бомбарды расположились на рейдѣ, въ разстояніи около 4.000 метровъ (1875 саж.) отъ крѣпости за островомъ Абрагамъ.—Осадная батарея, возведенная на этомъ островѣ, „дала очень хорошіе результаты“, какъ писалъ контръ-адмиралъ военному министру Франціи, и можно сказать, что „лучшіе и наиболѣе дѣйствительные выстрѣлы были произведены съ мортирной батареи острова. Наэлектризованные примѣромъ, который подавали капитанъ Sapia и Муретъ, артиллеристы дѣйствовали непрерывно весь день и причинили много вреда непріятелю... Одну мортиру разорвало въ теченіи дня и ее замѣнили двумя другими“ [132]). На другой день (10 авг. нов. ст.) бомбардированіе возобновилось. Русскіе горячо отвѣчали. „Они направляли свой главный огонь на мортирную батарею острова Абрагама, гдѣ развѣвался французскій флагъ. Осколки бомбъ и камней покрывали скалы острова... Въ концѣ дня мортиры острова были

уже не въ состояніи продолжать огонь: сильные заряды, которые приходилось употреблять, привели ихъ въ негодность. Тоже самое произошло съ мортирами на англійскихъ бомбардныхъ судахъ. Это и было причиною, положившею конецъ бомбардированію Свеаборга“ (Ce fut cette circonstance qui mi fin au bombardement de Sveaborg).

Въ томъ-же смыслѣ высказался, непосредственно послѣ свеаборгскаго дѣла, одинъ раненый англійскій офицеръ нашему вице-консулу въ гор. Висби (на Готландѣ) Стару (Stare). Офицеръ призналъ, что предпріятіе у Свеаборга оказалось неудачнымъ и оно сильно повліяло на духъ во флотѣ. Вслѣдствіе усиленной стрѣльбы у англичанъ разорвало 16 мортиръ, а остальныя безъ исключенія дали трещины [133]). На это же обстоятельство указалъ и Непиръ въ своемъ письмѣ къ издателю „Times“. Изъ Англіи послали, продолжаетъ онъ, подкрѣпленіе, которое пришло въ тотъ моментъ, когда адмиралъ Дондасъ принялъ мудрое рѣшеніе отослать назадъ всѣ мортирныя суда [134]). Впослѣдствіи, когда вопросъ о Балтійской кампаніи разсматривался въ парламентѣ, Непиръ еще разъ, ссылаясь на признаніе адмирала Дондаса, указалъ на то, что нельзя было продолжать бомбардированіе Свеаборга, въ виду того, что всѣ мортиры перетрескались и стрѣльба велась слишкомъ поспѣшно [135]). Наконецъ, французскій историкъ войны 1853—1856 гг. Léon Guérin (на стр. 316, II), также признаетъ, что на большій успѣхъ союзники не могли разсчитывать въ виду того, что пострадали мортиры и бомбарды.

Тяжелые дни Свеаборга прекратились. У непріятеля не достало силъ и средствъ сокрушить эту твердыню. Свеаборгъ отстоялъ себя съ честью, такъ какъ по опредѣленію столь компетентнаго лица, какъ адмиралъ Коломбъ, „это бомбардированіе

Гельсингфорсъ (Брунспаркъ въ 1853 г.).

Рисов. В. Тиммъ.

надо считать самымъ большимъ изъ всѣхъ, когда-либо предпринятыхъ съ моря [136]). И тѣмъ не менѣе вся затѣя союзниковъ у Свеаборга является незаконченной и неудачной.

Для самаго Свеаборга война не прошла безслѣдно. До Восточной войны свеаборгскій портъ, не имѣя никакого кораблестроительнаго значенія, былъ, однако, важнымъ военно-морскимъ пунктомъ, такъ какъ за его укрѣпленіями могли находить себѣ защиту суда Балтійскаго флота, изъ коихъ ежегодно зимовала здѣсь очередная дивизія кораблей, фрегатовъ, транспортовъ, бриговъ и шхунъ. Вслѣдствіе этого на островахъ были раскинуты портовыя заведенія и склады. Послѣ войны Свеаборгъ лишился своего прежняго значенія и на основаніи Высочайшаго повелѣнія было признано необходимымъ имѣть въ Гельсингфорсѣ,—вмѣсто Свеаборга,—только склады угля и нѣкоторыхъ предметовъ [137]). Флотъ, послѣ войны, былъ выведенъ изъ Свеаборга, а крѣпость сдана сухопутнымъ войскамъ[138]).

Послѣ войны подымался вопросъ о необходимости устроить въ Гельсингфорсѣ значительный военный портъ. Если бы этотъ планъ былъ осуществленъ, то городъ пріобрѣлъ бы особую важность и тогда создалась бы потребность въ новыхъ укрѣпленіяхъ. Конечно, война заставила подумать о многомъ и естественно, что рождались новые проекты и соображенія. Между прочимъ, подумывали объ укрѣпленіи Тавастгуса, такъ какъ онъ является центральнымъ пунктомъ важнѣйшей части западной и южной Финляндіи, гдѣ сосредоточена главная промышленность. Кромѣ того, въ Тавастгусѣ усматривали узелъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ главнѣйшимъ городамъ края. Генералъ-адъютантъ Бергъ признавалъ полезнымъ устроить на озерѣ Пэйянѣ небольшую флотилію изъ канонерскихъ лодокъ и транспортныхъ судовъ, „для перевозки войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Тавастгуса, въ Ювяскюля и еще далѣе къ сѣверу, для дѣйствія на Гамле-Карлебю или Улеоборгъ“.—Вообще признавалось, что трудно было воспрепятствовать непріятелю занимать главнѣйшіе прибрежные города, но было бы полезно имѣть въ 4-хъ или 5-ти переходахъ отъ морского берега сильный корпусъ войскъ, которымъ можно было поддерживать слабые передовые отряды и препятствовать непріятелю въ его дальнѣйшемъ движеніи внутрь страны. Подобныя соображенія, какъ надо думать, возникали главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что рѣшительная атака непріятеля у Гельсингфорса и Свеаборга требовала сосредоточенія на этой оборони-

тельной линіи весьма солидныхъ силъ. По мнѣнію ген.-адъют. Берга, здѣсь нужно было (на 1856 г.) имѣть 36 баталіоновъ гарнизона и 8 тысячъ человѣкъ прислуги при орудіяхъ и кромѣ того сильный подвижной отрядъ съ сухого пути.

Надо полагать, что Тавастгусъ обратилъ на себя особое вниманіе также и потому, что англичане, готовясь къ кампаніи 1855 г., предполагали атаковать Свеаборгъ съ моря и съ суши,

Памятникъ матросамъ и солдатамъ, убитымъ во время бомбардированія Свеаборга въ 1855 г. и похороненнымъ на островѣ Сандгамѣ.

По проекту проф. барона Клодта.

занявъ предварительно Тавастгусъ и устроивъ тамъ базу для своихъ сухопутныхъ силъ [139]).

Много нужно было исправить недочетовъ, многое требовалось вновь завести; но выполнить все представлялось весьма затруднительнымъ, такъ какъ союзниковъ у насъ не имѣлось, а государственный бюджетъ, по итогамъ послѣдняго года, показывалъ уже недочетъ въ 285.000.000 рубл. с. — Когда ген.-адъют. Бергъ обратился къ военному министерству съ просьбой о доставкѣ Пексановскихъ орудій, то ему отвѣтили, что можетъ получить

ихъ не болѣе 35, но орудія эти придется привезти изъ Екатеринбурга.

Итоги всей Балтійской кампаніи стали подводиться немедленно, послѣ ея окончанія. Подсчетами и соображеніями занялись какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Сперва обѣ стороны, естественно, увлекались, впадая въ крайности.

„Въ Балтійскомъ морѣ явился рано сильный Англо-Французскій флотъ съ 15 тысячнымъ десантомъ, парадировалъ передъ Кронштадтомъ, Ревелемъ и Свеаборгомъ, одолѣлъ слабое укрѣпленіе на Аландѣ, взялъ нѣсколько купеческихъ судовъ, рыбачьихъ лодокъ и ограбилъ въ Финляндіи нѣсколько открытыхъ городовъ; этимъ окончились его подвиги ничтожные, осмѣянные даже въ ихъ отечествѣ и безъ всякой соразмѣрности съ огромностію приготовленій и издержекъ“... Такъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ гр. П. Х. Граббе подъ 27 ноября 1854 г. По словамъ гр. Левашева, Петербургъ рѣшилъ, что Балтійская экспедиція—пуфъ и что Р. Дондасъ только для очищенія совѣсти бомбардировалъ Свеаборгъ и для того, чтобы что-нибудь написать въ газетахъ.

Все это скорѣе красивыя заявленія, чѣмъ серьезные выводы. Прошло нѣкоторое время, пока всѣ успѣли осмотрѣться и пока разсужденія сдѣлались болѣе спокойными и обоснованными.

„Жертвы войны не были въ соотвѣтствіи съ тѣми выгодами, которыя можно было надѣяться изъ нея извлечь“, — призналъ маршалъ Франціи Кастеллянъ [140]).

Адмиралъ Коломбъ, разсмотрѣвъ въ наши дни дѣло подъ Свеаборгомъ, нашелъ, что результатомъ бомбардированія былъ одинъ большой взрывъ, нѣсколько меньшихъ и много продолжительныхъ пожаровъ.

„Великолѣпный и огромный флотъ“, высланный Англіей при всеобщихъ восторгахъ, вернулся съ весьма сомнительнымъ тріумфомъ, писала англійская газета „Nautical Standart“.—Свеаборгскія укрѣпленія остались нетронутыми, а русскія военныя суда не уничтоженными“. Въ другой разъ та же англійская газета, возвратясь къ прежней темѣ о результатахъ похода въ Балтику, задается вопросомъ: почему не были разрушены приморскія укрѣпленія Свеаборга, послѣ того, какъ плавучая цитадель ея — трехдечный корабль „Россія“ — принуждена была покинуть Густавсвердскій проходъ? Газета держалась того мнѣнія, что при наличныхъ силахъ „можно было атаковать приморскія укрѣпленія, съ полною

надеждою на успѣхъ“... „Когда бы вмѣстѣ со внутренностью крѣпости, истребили бы и приморскія укрѣпленія, что дало бы союзнымъ флотамъ возможность овладѣть и гаванью и русскими кораблями, тогда бы этимъ торжествомъ дѣйствительно могли гордиться наши соединенные флоты“. Подобнаго рода замѣчанія вызвали оправданія и разъясненія. Адмиралъ Ричардъ Дондасъ объяснилъ, что, вслѣдствіе усовершенствованій, сдѣланныхъ съ прошлаго года въ свеаборгскихъ приморскихъ укрѣпленіяхъ, въ его разсчетъ не входило произвести общую атаку на укрѣпленія кораблями; а предложенія его и французскаго контръ-адмирала

Бомбардированіе Свеаборга.

Народное изданіе.

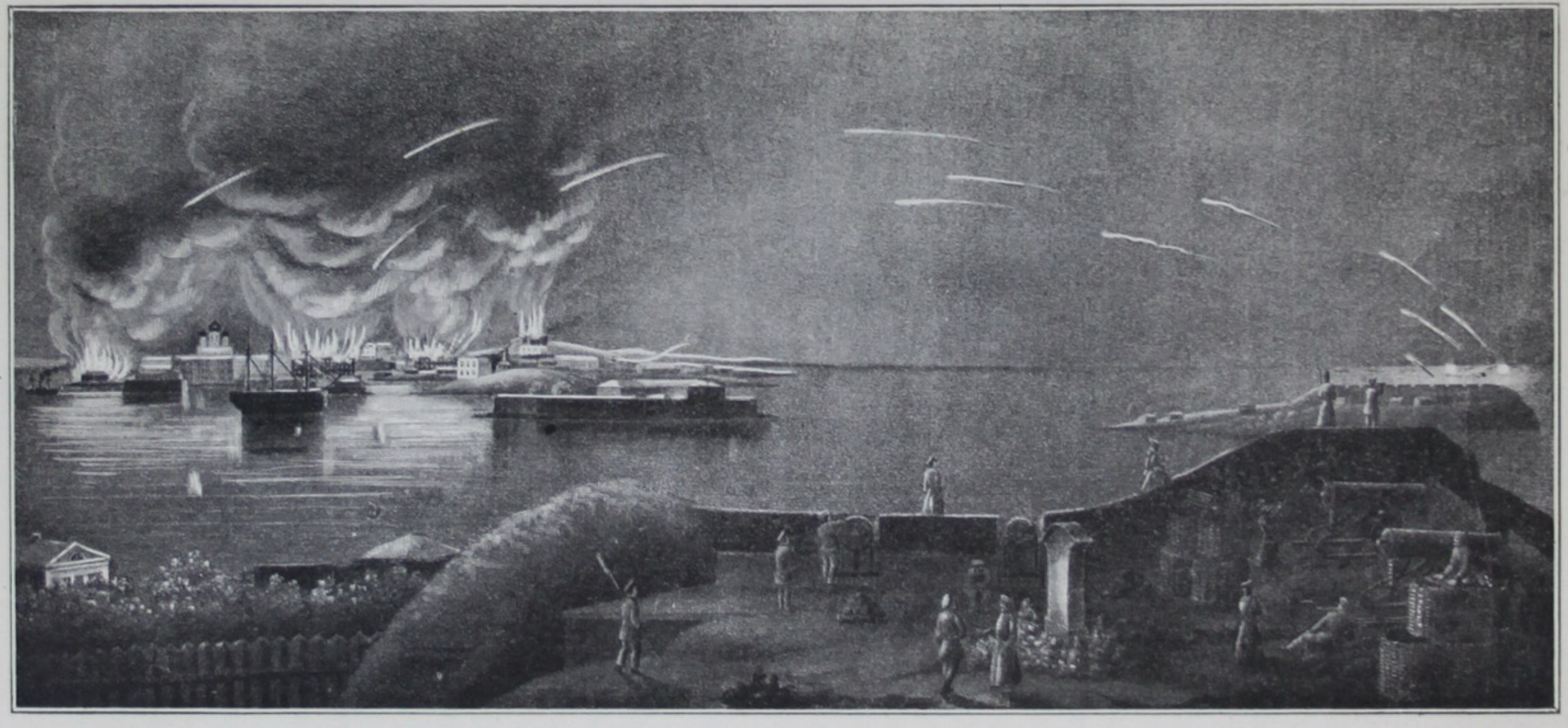
(Пено) ограничивались разрушеніемъ крѣпости съ арсеналами, въ такой мѣрѣ, какая была доступна дѣйствію мортиръ [141]).

Нѣмецкая печать справедливо находила, что пріобрѣтеніе нѣсколькихъ развалинъ не соотвѣтствуетъ цѣнности потерь. Во время кампаніи 1854 — 1855 г.г. покорялись въ сущности беззащитныя гавани, сожигались неукрѣпленные города, раззорялись недостроенныя крѣпости и были нѣсколько уменьшены таможенные доходы Петербурга. Зажигательство и грабежи англичанъ повредили гораздо болѣе доброму имени ихъ, чѣмъ оборонительнымъ средствамъ Россіи. Захваты финляндскихъ судовъ не могли принести выгоды Англіи, а опустошеніе финскаго берега не могло быть полезнымъ западнымъ державамъ; Россіи они не ослабили, Швеціи съ Финляндіей не сблизили. Врядъ ли когда либо,—за-

ключаетъ нѣмецкій критикъ „Allgemeine Zeitung“ — предпринималась экспедиція со столь большими средствами и малой предусмотрительностью.

Въ томъ же смыслѣ высказалась газета „Allgemeine Zeitung“ и въ 1855 г., имѣя передъ собою еще одну законченную кампанію. Англія оказалась сильной въ ограбленіи мирныхъ мореходовъ и въ сожиганіи неудобныхъ для „призовъ“ имуществъ. „Даже ничтожные успѣхи въ Балтійскомъ морѣ достались на долю французскихъ сухопутныхъ войскъ“. Въ окончательномъ выводѣ Англія ни на одной точкѣ не поколебала могущества исполина (Россіи), о которомъ она кричала, что онъ на глиняныхъ ногахъ. Въ пріемахъ же англичанъ сказалась только какая-то „мелочная месть“... „Dayly News“ взглянулъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. По его убѣжденію, для успѣха Непиру нужны были не линейные корабли и большіе фрегаты, а нѣсколько небольшихъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ. Послѣднія должны быть устроены такъ, чтобы поднимать пушку большого калибра. Значительная часть кораблей сэра Чарльса Непира слишкомъ были велики для того, чтобы дѣйствовать въ Финскомъ заливѣ, а особенно въ узкихъ Свеаборгскихъ и Кронштадтскихъ каналахъ [142]).

Въ томъ же духѣ и самъ Непиръ объяснилъ своимъ соотечественникамъ (на обѣдѣ у лондонскаго лорда мэра въ 1855 г.) причины неисполненія данныхъ ему порученій. „Прежде всего, — говорилъ онъ, — вода недостаточно была глубока для нашихъ кораблей. Потомъ, батареи были такъ сильны, что не дозволяли намъ и попытки нападенія на крѣпость, не подвергнувъ гибели нашего флота. Итакъ, я полагаю, что дѣйствовалъ благоразумно... Когда разнеслось ложное извѣстіе о взятіи Севастополя, стали спрашивать, зачѣмъ Непиръ не беретъ Кронштадта и Санктпетербурга. Меня спрашивали даже, зачѣмъ я не пошелъ на Москву [143])“. Флотъ Англіи, по увѣренію Непира, былъ въ 1854 г. плохо вооруженъ, наскоро снабженъ людьми и не имѣлъ лоцмановъ; географическія карты ничего не стоили. Тѣмъ не менѣе Непиръ находилъ, что сдѣлано было все, чтобы дойти до Кронштадта: флотъ проводился черезъ скалы и мели. И если флотъ не погибъ, то это не вина адмиралтейства и „Times'a“, такъ какъ ими было сдѣлано все, чтобы его погубить. Во вторую кампанію адмиралтейство сдѣлало все, чтобы Р. Дондасъ не могъ разорить Свеаборга [144]). Судя по другому письму того же Непира, ни у англійскаго, ни у французскаго правительства, при



Крѣпость Свеаборгъ въ ночь 28-го іюля 1855 г.

Рисовалъ ф. Ренненкампфъ.

Съ литогр. Ливендаля въ Гельсингфорсѣ.

отправленіи флота въ Балтику, не было одного общаго обдуманнаго плана [145]).

Такъ объяснялъ Непиръ, оправдывая свои дѣйствія. Иную картину представилъ лордъ адмиралтейства, сэръ Джемсъ Грегэмъ. Изъ его словъ ясно, что Непиръ уже въ маѣ 1854 г. доносилъ о неприступности Свеаборга съ моря и съ суши, а между тѣмъ самъ адмиралъ, вплоть до (23) сентября, даже не подходилъ къ крѣпости ближе 8 миль. — Атаковать Свеаборга нельзя съ тѣми средствами, которыя выслала Англія. Таково было мнѣніе начальника флота. Входъ въ портъ, по его описанію, настолько узокъ и затруднителенъ, что „одного дыма отъ паровыхъ судовъ было достаточно, чтобы защитить его безъ помощи пушекъ". Это доносилось въ сентябрѣ и потому понятно, что Англія ничего не могла сдѣлать для подкрѣпленія своихъ силъ въ Балтикѣ.—Генералы-же Джонсъ, Ніэль и Барагэ д'Илье, осмотрѣвшіе Свеаборгъ послѣ взятія Бомарзунда, были того мнѣнія, что крѣпость можно атаковать, высадивъ 5 тыс. чел. на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ. Вотъ почему изъ Англіи настаивали на разсмотрѣніи (Непиромъ) плана атаки, а онъ отговаривался недостаточностію средствъ и отъѣздомъ французовъ [146]). Какъ видно изъ этихъ замѣчаній, англійскій адмиралъ ни предусмотрительности, ни отваги отнюдь не проявилъ.

Современные историки Запада, касаясь Балтійской кампаніи 1854—1855 гг., придумали новыя оправданія малыхъ успѣховъ громаднаго союзнаго флота. „Результаты морской кампаніи 1854 г.", пишетъ Шабо-Арно, „значительно охладили воображеніе народныхъ массъ, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи... Западныя державы послали свои великолѣпныя суда съ хорошимъ вооруженіемъ для того, чтобы сражаться съ такого же рода противниками, а не для осады приморскаго пункта. Разъ, что русскія суда изъ Севастополя и Кронштадта отказались вступать въ бой, настоящее назначеніе боевыхъ кораблей у союзниковъ не имѣло уже мѣста. Безсильныя по сравненію съ такими сильными фортами и батареями, какъ русскіе, принужденныя блокировать непріятельскіе берега издали, при полной невозможности проникать въ рѣки и мелкія мѣста, вслѣдствіе своей глубокой посадки, и, наконецъ, менѣе способныя, чѣмъ болѣе мелкія суда, переносить зимнія непогоды и штормы—эти великолѣпныя боевыя машины должны были уступить мѣсто другимъ, новымъ элементамъ въ составѣ союзныхъ флотовъ. Для нихъ чувствовалась настоятельная необ-

ходимость въ судахъ мелко сидящихъ, могущихъ проникать всюду, и снабженныхъ либо дальнобойной артиллеріей, дабы не опасаться непріятельскихъ выстрѣловъ, либо достаточной толщины броней, чтобы можно было, безъ особенной опасности, приблизиться къ наиболѣе защищеннымъ пунктамъ“ [147]).

Всѣ подобныя объясненія не заслуживаютъ разбора; на нихъ достаточно лишь указать. Факты на-лицо и ничтожность результатовъ двухъ лѣтнихъ кампаній очевидна.

Цѣлью Балтійской кампаніи союзниковъ въ 1855 г. — какъ справедливо заявилъ г. Любовицкій [148]), — было, конечно, желаніе отвлечь, по возможности, значительную часть нашихъ силъ отъ главнаго театра войны и предпринять ту операцію противъ котораго-нибудь изъ нашихъ военныхъ портовъ, какая будетъ возможна по состоянію новыхъ вспомогательныхъ средствъ флотовъ. Надо признать, что эта цѣль въ извѣстной мѣрѣ была достигнута непріятелемъ.

Кромѣ того, Балтійская кампанія обнаружила отсталость и несостоятельность нашего флота: Англія, Франція и Америка, начиная съ 1836 г., стали примѣнять паръ для движенія военныхъ судовъ. У насъ первый пароходъ-фрегатъ „Камчатка“ появился въ 1841 г. и дѣло пароваго судостроенія двигалось чрезвычайно медленно, за отсутствіемъ въ Россіи заводовъ и техниковъ и при наличности у старыхъ моряковъ (напр. кн. Меншикова) предразсудка относительно пригодности винтовыхъ судовъ въ боевомъ отношеніи. Въ два года войны Россія построила 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ и 14 винтовыхъ корветовъ; но и эта изумительная энергія не исправила дѣла и намъ осталось лишь въ утѣшеніе, что „самое существованіе паруснаго флота, укрывшагося въ гаваняхъ, принудило первоклассныя морскія державы къ неслыханнымъ дотолѣ усиліямъ, издержкамъ и вооруженію небывалаго въ исторіи флота, чтобы рѣшиться вступить съ нами въ борьбу“, какъ говоритъ историкъ Морского Министерства С. Огородниковъ, подводя итоги состоянію русскаго флота въ царствованіе императора Николая I, когда въ теченіи трехъ лѣтъ (1853—1855 гг.) на нужды этого вѣдомства израсходовано было почти 55 мил. р. с.

Затѣмъ, во время Балтійской кампаніи пострадала наша торговля, хотя и очень мало, въ сравненіи съ тѣми громадными средствами, которыя были для этого употреблены западными державами. Наибольшіе расходы вызвала, конечно, столица. Родилось

особенное опасеніе за Петербургъ и для огражденія его устроили цѣлую сѣть укрѣпленій въ устьяхъ Невы; а у Сестрорѣцка и въ другихъ мѣстахъ сосредоточили около 137 тысячъ войска.

Остается указать еще на нашу убыль, происшедшую отъ неизбѣжныхъ и усиленныхъ заболѣваній среди войскъ во время походной жизни. Въ 1854 г. состояніе здоровья во всей Финляндіи было вообще неудовлетворительно: дизентерія свирѣпствовала непрерывно. Войска же наиболѣе пострадали отъ холеры. Въ военное время холера естественно находилась въ зависимости отъ большаго или меньшаго скопленія въ странѣ, прибывшихъ изъ Россіи, войскъ. Обыкновенно въ краѣ было расквартировано отъ 14 до 16 тыт. войскъ. Въ 1854 г. число ихъ увеличилось до 36 тыс., въ 1855 г. — до 50 тыс. [149]), а въ 1856 г.— до 68 тыс. Все это количество расположено было по побережью, въ крѣпостяхъ и частью на островахъ, а потому стѣснено. Одинъ врачъ приходился на 300 человѣкъ тяжелыхъ больныхъ. Въ русскихъ госпиталяхъ въ теченіи 1854 г. умерло отъ холеры 87 чел. (изъ 221 заболѣвш.). Съ сентября 1855 г. по іюль 1856 г. умерло отъ нея въ Свеаборгѣ — 99 чел., Гельсингфорсѣ—258, въ Або—449, а вмѣстѣ съ другими, находившимися внѣ этихъ госпиталей, всего 1635

Бомбардированіе крѣпости Свеаборга соединенными англо-французскими флотами 28-го и 29-го іюля 1855 г.
Общій видъ съ горы обсерваторіи г. Гельсингфорса.
Рис. E. Liwendal. Helsingfors, 1855.

чел. (изъ 2695 чел. заболѣвшихъ холерою) [150]). Въ мартѣ 1856 г., когда готовились къ новой кампаніи, командующій войсками Ѳ. Ѳ. Бергъ доносилъ, что санитарное состояніе Финляндіи вообще было плохое. Послѣ военнаго переутомленія, по его словамъ, преобладалъ тифъ и, кромѣ того, въ значительной мѣрѣ перемежающаяся лихорадка [151]).

По обзору, составленному генералъ-штабъ-докторомъ Балтійскаго флота Гауровицемъ, извѣстно еще, что въ шхерномъ отрядѣ, расположенномъ у города Або и состоявшемъ изъ 1337 чел., заболѣваемость въ теченіи 1855 г. была весьма значительна, несмотря на то, что люди были расположены въ высокихъ баракахъ и получали хорошую пищу. Причину этого усматривали въ условіяхъ расположенія острововъ Рунсала и Хирвисала, на коихъ находился отрядъ. Прибрежный камышъ, сильныя жары, гніющая рыба, рѣзкія перемѣны погоды и сырые туманы поддерживали здѣсь злокачественную лихорадку, извѣстную въ Финляндіи подъ названіямъ „Augusti feber“ [152]).

Союзники, какъ мы видѣли, вообще явно преувеличивали достигнутые ими во время Восточной войны результаты. Болѣе правдивымъ оказался лордъ Кларендонъ; онъ, пріѣхавъ въ Парижъ на конгрессъ, сказалъ, что „двѣ предыдущія кампаніи признаются нерѣшительными“ (indecises) [153]). Такого же мнѣнія былъ и Наполеонъ. Онъ находилъ, что союзники одержали въ Крыму серьезную побѣду, которая стоила, однако, имъ очень дорого, такъ какъ „русскіе оборонялись со славой“. Но когда дѣло коснулось Балтики, онъ призналъ (въ бесѣдѣ съ барономъ Зеебахомъ, зятемъ гр. Нессельроде), „что союзники еще не совершили ничего важнаго въ Балтійскомъ морѣ“, но что они „намѣрены воспользоваться (въ 1856 г.) успѣхами морской науки для серьезнаго нападенія на русскихъ въ Балтійскомъ морѣ и разрушенія Кронштадта“. Намѣреніе это осталось не приведеннымъ въ исполненіе, по весьма вѣскимъ соображеніямъ, оцѣненнымъ лучше другихъ тѣмъ же Наполеономъ въ откровенномъ письмѣ (отъ 10(22) ноября 1855 г.) къ королевѣ Викторіи. Слова его для насъ имѣютъ особое значеніе, въ виду того, что объясняютъ истинную причину прекращенія не только кампаніи въ Балтійскомъ морѣ, но и всей Восточной войны.

Пальмерстонъ, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, горѣлъ нетерпѣніемъ возстановить честь оружія, такъ какъ до сихъ поръ оба испытывали въ сущности однѣ неудачи, какъ въ Крыму, такъ и

въ Балтійскомъ морѣ. Но какъ и гдѣ продолжить совмѣстныя операціи? Англія ласкала себя надеждой снарядить особенно сильный морской экипажъ въ Финскій заливъ и овладѣть Кронштадтомъ. Но въ разсчетъ Франціи не входило споспѣшествованіе исключительнымъ пользамъ англичанъ. „Союзъ съ Англіей мнѣ и всей Франціи въ тягость, — говорилъ Л. Наполеонъ барону Зеебаху;—я не хочу, продолжая войну, устраивать дѣла Англіи". Фран-

Подвиги англичанъ въ Финскомъ заливѣ.

Послѣ захвата лайбъ съ рыбою, дровами и пр.—англичане замѣтили, наконецъ, сильную крѣпость и произвели высадку. Непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ; но такъ какъ въ засадѣ виднѣлся цѣлый корпусъ, то пришлось отступить ..

цію увлекала мечта пронести свои знамена черезъ всю Германію и явиться освободительницей угнетенной Польши.—Но слѣдовать въ свитѣ французовъ англичане признавали для себя не особенно лестнымъ. Англія понимала исключительно разсчетъ на вѣрныя прибыли. Мечтатель же на тронѣ руководился point d'honneur, увлекался защитой народныхъ правъ и вообще старался придать идеальное значеніе своимъ войнамъ. Англія этого не понимала. Ясно

что союзникамъ трудно было согласовать свои дальнѣйшія дѣйствія и стремленія. Наполеону оставалось желать мира, что онъ открыто и высказалъ въ письмѣ къ королевѣ Великобританіи. Но существовало еще одно чрезвычайно серьезное обстоятельство, побуждавшее его сложить оружіе: у союзниковъ не оставалось надежды на успѣхъ въ дальнѣйшей борьбѣ. „Каково“, спрашивалъ Наполеонъ королеву, „наше военное положеніе“? и самъ далъ весьма знаменательный отвѣтъ на поставленный вопросъ. „У вашего величества на востокѣ, кажется, 50.000 чел. и 10.000 лошадей, у меня 200.000 чел. и 34.000 лошадей. У вашего величества громадный флотъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, у меня также почтенный, хотя и менѣе значительный... И что же! Не взирая на эту грозную силу, для всего міра ясно, что хотя мы и можемъ причинить Россіи много зла, но не можемъ побороть ее собственными нашими средствами, безъ посторонней помощи. Итакъ, что дѣлать намъ?“ Можно ограничиться оборонительными дѣйствіями, блокадою портовъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, занимая завоеванныя мѣстности сухопутными войсками до тѣхъ поръ, пока Россія, истощенная вооруженіями, сама попроситъ мира. Можно было воззвать къ содѣйствію порабощенныхъ народностей и „смѣло“ провозгласить возстановленіе Польши и независимость Финляндіи... Кавказа, но,— замѣтилъ императоръ,—такой образъ дѣйствія былъ бы крайне опасенъ и отчасти даже не согласенъ со справедливостію. Наконецъ, можно было заручиться союзомъ съ Австріею и Германіею и принудить Россію къ миру оружіемъ и давленіемъ на общественное мнѣніе Европы. Но, какъ оказалось, Англія отказалась отъ помощи Австріи. „Нельзя было яснѣе сказать,—прибавляетъ С. Татищевъ [154]),—что вести войну на дальнихъ русскихъ окраинахъ, не перенеся ее въ сердце Россіи, значило бы продолжать игру, не стоющую свѣчъ“.

На совѣтѣ французскихъ и англійскихъ генераловъ, состоявшемся въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ императора, правда, положено было усилить войска въ Крыму, раздѣлить ихъ на двѣ арміи: одной (въ 80 тыс.) обложить Севастополь, а другой (въ 120 тыс.) идти къ Симферополю. Англійскій флотъ долженъ былъ повторить нападеніе на Кронштадтъ. Но въ это же самое время въ Петербургѣ обсуждались уже мирныя условія. Въ февралѣ 1856 г. въ Парижѣ собрался конгрессъ и договоръ 18-го марта положилъ конецъ этой войнѣ, которая стоила:

Франціи около .	100.000	чел.	и	1.660	мил.	фр.	чрезв. расх.
Англіи	22.000	„	„	1.855	„	„	„ „
Піемонту. . . .	2.200	„	„	642	„	„	„ „
Турціи. . . .	35.000	„	„				
Всего . .	159.200	чел.	и	4.157	мил.	фр.	чрезв. расх.

Россія потеряла 110.000 чел. и 4.000 мил. фр. чрезвычайныхъ расходовъ, тогда какъ всѣ техническія усовершенствованія были на сторонѣ западныхъ союзниковъ [155]).

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

Война надвигалась... Война была неизбѣжна и потому естественно родилось желаніе узнать настроеніе умовъ на Финляндской окраинѣ. Мнѣнія по этому вопросу, видимо, раздѣлились: одни питали полное довѣріе къ финнамъ, другіе смотрѣли на нихъ нѣсколько скептически, въ виду большого вліянія, оказываемаго на все мѣстное общество Швеціей. „Три лѣта сряду, — писалъ вице-адмиралъ Меликовъ,— я былъ въ Гельсингфорсѣ и замѣтилъ весьма мало сочувствія финляндцевъ къ русскимъ и сильное преобладаніе тамъ шведскихъ элементовъ. Вліяніе, которое политика шведскаго двора можетъ имѣть на дѣйствіе русскихъ, столь важно, что мнѣ кажется полезно было бы обратить на Финляндію нынѣ же особенное вниманіе; смѣю думать, что при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо теперь же сосредоточить управленіе этою страною въ рукахъ кого-либо изъ надежнѣйшихъ, исключительно русскихъ, генераловъ, который былъ бы постоянно на мѣстѣ и заблаговременно ознакомился бы съ расположеніемъ умовъ, будучи снабженъ средствами, которыя требуются настоящимъ положеніемъ Финляндіи, и которыя давали бы ему вмѣстѣ съ тѣмъ возможность внимательно слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ трехъ сѣверныхъ королевствахъ. Мнѣ кажется, что Финляндія есть самый слабый пунктъ нашей границы, и что необходимо безъ всякаго промедленія времени обратить на нее вниманіе [1]).

Послѣдующія событія этого воззрѣнія, какъ увидимъ, вполнѣ не оправдали.

Въ началѣ марта 1854 г. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича, посѣтилъ Финляндію, въ которой не былъ съ іюня 1833 г. Несомнѣнно, что „кромѣ распоряженій по оборонѣ, Императоръ имѣлъ

въ виду лично удостовѣриться въ настроеніи населенія. И все видѣнное, безъ сомнѣнія, укрѣпило въ немъ довѣріе къ финскому народу“ [2]). Черезъ Выборгъ и Фридрихсгамъ, гдѣ былъ осмотрѣнъ кадетскій корпусъ, оказавшійся въ полномъ порядкѣ, Николай Павловичъ прибылъ 2 (14) числа въ Гельсингфорсъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера народъ густыми толпами окружалъ дворецъ, а во время парада л.-гв. финскаго стрѣлковаго баталіона окна, крыши, лѣстницы вокругъ сенатской площади были унизаны зрителями, коихъ, какъ предполагаютъ, собралось здѣсь отъ 8 до 9 тысячъ [3]). Вездѣ Его Величество сопутствовали искренній энтузіазмъ и преданность жителей. Родители подымали дѣтей на руки, чтобы показать имъ „величайшаго изъ современныхъ вѣнценосцевъ“. Государь, какъ отецъ въ кругу своего семейства, ходилъ среди народа, милостиво кланялся ему, клалъ свою руку на головы и плечи ближайшихъ счастливцевъ. Въ университетѣ преподаватели и студенты встрѣтили Государя пѣніемъ „Боже, Царя храни“. Вечеромъ на лицевой сторонѣ университета красовался транспорантъ съ латинскою надписью, указывавшею на то, что „Императоръ уготовилъ пристанище возрожденной изъ пепла“ (т. е. Абоской академіи). Во время царскаго обѣда, студенты пѣли подъ балкономъ дворца русскій гимнъ и свою народную пѣсню „Вортъ-ландъ“ (Нашъ край). Вечеромъ городъ „тонулъ въ огнѣ иллюминацій“. „Его Императорское Величество и Его Сыновья во время всего пребыванія въ Финляндіи имѣли случай убѣдиться въ горячей преданности финскаго народа Своему Монарху и Его Дому“, писали тогда „Абоскія Извѣстія“ [4]). „Helsingfors Tidningar“ (отъ 18 марта), описывая пребываніе Государя въ Финляндіи, говорилъ, между прочимъ: Тотъ въ Гельсингфорсѣ, „Чьей могущественной волѣ и щедрой рукѣ онъ въ наибольшей части обязанъ своимъ современнымъ состояніемъ“; Онъ здѣсь, „Чьи взоры повелѣваютъ всѣми и помимо блеска короны... Онъ пришелъ — и всѣ сказали другъ другу: Императоръ все тотъ же... Высокій, могучій, какъ раньше, стоялъ Онъ среди насъ... Его ликъ сталъ еще болѣе властнымъ и вселяющимъ преклоненіе“ [5]).

Финляндцы просили Государя о защитѣ ихъ въ предстоящую войну, что, конечно, было обѣщано и войска двинуты изъ Россіи для охраны финскаго побережья.

Тогда же Царь посѣтилъ и Свеаборгъ, гдѣ находилась часть нашего флота и строились канонерскія лодки.

Встрѣча, оказанная финнами, глубоко тронула Государя, что

видно изъ Высочайшаго рескрипта (отъ 12—24 марта) на имя господина ген.-лейт. Рокасовскаго. „Посѣтивъ Финляндію въ началѣ сего мѣсяца, Я былъ глубоко тронутъ радушною встрѣчею всѣхъ сословій любезно-вѣрнаго Мнѣ Великаго Княжества. Въ общей ихъ преданности нашелъ Я самый утѣшительный отголосокъ Моему искреннему къ нимъ расположенію.

Мнѣ столь же пріятно было вновь удостовѣриться, что правительственныя учрежденія и лица, неутомимо стремятся развить благосостояніе края; Я давно знаю, что этой постоянной цѣли Моихъ попеченій споспѣшествуетъ возвышенная нравственность народа, съ внутреннимъ убѣжденіемъ сознающаго и исполняющаго свой долгъ.

Никогда не сомнѣваясь въ сихъ доблестныхъ чувствахъ Моихъ вѣрныхъ финляндцевъ, Я поручаю вамъ изъявить имъ Мою душевную признательность и неизмѣнное благоволеніе“ [6]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, для раздачи бѣднымъ Финляндіи, Высочайше даровано было 5 тыс. руб.

Въ виду того, что „въ Петербургѣ и можетъ быть въ другихъ мѣстахъ Имперіи разнеслись менѣе благопріятные слухи о духѣ жителей сего края“, ген.-л. Рокасовскій просилъ министра статсъ-секретаря, не признаетъ-ли онъ полезнымъ напечатать рескриптъ въ русскихъ газетахъ [7]). Мысль Рокасовскаго, видимо, была принята, такъ какъ рескриптъ появился въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1854 г. № 62).

На слѣдующій (1855) годъ въ іюнѣ Финляндію посѣтилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Жители Або устроили гулянье въ саду Купписъ, гдѣ дамы забросали Высокаго Гостя прекрасными букетами. Великій Князь объѣхалъ значительную часть страны, побывавъ въ Гельсингфорсѣ, Таммерфорсѣ, Тавастгусѣ, Кюмени, Фридрихсгамѣ, Выборгѣ и на Сайменскомъ каналѣ. Послѣ этой поѣздки къ ген. Бергу былъ отправленъ слѣдующій рескриптъ: „Федоръ Федоровичъ. При исполненіи особаго порученія, Высочайшимъ довѣріемъ возложеннаго на меня въ Финляндіи, я былъ истинно утѣшенъ радушною встрѣчею добрыхъ финляндцевъ. Не говорю здѣсь о прекрасномъ состояніи всей страны, о повсемѣстномъ порядкѣ и спокойствіи въ ней господствующихъ и не касаюсь до военныхъ предметовъ, обо всемъ этомъ всеподданѣйше донесено мною Государю Императору, но я прошу Ваше Высокопревосходительсто передать жителямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя Я проѣзжалъ, мою искреннюю душевную благодарность за

усердный пріемъ мнѣ сдѣланный, передать это всѣмъ чинамъ, всѣмъ сословіямъ безъ исключенія и увѣрить ихъ, что воспоминаніе о времени, проведенномъ мною въ Финляндіи, съ 1-го по 14-ое іюня, будетъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни“ [8]).

Свою готовность выступить вмѣстѣ съ русскими противъ общаго врага, финны засвидѣтельствовали не малымъ числомъ примѣровъ. Частныя пожертвованія въ разныхъ частяхъ края были обильны. Граждане Або, Бьернеборга, Гамле-Карлебю и другихъ городовъ сформировали на собственный счетъ вольныхъ стрѣлковъ. Городъ Або, кромѣ того, внесъ 10 тыс. руб. сер. на военныя надобности. Въ Бьернеборгѣ два частныхъ лица, отставной капитанъ Стремберггъ и купецъ Борго, вооружили 70 человѣкъ стрѣлковъ двухствольными ружьями. Одинъ Абоскій купецъ Trygg пожертвовалъ 150 новыхъ пикъ (которыми пользовались Гродненскіе гусары во время пребыванія въ городѣ въ 1854 г.); другой купецъ Бернстедъ, вмѣстѣ съ отставнымъ поручикомъ Юлинымъ, отдали свои мызы на островѣ Рунсала и дома въ распоряженіе нашихъ войскъ; Бьернеборгскій купецъ Ольденбургъ на свой счетъ содержалъ телеграфную линію на протяженіи 35-ти верстъ; лагманъ Фалькъ пожертвовалъ годовой свой доходъ, состоявшій изъ 100 бочекъ ржи и ячменя; купцы Кильстремъ и Селинъ безвозмездно отдали свой пароходъ и двѣ шхуны для нашей гребной флотиліи; экенескій купецъ Старкъ подарилъ мореходное судно съ матросами и содержалъ его на свой счетъ. Финляндскіе врачи безвозмездно пользовали нашихъ больныхъ. Дворянство и землевладѣльцы строили на свой счетъ магазины для храненія хлѣба [9]). На сѣверѣ Финляндіи поселяне установили умѣренную цѣну на припасы, необходимые для войскъ. Женщины не оставались безучастными къ дѣлу ухода за ранеными. Офицерскимъ женамъ, на время отсутствія въ походахъ ихъ мужей, въ г. Або даны были квартиры, а солдатскія жены призрѣвались городскими и сельскими обывателями [10]). Улеоборгскіе городскіе старшины отвели для расположенной у нихъ роты деревянный двухъ-этажный домъ съ магазинами. Нюстадскіе жители выстроили на свой счетъ экзерцисъ-гаузъ, кухни и склады для провизіи. Въ Гамле-Карлебю, при содѣйствіи коммерціи-совѣтника Доннера, уступили подъ финскія войска двухъ-этажный каменный домъ, дали желѣзныя кровати и проч. Каскескій купецъ Гренбергъ и таммерфорскій Францъ Френкель, движимые вѣрноподданническими чувствами, вызвались сфор-

мировать каждый на свой счетъ команду изъ 10 человѣкъ стрѣлковъ и т. д.

Финляндскій сенатъ, какъ мы видѣли, выразилъ готовность на средства края построить 40 канонерскихъ лодокъ, а также принять на себя расходы по временнымъ госпиталямъ и озаботиться обезпеченіемъ войскъ запасами продовольствія по умѣреннымъ цѣнамъ [11]).

Въ маѣ 1855 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи въ столичныхъ университетахъ и гимназіяхъ преподаванія строевого устава пѣхотной службы, а для студентовъ кромѣ того—артиллеріи и полевой фортификаціи. При этомъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ даны были извѣстныя преимущества по пріему ихъ офицерами въ пѣхоту и кавалерію. Желая пріохотить населеніе Финляндіи къ поступленію въ военную службу и понимая выгоду укомплектованія арміи гг. офицерами изъ образованныхъ молодыхъ людей Александровскаго университета, ген.-адъютантъ Бергъ призналъ полезнымъ распространеніе Высочайшаго повелѣнія также и на это высшее учебное заведеніе Финляндіи [12]). Ходатайство его было уважено и 30-го ноября 1855 года состоялось Высочайшее повелѣніе открыть для гельсингфорскихъ студентовъ, желающихъ поступить въ войска, особые курсы, нѣчто въ родѣ военнаго факультета на шведскомъ языкѣ, съ цѣлью преподать имъ главнѣйшія свѣдѣнія военнаго дѣла и строевого обученія. Попутно студенты упражнялись въ практическомъ письмоводствѣ. Учителя преимущественно изъ финляндскихъ уроженцевъ, вознаграждались изъ финляндскихъ суммъ. Курсъ былъ 4-хъ мѣсячный. Окончившіе университетъ и прошедшіе этотъ военный курсъ, опредѣлялись на службу прямо офицерами, причемъ, для болѣе легкаго изученія военнаго дѣла, назначались сперва въ финскіе поселенные баталіоны. — Финляндцы откликнулись на это нововведеніе и курсамъ не пришлось пустовать. Двадцать шесть человѣкъ было такимъ способомъ приготовлено для военнаго дѣла и 14 произведены прямо въ офицеры, а остальные — зачислены унтеръ-офицерами [13]). Съ прекращеніемъ войны курсы эти, конечно, закрылись.

Едва ли не самыми тяжелыми для населенія явились постойная и подводная повинности, въ виду значительнаго числа расположенныхъ въ краѣ войскъ. Однако всеподданнѣйшіе рапорты финляндскихъ губернаторовъ устанавливаютъ, что ни со стороны жителей Финляндіи, ни со стороны войскъ жалобъ не поступало [15]).

Напротивъ, имѣются донесенія, показывающія, что между крестьянами и солдатами устанавливались наилучшія отношенія. Тавастгускій губернаторъ въ своемъ отчетѣ (за 1854 г.) писалъ, что при отправленіи весьма тягостной подводной гоньбы, владѣльцы земель сами устраняли всѣ встрѣчавшіяся затрудненія. Расположенныхъ на зимніе квартиры нижнихъ чиновъ населеніе принимало „съ радушіемъ, которое потомъ, вслѣдствіе примѣрной дисциплины, превратилось во взаимную пріязнь“. Жители просили генералъ-губернатора расположить у нихъ тѣ же самыя войска, которыя ранѣе квартировали у нихъ. „Считаю себя счастливымъ— продолжалъ тавастгускій губернаторъ, баронъ Ребиндеръ—Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше донести объ этихъ результатахъ стремленія правительства и вѣрныхъ подданныхъ, дабы, хотя и обычаи, нарѣчіе и вѣроисповѣданіе иногда различны, присоединить и слить въ одно общее семейство всѣ народы Имперіи“ [16]).

Въ январѣ 1856 г. генералъ-адъютантъ Бергъ командировалъ нѣсколькихъ офицеровъ для осмотра квартирнаго расположенія войскъ въ Финляндіи. Нѣкоторые результаты ихъ донесеній были представлены военному министру и доложены Государю Императору. Оказалось, что войска вообще жили въ большомъ согласіи съ жителями Финляндіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края населеніе выразило даже большое радушіе, гостепріимство и расположеніе къ нимъ. Въ Абоской губ., благодаря хорошему отношенію жителей къ расквартированнымъ нижнимъ чинамъ, они имѣли не только койки, но и постели, подушки и иногда даже простыни и одѣяла. Офицеры и солдаты не находили словъ для выраженія благодарности. Губернаторомъ въ Або состоялъ тогда ген.-м. Кронстедтъ, человѣкъ посредственныхъ способностей и слабаго характера. Онъ не умѣлъ заставить ни любить себя, ни бояться, но въ душѣ былъ чрезвычайно преданъ русскому правительству и выгодамъ Имперіи [17]).

Въ западной половинѣ Нюландской губ. между обывателями и солдатами существовало также „хорошее согласіе“. Люди резервной гренадерской дивизіи были столь тихи и скромны, что крестьяне гораздо охотнѣе желали имѣть ихъ на квартирахъ, чѣмъ финскихъ солдатъ [18]). Нѣкоторые губернаторы, какъ напр. Абоскій ген.-м. Кронстедтъ, были чрезвычайно внимательны къ войскамъ.

Несчастія, которыя постигли города Улеоборгъ и Брагестадъ,

сильно отозвались на всей Финляндіи и потому преданность русскому правительству возросла, вмѣстѣ съ усиленіемъ ожесточенія къ иноземнымъ врагамъ.—Населеніе мѣстами просило о присылкѣ войскъ для охраненія селъ и городовъ. Чтобы поддержать этотъ духъ правительство дѣлало все, что могло, желая успокоить населеніе и укрѣпить въ немъ увѣренность, что оно не останется безъ защиты, а также пытаясь избѣжать упрека, который дѣлался въ краѣ шведскому правительству 1808 и 1809 годовъ [19]). Съ другой стороны, весьма благопріятно повліяло удачное отраженіе непріятеля при Гамле-Карлебю, гдѣ плечомъ къ плечу съ солдатами стояли горожане. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, надо полагать, кроются нѣкоторыя объясненія особенно привѣтливаго отношенія населенія къ расквартированнымъ среди него войскамъ. Извѣстенъ, напр., фактъ, что послѣ пожара въ Улеоборгѣ, въ городѣ Борго наступило уныніе, но съ прибытіемъ туда войска (эскадрона Гродненскихъ гусаръ) обыватели ожили [20]).

Постой войска, исполненіе повинности по его транспортированію, ростъ цѣнъ на всѣ продукты—все это, конечно, пришлось перенести населенію, какъ неизбѣжное послѣдствіе войны. Но съ другой стороны, „къ утѣшенію населенія“,—какъ выразился одинъ изъ современниковъ (Авг. Шауманъ),—„осталось большое количество серебряныхъ рублей“. Этого утѣшенія лишена была, конечно, мѣстная администрація, или, точнѣе говоря, финляндская казна. Біографъ поэта Рунеберга (I. E. Strömborg) утверждаетъ даже, что никакого должнаго вниманія къ доходамъ края не было проявлено, особенно генералъ-губернаторомъ ген. Бергомъ, который для своихъ мѣропріятій по защитѣ края до такой степени широко пользовался финляндской кассой, что далъ одному высокопоставленному мѣстному дѣятелю поводъ сказать, что онъ положительно ѣстъ деньги („han formligen äter penıngar“). Но все это переносилось безъ ропота и неудовольствія. Другой финляндецъ въ стокгольмской газетѣ „Aftonbladet“ обвинялъ ген. Берга даже въ расходованіи казенныхъ денегъ на свои удобства. „Это обвиненіе, говоритъ писатель нашихъ дней, справедливо лишь отчасти, такъ какъ ген. Бергъ обращался съ казенными средствами легкомысленно, желая расположить въ свою пользу общественное мнѣніе щедростію и раздачами“ [21]). Но мы уже знаемъ, что финляндцы и ген. Бергъ вообще „не были созданы другъ для друга“, какъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ Авг. Шауманъ, и потому легко понять, какое чувство побудило ихъ подчеркивать указанныя обвиненія.

Провожали русскихъ воиновъ и встрѣчали повсюду съ должнымъ вниманіемъ и радушіемъ: устраивались обѣды, говорились рѣчи, а нижнихъ чиновъ угощали водкой, пивомъ, булками, сигарами и пр.[22]). А эти нижніе чины, находясь на берегу Балтійскаго моря, ожидали „себѣ ежедневно непріятеля, чтобы съ нимъ побиться на острые штыки и на горячія пули и ядра [23])“.

Когда въ Выборгъ вступили Гродненскіе гусары, шедшіе въ Финляндію сохранить то, что завоевали ихъ дѣды, гусаръ встрѣтила депутація отъ города. Фридрихсгамъ далъ въ честь ихъ блестящій балъ, на который съѣхались даже изъ окрестностей. Въ Ловизѣ они разговлялись у одного русскаго купца [24]). 1-я Гренадерская дивизія, подъ начальствомъ ген.-м. Гильденштуббе, прибыла въ Гельсингфорсъ уже въ началѣ апрѣля 1854 г. За ними явились казаки и другія воинскія части. Всѣ были радушно встрѣчены представителями Гельсингфорса и угощались на счетъ города. „Но къ счастію“,—прибавляетъ откровенно Авг. Шауманъ,—„не всѣ вновь прибывшія части остались въ Гельсингфорсѣ“. Значительная часть ихъ прослѣдовала далѣе и была расположена въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ; однако, не мало ихъ осталось на постоѣ среди обывателей главнаго города Финляндіи. Гостинницы были, конечно, переполнены; пробки шампанскаго щелкали ранею и позднею порой, звенѣли шпоры, гремѣли сабли и блестящіе рубли перекатывались по выручкѣ [25]).

Вообще между финляндцами и русскими существовали простыя и естественныя отношенія. Вмѣстѣ они дѣлили тогда и горе, и радость. Въ воспоминаніяхъ В. Д. Кренке находимъ описаніе одного эпизода, который, въ данномъ случаѣ, можетъ служить нѣкоторой иллюстраціей къ нашимъ словамъ. Когда послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе наименовать батарею на Турки-Саари — „Николаевской“, т. е. именемъ Великаго Князя Николая Николаевича, то В. Кренке задумалъ устроить (27-го іюня 1855 г.) на этомъ островѣ маленькое празднество. Пригласительные билеты, кромѣ военнаго начальства, разослали почетнымъ жителямъ гор. Выборга, а также нѣкоторымъ помѣщикамъ, купцамъ и фабрикантамъ. Изъ Выборга гостей доставили на островъ на двухъ пароходахъ „Выборгъ“ и „Тосна“. Островъ убрали, какъ могли, флагами и растительностію; взяли съ собой и музыку. На пароходахъ едва ли не преобладали дамы. Послѣ молебна сѣли за обѣдъ. Кому не хватило стульевъ, тѣ воспользовались барабанами и ранцами. Всѣ были въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Въ первый

разъ встрѣтившіеся и не знавшіе поименно другъ друга, казались старыми знакомыми. Вдругъ подулъ вѣтеръ, налетѣла грозовая туча и разразилась ливнемъ. Но и эта гроза не испортила общаго хорошаго настроенія. Послѣ обѣда всѣ прокатились на лодкахъ къ передовому укрѣпленію Равансаари. Съ согласія военнаго губернатора, генерала Теслева, ударили тревогу и произведенъ былъ къ общему удовольствію маленькій маневръ. А въ заключеніе на гранитной площадкѣ Николаевскаго острова устроили веселые танцы. Оживленіе было общее [26]). 30-го августа того же года, стараніями преимущественно офицеровъ 1-й дружины государственнаго ополченія, въ Выборгѣ былъ устроенъ балъ по подпискѣ; жители города также приняли въ немъ участіе. Вообще, насколько возможно судить по воспоминаніямъ современниковъ, общеніе гг. офицеровъ съ мѣстными обывателями г. Выборга было довольно частое и вполнѣ нормальное.

31-го мая (н. с.) 1856 г., по случаю заключенія мира, нѣкоторые жители г. Борго и его окрестностей устроили завтракъ, на который были приглашены офицеры расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ. Это, конечно, также свидѣтельствуетъ, что обыватели остались довольны ихъ поведеніемъ [27]). Въ тѣ времена,—прибавляетъ біографъ Рунеберга,—не замѣчалось еще въ средѣ русскихъ (офицеровъ) той вражды, которая болѣе или менѣе проявилась послѣ того, какъ національная партія въ Россіи начала свои нападки (?) на права и привилегіи Финляндіи [28])

Какъ въ военной, такъ и въ гражданской средѣ финляндцевъ были случаи выраженія сочувствія къ русскимъ побѣдамъ и геройскимъ подвигамъ. Славную Синопскую побѣду отпраздновали весьма единодушно всѣ сословія г. Або. Они оцѣнили то спокойствіе, которымъ наслаждалась Финляндія подъ могущественнымъ скипетромъ Русскихъ Императоровъ. Въ день тезоименитства Государя (6—18 дек 1853 г.) обыватели Або, вмѣстѣ съ расположенными тамъ войсками, устроили балъ. Всѣ зашевелились. Обыкновенная монастырская тишина города была нарушена. Залъ Сосіете украсили по указанію художника Экмана; въ общей работѣ слились мѣстные архитекторы, купцы, аптекаря и русскіе офицеры. Губернаторъ, ген.-м. Кронстедтъ, открылъ торжество рѣчью на шведскомъ языкѣ, въ которой исчислилъ благодѣянія, излитыя Монархомъ на Финляндію и въ особенности на Або. „Мы собрались по одному чувству вѣрноподданнической преданности къ Государю Императору Николаю I, для выраженія общей ра-

дости, по случаю блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ турками“. Громкое „ура“ перекатилось по залѣ и большая часть гостей по-русски пропѣли „Боже, Царя храни“, хотя многіе не знали этого языка [29]). Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Адмиралъ Нордманъ удостовѣряетъ, что „всѣ славныя дѣла Севастополя читались въ командѣ морского финскаго экипажа и съ завистью произносились имена героевъ-матросовъ Кошки, Шевченки и др.“. Среди чиновъ этого экипажа въ пользу инвалидовъ было собрано до полуторы тысячи руб. сер. Былъ и такой эпизодъ. Финскимъ матросамъ объявили, что имѣющіе право на отставку не будутъ задержаны болѣе въ частяхъ войскъ. Сорокъ стариковъ вышло изъ рядовъ съ заявленіемъ, что отъ отставки отказываются, желая въ будущемъ 1856 году положить животъ свой за права Монарха, во славу Россіи, во славу счастливой Финляндіи [30]).

Разсматривая настроеніе финляндцевъ и ихъ отношенія къ Россіи и русскимъ въ періодъ военныхъ дѣйствій, необходимо прежде всего отдѣлить аландцевъ отъ остальныхъ обывателей Великаго Княжества. Аландцы рознятся отъ финляндцевъ, живущихъ на материкѣ, не только своимъ характеромъ, воззрѣніями и обычаями, но также и своимъ поведеніемъ въ военное время. По господствующему среди аландцевъ взгляду, они себя не причисляютъ ни къ финляндцамъ, ни къ шведамъ, а называютъ просто „ѳленнингъ“. Въ дѣйствительности же они шведскаго происхожденія и по нравамъ, характеру, мѣстнымъ условіямъ и занятіямъ, конечно, схожи болѣе всего съ жителями, прилегающаго Скандинавскаго полуострова. Аландъ лежитъ слишкомъ близко къ Швеціи, чтобы избѣжать ея вліянія. Въ аландцѣ соединяется земледѣлецъ съ морякомъ, причемъ, однако, онъ болѣе морякъ. Онъ не обладаетъ твердостію, обдуманностію и благонадежностію финна. Аландецъ болѣе склоненъ къ довольству (комфорту), коварству, корыстолюбію, болтливости и хвастовству на словахъ, чѣмъ финнъ; онъ трусливѣе финна, но только не на морѣ, гдѣ проявляетъ мужество и хладнокровіе, идя смѣло на встрѣчу бурямъ и непогодамъ; между моряками Балтійскихъ береговъ онъ едва-ли уступитъ кому-либо первенство. Аландецъ болѣе финна впечатлителенъ, легкомысленъ и поверхностенъ. Обладая природнымъ умомъ, онъ оборотливъ. Его помыслы болѣе направлены къ добычѣ денегъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ размышленіямъ. Эта общая характеристика объясняетъ многое въ дальнѣйшемъ поведеніи аландца въ

тѣ дни, когда его острова покрылись непріятельскими войсками. Кѣмъ бы ни считалъ себя аландецъ, но, по словамъ финляндскаго писателя Топеліуса, его симпатіи обращаются вмѣстѣ съ торговымъ флагомъ, то на западъ, то на востокъ [31]).

Какъ только непріятель, по взятіи форта Бомарзунда, покинулъ Аландскіе острова и адмиралъ Непиръ далъ знать, что вновь признаетъ Аландъ русскою областью, генералъ-губернаторъ Финляндіи, ген.-лейт. Рокасовскій, немедленно командировалъ туда для точнаго разслѣдованія поведенія населенія и возстановленія порядка двухъ надежныхъ финляндцевъ—подпоручика Гаделли и протокольнаго секретаря финляндскаго сената фонъ-Борна. Первый былъ избранъ потому, что обладалъ на Аландѣ недвижимостію, почему хорошо зналъ мѣстныхъ жителей и окружающую обстановку; второй былъ извѣстенъ своей распорядительностію и всегдашнею готовностію содѣйствовать пользѣ края [32]). Борну предписано было изслѣдовать поведеніе ленсмановъ, собрать свѣдѣнія о всѣхъ, нарушившихъ присягу и узнать, куда дѣвались хлѣбные запасы Бомарзунда.

Возложенную на него задачу Борнъ выполнилъ прекрасно. Въ его обширномъ донесеніи раскрыта полная картина Аландскихъ острововъ за время осады форта.

Въ апрѣлѣ 1854 г. ген.-л. Рокасовскій писалъ министру статсъ-секретарю: „При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ Аландскіе острова болѣе прочихъ мѣстностей Финляндіи, подвержены будутъ непріятельскимъ покушеніямъ, вслѣдствіе коихъ сообщеніе между этими островами и материкомъ можетъ на время вовсе прекратиться. Аландскіе жители, извѣстные съ прежнихъ временъ патріотическимъ и воинственнымъ своимъ духомъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, и нынѣ готовы встрѣтить непріятеля съ оружіемъ. Остается правительству поддержать этотъ духъ, дать должное направленіе похвальному стремленію жителей и руководить ихъ во всѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для защиты береговъ и населенія [33])“. Вслѣдствіе этого ходатайства уже въ началѣ 1854 г. сдѣлано было распоряженіе о командированіи, въ вѣдѣніе подполковника Фуругельма, изъ каждой роты Лейбъ-Гвардіи Финскаго и Гренадерскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ, дабы они, въ случаѣ высадки непріятеля на Аландскіе острова, содѣйствовали возбужденію жителей къ отраженію врага и вообще защиты края. Кромѣ того подполковнику Фуругельму дали небольшое судно, примѣрную сумму

денегъ и двухъ чиновниковъ. На это командированіе испрошено было Высочайшее соизволеніе, въ виду завѣреній мѣстнаго начальства о похвальномъ желаніи жителей содѣйствовать нашимъ войскамъ [34]). Съ этою же цѣлью разрѣшено было отпустить на Аландъ 500 драгунскихъ ружей [35]). Эти хлопоты оказались напрасными.—Сперва нѣкоторыя данныя указывали на то, что вся эта забота принесетъ извѣстную пользу: настроеніе умовъ благопріятствовало намъ, народъ выражалъ преданность Государю и страшился непріятеля; жители съ готовностію несли тягость постоя и перевозки войскъ и когда подп. Фуругельмъ, черезъ ленсмановъ и духовенство, вызвалъ охотниковъ для защиты Аланда, въ случаѣ высадки непріятеля, то отозвалось до 150 человѣкъ. Имъ роздали ружья. 8-го мая движеніе непріятельскихъ кораблей давало основаніе ожидать высадки, почему охотниковъ вызвали повѣстками въ указанные пункты. Большая часть ихъ явилась. Однако надобности въ нихъ не представилось и ихъ распустили въ тотъ же день. Въ половинѣ іюня охотникамъ Сундскаго прихода предложили прибыть, для охраны острововъ Престъ-Э и Тефтъ-Э, и люди покорились призыву.

Но вскорѣ все измѣнилось. Главную перемѣну произвела высадка непріятеля. Видя значительныя военныя силы непріятеля, народъ испугался и рѣшилъ, что крѣпость скоро должна пасть и острова окажутся во власти враговъ. Кромѣ того, союзники вліяли на населеніе разнаго рода слухами. Цѣль всякихъ пущенныхъ въ ходъ разсказовъ сводилась, конечно, къ возбужденію мирныхъ жителей противъ его законнаго правительства.

Пугая народъ, говорили, что Финляндія уже занята, что города Або и Гельсингфорсъ сожжены, что рекрутская повинность будетъ усилена. Мало того, крестьянамъ обѣщали освобожденіе отъ всякихъ казенныхъ податей и поборовъ, свободную торговлю, широкое винокуреніе и т. п. Изъ Аланда сулили создать независимую область, подъ покровительствомъ западныхъ державъ. Хотя аландскіе жители, занимающіеся тюленьимъ промысломъ, и славятся своей стрѣльбой, но добровольно желающихъ получить порохъ и ружья оказалось мало. „Впрочемъ, чрезвычайно было трудно,—говоритъ офицеръ Бомарзундскаго гарнизона, поручикъ Шателенъ,—и разсчитывать на вооруженіе мирныхъ жителей, по большей части шведскаго происхожденія, при такихъ незначительныхъ силахъ съ нашей стороны, въ сравненіи съ непріятелемъ“ [36]). Таково одно объясненіе отношенія аландцевъ къ дѣлу. Другое,

исходившее отъ мѣстныхъ финляндскихъ властей, указывало на то, что они, не отличаясь особой храбростью, были значительно запуганы войной, а по кореннымъ своимъ привычкамъ, особенно преданы торговымъ интересамъ [37]).

Вѣдавшій дѣломъ добровольцевъ, подп. Фуругельмъ, также аттестуетъ аландцевъ людьми невоинственными и туго жертвующими своею жизнью. На „легіоны“ поэтому нельзя было надѣяться. На главномъ островѣ преобладали земледѣльцы, а рыбаки находились разбросанными по мелкимъ островамъ, откуда затруднительно было являться; да кромѣ того они неохотно покидали свои жилища. Ощущался также недостатокъ въ такихъ подготовленныхъ людяхъ, которыхъ можно было бы поставить во главѣ добровольческаго движенія. А главное — аландцы боялись мести непріятеля [38]).

Очень своеобразную роль играли на Аландѣ нѣсколько шведовъ. Трое изъ нихъ (Девель, Торель и Седербергъ) были поручиками, одинъ портнымъ по профессіи (Берггренъ). Ихъ называли толмачами непріятелей, но кажется вѣрнѣе будетъ отнести ихъ къ подстрекателямъ населенія. При своемъ отъѣздѣ, Девель нагрузилъ цѣлую яхту добычей всякаго рода. Портному союзники обѣщали все, что уцѣлѣетъ при разрушеніи Бомарзунда. Во многихъ шведахъ наши непріятели имѣли усердныхъ помощниковъ, которые собирали для нихъ свѣдѣнія о расположеніи войскъ, о продовольственныхъ пунктахъ и т. п. Посредниками служили прежде всего рыбаки, которые каждое лѣто являлись за свѣжими продуктами для Стокгольма. Наибольшее же стараніе къ розыску полезныхъ для непріятеля свѣдѣній прилагалъ Грислегамскій комендантъ, баронъ Оксеншерна. По согласному показанію многихъ, онъ не упускалъ случая сообщать непріятелю все нужное, а во время бомбардированія Бомарзунда содержалъ на Аландѣ спеціальнаго шпіона, чтобы безъ промедленія получать извѣстія объ успѣхахъ союзниковъ. Когда затѣмъ, въ ноябрѣ 1854 г., изъ Эккерэ въ Грислегамнъ установлено было прежнее прямое почтовое сообщеніе, баронъ Оксеншерна лично отправился къ людямъ, прибывшимъ съ Аланда на первой лодкѣ, и изъявилъ свое удовольствіе, что можетъ привѣтствовать ихъ, какъ братьевъ, ибо русская власть надъ островами прекратилась и русское знамя никогда болѣе не будетъ развѣваться надъ ними. Лоцманскій смотритель (кап. Хальбекъ) въ своемъ донесеніи писалъ, что когда аландцы пріѣзжали въ Стокгольмъ, шведы раздавали имъ разныя брошюры и газеты

(Folkets röst), чтобы статьями порицательнаго характера унизить русское правительство въ глазахъ его аландскихъ подданныхъ [39]).

Всѣ указанныя обстоятельства, разумѣется, вліяли на островитянъ, расшатывая ихъ, и безъ того не особенно прочные, нравственные устои. Были случаи, когда крестьяне, не зная какъ поступить въ извѣстномъ случаѣ, обращались за совѣтами къ пасторамъ и тѣ (напр., Саделíнъ), не всегда, видимо, обладая достаточнымъ мужествомъ, склоняли ихъ къ исполненію требованій непріятеля.

Все это привело къ многимъ печальнымъ результатамъ.

Поручикъ Девель, отъ имени главнокомандующаго, „въ весьма обязательныхъ выраженіяхъ“ писалъ къ ленсманамъ, поручая имъ дѣлать разныя объявленія въ приходахъ. Такъ, однажды поселянамъ заявлено было, чтобы они доставили въ главную квартиру союзниковъ (дер. Финбю) не менѣе одной скотины съ каждаго крестьянскаго двора; въ другой разъ онъ прислалъ приказаніе отобрать у однихъ крестьянъ кули муки, полученные изъ Бомарзунда, и раздать другимъ, а разныя вещи, пріобрѣтенныя отъ плѣнныхъ офицеровъ, доставить въ французскій лагерь.

Такъ какъ случалось, что непріятель угрожалъ сжечь деревню или наказать ослушниковъ его приказаній, такъ какъ онъ прибѣгалъ къ произволу и силою отбиралъ скотъ отъ хозяевъ, не хотѣвшихъ добровольно отдать его за плату, то у многихъ аландцевъ родилась трусость. Они опасались также шпіоновъ, отыскавшихся, къ сожалѣнію, въ ихъ средѣ въ немаломъ количествѣ. Все это приводило къ тому, что смѣльчаки съ иниціативой не могли найти сообщниковъ для уничтоженія, напр., морскихъ знаковъ; другіе, изъ боязни, согласились представить врагамъ ружья, которыя были частью розданы охотникамъ, частью имѣлись еще въ запасѣ, или зарыты были въ землю въ скрытыхъ мѣстахъ [40]).

Но особенно печально знать, что многіе аландцы безъ всякаго принужденія со стороны непріятеля, а единственно по собственному побужденію, рѣшились содѣйствовать союзникамъ. Въ разслѣдованіи фонъ Борна имѣется особый отдѣлъ, наполненный именами тѣхъ, которые сами предложили врагамъ свои услуги по проведенію ихъ кораблей въ шхерномъ лабиринтѣ, по указанію имъ мѣста высадки, по изученію мѣстности вокругъ форта и т. п. [41]). Нѣкоторые явились въ главную квартиру союзниковъ въ первый же день ихъ прибытія на Аландъ. Измѣнники были обыкновенно извѣстны ленсманамъ, но у послѣднихъ не хватало

средствъ отдать ихъ въ руки правосудія. Бывало и такъ, что крестьяне сочувствовали измѣнникамъ и клеймили позорными названіями дѣйствія ленсмановъ, направленныя къ наказанію вредныхъ людей. Иные лоцманы, помогавшіе англичанамъ, оправдывались тѣмъ, что, благодаря хорошей оплатѣ, не терпѣли нужды, и что враги обходились съ ними хорошо. Другіе открыто хвастали вниманіемъ къ нимъ непріятельскаго начальства и тѣми стерлингами, кои получали за свой трудъ. Когда имъ напоминали объ отвѣтственности, они грозили отмстить огнемъ непріятеля. Имѣются въ дознаніи фонъ-Борна указанія на такихъ аландскихъ лоцмановъ, которые во время стрѣльбы съ корабля союзниковъ по Бомарзунду, помогали непріятельскимъ „артиллеристамъ въ ихъ занятіяхъ“. Одинъ изъ измѣнниковъ (торпарь Эрикъ Линдманъ), нагло говорилъ, что жители дер. Флака должны быть ему благодарны за то, что онъ указалъ непріятелю, намѣревавшемуся высадиться у ихъ деревни, другое, болѣе удобное мѣсто, на берегу около Транвика. Другіе (кузнецъ Линдстремъ, вмѣстѣ съ работникомъ Карломъ Мовальсономъ и Карломъ Андерсономъ) провели четырехъ англійскихъ офицеровъ по тропинкамъ и горамъ, среди камней и кустарниковъ, столь близко къ башнѣ С, что тѣ получили возможность произвести рекогносцировку мѣстности. Иные, служа у непріятеля коммисіонерами и шпіонами, указали, гдѣ хранился архивъ полк. Фуругельма, гдѣ находились русскія казенныя лошади и т. п. Часть аландцевъ заклеймили себя тѣмъ, что открыли путь слѣдованія нашей почты, служили проводниками по острову для разныхъ отрядовъ и т. д. Нашлись и такіе, которые не пощадили даже женщину — генеральшу А. П. Бодиско. Она жила въ деревнѣ Юртъ-э [42]) (Сальтвикскаго прихода). Переодѣтая крестьянкой, она отправилась къ главному пастору за свѣдѣніями о ходѣ бомбардировки Бомарзунда, гдѣ находился безотлучно ея мужъ комендантъ. О ней донесли непріятелю. Но, надо полагать, что шпіонъ былъ плохо понятъ безъ толмача и непріятель вообразилъ, что къ пастору приходилъ самъ генералъ Бодиско. Въ усадьбу пастора прибылъ цѣлый отрядъ, требуя выдачи коменданта. Его, конечно, не оказалось; но, чтобы убѣдиться въ этомъ, произведенъ былъ самый тщательный обыскъ.

Нѣкоторыя лица воспользовались присутствіемъ непріятельскаго флота у береговъ Аланда для того, чтобы не исполнить требованій закона по судоходству и таможнѣ. Желая избѣжать

таможенной очистки, большая часть шкиперовъ на Аландскихъ судахъ брали у начальника англійскаго флота въ Ледзундѣ свидѣтельства на безпрепятственное плаваніе въ Швецію. Эти свидѣтельства выдавались безъ особыхъ почти формальностей и кромѣ того ра́спущенъ былъ слухъ, что паспорта финляндскихъ таможенъ въ шведскихъ портахъ не дѣйствительны и что аландскія суда допускаются къ очисткѣ въ таможняхъ Скандинавіи лишь подъ англійскимъ и французскимъ флагомъ. Были и столь дерзкіе шкипера которые потребовали возврата изъ таможенъ денегъ, внесенныхъ ими ранѣе за грузы.

Нѣкто I. Ф. Энквистъ (Enqvist) очень часто и обстоятельно рапортовалъ ф.-Глазенапу, изъ чего можно заключить, что этотъ финляндецъ занималъ какую-то оффиціальную должность. 22 октября 1854 г. онъ доносилъ между прочимъ изъ Або: „Аландскіе жители оказываютъ сопротивленіе земскимъ чиновникамъ и не признаютъ болѣе пасторскихъ правъ. Молодой народъ хочетъ переправиться въ Швецію, чтобы избавиться отъ необходимости нести русскую военную службу, изъ чего можно заключить, какъ и предполагалось, что онъ болѣе настроенъ по-шведски, чѣмъ по-русски („äro mera svenskt än ryskt sinnade“).

Адмиралъ Шанцъ донесъ (6 — 18 авг. 1854 г.) генералъ-губернатору: „Твердое мое мнѣніе (но не секретное) есть, что на Аландѣ много измѣнниковъ“. Абоскій губернаторъ писалъ, что аландцы весьма трусливы и „все сдѣлаютъ за деньги“. Лейтенантъ баронъ Бойе, со словъ пастора Форстрема, сообщилъ о непохвальномъ ихъ поведеніи.

Когда подобныя свѣдѣнія дошли до ген.-л. Рокасовскаго, онъ долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе объ аландцахъ и (въ авг.) донесъ военному министру, что образъ мыслей между ними довольно неблагопріятенъ видамъ нашего правительства, что они старались доставлять непріятелю за плату всѣ возможныя свѣдѣнія и т. п. [43]).

Однако, при наличности всѣхъ указанныхъ печальныхъ фактовъ, большинство аландцевъ, по словамъ фонъ-Борна, „вело себя добросовѣстно относительно Монарха и отечества“. Это же подтвердилъ и подпоручикъ Гаделли. Въ его дознаніи значится, что „жители Аланда, какъ служащіе, такъ и лучшаго сословія, исполнили свой долгъ, если не вмѣнить имъ въ вину того, что нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ и крестьяне, продавали непріятелю въ Финбю и Годбю скотъ, который по приказанію короннаго

фохта, по объявленной въ церкви публикаціи, должны были доставлять непріятелю". Чтобы извинить аландцевъ, приходится не ставить имъ на счетъ также расхищенія крѣпостного имущества (желѣза, муки, кирпича, котловъ, мундировъ и т. п.) и лоцманскихъ услугъ непріятелю, такъ какъ объ этихъ печальныхъ явленіяхъ подпоручикъ Гаделли тоже упоминаетъ въ своемъ разслѣдованіи, прибавляя, что наиболѣе жадными для наживы оказались жители Іомале, Сунда, Сальтвика, Хаммарланда и Эккеръ-Э. Указанія же на услуги аландскихъ шкиперовъ попадаются довольно часто кромѣ того въ запискахъ, веденныхъ во время крейсерства англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ въ 1854 г. [44]).

Общее мнѣніе французовъ объ аландцахъ было таково, что они болѣе преданы шведамъ, чѣмъ русскимъ и что они страдали, когда исходъ войны 1808 — 1809 годовъ передалъ ихъ въ руки Императора Александра I [45]). Въ Англіи также было распространено воззрѣніе, что финляндцы съ энтузіазмомъ присоединятся къ союзникамъ и возстанутъ противъ Россіи, въ надеждѣ вернуться къ Швеціи. Непиръ призналъ такое мнѣніе ошибочнымъ. Расположеніе финновъ къ Швеціи оказалось традиціоннымъ; но въ сущности они были довольны своимъ правительствомъ, отъ котораго получили разныя льготы. Быть финномъ — значило открыть себѣ свободный доступъ всюду. Существованіе въ Финляндіи партіи, желавшей независимости своей родины, Непиръ не отрицаетъ (G. B. Earp; стр. 342). Англичане, принявшіе участіе въ кампаніи, писали, что „всѣ порядочные люди, съ кѣмъ мы только ни встрѣчались здѣсь, совершенно преданны Россіи и не желаютъ быть подчиненными ни шведамъ, ни англичанамъ [46]). „Къ этому же мнѣнію склонился и министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи, баронъ Стирнельдъ, сказавшій нашему посланнику въ Стокгольмѣ, что аландцы не проявили симпатіи къ иноземцамъ, хозяйничавшимъ на островѣ и лишь покорялись требованіямъ необходимости; что они вообще были сдержаны и не увлеклись иллюзіями, которыми разсчитывали подѣйствовать на нихъ союзники [47]). „Образъ мыслей аландскихъ крестьянъ былъ въ пользу русскаго правительства, такъ какъ они помнили оказанныя благодѣянія", читаемъ въ дознаніи подпоручика Гаделли [48]). Абоскій губернаторъ также находилъ, что „болѣе смыслящіе жители не желаютъ никакой перемѣны въ управленіи краемъ и вполнѣ вѣрны подданнической присягѣ" [49]).

Лейтенантъ Костенковъ, прибывшій на Аландъ непосред-

ственно послѣ паденія Бомарзунда, не вполнѣ примкнулъ къ мнѣнію Гаделли и донесъ командующему войсками, что „въ настоящее время многіе изъ жителей, въ особенности отдаленныхъ отъ Бомарзунда деревень, неохотно признаютъ находящіяся тамъ власти, дѣлаютъ иногда обиды нашимъ семействамъ и, какъ говорятъ, не очень расположены къ русскимъ“. Хотя это обстоятельство подтверждено еще заявленіемъ пастора Форстрема, но тѣмъ не менѣе подобное заключеніе нельзя отнести ко всѣмъ вообще жителямъ, потому что многіе изъ нихъ доказали свою преданность и желаніе скорѣйшаго водворенія порядка.

Лейтенантъ баронъ Бойе, посланный на Аландъ, донесъ затѣмъ (въ сентябрѣ 1854 г.) начальнику Абоскаго отряда, ген.-фонъ Венту, что Непиръ „просилъ, чтобы не преслѣдовать тѣхъ изъ жителей Аланда, которые продавали союзникамъ зелень и молоко, они иначе не могли поступить“ [50]).

Въ письмѣ отъ 9 сенября адм. Б. А. Глазенапу баронъ Бойе, донося обо всемъ слышанномъ имъ на Аландѣ,—куда онъ былъ спеціально командированъ на пароходѣ „Суоми“,—разсказалъ о томъ, что англійскій консулъ Стокгольма весною, подъ чужимъ именемъ, пріѣзжалъ въ Гельсингфорсъ, а шведскій подданный Лимбергъ на шлюпкѣ изъ Або отправился прямо на англійскій адмиральскій корабль. Далѣе баронъ Бойе подтверждаетъ нѣкоторыя обстоятельства, установленныя разслѣдованіями барона Борна и подпоруч. Гаделли. Наконецъ, онъ отмѣтилъ слѣдующій эпизодъ: однажды поручикъ шведской службы Торель (или Теорелль), котораго онъ называетъ адъютантомъ Непира, пришелъ къ пастору Форстрему и на дворѣ, и кухнѣ его засталъ толпу крестьянъ, требовавшую криками выдачи муки. Пастора не было дома. Узнавъ отъ жены пастора причину прихода крестьянъ, Торель обратился къ нимъ съ вопросомъ: что, русскіе васъ не вѣшаютъ за это? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, добавилъ: такъ мы васъ всѣхъ повѣсимъ! Послѣ того онъ прогналъ толпу со двора и изъ кухни.

Въ послѣдніе годы путешественники не разъ заѣзжали въ Скарпансъ, чтобы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ стоялъ Бомарзундъ, нынѣ уже забытая крѣпость. Оказывается, что старожилы окрестныхъ мѣстъ сохранили хорошія и миролюбивыя воспоминанія о квартировавшихъ тамъ русскихъ войскахъ и помнятъ нѣсколько русскую рѣчь, которая теперь, за неимѣніемъ русскихъ сосѣдей, конечно, совершенно устранена изъ обихода. Англичанъ доб-

ромъ аландцы не поминаютъ, такъ какъ помнятъ ихъ грабежи и ихъ дурное отношеніе къ оставленнымъ на островахъ женщинамъ, партіи которыхъ брались ими, какъ призы [51]).

Сопоставляя всѣ приведенные факты и принявъ во вниманіе показанія современниковъ, хочется думать, что къ Аланду, какъ и ко всѣмъ остальнымъ мѣстамъ, примѣнима пословица „семья не безъ урода“. Дурные и безнравственные люди и даже измѣнники нашлись, къ сожалѣнію, среди этихъ островитянъ, но они явились въ общей массѣ лишь исключеніемъ, хотя и крупнымъ и печальнымъ, но все-таки не болѣе, какъ исключеніемъ.

Фонъ-Борнъ, прибывъ на Аландъ, увидѣлъ, что отъ бывшей полукруглой укрѣпленной Бомарзундской казармы уцѣлѣло лишь нѣсколько сводовъ, все остальное превращено было въ груды мусора; на внутреннемъ дворѣ казармы валялось около 60 старыхъ пушекъ, приведенныхъ въ полную негодность, значительное число ядеръ, большое количество желѣзныхъ листовъ; въ поврежденныхъ казематахъ башни С находилось нѣсколько заклепанныхъ пушекъ и чугунныхъ лафетныхъ колесъ. Имѣвшіяся на Аландѣ 29 артиллерійскихъ лошадей и 35 — казачьихъ, коими завладѣли непріятели, находились у частныхъ лицъ, которыя требовали вознагражденія за ихъ прокормленіе въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ. Все остальное имущество крѣпости было расхищено окрестными поселянами. Особенно много они увезли муки, желѣзныхъ листовъ, разныхъ предметовъ кованнаго желѣза. Присутствіе непріятельскаго флота въ Ледзундѣ такъ деморализовало жителей Аланда, что обыкновенными увѣщаніями и мѣрами полицейскихъ властей ихъ нельзя было удержать отъ разграбленія развалинъ Бомарзундскихъ укрѣпленій.

Фонъ-Борнъ запретилъ дальнѣйшее разграбленіе развалинъ крѣпости и кромѣ того, путемъ публикацій, призывалъ всѣхъ возвратить все казенное незаконно-захваченное имущество. Къ чести нѣсколькихъ сотенъ аландцевъ слѣдуетъ сказать, что они съ раскаяніемъ вернули часть муки, крупы, овса, кованнаго и листоваго желѣза, при чемъ указывали, что были введены въ соблазнъ „заманчивыми возваніями непріятеля“ и получили много отъ него, въ видѣ вознагражденія, за подводы и за другіе, понесенные во время осады, убытки.

Чтобы удержать населеніе отъ дурнаго поведенія, мѣстное лютеранское духовенство прибѣгало къ увѣщаніямъ, воззваніямъ и проповѣдямъ, въ которыхъ напоминало ему объ обязанностяхъ

по отношенію къ Государю и отечеству. Иногда офицеры союзныхъ войскъ въ значительномъ числѣ, вѣроятно изъ любопытства, посѣщали воскресное богослуженіе въ ближайшихъ къ нимъ киркахъ и въ такихъ случаяхъ нѣкоторые финляндскіе пасторы находили неудобнымъ читать установленныя молитвы за Императорскую фамилію и замѣняли ихъ псалмами.

Главный пасторъ пробстъ Саделинъ не проявилъ въ трудное время войны должнаго такта и не далъ паствѣ своимъ поведеніемъ достойнаго примѣра для подражанія. Онъ, избравъ предметомъ проповѣди важность и цѣнность священнаго писанія, сталъ восхвалять англійскій народъ за соблюденіе праздничныхъ дней и за усердіе въ дѣлѣ распространенія библіи среди чужихъ націй, причемъ и Финляндія нерѣдко имѣла удовольствіе получать священныя книги изъ Великобританіи.—„А потому,—говорилъ проповѣдникъ,— мы должны быть благодарны сему великодушному народу, который содѣйствовалъ нашей пользѣ въ важномъ дѣлѣ вѣчнаго нашего блаженства“.—Эта проповѣдь была не единственной выходкой, въ которой Саделинъ превозносилъ врага и не единственнымъ поступкомъ, характеризующимъ этого служителя алтаря съ отрицательной стороны.

Одинъ только Саделинъ изъ всего аландскаго духовенства повиновался приказанію непріятеля, доставить скотъ и жизненные припасы въ лагерь союзниковъ. Не смотря на то, что непріятель вовсе не переступалъ предѣловъ его кирхшпиля и населеніе не находилось подъ вліяніемъ его насилія, Саделинъ пересталъ по воскресеньямъ читать молитву за Царствующій Домъ и за успѣхъ войны, признавъ неумѣстнымъ просить объ успѣхѣ русскаго оружія въ то время, когда край этотъ занятъ непріятелемъ. Все это онъ предписалъ дѣлать также и своему помощнику и представителю другого капелланства. Тотъ же Саделинъ, обнаруживая свою трусость и заботу о собственной безопасности, совѣтовалъ ленсману во всемъ держаться приказаній непріятеля.

Другіе пасторы на Аландѣ не послѣдовали, къ счастію, за Саделинымъ и помогали Абоскому губернатору въ сборѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, содѣйствовали пересылкѣ нужныхъ пакетовъ Бомарзундскому военному начальству, давали убѣжище обездоленнымъ войною и т. п. Нѣкоторые капелланы проявили большое рвеніе въ сокрытіи казеннаго имущества отъ глазъ непріятеля и вообще помогали нуждающимся, чѣмъ могли.

На Аландѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Финляндіи, отыскались частныя лица, которыя въ скромной своей долѣ честно служили родинѣ и по собственному почину исполняли трудныя обязанности, подвергая себя добровольно серьезной опасности. Провинціальный лекарь Фриманъ скрылъ у себя и въ лазаретѣ стрѣлковъ, которые, избѣгая плѣна, перебирались на материкъ; онъ же спряталъ кассу полк. Фуругельма. Крестьянинъ Янъ Карлсонъ укрылъ въ сараѣ ротмистра Шеншина и его почталіона, а затѣмъ, испросивъ себѣ у англичанъ позволеніе съ семействомъ присутствовать на богослуженіи въ аландской киркѣ, помогъ Шеншину и его спутнику незамѣченными переправиться, мимо непріятельскихъ крейсеровъ, въ Бомарзундъ. Другой крестьянинъ Генрихъ Андерсонъ, прикрывъ почтовыя сумки кучей рыболовныхъ сѣтей, переправилъ ихъ на Аландъ на глазахъ сторожевого непріятельскаго бота. Третій, продавъ англичанамъ рыбу и землянику, попросилъ у нихъ разрѣшеніе отвезти больного своего работника въ лазаретъ, въ дѣйствительности же доставилъ на Аландъ нужныя посылки. Четвертый, шкиперъ Хеггбломъ, промышлялъ тѣмъ, что перевозилъ съ Аланда въ Або не только извѣстія, но и людей. Два торпаря смѣло стрѣляли по непріятельскимъ лодкамъ. Такихъ молодцовъ было немало. Одни не выдали оружія непріятелю, не смотря на его настоянія, другіе сообщали свѣдѣнія о его движеніи подлежащему начальству. снимали морскіе знаки (бакены) англичанъ съ фарватера, или перекрашивали ихъ въ другіе цвѣта и т. п. Особенное усердіе въ этомъ отношеніи оказалъ ленсманъ кирхшпиля Фёгле-Эрбомъ. Онъ проявилъ, кромѣ того, исключительную стойкость въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, препятствуя жителямъ подвозить припасы непріятелю и вступать съ нимъ въ сношенія, почему въ виду жалобъ ненадежной части населенія Аланда, былъ захваченъ непріятелемъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Англію [52]).

Среди подобныхъ храбрецовъ и находчивыхъ обитателей Аландскаго архипелага выдѣлился одиннадцатилѣтній сынъ почталіона Фагерлунда (Александръ). Въ разгаръ бомбардировки Бомарзунда, когда окрестности форта были полны непріятельскихъ солдатъ, этотъ мальчикъ ночью черезъ лѣса и горы проникъ въ фортъ, вручилъ почту и, выскочивъ изъ амбразуры, осторожно, мѣстами ползкомъ, прошелъ благополучно обратно мимо непріятеля.

Были и другіе поступки, которые выше всякой похвалы:

напримѣръ, крестьянина Іогана Ульриха Янсона (изъ деревни Бунасъ-бю). Въ его домѣ проживала жена бомбардира Гасмана съ двумя малолѣтними дѣтьми. Гасманъ былъ взятъ въ плѣнъ; жена поѣхала на свиданіе съ нимъ и болѣе не возвращалась. Янсонъ собралъ имущество дѣтей, одѣлъ ихъ своими средствами и, отыскавъ спрятанныя въ постели 200 рублей, вручилъ ихъ лейтенанту Костенкову, съ убѣдительной просьбой опредѣлить ихъ въ какое-нибудь казенное заведеніе.[53]).

Изъ числа аландскихъ лоцмановъ многіе уклонились отъ предложеній англичанъ служить имъ проводниками; а нѣкоторые, захваченные ими врасплохъ, избѣжали насилія, благодаря своей находчивости. Разсказываютъ, что лоцманскій ученикъ І. Эр. Лильендаль не успѣлъ скрыться бѣгствомъ отъ вооруженныхъ вербовщиковъ. „Ты казенный лоцманъ и потому долженъ слѣдовать за нами“ — объявили ему черезъ переводчика. Лильендаль спокойно отвѣтилъ: „да, я, признаться, служилъ въ званіи казеннаго лоцмана, но лишился зрѣнія и вынужденъ былъ выйти въ отставку. Вы, конечно, можете взять меня, но пользы вамъ никакой отъ меня не будетъ потому, что я не вижу и на 10 шаговъ впередъ, и, слѣдовательно, проводить васъ не могу“. Его отпустили [54]).

Во время блокады Аландскихъ острововъ открылось свободное сообщеніе со Швеціей и многіе изъ Стокгольма поспѣшили къ Бомарзунду, чтобы быть очевидцами его бомбардированія. Одинъ изъ прибывшихъ шведовъ обратился къ толпѣ и поздравилъ обывателей съ тѣмъ, что они скоро будутъ вновь его соотечественниками. Дочь шкипера дѣвица Халленъ, услыхавъ эти слова, заявила, что аландцы не сдѣлаются шведами даже и въ томъ случаѣ, если укрѣпленіе попадетъ въ руки враговъ, а останутся русскими вѣрноподданными. На это шведъ возразилъ: „будьте такъ добры, покажите мнѣ здѣсь русскаго“. „Вотъ русская всею душею“, — отвѣтила дѣвица Халленъ, указывая на себя [55]).

Отмѣтимъ, наконецъ, подвигъ копіиста сената Нормена. Одинъ изъ аландскихъ измѣнниковъ (Андерсъ Михельсонъ) сообщилъ непріятелямъ о существованіи особой кассы полк. Фуругельма и навелъ ихъ даже на слѣдъ этой кассы. Тѣмъ не менѣе Нормену, при содѣйствіи провинціальнаго лекаря (Фримана) и капеллана (Эклева), удалось переправиться на шведскій берегъ и черезъ Торнео благополучно доставить всѣ 10 тыс. руб. въ Гель-

сингфорсъ, за что ему пожалованъ былъ орденъ Владиміра (4 ст.) и 200 руб. награды [56]).

Поведеніе аландцевъ вполнѣ правильно оцѣнено было генералъ-губернаторомъ, когда онъ, въ началѣ 1856 г., писалъ министру статсъ-секретарю: „если нѣкоторые изъ жителей Аланда, во время занятія непріятелемъ этихъ острововъ, по малодушію и коварнымъ внушеніямъ враговъ, измѣнили своему долгу и присягѣ, то въ тоже время многіе изъ нихъ оставались непоколебимыми въ этомъ отношеніи и показали собою примѣръ полной преданности законному правительству". Виновныхъ первоначально удалили на материкъ Финляндіи, а потомъ по заключеніи мира, предали суду; отличившихся же представили къ наградамъ [57]).

2-го марта 1854 г. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ гельсингфоргскій университетъ и, обратясь къ студентамъ, сказалъ: „большія несчастія угрожаютъ всѣмъ намъ, но Я увѣренъ, что вы не измѣните находящемуся въ опасности отечеству". Не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что финскій народъ рѣшилъ остаться вѣрнымъ своему законному Монарху и исполнить долгъ, вытекшій изъ факта принадлежности его Россіи. „Но нельзя отрицать"—пишетъ профессоръ Рейнъ въ своей обстоятельной монографіи о сенаторѣ Снельманѣ,—„что у одной части ея молодыхъ членовъ, особенно среди студентовъ, сказалось фрондирующее направленіе" [58]). Тотъ ультралиберализмъ и противоправительственное настроеніе, которое обошло Европу въ 1848 г., не миновало финляндской молодежи. Режимъ царствованія Императора Николая I не только не справился съ этимъ вѣяніемъ Запада, но, напротивъ, нѣкоторыми своими мѣропріятіями далъ ему новую пищу. Наступившая война еще значительнѣе окрылила воображеніе нѣкоторыхъ лицъ. Общество видѣло въ Николаѣ Павловичѣ и въ его самодержавной власти наиболѣе серьезнаго врага конституціонно-либеральныхъ идей, и потому свободомыслящіе люди Финляндіи выразили свое сочувствіе западнымъ державамъ, надѣясь, что при ихъ побѣдѣ излюбленныя идеи получатъ права гражданства въ предѣлахъ ихъ родины. Все это, вмѣстѣ взятое, дало сильный толчекъ несбыточнымъ мечтаніямъ, особенно у той кучки молодыхъ людей, которые были извѣстны тогда въ краѣ подъ именемъ „безкровныхъ" (de blodlöse) [59]).

Кучка эта настолько высоко подняла голову, что въ Гельсингфорсѣ не смѣли осудить ея воззрѣній. Кто не сочувствовалъ

ея направленію, подвергался бойкотированію. Одинъ изъ лучшихъ писателей Финляндіи, Зах. Топеліусъ, отличавшійся особенно мягкимъ характеромъ, религіознымъ чувствомъ и вообще многими симпатичными качествами своего характера, позволилъ себѣ, въ издаваемой имъ газетѣ „Helsingfors Tidningar“ высказаться неодобрительно по вопросу о заступничествѣ христіанскаго Запада за мусульманскую Турцію. По поводу первой стычки финновъ съ непріятелями у Экенеса и Витсанда (Hvitsand), Топеліусъ, въ стихотвореніи „Первая капля крови“, въ поэтической формѣ осудилъ непріятеля, оросившаго въ чудный весенній день прекрасный берегъ Финляндіи человѣческой кровью. Въ стихотвореніи говорилось также: „Мы защищаемъ наши берега, мы сражаемся за свою родину и тягость причины этой крови на насъ не ляжетъ. Политическія неурядицы, Европа, Магометъ, все, все забыто, ибо теперь Финляндія привлечена къ участію“. За эти заявленія Топеліусъ подвергся преслѣдованію фрондировавшей оппозиціи. Газета „Morgonbladet“, редактировавшаяся тогда Авг. Шауманомъ, клеймила Топеліуса и инсинуировала по адресу его изданія, про которое тогда говорили, что оно является полуоффиціальнымъ органомъ, ищущимъ покровительства власти. Чего нельзя было высказать въ Гельсингфорсѣ, то договаривалось въ Стокгольмѣ, гдѣ газета „Aftonbladet“ широко открыла свои столбцы для всякаго рода клеветъ и извѣтовъ, лишь бы они могли быть направлены противъ Россіи. Въ корреспондеціяхъ изъ Финляндіи „Aftonbladet“ изобразила Топеліуса въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. О немъ писали, что онъ „бѣсится какъ полусумасшедшій противъ Турціи и англичанъ“ и что имъ руководитъ лакейство и заискиваніе. Въ Гельсингфорсѣ создалось такое общее настроеніе противъ бѣднаго и ни въ чемъ неповиннаго поэта, что даже не всѣ его знакомые дерзали здороваться съ нимъ на улицѣ.

Послѣ дѣла при Гамле-Карлебю „фрондирующая оппозиція“ еще опредѣленнѣе проявила свое направленіе. Она прямо осмѣивала воинское рвеніе тѣхъ гражданъ, которые, вмѣстѣ съ войсками, отражали англичанъ. Одному студенту, принявшему участіе въ защитѣ города, пришлось перенести за это не мало насмѣшекъ. И вообще они не желали слышать какихъ-либо нареканій на попираніе англичанами правъ народа. Газета „Morgonbladet“ пыталась даже, насколько возможно было, оправдать поведеніе англичанъ общими разсужденіями, въ родѣ того, что всякая война неизбѣжно сопровождается несчастіями и страданіями для отдѣль-

ныхъ лицъ и т. п. Только тогда, когда „Times“ неодобрительно отнесся къ уничтоженію англичанами частной собственности въ городахъ Брагестадѣ и Улеоборгѣ, и когда въ парламентѣ сдѣланъ былъ Мильнеромъ Гибсонъ запросъ по поводу пожаровъ въ сихъ городахъ, въ Финляндіи прекратились защитительныя рѣчи, прикрывавшія морскіе разбои. Такимъ образомъ видно, что фронда доходила до анти-патріотическихъ выходокъ.

Прошло почти сорокъ лѣтъ. Авг. Шауманъ—издатель „Morgonbladet“—вновь взялся за перо, чтобы оживить это прошлое и передать (въ своихъ воспоминаніяхъ) потомству нѣкоторые факты, а также пояснить ту точку зрѣнія, которой онъ тогда держался, какъ редакторъ указанной газеты. Назвавъ Топеліуса Тиртеемъ и приведя два его стиха, онъ говоритъ: „Что Финляндія обязана была принять участіе въ войнѣ и съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлать все, что могла для отраженія непріятельскихъ нападеній на ея берегъ, въ этомъ не могло быть различія во взглядахъ. Этого требовалъ долгъ, тяжелый долгъ, который необходимо было свято исполнить. Но сознаніе сего долга нельзя было поднять во всѣхъ на степень энтузіазма („Men denna pligtkänsla kunde icke hos alla bringas upp till entusiasm“). Если капля крови двухъ-трехъ раненыхъ воиновъ и пролилась на финскомъ берегу, то тѣмъ самымъ честь нашей страны не была еще запятнана, и если непріятелемъ похищенъ какой-то корабль, то этимъ еще право страны не было нарушено. Военное время естественно должно было причинить намъ большія потери и страданія, къ этому намъ надлежало быть подготовленными; оставалось только терпѣливо покориться имъ и утѣшиться тѣмъ, что тягость вины за все это падала не на насъ... Причины войны лежали далеко отъ насъ; Финляндія не имѣла никакого въ нихъ участія. Въ послѣдствіяхъ отъ нихъ также нельзя было предвидѣть никакихъ неблагопріятныхъ (ogynsam) перемѣнъ нашего положенія. Громы войны могли, пожалуй, въ извѣстной мѣрѣ очистить ту давящую атмосферу, которая насъ окружала; другихъ перемѣнъ не ожидалось [60])“.

Рядомъ съ фрондирующими финляндцами справедливость требуетъ поставить еще одно печальное явленіе, которое изрѣдка давало себя знать то здѣсь, то тамъ. Мы говоримъ объ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лоцмановъ къ своимъ обязанностямъ. Многіе изъ нихъ выказали себя замѣчательными героями и подвиги ихъ тогда же были отмѣчены въ русской печати. Особенно громкую извѣстность заслужилъ лоцманъ Сёдерлингъ. Этотъ отважный мо-

рякъ на утлой лодкѣ поѣхалъ осмотрѣть тѣ мѣста около Поркалаудда (19 іюня 1854 г.), на которыхъ непріятелемъ разставлены были баканы. Съ Сёдерлингомъ находился лоцманскій ученикъ и одинъ крестьянинъ. Лодка была замѣчена непріятелемъ, который сталъ преслѣдовать ее на пароходѣ. Девять пушечныхъ выстрѣловъ было сдѣлано по лодкѣ, но она уцѣлѣла. Во время преслѣдованія пароходъ наткнулся на мель. Не желая упустить дерзкаго финна, непріятель снарядилъ для погони двѣ шлюпки, съ которыхъ открытъ былъ по бѣглецамъ ружейный огонь. Держа одной рукой парусъ, а другой весло, замѣнявшее руль, Сёдерлингъ прекрасно лавировалъ и, наконецъ, выйдя на вѣтеръ отдѣлался отъ англичанъ. Едва обстоятельства нѣсколько поправились и Сёдерлингъ получилъ возможность освободить руки, онъ взялъ ружье и сдѣлалъ по непріятелямъ два выстрѣла. Тѣ отвѣтили двумя залпами и прекратили преслѣдованіе. Это небывалое единоборство происходило на протяженіи 7 верстъ [61]). Извѣстно еще, что многіе финляндцы отказались служить проводниками у англичанъ [62]), напр., Бергстремъ (владѣлецъ судна „Викторъ“). Онъ опасался послѣдствій отъ посадки англійскаго судна на мель [63]). По нѣкоторымъ лоцманскимъ лодкамъ стрѣляли изъ пушекъ [64]). Мы указывали уже на подвигъ крестьянина Канконена и на достойное поведеніе коммерціи совѣтника Доннера, портреты коихъ имѣются въ гельсингфорскомъ дворцѣ. Не мало мужества проявили еще почтари-гребцы, перевозившіе почту въ шхерахъ. Благодаря ихъ осторожности и сообразительности, почта ни разу кажется не попала въ руки непріятеля, крайне затруднявшаго своимъ дозоромъ сообщеніе между островами и материкомъ [65]).

Лоцманъ Седерлингъ.

Но, къ сожалѣнію, рядомъ съ этими самоотверженными героями, оказались и такіе лоцманы, которые или отказывали намъ

въ своихъ услугахъ, или, напротивъ, содѣйствовали проводкѣ непріятельскихъ судовъ. Извѣстный уже намъ Аркасъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай: „Мнѣ хотѣлось ночью на одномъ изъ своихъ пароходовъ „Смѣломъ“ выйти къ стоявшимъ противъ Свеаборга кораблямъ (непріятеля) и потаранить одного или двухъ... Пароходъ былъ готовъ, но лоцманъ, вѣроятно, умышленно куда-то скрылся... По этому поводу Аркасъ призналъ нужнымъ заявить, что во время войны наши лоцманы-финляндцы вели себя очень двусмысленно: были основанія предполагать даже, что они сообщали непріятелю все, что у насъ дѣлалось въ Финляндіи. Не могу умолчать также, — говоритъ онъ, — о томъ, что финляндскіе землевладѣльцы весьма недружелюбно относились къ намъ, морякамъ и войскамъ, почти всегда отказывали въ продажѣ какой-либо необходимой провизіи и при удобномъ случаѣ снабжали ею непріятеля, съ которымъ, повидимому, были въ близкихъ отношеніяхъ [66])...

Въ „Абоскихъ Извѣстіяхъ „1854 г. [67]) имѣется указаніе на то, что наиболѣе опытный лоцманъ Ананій Михельсонъ, захваченный англичанами во время его плаванія къ Торнео, указалъ непріятелю не только путь къ Улеоборгу, но также и тѣ мѣста, въ которыхъ обыватели этого города запрятали часть своихъ запасовъ. Бывшіе съ нимъ два матроса говорили, что Михельсонъ имѣлъ возможность избѣжать англійскаго захвата, но не пожелалъ воспользоваться обстоятельствомъ [68]). Военный инженеръ Шателенъ, участникъ войны 1854 — 1855 г., описывая [69]) атаку и оборону Аландскихъ укрѣпленій, говоритъ, между прочимъ: „Командиръ англійскаго парохода „Гекла“, капитанъ Холь, захвативъ (въ іюнѣ 1854 г.) нѣсколько рыболовныхъ судовъ, подъ обѣщаніемъ владѣтелямъ отпустить ихъ, добылъ себѣ проводниковъ [70]). Бывали, наконецъ, и такіе, которые просто спекулировали лоцманской службой и англичанамъ приходилось ихъ отставлять за малую опытность въ ней [71]).

Несомнѣнно, что фрондирующіе и нѣсколько недостойныхъ лоцмановъ явились не болѣе, какъ исключеніемъ изъ общаго правила и потому мы отнюдь не склонны придавать этимъ отдѣльнымъ случаямъ какого-либо распространительнаго толкованія, такъ какъ всѣ остальные факты показываютъ, что финны были столь же готовы „лечь костьми“ за Царя и отечество, какъ и остальные русскіе подданные.

Оппозиціонная фронда, какъ извѣстно, находила себѣ под-

держку въ нѣкоторыхъ органахъ печати Швеціи, которые полагали, что насталъ удобный моментъ для возвращенія Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Швеціи признано было желательнымъ выслушать голосъ самихъ финновъ по вопросу о возсоединеніи. Такой голосъ скоро подалъ Эмиль фонъ-Квантенъ, финнъ, родившійся въ 1827 г. въ гор. Бьернеборгѣ. Подъ псевдонимомъ Peder Särkilax онъ въ 1855 г. выпустилъ двѣ брошюры о „Финноманизмѣ и скандинавизмѣ“ („Fennomani och skandinavism“). Въ первой изъ нихъ Квантенъ разъяснялъ то финно-національное движеніе, которое проявилось въ Финляндіи, стараясь оправдать его и разсѣять тѣ облака недоразумѣнія и охлажденія, которыя были вызваны въ Швеціи этимъ финноманскимъ движеніемъ. Вторая его брошюра посвящена была разъясненію вопроса: „возможно ли вновь объединить Финляндію со Швеціей?“. Авторъ толкалъ Швецію въ войну, чтобы затѣмъ вознаградить ее Финляндіей, которая, по его мнѣнію, должна быть отторгнута отъ Россіи. Когда отторженіе состоится, то,—пророчилъ Квантенъ,—въ финнахъ проснется заглушенное стремленіе къ свободѣ и они съ радостію протянутъ руки своимъ шведскимъ освободителямъ. Но, — предупреждалъ Квантенъ,— развившееся уже у финновъ національное самосознаніе не даетъ возможности присоединить Финляндію къ Швеціи на прежнихъ основаніяхъ (т. е. провинціи), а требуетъ, чтобы она вошла въ союзъ сѣверныхъ странъ—Швеціи, Норвегіи и Даніи,— какъ самостоятельное государство, но съ общимъ для Швеціи королемъ. Дипломатическое представительство, вмѣстѣ съ таможней и почтой, должны быть едины для Финляндіи со Швеціей, армію и флотъ необходимо организовать на одинаковыхъ основаніяхъ, бюджетъ слѣдуетъ имѣть общій. Каждая страна будетъ имѣть свой риксдагъ, куда по общимъ дѣламъ будутъ взаимно посылать своихъ представителей. Такова основа политической теоріи Квантена [72]).

Попутно, въ изложеніи фактовъ и соображеній, Квантенъ не упустилъ, конечно, случая излить чувства, которыя онъ лично питалъ къ Россіи. Авторъ, очевидно, жилъ надеждой, что побѣда достанется западнымъ государствамъ и что Россія будетъ раздѣлена на нѣсколько частей, почему онъ совѣтовалъ Швеціи не только отобрать Финляндію, но прихватить также и русскую Карелію [73]).

Брошюры Квантена были широко распространены въ Финляндіи, но,—говоритъ Рейнъ,—особаго вліянія онѣ не произвели; только въ молодежи онѣ поддержали политическія мечтанія о но-

вомъ будущемъ ихъ родины. Единственный голосъ, поднятый въ Финляндіи противъ политическихъ домогательствъ партіи „безкровныхъ“, принадлежалъ Снельману. Онъ смѣло разилъ ихъ, доказывая несостоятельность задуманныхъ плановъ и вредъ ихъ для родины. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Снельмана, конечно, чернили и въ его статьяхъ видѣли признательность правительству за представленное ему сенаторское кресло.

Генералъ-губернаторъ Бергъ внимательно слѣдилъ за „фрондой“ и особенно интересовался ея сношеніями съ финляндскими эмигрантами, удалившимися въ Швецію, гдѣ они содѣйствовали пропагандѣ панскандинавизма, желая вовлечь въ ея сѣти также и Финляндію. Разныя политическія выходки „университетскихъ“ повели къ тому, что Государь повелѣлъ ничего важнаго впредь не предпринимать въ университетѣ безъ вѣдома генералъ-губернатора. Однако, и дѣйствіями гр. Берга Императоръ Александръ II остался не вполнѣ доволенъ. Отголоскомъ университетскихъ фантазеровъ явилась также нашумѣвшая въ свое время такъ—называемая „исторія въ Телэ“ (предмѣстье Гельсингфорса). Она сводилась къ тому, что университетская молодежь на обѣдѣ съ обильнымъ возліяніемъ принялась за тосты съ шутками и остротами политическаго характера. Поднимались бокалы за „наихристіаннѣйшаго султана Турціи“, за его союзниковъ, за маршала Канробера, за ген. Берга и др. (Остроты были построены, между прочимъ, на томъ, что среди прислуги ресторана оказался кельнеръ Каннъ Робертъ, а среди пировавшихъ—Эдвардъ Бергъ, впослѣдствіи извѣстный финляндскій публицистъ). Въ рѣчахъ было много дерзости, а въ поведеніи — много безтактности. Далеко не всѣ финляндцы одобрили „исторію въ Телэ“. Ген. Бергъ сталъ думать о реформѣ университета. Проф. Рейнъ, описывая эту исторію, говоритъ, что „только политическая наивность“ могла усмотрѣть въ ней юношескую шутку. Генералъ-губернаторъ энергично принялся за уничтоженіе зла, корнемъ котораго „были,—по словамъ Рейна,—все-таки тѣ глупцы и пустые фантазеры, которые ввели смуту въ финляндскомъ обществѣ“.

Въ маѣ 1855 г. генералъ-адъютантъ Бергъ сообщилъ министру статсъ-секретарю гр. Армфельту о существованіи въ Финляндіи общества, возбуждающаго край противъ нашего правительства (d'une société d'hommes qui agitent le pays contre nous [74]). Въ декабрѣ того же года ген. Бергъ донесъ военному министру о томъ, что Квантенъ опубликовалъ въ Швеціи брошюру объ учреж-

деніи союза Скандинавскихъ государствъ, въ составъ какового должна была, по мысли автора, войти также и Финляндія. „Я представилъ,—прибавляетъ ген. Бергъ,—эту брошюру канцлеру, который отвѣтилъ, что считаетъ ее столь-же опасной, какъ бомбардированіе. Изъ приложеннаго письма увидите, что лордъ Пальмерстонъ, по своимъ революціоннымъ взглядамъ, ухватился за эту идею, чтобы придать ей значеніе . . . . . Не лишнее прибавить, что англійское правительство подхватываетъ революціонныя идеи повсюду, гдѣ можно".

Догадки ген. Берга основывались на сообщеніи Кудрявскаго изъ Гамбурга (отъ 22 дек. 1855 г.). Кудрявскій писалъ, что во время поѣздки ген. Канробера въ Стокгольмъ, въ „Times" появилось письмо за подписью „Норвежецъ" („Norvégien"). Оно впервые привлекало вниманіе общества Англіи къ Финмаркену, который вслѣдъ затѣмъ сдѣлался поводомъ къ ноябрскому трактату, заключенному союзниками съ Швеціей. Теперь „Times" помѣстилъ новое письмо того же „Норвежца", который есть никто иной, какъ лордъ Пальмерстонъ. Онъ (лордъ) убѣдился, что финляндцы выразили отвращеніе къ новому подчиненію ихъ Швеціи, а потому сталъ изыскать иное средство, къ ограниченію захватовъ Россіи, чѣмъ отнятіе отъ нея Финляндіи. Это средство слѣдующее: надо объявить отмѣну постановленія 1852 г. о престолонаслѣдіи Даніи и создать Скандинавскій союзъ такимъ образомъ, чтобы послѣ смерти или отреченія нынѣшняго короля Даніи, три королевства были поставлены подъ управленіе династіи Бернадотта. Вотъ о чемъ,—прибавляетъ Кудрявскій,—мечтаютъ теперь западныя державы и возможно, что эта тройственная унія была предметомъ разговора ген. Канробера. Во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе, что этотъ „Норвежецъ" всегда является предвозвѣстникомъ того, что вскорѣ затѣмъ исполняется въ этихъ странахъ [75]).

Въ то же время ген. Ѳ. Бергъ доносилъ военному министру, что Швеція вооружается для будущей войны съ Россіей, стокгольмскія газеты поддерживаютъ воинственное настроеніе и шведскій флотъ, какъ говорятъ, долженъ быть готовъ къ выступленію въ море 1 марта (1856 г.). Все это ставилось въ связь съ приготовленіями въ Англіи, гдѣ намѣревались выслать въ Балтику 204 судна, сверхъ французскихъ. На случай присоединенія Швеціи къ нашимъ врагамъ, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, ген. Бергъ излагалъ свои предположенія и говорилъ, что на Финляндію слѣдуетъ при этомъ обратить особое вниманіе [76]).

Къ предположеніямъ Кудрявскаго поучительно прибавить, что Наполеонъ III, во время посѣщенія Англіи въ 1857 г., въ разговорѣ съ лордомъ Пальмерстономъ, выразилъ, что онъ, императоръ, радъ тому, что имѣлъ возможность въ настоящій свой пріѣздъ пролить свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, а именно на Скандинавскій. „Онъ заявилъ лорду Пальмерстону, что населеніе желаетъ слитія трехъ государствъ сѣвера, но что онъ опасается, какъ бы, въ случаѣ соединенія Даніи съ Швеціей, Англія не воспротивилась бы овладѣнію Гольштиніи Пруссіею, дабы послѣдней не досталась безподобная Кильская гавань, на что лордъ Пальмерстонъ отвѣтилъ ему: „Нисколько“ [77]).

Въ Англіи знали также о желаніи Швеціи возвратить Финляндію, и въ тоже время тамъ было извѣстно, что болѣе благоразумные шведы понимали послѣдствія такого возсоединенія, когда имъ опять пришлось бы стать лицомъ къ лицу съ Россіей, по уходѣ союзниковъ изъ Балтики. Англія и Франція сознавали трудность гарантировать Швеціи обладаніе Аландскими островами и Финляндіей. Англійскій же историкъ Балтійской кампаніи, G. B. Earp (стр. 344), находилъ, что Швеціи можно было помочь: для этого надлежало поднять Финляндію противъ Россіи. Надо полагать, что это мнѣніе являлось не его личнымъ, а раздѣлялось и другими на Западѣ, гдѣ положеніе Финляндіи въ то время подвергалось частымъ обсужденіямъ и гдѣ группа людей усматривала, что нужно было отнять Финляндію у Россіи, а не бороться съ нею въ Крыму.

Парижскій миръ 1856 г. разрушилъ воздушные замки маленькой финляндской фронды, но былъ моментъ, когда осуществленіе программы Квантена казалось нѣсколько вѣроятнымъ. Это—періодъ переговоровъ, которые вела Франція, съ цѣлью вовлеченія Швеціи въ Восточную войну.

Намѣреніе Швеціи принять участіе въ войнѣ, естественно, возбудило большой интересъ въ Финляндіи. Что думала по поводу этого обстоятельства фрондировавшая оппозиція легко, конечно, представить. Но даже для болѣе спокойныхъ людей, воззрѣнія которыхъ совершенно расходились съ кучкой увлекавшихся, франко-шведскіе переговоры дали обильную пищу для соображеній всякаго рода. Вопросъ о войнѣ или мирѣ, послѣ паденія Севастополя, продолжалъ всю осень обсуждаться въ финляндскомъ обществѣ,— какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ Авг. Шауманъ. Къ газетнымъ извѣстіямъ сдѣлались еще болѣе внимательными. Русскія и ино-

странныя изданія усердно прочитывались въ гельсингфорскомъ клубѣ, который помѣщался тогда на углу Эспланады и Уніонской улицы (гдѣ теперь домъ Эдлунда, а тогда былъ домъ Ушакова). Клубъ посѣщался также и русскими офицерами. Реляціи и телеграммы, печатавшіяся въ „Русскомъ Инвалидѣ“, финляндцамъ приходилссь сообща и не безъ усилій „дешифрировать“, въ виду слабаго знанія ими русскаго языка. По прочтеніи газетъ начиналась политическая бесѣда. Но такъ какъ вполнѣ откровенный политическій разговоръ неудобно было вести въ стѣнахъ клуба, въ присутствіи пестрой толпы его посѣтителей, то собесѣдники выходили на улицу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось обсуждать какой-либо текущій вопросъ или дѣло, касавшееся Финляндіи. Самъ Авг. Шауманъ обмѣнивался мыслями со Снельманомъ, во время прогулокъ по улицамъ отъ клуба до квартиры послѣдняго. Подобныя прогулки были особенно въ ходу въ ноябрѣ (1855 г.), въ періодъ поѣздки Канробера въ Стокгольмъ. О томъ, что поѣздка генерала Канробера весьма замѣтно отозвалась на настроеніи въ Финляндіи, и особенно на университетскихъ кругахъ, свидѣтельствуетъ также генералъ-губернаторъ Ѳ. Ѳ. Бергъ въ письмѣ къ гр. Армфельту (отъ 5-го (17-го) ноября 1855 г.), хотя имѣлись основанія предполагать, что миссія Канробера была не болѣе, какъ ловкимъ шахматнымъ ходомъ со стороны Наполеона, дабы побудить Россію къ принятію проектированныхъ условій мирнаго договора. „Миссія ген. Канробера,—писалъ ген. Бергъ,—сильно волнуетъ молодую университетскую Финляндію и еще нѣкоторыхъ въ краѣ. Если миссія этого генерала не будетъ имѣть благопріятныхъ результатовъ въ интересахъ враговъ, то все стихнетъ здѣсь на нѣкоторое время“...

Участіе Швеціи могло быть богато разными послѣдствіями, почему даже такой серьезный человѣкъ, какъ Снельманъ, подвергалъ его внимательному обсужденію [78]).

Нѣкоторыя свои мысли по этому вопросу В. Снельманъ имѣлъ случай высказать въ статьѣ, направленной противъ финскихъ симпатій къ полякамъ 1863 г. [79]). Участіе Швеціи прежде всего создало бы, по его мнѣнію, братоубійственную войну (brödrakrig), такъ какъ естественно, что союзники неизбѣжно направили бы шведскія войска въ Финляндію. Однако, Швеція не извлекла бы особыхъ выгодъ для себя, такъ какъ первымъ результатомъ ея участія явилась бы блокада финскихъ береговъ, а такая блокада не можетъ быть желательна

Стокгольму. Союзникамъ также не выгодно было бы производить высадку на финскую землю, ибо рѣдкое населеніе края и отсутствіе предметовъ первой необходимости для пропитанія десантнаго отряда, неизбѣжно побудило бы непріятеля не позже ноября оставить край. Если населеніе Финляндіи въ 1808 и 1809 годахъ скрывалось въ лѣса при приближеніи собственнаго войска, то тѣмъ болѣе оно сдѣлало бы это, при видѣ непріятеля [80]). Наконецъ, не извлекла бы пользы изъ войны и сама Финляндія. Среди другихъ народовъ война подымаетъ чувства національности и самостоятельности, но для этого необходимо обладать прежде всего политической независимостью и правомъ собственной защиты, чего у Финляндіи не имѣется. Наиболѣе же возмущался Снельманъ толками о нейтралитетѣ, которые особенно были въ ходу въ 1863 г., и удивлялся, какъ могла возникнуть подобная несообразная мысль. Вообще онъ очень горячо осуждалъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые дали Западу поводъ желать созданія изъ Финляндіи „второй Польши“ [81]), а въ этомъ повинны были, по его словамъ, именно сами финляндцы.

Въ общей массѣ финляндцы признавали свой долгъ, и конечно, понимали свои обязанности. Извѣстный финляндскій дѣятель Ирье-Коскиненъ написалъ впослѣдствіи (въ 1876 г.) особую статью о „долгѣ народной признательности“. Въ ней онъ заявилъ, что на финскомъ народѣ лежитъ долгъ признательности къ русскимъ и притомъ не малый. Дружеское сожительство подъ одною кровлею измѣнило и прежнія понятія о Россіи, и прежнія отношенія къ Швеціи. „Конечно, — продолжаетъ онъ, — непріятна мысль, что мы (т. е. финны) когда-нибудь можемъ встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ нашихъ прежнихъ товарищей, шведовъ, но... такова дѣйствительность. Многое измѣнилось и должно было измѣниться съ того памятнаго дня, когда Дёбельнъ въ благодарственной прощальной рѣчи къ финскимъ войскамъ [82]), уплатилъ финскому народу долгъ признательности со стороны Швеціи“.

Во время Восточной войны одному финну (Ирье-Коскинену?) случилось бесѣдовать со шведскимъ офицеромъ. Предметами разговора были пріѣздъ Канробера въ Стокгольмъ и вѣроятныя послѣдствія этого пріѣзда. „А что вы станете дѣлать, когда мы вступимъ въ Финляндію? — спросилъ шведъ у финна. – „Какъ что!?. Станемъ стрѣлять въ васъ“, — отвѣтилъ послѣдній. — Офицеръ сначала изумился, но потомъ выразилъ должную дань уваженія отвѣту“ [83]).

Въ Финляндіи долгое время прожилъ шведскій маіоръ Мильбергъ и потому успѣлъ ознакомиться съ господствовавшимъ настроеніемъ въ краѣ. По возвращеніи въ Стокгольмъ, онъ въ присутствіи короля высказалъ свое убѣжденіе, что шведы плохо будутъ встрѣчены въ Финляндіи, гдѣ народъ искренно преданъ своему Государю.

Дабы финскій народъ во время Крымской войны исполнилъ свой долгъ по отношенію къ Россіи, приняты были нѣкоторыя мѣры. Духовенство напоминало о повиновеніи властямъ и о признательности къ Россіи. Въ этомъ отношеніи въ свое время заслужила вниманіе начальника края рѣчь пробста Берга, произнесенная въ далекомъ Улеоборгѣ (16-го (28-го) авг. 1854 г.), при приводѣ къ присягѣ вновь призванныхъ солдатъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога и существующія власти отъ Бога учреждены. Посему противящійся власти, противится Божію постановленію. Итакъ, будьте покорны всякому человѣческому постановленію ради Господа... Васъ призвали; васъ называютъ воинами — значитъ вы должны быть первыми и ближайшими исполнителями Монаршей воли и повелѣній... Истинный воинъ не вмѣшивается въ дѣла житейскія, а только угождаетъ военачальнику. Но тотъ, кто подвизается, не будетъ увѣнчанъ, если подвизается, незаконно... Скипетръ нашего края въ десницѣ Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго, но я спрашиваю васъ, не былъ ли сей Государь истиннымъ Отцемъ нашимъ? Терпѣли ли мы когда-нибудь недостатокъ въ хлѣбѣ? Могло ли быть правленіе болѣе правосудное, и что еще важнѣе, видѣли ли мы когда-нибудь нелюбовь къ намъ Отца Государя? Сыны Финляндіи, намъ предстоитъ отплатить Государю за тридцатилѣтній миръ, за хорошее правленіе и за отеческую любовь. Отплатимъ теперь нашею кровью... Уплатите добросовѣстно долгъ нашъ“ [84]). Затѣмъ духовенствомъ напечатана была въ г. Або (въ 1855 г.) брошюра „Ett ord i sinom tid, till förmaning“ („Своевременное слово для увѣщанія“). Авторомъ ея называли пастора Т. С. Hedberg'a (Хедберга). По желанію примаса финляндской церкви, эта книжка распространялась въ тысячахъ экземплярахъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ среди населенія края. Ея цѣлью было укрѣпленіе преданности Монарху и воодушевленіе народа на сопротивленіе врагу. Цѣль была поставлена, конечно, хорошая; и если критика отнеслась къ книжкѣ не совсѣмъ одобрительно, то объясняется это тѣмъ, что въ текстѣ допущены были нѣкоторыя

неумѣстныя сравненія Турціи, напр., съ дикимъ звѣремъ, питавшимся въ теченіе столѣтій христіанскою кровью, Франціи — съ блудницей и т. п. [85]).

Еще ранѣе этой брошюры епископъ Бергенгеймъ въ 1854 г. разослалъ по подчиненнымъ ему пасторатамъ циркуляръ, призывая населеніе руководиться присягой, данной Монарху, какъ своему законному и Богомъ поставленному повелителю [86]).

И дѣйствительно финны были спокойны, когда буря войны приближалась къ Финляндскимъ берегамъ [87]). Финны долго (какъ никогда прежде) наслаждались благами мира. „Мы были бы неблагодарны Провидѣнію за благодѣянія мира, если бы не умѣли встрѣтить войну, какъ прилично потомкамъ мужественныхъ предковъ, — говорилъ проф. гельсингфорскаго университета Сигнеусъ (16-го —28-го апр. 1854 г.). Мы знаемъ, что война не худшее изъ золъ, что она иногда является, какъ въ Виѳездѣ, чтобы, смутивъ общественное спокойствіе, исцѣлить общество отъ духовныхъ недуговъ, зарождающихся среди продолжительнаго мира“... Но кромѣ того, финны шли защищать блага мира и ту страну, гдѣ они научились высоко цѣнить это достояніе. Они, — какъ справедливо указывалъ тотъ же профессоръ Сигнеусъ, — должны были доказать, что не даромъ пользовались общественнымъ уваженіемъ. Они шли защищать море, носившее имя финскаго народа и бывшее свидѣтелемъ прежнихъ ихъ подвиговъ, свои скалы, съ которыми срослись ихъ воспоминанія дѣтства и молодости [88]).

„Намъ нечего сомнѣваться въ преданности и сочувствіи къ Россіи нѣмцевъ и другихъ нашихъ инородцевъ, — писалъ извѣстный кн. П. А. Вяземскій лѣтомъ 1854 г.,– такъ какъ они руководятся въ этомъ отношеніи вполнѣ естественнымъ благоразуміемъ и разсчетомъ. Вопреки примѣру другихъ державъ, наше правительство всегда покровительствовало народностямъ, вошедшимъ въ составъ нашего государства, поскольку это покровительство не противорѣчитъ общему благу. Льготами, во многихъ отношеніяхъ, у насъ пользовались не побѣдители, а побѣжденные. Губерніямъ Балтійскимъ, Финляндіи, областямъ азіатскимъ предоставлены такія права по торговлѣ и самоуправленію, которымъ могутъ позавидовать жители настоящей Россіи. Вольно же было полякамъ собственными руками уничтожить всѣ преимущества, которыя были имъ уступлены русскимъ правительствомъ. Всякій нѣмецъ, подданный Россіи, всякій благоразумный финляндецъ всегда будетъ гордъ и счастливъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ

великой имперіи, которая пріобщила его къ своему могуществу. Они не станутъ мечтать о составленіи маленькаго и бѣднаго независимаго государства, не станутъ добиваться чести принадлежать государству второстепенному или составленному изъ разнородныхъ началъ, гдѣ два вѣса и двѣ мѣры: одни для побѣдителей и другіе для побѣжденныхъ“ [89]).

Въ этомъ же смыслѣ разсуждали о финнахъ и другіе русскіе. У гр. П. Х. Граббе въ записной книжкѣ читаемъ о благосостояніи крестьянъ въ Эстерботніи и даже въ Торнео, съ добавленіемъ замѣчанія: „Матеріальное благосостояніе Финляндіи, со времени присоединенія къ Россіи, возвысилось и жителями сознается“ [90]).

По поводу преданности финновъ своему Монарху, нѣмецкая газета „Neue Preussiche Zeitung“ тогда же, во время войны, справедливо указала, что у финновъ „нѣтъ рѣшительно никакихъ достаточныхъ причинъ къ оправданію какой-либо вражды противъ Россіи“, что не только подати финновъ употребляются на пользу ихъ области, — тогда какъ раньше онѣ отправлялись въ Стокгольмъ,—но кромѣ того, русское правительство отпускало значительныя суммы на разныя мѣстныя нужды, что „Россія никогда не нарушала ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ выгодъ Финляндіи“, что образованныя сословія пользуются при нынѣшнемъ правительствѣ слишкомъ большими выгодами, чтобы не желать ихъ сохраненія, короче—невозможно, чтобы финляндцы не чувствовали живѣйшей благодарности къ своему Императору и не были ему вѣрно преданны [91])“.

Итакъ, долгъ народной признательности, вліяніе духовенства, защита собственной родины, пользовавшейся подъ покровительствомъ Россіи большими привилегіями и существенными матеріальными выгодами, благоразуміе и разсчетъ—все побуждало финна быть вѣрнымъ Русскому Монарху. Участіе въ коалиціи Швеціи ничего хорошаго финляндцамъ не сулило.

Но помимо этого, была еще одна причина, побуждавшая финновъ крѣпко стоять за Россію. Финны были раздражены дѣйствіями англичанъ. Болѣе возмутительнаго отношенія къ мирному населенію, чѣмъ англійское, трудно представить. Естественно, слѣдовательно, что финны желали отплатить за захваченныя суда, за сожженную частную собственность, за нарушенную торговлю, за оскорбленныхъ женъ, за поруганную честь. Финны протестовали, но Плюмриджъ оставался глухъ къ ихъ заявленіямъ. „Та-

кого способа дѣйствія въ серединѣ XIX ст. никакъ не ожидали со стороны одной изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ націй противъ миролюбиваго народа, не принимавшаго къ тому же участія въ общей политикѣ". Поэтому англійскія опустошенія произвели повсюду въ Финляндіи большое изумленіе, безпокойство, досаду и негодованіе.—Извѣстный поэтъ Финляндіи Рунебергъ,—который вообще сторонился политики и мало высказывался по текущимъ событіямъ,—въ письмѣ отъ 7 окт. (нов. ст.) 1854 г. заявилъ: „Хотя шведы и болтаютъ всякіе пустяки, но едва-ли кто изъ нихъ серьезно вѣритъ, что мы (финны) склонны къ возстанію.—По крайней мѣрѣ, не считая всѣхъ другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, поведеніе, испытанное нами въ послѣднее время, какъ со стороны ихъ (шведовъ), такъ и англичанъ, даетъ весьма мало основанія къ подобному ожиданію. Если они въ дѣйствительности надѣялись на какія-либо демонстраціи въ Финляндіи, то съ ихъ стороны было странно возбуждать, какъ они сдѣлали, своимъ поведеніемъ противъ себя негодованіе финновъ. Всѣ эти англійскіе подвиги въ Эстерботніи и рукоплесканія имъ шведовъ, а также стѣсненіе торговли, не особенно удачно выбраны для возбужденія здѣсь въ Финляндіи симпатій и вовлеченія насъ въ ихъ интересы. Еслибы они самымъ изысканнымъ благородствомъ желали лишить насъ искушенія уклониться отъ нашихъ клятвенныхъ обѣщаній, то они никогда не могли бы поступить разумнѣе и вѣрнѣе для достиженія этой цѣли, чѣмъ поступили. Таковы мои мысли"... „Мы, финляндцы, должны сожалѣть,—читаемъ въ другомъ письмѣ Рунеберга, — что нѣсколько недоброжелательныхъ нападокъ на Швецію появилось въ нашихъ газетахъ, изъ которыхъ бывшая братская страна могла заключить, что мы забыли наши отношенія къ ней и проявили неблагодарность[93])". „Если бы подвергнуты были столь тяжкому испытанію вѣрность и долгъ нашей страны, чтобы мы вынуждены были выступить въ походъ противъ нашихъ прежнихъ братьевъ, то я увѣренъ, продолжалъ Рунебергъ, что многія сердца облились бы кровью не только за шведскія пули, но также и за шведскую любовь, за шведскія воспоминанія".

Рунебергъ находилъ, что въ началѣ, по ходу дѣла, война (1854—55 г.) грозила Финляндіи только разрушеніемъ. Ожиданіе, что Финляндія сдѣлается мѣстомъ борьбы могущественныхъ державъ, не могло быть утѣшительнымъ. Надеждъ на возмѣщеніе потерь не существовало, неизбѣжныя же страданія предвидѣлись.

Благодареніе Богу,—заканчиваетъ Рунебергъ,—этого не случилось. Если другіе усматриваютъ, что заключили выгодный миръ, то дѣла теперь поставлены удовлетворительно [94])".

Иностранная враждебная намъ печать пыталась, конечно, расписать отношенія Финляндіи къ Россіи мрачными красками.

„До войны о Финляндіи почти ничего не было слышно и это понятно, такъ какъ о добродѣтельной женщинѣ говорятъ менѣе всего. Ея счастье, въ продолженіи 45 лѣтъ, ежегодно возрастало.— Но теперь хлѣбные запасы страны взяты для арміи, фонды банка перевезены въ Петербургъ, подъ предлогомъ помѣщенія ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, величайшій изъ поэтовъ христіанства— Рунебергъ, пѣвецъ Финляндіи, сосланъ въ Сибирь" и т. п. [95]).

Нѣкоторые финляндцы (докторъ Ильмони, полк. Маллеръ), недовольные тѣми нелѣпостями, которые разносились о нихъ по свѣту, обратились къ Рунебергу, прося его опровергнуть ложь и вообще высказаться о настроеніи умовъ въ Финляндіи. Другіе корреспонденты Рунеберга,—напр. проф. И. Вассеръ,—находили, что нація не должна терять мужества и надежды, а потому предлагали популярному поэту произнести свое слово утѣшенія и поощренія. Опроверженіе должно было появиться въ газетахъ Швеціи, такъ какъ газеты Финляндіи не пользовались довѣріемъ и на нихъ смотрѣли тогда, какъ на органы деспотизма. Рунебергъ, вообще не любившій политики, на этотъ разъ проронилъ нѣсколько замѣчаній по вопросу дня. „Мы лишены мира, писалъ онъ. Душевнаго же спокойствія намъ приходится искать въ самихъ себѣ, въ нашей способности къ отреченію. Да хранитъ Всевышній нашу бѣдную страну и поддержитъ ея силы нести тягости войны, ибо къ нашей радости мы видимъ и находимъ, что нашъ Монархъ дѣлаетъ все, чтобы облегчить бѣдствія". Переходя къ слухамъ о постигшихъ его карахъ, Рунебергъ продолжалъ: „Такія сумасбродныя и неосновательныя инсинуаціи не оказываютъ мнѣ никакой услуги, но въ состояніи причинить мнѣ много непріятностей, если бы наше правительство не было столь просвѣщенно и благородно, чтобы сдѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы. Впрочемъ, эти референты должно быть странные люди, такъ какъ думаютъ, что нельзя любить своего отечества и воспѣвать его прекрасныхъ воспоминаній безъ того, чтобы въ то же время не проявлять безпокойства и безсмысленныхъ политическихъ разсужденій" (Kannstöpa).

Оставшись вѣрными союзниками русскихъ и принявъ въ

войнѣ, какъ матеріальное, такъ и нравственное посильное участіе, финляндцы впослѣдствіи озаботились также о томъ, чтобы придать должное значеніе этому факту, причемъ не избѣжали нѣкоторыхъ крайностей и преувеличеній. „Задуманное въ 1855 г. флотомъ западныхъ державъ нападеніе на самый Кронштадтъ, было,— по выводу профессора гельсингфорскаго университета В. Лагуса,— черезчуръ рискованнымъ предпріятіемъ, пока вѣрная и непокоренная Финляндія оставалась у нихъ за спиной“ [96]).

Въ мартѣ 1856 г. Государь Императоръ Александръ II посѣтилъ Финляндію. 23-го марта Государь лично предсѣдательствовалъ въ сенатѣ и намѣтилъ программу будущихъ реформъ. Оцѣнивая поведеніе финляндцевъ за время минувшей войны, Государь соизволилъ милостиво сказать: „Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ Моихъ вѣрныхъ финскихъ подданныхъ за ваше ревностное содѣйствіе мѣропріятіямъ по оборонѣ края“.—Тогда-же послѣдовалъ рескриптъ на имя генералъ-губернатора слѣдующаго содержанія: „Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Поѣздка Моя въ Финляндію произвела на Меня пріятнѣйшее впечатлѣніе. Радушный пріемъ всѣхъ сословій любезнаго Мнѣ Великаго Княжества служитъ доказательствомъ преданности ихъ ко Мнѣ, искренность коей не можетъ не быть отрадна Моему сердцу.

Труды ваши и подчиненныхъ вашихъ на защиту края, противъ испытанныхъ и вновь ожидавшихся покушеній непріятельскихъ, какъ равно стремленіе правительственныхъ учрежденій и лицъ къ упроченію его благосостоянія, были Мнѣ извѣстны. Нынѣ же посѣщеніе управляемаго вами Великаго Княжества доставило Мнѣ случай еще лично удостовѣриться, что всѣ сословія онаго исполняли и исполняютъ долгъ свой съ неутомимымъ рвеніемъ.

Поручаю вамъ благодарить отъ Меня любезно-вѣрныхъ Моихъ финляндцевъ за питаемыя ими ко Мнѣ чувства, коими Я дорожу, и изъявить имъ Мое постоянное благоволеніе [97])“.

14-го апрѣля 1856 г. въ Гельсингфорсѣ праздновалось заключеніе мира. Устроенъ былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ генер. Бергъ, произнесшій обширную напыщенную рѣчь. Заимствуемъ изъ его застольнаго краснорѣчія то, что касается характеристики поведенія финляндцевъ за время войны, такъ какъ въ этихъ словахъ начальника края заключается подробная оцѣнка всѣхъ заслугъ мѣстнаго населенія. Ген. Бергъ указалъ на то, что, узнавъ финскій народъ (17 мѣсяцевъ назадъ), при объѣздѣ края, генералъ былъ увѣренъ, что и во время войны онъ

проявитъ свои трезвыя воззрѣнія. Онъ не ошибся. Каждый исполнилъ то, что требовалъ отъ него долгъ. Изъ наиболѣе благородныхъ и образованныхъ семействъ финляндцевъ, въ теченіе двухъ лѣтъ войны, опредѣлилось въ ряды войскъ около 200 чел. Когда при университетѣ въ Гельсингфорсѣ (въ 1855 г.) – подобно тому, какъ при университетахъ Москвы и Петербурга—открыли военные курсы, то на нихъ поступило болѣе 30 учащихся. Вся администрація совокупными силами сдѣлала все, что можно было, для содѣйствія защитѣ края. Учреждены были госпитали. Построено было пять большихъ мостовъ. Духовенство тоже исполнило все, чтобы благотворно повліять на населеніе въ трудное военное время. Ни пожары, ни нападеніе морскихъ разбойниковъ на частную собственность не смутили населенія. Не взирая на блокаду, оно искало путей для торговли и нашло ихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ таможенныя поступленія, превысившія ожиданія. Всѣ терпеливо переносили испытанія. Во многихъ мѣстахъ по побережью крестьяне добровольно вооружились. Люди для воинскихъ частей поставлялись безъ задержекъ. Духъ мѣстныхъ войскъ былъ прекрасенъ. Подводная повинность исполнялась аккуратно, а она сопряжена была для населенія съ немалыми жертвами. Также перенесено было расквартированіе войскъ деревнями и городами. Населеніе сходилось съ солдатами, не смотря на разность языка. Недоразумѣнія были очень рѣдки, если принять во вниманіе количество войскъ и тѣсноту расквартированія. Части войскъ принимались гостепріимно. Гренадеры болѣе чѣмъ отъ 40 баталіоновъ и артиллеристы болѣе чѣмъ отъ 100 орудій – вернутся во внутреннюю Россію, унеся съ собой прекрасное воспоминаніе о радушіи финновъ, ихъ честности и жизнерадостности [98]).

IX. ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ И УБЫТКИ.

Убытки, понесенные Финляндіей во время Восточной войны, были довольно значительны. Непріятель съ апрѣля 1854 года блокировалъ Финляндское побережье, преслѣдовалъ торговый флотъ, сжигалъ верфи и склады въ гаваняхъ, поджигалъ города и прибрежныя селенія. „Судоходство прекратилось и лишь до нѣкоторой степени можно было поддерживать сообщеніе съ шведскимъ берегомъ позднею осенью 1854 г. и въ слѣдующую весну. Этимъ путемъ и черезъ Торнео провозилась большая часть иностранныхъ произведеній; вывозъ же въ другія страны, кромѣ Швеціи, производился почти исключительно на судахъ нейтральныхъ державъ“ [1]). Въ такомъ видѣ представляется общая картина торговаго положенія Финляндіи за 1854—1855 гг.

Для возможно точнаго опредѣленія убытковъ, причиненныхъ непріятелемъ прибрежнымъ жителямъ края, въ началѣ 1856 г. командированъ былъ второй секретарь Финляндской Его Императорскаго Величества канцеляріи, камеръ-юнкеръ гр. В. Армфельтъ, который началъ свой объѣздъ съ Торнео [2]). Свѣдѣнія, собранныя имъ, довольно цѣнны въ томъ отношеніи, что даютъ возможность опредѣлить степень вреда, причиненнаго разбойническими набѣгами англичанъ на разные города и мѣстечки побережья.

Торговля Торнео не только не пострадала отъ военныхъ дѣйствій, а скорѣе улучшилась. Ради шведовъ англичане пощадили Торнео, найдя въ этомъ городѣ единственное казенное зданіе—казарму казаковъ—разрушеннымъ. Жители сосѣдней Хапаранды хлопотали о сохраненіи Торнео, конечно, изъ эгоистическихъ цѣлей, нуждаясь въ торговомъ обмѣнѣ съ нимъ. Вся почти заграничная торговля производилась черезъ Торнео транзитомъ и потому особой выгоды городу не доставила. Однако, таможенные ея доходы возросли съ 3,101 руб.—за 1854 г. до 101,016 руб. за 1855 г. Главнымъ предметомъ привоза явилась тогда соль, кото-

рой прошло черезъ ея таможню въ 1854 г. 10,451 бочка, а въ 1855 г.—13,079 бочекъ, причемъ цѣна за бочку возросла отъ 75 к. до 1 р. 50 к.

Потери вдоль дороги отъ Торнео до Улеоборга оказались незначительными и не превысили 8,698 р. Къ этому гр. Армфельтъ прибавляетъ, что „потери сіи еще не имѣли прямого вліянія на благосостояніе сельскихъ жителей Улеоборгской губ., хотя моряки и лишились судоходства, но они всѣ числятся въ городахъ“. Кромѣ того, всѣ убытки людей рабочаго класса и крестьянъ Улеоборгской губерніи были за 1854 г. сейчасъ же вознаграждены.

Наиболѣе, конечно, пострадали города Улеоборгъ и Брагестадъ отъ огня и грабежа англичанъ. Уничтоженныя суда Улеоборга оцѣнены были въ 127,825 р., а сожженные верфи, магазины, склады планокъ, досокъ, бревенъ, смолы и дегтя—въ 228,823 р.; весь же убытокъ этого города равнялся 423,657 р., а Брагестада—140,432 р. Вслѣдствіе этихъ потерь нѣкоторые, даже довольно зажиточные, купцы очутились въ стѣсненномъ положеніи. До войны эти города считались въ Финляндіи въ числѣ первыхъ по своей торговлѣ и купеческій ихъ флотъ выходилъ далеко за предѣлы Балтійскаго моря. Во время войны колоніальные товары доставлялись имъ на маленькихъ яхтахъ и лодкахъ, причемъ нѣкоторые моряки, по примѣру мѣстныхъ крестьянъ, искали выгоды въ безпошлинномъ провозѣ.

Потери прибрежныхъ городовъ и селеній Вазаской губерніи выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Деревни	до	1,785 р.
Гор. Ваза	„	129,701 „
„ Каске	„	3,000 „
„ Кристинестадъ	„	125,873 „
„ Гамле-Карлебю	„	46,700 „
„ Якобстадъ	„	71,062 „

Эти убытки понесло населеніе преимущественно въ теченіе 1854 г. и главнымъ образомъ отъ утраты судовъ, не успѣвшихъ до войны вернуться въ свои гавани. Кристинестадъ избавился отъ истребленія своихъ строющихся судовъ благодаря тому, что выслалъ непріятелю новую, вполнѣ снаряженную, шхуну. Жители г. Гамле-Карлебю отстояли свое имущество мужественными отраженіями грабителей и тѣмъ, надо полагать, въ извѣстной мѣрѣ

отклонили злую участь Улеоборга и Брагестада.— Въ Вазаской губерніи рабочій классъ и моряки почти не имѣли потерь. Тоже можно сказать про прибрежныхъ жителей приходовъ Ботническаго залива отъ границы Вазаской губ. до г. Або. Цѣнность потерь деревень и шхеръ не превысила 1,600 р. Города пострадали довольно значительно:

Гор. Бьернеборгъ	70,373 руб.
„ Раумо	81,688 руб. [3]).
„ Нюстадъ	112,325 руб. [4]).

Убытки городовъ составились главнымъ образомъ отъ истребленныхъ ихъ судовъ и жертвъ пожаровъ. „Можно даже сказать,—прибавляетъ гр. В. Армфельтъ,—что блокада и война принесла пользу краю тѣмъ, что многіе изъ деревенскаго народа, которые до войны, для большей выгоды, занимались въ портовыхъ городахъ перевозкою товаровъ, нагрузкою и выгрузкою кораблей, теперь возвратились въ деревню, гдѣ съ большимъ радѣніемъ занимаются земледѣліемъ“.

Такимъ образомъ города потеряли 1,204,811 р.; а сельскіе обыватели, за удовлетвореніемъ убытковъ 1854 г. — 12,606 руб.; все побережье Ботническаго залива—1,217,417 руб. сер.

За два года войны таможенные доходы уменьшились слѣдующимъ образомъ:

До войны Улеоборгъ собиралъ ихъ до	100,000 р.
А въ 1854 г. только	23,465 „
„ „ 1855 „ „	16,457 „
Брагестадъ имѣлъ въ 1853 г.	20,877 „
„ „ „ 1854 „	2,767 „
„ „ „ 1855 „	543 „

Таможенные доходы остальныхъ прибрежныхъ городовъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.
Гамле-Карлебю	8,441 р.	9,123 р.
Якобстадъ	15,156 „	10,792 „
Ваза	15,081 „	22,442 „
Каске	1,224 „	3,390 „

Кристинестадъ	40,712 р.	13,082 р.
Бьернеборгъ	28,004 „	62,032 „
Раумо	12,212 „	24,531 „
Нюстадъ	4,228 „	5,719 „ [5]).

По всеподданѣйшему донесенію Хозяйственнаго Департамента Финлядскаго сената движеніе заграничной торговли Вел. Княжества было слѣдующее:

Отпускъ изъ Финляндіи вмѣстѣ съ прибылью отъ торговыхъ оборотовъ составлялъ:

Въ 1852 г.	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.
2,615,057 р.	2,942,807 р.	931,375 р.	1,614,330 р.

Цѣнность привоза въ Финляндію:

2,623,041 р.	2,495,158 р.	1,341,638 р.	1,803,085 р.

Торговля со Швеціей за годы войны очень возросла потому, что купцы выписывали черезъ нее иностранные товары [6]).

Положеніе торговаго флота Финляндіи по даннымъ статсъ-архива представляется въ слѣдующемъ видѣ [7]).

	До войны имѣлось судовъ.	Во время войны истреблено и захвачено непріятел.	Осталось неповрежденныхъ судовъ.
Або-Бьернеборгской губ. . .	234	88	164
Нюландской губ.	101	22	79
Выборгской „	28	13	15
Улеоборгской губ.	98	85	13
Вазаской губ.	84	27	57
	545	235	310

По числу судовъ Финляндія потеряла такимъ образомъ менѣе половины общаго ихъ числа. Если же принять во вниманіе число ластовъ (рег. тоннъ), то потеря будетъ равняться примѣрно 60% [8]). Но эти цифры не даютъ еще вполнѣ точнаго представленія о дѣйствительныхъ потеряхъ финляндскаго торговаго флота. Дѣло въ томъ, что часть судовъ была захвачена и уничтожена непріятелемъ, другая сожжена имъ на верфи или въ гаваняхъ, часть-же,

и при томъ довольно значительную, финляндскіе судовладѣльцы успѣли продать въ иностранныхъ портахъ. Извѣстно, напр., что изъ всего числа судовъ (85), на которое уменьшился торговый флотъ Улеоборгской губ., продано 56; Або-Бьернеборгской губ. 31 (изъ 88). Финляндскій спеціальный судовой календарь (Finlands Skepps-Kalender) за 1856 г. даетъ въ этомъ отношеніи очень поучительное поясненіе, которое необходимо имѣть въ виду при исчисленіи потерь по флоту. Изъ всего количества ластовъ (37237), на которое уменьшился финляндскій торговый флотъ, на долю проданныхъ судовъ приходится 25849 ластовъ, на захваченныя и сожженныя непріятелемъ суда всего—9544 ластовъ и на суда, погибшія отъ несчастныхъ случаевъ—1734 ластовъ. Изъ флота въ 53105 ластовъ, которымъ обладала Финляндія въ 1852 г., остался у нея къ 1856 г. флотъ только въ 21868 ластовъ; слѣдовательно, за періодъ войны флотъ уменьшился на 37.237 ластовъ (за округленіемъ — на 40000 ластовъ); но уничтожена непріятелемъ была только одна четвертая часть этой общей убыли (9544 л.) [9]). Остальныя части могутъ быть поставлены только въ косвенную связь съ событіями военнаго времени. Эти обстоятельства обыкновенно упускаются изъ вида. Такимъ образомъ финляндскій торговый флотъ лишился, примѣрно, всего около 10000 ластовъ, что составляетъ убытокъ въ 400000 рублей, по опредѣленію финляндскаго сената [10]).

Приведенные выводы близко совпадаютъ съ нѣкоторыми данными архива статсъ—секретаріата. Купеческій флотъ городовъ Финляндіи въ исходѣ 1853 г. состоялъ изъ 466 большихъ и малыхъ судовъ, поднимавшихъ 53610 ластовъ [11]); экипажъ ихъ доходилъ до 6249 чел.; а по отчету объ управленіи Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ за время 1855 по 1862 гг. оказывается, что въ краѣ оставалось въ 1855 году—341 судно въ 22228 ластовъ. Такимъ образомъ устанавливается достовѣрность приведенныхъ выше выводовъ. Послѣ войны число судовъ стало увеличиваться: въ 1856 г. ихъ было 361—въ 27767 ластовъ; въ 1857 г.—412—въ 43207 ластовъ и т. п.

Расходы финляндской казны на военныя потребности установлены были Высочайше учрежденной въ 1858 г. коммисіей, на которую возложено было точно изслѣдовать финансовое состояніе края послѣ войны. Результаты ея разслѣдованія напечатаны въ отчетѣ по управленію В. Кн. Финляндскимъ за время 1855 по начало 1862 г.[12]). Коммисія руководилась слѣдующими соображе-

ніями. Сопоставляя финансовые итоги 1853 и 1856 годовъ, она обнаружила, что къ началу 1853 г. финляндская казна имѣла свободный остатокъ въ 2701685 руб. 44 к.; но въ тоже время у нея имѣлся долгъ въ 1105226 р. 37 к., слѣдовательно, активъ казны превышалъ ея пассивъ на 1596459 руб. 7 коп. Въ концѣ 1856 г. свободный остатокъ казны составлялъ 1204238 руб. 88 коп. Но долгъ казны съ процентами равнялся 3074876 р. 24 к. Слѣдовательно теперь пассивъ казны превышалъ ея активъ на 1870637 р. 36 к. Иначе говоря, вслѣдствіе войны состояніе финансовъ ухудшилось на 3467096 р. 34 коп.

I. Военные расходы, вмѣстѣ съ убытками, происшедшими вслѣдствіе уменьшенія таможенныхъ поступленій за 1854 и 1855 гг., коммисія опредѣлила такъ: Расходы на войско въ 1853 г. составили сумму въ 820450 р. 23 к. Вычтя отсюда стоимость постройки парохода-фрегата „Рюрикъ“ 328328 р. 77 к. (являющеюся расходомъ чрезвычайнымъ) получится нормальный расходъ за 1853 г. 492121 р. 46 к. Такимъ образомъ при нормальныхъ условіяхъ на военное вѣдомство Финляндія израсходовала бы въ теченіи трехъ лѣтъ (1854, 1855 и 1856 гг.)—1476364 р. 38 к. Но въ дѣйствительности она израсходовала:

въ 1854 году	594263	р.	76	к.
„ 1855 „	1397773	„	69	„
„ 1856 „	1752262	„	75	„
	3744300	р.	20	к.

Вычтя отсюда нормальный расходъ въ . .	1476364	р.	38 к.
получится расходъ, обусловленный военнымъ временемъ въ	2267935	„	82 „
II. Таможенный доходъ за 1853 г. равнялся	1095291	„	29 „
При условіяхъ мирнаго времени казна имѣла бы за два года (1854 и 1855) . . .	2190582	„	58 „

Фактически же казна получила:

за 1854 г.	421841	р.	46 к.
“ 1855 “	475513	„	44 „
	897384	р.	90 к.

Слѣдовательно, она понесла убытокъ въ 1293197 р. 68 коп. Къ этому коммисія прибавила еще тѣ выдачи, которыя вызваны

были войной и произведены вплоть до исхода 1856 года, хотя и съ условіемъ возмѣщенія ихъ изъ суммъ государственнаго казначейства:

За постройку и снаряженіе 10 канонерскихъ лодокъ . . . . . 64121 р. 86 к.
За устройство оптическаго телеграфа . . . . 80500 „ — „
За военные транспорты. . . . . 153401 „ 8 „
За снаряженіе гребной флотиліи . . . . . 72781 „ 32 „

370804 р. 26 к.

Слѣдовательно, финляндской казнѣ пришлось нести убытокъ, вслѣдствіе увеличенія военныхъ расходовъ и сокращенія поступленій, въ . . . . . 3931937 р. 76 к.

Чрезвычайные расходы военнаго времени по исчисленію комисіи потребовались на:

1) Расквартированіе войскъ 330,000
2) Военные транспорты 200,000
3) Канонерскія лодки и гребную флотилію . . 460,000
4) Перемѣщеніе лоцмановъ и охрану береговъ . 42,000
5) Оптическій телеграфъ 144,000
6) Вознагражденіе за военныя потери 61,000
7) Временные военные госпитали 80,000
8) Поставку дровъ для проходящихъ русскихъ войскъ (въ г. Выборгѣ) 65,000
9) Расходы на финскія войска сверхъ ординарныхъ:
На гвардейскій финскій баталіонъ 150,000
„ учебный баталіонъ 145,000
„ флотскій экипажъ 275,000
„ баталіоны поселенныхъ войскъ 900,000

Итого . . . 1470,000

Чтобы возможно скорѣе облегчить населенію положеніе военнаго времени и сгладить въ краѣ слѣды войны, правительство немедленно по удаленіи непріятеля предприняло рядъ мѣропріятій.

Численность финскихъ войскъ, достигшая 11000 чел. (или

10711 чел. безъ офицеровъ), уменьшена была, начиная съ 21-го мая 1856 г., до 3620 чел.

Высочайшимъ объявленіемъ отъ 4-го апрѣля 1854 г. сенатъ былъ уполномоченъ чрезъ посредство финляндскаго банка заключить заемъ въ 650000 р. (изъ 4%), чтобы, для покрытія военныхъ издержекъ, не обременить населеніе новыми налогами. Высочайшимъ рескриптомъ 25-го декабря 1855 г. этотъ заемъ предписано было увеличить до 1.200,000 р.

Для облегченія привоза въ Финляндію иностранныхъ товаровъ, Государь Императоръ разрѣшилъ сбавку пошлинъ 25 процентами сперва съ товаровъ, привозившихся въ край сухимъ путемъ черезъ Торнео, а затѣмъ (съ 19 — 31 января 1855 г.), въ облегченіе транзита, со всѣхъ дозволенныхъ къ ввозу товаровъ сухимъ путемъ черезъ Имперію [13]).

Купцы разныхъ городовъ, въ виду военныхъ обстоятельствъ, ходатайствовали о разныхъ льготахъ и на всѣхъ подобныхъ просьбахъ виднѣются милостивыя царскія резолюціи „исполнить“. Такъ, они желали при взносѣ пошлинъ съ товаровъ, привезенныхъ въ теченіи 1854 г. изъ Швеціи и Балтійскихъ портовъ, пользоваться полугодовымъ таможеннымъ кредитомъ и сбавкою 10-ти процентовъ таможенныхъ пошлинъ, и получили эти льготы. Они желали пониженія пошлинъ съ товаровъ, доставленныхъ на разныхъ шхунахъ и при различныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и имъ даны были всякія облегченія [14]).

Чтобы вознаградить купцовъ и судохозяевъ за понесенные убытки, сенатъ ходатайствовалъ о безпошлинномъ ввозѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, пароходовъ и парусныхъ судовъ; о томъ, чтобы финляндскимъ судамъ, при извѣстныхъ условіяхъ возвращать вывозную пошлину; чтобы судохозяевамъ, коихъ корабли во время войны были истреблены, возвратить ихъ расходы по доставленіи экипажей сихъ кораблей въ отечество; чтобы Его Величество всемилостивѣйше повелѣлъ изъ прибылей финляндскаго банка отдѣлить до 400.000 р.,—каковая сумма соотвѣтствуетъ примѣрно цѣнности тѣхъ десяти тысячъ ластовъ, коихъ финляндскіе кораблехозяева, по примѣрному исчисленію, лишились во время войны,—изъ сей суммы выдавать ссуды финляндскимъ купцамъ штапельныхъ городовъ для постройки и вооруженія новыхъ судовъ и т. п. [15]) Отказа финляндцы при подобныхъ ходатайствахъ не встрѣчали.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Профес. Т. Рейнъ. Біографія Снельмана. На швед. языкѣ. Первое изданіе.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

1. «Рус. Стар.» 1887 г., май, стр. 389.

2. «Древн. и Нов. Рос.» 1878 г., т. VI, стр. 133.

3. Заблоцкій-Десятовскій. «Вѣстн. Евр.» 1881 г., августъ, стр. 491.

4. «Рус. Стар.» 1898 г., авг., стр. 371 и 379.

5. Католикамъ, благодаря ловкости маркиза Ла-Валетта, сдѣланы были въ сущности незначительныя уступки, кои сводились къ праву совершать богослуженіе у могилы Богородицы въ Іерусалимѣ и имѣть ключи отъ церкви Рождества Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ. («Рус. Стар.» 1902, іюль).

6. «Рус. Стар.» 1902, авг.; 369.

7. «Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 283 и 284.

8. «Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 286 и 290.

9. «Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 286 и 290.

10. Пальмерстонъ писалъ 20-го мая 1850 г. Стратфорду-Каннингу, что при противорѣчивыхъ интересахъ греческой и латинской церкви въ эту минуту грозитъ возникнуть вопросъ, который, вѣроятно, поведетъ къ большимъ спорамъ (Бутковскій, т. II стр. 20).

11. С. Жигаревъ. «Рус. политика въ Восточномъ вопросѣ», Москва, 1896 г., т. II, стр. 62; Исторія Франціи. Грегуаръ, т. III, стр. 475.

12. Грегуаръ, Исторія Франціи, т. III, стр. 475.

13. Бутковскій, Сто лѣтъ Австрійской политики, т. II, стр. 74.

14. «Всему свѣту извѣстная правда есть», — писалъ канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1745 г., — «что ни одна держава безъ союзниковъ себя содержать не можетъ» («Историч. Вѣстн.» 1889 г., т. I, стр. 72).

15. Л. Грегуаръ, т. III, стр. 484,

16. С. Жигаревъ, т. II, стр. 97 и 98; А. Петровъ. «Историч. Вѣстн.» 1891 г., январь, стр. 103.

17. В. Ф. Головачевъ. Морск. Сборн. 1899 г., № 1.

18. Кинглэкъ. «Рус. Вѣст.» 1866 г., № 8, стр. 744 и 751 (П. Щебальскій) и Грегуаръ, т. III, стр. 479.

19. Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III», стр. 11; Бутковскій, т. II, стр. 16.

20. «Рус. Вѣстн.» 1892 г., февраль, стр. 175.

21. Мартенсъ, Ѳ. «Cosmopolis», 1897 г., іюнь, стр. 195.

22. С. Татищевъ. «Внѣшняя политика», стр. 138; «Рус. Стар.» 1902, авг, 376.

23. «Рус. Стар.» 1887 г., май, стр. 372. Записка гр. Фицтума-фонъ-Экштедта

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

24. Мартенсъ, Ѳ. «Cosmopolis» 1897 г., іюнь, стр. 195.

25. «Рус. Стар.» 1898 г., апрѣль, стр. 258 и Л. Грегуаръ, т. III, стр. 475.

26. Грегуаръ, т. III, стр. 476.

27. «Истор. Вѣст.» 1890 г., апрѣль, стр. 31.

28. «Мои воспоминанія», кн. В. П. Мещерскій, т. I. стр. 18—19.

29. «Рус. Стар.» 1888 г., октябрь, стр. 247.

30. Л. Грегуаръ, т. III, стр. 482.

31. «Новое Время» 1898, 10 іюня. «Ошибки рус. дипломатіи передъ Крымской войной».—

32. «Рус. Стар.» 1898 г., апрѣль, стр. 258—259.

33. Князь Мещерскій. «Мои воспоминанія», т. I, стр. 43. Для характеристики вице-канцлера, гр. Нессельроде, интересна слѣдующая маленькая выписка изъ письма извѣстнаго поэта Ѳ. И. Тютчева: «Мальцевъ во-образилъ на-дняхъ, будто ему позволено будетъ сказать (въ какой-то невинной статейкѣ, «Journal de St.-Pétersburg»), что англичане на нашихъ берегахъ ведутъ войну, какъ морскіе разбойники, и что же! канцлеръ вычеркнулъ ему это выраженіе, какъ слишкомъ оскорбительное. Вотъ они, тѣ люди,—восклицаетъ Тютчевъ,—что управляютъ судьбами Россіи среди самаго грознаго перелома, когда-либо потрясавшаго міръ!». («Русскій архивъ», 1899 г., т. III, стр. 510). Къ этому прибавимъ, что такъ какъ Нессельроде былъ нѣмецъ и лютеранинъ, то императоръ, полагая, что онъ въ вопросѣ о Св. мѣстахъ не пойметъ его мысли и чувства, считалъ этотъ вопросъ дѣломъ своей совѣсти.—

34. С. Татищевъ.

35. «Древн. и Нов. Россія», 1878 г., т. V, стр. 135.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

36. «Рус. Стар.» 1903 г., іюль, 220; Воспоминанія графа Рейзетъ.

37. Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I, т. 2, стр. 295.

38. Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIII, стр. 33. и Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I, т. I, стр. 296.

39. И. С. Листовскій.

40. Л. Грегуаръ, т. III, стр. 480.

41. Бутковскій, т. II, стр. 16 и 23; также «Рус. Вѣстн.», 1892 г., февраль, стр. 175.

42. «Сборн. Импер. истор. общества», т. 98, стр. 287—298.

43. С. Татищевъ. «Внѣшняя политика Императора Николая I», стр. 213.

44. «Мы слышимъ клеветы, мы слышимъ оскорбленія тысячеглавой лжи газетъ — измѣны, зависти и злобы порожденіе — друзей у нашей Руси нѣтъ», какъ говорилось въ одномъ современномъ стихотвореніи.

45. Н. Барсуковъ, кн. XIII, стр. 83.

46. «Вѣстн. Евр.», 1879 г., мартъ, стр. 172.

47. «Рус. Вѣстн.», 1877 г., т. XII, стр. 726.

48. «Истор. Вѣстн.», 1891 г., т. XII.

49. Съ 1774 г. Турція находилась какъ бы подъ нашимъ протекторатомъ и до 1839 г. мы не давали иностраннымъ державамъ вмѣшиваться въ турецкія дѣла.

50. «Истор. Вѣстн.», т. XI.

51. «Рус. Вѣстн.», 1892 г., февраль, стр. 174.

52. Л. Грегуаръ, т. III, стр. 490.

53. Все его царствованіе полно было войнъ: 1853—1856—съ Россіей, 1859—съ Австріей, 1870—съ Пруссіей.

54. Грегуаръ, т. III, стр. 474.

55. Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III»; стр. 10.

56. «Вѣстн. Евр.», 1898 г., апрѣль, ст. Ѳ. Мартенса.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

57. «Вѣстн. Евр.», 1898 г., апрѣль, ст. Ѳ. Мартенса.

58. Войной на востокѣ Наполеонъ хотѣлъ утвердить свою новую династію и доставить ей извѣстный престижъ либерализма (Грегуаръ, т. III, стр. 485).

59. Къ Наполеону отнеслись въ Петербургѣ, какъ къ шляпѣ, временно занявшей мѣсто законной короны,— какъ выразился Тувенель («Рус. Вѣстн.», 1892 г., январь, стр. 295).

60. «Рус. Стар.», 1898 г., апрѣль, стр. 257.

61. «Вѣстн. Евр.», 1879 г., февраль, стр. 685.

62. «Исторія Франціи», Грегуаръ т. III, стр. 528 и 534.

63. Союзъ съ Франціей поддерживалъ и французскій представитель Кастельбажакъ. За это онъ поплатился своей дипломатической карьерой («Рус. Вѣстн.», февраль, 1892г., стр. 177). Имцераторъ Николай I очень любилъ Кастельбажака. Когда, послѣ разрыва. Кастельбажаку надлежало покинуть Петербургъ, Рыцарь - Монархъ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Такъ готовился воевать Повелитель Россіи («Рус. Стар.» 1903, іюль, 231).

64. «Рус. Стар.», 1898, августъ, стр. 379.

65. «Вѣстн. Евр.», 1898 г., январь, стр. 11.

66. Ѳ. Мартенсъ; «Cosmopolis» 1897 года, іюнь, стр. 188 и 191.

67. «Н. Барсуковъ», т. XIII, стр. 33.— Альфредъ Рамбо въ своей исторіи Россіи приписываетъ неудачу посольства князя Меншикова воздѣйствію Франціи (такъ какъ 20-го марта, французскій флотъ былъ уже въ въ греческихъ водахъ).

68. «Вѣстн. Евр.», 1891 года, апрѣль, стр. 594.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

69. Соч. Жуковскаго; изд. 7-е; СПБ. 1878 года, стр. 190 и 192.

70. Вопросомъ о высадкѣ на берега Крыма (у Евпаторіи) занимался уже французскій генералъ Гильемино, посолъ въ Константинополѣ въ 1840 г. («Вѣст. Евр.», 1879 г., февр., стр. 637). Въ 1854 г. предложеніе объ отправкахъ союзныхъ флотовъ въ Черное море исходило отъ Наполеона («Вѣст. Евр.», 1879 г., февр., стр. 681). Югъ былъ, кромѣ того, наиболѣе открытою частью Россіи.

71. «Древн. и Нов. Рос.» 1878 г. т. VI, стр. 128 и «Политич. ист. совр. Евр.», Ш. Сеньобоса, т. II, стр. 729—730.

72. Соч. кн. П. Вяземскаго, т. VI, стр. 417.

73. Соч. кн. П. Вяземскаго, т. VI, стр. 396.

74. Ш. Сеньобосъ, т. II, стр. 728.

75. Ѳ. Мартенсъ, Cosmopolis, 1897 г., іюнь, стр. 197.

76. «Вѣстн. Евр.» 1881 г., августъ, стр. 492.

77. «Истор. Вѣстн.» 1891 г., январь, стр. 104.

78. С. Татищевъ. «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 297—298.

79. «Рус. Стар.» 1898 г., апр., стр. 260, 261, 264.

80. А. С. Трачевскій. «Ист. Вѣст.», 1888 г., іюнь, стр. 585.

81. Слова князя П. Вяземскаго.

82. «Рус. Стар.», 1898 г., авг., стр. 255.

83. Мемуары кн. Бисмарка.

84. С. Татищевъ. «Рус. Вѣстн.», 1888, X., 147,

85. «Истор. Вѣстн.», 1888 г., іюнь.

86. «Истор. Вѣст.», 1888 г., іюнь, стр. 589.

87. Тамъ же, стр. 599.

88. «Истор. Вѣст.» 1888 г., іюнь,

стр. 595—596; а также Мемуары кн. Бисмарка.

89. «Истор. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 604.

90. «Новое Время» 1888 г., 31-го дек. А. А. Суворинъ.

91. «Истор. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 586.

92. С. Жигаревъ, т. II, стр. 371.

93. «Рус. Вѣстн.» 1878 г., т. V.

94. Всѣ эти положенія прекрасно развиты и обильно доказаны въ изслѣдованіи «Русской политики въ Восточномъ вопросѣ». С. Жигарева. Москва, 1896 г., два тома.

95. «Вѣстн. Евр.» 1879 года, февраль, стр. 684.

96. «Рус. Стар.», 1888 года, октябрь, стр. 248.

97. «Вѣстн. Евр.» 1886 года, май, стр. 263.

98. Насколько въ извѣстныхъ случаяхъ важна опредѣленность, показываетъ заявленіе французскаго посла (въ Берлинѣ) Мутье: «Франція»,—сказалъ онъ,—«предпочла бы видѣть Пруссію въ союзѣ съ Россіей, тогда положеніе уяснилось бы и поле сраженія было бы обозначено», («Истор. Вѣстн.» 1888 года, іюнь, стр. 608).

99. Рецензія Н. К. Шильдера о сочиненіи А. Н. Петрова, ст. 14.

100. «Вѣстн. Евр.» 1879 года, мартъ, стр. 182.

101. «Весь позоръ послѣднихъ десятилѣтій выражается въ одномъ словѣ—Меттернихъ», сказалъ одинъ ораторъ во Франкфуртскомъ сеймѣ («Истор. Вѣстн.» 1889 года, т. I, стр. 82).

102. Бутковскій, т. II, стр. 41.

103. «Рус. Стар.» 1888 года, октябрь, стр., 237.

104. Бутковскій, т. II, стр. 55.

105. Разъ, однако, въ Австріи былъ произведенъ фиктивный наборъ рекрутъ.

106. «Рус. Стар.» 1888 года, сентябрь, стр. 564 и «Истор. Вѣстн.» 1890 г., апрѣль, стр. 34.

107. С. С. Татищевъ, «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 120.

108. «Рус. Стар.» 1888 года, октябрь, стр. 259. (А. Н. Петровъ).

109. Тамъ же, 1888 года, октябрь.

110. «Рус. Арх.» 1899 года, т. III, стр. 519. Ѳ. И. Тютчевъ.

111. С. С. Татищевъ «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 119.

112. Афанасьевъ, «Внѣшняя политика Наполеона III», стр. 23.

113. Изъ матеріаловъ, собран. А. М. Заіончковскимъ.

114. Н. Барсуковъ, кн. XIV, стр. 34.

115. Вотъ стихотвореніе Ѳ. Тютчева: «На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны Императора Николая I».

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству также мѣра есть...
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кликъ тоски:
Прочь, прочь австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь «апостольскій» ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ!

116. «Вѣстн. Евр.», 1879 г., мартъ, стр. 189.

117. «Біографич. словарь», т. I, стр. 455.

118. «Біографич. словарь», т. I, стр. 456.

119. С. Татищевъ. «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 117—118.

120. Кн. В. Мещерскій. «Мои воспоминанія», т. I, стр. 21.

121. М. Цебрикова. «Вѣстн. Всемір. Ист.» 1901 г., т. X, стр. 6.

I. НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

122. «Древн. и Нов. Россія». 1878 г., т. VI, стр. 128.

123. «Русск. Стар.» 1903, авг., 370.

124. «Вѣстн. Евр.» 1886 г., стр. 663; «Русск. Стар.», 1902, авг.; 385.

125. Ѳ. Мартенсъ. «Cosmopolis», 1897, іюнь, стр. 185.

126. Спенсеръ Уальполь. «Иностран. политика Англіи». Спб., 1885 г., стр. 122.

127. Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III», стр. 15.

128. «Русск. Стар.», 1902, авг., 374.

129. «Вѣстн. Евр.», 1898 г., апрѣль, стр. 587. (Мартенсъ).

130. Тамъ же, стр. 593.

131. «Древн. и Нов. Рос.», 1878 г., т. VI, стр. 130. Франція играла въ руку Англіи и помогала уничтожать русскій флотъ, который могъ бы оказаться полезнымъ для ослабленія Великобританіи (Грегуаръ, т. III, стр. 490).

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 Г.

1. С. Татищевъ. «Русск. Вѣстн.», 1888 г., X, 146.

2. Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ». М. 1896; т. III, стр. 488.

3. Богдановичъ. «Восточная война», III, 214.

4. Финскій заливъ очистился отъ льда 26-го марта (9-го апрѣля), Нева вскрылась въ тотъ годъ 15-го апрѣля.

5. Грегуаръ, т. III, стр. 492.

6. Грегуаръ, т. III, стр. 487.

7. Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VI, стр. 399.

8. «Finsk Militär Tidskrift», 1884 г., т. IV, стр. 235.

9. Статсъ-Архивъ Вел. Кн. Финл.; дѣло 1854 г., № 81.

10. Арх. Финляндскаго военнаго округа. Дѣло 1854 г. № 25.

11. Сборн. Извѣстій, относящ. до

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 Г.

настоящей войны. Изд. Путилова, т. VIII, стр. 25 и «Морск. Сборн.», 1854, № 4.

12. «Морск. Сборн.», 1854 г., № 4.

13. «Коммерческая газета», 1854 г. 6 апр., № 40.

14. Статсъ-Архивъ Вел. Кн. Финл., (находится въ Гельсингфорсѣ), 1854 г., № 72.

15. (на стр. 40) Донесеніе изъ Брюсселя, іюнь 1854 г.

16. Елецъ. «Исторія л.-гв. Гроднен. гусар. полка». Изд. 2, Спб., 1898; I, 237.

17. «Морск. Сборн.», 1899 г., № 1. (Мнѣніе англичанина Кларка).

18. «Морск. Сборн.», 1856, май, № 7, смѣсь, стр. 98 и «Русск. Архивъ», 1889, № 4.

19. Путиловъ, т. XVIII, стр. 31.

20. Путиловъ, т. XVIII, стр. 47.

21. «Изъ моихъ воспоминаній». А. Фета (Шеншина). «Русск. Вѣстникъ», 1888 г., т. VIII, стр. 52.

22. Любовицкій. Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, 1862 г., т. I, стр. 153.

23. Оборона побережья. Полк. Мошнинъ, 252; Bazancourt; 251- -252.

24. Грегуаръ, т. III, стр. 492. Подобныя заявленія не разъ раздавались среди нашихъ враговъ. Густавъ III, напр., начиная войну 1788 г., приглашалъ дамъ стокгольмскаго двора на балъ въ Петергофѣ, а брату своему Карлу при разставаніи сказалъ, что свидится съ нимъ въ Кронштадтѣ, гдѣ, какъ выразилась Императрица Екатерина II, шведскій король, видимо, собирался поужинать. Между памятниками русской гордыни, Густавъ III обѣщалъ пощадить только конную статую Петра В., чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ свое имя.

25. «Вѣстн. Евр.» 1879 года, февраль, стр. 679.

26. «Abo Underrättelser», 1854, № 49.

27. «Жизнь и труды Погодина». Н. Барсукова, кн. XIII, ст. 60—70.

28. «Вѣстн. Евр.», 1897 г., апрѣль, стр. 609.

29. Въ дѣйствительности, жители Петербурга вовсе не унывали: «безпрестанные пикники, концерты, танцовальные вечера, тѣшатъ ихъ по прежнему»,—читаемъ въ «Запискахъ Старой Смолянки» (ч. I, стр. 274). Праздники шли своимъ чередомъ. (Тамъ же, стр. 284).

30. «Рус. Арх.» 1899 г., т. II, стр. 271.

31. Вспоминая это прошлое, одна изъ современницъ, М. Цебрикова, отмѣтила въ своемъ дневникѣ, что изъяновъ въ Кронштадтѣ было не мало. «Форты были защищены только старыми пушками, крупный процентъ которыхъ былъ въ раковинахъ отъ ржавчины. Стрѣляли онѣ на сравнительно небольшія разстоянія, а прислуга была плохо обучена стрѣльбѣ. Исправить вооруженіе фортовъ было, конечно, не легко. Страхъ объялъ жителей Кронштадта,—продолжаетъ Цебрикова,—когда вѣсть о приближеніи непріятельскаго флота распространилась по городу».

32. «Морск. Сборн.» 1856 г., май, № 7, смѣсь, стр. 88 и др.

33. Пятидесятые годы. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1855 гг. М. Цебриковой. «Вѣстн. Всем. Истор.», 1901 г., № 2.

34. Нынѣ генералъ-отъ-артиллеріи Н. Ф. Эгерштромъ.

35. «Рус. Инв.» 1904, № 29 (приложеніе).

36. «Морск. Сборн.» 1883 г., № 9; статья Аренса.

37. Оборона побережія. Полк. Мошнинъ. Спб. 1901, стр. 254.

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 г.

38. «Записки Старой Смолянки», ч. I. стр. 380—382.

39. «Abo Underrättelser» за 1856 г.

40. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1854 г. (изъ матеріаловъ А. М. Заіончковскаго).

41. Показанія задержанныхъ дезертировъ. (Изъ бумагъ П. Я. Дашкова).

42. В. Стеценко. «Морск. Сборн.» 1896 г., III.

43. «Морск. Сборн.» 1896 г., III.

44. Обзоръ дѣятельности морского управленія, 1855—1880 гг.

45. И. С. Бліохъ. «Будущая война», т. III, стр. 21.

46. Обзоръ дѣятельности морскаго управленія, т. I, 396, 415, 431.

47. Д. Н. Кузнецовъ. См. «Море и его жизнь» 1903 г., янв., стр. 39.

48. «Море и его жизнь» 1903 г., янв., стр. 32 и 39.

49. «Истор. Вѣстн.» 1901 г., апр., стр. 118—125.

50. Всеподдан. отчетъ по Морск. Министерству за 1854 г. Арх. Морск. Мин. Инспект. Департ. 1 отд., 2 ст., д. № 127—1854 г.

51. А. И. Денисовъ. «Генералъ-адъютантъ Аркасъ». Севастополь, 1887 г., стр. 82.

52. «Истор. Вѣстн.» 1901 г., апрѣль, стр. 129—130. Дѣло 1-го іюля 1855 г. въ Транзундѣ въ значительной мѣрѣ подтвердило выводы адмирала Аркаса.

53. Цебрикова, М. «Вѣстн. Всемір. Ист.» 1901 г., № 11. Соч. кн. Вяземскаго, т. VI, стр. 514.

54. С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 204.

55. Тотчасъ по окончаніи войны второй экипажъ расформировали, а составъ перваго уменьшили до 400 чел. Въ 1862 г. его преобразовали въ Финскій кадровый флотскій экипажъ, а въ 1880 году совершенно закрыли.

56. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. 1854 г., № 50.

57. «Финл. Газ.» 1904 г., № 33. А также всеподдан. отчетъ по Морск. Мин. за 1854 г.

58. Военно-Ученый архивъ (при Главномъ Штабѣ). Отд. 2, № 4274.

59. (на стр. 55) Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. 1854 г., № 50.

60. Арх. Финляндскаго Статсъ-Секретаріата, 1854 г., № 21.

61. Арх. Морск. Мин. Канц. Ген.-Адмир., д. № 24—1853 г.

62. Арх. Морск. Мин. Изъ матеріаловъ А. М. Заіончковскаго.

63. Тамъ-же.

64. Богдановича. Восточная война 1853—1856 гг., изд. 2, 1877 г., т. II, стр. 213.

65. Отчетъ по Морск. Министерству за 1854 г.

66. «Морск. Сборн.» 1868 г., мартъ; Н. Валицкій.

67. Кренке. Оборона Балтійскаго побережья. Спб. 1887 г., стр. 6—11.

68. Арх. Финл. военн. окр., д. № 29—321.

69. Тамъ же, д. № 20—31.

70. Тамъ же, д. № 32 (по описи 1882 г. № 15).

71. Тамъ же, д. № 53—320 и 29—321.

72. Тамъ же, д. № 421.

73. Тамъ же, д. № 53—320.

74. Арх. Финл. Статсъ-Секретар., 1855 г., № 29.

75. Статсъ-Архивъ Вел. Кн. Финл. 1854 г., № 52.

76. Ротм. Елецъ. Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Спб. 1898, изд. 2-е; т. I, стр. 237—238.

77. Елецъ; т. I, стр. 236.

78. «Вѣстн. Евр.» 1881 г., августъ, стр. 459.

79. Изъ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Государя Императора Николая

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 г.

Павловича послѣ его кончины. Воен.-Учен. Арх.

80. Росписаніе войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ. Изъ бумагъ кн. Меншикова.

81. Арх. Статсъ-Секретар.; 1855 г., № 36.

82. Манталъ означаетъ въ Финляндіи мѣру обороченія земли.

83. Весь Лейбъ-Драгунскій и 6 ротъ Нюландскаго Драгунскаго полка впослѣдствіи переформированы были въ пѣхоту.

84. Т. е. на островахъ въ шхерахъ Абоской губерніи.

85. См. Plakater Förordningar и пр. за 1854 г.

86. Арх. Статсъ-Секретар.; 1855 г., № 36.

87. Арх. Гл. Штаба. Дѣло Инспектор. Департ. 1856 г., № 25.

88. С.-Петерб. Вѣдом. 1858 г., № 258.

89. Воспоминанія Авг. Шаумана (на швед. яз.), вып. VI, стр. 132—134.

90. Арх. Главн. Штаба.

91. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. 1854 г., № 98.

92. С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II; т. I, стр. 132; а также Біографическій словарь, т. I, стр. 451.

93. Finsk biografisk handbok af T. Carplan; вып. 10, стр. 1480.

94. Från Sex årtionden i Finland (Воспом. Авг. Шаумана); т. I, стр. 273—274.

95. Арх. Финл. статсъ-секретар.; д. 1856 г., № 18.

96. Арх. Канц. Воен. Министерства. 1855 г., дѣло № 83.

97. Арх. статсъ-секретар. 1856 г., № 18.

98. Я. А. Дашковъ графу Нессельроде 6 (18) апр., 6 (28) мая, 19 (31) окт. 1854 г. и донесеніе полковника Бодиско изъ Стокгольма 13 (25) апр.

II. НАЧАЛО БАЛТІЙСКОЙ КАМПАНІИ 1854 г.

1854 г. (Арх. Канцеляр. Военнаго Министерства).

99. Арх. Финлянд. воен. округа; д. № 2—2.

100. Тамъ же.

101. Изъ матеріаловъ, собранныхъ А. М. Заіончковскимъ

102. Арх. Финл. воен. округа; изъ донесеній «trés secret».

III. КАМПАНІЯ 1854 г.

1. Ekenäs, dess historiska minnen; Ekenäs, 1897 г., стр. 85.

2. Арх. Финлянд. воен. округа.

3. Ekenäs, dess historiska minnen; Ekenäs, 1897, стр. 86.

4. Арх. Гл. Штаба. Дѣло Инспектор. Департам., 1856, № 25.

5. Н. Путиловъ, кн. XIX, 71—75 и 82—83; т. XXII, стр. 400; Abo Underrättelser 1854 года, №№ 40 и 41.

6.Eug. Wœstyn — Wictoires (Paris 1856), стр. 178.

7. Пажи за 184 года. О. Р. фонъ-Фреймана, вып. III, 203—205. А также Ekenäs, dess historiska minnen; 1897 года, стр. 85—86.

8. Арх. Главн. Штаба (въ Москвѣ)

9. Арх. финлянд. воен. округа.

10. Воен.-Учен. Арх. — Письмо кн. Долгорукова отъ 15 мая 1854 года.

11. Кренке; стр. 157—158.

12. Арх. Финлянд. воен. округа д. № 24, (по описи 1882 г., № 15). «Рус. Арх.» 1884 г. VI. Записки стараго преображенца.

13. Архивъ Финлянд. воен. округа, д. 24; 1882 № 15.

14. Тамъ-же. (A. Berndtson.-Hangö stad och badanstalt H-fors 1895 стр. 5).

15. Арх. Главнаго Штаба въ Москвѣ. Дѣло Инспекторскаго Департамента за 1854 г., связка 1309, № 218.

16. Воспоминаніе лоцмана Бекстрема. «Финл. Газета» 1903 г., №№ 70 и 73.

III. КАМПАНІЯ 1854.

17. Арх. Финлянд. воен. округа д. 24 (по описи 1882 г., № 15).

18. (на стр. 98) Морск. Сборн. 1856, май, № 7 смѣсь; стр. 88 и др.

19. (на стр. 98) Сборн. Н. Путиловъ, кн. XVIII, стр. 40.

20. Изъ отчета, представленнаго Государю Императору, по случаю 25-ти лѣтія его царствованія, видно что укрѣпленія Гангеудда состояли на островѣ Густавсъ - Вернъ — изъ трехъ каменныхъ и одного деревяннаго бастіонъ - фронтовъ; на мысѣ Дротнингсбергъ изъ девяти деревянныхъ батарей. Въ крѣпости находилось шесть каменныхъ и 65 деревянныхъ строеній, всего на 410 чел. и ва 7964 пуд. пороха. («Сборн. Импер. Истор. Общ.», т. XCVIII, стр. 404).

21. «Н. Путиловъ», кн. XIX,стр. 81.

22. К. Б. Гренгагенъ. Путеводитель по Финляндіи; Спб. 1890 г., стр. 369—371.

23. Histoire de la dernière guerre de Russie; т. I, стр. 195.

24. Исторія воен. флотовъ. Арно; стр. 395.

25. Арх. Морск. Мин. Инспект. Департ. I отд. 2 ст. д. № 424—1854 г. Непріятель-же искалъ дешеваго успѣха для шума и рекламы, чтобы ими поддержать духъ своего войска и настроеніе дома, гдѣ война не была особенно популярна.

26. Abo Underrättelser 1854 г; № 75; Арх. Финлянд. воен. округа № 2—2.

27. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. 1854 г., № 86.

28. Военно-Ученый Арх. Гл. Штаба.

29. L. Guérin (la Histoire de Guerre de Russie 1853—1856) утверждаетъ, что населеніе отнеслось безразлично къ поджогамъ, якобы дѣло его вовсе не касалось.

30. Abo Underrättelser 1854 г., № 44.

31. Статсъ-Арх. Велик. Кн. Финл. 1854 г., д. № 113.

III. КАМПАНІЯ 1854 г.

32. Abo Underrättelser 1854 г., № 44.

33. Eug. Woestyn; стр. 180.

34. Арх. Морск. Мин - Инспект. Департ. I отд. 2 ст., д. № 259, 1854 г.

35. Léon Guérin въ своей книгѣ Histoire de la dernière Guerre de Russie (1853 — 1856) говоритъ, что англичане въ этомъ маленькомъ, но несчастномъ дѣлѣ потеряли 4 офицера и нѣсколько матросовъ; а раненыхъ было 16 (I т. 172).

36. Арх. Финл. воен. окр. д. № 453 (по описи 1882 г., № 1). Арх. Статсъ-Секретар. 1854 г., № 23. (Донесеніе ген.-м. Вендта отъ 27 и 28 мая 1854 г., №№ 895 и 926).

37. Всѣхъ канонерокъ было 17-ть.

38. По другимъ извѣстіямъ, четыре колесныхъ парохода.

39. Арх. Мор. Мин., Ин. Деп. 1 отд. 2 ст. д. 1854 г., № 424 и д. за № 127. Изъ всеподданнѣйшаго отчета по Мор. Мин. за 1854 г. Арх. Главн. Штаба (въ Москвѣ). Дѣла Инсп. деп. за 1854 годъ.

40. Изъ матеріаловъ, собран. А. М. Заіончковскимъ.

41. Тоже.

42. У англичанъ было относительно мало дезертировъ. Чтобы удержать недовольныхъ отъ побѣговъ, англичане распространили слухъ, что русскіе разстрѣливаютъ дезертировъ и вообще жестоко обращаются съ плѣнными.

БОМАРЗУНДЪ (КАМПАНІЯ 1854 г.).

1. Арх. Канц. Воен. Министерства.— Дѣло № 69 — 1809 г. Изъ дѣла сего Арх. видно, что у Бомарзунда въ 1809 г. находился редутъ на 6 орудій (Дѣло 1809 г. № 139 — 122). Помѣщаемъ здѣсь краткую исторію Бомарзундскихъ укрѣпленій въ вид того, что намъ впервые удалось возстановить ее по архивнымъ даннымъ.

III. КАМПАНІЯ 1854 г. БОМАРЗУНДЪ.

Исторію эту обыкновенно начинали съ 1830 года.

2. Арх. Финлянд. воен округа.

3 Сборникъ матеріаловъ, извлечен. изъ Собственной Его Импер. Велич. канцеляріи; изд. Дубровина, вып. IV, стр. 131—132.

4. Перерывъ въ дѣятельности ген.-м. Барклая де-Толли (съ 1811 по 1812 г.) произошелъ вслѣдствіе его болѣзни, вызвавшей поѣздку за границу.

5. Столѣтіе Военнаго министерства. Главное инженерное управленіе. Соч. ген.-м. И. Г. Фабриціусъ; Спб. 1903 г., ч. I, стр. 108—109, 119, и ч. II, прилож. стр. 201. Планъ Бомарзундскихъ укрѣпленій имѣется въ альбомѣ крѣпостей, составленномъ въ 1825 г. для Вел. Кн. Михаила Павловича. Планъ этотъ воспроизведенъ въ книгѣ II, И. Г. Фабриціуса.

6. Арх. Канц. Воен. Министерства Дѣло 1828 г., № 360.

7. Edv. Bergh.-Finl. Statsrättsliga utveckl. efter 1808; H.-fors., 1889, стр. 75.-Бергъ не правъ въ своемъ заявленіи, такъ какъ первый заемъ былъ сдѣланъ финляндской казной въ 1810 году, въ размѣрѣ одного милліона рублей для учрежденія Вексельной конторы. См. у Н. Э. Берендтса. Краткій обзоръ финансовъ Вел. Кн. Финл. Спб. 1900 г., стр. 124.

8. Въ 14-ти верстахъ отъ мѣста, избраннаго для Бомарзунда, къ сѣверо - западу находилась крѣпость Сальтвиксборгъ, время построенія которой остается неизвѣстнымъ, а въ $7^1/_2$ верстахъ къ западу—замокъ Кастельгольмъ, заложенный Биргеръярломъ въ 1200 г. Въ древнія времена Аландъ являлся сборнымъ пунктомъ разбойниковъ, а впослѣдствіи онъ управлялся особыми губернаторами, жившими въ Кастельгольмѣ до 1634 года). Въ періодъ войны)

1854—1855 гг. на Аландѣ считалось до 14,000 населенія.

9. Finsk Militär Tidskrift, 1884 Juli-Augusti, стр. 228.

10. «Море и его жизнь» 1903 г., янв., стр. 34.

11. Фортъ былъ оконченъ въ 1842 г.; башня С—въ 1852 г., но укрѣплена только 1854 г.; башня U окончена въ 1847 г., но вооружили ее также только въ 1854 году; башня Z на Престъ—Э строилась съ 1843 по 1845 г.; орудія на ней поставили лишь въ 1854 г.

12. Древн. и Нов. Россія 1878 г., т. VI, стр. 130.

13. Вѣстн. Евр. 1898 г., февр., 447, ст. Ѳ. Мартенса.

14. Тамъ же стр. 488 и 489. Въ другой статьѣ Мартенсъ относитъ эту обвинительную рѣчь къ 1837 г.

15. Рѣчь Анкарсверда въ Шведской Сеймовой газетѣ отъ 10 дек. 1828 г., № 18 и 19.

16. Въ 1850 году на Аландѣ находилось 190 жилыхъ казематовъ, 242 нежилыхъ, 17 каменныхъ строеній, 86 деревянныхъ; помѣщеній имѣлось на 4,900 чел. и на 2,640 пудовъ пороха.—Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ. 1896 г., т. 98, стр. 404.

17. Изъ показанія коменданта ген.-м. Бодиско.

18. (на стр. 126) Послѣ перваго бомбардированія (9 іюня 1854 г.) къ денежному награжденію по спискамъ было пред ставлено 1591 чел. нижнихъ чин.

19. Грегуаръ, т, III, стр. 492.

20. Въ книгѣ «La Défense des Côtes.»

21. Арх. Гл. Штаба. Дѣло № 25 по Инсп. Департ. (1853—1856 г.)

22. Впослѣдствіи Вильманстрандскій плацъ-маіоръ (комендантъ).

23. Арх. Финл. воен. окр. — Отн. мин. ст.-секр. отъ 3 (15) марта 1854 г., № 167.

24. Léon Guérin; т. I, стр. 178.

25. Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 71.

26. Отзывъ военнаго министра 7-го мая 1854 г., № 388.

27. Краткій журналъ военныхъ дѣйствій и записка капитана фонъ-Кнорринга.

28. Шателенъ. Инженер. Журн. 1866 г., № 5.

29. Это послѣднее замѣчаніе Шателена вполнѣ подтверждается «Обзоромъ дѣятельности морскаго управленія (1855—1880)», въ которомъ говорится, что наши моря гидрографически были изслѣдованы въ половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій и притомъ далеко не совершенными средствами (т. II, стр. 370). Въ «Историческомъ же обзорѣ развитіе дѣятельности Морского Министерства за сто лѣтъ его существованія», составленномъ С. Ѳ. Огородниковымъ въ 1902 г. заявляется (на 114 стр.), что «съ 1840 г. новыя карты Финскаго и Рижскаго заливовъ и Балт. моря стали постепенно вытѣснять прежній атласъ Сарычева; къ концу царствованія Николая I сдѣлана была съемка всего сѣвернаго берега и острововъ Финскаго залива,—со входами въ порты и финляндскіе шхеры»...

30. Морск. Сборн. 1856 г., май, № 7, смѣсь, стр. 88 и др.

31. Léon Guérin; т. I, стр. 181.

32. Арх. Канцел. Воен. Министерства. Въ письмѣ гр. А. К. Толстого отъ 17-го іюня 1854 года, читаемъ: «Англичане были отброшены съ урономъ; съ форта Аландъ имъ повредили два парохода»: («Вѣстникъ Европы» 1897 г., апр., стр. 605).

33. Русск. Арх. 1864 г., вып. I, стр. 79.

III. КАМПАНІЯ 1854 г. — БОМАРЗУНДЪ.

34. Слѣдственная комиссія. Изъ бумагъ ген. Бодиско, сохраняющихся у его вдовы А. П. Бодиско и любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе. Рапортъ Шеншина въ комиссію отъ 20-го янв. 1856 г., № 10.

35. Eug. Woestyn «Victoires et conquêtes» и Léon Guérin; т. I, стр. 184.

36. Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX в»., М. 1896 г., т. III, стр. 492.

37. «Рус. Стар.» 1898 г., августъ, стр. 375.

38. Морская война. Контръ-адмир. Коломба. Спб. 1894 г. стр. 535.

39. Дѣло № 25 — 1854 г. Арх. Финляндскаго воен. округа.

40. Изъ Исторіи войны Léon Guérin.

41. Журналъ обороны Аланда, составленный подполк. Краузольдомъ.

43. Дополненіе къ разсказу Н. Шеншина о поѣздкѣ на Аландскіе острова въ 1854 г., Вадимъ Романовъ. Рус. Архивъ 1864, вып. V и VI, 624 – 626.

44. «Сѣверная Пчела» 1854, № 236.

45. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г., № 192.

46. Записки подп. Фуругельма Finsk. Militär Tidskrift 1885, I, 35.

47. Кн. П. Вяземскій. Собр. соч., т. VI. 514.

48. Von Schweinitz. Die expedition gegen die Alands-Inseln im Jahre 1854; а также Unsere Zeit (lexikon) 6 кн. 1862 г. Leipzig.

49. Finsk Militär Tidskrift. 1884. Juli-aug., стр. 240; Мошнинъ, стр. 258.

50. Шателенъ, стр. 658.

51. G. B. Earp. The history of the Baltic campaign. London. 1857.

52. Морск. Сборн. 1856, май. (Ст. лейтен. Ришельда Гривеля изъ Revue Contemporaine 1855 г.).

53. Шателенъ, стр. 657; Журналъ обороны; предписаніе коменданта въ мартѣ за № 577; Бумаги А. Э. Краузольда. Сохраняются у его дочери Л. А. Поповой, любезно предоставившей ихъ въ наше пользованіе.

54. Изъ бумагъ ген. А. Я. Бодиско.

55. Въ плѣну у англичанъ. «Финляндская Газета» 1900 г., № 51.

56. Н. Путиловъ, кн. XXIV, стр. 26.

57. «Финляндская Газета» 1900 г., № 51.

58. Finck Militär Tidskrift. 1884, IV 250.

59. Иностранные историки говорятъ, что ген. Бодиско, боясь отвѣтственности передъ Государемъ за сдачу форта, просилъ Барагэ д'Илье удостовѣрить, что имъ сдѣлано было для обороны крѣпости все, что требовалось. Барагэ д'Илье обѣщалъ и утѣшилъ Коменданта. Очень взволнованъ при сдачѣ крѣпости былъ еще яко-бы подп. А. Краузольдъ. См. León Guérin; т. I, стр. 193.

60. Н. Путиловъ, кн. XXIV, 280; 281; Морск. Сборн. 1855, март. стр. 101.

61. Донесеніе лейтен. Костенко. Арх. Главн. Инж. Управл.

62. Инженер. журналъ 1866, V, 676

63. Инженер. журн. 1866, № 5, май стр. 676.

64. Рус. Ст. 1893 г., окт., стр. 187.

65. Арх. Финл. воен. окр.; дѣло 9—19 по описи. Стр. Отд.

66. Арх. Финл. воен. окр. Особое дѣло о поведеніи жителей Аландскихъ острововъ.

67. Слѣдственное производство о сдачѣ Бомарзунда. Арх. Гл. Воен. Суд. Управленія.

68. Письмо Абоскаго губернатора отъ 20-го августа 1854 г. Арх. Финл. военнаго округа.

III. КАМПАНІЯ 1854 г. — БОМАРЗУНДЪ.

69. Finsk Militär Tidskrift, I, 36.

70. Н. Путиловъ, кн. XXIV, 331.

71. Дознаніе поруч. Гаделли. Сохраняется въ Арх. Гл. Инжен. Управл.

72. «Рус. Вѣстн.» 1888 г., т. III, стр. 55—56.

73. Дѣло слѣдственной комиссіи Арх. Гл. Воен.-судн. управл.

74. Н. Путиловъ, кн. XXIII, 239.

75. Finsk Militär Tidskrift 1882, IV, 251.

76. Н. Путиловъ, кн. XXIV, 331.

77. Арх. Главн. Инжен. Управл. Мемуары 2-го разряда, № 80.400.

78. Письмо изъ Стокгольма отъ 12 (24) авг. 1854. Государств. арх.

79. Арх. Гл. Инженер. Упр. Мемуары 2 разряда, № 80.400.

80. Арх. Финл. воен. окр. Дѣло № 9—19 по описи Строев. Отд.

81. Indépendance Belge, 1903; 24 февр. Статья Pierre de Courbertin.

82. Дашковъ Графу Нессельроде 19 (31) окт. 1854 г.

83. Морск. Сборн. 1856, май, № 7, смѣсь, стр. 99.

84. Всепод. отчетъ по Морск. Министерству за 1854 г.

85. Арх. Финл. Воен. округа. Финляндская казна купила, съ аукціоннаго торга, за 3,200 мар., развалины Бомарзундской крѣпости и извлекла изъ нихъ 12 милл. цѣльныхъ кирпичей. (Зодчій, 1878, № 24 стр. 122). Иностранныя газеты сообщали, что Ген. Барагэ д'Илье, чтобы вознаградить переводчика Берггрена, портнаго изъ Стокгольма, подарилъ ему стѣны Бомарзунда. Фактъ, при всей своей нелѣпости, вѣренъ. Портной подалъ своему правительству прошеніе о разрѣшеніи ему перевезти въ Швецію остатки Бомарзунда. (Письмо изъ Стокгольма 5 (17) окт. 1854 г.).

86. Арх. Финл. воен. округа; д. № 9 — 19 по описи Строев. Отд. Штаба.

87. Изъ матер., собран. А. М. Заіончковскимъ.

88. Тамъ же.

89. Рус. Арх. 1863 г.

90. Изъ матеріаловъ, собран. А. М. Заіончковскимъ. Подлинныя письма на французскомъ языкѣ.

91. Дѣло 1854 г., № 14 Арх. Канц. Воен. Министерства.

92. Вѣстн. Евр. 1897 г., апрѣль, стр. 609 и 610.

93. Рус. Арх. 1889, № 4.

94. Русск. Арх. 1884 г., стр. 388.

95. Ошибочно, такъ какъ 6 авг. Государь едва-ли имѣлъ еще точныя свѣдѣнія о Бомарзундѣ.

96. Рус. Бесѣда. 1895 г. іюль, 21 (Абовъ).

97. Оборона побережья; стр. 257.

98. Рус. Стар. 1893 г., окт. 185—212.

99. Деньги были возвращены. Чины Финл. Линейнаго № 10 батал., при поступленіи въ запасную бригаду 3 пѣх. дивизіи заявили, что не получили собственныхъ артельныхъ денегъ. Всѣ денежныя наличныя суммы были захвачены непріятелемъ (кажется, всего около 1327 р.). Французскій министръ передалъ нашему послу въ Парижѣ всѣ денежные документы, взятые въ Бомарзундѣ, и по нимъ счеты были возстановлены и Государь повелѣлъ выдать деньги нижнимъ чинамъ (Арх. Гл. Штаба. По части Оберъ-Аудиторской 1856, № 86.

100. Арх. Гл. Инжен. Упр., мемуары 2-го разряда, № 80,401; показаніе каменныхъ дѣлъ мастера Винненберга.

101. Дѣло Слѣдственной Комиссіи.

102. Тоже.

103. Тоже. А также: Finsk Milit. Tidskrift; I, 36.

104. Рус. Бесѣда 1895, іюль, 20. (Г. Абовъ).

105. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл.

106. Арх. Гл. Инжен. Упр.; мемуаръ 2 разр., № 80,400; и Слѣдственное дѣло.

107. «Finsk Militär Tidsk.» 1885 г., т. I. стр. 35.

108. Контръ-адмир. Коломбъ. Морская война. Спб. 1894 г., стр. 534.

109. Контръ-адмир. Коломбъ. Морская война. Спб. 1894 г., стр. 535 (534).

110. Показаніе подп. Краузольда. Слѣдственное дѣло. Арх. Гл. Воен.-Судн. Управл., связка 583.

111. Предсѣдателемъ ея былъ ген.-л. Волжинскій, членами состояли: ген.-м. Ольхинъ, ген.-м. Дидрихсъ, полк. Грунтъ 3-й, полк. Данзасъ, оберъ-аудиторъ Арефьевъ. Слѣдственное производство въ трехъ томахъ, находится въ Арх. Гл. Военно-судн. Управл. 1855 г., связка 583.

112. Изъ бумагъ генер. Я. А. Бодиско.

113. Вѣстн. Всемірн. Исторіи 1901 г., XI, 63. Бумаги А. Э. Краузольда.

114. Рус. Стар. 1893 г., окт., 188, 205 и 208.

115. Краткій журналъ, сохранившійся въ бумагахъ ген.-м. Бодиско. Бѣжали: Матвѣй Дементьевъ, Лейзеръ Гольдштернъ, Шлема Герценбергъ и Зельманъ Брумъ.

116. Статсъ-Архивъ Вел. Кн. Финл., дѣло 1854, № 142.

117. Шателенъ, стр. 695.

118. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Шифрованная телеграмма Кудрявскаго изъ Гамбурга 10 (22) авг. 1854 г. № 103.

119. Полн. сбор. соч. кн. П. А. Вяземскаго. Спб., 1881 г., т. VI, стр. 514.

120. Ист. Вѣстн. 1884 г., февр., стр. 406. Изъ записокъ Вьель Кастеля.

III. КАМПАНІЯ 1854 Г. — БОМАРЗУНДЪ.

121. «Рус. Стар.» 1898 г., авг., стр. 375,

122. Шателенъ, стр. 681.

123. «Разсказы русскаго офицера, бывшаго въ плѣну во Франціи». Чтеніе для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній; 1856 г., ноябрь, № 489, стр. 22—24.

124. Н. Путиловъ, кн. XXIII, стр. 223.

125. Мошнинъ, стр. 258.

126. Н. Путиловъ, кн. XXIV, стр. 285.

127. Léon Guérin; т. I, стр. 193.

128. Н. Путиловъ, кн. XXIII, стр. 226.

129. Арх. Гл. Инжен. Управл.—Дѣло штаба инспектора по инженерной части, № 67. (Въ нѣмецкомъ переводѣ, посланныя свѣдѣнія были озаглавлены: «Über die Befestigungen Alands»....

130. Полн. Собр. соч. Кн. П. А. Вяземскаго, Спб. 1881, т. VI, 423—424.

131. «Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба» 1862 г., кн. I, стр. 217.

132. Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 71. А также Русск. Арх. 1891 г., № 6.

133. «Инженер. журн.» 1866 г., т. V, стр. 699.

134. Шателенъ, стр. 701.

135. Богдановичъ. «Восточная война», изд. 2-е, т. II, стр. 227.

136. Тамъ же, стр. 218.

137. «Морск. Сборн.» 1855 г., сент.; а также «Морская Тактика», соч. Е. Березина; Спб. 1880 г., стр. 204.

138. А. Петровъ. «Истор. Вѣстн.» 1891 г., янв. стр. 105.

139. Тамъ же, январь, стр. 106.

140. А. Петровъ. «Истор. Вѣстн.» 1891 г., янв., стр. 109—113.

III. КАМПАНІЯ 1854 г.—БОМАРЗУНДЪ.

141. Тамъ же, февраль, стр. 390.

142 Тамъ же, февраль, стр. 393 и 394.

143. С. Татищевъ. Имп. Александръ II, т. I, стр. 198.

IV. ВЪ ПЛѢНУ.

1. Морск. Сборн.; 1856, мартъ. Вс. Мельницкій. Арх. Гл. Штаба. Департ. инспект. по части военно-плѣнныхъ 1855 г., № 32. Рукопись капитана фонъ-Кнорринга: «Содержаніе офицеровъ въ плѣну во Франціи».

2. Léon Guérin; т. I, стр. 193.

3. Здѣсь находились: полк. Фуругельмъ, подполковникъ Краузольдъ, подполк. плацъ-маіоръ Тамеландеръ, смотритель аландскаго госпиталя маіоръ Холкинъ, подп. Клингстедъ, маіоръ Гранберъ, шт.-кап. Борнъ, поручики: Брофельдъ, Шимановскій, Конради, Блофіельдъ; прапорщики: Малоземовъ, Марковъ; поруч.: Шателенъ, Аквиландеръ и есаулъ Фоминъ.

4. Изъ бумагъ А. Е. Краузольда.

5. Чтеніе для воспит. военно-учебн. завед. 1856, ноябрь, № 489, стр. 435. Изъ записокъ очевидца.

6. Частная переписка кап. Теше съ подп. Краузольдомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Письмо Краузольда отъ 23 сент. (12 окт.) 1854 г.—Бумаги А. Э. Краузольда.

7. Показаніе, данное слѣдственной комиссіи.

8. Статсъ-арх. Вел. Кн. Финл.; д. № 62, 1854.

9. Бумаги Бодиско и Краузольда. См. еще Слѣдственное производство.

10. Письмо кап. Теше изъ Эвре въ дек. 1854 г.

11. Кап. фонъ-Кнорринтъ.

12. Письмо протоіерея Васильева

IV. ВЪ ПЛѢНУ.

къ Краузольду 15 (27) дек. 1854 г. Изъ бумагъ А. Э. Краузольда.

13. Allgemeine Zeitung 1855, № 252.

14. Изъ бумагъ ген.-м. Бодиско.

15. «Courrier de l'Eure» 31 іюля 1855 г.

16. Изъ бумагъ ген.-м. Бодиско.

17. Дневникъ І. Загородникова напечатанъ въ «Рус. Стар.» 1893 г. за окт. мѣс., а разсказъ Тарновскаго, съ его словъ изложенъ въ «Финл. Газетѣ» 1900 г. № 51 и 52.

18. «Финл. Газета» 1900 г., № 51.

19. Дневникъ русск. солдата І. Загородникова. «Русск. Стар.» 1893 г., окт.

20. Léon Guérin, т. I, стр. 193.

21. «Морск. Сборн.» 1856 г., мартъ.

22. В. Колчакъ. Война и плѣнъ 1853—1855 гг. Спб. 1904 г., стр. 157 и др.

V. ШВЕЦІЯ.

1. М. Ковалевскій. Взглядъ на исторію русской дипломатіи въ Швеціи; «Юридич. Вѣстн.» 1887, май.

2. Фелькнеръ; «Рус. Стар.» 1875, янв.; 160—174.

3. «Вѣстн. Евр.» 1879 г., февраль; 641.

4. Тамъ же, мартъ, 187.

5. Баронъ Жомини. — Вѣстн. Евр. 1886 г., іюль; Путиловъ, кн. II, 84; Дашковъ графу Нессельроде 27 янв. 1854 г. Швеція дѣйствовала въ это время въ союзѣ съ Даніей.

6. Рус. Стар. 1902 г., окт., стр. 134—135.

7. Я. А. Дашковъ графу Нессельроде 3 и 19 января и 14 іюля 1854 г.

8. Тоже. 14 іюля 1854 г.

9. Государственный Архивъ, III, 131.

10. Я. А. Дашковъ — 19 февраля 1854 г.

11. Тоже, отъ 12—24 февр. 1854 г.; Госуд. Архивъ, III, 131.

12. Тоже—27 іюля (8 авг.) 1854 г.

13. Я. А. Дашковъ графу Нессельроде 12 (24) февр. 1854 г. и др.

14. Томъ III,—Paris, 1904.

15. Я. А. Дашковъ графу Нессельроде 15 и 20 апр. 1854 г.

16. Стр. 123, 124 и др. London. MDCCCLVII.

17. Earp. «The history of the Baltic campaign of 1854», стр. 67—70.

За шампанскимъ Непиръ сказалъ (въ Стокгольмѣ): «ранѣе двухъ мѣсяцевъ я или попаду на небо или возьму Кронштадтъ». По оригинальному костюму, Непиръ напоминалъ лакея изъ богатаго дома. Англичане считали его первымъ морякомъ міра.

Одинъ полковникъ предложилъ Непиру повести ускоренную атаку. Адмиралъ отвѣтилъ: «подъ моими ногами 3 мил. и вы хотите, чтобы я рисковалъ ими». «Я цѣню свою голову еще дороже и тѣмъ не менѣе ставлю ее безъ колебаній!» заявилъ полковникъ.

Все это черты, кои дополняютъ характеристику Непира. См. Le maréchal Canrobert соч. Germain Bapst; III т., стр. 5 и 6.

18. Tome troisième. Paris. 1904.

19. Germain Bapst. Le maréchal Canrobert; Paris. 1904. Томъ III, стр. 8 и слѣд.

20. G. B. Earp; стр. 324—325.

21. Я. А. Дашковъ, гр. Нессельроде 20 и 22 іюля 1854 г.

22. С. Татищевъ. Имп. Александръ II; т. I, стр. 143.

23. G. Bapst. Le maréchal Canrobert; т. III, стр. 11.

24. Sveriges hist; VI (Teofron Säve).

25. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло 1854 г. № 16.

26. Баронъ Жомини.—«Вѣстн. Евр.» 1886, окт., стр. 584; а также G. Bapst: Le maréchal Canrobert; Paris, 1904; томъ III, стр. 25.

27. Въ апрѣлѣ 1854 г. Петербургскій кабинетъ говорилъ о важности сохраненія трактата о торговлѣ съ Финмаркеномъ, включая сюда и условія 1838 г. Наше правительство желало, чтобы Швеція гарантировала исполненіе этихъ условій въ томъ видѣ, какъ они были заключены.

28. Два сообщенія Я. А. Дашкова отъ 6 (18) декабря 1855 года.

29. Грегуаръ, т. III, стр. 526. Вотъ текстъ договора:

Act. I. Sa Majesté le roi de Suède et de Norvège s'engage à ne céder à la Russie, ni à échanger avec elle ni à lui permettre d'occuper aucune partie des territoires appartenant aux Couronnes de Suède et de Norvège. Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège s'engage en outre à ne céder à la Russie aucun droit de pâturage, de pêche ou de quelque autre nature que ce soit, tant sur les dits territoires que les côtes de Suède et de Norvège et à repousser toute prétention que pourrait élever la Russie à établir l'existence des droits prècités.

Act. II. Dans le cas où la Russie ferait à Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège quelque proposition ou demande, ayant pour objet d'obtenir, soit la cession ou l'echange d'une partie quelconque des territoires appartenant aux Couronnes des Suède et de Norvège, soit la faculté d'occuper certains points des dits territoires, soit la cession de droits de pêche, de pâturage ou tout autre sur ces mêmes territoires et sur les côtes de Suède et de Norvège, Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège s'engage á communiquer immédiatement cette proposition ou demande à sa Majesté l'Empereur des Français et à sa Majesté Britannique, et Leurs dites Majestés prennent de Leur côté l'engagement de fournir à sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège des forces navales et militaires suffi

santes pour coopérer avec les forces navales et militaires de La dite Majesté dans le but de resister aux prétentions ou aux agresseries de la Russie. La nature, l'importance et la déstination des forces dont il s'agit seront, le cas échéant, arretées d'un commun accent entre les trois Puissances.

Act. III. Le présent traité sera ratifié et les ratifications seront echangées à Stochholm le plus tôt que faire se pourra.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé les cachets de leurs armes.

Fait à Stochholm le vingt un Novembre l'an de Grâce mil huit cents cinquants cinq.

Уполномоченные:

Швеціи—(Signé). Stierneld.

Франціи—V ov Lobstein.

Англіи—Arthur C. Magenis.

Депеша Я. А. Дашкова отъ 6 (18) дек. 1888 г.

Біографическій Словарь, I. 467.

Оффиціальная газета Швеціи, 1855, № 83. Ратификація сего трактата состоялась 30 ноября (н. ст.) въ Стокгольмѣ, 28—въ Парижѣ и 29—въ Виндзорѣ.

Teofr. Säve. Napoleon III; стр. 380.

По заявленію шведа Лаллерстедта текстъ этого договора былъ выработанъ ранѣе пріѣзда Канробера въ Стокгольмъ.

30. Т. III, стр. 526.

31. Рейнъ, Т.—Біографія Снельмана. Geffroy «La Suède et le roi Oskar». Revue des deux Mondes, fevr. 1870.

32. Indépendance Belge отъ 24 февр. 1903 г.

33. Politiska Reflektioner, стр. 12.

34. Bapst. Le maréchal Canrobert; томъ III.

35. «Сборн. Имп. русск. истор. общ.», т. 21, 1877 г., стр. 432, 437.

36. Teofron Säve: Napoleon III, Stockholm, 1901.

37. Bapst. Le maréchal Canrobert; Paris 1904; томъ III.

38. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло № 16, 1854 г. Кромѣ того: Дашковъ графу Нессельроде отъ 1 (13) ноября 1855 г. и 19 янв. 1854 г.

Офицеровъ въ Швеціи считалось—1,600; унтеръ-офицеровъ—1,315; рядовыхъ—138,030; лошадей—5,999; орудій—144.

39. Надо отдать справедливость норвежцамъ: они весьма послѣдовательны въ отстраненіи иноземцевъ отъ своей территоріи. Въ 1868 г. извѣстный дѣятель сѣвера Сидоровъ усиленно добивалси аренды на норвежской землѣ, съ цѣлью разработки золотыхъ пріисковъ. Несмотря на то, что Сидоровъ былъ виновникомъ открытія золота, его хлопоты остались безуспѣшными, ибо норвежцы не желаютъ допускать на свою территорію иностранцевъ, для промышленныхъ предпріятій. («Сѣверъ Россіи», т. I, Спб. 1881 г., стр. 219).

40. Грегуаръ, т. III. стр. 526.

41. А. П. Энгельгардтъ. «Русскій Сѣверъ». Спб. 1897 г., стр. 84—86.

42. «Русск. Вѣстн.» 1866 г., май, стр. 89.

43. «Русск. Богатство» 1892 г., № 6, стр. 24.

44. Горячій патріотъ и извѣстный изслѣдователь сѣвера Россіи, М. Сидоровъ, перечисливъ наши уступки, прибавляетъ: «такое пріобрѣтеніе обошлось нашимъ сѣвернымъ сосѣдямъ въ 2,000 специнговъ (цѣнность этой монеты въ 1866 г. по курсу равнялась 1 р. 43 к. с.) и 10 чернобурыхъ лисицъ (въ 70 р. каждая), поднесенныхъ кому слѣдуетъ, какъ извѣстно многимъ поморамъ черезъ норвежскаго купца Арно, проживав-

таго въ городѣ Вадзе («Русскій Вѣстникъ» 1862 г., май, стр. 90—91). Возвращаясь въ 1870 г. къ тому же вопросу въ своей книгѣ «Сѣверъ Россіи», Сидоровъ заявляетъ: «Неужели забытъ 1826 г. Неужели русскіе не помнятъ, когда однимъ членомъ по возобновленію границы между Россіей и Норвегіей продано, за 20 лисицъ и 2,000 специнговъ, на 400 верстъ морского берега съ тремя незамерзающими заливами» (стр. 42).

45. Въ отчетѣ, представленномъ Военнымъ Министромъ по случаю 25-ти-лѣтія царствованія Императора Николая I, сказано: «Въ 1826 и 1827 годахъ возобновлены пограничные знаки между Норвегіею и Финляндіею». («Сборн. Импер. истор. общ.», т. 98, стр. 322).

46. О законѣ 1830 г. см. «Рус. Богатство» 1892 г., № 7 («Съ береговъ Фирманкена»).

47. «Новое Время» 1884 г., 16-го февраля (В. Головинъ?).

48. Всѣ прежнія мелкія «сѣверныя» недоразумѣнія пережиты и забыты. Слѣдъ о нихъ остался только въ спокойныхъ архивахъ и на страницахъ исторіи. Протекло пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ между Швеціей и Россіей всегда существовали наилучшія отношенія. Въ апрѣлѣ 1903 г. финляндскіе политиканы, стремящіеся поддержать въ шведахъ нерасположеніе къ русской національной политикѣ, вновь стали сочинять нелѣпѣйшіе варіанты на старую тему въ «Nordisk Revy» (1903 г., № 13), издателями котораго состояли финляндцы Аксель Лилле и Конни Цилліакусъ.

49. «Sveriges hist.», VI, 153.

50. Politiska Reflektioner. Stockholm, 1902.

51. Politiska Reflekt. «Финл. Газета», 1902, № 67.

52. «Den orientaliska frâgan i dess nyaste skede».

53. «Фин. Газ.» 1902, № 13 и др.

54. Тамъ же, 1901, № 184.

55. «Славян. Вѣкъ», 1901, № 28, стр. 24.

56. Рус. Арх., 1896, X, стр. 164.

57. Охотниковъ воспользоваться этими землями было немало. Въ 1855 г. сардинское правительство,— если вѣрить заявленію лорда Мальмесбюри, — усердно хлопотало объ уступкѣ ему Крымскаго полуострова. Гр. Кавуръ предлагалъ сдѣлать Крымъ нейтральнымъ, подобно Бельгіи, и пьемонцы насадили-бъ тамъ свою цивилизацію и развили свою торговлю. («Внѣшняя политика Россіи», К. Скальковскій. 1897 г., стр. 116).

58. «Вѣстн. Евр.», 1879 г., мартъ, стр. 201 и С. Татищевъ. Имп. Александръ II, т. I, стр. 186.

59. «Біографич. словарь», т. I, стр. 474.

60. А. Петровъ. «Истор. Вѣстн.», 1891 г., января, стр. 103.

61. Замѣтный дѣятель въ области публицистики, общественной и даже государственной. Состоялъ при посольствахъ въ Берлинѣ и Парижѣ. (Svenskt biografiskt handlexikon af Hofberg). Въ 1853 г. онъ болѣе не находился на службѣ.

62. «Біографич. словарь», т. I, стр. 481 и С. Татищевъ—Имп. Александръ II, т, I, 200.

63. G. Lallerstedt. La Scandinavie, ses craintes et ses espérances; Paris, 1856, p. 336.

64. Sveriges hist, VI, (T. Säve).

65. La Scandinavie; p. 343.

66. La Scandinavie, Postkriptum; стр. 393—404.

67. «Indépendance Belge», отъ 24 февраля 1903 г.

68. Aftonbladet, конецъ іюля и начало августа 1854 г.

69. Sveriges historia, изд. Эмиля Гильдебранда. Выраженія шведскаго автора въ нашемъ переводѣ смягчены.

70. Арх. Финлян. воен. округа. Въ оцѣнкѣ дѣйствій шведскаго правительства ген. Рокасовскій ошибся.

71. Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 36; Рус. Арх. 1889 г. № 4.

72. «Вѣстн. Евр.», 1897 г., апрѣль, стр. 609; Рус. Арх., 1898 г., VII, стр. 424.

73. Н. Путиловъ, кн. XXIII, стр. 224.

74. Blick på Sverges politiska forntid och framtid med hänseende till Skandi-

naviens försvar. Во второмъ изданіи отмѣчено, что авторъ этой брошюры — помѣщикъ (бывшій маіоръ) С. Экенстамъ (Ekenstam).

75. «Helsingfors Dagblad» 31 mars 1878.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ 1855 ГОДА.

1. Арх. Финл. воен. округа, д. № 453 (по описи 1882 г., № 1).

2. Тамъ же, д. № 2—2.

3. Соображеніе о числѣ войскъ, потребныхъ для мѣстной обороны Финляндіи и для дѣйствія въ этомъ краѣ въ 1885 г. *).

А. Для мѣстной обороны.

	Число батал.	Число сотенъ.	Число орудій
Въ городѣ Улеоборгѣ	1	1	2
„ городахъ Эстерботніи по одной ротѣ въ каждомъ	1 1/2	—	—
„ гор. Бьернеборгѣ	1/2	—	—
„ городахъ Нюстаде и Раумо по одной ротѣ	1/2	—	—
„ гор. Або	1	1	2
„ Гельсингфорсѣ и его окрестностяхъ:			
въ самомъ городѣ	6	2	8
на островѣ Друмсъ-э	1 1/4 въ томъ числѣ 1 рота стрѣлк.		
на Сандгамнъ-э	2 1/4 въ томъ числѣ 1 рота стрѣлк.		
„ крѣп. Свеаборгской съ островомъ Скотландомъ	6	—	4
„ городахъ: Борго, Ловизѣ и Фридихсгамѣ и въ упраздненной крѣпости Свартгольмской по одной ротѣ	1	—	—
„ упраздненной крѣпости Роченсальмской, фортѣ Слава	4	1	4
„ Тавастгусѣ	1	—	—
Для разныхъ мѣстныхъ надобностей	—	2	—
Итого	26 въ томъ числѣ 2 роты стрѣлк.	7	20

*) Въ этомъ исчисленіи не показаны войска, необходимыя для Выборга и пространства отъ онаго до С.-Петербургской границы, такъ какъ пространство это, съ г. Выборгомъ включительно, не подчинено командующему войсками въ Финляндіи.

В. Для дѣйствія.	Число батал.	Число сотенъ.	Число орудій.
а) Вазаскій отрядъ	6 въ томъ числѣ 2 роты стрѣлк.	3	10
в) Абоскій отрядъ	5 3/4 въ томъ числѣ 2 роты стрѣлк. и 1 рота саперъ.	5	10
с) Поіоскій отрядъ	6 1/2 въ томъ числѣ 2 роты стрѣлк.	3	12
d) Гельсингфорскій отрядъ	13 1/4 въ томъ числѣ 1 бат. стрѣлк. и 1 рота саперъ.	6	24
Итого . . .	31 1/2	17	56
Всего	57 1/2 въ томъ числѣ 3 бат. стрѣлк. и 2 роты саперъ.	24	76

Вѣрно: генералъ-лейтенантъ Норденстамъ.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ 1855 ГОДА.

4. Арх. Финлянд. воен. округа. Рапортъ Команд. войсками отъ 7 (19) сент. 1854 г., № 1130.

5. По симъ соображеніямъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было примѣрно предназначить слѣдующее распредѣленіе войскъ:

1-ое. Отрядъ въ Вазѣ:

3 линейныхъ баталіона, 1 поселенный стрѣлковый, 3 сотни казаковъ и 6 орудій гарнизонныхъ.

2-ое. Отрядъ въ Або:

3 линейныхъ баталіона, 1 поселенный стрѣлковый, 3 сотни казаковъ и 6 орудій гарнизонныхъ.

3-е. Гарнизонъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ:

3 линейныхъ баталіона, 1 Новгородскій гарнизонный, 4 баталіона 1-й бригады Резервной Гренадерской дивизіи, 1-ну или 2-вѣ батареи Резервной бригады Гренадерской Артиллерійской дивизіи.

4-е. Дѣйствующій отрядъ:

16-ть баталіоновъ 1-й Гренадерской дивизіи. 1 Гренадерскій Стрѣлковый баталіонъ. 1/2 Резервнаго стрѣлковаго баталіона. 32 орудія 1-й Гренадерской Артиллерійской бригады и казачій полкъ.

5-е и 6-е. Борго и Свартгольмъ:

По 1-й ротѣ линейныхъ баталіоновъ.

7-е. Роченсальмъ:

Запасный стрѣлковый баталіонъ.

8-е. Выборгъ:

4-ре 6-хъ баталіона 1-й Гренадерской дивизіи, 1/2 Линейнаго баталіона, одна батарея Резервной Бригады Гренадерской Артиллерійской дивизіи.

6. Отн. Воен. Министра отъ 3 ноября 1854 г., № 634. Воен.-Учен. арх. отд. 2. д. № 5599.

7. Тамъ же.

8. Росписаніе сухопутныхъ войскъ, которыя къ 20 апрѣля—1 мая 1855 года будутъ собраны въ Финляндіи, не считая инвалидныхъ и другихъ мѣстныхъ командъ, и за исключеніемъ войскъ предназначенныхъ для обороны Выборга и пространства отъ

онаго до границы Петербургской губерніи. 15—27 Декабря 1854 года.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ
1855 г.

	Число баталіон.	Число сотенъ и эскадр.	Число орудій.	
			батар.	легк.
Пѣхоты:				
1 Гренадерская дивизія	16	—	—	—
Резервная дивизія I ренадерскаго корп.	24	—	—	—
Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ .	1	—	—	—
Резервный стрѣлковый баталіонъ . .	1	—	—	—
2-й Запасный стрѣлковый баталіонъ .	1	—	—	—
1-го Запаснаго стрѣлковаго баталіона	1/2	—	—	—
22-й пѣхотной дивизіи Финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ	19	—	—	—
Новгородскій гарнизонный баталіонъ	1	—	—	—
Поселенныхъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ	6	—	—	—
Кавалеріи:				
Резервная бригада 7 легкой кавал. див.	—	8 эскадр.	—	—
Донскіе казачьи № 28 и 63 полки . .	—	12	—	—
Артиллеріи:				
1-я Гренадерская артиллерійская бриг.	—	—	16	24
Резервныя и запасныя батареи гренадерской артиллерійской дивизіи .	—	—	—	48
Сводная батарея, составленная изъ полевыхъ дивизіоновъ: Выборгскаго Свеаборгскаго и Генгеудскаго артиллерійскихъ гарнизоновъ . . .	—	—	—	1
Образцовый конный казачій дивизіонъ	—	—	—	42
Всего . .	69 1/2	12 сот. 8 эск.	16	88
			104	

9. Арх. Финл. военнаго округа. Арх. Канц. Воен. Министерства I. Дѣло 1854, № 131.

10. Арх. Канцел. Воен. мин. — А также: Второе Полное собраніе Закон. Россійской Имперіи, № 28028 (1854) и Росписаніе войскъ финляндіи.

11. Samling of Plakater—1855 г.

12. Воен. обозр. Финл. воен. округа; 1876 г., стр. 371.

13. «Воен. Сбор.» 1867 г., № 5, стр. 109—144.—Впослѣдствіи Байковъ занималъ должность городского головы въ Ростовѣ на Дону.

14. В. Д. Кренке; стр. 143.

15. Тамъ же, стр. 87 и 91.

16. Отн. канцеляріи воен. министерства 17-го мая 1854 года за № 7899; арх. Финл. воен. округа.

17. Арх. Финл. воен. округа д. № 21—58.

18. Обзоръ дѣятельн. морск. управл.; т. I, 423.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ КАМПАНІИ. 1885 г.

19. Арх. Финл. воен. окр. по описи 1882 г., № 1.

20. Арх. Ст.-Секр. 1854 г., № 34. А также: Второе полное Собран. Закон. Рос. Имп. 1855, № 28940.

21. Письмо генер. П. Рокасовскаго Военному Министру отъ 20 сент. (2 окт.) 1854 г. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло 1854 г., № 108.

22. Письмо это помѣчено 18 августа 1854 г.

23. Арх. Канц. Воен. Министерства; Дѣло 1856 г., № 79.

24. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина т. XIII, стр. 90.

25. Историч. Вѣстн. 1891, мартъ.

26. Рус. Арх. 1889, № 4.

27. Соч. кн. Щербатова: Фельдмарш. Паскевичъ; т. VI, стр. 298.

28. См. соч. проф. Рейна и полн. собр. соч. Снельмана.

29. Бергъ начальствовалъ надъ войсками въ Эстляндіи.

30. Военно-Учен. арх.

31. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина; книга XIII, гл. LXX.

32. Татищевъ, Импер. Александръ II; Т. I, стр. 133.

33. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина; книга XIII,гл. LXXI.

34. Воспоминанія Авг. Шаумана Från sex artionden i Finland, т. II, стр. 157—158.

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.

1. Св. Воен. Постан. 1869 г.; изд. 1892, кн. 7, прилож. къ 898 ст. Для внесенія въ послужные списки воинскихъ чиновъ, походовъ и дѣйствій на берегахъ Балтійскаго моря противъ соединенныхъ флотовъ и войскъ Англіи и Франціи, всѣ военныя дѣйствія раздѣляются на двѣ кампаніи, по годамъ: I) Войскамъ, охранявшимъ Финляндію, за исключеніемъ уѣзда Странда Выборгской губ., первая кампанія 1854 г. считается отъ появленія непріятельскихъ крейсеровъ у береговъ Финляндіи, т. е. съ 7—19 марта по 28 октября (9 ноября), послѣ котораго непріятельская эскадра скрылась изъ виду; вторая кампанія 1855 г. считается съ 17—29 апрѣля по 21 ноября (3 декабря). 2) Войскамъ, охранявшимъ прибрежье С.-Петербургской губ. и Выборгской уѣзда Странда, первая кампанія 1854 г. считается съ 9 марта по 15 ноября, а вторая кампанія 1855 г.—съ 17 апрѣля по 15 ноября.

2. «Рус. Стар»., 1883 г., іюль, 198.

3. «Рус. Арх. 1899 г., III, 512.

4. См. ея «Записки», ч. I, стр. 323 и 324.

5. Обзоръ дѣятельн. морск. управл. въ Россіи (1855—1880), ч. II, 974.

6. Морск. Сбор. 1856 г., авг. № 10, смѣсь, апр. 66 и др. (изъ Revue Britanique).

7. Léon Guérin. Глава Sveaborg; т. II.

8. Въ упомянутую кампанію на всѣхъ англійскихъ судахъ, въ случаѣ необходимости, лоцманами служили финны.

9. Н. Путиловъ; кн. XXX, 17.

10. Орудіе искали въ водѣ, около пристани, но тамъ оно не было найдено (Арх. Финл. воен. округа).

11. Морск. Сборн. 1856; янв., смѣсь, стр. 40.

12. Н. Путиловъ, кн. XXX.

13. Изъ воспоминаній князя А. В. Мещерскаго; «Рус. Арх.» 1899 года. т. III, 488.

14. Его рапортъ отъ 17 сент. 1855 г., № 360. Арх. Финл. воен округа.

15. Донесеніе полк. Энгельгардта. Арх. Финл. военнаго округа. Дѣла Абоскаго отряда.

16. Рапортъ полк. Энгельгардта отъ 19-го іюня 1855 года, № 604. Арх.

Финл. военнаго округа. Дѣла Абоскаго отряда.

17. Рапортъ полк. Платонова отъ 24 іюня (6 іюля) 1855 г., № 1115. Арх. Финл. военнаго округа.-Дѣла Абоскаго отряда (ген.-м. Вендта.)

18. Арх. Финл. воен. округа. Дѣла Абоскаго отряда. Рапорты: полк. Энгельгардта отъ 25 Іюня за № 614 и капит. Карлстедта отъ 21 Іюня, за № 54.

19 Арх. Ст.-Секр. 1855, № 40.

20. Свартгольмскій замокъ былъ основанъ шведами послѣ 1743 г.— Островъ, на которомъ былъ построенъ замокъ, находится у входа въ заливъ г. Ловизы. Къ укрѣпленію острова побудила война, которая перенесла русскую границу въ 1743 г. на рѣку Кюменъ. Задумано было тогда же укрѣпленіе города Ловизы, но потомъ оставлено и рѣшено было озаботиться лишь созданіемъ морской позиціи.

21. Journal de St.-Peterbourg 1855 г. № 145. Н. Путиловъ, кн. XXX,72—73, Abo Underrättelser 1855 г., № 55.

22. Статья J. G. Elmgren'a въ журналѣ Historiallinen arkisto, т. X. 1890 г., стр. 249. Aug. Sohauman. Från sex årtionden i Finland; 1893, тетрадь 6, стр. 166.

23. G.Öhman. Badorten Lovisa H.-fors. 1891 г., стр. 32—34.

24. Vägvisare i Finland. Dr. Aug. Ramsay. H.-fors 1895 г., стр. 134.

25. Арх. Финл. воен. округа; дѣло 1855 г., № 118, и другое, по описи 1882 г., № 478. Арх. Статсъ - Секретаріата 1855 г., № 3.

26. Арх. Гл. Инженерн. Управл.

27. В. Д. Кренке; стр. 83—84.

28. Сборн. Имп. Историч. Общ. т. 98, стр. 394.

29. А провѣрка эта была, конечно, крайне необходима, ибо въ томъ же Выборгѣ, какъ разсказывалъ намъ

очевидецъ, были случаи когда, заряжая орудіе (съ дула), сперва вкладывали ядро, а затѣмъ порохъ... И неудивительно: пѣхотинцевъ приходилось ставить къ орудіямъ безъ всякой подготовки.

30. Арх. Канцел. Воен. Министерства. Дѣло 1854, № 76.

31. Арх. Главн. Штаба. Дѣло Инспект. Департ. 1856 г. № 25.

32. Въ городской библіотекѣ, при содѣйствіи бургомистра Эрна отыскали планъ Выборга Петровскаго времени. Оказывается, что уже при Петрѣ берега Транзунда были покрыты батареями.

33. Воен. Сборн. 1867 г., т. V, стр. 129.

34. Всего въ Выборгской крѣпости въ это время было 222 орудія.

35. Кренке, стр. 123.

36. Нынѣ генералъ-отъ-артиллеріи и заслуженный профессоръ.

37. Байковъ. «Воен. Сборн.», 1867 г. т. V. стр. 128, 129 и др.

38 «Рус. Инвалидъ» 1903, № 19.

39 «Рус. Стар.» 1883 г., іюль, стр. 207.

40. Мнѣнія инженера Кренке и моряка Аркаса совпали почти дословно относительно непригодности канонерскихъ лодокъ.

41. На нашихъ батареяхъ имѣлось, кажется, 28 орудій.—

42. Н. Путиловъ, кн. XXX. стр. 77; Арх. Гл. Штаба (въ Петербургѣ)— Дѣло 3 Отд. I стола, № 533 -1855 г.; Арх. Финл. воен. окр.; д. 1855 г., № 136 и по описи 1882 г., № 526. Дѣло статсъ.-секретаріата 1856 г., № 82.

43. Ар. статсъ.-секретаріата Вел. Кн. Финл.; 1855 г., № 40.—О подобной-же перестрѣлкѣ крестьянъ съ грабителями—англичанами упоминаетъ въ своемъ отчетѣ секретарь гр. В. Армфельтъ; но въ виду неопредѣ-

ленности его описанія нельзя у становить, является ли его разсказъ повтореніемъ дѣла при Куйваніеми, или исторіей новаго самостоятельнаго столкновенія (Дѣло статсъ.-секрет. Вел. Кн. Фин. 1856, № 86).

44. Послѣ войны 1790 г. адмиралъ принцъ Нассау — Зигенъ приказалъ осмотрѣть позицію около Роченсальма Кюменьгорода и составить проектъ укрѣпленія Роченсальма. Работы начались въ 1791 г. подполковникомъ Прево-де-Люміель. Въ 1792 г. работы продолжались подъ надзоромъ знаменитаго Суворова. Въ 1795 г. заложена была гавань на островѣ Коткѣ. Вплоть до 1840 г. на Фортъ Славу было израсходовано всего 1620098 р. 63 к. ассигнаціями.—

45. Финл. Газета 1900 г., № 34; статья А. А. Петровой. Дѣло Статсъ.-Секретар. 1856 г., № 82.

46. Н. Путиловъ; кн. XXXI, 168—169; Военно-Ученый архивъ Отд. 2, д. № 3975; Арх. Статсъ.-Секрет. 1854 г., № 23.

47. Арх. Гл. Штаба. Дѣло 3 отд. I. стола № 932 (1855 г.) Дѣла Статсъ.-Секретаріата за 1856 г.

48. Дѣла Статсъ-Секретаріата за 1856 г., № 82.

49. По всеподданнѣйшему отчету 1850 г. оборона Свеаборгской крѣпости состояла: на островѣ Густавъ-Свердѣ—изъ 5-ти бастіонныхъ фронтовъ и 2-хъ набережныхъ линій, по Стуро - Остеръ - Сварту — изъ 6-ти бастіонныхъ фронтовъ и кронверка, на Лилла-Остеръ-Свартѣ—изъ 3-хъ бастіонныхъ и 3-хъ тенальныхъ фронтовъ; на Лонгернѣ—изъ одного бастіоннаго и трехъ тенальныхъ фронтовъ. («Сборн. Имп. ист. общ»., т. 98, стр. 403).

50. Историч. Вѣстн. 1901 г. апрѣль, 120—121.

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.

51. Арх. Канцеляріи Военнаго Министерства; Дѣло 1854—1855 гг. № 79.

52. Арх. Морск. Министерства, Канц. ген.-адмир. д. № 45—1854 г.

53. «Истор. Вѣстн.» 1901 г., апрѣль.

54. «Инженер. Журналъ» 1875 г., т. IV.

55. Сохраняется въ бумагахъ гр. Тотлебена, имѣющихся въ собраніяхъ П. Я. Дашкова.

56. Рапортъ ген.-м. Баранцева отъ 9 сент. 1854 г., за № 920 (Арх. Главн. Артиллер. Управленія).

57. Арх. Главн. Артиллер. Управленія.

58. Арх. Морск. Мин-ства. Канц. Ген.-Адмир.; д. 1854 г., № 45.

59. Отн. Свеаборгскаго коменданта отъ 28 сент. (10 окт.) 1854, № 3189. Арх. Финл. воен. округа.

60. Изъ донесенія к.-адмир. Матюшкина.

61. Разсказъ очевидца ген. К. В. Комарова.

62. Арх. Канц. Воен. Мин-ства; дѣло 1854 г., № 43.

63. Арх. Финл. Воен. Окр. дѣло по описи 1882 г., № 438.

64. Кренке. Оборона Балтійскаго побережья, Спб. 1887 г. Изъ отчета, представленнаго Государю Императору, по случаю 25-тилѣтія его царствованія, видно, что, въ Свеаборгѣ въ 1850 г. находилось 665 орудій, 482 (и станка) и 189,258 снарядовъ. («Сборн. Имп. истор. общ.», т. 98 стр. 394). Помѣщеній имѣлось на 3,445 человѣкъ и на 34,140 пудовъ пороха. (Тамъ же, стр. 404).

65. Арх. Статсъ.-Секрет. Вел. Кн. Финл. 1854, № 21.

66. Корабль Бріенъ
» Владиміръ.
» Полтава.
» Арсисъ.
» Андрей.
» Россія.

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.

Корабль Іезекіилъ.
» Прохоръ.
Паровой фрегатъ Смѣлый.
» » Олафъ.
» » Гремящій.
» » Цесаревичъ.
Шкуна Дождь (Брантв.)
Трансп. Тверца.

(Изъ всеподданнѣйшаго отчета по Морск. Мин-ству.)

67. Въ Балтійскомъ флотѣ (вмѣстѣ съ Финл. шхерной флотиліей) было:

офицеровъ	1099
нижн. чиновъ	32862
ополченцевъ	9153
орудій на судахъ	4169

Къ донесенію к.-адм. Глазенапа приложено росписаніе судовъ, стоявшихъ въ Свеаборгѣ въ началѣ 1854 г. (См. мнѣнія адмираловъ о защитѣ Балтики).

68. 1-я бригада.
1 бат. 16 лодокъ
2 » 16 »
2-я бригада.
1 бат. 16 лодокъ
2 » 16 »

Изъ нихъ двѣ лодки въ Гельсингфорскомъ отрядѣ. Всего 64 лодки.

При сей флотиліи:
Пар. Ижора.
» Иматра.
» Ладога.
» Гр. Вронченко.
» Мирный.
» Быстрый.
» Поспѣшный.
» Ястребъ.
тр. Аландъ.
шх. Вихрь.
л. суд. Нептунъ.
Одинъ большой и 4 малые бота.
Вольный пароходъ Летучій.
» » Курьеръ.
» » Вулканъ.
» » Рюрикъ.
» » Діана.

VII КАМПАНІЯ 1855 г.

Вольный пароходъ Надежный.
» » Нева.
» » Опытъ.
» » Львица.
» » Адмиралъ.
» » Выборгъ.
» » Соймо.

69. Въ 1 бригадѣ было:

офицеровъ	31
нижнихъ чиновъ	805
ополченцевъ	1380
Итого	2216

Въ 2 бригадѣ было:

офицеровъ	28
нижнихъ чиновъ.	1252
вольныхъ шкиперовъ	7
изъ финл. урож.	1025
Итого	2312

(На каждую лодку приходилось около 70 человѣкъ).

70. Изъ всеподданнѣйшаго отчета по Морскому Министерству.

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.—СВЕАБОРГЪ.

71. Арх. Мор. Мин-ства. Инспект. Департ. 1 отд. 2 ст. № 677—1854 г.

72. Между Лонгернъ — Рентанъ.
« Друмсё — Сведія.
« Сведія — Лёве.
Арх. Морск. Мин-ства. Испект. Деп. 1 отд. 2 ст., № 399—1855 г.

73. Арх. Финл. воен. округа; по описи 1882 г., дѣло № 1.

74. Любовицкій, стр. 164.

75. Бліохъ, т. III, стр. 211 и 212.

76. «Морск. Сборн.» 1883 г., № 9; Аренсъ.

77. Отн. воен. министра 19 ноября 1854 г. № 657; Арх. финл. воен. окр.

78. «Морск. Сборн.» 1883 г., № 9; и «Воспомин. кап.-лейт. Асламбегова.

79. «Вѣстн. Евр.» 1891 г., апр., 664—665.

80. Арх. Финл. воен. окр. Дѣло по описи 1882, № 1.

81. По отзыву командующ. войсками ген.-адъютанта Берга.

82. Пятидесятилѣтній юбилей его. Спб. 1877 г., стр. 111.

83. «Воен. Сборн.» 1901 г., августъ, стр. 4.

84. Любовицкій, стр. 238.

85. М. Михайловъ; «Воен. Сборн.», 1860 г., т. X. стр. 251.

86. Въ непріятельскомъ флотѣ было англійскихъ судовъ: паровыхъ, винтовыхъ и колесныхъ пароходовъ и судовъ 1 и 2 ранга—19 и на нихъ 675 орудій; бомбардъ и канонерскихъ лодокъ – 32 съ 64 орудіями; всего англійскихъ судовъ 51 и на нихъ 739 орудій. Французскихъ судовъ считалось 16 съ 324 орудіями. Слѣдовательно, передъ стѣнами крѣпости расположилось [67 боевыхъ судовъ, направивъ на нихъ 1063 орудійныхъ жерла. См. Финл. Газ. 1903, № 117 (изъ сообщенія ген-л. Н. Н. Кайгородова).

87. Коломбъ, стр. 545.

88. L. Guérin; II т.

89. Абовъ. Свеаборгъ. «Рус. Бесѣда» 1895, іюль.

90. Приказъ по войскамъ Финл. 1855 г. № 4441.

91. А. К. Симчевскій во время бомбардировки исправлялъ батарею на Сканслandѣ (Александровскомъ) «неустрашимо подъ непріятельскими выстрѣлами съ хладнокровіемъ и мужествомъ», какъ отмѣчено въ его послужномъ спискѣ.

92. Абовъ. Свеаборгъ. «Рус. Бесѣда» 1895 г., іюль.

93. Коломбъ. стр. 546.

94. Коломбъ; стр. 545. По словамъ Р. Гривеля, Франція и Англія создали особую осадную флотилію. Первыми элементами этого флота были канонерскія лодки, паровыя бомбарды и блиндированныя шаланды, которымъ дали названіе плавучихъ батарей. (О морской войнѣ; Спб. 1871 г., стр. 147).

95. «Морск. Сборн.» 1856, май.—

96. Léon Guérin; т. II. — Sveaborg. Во всепод. отчетѣ Воен. Министерства за 1855 г. значится, что у непріятеля было 16 бомбардъ, 23 канонерскія лодки и 4 плавучія батареи.

97. «Воен. Сборн». 1860 г., X, 255; см. еще Léon Guérin (II, 314) признаетъ, что нѣсколько канонерскихъ лодокъ было выведено изъ строя.

98. Рапортъ протоіерея Іоанна Авринскаго отъ 3 авг. 1855 г. за № 73.

99. Абовъ. «Рус. Бесѣда», 1895 г., іюль.

100. гр. П. Х. Граббе. «Рус. Арх», 1889 г.

101. Narga historiska data rörande Sveaborgs bombardement; стр. 28.

102. Абовъ. «Рус. Бесѣда» 1895 г., іюль.

103. «Морск. Сборн». 1855 г., № 9.

104. Θ. Нордманъ. «Морск. Сборн.» 1876 г., №. 3.

105. Г. Абовъ. «Рус. Бесѣда» 1895, VII. Сборн. извѣстій, относ. «до наст. войны» (Путилова), кн. XXX 1857 г., стр. 98–113; «Морск. Сборн.» 1856 г., № 12. Существуетъ такой еще анекдотъ, относящійся къ исторіи корабля «Россія»:—«Ты что тутъ дѣлаешь?»—спрашиваетъ командиръ матроса Антонова.—«Виноватъ ваше в-діе: бомбу швырнулъ за бортъ». («Морск. Сборн.» 1856 г., № 10). См. еще «Обзоръ дѣятельности морского министерства въ Россіи (1855—1800)». т. II, стр. 976.

106. Въ воспоминаніе о его стоянкѣ, на скалѣ острова Абрагамсъ-хольма, гдѣ находилась мортирная батарея

французовъ, осталась немногосложная надпись:

Kvagan
Nity Hellaco
9 et 10 août 1855. Marie
Le Poi
Batterie Française
par l'artillerie
de marine
et les cannoniers
Mots
Olivier
Bicot
Com. De Parles
Capitaine Sapia
Modrei.

107. Léon Guérin; т. II, 314.

108. Описаніе бомбардировки провѣрено по рапортамъ: Свеаборгскаго коменданта — отъ 2 авг. 1855, за № 21; ген.-л. Рамзая—3 авг., за № 2155; контръ-адм. Шихманова—отъ 2 авг., за № 590; ген.-лейт. Гильденштуббе отъ 2 авг., за № 118 и выписки изъ журнала о дѣйствіяхъ 3 флотской дивизіи. См. Арх. Финл. воен. окр., д. 556 (по описи 1882 г., № 1) и Арх. Морск. Министерства, Инспект. Департ. 1 отд. 2 ст., № 683—1855 г., стр. 242—248.

109. Звонкой монетой—2.171.753 р. с.; Госуд. Кредитн. бум. — 5.925.396 и принадлеж. разнымъ вѣдомствамъ 942.900 р. с.; (Арх. Ст.-Секрет. 1854, № 358).

110. Авг. Шауманъ, стр. 112.

111. S. G. Elmgren. Sveaborgs bombardemang. Historiallinen Arkisto, X, 188.

112. Elmgren и Авг. Шауманъ.

113. «Финл. Газета». 1900 г. № 96.

114. Elmgren и Ав. Шауманъ.

115. Населеніе города въ 1850 г. достигло 19,500 чел., но холера 1853 г. значительно уменьшила его.

116. Въ его соч. «La Défense de Côtes».

117. Воспоминанія Асламбегова. (Изъ матеріаловъ, собранныхъ А. М. Заіончковскимъ).

VII. КАМПАНІЯ 1855 г.—СВЕАБОРГЪ.

118. Lettre particulière au général Berg à Helsingfors--отъ 11 (23) авг. 1855 г.

119. Соч. лейтенанта Грассе «La Défance des Côtes»; см. Воен. Сборн. 1901 г., августъ.

120. «Морск. Сборн.» 1856, авг., № 10, смѣсь, стр. 69.

121. Обзоръ дѣятельности морск. управл. въ Россіи 1855—1880 г.г., т. II, стр. 975.

122. Изъ исторіи послѣдней войны Россіи, соч. Léon Guérin.

123. Léon Guérin; т. II, Sveaborg.

124. Американскій полковникъ Т. П. Шефнеръ находилъ, что бомбардированіе Свеаборга стоило союзникамъ 25 мил. долларовъ (слишкомъ 31 мил. р. с.), а русскимъ оно обошлось въ 150.000 долларовъ (180.000 р. с.). См. «Воен. Журналъ» 1856, № 1, стр. 189.

125. Столько именъ помѣщено на мраморныхъ доскахъ Свеаборгскаго Александро-Невскаго собора.

126. «Сборн. Имп. Истор. Общ.», т. 98. стр. 404.

127. Осколки снаряда сохранены на своихъ мѣстахъ, а у образа кусокъ чугуна въ бронзовой оправѣ повѣшенъ на цѣпочкѣ.

128. Арх. Главн. Артиллер. Управленія.

129. Арх. Морск. Министерства.— На кораблѣ «Россія» погибло матеріаловъ на 26,000 р., на «Іезекіилѣ»— 30,000 и на «Цесаревичѣ» — 56,000 р. Дѣло Канц. Морск. Министерства, по архиву № 15772 (1856 г.).

130. «Рус. Арх.» 1889 г., № 4.

131. Изъ матеріаловъ, собран. А. М. Заіончковскимъ.

132. Первоначально на батареѣ поставлено 4 мортиры, да потомъ добавили двѣ.

133. Донесеніе Я. А. Дашкова отъ 16 (28) авг. 1855 г.

134. Арх. Канцел. Воен. Министерства. Дѣло 1856 г., № 20.

135. Морск. Сборн. 1856 г., май, № 7, смѣсь, стр. 103.

136. См. «Морская война». Контръ-адмир. Коломба. Спб. 1894 г.

137. Обзоръ дѣятельности морского управл. въ Россіи съ 1855 по 1880 гг. Спб. 1880, стр. 253—254.

138. «Финл. Газ.» 1900, № 96.

139. «Морск. Сборн.» 1855 г., мартъ.

140. «Рус. Стар.» 1898 г., апрѣль, стр. 381.

141. «Морск. Сборн.» 1855 г., т. XI, 86 и 87.

142. Сборникъ Н. Путилова, кн. XVIII 40—41. («Спб. Вѣдом.» 1854, № 112).

143. Соч. кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1881, т. VI, 514—515.

144. Изъ письма Непира къ издателю «Times». Арх. Канц. Военнаго Министерства; дѣло № 20—1856 г.

145. «Морск. Сборн.» 1855, сент. См. также соч. Е. Березина «Морская тактика»; Спб., 1880, стр. 204—205.

146. «Морск. Сборн.» 1856 г., май, № 7, смѣсь, стр. 88 и др.

147. Исторія военныхъ флотовъ. Соч. Шабо-Арно; Спб. 1896, стр. 397.

148. Сборн. соч. офицер. Ник. акад. ген. шт., кн. I, 1862, стр. 162.

149. А. А. Генрици показываетъ, что въ 1855 г. число войскъ дошло до 59,206 чел.

150. Д-ръ А. А. Генрици. Холерная эпидемія въ Финляндіи (см. «Военно-санитарное дѣло» за 1885 и 1886 гг.).

151. Въ теченіе 1855 г. госпитали имѣлись: въ Ловизѣ, Або, Фридрихсгамѣ, Экенесѣ, Тавастгусѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, деревнѣ Тюсьбю, Гельсингфорсѣ, Вильманстрандѣ, Вазѣ, Кюмени, Овинскій и др.

152. Обзоръ болѣзней и распоряженій по медицинской части на Балтійскомъ морѣ въ кампанію 1855 г. Докторъ Гауровицъ. Спб. 1856 г., стр. 25—27.

153. «Истор. Вѣстн.» 1891 г., янв., 112, А. Петровъ.

154. «Рус. Вѣстн.» 1888, т. X, стр. 152—154.

155. Грегуаръ, т. III, стр. 535.—Бліохъ. «Будущая война», т. IV, стр. 320.

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

1. Арх. Морск. Мин. Канц. Ген.-Адмир., д. № 24—1853 г.

2. Сборн. «Финляндія въ XIX ст.»; стр. 110.

3. Населеніе Гельсингфорса простиралось тогда до 15 тыс.

4. «Abo Underrättelser», 1854, № 20.

5. «Финл. Газ.» 1904 г., № 35; «Истор. Вѣстн.» 1897, іюль, 105—106 и «Журналъ для чтенія воспит. воен.-учебн. завед.» 1854, № 429.

6. Арх. Статсъ-Секретар.; 1854 г., № 81.

7. Тамъ же.

8. В. Д. Кренке; стр. 162—170.

9. Н. Путиловъ, кн. XIII, стр. 6—7 (изъ «Рус. Инв.» 1855, № 133); кн. XIX, 51 («Сѣв. пч.», 1854 г., № 84).

10. Н. Путиловъ, XXI, 83. Изъ «Сѣв. Пч.» 1854 г., № 84.

11. Н. Путиловъ, кн. XIII, 3; XIX, 51.

12. Арх. Статсъ-Секретар. 1855 г., № 52; Арх. Финл. воен. округа. По описи 1882 г. № 1 (и № 491).

13. «Финл. Газета» 1901 г., № 29.

15. Дѣло Статсъ-секретаріата за № 452. Донесенія губернаторовъ за 1855 г.

16. Финл. Газета 1904, № 37.

17. Арх. Гл. Штаба. Дѣло Инспектор. Департ. 1856 г., № 25.

18. Арх. Главн. Штаба. Дѣло 2 Отд. 1 стола. 1856, № 10.

19. Рапортъ ст.-сов. барона Шернвалль-Валлена отъ 6—18 іюня 1854 г. Арх. Финл. военн. окр., д. № 453 (по описи 1882 г. № 1).

20. Ю. Елецъ. Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Спб. 1898, изд. 2-е.

21. E. Furuhjelm. Ur Finlands Kulturhistoria. H-fors, 1902 г., стр. 68.

22. Н. Путиловъ, кн. XXI, стр. 83; кн. XXII, 398 и 399.

23. Тамъ-же; кн. XXII, 401.

24. Ю. Елецъ. Исторія л.-гв. Гродн. гусар. полка. Спб. 1898 г., изд. 2-е.

25. Авг. Шауманъ; II, 108—110.

26. В. Д. Кренке, стр. 146—148, и А. Байковъ. «Военный сборниикъ» 1867 г., т. V, стр. 134 и 135.

27. Stömborg; стр. 109.

28. Тамъ же; стр. 109.

29. «Сѣвер. Пчела» 1853 г., № 284. Статья казака Егора Иванова.

30. «Морск. Сборн.» 1876 г., V.

31. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. д. 1854 г., № 142 (мнѣніе протокольнаго секретаря Финл. Сената фонъ-Борна). Путешествіе по Финляндіи З. Топеліуса. Гельсингфорсъ, 1875, стр. 46—47; Сборн. «Финляндія въ XIX ст.», стр. 64.

32. Статсъ - Архивъ. Дѣло 1854, № 142 (предписаніе Финл. генералъ-губернатора отъ 27 окт. (8 ноября) 1854 г., за № 1162).

33. Арх. статсъ-секретар. Вел. Кн. Финл. Дѣло 1854 г., № 309.

34. Арх. Канц. Воен. Министерства. 1854 г., дѣло № 33.

35. Тамъ же и дѣло Арх. Статсъ-Секретар. 1854 г., № 309.

36. Шателенъ. стр. 657.

37. Изъ писемъ Абоскаго губернатора. ген.-м. Кронштедта, отъ 17—19 авг. 1854 г. Арх. Финляндск. воен.

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

округа. Бывшій стрѣлокъ 3 гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Исаакъ Эрнбергъ (Örnberg) говоритъ, что аландцы, получивъ ружья, запрятали ихъ и на военные сборы не являлись. Тотъ-же стрѣлокъ разсказываетъ, что въ гарнизонѣ Бомарзунда находилось до 500 финновъ. Часть плѣнныхъ, попавшихъ въ Англію, содержались въ г. Лидсѣ. Тамъ они пробыли годъ и 8 мѣсяцевъ. Держали ихъ довольно свободно, кормили хорошо. Въ плѣну умерло 30 финновъ. На кладбищѣ имъ поставили общій памятникъ. Многіе убѣжали изъ плѣна, но это обстоятельство не безпокоило тюремнаго начальства.—Черезъ Плимутъ плѣнныхъ доставили въ Либаву (Hufvudstadsbladet 1904, № 225)

38. Статсъ-Архивъ Вел. Кн. Финл. Дѣло 1854 г., № 62. Письмо Фуругельма на французскомъ языкѣ.

39. Арх. Финлянд. воен. окр. Дѣло № 9—19 по описи Строев. Отд.

40. Finsk Militär Tidskrift, 1885 г., т. I, стр. 34.

41. Такой же списокъ измѣнниковъ имѣется въ Арх. Финл. воен. окр. Дѣло о поведеніи жителей Аландскихъ острововъ.

42. Въ 40 верстахъ отъ Бомарзунда.

43. Арх. Финл. воен. окр. Дѣло о поведеніи жителей Аландскихъ острововъ. Кромѣ того дѣло № 9—19 по описи Строев. Отд.

44. Н. Путиловъ, кн. XXIV, стр. 305, 307, 319, 321, 327, 330 и др.

45. Léon Guérin; т. I, стр. 180.

46. Н. Путиловъ, кн. XXIV стр. 323 и Морск.Сборн. 1885 г. №№ 5, 9 и 10.

47. Письмо Дашкова изъ Стокгольма отъ 24 авг. (5 сент.) 1854 г.

48. Арх. Главн. Инженерн. Управл. Мемуары второго разряда, № 80.400

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

49. Арх. Финл. воен. окр. Дѣло о поведеніи жителей Аландскихъ острововъ.

50. Арх. Финл. воен. окр. № 9–19, по описи Строев. Отд. Въ бумагахъ адмир. Б. А. Глазенапа сохраняется письмо лейт. барона Бойе отъ 9 (21) сент. 1854 г. въ парохода «Суоми».

51. «Финл. Газета» 1900, № 9 и прилож. къ «Нов. Времени» отъ 18 іюня 1897, № 7652.

52. Семьѣ Эрбома на время плѣна сохранено было его жалованіе.

53. Арх. Гл. Инженер. Управл. Мемуары 2 разр., № 80.150.

54. Арх. Ст.-Секретар.; дѣло 1854, № 24.

55. Арх. Статсъ-Секретар.; дѣло 1854, № 24.

56. Тамъ-же № 23.

57. Дѣла Статсъ-Секретаріата за 1856. Отн. ген.-губ. отъ 4—16 апр. 1856, № 875.

58. Здѣсь почти дословно (въ переводѣ со шведскаго языка) воспроизводятся заявленія проф. Рейна въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о фрондирующихъ финляндцахъ.

59. Одни (преимущественно финноманы) произвсдили это прозваніе отъ безучастія членовъ партіи къ національному возрожденію финновъ; другіе говорили, что кличка эта дана была (Іенишемъ) просто въ насмѣшку, такъ какъ въ числѣ членовъ партіи находился одинъ высокій чахоточный субъектъ.

60. «Воспоминанія Авг. Шаумана», ч. VI, стр. 127 и 128. Докторъ Ильмони молилъ, чтобы гроза войны не сокрушила Финляндіи, а ограничилась тѣмъ, чтобы очистила духовную атмосферу отъ существующей духоты. (См. біографію Рунеберга, составленную Strömborg'омъ т. IV. ч. 4).

VIII. ОТНОШЕНІЕ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

61. «Морск. Сборникъ» 1856 г., № 4, стр. 215 и 216.

62. Н. Путиловъ, кн. XXI. стр. 147.

63. Донесеніе вице-консула Стара изъ гор. Висби на остр. Готландѣ (май 1854 г.)

64. Переписка гр. А. К. Толстого, «Вѣст. Евр.» 1897 г., апр., стр. 608.

65. Разсказываютъ, что однажды позднимъ лѣтомъ 1855 г. почтари неожиданно были замѣчены англичанами, которые въ своихъ красныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ брюкахъ стояли на берегу, недалеко отъ Брендё (въ аландскихъ шхерахъ). Непріятели бросились въ свою лодку и подняли красный флагъ; почтари однако не испугались, а всѣми силами налегли на весла, при поднятомъ парусѣ. Англичане почти настигали ихъ. Почтари причалили къ берегу. Самый сильный изъ нихъ взвалилъ мѣшокъ съ почтой на спину и скрылся въ лѣсу. Англичане захватили лодку, почта же исправно была доставлена въ Або. («Hufvudstadsbladte»; 1903, № 47. Изъ газеты «Aland».

66. «Историч. Вѣстн.» 1901 г., апр. Что Аркасу надлежало (въ августѣ 1854 г.) выйти изъ Свеаборга въ море — подтверждается указаніемъ Арх. Морск. Министерства; дѣло 1854 г. I отд. 2 ст. № 506.

67. «Abo Underrättelser» №№ 46 и 59.

68. Сообщеніе изъ Стокгольма отъ 10 (22) іюня 1854 г.

69. «Инженерн. Журн.» 1866 г., № 5.

70. «Старый морякъ» Шиллингъ говоритъ («Рус. Арх.» 1892 г., т. VII, стр. 291), что на Дальнемъ Востокѣ «кромѣ насъ, англичане забрали еще нѣсколькихъ финскихъ матросовъ съ брига нашей россійско-американской кампаніи. Спасаясь отъ англичанъ, этотъ бригъ хотѣлъ зайти въ

Амуръ съ сѣверной стороны, гдѣ сѣлъ на одну изъ многочисленныхъ мелей этого фарватера. Отъ этихъ финляндцевъ англичане узнали, что русскія суда находятся въ Амурскомъ лиманѣ, входъ въ который большимъ судамъ доступенъ только съ южной стороны, изъ Татарскаго пролива. Капитанъ Стерлингъ былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Хакодате къ своему отцу, адмиралу серу Джемсу Стерлингу, и на пути встрѣтилъ насъ. На пароходѣ англійскіе офицеры относились къ намъ очень любезно. Изъ ихъ разсказовъ мы узнали, что ихъ команды порядочно грабили въ Аянѣ и что, къ сожалѣнію, финскіе матросы имъ не уступали. По словамъ этихъ финновъ, жители Аяна поспѣшно удалились въ лѣсъ, при приближеніи непріятеля, зарывъ пушки и другія вещи... Для отысканія пушекъ англичане ежедневно отправляли команду на берегъ, въ сопровожденіи финскихъ матросовъ, но безуспѣшно...»

71. Письмо изъ Стокгольма отъ 18 (30) мая 1854 г. Въ числѣ лоцмановъ у англичанъ находились нѣсколько шведовъ и русскихъ подданныхъ. Показаніе дезертира Джона Джонсона, сдѣланное въ іюлѣ 1854 г. Изъ бумагъ П. Я. Дашкова.

72. Неудивительно поэтому, что старикъ Квантенъ въ 1903 г. въ грустныхъ стихахъ оплакалъ упраздненіе финскихъ войскъ, названныхъ имъ «сердцемъ» Финляндіи. Въ Швеціи Квантенъ послѣдовательно работалъ противъ Россіи. Но изъ этого не слѣдуетъ заключить, чтобы онъ оставался вѣренъ Швеціи. Въ 1863 г., послѣ смерти датскаго короля Фридриха VII, многіе датчане желали избранія Оскара, бывшаго въ то время герцогомъ Эстергетландскимъ (нынѣ короля Оскара II шведскаго). Противъ этого избранія работали епископъ Монрадъ и графъ Геннингъ Гамильтонъ, а графу «въ этихъ его усиліяхъ помогалъ» Эмиль фонъ-Квантенъ («Финл. Газ.» 1904, № 118—Изъ Gefle Posten).

73. На Карелію обращали вниманіе и другіе финскіе писатели. Такъ, напримѣръ, Эрвастъ въ финской газетѣ «Эхо» доказывалъ, что Кемскій уѣздъ Архангельской губ. необходимо присоединить къ Финляндіи. («Русскій Вѣст.» 1895 г., сент, стр. 309). С. К. Михайловъ. «Юридич. полож. Финл.», 1901 г., стр. 46.

74. Письмо ген. Берга отъ 25 мая 1855 г. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло 1855 г., № 77.

75. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло 1856 г., № 36.

76. Арх. Канц. Воен. Министерства; дѣло 1856 г., № 36, донесенія отъ 15 (27) февраля и 6 (18) мая 1856 г.; а также дѣло 1856 г.. № 20.

77. С. Татищевъ. «Рус. Вѣстн.» 1888, X, стр. 175.

78. Воспом. Авг. Шаумана, т. II, стр. 186.

79. «Litteraturbladet» 1863 г. № 5.

80. Собр. соч. Снельмана, т. VI, стр. 274 (на швед. яз.).

81. Собр. соч. Снельмана, т. VI, стр. 281.

82. Эту рѣчь см. у Михайловскаго-Данилевскаго. Описаніе Финляндской войны 1808—1809 гг.—стр. 506—508.

83. Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи, Спб., 1891 г., стр. 116.

84. Арх. Ст.-Секр. 1856 г., № 36.

85. Воспоминанія Авг. Шаумана, 1893 г., тетрадь 6, стр. 147—149.

86. Воспомин. Авг. Шаумана (на швед. яз.). Гельсингфорсъ 1893, тетрадь № 6; стр. 147—149.

87. Партіи либераловъ возваніе епископа, конечно, не понравилось и въ Стокгольмской брошюрѣ «Finska förholanden» одинъ изъ финляндцевъ выступилъ съ дерзкимъ заявленіемъ, что Императоръ Николай I вовсе не былъ законнымъ повелителемъ Финляндіи. Соч. Рейна. Біографія Снельмана, на шведск. ясыкѣ, II, 179.

88. Путиловъ, XXI, 89 — 90. (Изъ «Сѣв. Пчелы» 1854 г., № 118).

89. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, VI, стр. 417—418.

90. Рус. Арх. 1889, № 4.

91. Н. Путиловъ, XXIV, 289 — 290. (Изъ «Сѣв. Пчелы» 1854 г. № 208).

92. Strömborg, Біографія І. Л. Рунеберга, IV, ч. 4.

93. «Предложеніе, исходившее отъ 10 или 11 легкомысленныхъ жителей Вазы о переименованіи города, послѣ кончины Императора Николая Павловича, въ Николайштадъ произвело дурное впечатлѣніе, вызвавъ «горе и досаду». «Ихъ поступокъ показывалъ, что они забыли услуги, оказанныя Финляндіи Густавомъ Вазой»; писалъ тотъ же Рунебергъ.

94. I. E. Strömborg. —Біографія Рунеберга. H-fors, 1901 г., IV, 4.

95. «Юбилейное торжество 2-го марта 1880 г. при Александровскомъ университетѣ». Рѣчь В. Лагуса (на

VIII. ОТНОШЕНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ КЪ РОССІИ.

шведскомъ языкѣ), стр. 2. А также «Рус. Бесѣда» 1895 г., іюль, стр. 31.

96. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. Дѣло 1855 г. № 6.

97. Эдв. Бергъ. Vår Styrelse; I, 6—9.

IX. ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ И УБЫТКИ.

1. Фр. Неовіусъ. Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіею, Гельсингфорсъ, 1890, стр. 13—14.

2. Дѣла Статсъ-Секретар. Вел. Кн. Финл. 1856, № 86.

3. Въ отчетѣ губернатора убытокъ обозначенъ только въ 50000 руб.

4. Губернаторъ доносилъ, что 112325 р. Нюстадъ потерялъ вслѣдствіе захвата его (29) судовъ, но кромѣ того пожаръ причинилъ убытокъ въ 95539 р.

5. Дѣло Статсъ-Секретаріата за 1856 г., въ № 86.

6. Арх. Ст.-Секр., 1854 г., № 355; 1855 г., № 247 и 1856 г., № 438.

7. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл.

8. Фр. Неовіусъ. «Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіей».

В. В. Каммanъ — Мореходство Финляндіи. Спб. 1899 г., стр. 13.

9. Finlands Skeppskalender för år 1856, utkommen på J. W. Lillja S. C. förslag. Abo Underrättelser 1856, № 43.

Изъ «Finlands Skeppskalender» за 1856 г. (Або, изд. Лилліа). См. также «Морс. Сборн.» 1857 г. февраль. Къ 1-му января 1856 г. Финляндія имѣла 295 судовъ въ 21868 ластовъ.

	Продано было судовъ съ 1 января 1854 г. по 1 янв. 1856 г.		Истреблено и взято непріятелемъ во время войны.	
	суд.	ласт.	суд.	ласт.
Улеборгъ	22 —	3913	12 —	937
Брагестадъ	18 —	3155	11 —	1141
Гамле-Карлебю	7 —	1454	4 —	404
Якобстадъ	14 —	2336	3 —	253
Нюкарлебю	3 —	658	1 —	14
Ваза	8 —	1284	10 —	1547

	Продано было судовъ съ 1 января 1854 г. по 1 янв. 1856 г.		Истреблено и взято непріятелемъ во время войны.	
	суд.	ласт.	суд.	ласт.
Каск-ё	4 —	879	1 —	45
Кристинестадъ	19 —	3406	7 —	864
Біорнеборгъ	21 —	3339	7 —	611
Раумо	6 —	710	5 —	434
Нюстадъ	1 —	171	9 —	665
Нодендаль	4 —	128	—	—
Або	5 —	1257	7 —	1422
Экенесъ	1 —	50	—	—
Гельсингфорсъ	7 —	645	9 —	965
Борго	1 —	72	2 —	92
Ловиза	4 —	319	1 —	150
Фридрихсгамъ	3 —	479	—	—
Выборгъ	10 —	1594	—	—
	118 —	25849	89 —	9544

Потерпѣло кораблекрушеніе съ 1 янв. 1854 по 1 янв. 1856 г. 22 судна—1734 ласта. Эти свѣдѣнія собраны въ 1856 г. Суда менѣе 10 ластовъ вмѣстимостію исключены изъ отчета.—

10. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл.; д. № 166 1856г.

11. Berättelse öfver Storfustendömet Finlands förvalting ifrån år 1855, till början af 1862. H-fors 1862, стр. 138.

12. Тамъ-же; см. еще «Финансовое право Вел. Кн. Финл. въ XIX ст.» проф. Берендтса. Спб. 1900 г., стр. 59—62 и др.

13. Дѣло Статсъ-Секретар. 1856 г., № 8.

14. Тамъ-же.

15. Статсъ-Арх. Вел. Кн. Финл. Дѣло 1856 г., № 166.

Замѣченныя опечатки.

На 2 стран. 8 стр. сверху „освященіе“; надо „освѣщеніе“.
„ 38, 39, 55, 56 и 97 стран. переставлены цифры примѣчаній 15, 16, 58, 59, 21 и 22.
„ 126 стр. въ 7 строкѣ снизу пропущена цифра примѣч. 18.
„ 130 „ Сказано „21 іюня“; надо „21 іюня нов. ст.“.
„ 154 „ 11 стр. снизу „за собой“; надо „за нею“ (Швеціей).
„ 167 „ „Аудиторіатскій“; надо „Аудиторскій“.
„ 297 „ На картѣ сказано англійскія линейныя „лодки“; надо „корабли“.
„ 318 „ 13 стр. сверху „Dayly“; надо „Daily“.

БИБЛИОТЕКА
Ленингр. отделения
Коммунист. Академии
при ЦИК СССР

БИБЛИОТЕКА
Клуба им. Карла Маркса

СОЧИНЕНІЯ
М. М. БОРОДКИНА:

1. Финляндія въ русской печати. Матеріалъ для библіографіи. Спб. 1902 г.
2. Балтійская Финляндія и Финляндская Балтика. М. 1894 г. (Г. Абова).
3. Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права. Спб. 1895 г. (Г. Абова).
4. Густавъ Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія. Спб. 1901 г. (Г. Абова).
5. XXV-лѣтіе Русскаго Дѣтскаго Сада въ Гельсингфорсѣ. Спб. 1898 г.
6. Русскій языкъ въ Финляндіи Спб. 1899 г.
7. Справка о „Конституціи“ Финляндіи. Спб. 1900 г.
8. Юридическое положеніе Финляндіи. Спб. 1901 г. (С. К. Михайловъ).
9. Condition juridique de la Finlande. Paris 1902 г.
10. Война 1854—1855 г.г. на финскомъ побережьѣ. Спб. Изданіе 1903 г.
11. „О Разсказахъ прапорщика Столя“. Гельсингфорсъ 1903 г.
12. Происхожденіе славянофильства. Спб. 1889 г.
13. Всеславянское братство, Спб. 1891 г.
14. Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб. 1897 г.
15. Поэтическое творчество А. Н. Майкова. Спб. 1902 г.
16. Славянофильство Ѳ. И. Тютчева и А. И. Герцена. Спб. 1902 г.
17. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Харьковъ. 1904 г.
18. О поэзіи Ѳ. И. Тютчева. Харьковъ. 1904 г.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

19. О поэзіи гр. А. К. Толстого.
20. О поэзіи Н. А. Некрасова.

